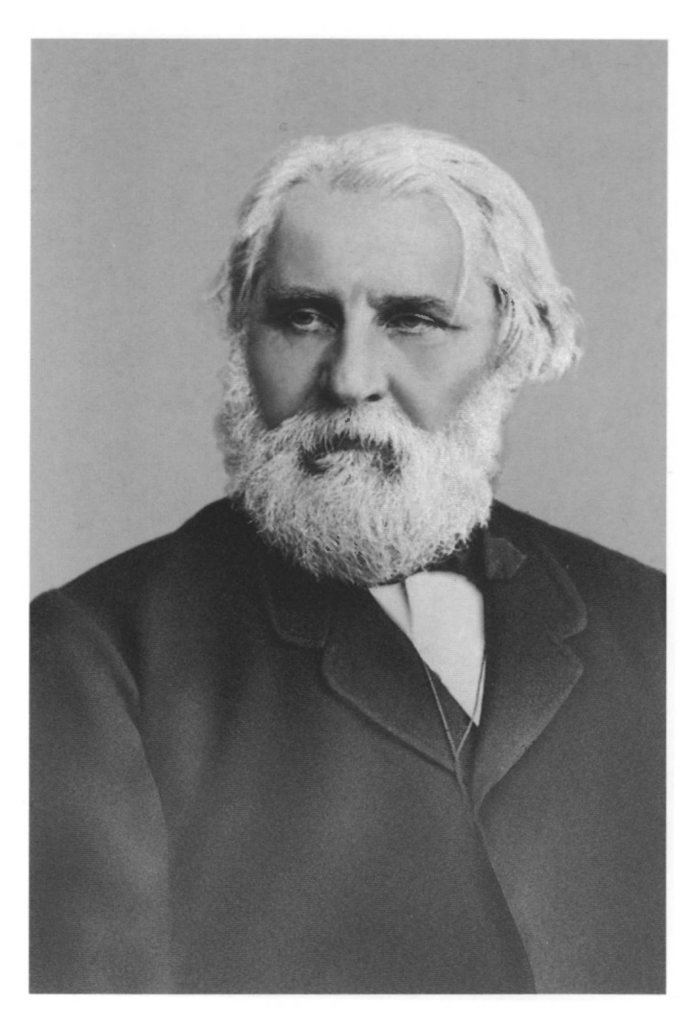
И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

13

Ив. Тургенев

И.С. ТУРГЕНЕВ

Фотография К.И. Бергамаско. 1874 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ПИСЬМА

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

◆

Издание второе,
исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
2002

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

Том тринадцатый

1874

◆

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

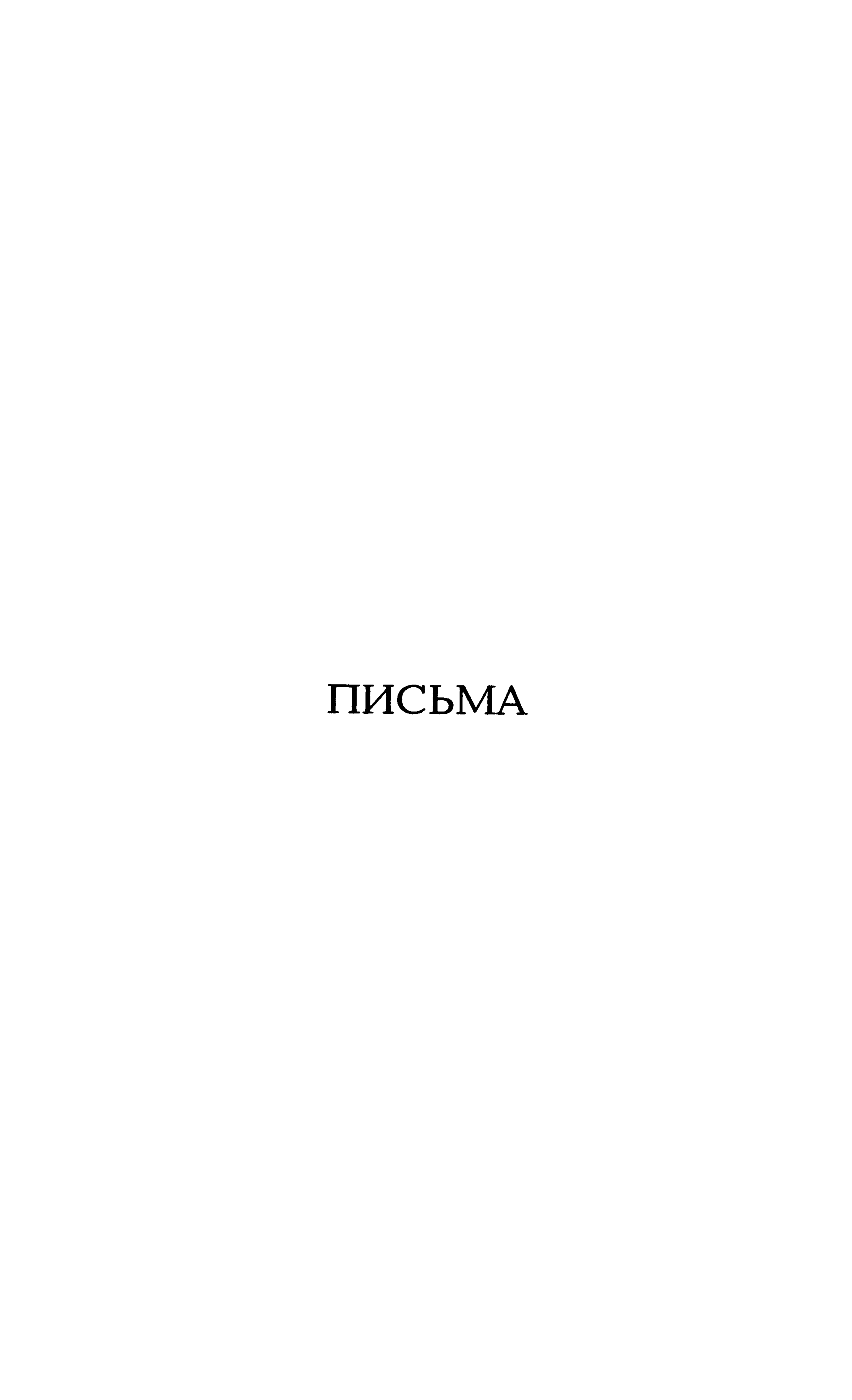
2002

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)1
Т87

Федеральная целевая программа
"Культура России"
(подпрограмма "Поддержка полиграфии
и книгоиздания России")

Подписное

ISBN 5-02-022750-1

ПИСЬМА

1874

3586. ПОЛИНЕ БРЮЭР

1(13) января 1874. Париж

A. Pauline.
Paris. 48, rue de Douai.
Mardi, 13 janv. 74.

Ma chère Pauline,

Je ne t'écris qu'un petit mot pour t'annoncer une lettre que j'ai écrite à ton mari[1] et qu'il te montrera sans doute. Comme il est probable que vous avez déjà parlé et de vos affaires et de la conversation que j'ai eue avec Gaston et Mr Bruère-père — tu n'y trouveras rien de nouveau. Seulement je tiens à te confirmer la résolution que j'ai prise de rétablir ta pension[2] et de l'envoyer directement à toi-même aussi longtemps que les affaires de la verrerie se trouveront dans l'état de marasme, où je les vois. Je ne puis admettre l'idée que vous deux — toi et Jeannette, n'ayez pas de quoi subvenir à vos besoins.

En attendant je vous embrasse toutes les deux et au revoir.

Iv. Tourguéneff.

3587. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

3(15) января 1874. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Donnerstag, d. 15/3. Januar 1874.

Werther Herr,

Auf Ihr Schreiben vom 8-ten Jan⟨uar⟩ habe Ich Folgendes zu antworten. Ich kenne Jemanden, der ganz dazu fähig wäre die Revision der Uebersetzung der "Skizzen" zu übernehmen: es ist der Schriftsteller L. Pietsch in Berlin. Er ist ein vortrefflicher Stylist, ist ein Freund meiner Sachen und kennt sie gut. Der Russischen Sprache ist er nicht mächtig, aber das ist auch nicht nöthig: — für die Worttreue hat gewiss Ihr Uebersetzer gesorgt, und dann würde Ich ja das Manuscript wieder durchlesen. Ich glaube auf Herrn Pietsch'ens Beistand rechnen zu

dürfen, schreibe ihm auch mit heutiger Post und werde mich beeilen, seine Antwort so wie auch die Bedingungen seiner Arbeit Ihnen mitzutheilen[1].

Nach Petersburg komme Ich Anfang März alt. St. — also in zwei Monaten.

Bis dahin, hoffe Ich, wird die Sache abgethan.

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

Ihr ergebener
Iw. Turgénjew.

3588. Ф.Н. ТУРГЕНЕВОЙ

7(19) января 1874. Париж

Voici le "Goloss", chère Mademoiselle Fanny — mais la loi n'y est pas en entier — je vous porterai demain la continuation. Quant à Pierre, je ne vois pas autre chose que *la naturalisation française*[1].

Mais nous en reparlerons.

Lundi. Tout à vous J. Tourguéneff.

3589. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

8(20) января 1874. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Dienstag, d. 20. Jan.
74.

Werther Herr,

Eben bekomme Ich Hn L. Pietsch'ens Antwort auf meinen Brief: er ist gern bereit die Revision der Uebersetzung zu übernehmen, und somit wäre die Sache auf's Beste abgethan[1]. Nur ist Folgendes zu bemerken: er geht als Correspondent der "Vossischen Zeitung" nach Petersburg und bleibt da bis zum 1-ten Februar. (Er ist zu erfragen bei Carl Röttger, Schmitzdorffische Hofbuchhandlung, Newsky-Prospect № 52.) Man müsste ihm also das Manuscript gleich dahin expediren. — Vielleicht wäre es thunlicher, wenn Sie ihm erst einen Brief schrieben (auf obengenannte Adresse), um die Frage der Revision in's Klare zu bringen, da er jedenfalls während seines Aufenthalts in Russland wenig Zeit zum Lesen des Manuscripts haben möchte. Sie würden sich dann nach seiner Antwort richten können. Meinerseits gebe Ich ihm, wie die Franzosen sagen, carte blanche.

Es wäre sehr liebenswürdig von Ihnen, mich über das Resultat zu benachrichtigen.

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

Ihr ergebener
Iw. Turgénjew.

3590. ПОЛИНЕ БРЮЭР

17(29) января 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Jeudi, 29 janv. 74.

Chère Paulinette,

Voici 8 jours que je ne quitte pas ma chambre grâce à une violente grippe qui n'a pas l'air de vouloir me quitter de sitôt. C'est te dire qu'il n'y a plus à penser à la chasse. Je ne sais pas encore quand je pourrai sortir.

Didie ne se marie que vers le 20 ou le 25 du mois prochain[1].

As-tu reçu la lettre que je t'ai écrite et qui se trouvait dans celle de ton mari?[2]

Dès que je pourrai, j'irai te voir; dans les premiers jours de février je t'enverrai probablement 1250 fr-s directement à toi.

Je vous rends à *tous les trois* les embrassements que vous me donnez. Portez-vous bien tous et Dieu veuille que les affaires s'améliorent[3].

Iv. Tourguéneff.

3591. Н.П. ВЕРЕТЕННИКОВУ

17(29) января 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Четверг, 29-го янв. 74.

Любезнейший Веретенников,

Посылаю Вам обратно 2 № "Journal des Débats" (и "Галиньяни"[1]). Рассказец показался мне слабоват[2].

Если время есть, зайдите ко мне послезавтра утром; а то я еще не могу говорить — сейчас принимаюсь кашлять.

Жму руку Вашей супруге и кланяюсь Вам.

Ив. Тургенев.

P.S. Адресс Васильева записан у меня, но я никак не могу его найти — если найду, пришлю тотчас[3].

3592. М.В. АВДЕЕВУ

19(31) января 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Суббота, $\frac{\text{31-го}}{\text{19-го}}$ янв. 74.

Давно я перед Вами в долгу, любезнейший Авдеев — но у меня был в то время, как говорится, хлопот полон рот — старшая дочь г-жи Виардо выходит замуж[1] — и я принимал деятельное участие в этом радостном событии. Но вот выдался свободный денек — и я берусь за перо. Если бы не эта свадьба — я о сю пору был бы уже в Петербурге; теперь же я надеюсь попасть туда в марте или в апреле (что самое позднее) — и, конечно, Вас застану там. На этот раз я думаю довольно долго там остаться; но съютить нашу разрозненную литературу — как Вы пишете — это ни мне, ни кому другому не по силам — особенно теперь. Всё шло вразброд и враздробь — и мы туда же[2].

На днях я посылаю в "Складчину" небольшой рассказец, отысканный мною в старых моих бумагах — весьма, признаться, незначительный[3]. Да другого ничего нет. Начатая мною большая вещь[4] не подвигается вовсе: за границей положительно нельзя писать русских вещей. Затеянный литературный альманах, по всей вероятности, получит *фиаско*; разве из сострадания к самарцам будут покупать читатели[5].

Я с Нового года перестал получать "Биржевые ведомости": больно мало в них было толку. Ваши фельетоны я, разумеется, читал с удовольствием: они уступают прежним этюдам — но все-таки в них виден умный, опытный и гуманный человек[6]. Применение последнего эпитета не часто бывает возможно в наше время. Темное и не совсем даже понятное время наступает на Руси! Я после царской свадьбы ожидал амнистии; но видно, этим pia desideria суждено остаться втуне[7].

Жалко мне очень Вас и Ваших славных ружей! Фирма Гастин-Ренетта всё еще держится; но из парижских оружейников бесспорно первое место принадлежит Ульэ-Бланшару (Houliez-Blanchard). *Новое* ружье Бланшара стоит 1000 фр. Так как я в апреле прибуду в Петербург, то я бы мог привезти Вам ружье — если б Вы вздумали воспользоваться этим. Можно найти здесь ружье хорошее — но не меньше *600* франков.

Засим дружески жму Вам руку и говорю: до свидания!

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3593. П.В. АННЕНКОВУ

19(31) января 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Суббота, 31-го/19 янв. 74.

Милый Павел Васильевич,

Вам известно предприятие, затеянное в Петербурге для голодающих самарцев — я разумею "Складчину". Прилагаемая статейка — мой посильный взнос[1]. Я воспользовался почти уцелевшим наброском и оболванил его. У меня еще в памяти золотые слова, сказанные Вами насчет продолжения "Записок охотника"[2] — но, во-1-х) у меня не было решительно ничего готового — во-2-х) это не продолжение, а восстановление старого и брошенного. От этого оно, конечно, не лучше. Прочтите — и скажите откровенно: можно ли послать, не компрометируя себя. Во всяком случае не замедлите обратной высылкой. "Складчина" эта, вероятно, будет набита сплошь да рядом подобной шелухой — она непременно получит значительное fiasco — но отступиться теперь поздно[3].

Я пишу всё это с тяжелым сердцем — ибо не знаю, в каком положении застанет Вас это письмо. Пожалуйста, дайте знать, чем разрешился тот жуткий вопрос, о котором Вы упомянули?[4]

Здесь всё идет, слава Богу, хорошо. Из России одно пока известие: Фет превратился в Шеншина — т.е. государь возвратил ему право на эту фамилию[5].

Крепко жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3594. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

19(31) января 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Суббота, 31-го/19-го янв. 74.

Любезнейший Михаил Матвеевич, посылаю Вам первые 64 стр. флоберовского романа: всех их будет около 300[1]. Вы видите: вещь небольшая, но, как говорится, "мал золотник, да дорог". Остальные листы будут последователь-

но высылаемы мною. Предисловие я уже начал и тоже скоро вышлю[2]. Условия мои с Флобером следующие: *125 франков* за печатный лист "Вестника Европы" — и во всяком случае (если бы листов оказалось на меньшую сумму) 1000 фр. Надеюсь, что Вы одобрите эти условия — так как я и о Ваших интересах порадел. (Флобер предоставляет себе впоследствии право отдельного издания.) Пожалуйста, чтобы переводчик был — первый сорт[3]. Слог Флобера как из мрамора вырезан — не ударим же мы, россияне, лицом в грязь!

Я непременно (не улыбайтесь!) выезжаю отсюда тотчас после бракосочетания старшей дочери г-жи Виардо[4] — т.е. в начале марта, и, Бог даст, явлюсь к Вам не с пустыми руками. Я еще успею проверить перевод.

Пока дружески жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Искренно преданный Ив. Тургенев.

P.S. По вашему желанию, не франкирую этого письма; но дайте знать о получении.

3595. ГЕНРИ ХОЛТУ

25 января (6 февраля) 1874. Париж

My friend Mr. W. Ralston has transmitted to me your letter with the included check. Unexpected as it was to me, I can francly tell you that seldom or never has anything during all my literary career given me so much unmitigated pleasure. The deep sympathy I always felt for America and the Americans has been accured by it; and the appreciation of your countrymen, testified by your amiable letter, makes me proud and happy[1].

⟨I. Turgeniev.⟩

3596. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

25 января (6 февраля) 1874. Париж

Париж. 25-го января 1874.

Любезный Яков Петрович!

Желая внести свою лепту в "Складчину" и не имея ничего готового, ни даже начатого, стал я рыться в своих старых бумагах и отыскал прилагаемый отрывок из "Записок охотника", который прошу тебя препроводить по принадлежности[1]. Всех их напечатано двадцать два; но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недокон-

ченными из опасения, что цензура их не пропустит; другие — потому, что показались мне не довольно интересными или не идущими к делу[2]. К числу последних принадлежит и набросок, озаглавленный "Живые мощи". Конечно, мне было бы приятнее прислать что-нибудь более значительное; но чем богат — тем и рад. Да и, сверх того, указание на "долготерпение" нашего народа, быть может, не вполне неуместно в издании, подобном "Складчине".

Кстати, позволь рассказать тебе анекдот, относящийся тоже к голодному времени у нас на Руси. В 1841-м году, как известно, Тульская и смежные с ней губернии чуть не вымерли поголовно. Несколько лет спустя, проезжая с товарищем по этой самой Тульской губернии, мы остановились в деревенском трактире и стали пить чай[3]. Товарищ мой принялся рассказывать не помню какой случай из своей жизни и упомянул о человеке, умиравшем с голоду и "худом, как скелет". "Позвольте, барин, доложить, — вмешался старик хозяин, присутствовавший при нашей беседе, — от голода не худеют — а пухнут". — "Как так?" — "Да так же-с; человек пухнет, отекает весь — как склянка (яблоко такое бывает). Вот и мы в 1841-м году все пухлые ходили". — "А! В 1841-м году! — подхватил я. — Страшное было время?" — "Да, батюшка, страшное". — "Ну и что? — спросил я, — были тогда беспорядки, грабежи?" — "Какие, батюшка, беспорядки? — возразил с изумлением старик. — Ты и так Богом наказан; а тут ты еще грешить станешь?"

Мне кажется, что помогать такому народу, когда его постигает несчастие, священный долг каждого из нас.

Иван Тургенев.

3597. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

25 января (6 февраля) 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Friday, Feb. 6-th, 74.

My dear friend,

I frankly avow that very few things in my literary career have given me a pleasure equal to that which I experienced on the reception of Mr Holt's most unexpected and extraordinary letter[1]. America is decidedly the land of eccentricities. I write to-day to this phoenix of an editor — and I will send him a photograph of mine[2] — but I have still another idea which, I hope, you will approve. You have probably heard of an almanac which

has to be published at Petersburg for the sake of the hungry peasants of Samara[3]. I have found in my old papers an esquisse in the manner of the "Записки охотника" — I have just made it out for that almanac — and if you will permit, I'll send it to you. It is a small manuscript of 14 pages. Read it — and if you find it "passable" — would you have the kindness to translate it? I could send it then to Mr Holt as a token and a proof of my gratitude. It is rather indiscreet of me to take away a portion of your time which you want for other more important labours, but 1°). I hope you will not make any ceremonies with me — and very quietly say: *no* — if the thing does not agree ⟨with⟩ you, and 2°) it is a very short bit. Most probably I will send the manuscript to-morrow[4].

I'll show Khanykoff your letter — he was quite right in encouraging you about your lectures[5]. The name of *Ivan* is the only one admissible. I dare say you have shown that Ivan the Ill-d (the grandfather of the Terrible) has been the real founder of the *Moscow* empire[6]. I need not add that I will be very happy to place myself at your disposal for all you will want in the way of information, literary aid, etc, etc.[a]; and do come to Paris; but not later than the 10-th of April — you would not find me here after that time.

It will give me great pleasure to see your excellent translation of "Lisa" republished; but you are quite right: without the pictures, if possible![7]

Believe me, my dear Ralston,

yours very truly, J. Tourguéneff.

На конверте: *Angleterre.* W. Ralston, Esq-re.
London. British Museum.

3598. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

25 января (6 февраля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Пятница, $\frac{\text{6-го февр.}}{\text{25-го янв.}}$ 74.

Вот Вам, любезнейший Михаил Матвеевич, продолжение флоберовского романа; а послезавтра я Вам вышлю конец: всех страниц будет около *300*.

Побаиваюсь за некоторые места — цензура[a] (я разумею собственную) будет необходима — и переводчик дол-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: but.
[a] *Далее зачеркнуто*: будет.

жен будет умненько обходить затруднительные места[1]. Предисловие мое Вы также получите вскоре[2].

Мне было прислано (на мое имя) *два* N-а "Вестника Европы" за янв⟨арь⟩. Я толкую себе этот факт следующим образом: я поручил моему комиссионеру в Петербурге[3] подписаться — а Вы с своей стороны выслали мне экземпляр. Но семейство Тургенева весьма желает подписаться на "В⟨естник⟩ Е⟨вропы⟩" и потому будьте так добры и распорядитесь, чтобы один экз. "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" был впредь высылаем на имя Mr Albert Tourguéneff, rue de Lille, 97 — а мне скажите, сколько я должен с них получить денег за подписку.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный Ив. Тургенев.

3599. П.В. АННЕНКОВУ

26 января (7 февраля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Суббота, 7-го февр. 74.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, прежде всего хочу выразить Вам мою радость, что ничего горестного у Вас в семействе не произошло — и надежду, что Ваш маленький больной поправится и станет молодцом[1]. Возвращенная Вами рукопись уже отправлена в Петербург[2]. Как только я зачитал ту часть Вашего письма, в которой Вы выражаете сомнение насчет одного пассажика, я тотчас же подумал: это он говорит de la tartine sur l'émancipation — так оно и оказалось — и результат был тот, что вышеозначенный пассажик немедленно вылетел вон[3]. Я никогда еще не раскаивался в том, что послушался Ваших литературных советов — и душевно Вас благодарю и вперед поручаю себя Вашему вниманию.

Вчера со мной произошла необыкновенная штука, которую не могу не сообщить Вам. Существует в Америке некий издатель Гольт (Henry Golt), который вот уже лет пять, как печатает переводы моих вещей. Так как между Америкой и Европой никакой литературной конвенции не существует — то Гольт и не подумал попросить у меня никакого уполномочия[a] — тем более, что другие издатели тоже печатали мои вещи. Представьте же мое изу-

[a] Было: уполномочения.

мление: вчера я получаю от этого Гольта письмо, в котором он после многих комплиментов (он употребляет даже слово: enthusiasm!) сообщает мне, что сперва продажа моих вещей шла туго; но что теперь он настолько получил от них барыша, что может послать мне в виде вознаграждения 1000 фр-в — и, действительно: при письме находился вексель *à vue* в 1000 фр. Эта истинно американская грандиозность меня тронула; сознаюсь откровенно, что в течение моей литературной карьеры я не многим был столь польщен. Мне и прежде сказывали, что я, если смею так выразиться, пользовался в Америке некоторою популярностью; но это доказательство во⟨о⟩чию меня таки порадовало[4].

Засим дружески кланяюсь Всем Вашим и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. День свадьбы назначен окончательно 8-го марта[5]; всё пока идет очень хорошо.

3600. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 января (8 февраля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Понедельник, $\frac{\text{8-го февр.}}{\text{27-го янв.}}$ 74[a].

Любезнейший Михаил Матвеевич, в самый момент отправления *конца* "Антония" получаю Ваше письмо[1] и спешу отвечать на Ваши вопросы.

Известная *дама*[2], конечно, представляет собою нечто весьма угрожающее; однако теперь, так как Вы можете обозреть *целое*, опытность Ваша может подсказать Вам — есть ли действительная опасность или нет ее? И, если есть, можно ли ее обойти? Во-1-х) труд, как Вы сами говорите, серьезный — и вознесен в идеальную сферу, которая уже по самому свойству своему менее зазорна; во-2-х) Флобер понимает необходимость уступок — и согласен на неизбежные смягчения и сокращения — лишь бы общий тон и смысл не пострадали[3]. В-3-х) в своем предисловии я всячески постараюсь указать на настоящую точку зрения в этом деле[4]. Возьмите всю *новеллу* и прочтите ее внимательно и в

---

[a] *Так в подлиннике.*

связи; Вы сами увидите, что́ возможно. Во всяком случае не давайте читать *посторонним* лицам.

По мере возможности скоро пришлите решительный ответ.

Книга явится здесь *первого* апреля н. ст.[5] Следовательно, Вы могли бы пустить "Антония" даже в *апрельской* книжке, которая у нас явится *13-го* ч⟨исла⟩ н.с. Я сам *хихикаю*, когда пишу или говорю о моем приезде в Россию; а между тем, к собственному изумлению, я, по всем вероятностям, отъявлюсь у Вас в Питере к 15-му марту.

Я примусь за предисловие — *как только получу Ваш ответ*[6]. Но сознайтесь: замечательнейшая вещь этот "Антоний"! Пока дружески жму руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3601. Н.А. КИШИНСКОМУ

30 января (11 февраля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Середа, $\frac{\text{11-го февр.}}{\text{30-го янв.}}$ 1874.

Любезный Никита Алексеевич,

На письмо Ваше от 9/21-го янв⟨аря⟩[1] имею отвечать Вам, что отъезд мой отсюда замешкался: раньше конца марта я в Петербург не попаду — и потому в Спасское я раньше *конца* апреля по нашему стилю тоже не могу приехать. В эту пору даже в России холод и сырость более не страшны — и потому я совершенно могу удовлетвориться комнатами, находящимися в главном доме, и стеснять Вас в Вашем флигеле не будет никакой необходимости[2].

Здоровье мое продолжает быть удовлетворительным. Радуюсь, что и Ваше поправилось. Если в кассе находятся свободные деньги, пришлите — так как курс теперь весьма хорош.

Кланяюсь всем спасским жителям и желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

3602. И.И. МАСЛОВУ

30 января (11 февраля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Середа, $\frac{\text{11-го февр.}}{\text{30-го янв.}}$ 1874.

Любезнейший друг Иван Ильич, если я еще здесь, а не в России, то на этот раз — пожалуйста, не смейся — причина не во мне, а в отсроченной свадьбе моей любимицы — дочери г-жи Виардо[1]. Она состоится 7-го марта, и две недели спустя я, если буду жив, пущусь в путь — и в апреле месяце буду иметь удовольствие обнять тебя.

Так как у тебя находятся мои акции Рязанской железной дороги — то мне пришло в голову: если на них наросли купоны, то, будь так добр, преврати их в деньги — и пришли ко мне сюда, так как теперь курс стоит хороший — а мне по случаю свадьбы моей милой Диди приходится порядком расходовать. В альманах для самарцев — "Складчину", я послал безделку[2]; как станешь читать, будь снисходителен.

Кланяюсь всем приятелям и дружески тебя обнимаю.

Твой Ив. Тургенев.

P.S. Брат мой не говорил тебе о купце, желавшем приобресть "Кадное"?[3]

3603. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

2(14) февраля 1874. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Sonnabend, d. 14. Feb. 74.

Werther Herr,

Eben bekomme Ich das Manuscript der "Jägerskizzen"[1]. Ich werde mich gleich an's Durchlesen machen. Sie schreiben mir, Ich soll Sie benachrichtigen, dass dasselbe *druckfertig* ist; soll Ich es aber zurücksenden und wohin? — nach Rudolstadt oder nach Riga? Lassen Die es mich gefällig wissen.

Anfang April reise Ich von hier ab[2].

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

Ihr ergebenster
Iw. Turgénjew.

3604. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

5(17) февраля 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Вторник, 17/5-го февр. 74.

Любезный друг Яков Петрович, я очень рад, что мои "Мощи" тебе понравились; будем надеяться, что и публика оправдает твой вердикт[1].

Вполне одобряю твое распоряжение насчет корректуры. Хотя слово "*умный*" в смысле "*умственный*" везде употребляется Священным Писанием ("умные очи" и т.д.) и слышалось мною не раз в устах простых людей — но для избежания недоразумения прошу тебя этот эпитет выкинуть. Тем легче это сделать, что Лукерья говорит: "А мысленный, умный, грех, батюшка?" Оставь один эпитет: "мысленный"[2].

Также выкинь[а] в моем письме к тебе во фразе: "и не имея ничего готового, ни даже начатого" — слова: "ни даже начатого"[3] — тем более, что это не совсем верно. Кое-что начато — правда, *только* начато[4].

Прилагаю тебе фотографию моей любимицы — Claudie. Она выходит замуж через две недели с небольшим. Будущего мужа ее зовут Шамеро (Georges Chamerot) — и хотя он стоит такого счастья, но завидовать[б] ему, точно, можно[5].

Прекрасно делают издатели "Складчины", что начинают с Гончарова, если это ему может доставить удовольствие[6]. Меня могут поместить где угодно.

Я сам удивлюсь, когда увижу себя в Петербурге; но это произойдет, вероятно, в апреле.

Надеюсь, что ты здоров и бодр духом. Кланяюсь всем твоим, крепко жму тебе руку и остаюсь

душевно тебе преданный Ив. Тургенев.

3604[а]. ЖАННЕ ДЕ ТУРБЕ

5(17) февраля 1874. Париж

⟨...⟩ Je suis désolé de ce qui m'arrive... Quand j'ai vu Flaubert avant-hier — et hier encore — j'allais mieux[1]... mais depuis ce matin ça a empiré, et il me serais à peu près impossible de monter un escalier ⟨...⟩.

[а] *Далее зачеркнуто*: фразу.
[б] *Было*: позавидовать.

3605. П.Л. ЛАВРОВУ

6(18) февраля 1874. Париж

48, rue de Douai.
Середа. 6 часов вечера.

Любезнейший Петр Лаврович, сейчас возвращаюсь домой и нахожу Вашу записку. Разумеется, весьма желаю Вас видеть и предлагаю Вам следующее: приходите завтра в 11 часов в Café Riche на бульваре — мы там вместе позавтракаем и побеседуем "de omnibus rebus"[1]. Эдак, я полагаю, будет лучше всего — но увидаться непременно надо.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

P.S. "Вперед" я получил и весьма желаю получить № 2. Я Вам писал о получении — вероятно, письмо не дошло[2].

3606. П.Л. ЛАВРОВУ

7(19) февраля 1874. Париж

48, rue de Douai.
Четверг. 12 часов.

Если б Вы были в моей комнате пять минут тому назад, любезнейший Петр Лаврович, Вы бы увидали меня бьющим себя по лбу и восклицающим по-гоголевски: "Ах я телятина!"[1] — ибо у меня непостижимым образом испарилось из головы мое обещание прийти сегодня в Café Riche к 11 часам[2] — где Вы, вероятно, меня прождали. Приношу Вам мои искреннейшие извинения — и прошу позволения явиться к Вам завтра — уж прямо на квартеру — в 11 же часов[3]. Пожалуйста, не взыщите на мою забывчивость и верьте чувствам уважения и преданности Вам.

Ив. Тургенев.

3607. П.Л. ЛАВРОВУ

9(21) февраля 1874. Париж

48, rue de Douai.
Суббота, 21-го февр. 74.

Любезнейший Петр Лаврович, я вчера сгоряча обещал немножко более, чем позволяют мои средства: 1000 фран-

ков я дать не могу — но с удовольствием буду давать ежегодно 500 фр. до тех пор, пока продержится Ваше предприятие, которому желаю всяческого успеха. 500 фр. за 1874-й год при сем прилагаю[1].

Буду ждать 2-го тома[2]. Желаю Вам счастливого пути в Англию — а главное — да поможет Вам судьба свить себе там прочное гнездышко![3] Поклонитесь от меня Ральстону да Лопатина не забудьте прислать[4].

Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Я выезжаю отсюда 15-го апреля.

3608. ПОЛИНЕ БРЮЭР

10(22) февраля 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Dimanche, 22 fév. 74.

Chère Paulinette,

Je ne t'ai pas écrit jusqu'à présent parce que j'attendais un mot de ton mari par rapport à la chasse. Maintenant je me vois, à mon grand regret, obligé de te dire qu'il me sera impossible de venir à Rougemont *avant* le mariage qui aura lieu vendredi le *6 mars* (à la mairie) et *samedi le 7* à l'église[1]. J'irai te voir dès *le 9* et je resterai une couple de jours.

D'ici-là j'espère que tout ira bien chez vous. Ma santé s'est remise. Je suis très content que les sels de Carlsbad fassent du bien à Madame Innis: tu lui diras mille choses de ma part.

Je t'embrasse ainsi que Jeannette et Gaston. Ayez un peu de patience.

Iv. Tourguéneff.

3609. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

10(22) февраля 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Sunday, 22 Feb., 74.

My dear friend,

I thank you very much for your good intentions about my "безделка" — but I still fear that the reading of the manuscript will give you much trouble. Moreover "il va de soi" — as the French say — that you will *not* translate the thing — if it should

not please you. We both are above such ceremonies, I hope[1].

I would be very glad to have some details about your Oxford readings. Will it come in the papers? If so, have the goodness to send me some[2].

I would be very flattered to have a degree conferred on me by the illustrious University of Oxford; but is it not too ambitious and would not the public ask: who is the man — and wherefore this honour?[3] I will certainly come to England if Mr Hall (Bullock) repeats his invitation of last year — partridge shooting begins on the 1-st of September — so I would come about the 20-th or 25-th of August[4]. But at this epoch of the year there is nobody at the Universities, I suppose.

The marriage of Mme Viardot's daughter takes place on the 6-th of March — and all the house (and I too) is overwhelmed with all kinds of business[5]. But it is a joyous excitement. My health is good. So is yours, I hope. Au revoir in Paris — and believe me

yours very truly, Iv. Tourguéneff.

На конверте: *Angleterre.* W. Ralston, Esq-re.
British Museum. *London.*

3610. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

10(22) февраля 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Воскресение[a], $\frac{\text{22-го}}{\text{10-го}}$ февр. 1874.

Я получил Ваше письмо[1] и пакет с флоберовским романом, любезнейший Михаил Матвеевич! Не могу сказать, что я *слишком* удивился подобной развязке: я знал, что это — штука трудная, я надеялся, авось проскочит! Оказалось, что не проскочила. Жаль — а делать нечего. Возвращу корректуры по принадлежности[2].

Некоторой, хотя слабой, заменой нашей неудачи может послужить Вам следующие известие: я *окончил вчера* назначенную для "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" повесть[3] — сегодня примусь за переписку — и через две недели пакет отправится к Вам в Петербург. Только эта повесть — не тот большой затеянный мною роман[4], который решительно стал *ни тпру, ни ну* — как лошадь с норовом: эта повесть неболь-

---

[a] *Было*: четверг.

шая, в 3 печатных листа. Я убедился, что с романом я пока не слажу — и взялся за нее. Будем надеяться, что она вышла порядочная. Вы можете *несомненно* рассчитывать для нее в апрельскую книгу "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩"[a, 5].

Вы мне не написали, что я должен получить с Тургеневых за высылаемый экземпляр "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩". Пожалуйста, не забудьте[6].

Кстати, прошу Вас выслать мне "Год"[7].

А в апреле мы увидимся — как это ни кажется невероятным!

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3611. П.В. АННЕНКОВУ

11(23) февраля 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Понедельник, 23/11-го февр. 74.

Я все эти дни часто думал о Вас, любезнейший Анненков; во-первых, потому, что желал бы услыхать от Вас утешительную весточку насчет Павла[1]; во-вторых, потому, что прочел в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩" Вашу прекраснейшую статью о Пушкине[2]; в-третьих, наконец, потому, что окончил (tandem!) небольшую повесть для "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩"[3] — и переписываю ее, с тем чтобы отправить ее на Ваше обсуждение[4]. В силу всех этих пунктов напишите мне слова два, которые бы меня порадовали.

Свадьба моей милой Claudie совершается 6-го марта, т.е. в будущую пятницу[5]. Весь дом (и я также) исполнен радостной — и несколько грустной — тревогой. Нелегко терять такое сокровище — но мысль, что оно попадет в хорошие и достойные руки, приносит отраду. Да и, наконец, ведь и ей надо жить — и эгоизм в этом случае неуместен и должен умолкнуть.

15-го апреля я уезжаю отсюда — и, вероятно, через Ниццу[6]. Но до того времени мы неоднократно обменяемся письмами. Поклонитесь от меня Львовым и прочим знакомым. Дружески жму Вам руку и кланяюсь всем Вашим.

Любящий Вас Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

3612. ХЬЯЛМАРУ БОЙЕСЕНУ

12(24) февраля 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Tuesday, 24-th Feb., 74.

My dear Mr Hjalmar Boyesen,

I have just received, almost simultaneously, both Mr Howell's book you sent me — the perusal of which I began instantly[1] — and your cordial and affectionate letter[2]. I need not tell you how gratified I feel of the sympathy of the American public for my writings[3]; I told you over again during your stay in Paris[4] in what high esteem I hold your countrymen; I only wish now to assure you once more that I had the greatest pleasure in making your acquaintance and that I will follow with great interest every step of yours in the literary career now opening before you.

I reckon on your promise to send me your book as soon as it is out[5].

One of my strongest wishes is to go myself and visit your country — the New World which is to the Old one what Future is to Present or to Past — and I do hope, before quitting this earth, I shall fulfil this wish of mine[6]. But in the meanwhile allow me to express to you through this letter the assurance of my affectionate sentiments and my warm remembrances to all known and unknown friends I may have on the other side of the Atlantic.

Believe me, my dear Sir,

yours very truly, Iv. Tourguéneff.

P.S. I will remain in Paris till the 20-th of April, after which I shall be away for three or four months spent mostly in Russia. I hope to hear from you before I leave France[7].

На конверте: Etats Unis *d'Amérique.*
Hjalmar H. Boyesen. Esq-re.
Ithaca. N⟨ew⟩ Y⟨ork⟩. *U⟨nited⟩ S⟨tates⟩.*

3613. ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

13(25) февраля 1874. Париж

Paris.
48, rue de Douai.
Wednesday, 25-th Feb. 74.

Dear Mrs Lewes,

I have to thank you for your very kind and most flattering letter[1].

You may well fancy, dear Madam, both the pleasure and pride I felt in reading it. — To have written something approved of by *George Eliot*, that is to say by one of the greatest and most sympathetic authors of our time — is gratifying indeed — and again I thank you for what you have said.

I have a great wish to return to England and by so doing, have some hope of seeing you. I regret much having been unable to go last year to Mr Hall's, the more so when you tell me I would have been fortunate enough to have met you there; but perhaps that pleasure may be given me next autumn[2].

I transmitted to Madame Viardot the kind passage of your letter concerning her — and she wishes me to say you that she too keeps a vivid remembrance of the day when, through her singing, she was able to please one, whose noble and pure talent she most admires.

Pray, dear Mrs Lewes, be so kind as remember me to your husband very cordially — and accept for yourself the affectionate expression of the admiration, with which I remain

Yours very truly

Ivan Tourguéneff.

3614. Г.Н. ВЫРУБОВУ

24 февраля (8 марта) 1874. Париж

48, rue de Douai.
Воскресение, 8-го марта 74.

С удовольствием принимаю Ваше предложение, любезнейший Вырубов — но буду просить Вас отложить обед до *субботы* — так как я обещал Стасюлевичу в ответ на его телеграмму[1] выслать ему повесть[2] в *четверг* — и потому должен работать, как вол. Ханыков, которого я встретил у Тургеневых, предупрежден: он просил назначить субботу. На-

деюсь, что этот день Вам пригоден. Если Вы ничего не скажете, значит: да.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3615. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

24 февраля (8 марта) 1874. Париж

48, rue de Douai.
Dimanche matin.

Chère Madame Tourguéneff,

Il m'est impossible d'aller vous voir aujourd'hui — il m'est venu un petit abcès dans *le nez* (j'en souffrais déjà hier à l'église) et maintenant il faut que j'attende la fin de cette petite misère. J'espère pouvoir aller demain ou mardi au plus tard pour causer de votre résolution qui, je l'avoue, me remplit d'étonnement encore plus que d'admiration[1]. En attendant je vous serre bien cordialement la main.

Votre tout dévoué J. Tourguéneff.

3616. П.В. АННЕНКОВУ

25 февраля (9 марта) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Понедельник, 9-го марта 1874.

Милый друг,

Третьего дня совершился брак моей любимицы[1]. Вчера молодые приезжали на минутку — и до того сияли счастьем, молодостью, веселостью, что наш брат, человек нервический, не выдержал и заплакал. Спешу сообщить Вам эту радостную весть, зная наперед, как сильно и искренне будет Ваше сочувствие. Вся семья дружески кланяется Вам и Вашей супруге.

Надеюсь, что ментонский воздух окончательно восстановил Павлика[2]. Напишите словечко. Сегодня письмо мое будет коротко: я устал от всех этих волнений — да и к тому же я обещался в ответ на телеграфический вопль Стасюлевича[3] выслать ему свою повестушку[4] в *четверг* (а сегодня понедельник!!!), и мне придется писать, писать, не разгибая горба, целые часы. Во всем этом меня сокрушает то, что я не буду в состоянии послать к Вам на суд мое детище — Вам, моему Миносу, Радаманту и Эаку[5] в одном лице! Ка-

жется, это в первый раз случается. Боюсь, что это отзовется на самом детище, которое довольно хило. Но делать нечего!

Я выезжаю отсюда *20-го апр⟨еля⟩* и до сих пор всё еще мечтаю о том, что поеду на Ниццу[6].

Пока будьте здоровы; обнимаю вас всех.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. К довершению всех треволнений у меня сел чирей — где Вы думаете? В носу! Удивительно эффектно.

3617. И.И. МАСЛОВУ

25 февраля (9 марта) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
25-го февр. / 9-го марта 1874.

Милый друг Иван Ильич!

Третьего дня моя несравненная Диди (дочь г-жи Виардо) вышла замуж![1] Ты можешь себе представить, в каких хлопотах и в каком радостном волнении я был всё это время. Теперь оба молодые так счастливы, что даже смешно и трогательно глядеть на них. При таких обстоятельствах ты, конечно, извинишь меня, что я не тотчас отвечал на твое письмо[2] с приложенным векселем, по коему я деньги немедленно получил. Вполне одобряю твои распоряженья — и благодарю, благодарю![3]

Я выезжаю отсюда (это уже наверное — разве смерть помешает) через 6 недель — и, почти не останавливаясь в Петербурге, проеду в Москву, где опять, если ты позволишь, воспользуюсь твоим гостеприимством. Тогда же мы потолкуем о Кадном и о прочих делах.

Я отправил небольшой рассказец в "Складчину"[4] — а послезавтра[a] посылаю повестушку в "Вестник Европы"[5]. Поручаю оба хиленьких произведения твоему снисхожденью.

Передай мой дружеский поклон московским приятелям. Дружески тебя обнимаю.

Твой Ив. Тургенев.

---

[a] *Было*: завтра.

P.S. Я узнал из газет о смерти Александры Балтазаровны[6]. Бедная старуха в последнее время была в тягость себе и другим — а всё жаль, по человечеству.

3618. ПОЛЮ БУРЖЕ (?)

25 февраля (9 марта) 1874. Париж

48, rue de Douai.
Lundi, 9 mars.

Mon cher Paul,

Si vous voulez assister à la répétition générale du "Candidat" qui a lieu demain mardi[1], soyez à midi et demi très précis à la porte du Vaudeville (ou au café idem) et attendez-moi.

Salut et fraternité![2]

Iv. Tourguéneff.

3619. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

25 февраля (9 марта) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Понедельник, $\frac{\text{9-го мар.}}{\text{25-го фев.}}$ 74.

Любезный брат,

Я третьего дня получил твое письмо[1] — и если не тотчас отвечал, то причиною этому хлопоты по свадьбе моей милой Диди (дочери г-жи Виардо), которая наконец благополучно совершилась третьего дня[2]. Слухи о моем нездоровье лишены основанья; у меня был грипп — как у всех. Теперь я совсем поправился и через месяц собираюсь в Россию, где, конечно, тебя увижу.

Вчера вдова Николая Ивановича Тургенева вместе с сыном уехали в Россию хлопотать об освобождении своего второго сына от военной повинности. Она ищет купить квитанцию (рекрутскую), так как теперь уничтожено в этом вопросе различие сословий. Она бы заплатила хорошие деньги. Может быть, у тебя есть таковая квитанция. В таком случае дай знать — в Петербург, hôtel de France, Альберту Николаевичу Т⟨ургене⟩ву, и приложи свой адресс. Ты можешь сделать в одно и то же время и доброе дело и хорошую аферу[3].

Желаю тебе всего хорошего, начиная со здоровья, обнимаю тебя и остаюсь

любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3620. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

27 февраля (11 марта) 1874. Париж

48, rue de Douai.
Mardi, 11 mars 1874[a].

Cher Monsieur,

Il m'a été impossible jusqu'à ce moment de lire le manuscrit que vous avez bien voulu me confier[1]; aussi, pour vous épargner une course inutile, je vous prierai de remettre votre visite jusqu'à vendredi matin.

Je vous envoie en même temps le Leconte de Lisle[2] et les feuilletons du "Journal de St.-Pétersbourg" qui m'ont beaucoup intéressé[3].

Acceptez, cher Monsieur, l'expression de mes meilleurs sentiments.

Iv. Tourguéneff.

3621. ПОЛИНЕ БРЮЭР

28 февраля (12 марта) 1874. Париж

Paris. 48,
rue de Douai.
Jeudi, 12 mars.

Chère Paulinette,

Décidément, je suis baptisé d'eau de morue. Depuis ce matin un violent accès de goutte s'est déclaré dans mon pied gauche. Combien de temps cela durera-t-il? C'est ce que je ne sais pas — mais pour le moment je suis condamné[a] à l'immobilité la plus complète. Je t'écrirai dès qu'il y aura un changement — en[б] attendant je vous embrasse tous les trois.

Iv. Tourguéneff.

---

[a] *Так в подлиннике.*

[a] *Было*: forcé.

[б] *Далее зачеркнуто*: et pour le moment.

3622. А.Н. ПЫПИНУ

2(14) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Суббота, 14/2-го марта 74.

Милостивый государь Александр Николаевич!

Начинаю с извинения, что не тотчас ответил Вам[1] — но у меня был, как говорится, хлопот полон рот. С великой охотой передам Вам письма Белинского ко мне: их, впрочем, немного — так как во всё время нашего знакомства мы почти постоянно жили в одном городе. Письма эти находятся (со всей моей корреспонденцией) в Бадене. Отправляясь отсюда в Петербург в конце апреля, я должен буду ехать через Баден — и возьму там эти письма, которые привезу с собою и отдам Вам при личном свидании. Душевно радуюсь Вашему намерению положить первое основание биографии Белинского[2], для этого дела Вы уже точно the right man in the right place.

Извините неразборчивость моего почерка, пишу Вам в постели, в которую уложил меня сильный припадок подагры.

Поклонитесь Стасюлевичу — и скажите ему, что я непременно сдержу свое обещание: если бы этот припадок пришел только днем позже, моя статья[3] была бы уже в его руках.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

3623. Н.А. КИШИНСКОМУ

3(15) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Воскресение, 15/3-го марта 74.

Любезный Никита Алексеевич,

Я получил Ваше письмо[1] с приложенной ведомостью — а дня два спустя прибыло письмо от Варшавского кредитного общества, по которому я немедленно получил здесь 6800 с чем-то франков. Полагаю, что это те 2000 р., о которых Вы пишете и которые Вы не выслали через Ахенбаха. Оказывается, что передача денег этим новым путем и быстрее, и выгоднее.

Вам на месте лучше судить, следует ли передать нашу школу в ведение земства. Десятину дать не мудрено; главное, какие будут результаты? Уполномочиваю Вас поступить по Вашему благоусмотрению[2].

Я получил от Федора Лобанова[3] из Тулы весьма витиеватое письмо, в котором он уведомляет меня, что он потерял две накладные в 100 р. сер. с лишком (он состоит при товарной станции железной дороги в Туле бухгалтером) — и умоляет меня спасти его. Напишите ему от моего имени, чтобы он подробно сообщил Вам, в чем дело — и вышлите ему 50 р. сер., ибо больше я сделать никоим образом не могу.

Сам я пишу Вам это в постели. У меня сделался припадок подагры, но, кажется, не особенно сильный. Я всё надеюсь через месяц выехать отсюда и в конце апреля быть в Петербурге.

Желаю Вам всем всего хорошего.

Ив. Тургенев.

3624. А.А. ФЕТУ

4(16) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Понедельник, $\frac{16\text{-го}}{4}$ марта 74.

Любезнейший Афанасий Афанасьевич, каким-то чудом (французская почта чрезвычайно исправна — не то что английская) Ваше письмо с уполномочением Толстого прибыло в rue de Douai только вчера — т.е. через с небольшим три недели![1] Мне этот факт, в сущности, только потому неприятен, что он мог внушить Вам мысль, что я не умел оценить готовность, с которой Вы исполнили мою просьбу. А я и Вам, и Л.Н. Толстому очень благодарен. Теперь уже сезон на исходе — но я все-таки постараюсь поместить в "Revue des 2 Mondes" или "Temps" его "Три смерти" — а к осени непременно напечатаю "Казаков"[2]. Чем чаще перечитываю я эту повесть, тем более убеждаюсь, что это chef-d'œuvre Толстого и всей русской повествовательной литературы. Надеюсь, что он совсем поправился в своем здоровье[3].

Здесь у нас в доме стоял дым коромыслом — Диди 10 дней тому назад вышла замуж[1] — и теперь юная чета блаженствует и радует нас, стариков. Потом случилась вещь неприятная: ко мне после 16-ти месячного молчания вернулась подагра, и вот уже целая неделя, как я не схожу с дивана или постели. Что делать! Терпение — больше ничего не

остается. Со всем тем мой отъезд в Россию не откладывается. Полагаю выехать отсюда в конце (здешнего) апреля. Нынешним летом мы увидимся наверное[5].

А до тех пор желаю Вам всяческого благополучия на всех Ваших поприщах: хозяйственном, судебном, педагогическом, литературном — жму Вам крепко руку — и прошу передать Марии Петровне мой усердный поклон.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3625. П.В. АННЕНКОВУ

6(18) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Середа, 18-го марта 74.

Прежде всего, любезнейший Павел Васильевич, позвольте от души поздравить Вас с окончательным выздоровлением Павлика: я сочувствовал Вашей тревоге и anxiété — теперь сочувствую Вашей радости[1]. Надеюсь, что теперь всё пойдет как по маслу.

Здесь нечто вроде Элизиума[2]: молодые наши упиваются всею сладостью медового месяца[3]. Я один несколько дисгармонирую: чирей в носу сменился серьезным припадком подагры в ноге — и вот уже неделя, как я не могу пошевелиться. Первые две ночи были сокрушительны — но, кажется, припадок не намерен выказать особую злость, благодаря карлсбадским водам.

Третьего дня я с горестью на сердце отправил Стасюлевичу свой рассказ, имя коему "Пунин и Бабурин"[4]. Я имею "misgivings" насчет этой вещи: едва ли она удалась мне; к тому же она — первое мое произведение, не прошедшее под орлиными глазами Вашей критики. У меня есть еще слабая надежда. Если бы Стасюлевич отложил печатание до *майской* книжки "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩", то он бы успел еще прислать мне копию (о чем я его прошу) — и я бы успел послать копию эту Вам; но сегодня по нашему счислению 6-го марта; 8-го или 9-го рукопись будет в Петербурге — до 1-го апр⟨еля⟩ останется еще три недели с лишком, к сожаленью! Нечего делать! Придется опять стать мишенью гаерству "Гражданина", "Московских ведомостей" и т.д.[5]

Статью в "М⟨осковских⟩ в⟨едомостях⟩" о "Креолке" я не читал[6] — но в пришедшем вчера 2-м N-е "Русского вестника" есть огромная статья г-на А., уже прямо направленная против Вас — и в том же духе[7]. Булгарин redivivus! Но Кат-

ков почище Булгарина — даже в прямом, булгаринском, смысле. Всё это — пена, только грязная, и пока она играет на поверхности — она марает.

Я пробовал читать "Пугачевцев" Сальяса; но мне этот стиль как-то особенно претит — и я бросил[8].

Да, батюшка, жизнь уж точно не шутка; и я вполне понял, что Вы должны были ощутить при виде полумертвого А. Толстого — и полуживых графини и Жемчужникова. Кого тешит эта трудно и скучно разыгранная трагикомедия?[9] Вопрос! Жаль мне Толстого — как отличнейшего человека; как писатель — он ужасен почти столько же, сколько его двоюродный брат[10].

Ханыков едет отсюда в пятницу прямо в Ниццу; он взял Ваш адресс и сообщит Вам свежие известия о нашем здешнем житье-бытье.

В Ниццу я — точно — вряд ли попаду; но во всяком случае увижу Вас в Бадене на возвратном пути из России и Карлсбада — т.е. в июле месяце[11].

Если Вы в Ницце увидите Львовых, передайте им мой поклон.

Целую Ваших деток, кланяюсь Вашей супруге — и крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3626. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

6(18) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Середа. 18/6-го марта 74.

Отвечаю на твое довольно унылое письмо, дорогой Яков Петрович, начинающееся весьма красивыми и симпатичными — хотя тоже не очень веселыми стихами. Ты, действительно, находишься, в положении довольно затруднительном — дай Бог, чтобы твое "лавирование" довело тебя наконец до пристани![1] Только если эта пристань — Некрасов, ох как ненадежна она! Сообщаемая тобою фраза о "необходимости посоветоваться с сотрудниками" показывает только то, что он даже не потрудился переменить свои надувательские приемы в последние пятнадцать лет. Слышал и я эту фразу, слышали и другие из тех же жуликовских уст[2].

Неужели у тебя с Стасюлевичем всё порвано? Я в конце апреля непременно прибуду в Петербург, и если твой "Келиот" о ту пору всё еще будет без приюта и если он так

хорош, каким я себе его воображаю — то я[a] постараюсь сблизить тебя с "Вестником Европы", который все-таки наш первый журнал и платит исправно[3]. Потерпи, что делать! Терпел больше.

Но слово — терпение — как нельзя лучше применяется ко мне в настоящую минуту. Меня снова посетила подагра — и вот я более недели лежу или сижу дома без ноги — и неизвестно, когда и чем это разрешится, хотя на вид припадок менее злобен, чем обыкновенно. Но ведь подагра недаром женского роду; прекапризная болезнь!

А что же "Складчина"? Подвигается — или застряла окончательно? Я думаю, что во всяком случае это предприятие получит фиаско[4].

Засим желаю тебе удачи в твоих мореходных изворотах[5], кланяюсь всем твоим и дружески жму тебе руку.

Твой Ив. Тургенев.

P.S. Ты уже знаешь, что Фет превратился в Шеншина?[6]

3627. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

6(18) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Середа, 18/6-го марта 1874.

Третьего дня, любезнейший Михаил Матвеевич, отправил я Вам мою повесть. Полагаю, что она еще успеет попасть в апрельский № "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩"[1] — однако если бы Вы распорядились иначе, то покорнейше прошу Вас о следующем:

Немедленно велеть, разумеется на мой счет, переписать ее и прислать мне эту копию сюда. Это первое мое произведение, которое попадает в печать, не подвергнувшись критике моих приятелей — а в особенности П.В. Анненкова, которому я всегда давал читать мои рукописные вещи — и советы которого были всегда чрезвычайно дельны и драгоценны для меня[2]. Если "Пунину и Бабурину" суждено явиться в свет не раньше мая, то я успею еще отослать рукопись к Анненкову в Ниццу — и, получив его замечания, сделать нужные сокращения, прибавления или варианты, которые бы я столь же поспешно препроводил

---

[a] *Далее зачеркнуто*: конечно.

Вам, так чтобы Вы имели их под рукою задолго до напечатаиия самой повести. В то же время я попросил бы и Вас с совершенной откровенностью и бесцеремонностью сообщить мне Ваши собственные замечания и критики[3].

Надеюсь, что Вы исполните мою просьбу — и во всяком случае известите меня, в какой № "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" попадет моя работа — в апрельский или майский?

Начало биографии Белинского в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩" прекрасно — скажите это от меня А.Н. Пыпину[4]. Он несомненно попал в тон.

Будьте здоровы — дружески жму Вам руку — я всё еще не могу наступить на ногу.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3628. ПОЛИНЕ БРЮЭР

8(20) марта 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Jeudi, 20 mars 1874[a].

Chère Paulinette,

Il faut que nous continuions — toi et moi — de prendre patience. Voilà 8 jours que la goutte m'a happé, et je ne puis encore poser le pied à terre — je sautille dans ma chambre à l'aide de deux béquilles. L'enflure a diminué – mais il est impossible de dire, quand je serai guéri.

La petite caisse apportée par Mme Innis part aujourd'hui — ainsi que les petites bottines demandées.

Lundi tu recevras 500 f-s. En attendant je vous embrasse tous les trois.

Iv. Tourguéneff.

3629. В.С. КАШИНУ

8(20) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Четверг, 20/8-го марта 74[a].

Милостивый государь Владимир Северианович,

На Ваше письмо от 2-го марта[1] имею ответить, что с великой охотой согласен на Ваше предложение и очень буду рад, если комиссия, при которой Вы состоите секретарем[2],

---

[a] *Так в подлиннике.*

найдет в моих сочинениях что-либо достойное попасть в издание для народа.

Считаю долгом, однако, попросить Вас заявить о Вашем желании[б] г. книгопродавцу Федору Ивановичу Салаеву, которому я продал право на издание моих сочинений. Препятствий с его стороны я, конечно, не ожидаю — но дать свое согласие без его ведома не могу[3].

Позволю себе рекомендовать комиссии "Записки охотника", "Муму" — и особенно "Постоялый двор"[4].

Что же касается до условий — то выгораживаю себе одно: ничего не прибавлять к моему тексту. Сокращать же самый текст дозволяется сколько угодно — и даже без предварительного спроса[5].

Засим прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности

Вашего покорного слуги Ив. Тургенева.

3630. А.Ф. ОНЕГИНУ

8(20) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Четверг, 20/8-го марта 74[а].

Любезный друг, Вы мне отдадите деньги при свидании (которое будет иметь место недель через 5 или 6) — или когда вздумается[1]. В этом нет ничего *злодейского* — но удивительна музыкальная ярость, овладевшая Вами! Петь и играть на скрипке в одно и то же время — это что-то баснословное[2]. Впрочем, у каждого человека свой тарантул. Меня, напр., ужалил тарантул живописи — и, как я некогда говорил моим друзьям: "Если вы услышите, что говорят о лучшей в свете собаке — знайте, что это говорят о моем Пэгазе" (что было совершенно справедливо), так я теперь говорю: "Знайте, что лучший пэизаж (из новых) написан Диазом и находится он — rue de Douai, 48 — и составляет собственность И.С. Тургенева". Приедете Вы в Париж, посмотрите — и сами скажете: "Да, это лучший пэизаж на свете!"

Я приобрел несколько других картин — но этот Диаз есть перл![3]

Британец — глупенький, но добренький, написал мне письмо по-русски — и очень всем доволен. Ну и прекрасно![4]

[б] *Далее зачеркнуто*: господину издателю.

[а] *Так в подлиннике.*

Большой роман положен под сукно — где тут брать примером В. Гюго![5] Что же касается "93-го года" — то я[б] даже и не хотел бы брать его примером, ибо сей роман — белиберда трегубая, как вся проза Гюго. Я таких элукубраций читать не могу. Можете рубить мне голову[6].

Небольшой рассказ выслан мною Стасюлевичу для "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩"[7] — еще меньший отправлен в "Складчину"[8]; теперь я сижу над третьим, крошечным, для "Недели"[9]. Не говорите этого Рагозину — он мне не поверит — я его столь часто (против воли!) надувал — но это несомненно. Я надеюсь дней через 5 его выслать — и таким образом покончить с требованиями российской литературы.

Засим желаю Вам быть здоровым, не толстеть и найти наконец свою ось[10].

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3631. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

9(21) марта 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Sonnabend, d. 21. März 1874.

Liebster Freund,

Seit 10 Tagen habe ich die Gicht im linken Fuss — und kann mich nicht rühren: das will aber nicht viel sagen. Seit zwei Wochen ist Didie — Frau Chamerot[1] — und ist von einem solchen Glück — und Jugend — und Liebe — und zartkeuschem Wollust-Glanz umgeben, dass es nicht zu beschreiben ist: das will viel sagen! Ich bin durch und durch Kunst-Barbar und Amateur geworden — und habe mir (unter anderen Bildern!) eine Waldlandschaft von Diaz angekauft[2], die alles Existirende überstrahlt! — das will auch etwas sagen! Sonst geht alles sehr gut: die Litteratur geht nämlich gar nicht — und die ganze Familie ist gesund.

In fünf Wochen sehen wir uns — ganz gewiss — wenn wir Beide am Leben sind — und wenn man Sie in Berlin *antreffen* kann, was keine leichte Sache zu sein scheint — seit einiger Zeit!![3] Denn ich muss nach Russland — aus hundert Rücksichten — und aus Vorsicht. Diesen Calembourg erkläre ich Ihnen mündlich[4].

Grüssen Sie die ganze Berliner Welt. Was Julian Schmidt betrifft, so sagen Sie ihm, dass ich mich zu seinen Füssen im

---

[б] *Далее зачеркнуто*: бы.

Staube wälze — aus lauter Scham und Schande, ihm so lange nicht geschrieben zu haben! Aber ich trage ihn in meinem Herzen, wie die Franzosen sagen, ihn und seine liebenswürdige Frau.

Grüssen Sie auch Ihre Frau und leben Sie alle recht wohl — und auf Wiedersehen.

Ihr I. Turgénjew.

P.S. A propos, junger Prinz! Warum haben Sie dem H. Müller-Strübing ausgeschwatzt — was ich Ihnen von Manuel's *linkhändiger* Familie sagte? Der geht nämlich ganz ruhig zu Manuel hin und spricht ihm davon. "Wer hat Ihnen das gesagt?" — brüllt Manuel. "Pietsch", — sagt Müller. "Und wer hat es dem Pietsch gesagt?" — heult Manuel. "Turgenjew", — sagt Müller. "So müsst ihr auf alle Ewigkeiten ihre verfluchten Mäuler halten, ihr Schwätzer, — stöhnt Manuel, — denn sonst bin ich in London compromittirt — ein todter Mann — und habe keine einzige Schülerin mehr!"[5] Müller schweigt und geht und trinkt Bier; und ich — ich wasche den Kopf meinem altbewährten Freund Lodovico Ariosto Pietschio[6].

3632. ФЕРДИНАНДУ ЛЁВЕ

9(21) марта 1874. Париж

Empfangen Sie meinen Dank für den Kryloff[1]. Ich habe mich gleich an's Lesen gemacht. Es freut mich sehr meine vollkommene Zufriedenheit mit Ihrer Uebersetzung aussprechen zu können ⟨...⟩. In Rußland hat Ihre Arbeit grösste Anerkennung gefunden: wollen wir hoffen dass auch das deutsche Publikum an unserem Lafontaine Geschmack finden wird. Meine letzte Novelle ist erst vorgestern nach Petersburg in Manuscript abgegangen[2] ⟨...⟩ und wenn Sie es der Mühe werth halten, jene Novelle zu übersetzen so gebe ich bereitwilligst Ihnen hiezu die Autorisation ⟨...⟩[3]

Empfangen Sie, werther Herr, die Versicherung meiner aufrichtigen Hochachtung.

Ihr ergebener Iw. Turgénjew.

3633. Е.И. РАГОЗИНУ

14(26) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Четверг, 26/14-го марта 74.

Любезнейший Рагозин, мне несколько совестно посылать такую бедную лепту вместо обещанного рассказа[1] — но, поверите ли, и это я едва выжал из моих, кажется, окончательно засыхающих мозгов. Надеюсь, что к напечатанию моей статейки не будет никаких препятствий; всё это написано крайне объективно, "sine ira et studio"[2]. Имею всего *две* к Вам просьбы:

1.) порадеть, чтобы не было опечаток;

2.) непременно напечатать всю вещь в *одном* №; раздробив ее, Вы лишите ее и той малой доли интереса, которую она может иметь.

О каком-либо вознаграждении не может быть и речи.

Засим говорю Вам: до свидания в апреле, крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Я бы очень был Вам благодарен, если бы Вы *немедленно* известили меня о получении манускрипта.

P.S.S. Также прошу о напечатании и пересланиии мне сюда 6 отдельных оттисков.

3634. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

15(27) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Пятница, 27/15-го марта 74.

Начинаю с извинения, любезнейший Михаил Матвеевич, в том, что причинил Вам столько забот и хлопот; будем надеяться, что предмет их, моя повесть, не окажется слишком недостойным тех экстраординарных мер, к которым Вы должны были прибегнуть[1] — и что продолжение и конец ее произведут на Вас такое же впечатление, как и начало, которое Вы прочли.

Благодарю заранее за лишнюю корректуру — и прошу велеть напечатать 10 отдельных оттисков. Мы о цене не говорили: она остается прежняя.

Вас Пушкин не может занимать более, чем меня — это мой идол, мой учитель, мой недосягаемый образец — и я,

как Стаций о Виргилии, могу сказать каждому из моих произведений: "Vestigia semper adora"[2]. А потому я с великим нетерпением ожидаю присылки обещанного тома. Для меня было бы большою честью попасть в эту библиотеку[3] — и я с своей стороны даю Вам всевозможные уполномочения; но, я полагаю, в этом вопросе решающий голос принадлежит не мне, а Ф.И. Салаеву, московскому книгопродавцу, которому я продал новое издание моих сочинений. Надо будет обратиться к нему. Но об этом мы еще успеем поговорить при личном свидании — ибо, что ни говорите и как моя катковка[4] меня ни мучай, это свидание состоится и не позже как в конце апреля.

А до тех пор будьте здоровы — Вы и Ваш журнал — не попадайтесь в зубы ни болезни, ни... ничему прочему[5]. Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Кстати о Пушкине: что это за омерзительная статья в "Русском вестнике" г-на А. (Авсеенко?) об анненковском этюде?[6] Это перебулгарило Булгарина — перекатковило Каткова — outherods Herod![7] Г-н А. напоминает мне изречение Ривароля: "Il fait tache sur la boue"[8].

3635. П.В. АННЕНКОВУ

15(27) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Пятница, 27-го марта 74.

"Не сбылись, мой друг, пророчества"[1] и т.д.

Вчера, любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, получил я от Стасюлевича письмо[2], в котором он рассказывает мне, какие он сверхъестественные усилия употребил для того, чтобы рассказ мой появился в *апрельской* — а не в *майской* книжке "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩". Alea jacta est! Нечего делать! Я уверен, что Вы указали бы мне на слабые точки, ficelles — всё это придется отложить до отдельного издания — вследствие чего, прошу Вас, как только Вы получите и прочтете апрельский №, сообщить мне все свои "Bedenken"[3].

Ханыков — действительно монумент, индийская пагода или даже божество, но человек хороший[4].

Статья Авсеенко есть действительно мерзость № 1 (а мы-то, невинные люди, воображали, что этакого роду критика с Булгариным сказала свое последнее слово) —

впрочем, она возбуждает омерзение даже в противном лагере. Вы, вероятно, в Ницце получаете (если читаете) "Голос" — а то бы я послал Вам вырезку из фельетона, в котором протестуют против этого безобразия[5]. (То же было в "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостях⟩"[6]. Нечего и говорить, что я по приезде в Петербург и встречному и поперечному буду[a] толковать о том, до какой степени всё это гадко (я уже писал об этом[7]) — но в конце концов система В. Милютина — "маленечкого плевания" — едва ли не лучшая[8]. Не сомневаюсь в том, что тут трудится Маркевич, прозванный сладкожопым (статья в "Мос⟨ковских⟩ вед⟨омостях⟩" подписана *Б.*, т.е. Болеслав) — но мы с ним не состоим в переписке[9].

Тургеневы добыли себе в Петербурге квитанцию за *7000 р. сер.*! — и возвращаются сюда[10]. Посылаю Вам по этому поводу как étude de mœurs вырезку из полицейской моск⟨овской⟩ газеты, сообщенную мне братом. Обращаю Ваше внимание на *дешевизну сельдей*[11].

В Ниццу я точно не попаду — а в Бадене увидимся непременно, если будем живы[12]. Проклятая моя подагра опять разыгрывается — и я боюсь *решюты*[13]. Вот 2 недели с лишком, как я не выхожу из комнаты.

Засим кланяюсь всем Вашим и дружески Вас обнимаю.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3636. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

15(27) марта 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Пятница, 27/15-го марта 1874.

Милый брат Н⟨иколай⟩ С⟨ергеевич⟩, в ответ на твои письма[1] имею тебе сообщить, что Тургеневы достали квитанцию — правда, не за *25 000* р. (вместе с *дешевыми сельдями*[2]) — но за, впрочем, весьма почтенную сумму 7000 р. Их на днях ждут обратно сюда[3].

На этот раз не могу сообщить тебе утешительных известий о моем здоровье. Две недели тому назад у меня возобновилась подагра в левой ноге и до сих пор меня сильно терзает. Но я все-таки не покидаю намерения через месяц отправиться в Россию и надеюсь увидеть тебя *до* Карлсбада, куда я попаду в начале июля.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* говор⟨ить⟩.

Посылаю тебе желаемую тобою фотографию[4]. Она прескверная — но у меня другой здесь нет. В России существуют гораздо лучшие.

Дружески тебя обнимаю.

Твой любящий брат Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie*. Moscou. Monsieur N. Tourguéneff.
В Москву. На Пречистенке,
в собственном доме.
Его высокоблагородию
Николаю Сергеевичу *Тургеневу*.

3637. ПАУЛЮ ГЕЙЗЕ

21 марта (2 апреля) 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Donnerstag, d. 2. April 74.

Lieber Heyse,

Mein langes-langes Stillschweigen ist ganz unverzeihlich; das weiss ich, versuche auch nicht es zu entschuldigen — nur ein wenig ⟨zu⟩ erklären. Es zerfällt nämlich in 3 Perioden. In der 1-ten hatte ich Ihren Roman nicht gelesen[1]; in der 2-ten hatte ich gelesen, wollte täglich schreiben — wurde aber von der Faulheit verhindert, es zu thun; in der 3-ten schwieg ich — aus Scham, so lange geschwiegen zu haben. Das scheint paradoxal — ist aber gans richtig. Nun komme ich natürlich zu spät — der Erfolg Ihres Romans ist wie die alte französische Republik — "aveugle qui ne la voit pas" — Sie sind in's Russische übersetzt worden — und von meinen Landsleuten eifrig gelesen[2] — ich verdanke auch manche schöne Stunde Ihrem Buch — aber es geschieht Ihnen wie mir: wir beide schreiben keine Romane, nur verlängerte Novellen[3]. Ich brauche Ihnen das nicht länger auseinanderzusetzen — Sie wissen alles das so gut wie ich — ich drücke Ihnen nur die Hand — und sage: Bravo — und Vorwärts! Aber nun kommt das Eigentliche.

Haben Sie Flaubert's neuestes Werk — "La Tentation de St Antoine" bekommen? Ich habe es Ihnen geschickt, denn der Autor ist mein intimer Freund — und das Buch ist sehr originell und bedeutend — und ich möchte für mein Leben gern, dass grade das deutsche Publicum es würdige und den Verfasser — dem die hiesigen Critiker gram sind — aufmuntere — und nun können Sie meinen heimlichen Wunsch errathen? Gefällt Ihnen

das Buch, so schreiben Sie doch einen Artikel darüber, mein lieber Heyse. Ein Wort von einer Autorität wie Sie — würde schwer in's Gewicht fallen. Dem Flaubert würden Sie eine grosse Freude machen — und mir auch. Jedenfalls lassen Sie mich wissen, was Sie von dem Buche denken[4].

Ich habe den Winter in Paris zugebracht — und reise jetzt nach Russland (Anfang Mai). Den Juli Monat bring ich in Carlsbad zu — und reise dann im August nach Paris zurück — über München, wo ich Sie aufsuchen werde[5]. Ihr Haus muss ja längst fertig sein — und der Vogel sitzt gemüthlich in seinem hübschen Nest, nicht wahr? Grüssen Sie Frau Heyse bestens — und empfangen Sie Versicherung meiner aufrichtigsten Anhänglichkeit.

Ihr I. Turgénjew.

3638. ПАУЛЮ ЛИНДАУ

21 марта (2 апреля) 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Donnerstag, d. 2. April 74.

Mein Herr,

Ich habe nicht die Ehre Ihrer persönlichen Bekanntschaft — hoffe aber, dass mein Name Ihnen nicht unbekannt geblieben ist, da ich auch sonst mit Ihren zwei Brüdern, Richard und Rudolph, in langjährigen Freundschaftsverhältnissen stehe[1]. Der Zweck des gegenwärtigen Briefs ist folgender: ich möchte Ihnen das neu erschienene Werk meines Freundes G. Flaubert — "La Tentation de St Antoine" auf's beste empfehlen. (Sie werden es wahrscheinlich schon bekommen haben.) Ich bin ein fleissiger Leser der "Gegenwart"[2] — und freue mich jedesmal auf Ihre Artikel, die ebenso geistreich und witzig sind, als sie eine gründliche Kenntniss des französischen Wesens bekunden[3]. Es würde Flaubert gewiss sehr schmeicheln, eine Recension seines Werks in der "Gegenwart" von Ihrer Feder zu sehen[4].

Meinerseits kann ich nur sagen, dass ich die "Tentation" für ein höchst bedeutendes Werk halte — und hoffe, dass auch Sie diese meine Ansicht theilen werden.

Indem ich Sie wegen des vielleicht etwas Indiscreten meiner Anfrage um Entschuldigung bitte, verbleibe ich mit der ausgezeichnetsten Hochachtung

Ihr gehorsamer Diener Iwan Turgénjew.

3639. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

21 марта (2 апреля) 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Donnerstag, d. 2. April 74.

Lieber Pietsch,

Sie werden baldigst das Buch meines Freundes, G. Flaubert, "La Tentation de St Autoine" bekommen — oder vielleicht haben Sie es schon. Lesen Sie es — und wenn, wie ich nicht zweifle, es Ihnen gefällt — so machen Sie sich darüber mit Ihrer feinen und geistreichen Feder — und schreiben Sie einen recht pompösen Artikel — wofür ich Ihnen auf's höchste dankbar sein werde. Lassen Sie mich wissen, in welcher Zeitung jener Artikel erscheinen wird[1].

La casa Viardot — ist gesund und wohl — meine Gicht hat mich beinahe verlassen — und in drei Wochen reise ich ab und sehe Sie — deo volente — in Berlin[2]. Unterdessen leben Sie recht wohl — und grüssen Sie die Familie und Freunde.

Ihr I. Turgénjew.

3640. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

21 марта (2 апреля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Четверг, 2 апреля 74.

Мой дорогой друг,

Пич, вероятно, говорил вам о том всепоглощающем раскаянии, которое гложет меня из-за моей вины перед вами[1]. Теперь я хочу, во-первых, еще раз просить у вас прощения, а во-вторых, рекомендовать вам горячо книгу моего друга Флобера "La Tentation de St Antoine" (вы получите ее, либо уже получили)[2]. Надеюсь, что это значительное произведение понравится вам и, кроме того, надеюсь, что вы напишете о нем статью[3]. Не стану говорить о том, насколько важно было бы для автора суждение такого авторитетного человека, как вы. Сделайте это, мой дорогой доктор, и я воздвигну вам в своем сердце целый памятник с благодарственным алтарем посреди!

Должен сказать, что мне книга Флобера чрезвычайно нравится — abstraction faite de l'amitié, как говорят французы.

Через три недели (это не шутка!) я уеду из Парижа в Россию и проеду через Берлин[4]. Надеюсь тогда вас увидеть, а пока шлю искренние, добрые пожелания вам и сердечные приветы госпоже Шмидт.

Ваш Ив. Тургенев.

3641. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

21 марта (2 апреля) 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Donnerstag, d. 2. April 74.

Werthester Herr!

Sie werden höchst wahrscheinlich ein Buch aus Paris bekommen haben — "La Tentation de St Antoine" — und wundern sich vielleicht, was das eigentlich heissen will? Ich komme, das Rätsel zu lösen.

Der Verfasser dieses sehr merkwürdigen und bedeutenden Buchs, G. Flaubert — ist mein alter Freund. Er möchte gern, dass sein Buch von competenten critischen Autoritäten in Deutschland recensiert wäre und ich möchte ihm gern den Dienst erweisen — und die Sache ermöglichen. Nach Berlin und München habe ich geschrieben — aber in Wien kenne ich keinen Recensenten![1] Nun sehen Sie schon, was ich eigentlich im Schilde führe! Haben Sie die Güte und überreichen Sie das Flaubert'sche Buch, nachdem Sie es gelesen haben, was Ihnen gewiss viel Freude machen wird — irgend einer Celebrität oder Capacität — mit einer freundlichen Empfehlung Ihrerseits: ein guter Artikel wird geschrieben, das Publikum aufmerksam gemacht — und wir beide, Flaubert und ich, sind Ihnen zu Dank verpfichtet[2]. Nicht wahr, Sie thun das, lieber Herr Laube?[3]

Ende Juni oder Anfang Juli (spätstens) komme ich nach Carlsbad. Werde ich das Vergnügen haben, Sie dort zu treffen? Es würde mich sehr freuen, die vorjährige Bekanntschaft zu erneuern und fortzusetzen[4].

Unterdessen drücke ich Ihnen herzlich die Hand und verbleibe mit aufrichtigster Hochachtung

Ihr ergebenster I. Turgénjew.

3642. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

21 марта (2 апреля) 1874. Париж

Paris, 48, rue de Douai.
Thursday, 2-d of April, 74.

My dear friend,

I come to ask you a service (as it is often enough my wont). My friend G. Flaubert has just published his remarkable book — "La Tentation de St Antoine"[1]. He would be very glad to have it reviewed by competent critics in England. Will you have the kindness to name me — say *two* of them (in the "Athenaeum", "Contemporary Review", etc.) to whom the book should be immediately sent?[2] I would be very thankful to you for a quick answer.

"La Tentation" — is one of the most striking things I ever read.

And how is it with your trip to Paris? In three weeks I leave France.

Accept a cordial shake hands from yours

very truly, J. Tourguéneff.

P.S. Have you not just published something in the "Contemporary Review"?[3]

На конверте: *Angleterre.* W. Ralston, Esq-re.
British Museum. *London.*

3643. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

21 марта (2 апреля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Четверг, $\frac{\text{2-го апр.}}{\text{21-го март⟨а⟩}}$ 74.

Любезный брат, сообщенное тобою известие[1] о присланных 1000-е фр. совершенно справедливо — и объясняется так: пользуясь отсутствием всякой литературной конвенции между Россией и Америкой, мои тамошние издатели печатали переводы моих сочинений, не платя мне ни копейки; наконец, совесть их заговорила — и они мне прислали вместе с весьма лестным письмом эти 1000 фр. в виде вознаграждения, тем более любезного, что никакой закон их к этому не принуждал[2]. Признаюсь, что было мне очень приятно. Вот и всё.

Из слов твоих я могу заключить, что ты собираешься ехать в Карлсбад ранее, чем я ожидал. Очень было бы жалко, если бы я тебя не застал. Сам я буду в Ка́рлсбаде в начале июля. Я не думаю, чтобы хорошо было начать лечение в Карлсбаде прежде 10-го или 15-го июня.

Во всяком случае я надеюсь застать тебя еще там, так как шестинедельное пребывание необходимо[3].

Дружески тебя обнимаю.

Любящий тебя Ив. Тургенев.

3644. ЛЮДВИГУ ФРИДЛЕНДЕРУ

21 марта (2 апреля) 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
d. 2. April 74.

Werthester Herr,

Ich muss mich ordentlich schämen, wenn ich bedenke, wie lange ich Ihnen einen Brief schuldig bin! Es ist ganz unverzeihlich — und deswegen will ich auch keine Rechtfertigung versuchen, appellire einfach an Ihre Güte.

In drei Wochen verlasse ich Paris und reise über Berlin und Königsberg nach Russland. Diesmal werde ich gewiss alles thun — um das Vergnügen zu haben, Sie zu sehen und zu sprechen; ich schreibe diesen Brief aber nicht bloss[а] in der Absicht, Sie davon zu benachrichtigen; die kleine Schlange, die "in herba latet" ist folgende. Sie werden wahrscheinlich in den nächsten Tagen das' eben erschienene Buch meines Freundes Flaubert "La Tentation de Saint-Antoine" bekommen; ich habe es Ihnen geschickt und möchte es dem geistreichen und gründlichen Kritiker G. in der A⟨ugsburger⟩ "Allgemeinen Zeitung" auf's wärmste empfehlen[1]. Das Werk ist, meines Erachtens, höchst bedeutend; wenn Sie, wie ich es hoffe, diese meine Ansicht theilen — und auch sonst es der Mühe werth halten, diese literarische Erscheinung zu besprechen — so würden Sie meinem Freund sehr viel Freude machen — und mich zu Dank verpflichten[2]. Und somit — dixi et animam meam salvavi.

Ich wohne hier im Hause Viardot; der ganzen Familie geht es wohl und sie lässt bestens grüssen. (Die "lettre de faire part" des freudigen Ereignisses, der Hochzeit der ältesten[б] Tochter[3] — haben Sie wohl bekommen?) Mir geht es so ziemlich: in der let-

---

[а] *Далее зачеркнуто:* darum und.

[б] *В подлиннике:* eltesten

zten Zeit hat mich die Gicht etwas gezwickt. Und Sie, werther Herr Professor, was thun Sie Gutes? Wie steht es mit der Gesundheit? Ein paar Zeilen Antwort würden mich herzlich freuen.

Auf Wiedersehen jedenfalls — und empfangen Sie die Versicherung der aufrichtigen Hochachtung und Ergebenheit.

Ihr Iw. Turgénjew.

На конверте: *Allemagne du Nord.*
Herrn Professor Dr. Friedländer zu *Königsberg.*

3645. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

23 марта (4 апреля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Суббота, 4-го апр. / 23-го марта 74.

Любезный друг Яков Петрович, твои письма часто меланхоличны — но последнее, на днях мною полученное, совсем окрашено в черный цвет[1]. Впрочем, сообразив все сообщенные тобою обстоятельства, трудно ожидать другого, более веселого, оттенка. От души желаю, чтобы твой "Келиот" нашел себе приют хотя в "Русском вестнике" — и чтобы труды твои не пропали даром[2]. В случае же неуспеха принимаю твое предложение отдать твою поэму мне — и жив быть не хочу, если по приезде в Петербург не найду ей приличного и выгодного помещения. А приеду я в Петербург непременно в конце этого месяца или в начале мая.

Вычитанное мною известие о публичном чтении моего рассказа очень мне было неприятно; ты сам можешь легко понять, как мало этот рассказ годится для такой выставки — да и кто сей О.Ф. Миллер, который будет читать? Бесцеремонно — нечего сказать... а впрочем, всё это важности не имеет[3].

В апрельском №-е "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" появится моя небольшая повесть[4], которая, вероятно, также получит фиаско. Кое-что в ней есть — но, говоря по совести, этого "кое-чего" немного.

Желал бы я тебя заочно приободрить — право. Только не валандайся ты с этим архижуликом Некрасовым — и, главное, не жди ты от него ничего — как от козла![5]

Засим будь здоров — жму твою руку — и кланяюсь твоей жене.

Преданный тебе Ив. Тургенев.

3646. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

23 марта (4 апреля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Суббота, $\frac{\text{4-го апр.}}{\text{23-го марта}}$ 74.

Любезнейший Михаил Матвеевич, не можете ли Вы мне прислать один или два экземпляра "Пунина и Бабурина" *до* появления апрельской книжки — т.е. как только листы будут отпечатаны? Если это возможно, Вы бы очень меня обязали[1].

Завтра я Вам пошлю несколько строк о флоберовской "Tentation de St Antoine" — которая появилась здесь и возбуждает нечто вроде негодования. Если еще будет время, поместите эти строки где-нибудь в конце В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩[2].

Засим желаю Вам всего хорошего, жму Вам руку — и: *до свидания*!

Ваш Ив. Тургенев.

3647. П.В. АННЕНКОВУ

27 марта (8 апреля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
8-го апреля 1874. Середа.

Любезнейший Анненков, во-первых, примите мое сердечное поздравление с восстановлением детского гама и шума. Так как я всегда, а теперь по случаю издания дешевого Пушкина особенно, проникнут нашим единственным поэтом — то, думая о Вас, невольно повторяю стих: "И звукам жизни жадно внемли"[1]. Говорят, дети, сильно болевшие в ранних летах, надолго застрахованы: да сбудется это слово и над Вашим Павликом.

Книгу Бакунина[2] с сею почтою Вам посылаю — для назидания и поучения — а книгу Маркса[3] выпишу Вам из Лондона и тоже немедленно перешлю. Бакунина я, действительно, прочел от доски до доски — что, впрочем, нетрудно, ибо вещь написана бойко — и не мог не воскликнуть: "Блаженство безумия!" Впрочем, это "безумие" принесло ему изрядный капиталец: он теперь в Лугано сделался собственником, rentier — и, кажется, удалился от треволнений житейских[4].

В "Голосе" опять заступаются за Вас по поводу г-на А[5]. Но так как Вы не потребовали высылки первого фельетона — то полагаю, что и этот Вам не нужен. А я сочинил на г-на А. следующее довольно дубоватое, но злобное четверостишие:

"По морде б я его ударил —
Но тратить с ним не буду слова...
Перекатковил он Каткова —
Булгарина перебулгарил!!"

"He outheroded Herodes", — сказано у Шекспира[6].

Уезжаю я отсюда 29-го апр⟨еля⟩ — и прямо через Берлин в Россию. В конце *июня* я в Карлсбаде — а в начале *августа* у Вас в Бадене под гостеприимным кровом г-жи Анштетт, Богу изволящу![7]

Трепещу я немножко за мою повестушку; но Вы смотрите, всю правду — нагишом![8]

Засим обнимаю Вас — и целую деток, кланяюсь Вашей супруге.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3648. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 марта (8 апреля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.

Середа, 8-го апр. / 27-го марта 74.

Любезнейший Михаил Матвеевич, я получил Ваше письмо[1] — и радуюсь, что мои чудаки Вам понравились. Посмотрим, что скажет публика[2].

Кстати о "Живых мощах". Дайте, пожалуйста, знать гг. издателям, что мне было бы весьма приятно получить здесь экземпляр "Складчины", которая, по журнальным объявлениям, должна выйти завтра[3].

С Флобером у нас неудача. Я, как обещал Вам, написал маленькую статейку о нем — положил ее в куверт, запечатал — и, к удивлению моему, нашел ее сегодня на моем столе. Посылать ее теперь нет смысла[4]. Постараюсь написать что-нибудь побольше и посерьезнее для майской книжки[5].

Деньги Вы мне не высылайте — а *вручите мне их по приезде* в Петербург[6]. Так-то, батюшка! Совершаются на свете вещи неслыханные: дурачок Брольи[7] управляет

Францией — и я в конце апреля отъявлюсь в Петербург. После этого — что есть невозможного, спрашиваю?

До свидания — и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3649. П.В. АННЕНКОВУ

30 марта (11 апреля) 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Суббота, 11-го апр. 74.

Посылаю Вам, любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, небольшой рассказец, помещенный мною в "Неделе", которой я больше года тому назад обещал повесть и от которой не знал, как отделаться[1]. Вам этот эпизод, кажется, известен. Поэт Г. — Гервег[2]. "Alliance" еще не пришла из Лондона[3]. Впрочем, всё обстоит благополучно. Подагра меня почти покинула. Перевод "Живых мощей" появился в "Temps"[4] — и по этому поводу Тэн (Taine) написал мне энтузиастическое письмо!!![5]. Вот не думал-не гадал.

Кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

3650. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

1(13) апреля 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Понедельник, 1/13-го апр. 74.

Вчера получил я оттиск "Пунина и Бабурина", любезнейший Михаил Матвеевич, за что приношу Вам мою благодарность[1]. Опечаток нашел я всего две — и то неважные; но все-таки прошу Вас упомянуть о них в майской книжке[2]. Вот они:

Стр.:	*Строка*:	*Напечатано*:	*Читай*:
566	19 снизу	извиняюсь	изъясняюсь
586	5 сверху	ясно	явно

Остается выжидать, что скажут читатели[3].

Радуюсь успеху "Русской библиотеки"[4] и "Складчины"[5].

Дружески жму Вам руку — и до свидания *в первых числах мая* — или последних апреля.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Вы были так любезны и распорядились насчет "Складчины"? Даровых экземпляров никому не дают (и совершенно справедливо) — а потому прошу Вас заплатить.

3651. ЖОРЖ САНД

3(15) апреля 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Mercredi, 15 avril 1874.

Chère Madame Sand,

Aussitôt après avoir reçu votre lettre, j'ai écrit à l'ami Plauchut pour le prier de me faire faire la connaissance de M. Rollinat[1]. Je serai heureux de me mettre à sa disposition pour tout ce qu'il voudra. J'ai parcouru sa traduction qui est très bonne[2]. Plauchut l'amènera probablement demain soir (Mme Viardot a des jeudis où l'on fait de la musique).

Que vous dirai-je des éloges que vous donnez à mes "Reliques"? Ils sont si magnifiquement écrasants que j'ose à peine vous en remercier[3]. Mais ils m'ont rendu bien content, je vous assure, et, à ce sujet, il faut que je vous dise une chose: j'avais eu l'intention de vous dédier ce petit récit; mais Viardot que j'ai consulté m'a conseillé d'attendre que j'eusse écrit quelque chose de moins insignifiant et de moins indigne du grand nom dont je voulais l'orner. Je regrette maintenant de n'avoir pas suivi mon premier mouvement, car qui sait ce que deviendra l'autre chose? En tout cas, je vous prie de me tenir compte de l'intention.

Plauchut nous a dit qu'il ne serait pas impossible que vous vinssiez à Paris; mais comme je pars dans trois semaines pour la Russie, je crains bien de ne pouvoir vous voir qu'en untomne à Nohant. Il faut prendre patience!

Mille amitiés à tous les vôtres; je vous embrasse les mains bien tendrement.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Je me permets de vous envoyer un petit baril d'huîtres; il faut profiter du dernier mois avec[a] "r"[4].

---

[a] *В тексте публикации, по-видимому, ошибочно:* sans.

3652. П.В. АННЕНКОВУ

4(16) апреля 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Четверг, 16/4-го апр. 74.

Любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, отвечаю Вам немедленно на полученное мною сегодня Ваше письмо[1]. Как только Вы получите № "Вестника Европы" (он со вчерашнего дня у меня в руках), прежде чем станете читать мою повестушку[2] — поправьте следующие опечатки:

Стран.:	*Строк⟨а⟩*:	*Напечатано*:	*Читай:*
566	19 снизу	извиняюсь	изъясняюсь
573	11 снизу	его натура	его натура просто
576	18 сверху	хуже коронной службы!	хуже коронной — служба!
580	9 сверху	прямо	в упор
582	15 сверху	голосом	голосом и на о
586	5 сверху	ясно	явно
596	6 снизу	они возвратились	она вернулась вместе с мужем

А поправивши, прочтите — и скажите, что это я произвел: просто блин или комом?[3]

Оказывается, что "Живые мощи" получили "большой преферанс"[4] — и в России, и здесь; я от разных лиц получил хвалебные заявления — а от Ж. Санд даже нечто такое, что и повторить страшно: "*Tous* nous devons aller à l'école chez vous" — и т.д. Ничего, оно приятно; странно, но приятно[5].

Комедия Флобера — действительно неудачная вещь, зато роман его, что там ни говори, — вещь очень замечательная, и мне очень будет любопытно узнать Ваше мнение[6]. Роман Гюго нечитаем; до этакого исступления фразы и фальши, до такого старческого, задорливого и бесплодного самотрясения никто не доходил никогда!! А успех — слышно — громадный[7]. "Ну и пущай!" — как говорит один из героев Островского[8].

Еще имею я сказать Вам одну вещь: я отсюда выезжаю *всенепременно* 4-го мая; сперва я полагал поехать в Россию прямо через Берлин; но мне нужно быть в Бадене — и я еду на Баден, где пробуду *5-го* и *6-го* числа. Sapienti sat! Как бы-

ло бы хорошо нам увидеться там — под сенью г-жи Анштетт![9]

Впрочем, всё идет хорошо. Молодые птенчики продолжают блаженствовать[10]. Подагра меня покинула. Здесь проявились два замечательных молодых художника — Репин и Харламов. Второй — особенно — далеко пойдет: это русский Regnault[11] по колориту. Репин пишет с меня портрет для Третьякова, московского мецената[12].

Книгу Маркса еще не получил[13].

Засим обнимаю вас всех — и — надеюсь — до скорого свидания!

Ваш Ив. Тургенев.

3653. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

4(16) апреля 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Четверг, 16/4-го апр. 74.

Любезнейший Михаил Матвеевич, я получил вчера № "Вестника" — и успел уже прочесть продолжение статьи о Белинском и весьма интересную комедию Крылова[1]. "А.С. Пушкина"[2] я давно получил и прочел — я полагал, что известил Вас об этом — я с удовольствием увидал свое имя, напечатанное на обертке. Издание отличное; но (без "но" нельзя!) зачем в стихотворении "3 сосны" поместили конец, откинутый самим Пушкиным и портящий впечатление этой дивной вещи? Надо было остановиться на полустихе:

"И обо мне вспомянет..."[3]

Впрочем — это не мешает изданию быть образцовым. Жду "Складчину"; говорят — успех она получила небывалый[4]. Здесь мои "Мощи" появились в фельетоне "Temps" — и Вы не можете себе представить, какие я получаю комплименты — так что даже недоумение берет. Письма от Ж. Занд, от Тэна и т.д. из-за такой безделки![5]

Странно — но приятно.

До *скорого* свидания; а пока дружески жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Через 5, 6 дней Вы получите статейку о Флобере[6].

3654. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

5(17) апреля 1874. Париж

48, rue de Douai.
Vendredi soir.

Mon cher Zola,

Je suis désolé de vous avoir fait faire une course inutile. Je croyais vous avoir dit que je resterais à la maison jusqu' à 2 heures. Je vous demande bien pardon de mon manque de mémoire. Voulez-vous venir demain, ou dimanche, ou lundi, *avant* 2 heures, ou mardi de 4 à 6? Je vous attendrai bien sûr. Faites-moi savoir le jour et l'heure si vous voulez.

Tout à vous Iv. Tourguéneff.

3655. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

6(18) апреля 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Суббота, 18/6-го апр. 74.

Любезнейшая Юлия Петровна, спасибо Вам за Ваше письмецо; в светлое воскресение вспомнили о таком старом грешнике: это по-христиански. Мне очень бы хотелось застать Вас еще в Петербурге, куда я непременно прибуду к *нашему* 1-му мая; не уезжайте до того времени. Я остановлюсь в гостинице Демута и буду Вашим соседом. Мне не нужно распространяться о том чувстве, несколько странном, но искреннем и хорошем, которое я питаю к Вам; Вы это всё лучше меня знаете.

Радуюсь, что мой рассказец и Вам, и публике нравится — вот, уж точно, не думал-не гадал — а попал в жилку[1]. Брат Ваш также пишет мне об этом. Я ему завтра отвечать буду[2].

Итак, до свиданья — слышите? — крепко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. В "Вестнике Европы" помещена моя повестушка "Пунин и Бабурин"[3]. Прочтите и скажите Ваше мнение искренне.

3656. А.В. СОРНЕВОЙ

13(25) ноября 1871 – 6(18) апреля 1874. Париж

48, rue de Douai.
Суббота.

Милостивая государыня Александра Владимировна!

Вы желаете знать мое мнение насчет Вашей повести[1]: позвольте мне воспользоваться тем, что я не имею чести знать Вас лично, для того чтобы быть вполне с Вами откровенным. Я прочел только две первых тетради; но уже этого было вполне достаточно, чтобы убедить меня, что автор слишком еще неопытен и об обнародовании своего труда думать не должен. Он даже весьма мало знаком с русским языком, доказательством чему служат многочисленные грамматические ошибки, которые я позволил себе исправить. Продолжая говорить с Вами в третьем лице, я считаю долгом посоветовать автору овладеть сперва языком, потом уже постараться вдуматься в характер и положения; в особенности умоляю его избегать, как чумы, описаний красот природы, которые невыносимы, если не превосходны — и во всяком случае должны быть как можно более кратки и сжаты. Литературное дело — весьма хлопотливое и трудное; лучше во сто раз ничего не писать, чем писать посредственно и вяло.

Надеюсь, милостивая государыня, что Вы не слишком посетуете на меня за мою откровенность; но, повторяю, я считал своим долгом высказать всю неподкрашенную правду.

Засим прошу принять выражение совершенного уважения и преданности

Вашего покорнейшего слуги Ив. Тургенева.

3657. М.В. АВДЕЕВУ

7(19) апреля 1874. Париж

Париж. 48, rue de Douai.
Воскресение, 19/7-го апр. 74.

Любезнейший Авдеев, Вы мне писали 7-го марта[1] — а я Вам отвечаю 7-го апр⟨еля⟩. Это непростительно — но я надеюсь на Вашу снисходительность. Впрочем, много нового о себе сообщить Вам не имею: подагра посетила меня — но прошла, я покупаю картины (решительно помешался на них)[2] — вот и всё. Узнал с удовольствием, что моя вещица

в "Складчине" понравилась; перевод ее, помещенный здесь в "Temps", произвел тоже некоторое впечатление — так что я даже недоумеваю: что это за птицу я высидел, не думавши, не гадавши?[3] Но всё это fait ventre, как говорят французы. Не знаю, что скажет публика о моих чудачка́х, помещенных в "Вестнике Европы": кажется, больно коротенько[4].

Сам я отсюда выезжаю через две недели — и прямо в Питер, где непременно надеюсь Вас застать. В П⟨етербурге⟩ я пробуду недели две; оттуда в Москву, в деревню, в Карлсбад — и назад в Париж. Очень буду рад с Вами повидаться и поболтать о литературных и прочих делах.

Очень Вы умно поступили, что не пошли на сделку с Благосветловым[5]; при теперешней погоде пускаться в журнально-издательское море — да это верная погибель!

Итак, до скорого свиданья — жму Вам дружески руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. В Петербурге я остановлюсь у Демута.

3658. ПОЛИНЕ БРЮЭР

7(19) апреля 1874. Париж

Paris. 48, rue de Douai.
Dimanche, 19 avril 74.

Chère Paulinette, je ne t'ai pas écrit jusqu'à présent parce que je n'étais pas encore sûr du jour, où je pourrai aller à Rougemont. Tu peux être parfaitement convaincue d'une chose: c'est que je ne partirai pas pour la Russie sans aller préalablement te voir; et il est plus que probable que ce sera dans le courant de cette semaine. Tu en seras avertie la veille[1].

Ainsi à bientôt — porte-toi bien, je vous embrasse tous les trois.

Iv. Tourguéneff.

3659. Г.Н. ВЫРУБОВУ

1872 – 7(19) апреля 1874. Париж

48, rue de Douai.
Воскресение вечером.

С великим удовольствием принимаю Ваше предложение, любезнейший Вырубов, и в середу в $6^1/_2$ ч. буду у Маньи.

До свидания.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3660. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

Ноябрь 1871 – 8(20) апреля 1874. Париж

48, rue de Douai.
Lundi.

Mon cher Albert,

Vous serait-il égal de venir *mercredi* (à 9 h.) au lieu de demain? Demain j'ai certains empêchements. Je vous demande bien pardon de disposer ainsi de votre temps — mais vous savez qu'il est naturel à l'homme d'abuser de la complaisance d'autrui —et surtout quand elle est aussi grande que la vôtre.

En vous remerciant d'avance, je suis

votre tout dévoué Iv. Tourguénneff.

3361. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

Ноябрь 1871 – 8(20) апреля 1874. Париж

48, rue de Douai.
Lundi soir.

Chère Madame Tourguéneff,

J'accepte avec le plus grand plaisir votre aimable invitation pour jeudi.

Agréez l'assurance de mes sentiments les plus affectueux.

Votre tout dévoué Iv. Toùrguéneff.

3662. ВАЛЕНТИНЕ ДЕЛЕССЕР

9(21) ноября 1871 – 9(21) апреля 1874. Париж

Mardi.
48, rue de Douai.

Chère Madame,

Je suis bien heureux de votre approbation; je sais que votre amitié vous rend bienveillante — mais je connais aussi votre goût si fin et si juste[1]. J'irai demain chez vous pour vous remercier de la pensée que vous avez eue de m'écrire.

Au revoir et mille amitiés.

Votre tout dévoué Iv. Tourguéneff.

3663. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

Март 1872 – 9(21) апреля 1874. Париж

48, rue de Douai.
Mardi.

Mon cher Hetzel,

Je suis enchanté de vous savoir de retour à Paris — et je viendrai vous voir et vous serrer la main demain vers midi.

T⟨out⟩ à v⟨ous⟩ J. Tourguéneff.

3664. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

10(22) апреля 1874. Париж

Paris.
Mittwoch, d. 22. Apr. 74.
50 (ancien 48), rue de Douai.

Mein lieber Freund,

Ich kann gar nicht begreifen, warum Sie das Flaubert'sche Buch noch nicht bekommen haben. Ich werde darüber mit dem Herausgeber zanken[1].

Es freut mich sehr, dass Ihnen und J. Schmidt meine "Reliques vivantes" gefallen haben[2]. Was Ihre Bedenken anbetrifft — habe ich Folgendes zu berichten: derselbe patriarchalische Dorfälteste, der mir den Namen nannte (das Ganze ist nämlich eine *wahre* Geschichte) erklärte mir — nicht ohne einen gewissen ironischen Humor — dass die *Klavdia* (das war ihr eigentlicher Name) nur an Sonntagen pisst (NB) — und an

grossen Feiertagen (also 6 oder 8 Mal im Jahr) sch...st (Ich hatte nämlich dasselbe Befremden, wie Sie, empfunden). Wie das möglich ist — darüber können Sie einen Arzt befragen. Derselbe Arzt wird Ihnen sagen können, wie es möglich war, dass das Fleisch des armen Wesens absolut so hart wie Bronze wurde — und also von einem Durchgelegtsein keine Rede sein konnte! Es ist wahr, ich habe sie im Sommer besucht — und der Raum war luftig und die Thür... es gab *gar* keine Thür — aber ma parole! Gestank habe ich nicht gespürt! Ihre Krankheit soll eine Rückenmarkserschütterung gewesen sein.

Nun aber genug Realismus! Wo sind ⟨Sie⟩ in zwei Wochen — am 6-ten Mai? Ich werde an dem Tage in Berlin sein — Hotel de St. Petersburg — und suche Sie natürlich auf[3].

Auf baldiges Wiedersehen also — und einen herzlichen Händedruck

von Ihrem I. Turgénjew.

NB. Diese "confidences" musste ich doch dem publico vorenthalten.

3665. П.В. АННЕНКОВУ

12(24) апреля 1874. Париж

Париж. 50 (ancien 48), rue de Douai.
Пятница, 24-го апр. 74.

Милый Павел Васильевич, Вы, по обыкновению, правы, стократ правы — и мне остается только сожалеть о том, что повесть моя попала в печать без Вашего предварительного осмотра[1]. Бабурин — нечто вроде покойного Фролова[2]; а я убежден, что либерализм и даже республиканизм у нас часто принимают и должны принять именно эту форму — но я не вполне свободно отнесся к нему — выказал излишнее уважение, словно я побоялся Буренина, который и не преминул похвалить меня в "С.-П⟨етербургских⟩ ведомостях", что меня покоробило[3]. Постараюсь поправить дело — насколько оно возможно — при отдельном издании. Музу стоило бы развить побольше: но что она пошла за Бабурина — это не из благодарности — а просто оттого, что куда же деться? Пробовала с собой покончить — страшно стало и т.д. Это не поэтично — но правдиво; да только надо тоже это сказать[4]. Но вся повесть все-таки остается с вывихом.

Еду я отсюда, как располагал, в начале мая — и жалко

мне, что не застану Вас теперь же в Бадене; зато уже в июне непременно, если будем живы и здоровы.

Пока кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3666. А.А. ТРУБЕЦКОЙ

12(24) апреля 1874. Париж

Paris.
50 (ancien 48),
rue de Douai[1].
Vendredi, 24 avril 74

Chère princesse,

J'ai été très heureux de recevoir votre lettre — et très heureux que mes deux originaux aient su vous plaire[2]. Je vous aurais immédiatement envoyé le texte russe des "Живые мощи" mais ces messieurs de St. Pétersbourg n'ont pas daigné me faire parvenir un exemplaire[3]. A défaut des "Reliques", je me permets de mettre sous ce pli un récit de moi, qui a paru dans un jounal hebdomadaire de Pétersbourg. J'y raconte un épisode des journées de juin 1848, dont j'ai été témoin[4].

Je pars dans 8 jours pour la Russie et je ne serai de retour que vers le commencement d'août[5]. Je me suis souvent reproché de n'avoir pas fait — depuis beintôt un an — le voyage de Bellefontaine; je remets ce plaisir aux premiers beaux jours de l'automne[6].

Je suis très peiné d'apprendre que la santé du prince continue à être chancelante[7]. Quant à la princesse Orloff, j'espère bien que le printemps et l'air de la campagne vont la débarrasser du reste de maladie qu'elle a emporté de Paris. Faites-lui mes meilleures amitiés, ainsi qu'au prince et à Mlle Marianne[8]. Toute la famille Viardot se joint à moi pour vous remercier de votre bon souvenir. Les jeunes époux continuent à voguer en plein azur[9].

Je vous serre bien cordialement la main et vous prie de croire à l'affection véritable

De votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

3667. Г.Н. ВЫРУБОВУ

16(28) апреля 1874. Париж

50, rue de Douai.
Вторник, утро.

Любезнейший Вырубов, обед будет происходить *завтра,* в середу, в 6 ч. 1/4 у Маньи. Обедать будут, кроме Вас, Вашего брата и меня, Харламов, Боголюбов, Репин и Поленов. Живопись будет торжествовать! Вы бы очень были любезны, если бы предварили словечком[a] Маньи, что у него завтра будет происходит это едение — он Ваш сосед.

До свидания. Жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3668. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

16(28) апреля 1874. Париж

Paris.
50, (Ancien 48.)
Rue de Douai.
Dienstag, d. 28/16. April 74.

Werther Herr,

Ich fange meinen Brief mit Entschuldigungen an — wegen meines langen Stillschweigens. Ich hätte längst das Manuscript der "Jägerskizzen" nach Rudolstadt schicken sollen, oder Ihnen wenigstens auseinandersetzen, warum Ich es nicht gethan habe. Ein paar Worte wird, hoffe Ich, zur Erklärung genügen[1].

Ich muss gestehen dass die Uebersetzung grade dieser "Skizzen" mir bei weitem weniger genügend vorgekommen ist als die früheren. (Sogar mit den Verbesserungen.) Ich muss es in sofern bedauern, da die "Записки охотника" wahrschinlich das Bleibendste sind von allem dem, was Ich geschrieben. Ich mache Ihnen also folgenden Vorschlag. In wenigen Tagen reise Ich nach Russland; vom 10/22-ten Mai bis zum 20 Mai/2 Juni bleibe Ich in Petersburg, im *Hotel Demuth*; später gehe Ich nach Moskau, von da nach Orel — und endlich nach Karlsbad in Böhmen, wo Ich eine 6 wöchentliche Kur durchmachen werde. (Vom 25-ten Juni neuen Styls bis zum 10-ten August.) Sie wissen vielleicht dass in der "Складчина" (ein für die Hungernder in Ssamara herausgegebener Almanach) ein neues Fragment der "Jägerskizzen" "Живые

---

[a] *Было*: словом.

мощи" — die "Lebendige Reliquie" — erschienen ist. — Zugleich habe Ich ein anderes Fragment der "Jägerskizzen" geschrieben, welches für die Ssalaieffsche Gesammtausgabe meiner Werke bestimmt ist und sonst nirgends gedruckt werden wird. — Ich könnte also in Petersburg — Ihnen oder einem Bevollmächtigten von Ihnen — das Jägermanuscript einhändigen um es noch einmal revidiren zu lassen; zugleich würden Sie das 2-te Fragment (das für die Ssalajefsche Ausgabe bestimmte) im Manuscript von mir bekommen; Sie würden es übersetzen lassen, wie auch die "Lebendige Reliquie"; und endlich das Ganze sofort nach Rudolstadt expediren, damit man mit dem Drucke *Ende Juni* anfangen könne. Die Correctur würde Ich gern in Karlsbad übernehmen, und bei der unbedeutenden Entfernung von Karsbad nach Rudolstadt würde der Druck schnell fortschreiten können. — Somit hätte das Deutsche Publikum die "Jägerskizzen" in der grössten Vollständigkeit[2].

Wenn Sie mit dem allem einverstanden sing, so haben Sie die Güte und schreiben mir ein paar Worte — nicht mehr hieher, sondern nach *Berlin*, Hotel de St. Pétersbourg, Unter den Linden. — Jedenfalls komme Ich in Petersburg mit dem Manuscript am 10/22 Mai an.

Ich bringe zugleich die Deutsche Uebersetzung der "Jägerskizzen" von Boltz mit; sie wimmelt von Fehlern, hat aber ein gewisses frisches Colorit und könnte zur Vergleichung dienen[3].

Empfangen Sie die Versicherung meiner aufrichtigen Hochachtung.

Ihr ergebener
I. Turgénjew

3669. ПОЛИНЕ БРЮЭР

19 апреля (1 мая) 1874. Париж

Paris. 50 (ancien 48),
rue de Douai.
Vendredi, 1-er mai 74.

Chère Paulinette,

Attends-moi *pour sûr* lundi, avec le train qui part d'ici à 11 heures.

Au revoir — je t'embrasse.

Iv. Tourguéneff.

3670. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

22 апреля (4 мая) 1874. Париж

Paris. 50 (ancien 48), rue de Douai.
Montag, d. 4. Mai 74.

Liebster Pietsch,

Nur ein paar Worte, um Sie wissen zu lassen, dass ich unmöglich, trotz dem besten Willen, den 6-ten Mai mit Ihnen in Berlin zubringen kann, da ich erst am 8-ten (Freitag) von hier abreise, den 9-ten und 10-ten in Baden bleibe und erst am 11-ten in Berlin ankomme, wo ich Sie natürlich gleich aufsuchen werde — also just in einer Woche, wenn wir alle am Leben bleiben![1] Hoffentlich finde ich Sie in gebesserter Gesundheit und bis dahin drücke ich Ihnen herzlich die Hand und grüsse alle Freunde.

Ihr Iw. Turgénjew.

3671. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

22 апреля (4 мая) 1874. Париж

Париж. 50 (ancien 48), rue de Douai.

Понедельник, $\frac{\text{4-го мая}}{\text{22-го апр.}}$ 74.

Милый Яков Петрович, сегодня только два слова: во-1-х) чтобы поблагодарить тебя за присланные сведения о моей школе[1], которые повлекут за собою следующие распоряжения[2] — а во-2-х) чтобы известить тебя, что я выезжаю отсюда в пятницу, 8-го мая/26-го апр⟨еля⟩, и через Баден и Берлин достигаю Петербурга, если только жив буду, 15-го/3-го мая. Остановлюсь я в гостинице Демута — а, впрочем, извещу тебя из Берлина[3].

Кажется, этот срок будет верным. Итак, до свиданья — а пока обнимаю тебя и остаюсь

любящий тебя Ив. Тургенев.

3672. А.А. ФЕТУ

24 апреля (6 мая) 1874. Ружмон

Rougemont.
Près de Cloyes (Eure-et-Loir).
6-го мая / 24-го апр. 1874.

Пишу к Вам, любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, за два дня до собственного моего отъезда в Россию — и пишу из домика на хрустальном заводе, занимаемого моею дочерью, с которой я приехал проститься. Я получил Ваше письмо с приложенным письмом любезного Пети[1], у которого уже образовался совершенно литературный и ученый почерк. Отвечать я ему буду не письменно, а словесно во время моего пребывания в Москве; нарочно поеду в лицей Каткова (мне молодой Милютин сказывал, что я не рискую встретить там гнусного его владельца) и приятельски побеседую с молодым мудрецом[2]. Говорят, он подвигается вперед гигантскими шагами: лишь бы здоровье его выдержало!

Благодарю Вас за сообщенные Вами известия; особенно порадовал меня факт окончания Толстым своего романа: жду от него богатых и великих милостей[3]. (NB . Его "Три смерти" на днях появятся в "Temps", а к зиме приготовлены "Казаки" и "Два гусара"[4]). Радуюсь я также тому, что попрежнему и дела Ваши, и здоровье — всё идет как следует. Не могу, однако, скрыть от Вас своего изумления: я едва поверил глазам своим, когда прочел в Вашем письме нечто похожее на одобрение презреннейших статей г-на А. (Авсеенко?) в "Русском вестнике" об Анненкове![5] Всё, написанное Анненковым о Пушкине, так умно, дельно, так портретно верно, что, если бы Вы не были закрепощенным г-ну Каткову человеком, Вы бы с Вашим тонким поэтическим и гуманным чутьем прежде всех других оценили бы по достоинству прекрасный труд нашего приятеля — и с гадливостью отвернулись бы от инсинуационных, клеветнических, и пошлых, и тупых кляуз этого Булгарина redivivus... Но Катков Вас забрал в руки, и Вы считаете нужным защищать Пушкина — от кого? от Анненкова!! и в угоду кому? г-ну Авсеенко, по поводу которого невольно вспоминаются слова Ривароля: qu'il fait tache sur la boue[6]. Да... действительно правы люди, утверждающие, что, стоит только немножко долго пожить, до всего доживешься и всё увидишь. Но, признаюсь, *это* меня изумило.

Я думаю прибыть в Москву около 25-го или 30-го мая нашего стиля, а в Спасское в 10-х числах июня. Либо в Москве, либо в деревне непременно увижусь с Вами[7].

А до тех пор будьте здоровы и благополучны. Жму Вам руку и кланяюсь Вашей супруге.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3673. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

28 апреля (10 мая) 1874. Париж

Париж. 50 (ancien 48),
rue de Douai.

Воскресение, $\frac{\text{10 мая}}{\text{28 апреля}}$ 74.

Любезнейший Михаил Матвеевич, Ваше письмо[1] меня *почти* убедило; во всяком случае отлагаю всякое мероприятие[2] до моего приезда в Петербург. Пишу Вам накануне моего отъезда — завтра вечером я сажусь в вагон — и марш! Мне придется остановиться два дня в Бадене и один день в Берлине, но все-таки — если со мной ничего не произойдет — я прибуду в Петербург дней за 10 до Вашего отъезда оттуда — и, уже конечно, немедленно Вас увижу. Я остановлюсь в гостинице Демута.

И потому — до скорого свидания — жму Вам дружески руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Н.Н. Тютчев собирается уехать за границу — быть может, я его не застану — можете Вы быть так любезны и уплатить ему должные ему мною *73 рубля 32 коп.*? Потом мы с Вами рассчитаемся.

"Складчину"[3] и экземпляры "П⟨унина⟩ и Б⟨абурина⟩"[4] получил аккуратно — и благодарю.

3674. ПОЛИНЕ БРЮЭР

30 апреля (12 мая) 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Mardi, 12 mai 1874.

Chère Paulinette,

Je pars ce soir à 8 h. Je t'écrirai dès mon arrivée à St-Pétersbourg[1].

J'ai laissé à Mlle Arnholt l'argent nécessaire pour acheter le lit complet et le pupitre — et on t'enverra tout cela l'un de ces quatre matins.

J'ai été très content de ma dernière visite chez toi. J'espère que dorénavant tout marchera bien: affaires, santé, bonne humeur. Je vous embrasse tous les trois.

Au mois d'août j'espère rapporter de l'argent.

Encore une fois, portez-vous bien tous.

Iv. Tourguéneff.

3675. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

30 апреля (12 мая) 1874. Париж

Mon cher Monsieur Durand,

Voici ce qui vous revient de votre 2-e feuilleton — 55 francs. Ce n'est pas beaucoup, mais vous connaissez le dicton russe:

"Kourotchka po ziornychkou klouyet, syta byvaet".

Mille amitiés et au revoir au mois d'août.

Votre tout dévoué Iv. Tourguéneff.

Mardi.
50, rue de Douai.

3676. М.А. МИЛЮТИНОЙ

Конец марта – апрель 1874. Париж

Воскресение. 11 ч. утра.

Вы не гневайтесь на меня, любезнейшая Марья Агеевна — а сегодня мне невозможно обедать с Вами, к крайнему моему сожалению. Предлагаю Вам какой угодно день в течение недели, за исключением понедельника и четверга.

Еще раз извиняюсь и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Посылаю Вам крохотную статейку, помещенную мною в "Неделе".

3677. Н.А. КИШИНСКОМУ

2(14) мая 1874. Баден-Баден

Баден-Баден.
Hôtel d'Angleterre.
Четверг, 14/2-го мая 1874.

Любезный Никита Алексеевич, третьего дня вечером я выехал из Парижа, и дня через 4 или 5 я в Петербурге, где остановлюсь в гостинице *Демута.* Здоровье мое поправилось — припадок подагры был не силен. А потому пишите мне в Петербург — или прямо в гостиницу Демута, или на имя г-на Стасюлевича в редакцию "Вестника Европы", Галерная ул., № 20 — и пришлите туда третную ведомость. В Спасское же я надеюсь прибыть *не позже 25-го мая* и полагаю, что Вы к тому времени окончите свои судебные занятия[1].

Посылаю Вам доставленное мне далеко не лестное описание Спасской школы и тамошней методы преподавания (правда, оно относится к прошлому году). Появилась эта статья в журнале "Школьная жизнь"[2]. Примите это к сведению. Мне особенно неприятно думать, что в школе, находящейся в моем имении, употребляются телесные наказанья.

Итак — до скорого свидания. Кланяюсь всем спасским жителям и остаюсь

доброжелатель Ваш Ив. Тургенев.

3678. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

2(14) мая 1874. Баден-Баден

Баден-Баден.
Hôtel d'Angleterre.
Четверг, 14/2-го мая 1874.

Третьего дня я выехал из Парижа, любезнейший Михаил Матвеевич — завтра выезжаю отсюда в Берлин — из Берлина выезжаю в воскресение вечером — и, след., если ничего не произойдет фатального, во вторник — 19/7-го мая — я в Питере и, если угодно, обедаю у Вас или с Вами в середу[1]. На этот раз дело, кажется, стоит твердо.

А теперь кланяюсь низко и прошу о следующем одолжении: заезжайте по пути в гостиницу Демута — и закажите мне — начиная со вторника — две порядочные комнаты. Очень Вы бы меня этим одолжили.

А засим — до скорого свидания.

Весь Ваш Ив. Тургенев.

3679. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

2(14) мая 1874. Баден-Баден

Баден-Баден.
Hôtel d'Angleterre.
Четверг, 14/2-го мая 1874.

Я выехал наконец из Парижа[a], любезный брат — и, если ничего не случится, надеюсь в следующий понедельник быть в Петербурге и несколько дней спустя в Москве. Считаю нужным предупредить тебя об этом — ибо ты, помнится, рано собирался за границу. Дождись меня — мы вместе поедем в деревню — а оттуда в Карлсбад[1]. Во всяком случае весьма бы мне хотелось застать тебя в Москве — и в этой надежде обнимаю тебя заочно — и говорю: до свидания!

Любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3680. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

5(17) мая 1874. Берлин

Берлин,
Hôtel de St.-Pétersbourg.
Воскресение, 17-го/5 мая 1874.

Милый Яков Петрович, сегодня вечером я выезжаю отсюда, послезавтра в Петербурге, останавливаюсь в гостинице Демута — и буду очень рад увидеть тебя в середу утром.

Итак, до свидания — дружески тебя обнимаю.

Твой Ив. Тургенев.

3681. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

5(17) мая 1874. Берлин

Berlin.
Hôtel de St.-Petersbourg.
Dimanche, 17 mai 1874.

Mon cher ami,

Je vous envoie un article qui vient de paraître dans la "Nationalzeitung" sur "Antoine". C'est K. Frenzel qui l'a écrit — et en somme il est assez favorable[1]. Mais pourquoi n'a-t-on pas envoyé les exemplaires demandés par moi à Julian Schmidt qui est le premier critique littéraire de l'Allemagne et

---

[a] *Было:* Бадена.

à Louis Pietsch qui en est le premier feuilletoniste? Je les avais pourtant désignés sur ma liste — j'en suis *absolument sûr.* Faites réparer cet oubli au plus vite. Je donne de nouveau les adresses:

Dr. Julian Schmidt, Kurfürstenstrasse, № 70, Berlin.

Mr Ludwig Pietsch, Landgrafenstrasse, № 8, Berlin.

Je les ai vus tous les deux — et tous les deux se sont plaint de n'avoir rien reçu[2].

Je vous écris cette lettre encore à Paris, parce que je suppose que vous y êtes encore: du reste, si vous n'y êtes plus, on vous l'enverra[3].

Je pars ce soir pour Pétersbourg — j'y dîne après-demain, si rien ne m'arrive. Mon adresse à St-P⟨étersbourg⟩ est — à *l'hôtel Demouth.*

Je vous embrasse bien cordialement.

Votre vieux J. Tourguéneff.

3682. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

5(17) мая 1874. Берлин

Berlin.
Hotel St. Petersburg.
Sonntag, d. 17. Mai 1874.

Werther Herr,

Ich habe Ihren Brief hier bekommen, mich mit Hn L. Pietsch besprochen und kann Sie wissen lassen, dass er die Revision des Manuscripts übernommen hat und Ihnen darüber schreiben wird[1]. Bis zu meiner Rückkehr Ende Juni wird alles fertig, das Manuscript wird in den Händen des Buchdruckers in Rudolstadt sein und man wird gleich mit dem Druck anfangen können, und mir die Correcturen nach Carlsbad schicken. Uebermorgen, Dienstag, den 19/7 Mai komme Ich in Petersburg an, logire im Hotel Demuth, wo Ich zehn Tage, bis zum 29/17-ten Mai bleiben werde, und wo Sie mir die Uebersetzung der "Lebendigen Mumie" gefälligst zuschicken werden. — Ihrerseits bekommen Sie eine Copie des neuen Fragments der "Memoiren eines Jägers"[2].

So wird sich die Sache gut arrangiren lassen.

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

Ihr ergebener
Iw. Turgénjew.

3683. ПОЛИНЕ ВИАРДО

7–9(19–21) мая 1874. Петербург

№ 5

St. Pétersbourg.
Hôtel Demouth, n° 53.
Mardi soir, 7/19 mai 74.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, je suis arrivé ici sans accident ce soir à 8 h. — j'ai trouvé deux excellentes chambres qu'on avait retenues pour moi, je me suis débarbouillé, j'ai arrangé mes affaires, — et je vais me coucher, car je suis éreinté, n'ayant presque pas dormi les deux nuits précédentes. Je télégraphierai demain matin de bonne heure — et j'écrirai[1] — en attendant je vous dis bonne nuit en vous souhaitant tout ce qu'il y a de meilleur au monde. — A demain!

Mercredi, minuit, 8/20 mai.

En avant le style télégraphico-nègre![2] C'est décidément ce qu'il y a de meilleur pour la condensation des faits. — Mme de Sévigné en frémirait d'horreur[3] — mais notre siècle est plus matter of fact. Ça n'empêche pas les bons sentiments — au contraire... Mais assez bavarder.

Nuit admirable! Réveillé deux fois par propre ronflement. Acquis la conviction qu'on ne me calomniait pas en m'en accusant. — Lit long, lisse, un peu dur comme je les aime — linge fraîchissime. Le matin — o étonnement! soleil! Dans la rue figures de mougiks, kaftans, petits droschkis, poussière, pigeons, soldats affublés de longues redingotes etc., etc. — Il me semble que je n'ai jamais cessé de voir ça. — Je prends du thé, je m'habille, je sors. Il fait un froid piquant. Grandeur des feuilles aux arbres = . — Monument de Catherine II "phrasenhaft", rococo — mais non sans effet[4]. Envoyé télégramme. — Touché une forte somme d'argent envoyé par mon éditeur[5]. — Fait des visites: Mr Arapétoff, Mr Polonski, Mr Nicolas Tutcheff. Au fond ces noms ne vous disent rien. — Des vieux amis. — Polonski me lit des vers, qui ne sont ni bons, ni mauvais. Il a un genou ankylosé, une bonne petite femme, un enfant qui est joli, mais un peu sale, un pigeon en liberté dans la chambre qui fait c. c. partout — et il est pauvre — Polonski, non le pigeon. — Visité l'exposition de peinture de cette année — vous comprenez, cela ne pouvait manquer, je devais cela à mon passé, à Drouot![6] — Rien que des croûtes horribles, à jeter dans la Néva, qui

coule sous les fenêtres. — J'en excepte naturellement les tableaux de Kharlamoff qui sont tous très beaux. — Dites-lui que l'ai revu avec plaisir son Italienne debout avec des fleurs dans son tablier[7]. — Dîner chez l'éditeur de la Revue qui imprime mes machines[8] — avec 4 ou 5 littérateurs. — Tous très aimables — très bon dîner — mais pas bête — presque rien mangé. — Bu un seul petit verre de Champagne — par politesse. — Grands et longs discours sur les affaires intérieures, sur la politique de la France... Ça a dû lui faire du bien, à la France!! Grand réjouissement à propos de la chute de mon ennemi personnel: le dindon tragique. — Je ne sais pas, mais il me semble qu'il n'est pas si tombé que ça — il se raccrochera encore peut-être, le misérable!! — Et quand on pense que son successeur probable est M. de Goulard... Il n'y a pas grand prétexte à l'enthousiasme[9].

Achevé la soirée chez Mme Abaza. — Beaucoup de questions sur vous, sur Didie, son mari. — "Les chants ont cessé" à Pétersbourg, on a fermé l'opéra russe[10] — et je n'aurai pas le plaisir d'entendre ces délicieuses cacophonies. — Pendant la route j'ai fait les traductions des mélodies — et je les porte demain chez Johansen[11].

J'espère qu'il m'arrivera une lettre demain! Bonsoir, theuerste Freundinn, je vais me coucher.

Jeudi, 21/9 mai, 9 h. 1/2 du matin.

Pas encore de lettre — mais il peut en venir dans la journée. — Il fait un vilain temps. — C'est aujourd'hui — un grand jour — Didie a 22 ans! Je lui écris un petit mot[12]. Quant à Mariandl, je lui envoie "meine Reisebeschreibung" dès demain[13].

Je vous embrasse tous dès aujourd'hui — und ich küsse aufs zärtlichste Ihre lieben, theueren Hände.

Der Ihrige J.T.

3684. Н.А. КИШИНСКОМУ

9(21) мая 1874. Петербург

С.-Петербург. № 53, гостиница Демута.
Четверг, 9-го мая 1874.

Любезный Никита Алексеевич,

Извещаю Вас, что я третьего дня прибыл сюда из-за границы, остаюсь здесь неделю, потом еду в Москву, а к 25-му мая — никак не позже — отъявляюсь в Спасское. Впрочем, я извещу Вас еще из Москвы, где я, вероятно, остановлюсь

у брата Ник⟨олая⟩ Серг⟨еевича⟩ — так как И.И. Маслов уехал в Крым[1].

До скорого свидания.

Доброжелатель Ваш Ив. Тургенев.

3685. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

9(21) мая 1874. Петербург

С.-Петербург. № 53, гостиница Демута.
Четверг, 9-го мая 1874.

Любезный брат, третьего дня вечером я прибыл сюда из-за границы и через неделю — т.е. к 16-му мая, приезжаю в Москву. Напиши мне, пожалуйста, застану ли я тебя еще там — и, вообще, какие твои планы? Узнай также, И.И. Маслов выехал ли из Москвы[1] — и уведомь, оставил ли он что-нибудь[a] у тебя для меня? Во всяком случае — до скорого свидания.

Обнимаю тебя и остаюсь

любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3686. КЛОДИ ШАМРО

9(21) мая 1874. Петербург

Pour Didie

St. Pétersbourg.
№ 53, hôtel Demouth.
Jeudi, 21/9 mai 1874.

Ma chère bonne petite Didie, aujourd'hui est un jour heureux pour nous deux: pour toi, parce que tu es née, il y a quelque 22 ans — et pour moi — par la même raison. Je suis bien triste de le passer loin de toi — mais ma pensée ne quitte ni Paris, ni le № 70 de la rue de l'Université, ni toi, ni ton bon petit mari[1], que j'aime presque autant que toi. L'idée de te savoir heureuse et contente réjouit mon vieux cœur. Non, mon cœur qui est resté jeune dans un corps — disons déjà mûr; et je t'embrasse, je vous embrasse tous les deux de toute la force de mon affection.

Il y a de cela 22 ans — j'étais aussi à Pétersbourg — j'étais même en prison — aux arrêts dans une maison de police[2]. Je veux y aller, je veux entrer, si je puis le faire, dans la chambre,

---

[a] *Далее зачеркнуто:* для.

assez propre d'ailleurs, où l'on m'avait enfermé, et là je jetterai un rapide regard sur ces 22 ans, dont un des plus grands charmes et des plus grands bonheurs a été — toi, ma chère petite Didie. Reçois mes vœux et mes souhaits, et pour toi et pour moi, que cela continue encore longtemps ainsi et laisse-moi te serrer encore une fois dans mes bras, ainsi que ton "Loulou"[3].

Au revoir à Bougival, au 15 août, et d'ici là, porte-toi bien et pense quelquefois à

ton vieux
J. Tourguéneff.

3687. ПОЛИНЕ ВИАРДО

10, 11(22, 23) мая 1874. Петербург

№ 5 (ou 6?)[1]

St. Pétersbourg.
№ 53, hôtel Demouth.
Vendredi matin, 22/10 mai 74.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, je viens de recevoir votre grande et bonne lettre et je vous remercie beaucoup[2]. Je suis heureux de voir que tout marche bien (car je suppose que la douleur rhumatismale de Viardot a déjà disparu). Il y a aujourd'hui dix jours que j'ai quitté Paris, c'est la 9me partie de l'absence gui s'est écoulée — patience — les autres 8 passeront aussi (merci pour l'envoi du feuilleton)[3].

Vendredi minuit.

Impressible de dire quel temps horrible il fait ici — un froid intense de la pluie, de la neige et tous les arbres comme en hiver, quel beau mois de mai! Les plus anciens habitants (ceux qui, d'après Dickens, ne se souviennent jamais de rien) sont plongés dans la stupéfaction — "Mal de muchos, consuelo de tontos". Il paraît qu'il fait aussi très mauvais en Europe, mais c'est un mauvais relatif, qui n'a rien de commun avec ce qui se passe ici.

Langue nègre, en avant![4]

Hier, après assez mauvais dîner à l'hôtel, au théâtre russe (le seul encore ouvert; plus d'opéras — j'aurais pourtant voulu entendre les productions de nos génies modernes[5]) — trois pièces, deux détestables, une mauvaise. Dans la mauvaise, vieil acteur de Moscou, Choumski, bonne secondé classe, me rappelant Botkine, et une nouvelle actrice, Mlle Savine, non sans

talent, figure jolie et intelligente, mais très méchante; voix affreuse sentant la fille de chambre russe à plein nez[6]. Vu dans une loge l'héritier[7] et sa femme, la princesse Dagmar. Lui — horriblement engraisssé, mais brave et honnête figure; elle, bien enlaidie. Du théâtre, allé chez Mme Abaza (Stubbe). Rien de bien intéressant. Aujourd'hui matin, courses d'affaires, visites; un poète me lit d'assez méchants vers[8]; temps continue à être affreux. — Dîner chez mes vieux amis, les Tutcheff. — Les vieux ont vieilli, les jeunes ont grandi; c'est bien naturel et pourtant cela paraît drôle et presque surprenant. Mangé du *soudac,* très bon poisson russe *pas* indigeste — et du caviar, comme il n'y en a pas même chez Cuveiller à Paris. — Après dîner joué au whist — gagné (Viardot trouvera cela tout naturel). — Gagné peu de chose: 6 kopeks, ce qui fait 20 centimes. — Le soir, allé chez un autre ami, ex-professeur et homme de lettres, Kavéline; il a une fille charmante qui s'est mariée il n'y a pas longtemps avec le neveu du peintre Bruloff[9]; fait bäh-bäh à force, mais plutôt écouté que parlé — et me voilà de retour et vous écrivant et vous souhaitant une bonne et tranquille nuit.

Samedi, 23/11 mai, 3 heures.

Tempus horribile, Schweinewetter, horrible weather, chien de temps, скверная погода!!

Theuerste Freundinn, je reviens de l'Hermitage, où je suis resté à peu près trois heures. C'est bourré de merveilles. Je ne parle pas des choses connues, célèbres, des Rembrandt, Ruysdael, Teniers, Potter, Wouvermann, etc., etc., etc. Mais parmi les choses fourrées en haut, sacrifiées, que de tableaux dont l'apparition à Drouot[10] aurait bouleversé toutes les cervelles d'amateurs! J'ai découvert 2 Everdingen (une marine surtout: tempête furieuse et *claire* sur le devant — dans le fond une tour isolée, délabrée sur un rivage abrupt et des nuages monstrueux) — un Isaac Ostade! un P. de Hooch! un V. der Meer!![11] Et puis toujours et avant tout le papa Rembrandt — et la petite fille rousse appuyée sur un balai[12], qui me fait regretter que ce n'est pas moi qui ai sauvé l'empereur[13]; car je lui aurais demandé ce tableau en récompense... Je me suis aussi laissé entraîner par un ami au palais de la grande-duchesse Marie (absente) pour y voir des chinoiseries et des curiosités. Rien de bien fort. Rien qui vaille mon vase[14].

Dans 4 ou 5 jours, je pars pour Moscou. Je n'y trouverai plus Massloff, qui est parti pour la Crimée — il est probable que je logerai chez mon frère[15]. Massloff a remis à une personne que je connais les papiers que je dois emporter[16].

Ma santé jusqu'à présent va très bien, mais aussi je suis bien "précaut"!

Il faut repartir pour affaires, etc. Je recommence le n° 6 (ou 7) demain. J'espère avoir une lettre. En attendant, je vous embrasse tous bien affectueusement et je vous baise les mains avec tendresse. Mariandl ne perdra rien pour avoir attendu[17].

Der Ihrige
J. Tourg.

3688. ПОЛИНЕ ВИАРДО

13, 15 (25, 27) мая 1874. Петербург

№ 7

St. Pétersbourg.
№ 53, hôtel Demouth.
Lundi soir, 13/25 mai 74.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, j'ai reçu ce matin votre lettre (avec celle de Viardot et les "vôtres"[1]). Elle est charmante de tout point et je vous promets bien que je vous volerai votre description d'un serin en proie à la rage chantante. C'est admirable. Je vais répondre à vos questions: non, la fille de Pietsch n'est pas encore mariée — elle est fiancée et peut rester ainsi pendant 10 ans[2]. Mentzel ne s'est pas fâché, il s'est plaint un peu que vous lui ayez préféré Pietsch — car il prétend qu'il vous aime au moins autant que lui[3]. Puisque vous avez lu le "Matteo Falcone" de Mérimée, lisez donc *l'original* dans le volume de Chamisso que vous avez, et comparez[4]. Merci d'avoir envoyé le volume à Pietsch[5] — je vous réponds qu'il ne sera pas perdu. Vous avez un temps délicieux. Ici, il continue à être horrible. Je n'ai rien fait hier qui vaille la peine de vous être raconté. Aujourd'hui j'ai dîné chez Mme Abaza, où j'ai appris la mort de cette pauvre Mme Moukhanoff à Varsovie après une agonie des plus douloureuses... Sic transit!..[6] Demain, je vais chez Mme Abaza arranger définitiviment mon texte russe sur les paroles de vos romances — et puis je les porte chez Johansen[7], j'ai aussi traduit le "Юношу" en allemand[8], ainsi:

"Bitterlich weinte das Mädchen; sie schalt treulos den geliebten...
An Ihre Schulter gelehnt, plötzlich — sieh da! schlief er ein.
Plötzlich schwieg auch das Mädchen, leis seinen Schlummer bewachend.

NB. Sah ihn — und lächelt ihn an, wärend die Thräne noch rann".

NB . Ce vers sera encore changé.

La poésie est médiocre, mais l'adaptation est, je crois, juste.

NB. "Rosenzeit" a été traduit et publié à St. Pétersbourg.

J'ai passé une partie de la soirée avec la fille de Sollohoub, Mme Sabouroff. Le papa voulait venir et n'est pas venu...

Mercredi matin.

Le temps s'en va très vite, et je ne sais pas trop comment. Je vois beaucoup de monde, je fais des études à force, en haut, en bas, de tous côtés, je voudrais être comme une éponge pour pomper toute sorte de matériaux que je degorgerai plus tard[9] — je vous demande pardon de cette comparaison peu élégante. Nous avons arrangé le texte avec Mme A⟨baza⟩[10] et je vais porter le tout chez Johansen[11]. Il faudra que les épreuves soient prêtes pour mon retour, pour que vous puissiez les corriger, comme la publication ne se fera qu'à l'entrée de l'hiver ou en automne, au renouveau de la saison.

Il est évident pour moi que la physionomie de la société russe a beaucoup changé depuis les dernières années. La jeune génération a beaucoup plus de bienveillance pour moi qu'elle n'en avait lors de mon dernier voyage — mais il est très difficile de dire ce qui se passe un peu au-dessous de la surface qui paraît très calme et très unie.

J'ai reçu une lettre de mon frère, je le trouverai encore à Moscou, où je compte aller à la fin de la semaine. Massloff est en Crimée. Mon frère ne m'invite pas d'aller demeurer chez lui — et je suppose que je demeurerai chez M⟨assloff⟩ même pendant son absence. Il a laissé son domestique et toute sa maison à Moscou.

Il ne faut pas que vous supposiez que la prolongation de mon séjour à Pétersbourg puisse avoir de l'influence sur l'époque de mon retour: ce que je passerai de plus ici, je le passerai de moins à la campagne — voilà tout.

La "Tentation" du pauvre Flaubert a fait ici un fiasco terrible; on supposait qu'on en défendrait la vente: pas du tout, on voit le volume aux vitrines des libraires — mais il ne se vend pas[12]. Consummatum est!!

Je ne comprends pas du tout ce que c'est que le nouveau ministère de Mr Mac-Mahon — ou plutôt je crains de trop bien le comprendre. Sommes-nous à la veille d'un coup d'Etat cléricalo-militaire?[13] Dites à V⟨iardot⟩ de m'écrire en deux mots son opinion sur ce sujet[14]. Je le félicite de sa nouvelle acquisition — puisse-t-elle être un autre Morone![15]

A demain, theuerste, liebste Freundinn, j'embrasse tout le monde, sans oublier les petits Chamerot[16] et je baise tendrement vos mains.

Der Ihrige
J. T.

3689. В.И. МЕЖОВУ

7(19) мая – 16(28) мая 1874. Петербург

Любезный Владимир Измайлович, мне нужно переговорить с Вами по следующему делу: я когда-то напечатал статью о покойном живописце *Иванове* — но где, решительно не помню — либо в "Веке", либо в "Московском вестнике" или "Русской речи"[1]. Мне нужна эта статья для салаевского издания[2]. Я помню, что видел ее заглавие в одном из Ваших каталогов — но где, решительно тоже не помню[3]. Сделайте одолжение, придите мне на помощь. Я остановился в гостинице Демута (в Б. Конюшенной)[4], № 53 — и[a] раньше 11 часов ни завтра, ни послезавтра не выйду. Очень был бы я Вам благодарен.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3690. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17 (29) мая 1874. Петербург

№ 8

St. Pétersbourg.
№ 53, hôtel Demouth.
Jeudi soir, 28/16 mai 74.

Bonjour, chère Madame Viardot, theuerste Freundinn — ou plutôt bonne nuit — car voilà minuit qui sonne. — J'ai reçu ce matin votre petit billet avec la gentille lettre de la bonne petite Mariandl (je lui ai envoyé avant-hier une lettre cocasse)[1]. Tout va bien là-bas — et cela me rend fort heureux. Ici aussi ça va assez bien. Nous avons eu aujourd'hui une vraie journée de printemps — la première de cette année — mais les arbres sont encore bien noirs.

Je reviens au style nègre[2] pour vous raconter les deux journées qui viennent de s'écouler.

Mercredi. — Fait visites le matin jusqu'au dîner. — Reçu visites. Kaléidoscope de figures connues et inconnues. — Dames et

[a] Далее зачеркнуто: напр⟨имер⟩.

messieurs rouges, roses, bleus — de toutes les couleurs. Commence à en avoir assez — mais nécessaire! — Joli temps — non sans de petites bouffées d'un vilain vent glacial et piquant. — Santé bonne — douleurs rhumatismales à l'épaule insignifiantes. — Dîner chez le consul d'Italie, un certain Mr Pinto, fort ancienne connaissance, très galant homme, auquel j'ai rendu quelques petits services il y a quinze ans[3] et qui veut me témoigner sa gratitude. Gentils enfants, bon dìner, conversation modeste et tranquille. Le soir au théâtre — l'acteur *Choumski* dans une pièce assez connue en Russie; principal personnage: un aventurier. Choumski — pas bon, trop vieux et trop monotone[4]. Joue avec les restes d'un talent à la Bouffé. — Dans la loge de Guédéonoff. — Il y vient et m'invite à déjeuner chez lui *vendredi* (demain) — il me montrera l'Ermitage...[5] Una corvèa! Dans la loge le ministre de l'Intérieur et le chef de la police sectète[6] — Brrr! Diable! — Ces messieurs s'éloignent.

Jeudi. — Toute la journée de 10 h. du matin jusqu'à 6 heures passée à la Cour d'assises. Deux vols et un viol. Le jury déclare tout le monde *non coupable.* — Pourtant le viol (et d'une jeune fille innocente encore!) était absolument prouvé. — Impression fort pénible, types et physionomies très intéressantes — surtout la pauvre victime. — (Le *séducteur*, hideux, vieux, affreux, horrible!). — Comparaison entre elle et une Française à sa place. La Française aurait ou bondi d'indignation — ou sangloté à chaudes larmes; — la Russe — comme un mouton qui ne peut pas se révolter. Qu'est-ce qui est plus près de la vérité — je n'en sais rien. — Pourtant — elle a fini par tomber évanouie. Les avocats ont été mauvais — verbeux et plats et l'affreux homme a été *acquitté*! — Il paraît que le jury acquitte 8 fois sur 10. — Il avait commencé par acquitter les deux voleurs — mais là il y avait une explication: l'un était un pauvre diable (ci-devant gentilhomme, mourant de faim) qui avait volé dans une cuisine une dinde et deux canards — et avait été arrêté in flagranti — au moment où, retiré à l'ombre d'un water-closet, il s'attachait les volailles à la taille avec sa cravate; — l'autre vol n'avait pas été prouvé. — En somme, j'ai bien fait d'avoir assisté à tout cela. L'affaire pour viol a été jugée à huis clos — et on allait me chasser avec le reste du public — quand tout à coup on a découvert, que j'étais juge de paix honoraire du district de Jizdra dans le gouvernement de Kalouga — et on m'a permis — que dis-je! on m'a invité de rester.

Dîner chez un Mr Golovnine, ex-ministre de l'Instruction publique. De son temps on le jugeait insuffisant — mais c'est un soleil à côté de ce qu'il y a maintenant[7]. Deux autres ministres

(hein! rien que cela!!) à table. — Conversation grave et lourde, égayée par-ci par-là par de petites anecdotes de *curé*. — Enfin tout cela est nécessaire.

Je recommencerai le № 9 dès demain[8]. Je m'imagine que vous allez partir bientôt pour Bougival. Mille et mille embrassades à tout le monde — je vous baise bien tendrement les mains.

Auf ewig Der Ihrige
J. T.

3691. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

17 (29) мая 1874. Петербург

St. Petersburg.
№ 53, Hotel Demuth.
Freitag, d. 17. Mai 74.

Werther Herr,

Herrn L. Pietsch's Adresse ist folgende: *Berlin, Landgrafenstrasse*, № 8. Hoffentlich ist er schon mit Ihnen in briefliche Verbindung getreten.

Was die Uebersetzung der "Lebendigen Reliquie" betrifft, so bitte Ich Sie, sobald sie neu angefertigt sein wird, sie ebenfalls an Herrn Pietsch zu adressiren. Nur muss damit nicht gezögert werden, da er Anfang Juni wahrscheinlich Berlin verlässt. Meinerseits werde Ich ihm darüber schreiben.

Das Manuscript der letzten Jägerskizze, die ganz kurz sein wird, schicke Ich Ihnen aus Moskau, wohin Ich mich nächsten Mittwoch begebe. Sie hat den *vor*letzten Platz in den "Skizzen eines Jägers": — so dass wir alle nöthige Zeit haben werden, um sie zur rechten Zeit, während meines Carlsbader Aufenthalts an der gehörigen Stelle einzufügen. — In einem *Monat* a dato bin Ich dort, vielleicht schon etwas früher, und werde dann gleich die Rudolstädter Typographie benachrichtigen, welche dann hoffentlich schon längst im Besitz des definitiv verbesserten und nach Rudolstadt von Herrn Pietsch adressirten Manuscripts sein wird[1].

Da Sie einige Schwierigkeiten mit Ihren Uebersetzern zu haben scheinen, so möchte Ich Sie auf Fr. *Claire von Glümer* aufmerksam machen, die Paul Heyse in München mir mit dem grössten Lobe genannt hat. Bei dem "Novellenschatz des Auslandes" ist sie ihm sehr behülflich gewesen[2].

Empfangen Sie die Versichrung meiner Hochachtung.

Ihr ergebenster
Iw. Turgénjew.

3692. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

18 (30) мая 1874. Петербург

St. Petersburg.
№ 53, hotel Demuth.
Sonnabend, d. 30/18. Mai 74.

Lieber Freund Pietsch,

Schreiben Sie mir ein paar Zeilen zur Antwort auf folgende Fragen:

1.) Haben Sie das Manuscript[1] und das französische Buch[2] aus Paris bekommen?

2.) Haben Sie an den Buchhändler Behre geschrieben und die Bedingungen arrangirt?[3]

Ich verlasse Petersburg *Donnerstag* und gehe nach *Moskau* — schreiben Sie mir nach Moskau auf folgende Adresse:

H-n I. T.,
auf der Pretschistenka, Haus Turgenjew, *Moskau* (Russland).

Sie werden wahrscheinlich noch das letzte kleine Ding "Die lebendige Reliquie" vom Berserker[4] übersetzt bekommen — haben Sie die Güte, auch das mit der französischen Version zu vergleichen[5].

Mir geht es gut hier in diesem Wirbel. Freundlichste Grüsse an Familie und Freunde.

Ihr I. Turgénjew.

P.S. Nach beendeter Herkules-Arbeit (ich denke an den Augiasstall) schicken Sie alles an die G. Fröbel'sche Hofbuchdruckerei in Rudolstadt.

3693. ПОЛИНЕ ВИАРДО

19 (31) мая 1874. Петербург

№ 10

St. Pétersbourg.
№ 53, hôtel Demouth.
Dimanche, 19/31 mai 74.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, je suis encore ici — et je suppose que vous devez trouver que j'y reste trop longtemps: mais je vous l'ai déjà dit, cela ne prolongera pas d'un jour mon absence. — Elle durera trois mois, et le 10 août me verra à Bougival[1], si Dios quiere, comme dit l'incrédule Viardot[2]. Cela me fait penser que c'est demain le

1-er juin, commencement du contrat avec Mme Halgan[3]. S'il fait aussi beau chez vous qu'ici depuis trois jours, votre émigration[4] aura lieu bientôt.

La "mauvaise mine" de la chère Didie m'inquiète un peu; je suis sûr que l'air de la campagne lui fera le plus grand bien. — Je lui ai écrit une petite lettre il y a de cela 10 jours, le 21 mai[5].

(A propos) vous n'avez pas besoin de m'envoyer l' "Atlantic Review", je l'ai et j'écrirai un mot de remerciements à Mr Lewy[6].

E adesso — racontar!

Venderedi à 1 heure. — Déjeuner chez et avec Guédéonoff. — Toujours fort peu de sympathie — au fond et même à la surface. — Très grand aplomb et jugement infaillible de sa part. Il me montre tout *son* Ermitage[7], voir comme cela des tableaux fait peu de plaisir. Ses remarques me font croire qu'il ne s'y entend guère, mais l'aplomb plus raide que jamais. Puis il me lit une espèce de libretto-opéra-ballet en 4 actes, en russe, qui me semble (entre nous, au nom du ciel, car je lui ai dit le contraire) un *ours* de la plus belle venue! Il parle de le faire traduire et de le donner à Verdi, qui *seul*, etc., etc.[8] Oh là, là, oh là, là! comme disait ce pauvre petit garçon à Paris auquel j'avais écrasé le pied avec ma botte. Pourtant j'ai revu avec bonheur mon petit sphinx romantique.

Dîner chez un prince Obolenski avec Mme Abaza et un prince et une princesse Gagarine. Les deux jeunes princesses (Gagarine et Obolenski) ont des voix très, mais très belles (contralto et soprano) et voudraient aller prendre des leçons de vous. — Mais je crains qu'elles ne soient que des musiciennes fort médiocres, surtout le contralto. C'est Mme Abaza qui les met en train — et je crois qu'elle a assez bien posé leurs voix, etc., etc.

Le soir, je suis allé au théâtre russe — la dernière représentation de Choumski, une pièce d'Ostrofski — que j'aime beaucoup et qui se nomme "La forêt", on ne sait pas trop pourquoi. Il y a un caractère d'un acteur *tragique* ambulant, de province, qui prend les beaux et nobles sentiments qu'il a à exprimer — au sérieux, ce qui fait naître des situations touchantes et comiques. — Les actrices sont malheureusement exécrables[9].

Samedi — hier, a été une journée de courses, de visites, d'affaires, de paiements d'argent, etc., etc. J'ai dîné au Club anglais avec un tas de vieilles connaissances que l'âge a abominablement déformées (elles ont dû penser la même chose de moi!). Que de fronts devenus chauves, que de cheveux gris ou blancs, que de doubles mentons, que de cous pelés ou engraissés ou doubles aussi, que de ventres pendants, que de jambes

titubantes! Horreur! Il faut dire, pour compensation, qu'il y en avait qui etaient devenus de Hautes Excellences, des généraux en chef dans le genre du général Boum![10]

Je reste ici jusqu'à *mercredi.* — Jeudi je suis à Moscou et je repars dimanche prochain pour Spasskoïé. — Vous savez — je vous l'ai écrit — que Massloff est en Crimée, mais mon frère ne m'ayant pas invité d'aller demeurer chez lui, je m'implante dans la maison de Massloff, pendant son absence — il a laissé son domestique.

J'ai visité une grande galerie de tableaux modernes que le comte Koucheleff a laissés à l'Académie des arts: rien de bien remarquable, à l'exception d'un grand... Jules Dupré, qui est relégué ici au-dessus d'une porte[11] et qu'on vendrait bien 6 ou 7000 francs à Drouot[12].

Je recommence mon n° 11 ce soir[13].

Pour ne pas remettre à plus tard, et en attendant, je vous embrasse tous cent mille fois et je baise avec tendresse vos chères mains.

Auf ewig
Der Ihrige
J. T.

3694. М.В. АВДЕЕВУ

13 или 20 мая (25 мая или 1 июня) 1874. Петербург

Понедельник. 4 часа п.п.

Любезнейший Михаил Васильевич, весьма рад буду с Вами увидеться — но завтра (во вторник) я уже отозван на обед и вечер — и с 11 до 2-х я не буду дома. От 2-х до 3-х буду ждать Вас.

До свидания — жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3695. Н.А. КИШИНСКОМУ

20 мая (1 июня) 1874. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница Демута, № 53.
Понедельник, 20-го мая 74.

Любезный Никита Алексеевич,

Вот уже скоро две недели, как я здесь, и выезжаю отсюда в четверг в Москву, где пробуду 5 дней — так что с не-

большим через неделю я приеду в Спасское. Из Москвы я Вас извещу немедленно[1] — а Вы ждите меня и храните у себя те деньги, о которых Вы пишете.

До скорого свидания.

Доброжелатель Ваш Ив. Тургенев.

3696. ПОЛИНЕ ВИАРДО

21, 22 мая (2, 3 июня) 1874. Петербург

№ 11

St. Pétersbourg.
№ 53, hôtel Demouth.
Mardi soir, 21 mai / 2 juin 1874.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, je ne reçois plus de lettres de vous — et je sais pourquoi: vous me supposez à Moscou et vous m'écrivez à Moscou. Je suis resté ici bien plus longtemps que je ne l'avais supposé. Mais je pars décidément *après-demain, jeudi*[1]. C'est pourtant dur de ne pas recevoir de lettres: les vôtres étaient si bonnes et si charmantes[2].

Savez-vous où j'ai passé toute la journée d'aujourd'hui? — A quinze werstes de Pétersbourg, dans une colonie de jeunes détenus. C'est la première qu'on ait fondée en Russie: elle est faite sur le modèle des maisons pénitentiaires françaises (La Mettraie et autr.[3]). Ce qui est extraordinaire, c'est que, d'après les règlements rédigés par un comité fort libéral, il n'y existe ni punitions corporelles, ni prison, ni punition au pain et à l'eau. — On ne fait même pas maigre pendant le Carême! Malgré tout cela, malgré l'état abject, au moral et au matériel, dans lequel se trouvent tous ces jeunes criminels, — les résultats acquis sont extraordinaires! Je n'ai vu nulle part autant de simplicité, je dirais même de décence, de bonne humeur, de rapports aussi francs et aussi humains entre l'autorité et les subordonnés. — Ils sont tous en liberté, et personne ne songe à s'enfuir. — Il faut dire que le supérieur est un homme tout à fait remarquable, un pédagogue modèle, calme, intelligent, ferme et doux, qui s'est voué à cette tâche — à cet apostolat. — Il donne *la main* à tous ces petits voleurs... C'est un détail tout a fait surprenant en Russie, qui est, il faut le dire, le pays des surprises. — Le secret de toute l'affaire est de la voir faire jouer le ressort de la dignité humaine, de l'amour-propre, si l'on veut, qui n'est jamais absolument cassé, quelque dégradé que soit l'être humain.

Le nom du supérieur est *Herd*, c'est une famille anglaise établie depuis longtemps à Pétersbourg. — Ce mélange est peut-être nécessaire.

Le temps est devenu un peu meilleur et une petite verdure languissante apparaît aux arbres. — Dimanche et lundi, il y a eu des fêtes populaires au Jardin d'été avec une tombola de charité. J'ai pris des billets pour 45 francs et gagné une petite cuiller en argent doré, qui en vaut bien 4 ou 5.

Mercredi soir.

J'ai dîné aujourd'hui chez le vieux Petroff, auquel j'ai porté votre romance[4] et qui en est enchanté. — (NB). Je suis aussi allé voir Mme Niessen; je l'ai vue, j'ai vu son mari avec sa perruque (Mme Niessen a toujours ses verrues, — mais elles semblent moins grandes; est-ce la mélancolie d'avoir quitté le Conservatoire qui est cause de cet amoindrissement étrange?). J'ai vu aussi chez elle une Mme Rechke, une très belle personne, ma foi, blonde et blanche, qu'elle déclare être sa meilleure élève, et qui doit débuter bientôt à Venise. Pour en revenir à Petroff, il vous adore toujours, comme par le passé. — Il y a là un buste de vous, couronné de lauriers, encore assez ressemblant[5]. J'ai vu aussi sa femme (le contralto) qui a 60 ans et pas une seule dent à la mâchoire supérieure[6]. Eh bien! après dîner elle a chanté deux romances assez bizarres, mais touchantes de Mr Moussorgski (l'auteur de "Boris Godounoff" — qui était présent) avec une voix encore adorable, d'un timbre jeune, expressif, charmant! — Je suis resté tout béant, et j'ai été attendri — jusqu'aux larmes, je vous assure. Ce Moussorgski nous a joué — et on ne peut pas dire chanté — *râlé* — quelques fragments de son opéra et d'un autre qu'il est en train de composer, et cela m'a paru caractéristique, intéressant, ma parole d'honneur![7] Le vieux Petroff a chanté sa partie de vieux moine ivre et gouailleur (il se nomme Varlam, regardez la traduction de Pouchkine, faite par Viardot[8]) — parfaitement bien. Je commence à croire qu'il y a de l'avenir dans tout ceci[9]. — Moussorgski a un faux air de Glinka; seulement il a le nez complètement rouge (malheureusement, c'est un ivrogne), des yeux pâles, mais beaux et des petites lèvres pincées dans un gros visage aux joues pendantes. — Il m'a plu; il est très naturel et sans phrases. Il nous a joué l'introduction de son second opéra[10]. C'est un peu wagnérien, mais beau et pénétrant. — Allons, allons, messieurs les Russes!!

Je vous écrirai encore avant de partir et je vous enverrai un télégramme de Moscou — je suis tout impatient d'y trouver des lettres! En attendant, j'embrasse tout le monde et je baise vos mains[a].

Der Ihrige J. T.

3697. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

23 мая (4 июня) 1874. Петербург

С.-Петербург.
№ 53, гостиница "Демут".
Четверг, 23-го мая 1874.

Любезный брат,

Я завтра вечером выезжаю отсюда и прибуду в Москву послезавтра, в пятницу[a], в 11 ч. утра. Хотя Маслова в Москве нет[1], однако я остановлюсь у него, ибо у тебя, вероятно, места в доме нет. Но я был бы тебе очень благодарен, если б ты распорядился *высылкой мне кареты* на станцию.

Если на мое имя пришли письма, то будь так любезен и сохрани их до моего приезда.

Обнимаю тебя.

Любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3698. ПОЛИНЕ ВИАРДО

25 мая (6 июня) 1874. Петербург

№ 12

St. Pétersbourg.
№ 53, Hôtel Demouth.
Samedi matin, 25 mai / 6 juin 74.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, vous serez bien étonnée, en recevant cette lettre, de me savoir encore à P⟨éters⟩b⟨our⟩g, et moi aussi j'en suis étonné, mais cette fois-ci, c'est contre ma volonté. Je devais partir avant-hier, jeudi, pour Moscou, et j'avais déjà télégraphié à mon frère pour le prévenir, quand je rencontre Mr Stassoff, le grand cririque, prophète, chef, etc. de toute la nouvelle école musicale en Russie; il m'in-

---

[a] *Далее в оригинале письма одна фраза отрезана.*

[a'] *Так в подлиннике, вместо*: субботу.

vite à passer la soirée chez lui — en me disant que tous ces messieurs se réunissent ce jour même dans sa maison et qu'A. Rubinstein aussi vient exprès de Péterhoff (où il a acheté une maison). — La nouvelle école ne le reconnaît pas pour un compositeur, mais elle "l'admet" comme exécutant. — Je consens à remettre mon voyage d'un jour: la curiosité me piquait, et puis l'idée de pouvoir vous raconter tout cela! — J'arrive à 7 h.1/2. Toute l'école y était: Mr Kuï, Borodine, Rymski-Korsakoff et sa femme, Moussorgski — et Rubinstein. Rubinstein, avec lequel nous nous embrassons cordialement, me demande de vos nouvelles (il est devenu bien laid, par parenthèse — sa figure s'est élargie en tous sens) — et puis se met au piano — et joue admirablement, quoique trop bruyamment, les variations sérieuses de Schumann, une des dernières sonates de Beethowen, deux morceaux de Chopin. — Pendant qu'il joue, je sens des spasmes me prendre — des coliques; — pourtant, je n'avais rien mangé! — J'avale une ou deux pastilles de menthe mais bast! les coliques augmentent, passent de l'estomac aux reins et deviennent d'une violence telle que je ne puis plus ni rester debout, ni m'asseoir, ni me coucher — je veux retourner à la maison... Impossible! Je suis forcé de me tenir courbé en deux, les douleurs deviennent intolerables, absurdes, une sueur froide ruisselle sur tout mon corps, mais c'est la mort! — Non, ce n'est pas encore la mort, et ce n'est pas le choléra, comme vous le supposez peut-être, c'est une *colique néphrétique*. Je connaissais le mot jusqu'à présent — maintenant je connais la chose: comme torture, c'est superfin! Je répands la terreur parmi tous les musiciens présents, on court chercher un médecin, on en amène un du poste de police voisin — il me fait avaler de l'opium, on m'enveloppe de serviettes chaudes, on me crible de sinapismes... deux heures se passent — je suis enfin en état de revenir à l'hôtel; un des jeunes gens qui m'accompagnent s'offre à passer la nuit chez moi — et fait bien: car la nuit la crise me reprend[1]. — On va de nouveau chercher un docteur — cette fois-ci, c'est un accoucheur, enfin, vers le matin, les douleurs se calment, mais je reste courbé jusqu'au moment où l'un des innombrables docteurs qui se mettent à pleuvoir chez moi me conseille de prendre un bain chaud. — Je redeviens un être possible, quoique très faible et je passe la soirée, étendu sur un canapé, entouré de gens qui bavardent, fument et me témoignent, il faut le dire, les sympathies les plus amicales. — La nuit se passe bien, et ce matin, je suis — à peu près — comme une alouette — mais il y aura une petite consultation ce soir à 10 heures — le Dr Eichwald, le rival de Botkine[2],

doit venir, pour voir ce qu'il faut faire pour qu'une pareille aventure ne se renouvelle pas. — Le plus clair de tout ceci — c'est que mon voyage est remis de 3 jours; que pendant trois jours je n'aurai pas de vos lettres — ce qui est bien dur, et que je n'aurai pas entendu — de mes propres oreilles — les merveilles de la nouvelle école russe![3]

Dans ce moment, je crois me rappeler que vous aussi, vous avez eu une fois dans votre vie, je ne sais où, à Boulogne, je crois, une colique de la même espèce.

Je ne sais pas quel est le degré de talent ou de génie, selon Mr Stassoff — que possèdent tous ces messieurs — mais je dois dire qu'ils se sont montrés tous fort aimables et gentils.

Avez-vous connu à Varsovie une Mme Stcherbatcheff? — Son fils, un grand jeune homme pâle[4], qui a des cheveux flottants et de gros sourcils noirs, qui parle d'un air exalté, affecté et nerveux, qui adore Liszt et Berlioz, qui est poète, compositeur et peintre, et que je soupçonne d'être un beau zéro bien rond, m'assure que sa mère a été une de vos plus intimes amies. Il se trouvait aussi chez Mr Stassoff.

C'est un vrai désert — tout ce temps que je passe sans avoir de vos nouvelles: c'est abominable. Je suppose que vous devez être déjà à Bougival. Le temps est devenu superbe même ici — les arbres verdissent à vue d'œil.

Retenez bien ceci: tous ces retards *ne sont pas* des retards. Le *15 août* (au plus tard!) je fais mon entrée à Bougival. — C'est immuable!!! En attendant, l'alouette vous embrasse tous et je vous baise bien tendrement les mains.

Ewig Der Ihrige J. T.

3699. И.В. ГОРДЕЕВОЙ-ЩЕРБИНСКОЙ

26 мая (7 июня) 1874. Петербург

Воскресенье, 26-го марта[a].
Гост⟨иница⟩ Демута. 1874 г.

Милостивая государыня Ирина Валериановна,

Я должен просить у Вас извинения в том, что не явлюсь к Вам лично, а принужден доставить Вам Ваши сочинения[1] через посыльного. Я прочел их с удовольствием; мне особенно понравилась "Ночь на Иванов день"[2]. Публика, для которой Вы трудитесь, должна быть Вам благодарна.

---

[a] *Так в тексте публикации.*

Желая — и для Вас, и для нее — продолжения Вашей полезной деятельности, прошу Вас принять уверение в чувствах совершенного уважения и преданности, с которыми честь имею пребыть Вашим покорнейшим слугою.

Ив. Тургенев.

3700. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

26 мая (7 июня) 1874. Петербург

С.-Петербург.
Воскресение, 26-го мая 74.
№ 53, гостиница Демута.

Любезный брат,

Третьего дня я принужден был послать тебе телеграмму[1], в которой известил тебя, что меня нечто задержало в Петербурге. Это "нечто" был довольно сильный припадок колики в почках — того, что французы называют "une colique néphrétique".

Теперь я поправился — выезжаю *завтра* вечером в 7 1/4 — и, если ничего не случится, буду во *вторник* в 11 часов утра в Москве. Повторяю тебе мою просьбу выслать мне на станцию карету.

Я также просил тебя выслать мне сюда письма на[a] мое имя, если таковые у тебя были; но, вероятно, их не было — ибо я ничего не получил.

Итак, до скорого свиданья — дружески тебя обнимаю и остаюсь

любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3701. ПОЛИНЕ ВИАРДО

28, 29 мая (9, 10 июня) 1874. Москва

№ 14

Moscou.
Au Comptoir des Apanages.
Mardi soir, 28 mai / 9 juin 1874.

Chère et bonne Madame Viardot, theuerste Freundinn — ecco mi al fine in Babilonia![1] — le dernier mot est d'autant plus

---

[a] *Далее зачеркнуто*: главный.

de mise (quoique la ville de Moscou m'ait paru diablement laide et sale et puante) — que je suis logé dans un palais — Massloff ayant quitté Moscou et m'ayant abandonné tous ses vastes appartements. — Il est vrai qu'en fait de domestique je n'ai qu'un vieux soldat en retraite constamment entre deux... eaux-de-vie — mais c'est une bagatelle. — Imaginez-vous mon bonheur en trouvant *six* lettres de vous![2]. Si vous aviez vu combien de fois je les ai lues et relues, vous ne m'accuseriez certainement pas de n'y pas faire attention. — Je vais y répondre par ordre: en attendant je vais vous dire en deux mots ce qui m'est arrivé à P⟨éters⟩bourg après la dernière lettre que je vous ai écrite[3]. 1°) Ma *colique* a disparu[4]; 2°) j'ai eu pendant toute une journée une vraie inondation de médecins, envoyés par des amis; 3°) La consultation de Mr *Eichwald* a eu lieu, il m'a fait mettre nu comme un ver, il a tapé sur tout mon corps avec un gros marteau — sous prétexte d'auscultation — et il a fini par me dire que rien ne s'opposait à ce que je vive encore 30 ans; — que j'avais en effet les reins et la vessie (pardon!) un peu malades — mais que Carlsbad devait certainement me faire du bien. — Ensuite — il m'a accablé de sa générosité en ne voulant rien recevoir de moi (pas plus que l'autre docteur) — et voilà! Le jour de mon départ ça a été à mon tour de donner des consultations; quatre auteurs — dont trois jeunes et un vieux! — Je n'ai pas pu être aussi consolant que Mr Eichwald: un des jeunes a pourtant une lueur de talent poétique — mais que de travail encore! — Puis je suis parti — *lundi* (vous remarquerez que c'est toujours un lundi que tout arrive — et part — chez moi) — à 7 1/2 h. du soir. — Et ce matin à 11 h. — j'étais l'hôte de Massloff. Mon frère est venu me voir — il se porte admirablement, mais son nez devient quelque chose de phénoménal!! Puis deux autres amis; nous avons dîné ensemble — (à 2 h. je vous ai envoyé un télégramme[5]) puis nous sommes allés voir le "Revizor" de Gogol, joué par de mauvais acteurs devant une salle vide[6]. — Et me voilà attablé et vous écrivant. — Il est minuit — mais je n'ai aucune envie de dormir. — Attention! Nous allons passer en revue vos lettres — et répondre aux questions qui s'y trouvent:

№ 7 — Admirable lettre — avec les citations de Mme Ackermann, qui me frappent extrêmement. — Il faut que je lise cette dame. — Il y a 4 vers dans une poésie de A. de Musset qui rappellent cette game ⟨?⟩[7] nihiliste:

> Et sur tous ces débris joignant leurs mains d'argile,
> Etourdis des élans d'un instant de plaisir
> Ils croyaient échapper à cet Etre immobile
> Qui regarde mourir[8].

Mais combien c'est plus poignant chez l'autre. — Ce que vous dites de tout cela — est parfait!

"Rosenzeit" étant déjà gravé — j'ai dû dédier à Mlle Nissen la "Soldatenbraut", "Nachtwandler" à *Pétroff*; "Im April" à Mlle *Iretzki*; "Finnisches Lied" — à Mme *Poliakoff*; "Юношу" — à Mlle *Lavrovski*[9]. — Vous n'aviez point parlé de Mme Abaza — et puis elle ne chante plus du tout. — C'est dommage qu'on ne puisse pas aller à Weimar! — Je suis content de savoir que les dlles Huber se remettent du terrible coup.

№ 8 — Lettre avec celle de Heyse[10]. — Je regrette le départ de Harlamoff pour Ems — mais je suis heureux de savoir que le portrait devient admirable![11] — Johansen a fait les mêmes conditions: 25 *roub.* par romance. — Je vous apporterai ou enverrai de Carlsbad — les épreuves. — Vous payez le port très exactement.

№ 9 — Description charmante du *Jeudi* avec "Mireille"[12]. Je vous volerai la phrase "*effet de sourire archéologique*".

№ 10 — Vous n'aviez rien reçu de moi — ça a été un retard involontaire — j'ai pourtant été exact. — Citation hyperbombificococasse de Hugo! — C'est un fou systématique — bien plus qu'involontaire[13]. — Non, je ne me trouve pas bien en Russie — mais il le fa...allait, if fallait rester à Pétersbourg, comme dit Bilboquet[14], je crois. — Il fallait faire des études. — Quant aux *admiratrices*, dont je ne parle pas — c'est qu'hélas! je n'en ai pas vu — d'aucune espèce. Elles ne ⟨se⟩ sont pas déclarées — dans tous les cas.

№ 11 — Grande et gentille lettre de la bonne petite Mariandl[15], que j'embrasse bien fort et à laquelle j'écrirai — en vers! — de Moscou[16]. — Elle m'inspire la poésie! — Je suis heureux — rétrospectivement d'apprendre — que mes lettres sont enfin parvenues. Si vous voyez Mme Sand, dites-lui que je suis à ses pieds et que je compte bien la revoir au mois de septembre à Nohant[17].

№ 12 et dern ⟨ière⟩ — Tout ce que vous dites de Mérimée est la vérité même. — Quand vous ne voudrez plus donner des leçons de chant, faites-vous professeur d'esthétique — vous en savez plus long que beaucoup de ces Messieurs. — Reçu la lettre de Flaubert — pauvre diable! Il se dit *vidé* — et ne se doute peut-être pas à quel point il dit vrai[18]. — Je suis sûr que vous êtes à l'heure qu'il est à Bougival — mais je ne connais que la consigne — et j'écrirai à la rue de Douai.

Et maintenant, bonsoir, theuerste Freundinn, je vais dormir.

Mercredi, $\frac{\text{10 juin}}{\text{29 mai}}$.

Passé une nuit excellente — vais commencer courses — reprendrai la plume ce soir[19] — en attendant — embrasse avec tendresse tout le monde — und küsse mit Inbrunst Ihre lieben Hände.

Der Ihrige J. T.

3702. Н.А. КИШИНСКОМУ

31 мая (12 июня) 1874. Москва

Москва.
В д. Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Пятница, 31-го мая 1874.

Любезный Никита Алексеевич, я приехал сюда третьего дня — и выеду в Спасское, вероятно, в понедельник или, *скорее, во вторник вечером*[1], в 7 1/2 ч. Ждите меня на Мценской станции либо во вторник утром, либо в середу. Я пишу сегодня только с тем, чтобы предупредить Вас.

Будьте здоровы и до свиданья.

Ив. Тургенев.

3703. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

1(13) июня 1874. Москва

Moskau.
Sonnabend, d. 13/1. Juni 74.

Mein lieber Freund,

Ihrem Brif vom ?/6 74... (was diese Hieroglyphe sagen will — das geht über meine Begriffsfähigkeit) habe ich erst heute und hier bekommen[1] — und beeile mich zu antworten. In ein paar Tagen geh' ich auf mein Landgut — und komme, deo volente, nach Berlin erst Anfang Juli, wo Sie schon natürlich nicht mehr da sind[2]. Was kann ich Ihnen wegen der unglücklichen Uebersetzung sagen? Ich gebe Ihnen *cartissima blanchissima*. Thun Sie, was und wie Sie wollen — das Beste wäre vielleicht die ganze Machine an den Berserker zurückzusenden — denn die französische Uebersetzung ist schwerfällig — aber *treu*[3]. Wie gesagt — ich ernenne Sie zum *Dictator*! — und entziehe mich auf sothane geschickte Art jeder Verantwortlichkeit!!

№ 2. Ich habe den Meurer nicht vergessen, habe den Rennenkampf gesehen, der wirklich ein sehr grosser Esel ist — und habe von ihm erfahren, dass Meurer vorläufig die *Hälfte* der Summe bekommen wird. Ist es dennoch nicht geschehen? Ich schreibe morgen an Meurer — und er soll mir darüber Auskunft geben — bei meiner Durchreise werde ich noch vielleicht etwas in P⟨eters⟩burg ausrichten können. Aber mein Einfluss ist — leider! — ganz miserabel klein, ich habe mich davon überzeugen können[4].

№ 3. Der *Turgeneff* en question — bin ich nicht, und auch nicht mein Bruder — sondern der bekannte Politiko-Economist Herr Nikolaus Turgeneff — der im Jahre 1872 in Paris gestorben ist — und eine Familie hinterlassen hat — Frau, Tochter und 2 Söhne — die ein prachtvolles Haus, rue de Lille, 97, Paris (sie sind nämlich enorm reich) bewohnen. Madame Clara Tourguéneff hat mir schon mehrmals von diesem königlichen Geschenk gesprochen — und wenn Herr D. sich an Sie wenden will, so wird sie ganz gewiss, ohne Zögern und mit Freude antworten[5].

Mir geht es so ziemlich — meine *cara patria* ist doch ein wunderlich Ding! Der Familie Viardot geht es auch gut; nur fürchtet man eine fausse couche für meine theure Didie...[6] Das wäre ein harter Schlag!

Grüssen Sie alle guten Freunde — und auf Wiedersehen... wo? und wann? — das wissen die Sterne und schweigen davon.

Ihr I. Turgénjew.

3704. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

2(14) июня 1874. Москва

Москва.
В доме Удельной конторы,
на Пречистенском бульваре.
Воскресение, 2-го июня 1874.

Действительно, очень жаль, что Вы не дождались меня в Петербурге, любезная баронесса. А то теперь как увидеться? Я послезавтра еду в деревню — но я так замешкался по дороге, что мне там вместо месяца придется пробыть всего с неделю или дней 10 — tout au plus — и едва ли дела позволят мне урваться на время, достаточное для того, чтобы сделать хотя небольшое — но все-таки путешествие к Вам[1]. Я, однако, не теряю надежды — и во всяком случае извещу Вас заранее.

Но думаю, что мы не увидимся раньше Парижа, если Вы завернете туда.

Желаю Вам всего хорошего — а самому себе удовольствия увидаться с Вами. Жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3705. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

5(17) июня 1874. Спасское

С. Спасское.
Орловской губ., Мценского уезда.
Середа, 5-го июня 1874.

Любезнейшая баронесса, я сегодня приехал сюда — но так как я останусь здесь гораздо меньше времени, чем я предполагал, и дела у меня довольно — то я едва ли попаду к Вам, хотя и хотелось бы мне воспользоваться Вашим радушным приглашением[1]. На всякий случай скажу Вам, что на Орловско-Курской железной дороге между Мценском и Чернью есть полустанок *Бастыево* — и мое Спасское-Лутовиново от него в 4-х верстах... но в Бастыеве лошадей нет и надо знать, *когда* гости приезжают и высылать к ним лошадей; от Мценска же Лутовиново в 10 верстах — в 5 верстах от старой Белевской дороги — и в Мценске и лошади всегда есть, и Спасское-Лутовиново est connu comme le loup blanc.

Не смею ничего больше прибавлять и говорю Вам: до вероятного свидания в Париже. Крепко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3706. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

5(17) июня 1874. Спасское

Spasskoïé.
Gouvernement d'Orel, ville de Mtsensk.
Jeudi, 17/5 juin 1874[a].

Mon cher Zola,

Si vous avez un atlas, trouvez-y la carte de Russie et faites glisser votre doigt, en partant de Moscou, dans la direction de la Mer Noire, vous trouverez sur votre chemin — un peu au nord d'Orel — la ville de Mtsensk. Eh bien! mon village est à 10

---

[a] *Так в тексте публикации.*

kilomètres de cet endroit assez peu prononçable, comme vous voyez. C'est une solitude calme, verte, triste, absolue. Si je puis y travailler, j'y resterai quelque temps, sinon, je file, et après un séjour de six semaines à Carlsbad, je rentre à Paris, où je vous verrai bien certainement.

Et maintenant, les affaires!

J'ai acquis à Pétersbourg la conviction que, vu l'état actuel de la législation internationale, il n'y a rien à faire pour empêcher le premier venu de vous traduire et de vous publier[1]; c'est pourquoi je n'ai pu placer la "Conquête de Plassans". Aucune traduction n'en a encore paru, mais l'éditeur de la revue dont je vous ai parlé ne voulait pas se risquer à commander une traduction dont il n'aurait pas eu la primeur[2]. (Au moment, où je quittai Pétersbourg, "La Curée" venait de paraître chez un libraire sous le titre "Dobytcha, brochennaia sobakam", mot à mot: "Proie, jetée aux chiens"[3].) Mais comme l'éditeur en question tient beaucoup à publier vos ouvrages dans sa revue, il vous propose par mon entremise de vous payer 30 roubles (105 francs) par feuille d'impression pour tout ce que vous lui enverrez en manuscrit et en épreuves, et comme il doit payer à peu près autant au traducteur je trouve que c'est un prix raisonnable et que vous devez l'accepter[4]. Répondez-moi à l'adresse suivante:

"M. I. T. St.-Pétersbourg, hôtel Demouth, Grande rue des Ecuries".

Je serai là dans une vingtaine de jours au plus tard et je pourrai transmettre votre réponse à l'endroit voulu.

L'éditeur a lu votre "Conquête" et en a été ravi.

Le roman que vous êtes en train d'écrire m'intrigue beaucoup. Il me semble qu'il sera excellent. Le sujet en est très simple et très original à la fois[5].

Je viens d'écrire à Flaubert, mais je crains fort que ma lettre ne le trouve plus à Croisset. Il avait l'intention d'aller se rafraîchir le sang en Suisse, au Righi[6]. Le public russe n'a pas voulu mordre à son "Antoine" qui n'a pas même été défendu![7] Il ne faut pas qu'il sache cette particularité.

Au revoir, je vous souhaite santé et bonne humeur, et je vous serre cordialement la main.

Iv. Tourguéneff.

P.S. La politique prend une drôle de tournure chez vous[8].

3707. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

5(17) июня 1874. Спасское

Spasskoïé.
Gouvernement d'Orel, ville de Mtsensk.
Mercredi, 17/5 juin 1874.

Mon cher ami,

Je vous écris du fond de mon sac, où je suis arrivé ce matin et où je trouve votre lettre du 1-er juin. Elle a mis du temps — comme vous voyez — mais ce n'est pas sa faute, ni celle de Mme Viardot[1]. Je ne croyais pas rester si longtemps à Pétersbourg et à Moscou — et j'avais donné un itinéraire — ou plutôt un arrangement de mon temps qui se trouve être inexact. Ce qui est ennuyeux — c'est que vous ne serez plus à Croisset à partir du 20 — c'est-à-dire à partir d'après-demain — et que cette lettre aura à courir après vous[2]. Elle vous rattrapera, j'en suis sûr — et pourtant — cela me glace tant soit peu la plume.

Ce n'est pas la première fois que je vous écris d'ici — et vous connaissez l'endroit: c'est vert, doré, large, monotone, doux, vieillot et terriblement immobile. Un ennui patriarcal, lent et enveloppant. Si je puis travailler, je resterai ici quelques semaines; sinon, je pars comme une flèche pour Carlsbad — et de là pour Paris. Mon séjour en Russie n'a pas été inutile — en tous cas; j'ai trouvé — à peu près — ce que je cherchais; il est vrai que je suis moins — beaucoup moins — exigeant que vous; vous l'êtes trop. Vous êtes content du roman de Zola?[3] Je lui ai écrit; j'ai arrangé son affaire pour l'avenir — ce n'est pas grand-chose; mais autant vaut cela que rien. Il continue à être fort lu en Russie — et traduit: on vient de publier sa "Curée"[4].

"Antoine" n'est décidément pas pour le gros public: les lecteurs ordinaires reculent épouvantés — même en Russie. Je ne croyais pas mes compatriotes si mièvres que cela. Tant pis! Mais "Antoine" — malgré tout — est un livre qui restera[5].

Je vous raconterai pas mal de choses qui vous feront rire — une fois que je serai de retour — et dans votre bon cabinet de Croisset. Il y a des choses bien bizarres — et intéressantes — dans ma "cara patria". Pour le moment, grâce à un léger abus de laitage auquel j'ai cru pouvoir me livrer, dans l'espoir que l'air natal ferait tout passer, je suis en proie à des coliques d'une violence!! Je crois qu'elles doivent se sentir jusque dans la forme des lettres des mots que j'écris... Ce n'est ni bizarre, ni intéressant — quel chien d'estomac!

Et quelle chienne de politique dans ce moment!!? Hein?

Qu'en dites-vous? Ni vous, ni moi, nous n'aimons pas qu'on en parle — mais le moyen de ne pas pousser au moins un Oh ou un Ha![6]

Je pense avec plaisir au moment où nous pourrons reprendre nos petits dîners si gentils d'auteurs dramatiques sifflés[7]. En attendant, si cette lettre vous trouve perché sur un glacier quelconque du Righi, rafraîchissez-vous à force!

Quand vous écrirez à votre gentilissime nièce, faites-lui mes meilleures amitiés. Je vois bien que je ne la verrai pas en Russie[8].

Etude de compatriote vu par derrière (le 16 juin, par 16 degrés du chaleur).

Là-dessus (pas sur ce derrière) je vous embrasse et vous dis: au revoir.

Votre vieux Iv. Tourguéneff.

3708. П.В. ШУМАХЕРУ

5(17) июня 1874. Спасское

С. Спасское.
Орловской губ., город Мценск.
Середа, 17/5-го июня 74.

Любезнейший Петр Васильевич,

Я сегодня приехал сюда и нашел Ваши два письмеца[1]. Спасибо за фельетон Соллогуба[2], который очень недурен — а Шлоссбрун[3] надо пить от одного до 4-х стаканов — и никак не больше. Очень рад, что Вы серьезно подумываете о леченье. Читал статейку Маркевича: Катков имеет особую способность — присущую, впрочем, всем ренегатам — воспитать себе клевретов, которые за него с азартом лезут в грязь[4]. Черт с ним и с ними.

Я Вас увижу в Петербурге — а пока будьте здоровы — жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3709. А.Н. ОСТРОВСКОМУ

6(18) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ., Мценского уезда).
Четверг, 6-го июня 1874.

Любезнейший Александр Николаевич, пишу к Вам из своей деревни, куда приехал вчера. Мне, собственно, следует, по словам Гоголя, назвать себя публично телятиной...[1] Вот в чем дело. Есть на свете один французский писатель, по имени Э. Дюран, который весьма порядочно знает по-русски. Он занимается переводами — и я ему порекомендовал Ваши пиэсы, начиная с "Грозы", как более доступной и понятной французам. Он ее и перевел — и очень недурно; мы вдвоем ее прошли тщательно — я все ошибки выправил[2] — и с наступлением зимы она, если Ваше на то будет согласие, наверное будет напечатана — а может быть, даже поставлена на одном из хороших парижских театров[3]. В самый день моего отъезда Дюран, который пришел в восторг от "Грозы", принес мне тщательно переписанную рукопись — с тем чтобы я показал Вам ее и узнал Ваше мнение. Я почему-то непременно надеялся найти Вас в Москве — а ведь виделся с Вашим братом в Петербурге и знал, что он уезжает в деревню![4] То-то моя глупость! Теперь прошу у Вас следующего разрешения: или Вы поверите мне на слово, что перевод хорош, и пришлете мне позволение ее печатать и отдать, если можно, на сцену (разумеется, я постараюсь сделать это так, чтобы соблюсти Ваш интерес) — либо Вы пожелаете посмотреть-таки рукопись. Тогда напишите мне слово в Москву, в дом Удельной конторы, на Пречистенском бульваре. Я там жил у Маслова и оставил там рукопись вместе со многими другими вещами, так как я в деревню приехал ненадолго. Найдя Ваше письмо в Москве, я немедленно распоряжусь и вышлю Вам рукопись в Кинешму — а Вы, прочтя ее, доставьте мне ее (если одобрите) в Карлсбад (в Богемии) poste restante — я там пробуду 6 недель, начиная с 1-го июля нашего стиля — буду пить воды, которые так хорошо помогли мне от подагры. Раньше зимы — всё равно — ни печатать, ни играть "Грозы" не будет возможно; а Вы успеете выправить ошибки, если таковые еще найдутся. Путешественников русских в Карлсбад много — и Вы можете даже найти оказию.

Dixi et animam salvavi.

Дайте мне знать, как Вы живете-можете, работаете ли — и что именно работаете?[5] В конце года я, быть может, сам прибуду в Россию. А познакомить[a] Европу с Вами мне вот как хочется!

Поклонитесь от меня любезнейшему Михаилу Николаевичу.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

душевно Вам преданный Ив. Тургенев.

P.S. В Петербурге я видел "Лес". Разыграна пиэса была довольно плохо — но какая это прелесть! Характер "трагика" — один из самых Ваших удачных[6].

3710. ПОЛИНЕ ВИАРДО

6, 7 (18, 19) июня 1874. Спасское

№ 20

Spasskoïé.
(gouv[t] d'Orel, ville de Mtsensk).
Jeudi, 18/6 juin 1874.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, on m'apporte à l'instant votre lettre, avec la description classique et admirable du "Requiem" de Verdi![1] Je crois bien que j'aurais été heureux de l'entendre à vos côtés! — A la fin de la lettre, vous parlez des inquiétudes que vous a causées ma colique! Mais les télégrammes et les lettres suivantes ont dû vous prouver que cela n'avait laissé aucune trace: il n'y a eu de désagréable dans tout ceci que l'impossibilité dans laquelle je me suis trouvé placé de vous donner des détails sur la nouvelle musique russe[2]. — Les nouvelles rassurantes que vous donnez sur Didie m'ont rendu joyeux: du reste, je m'y attendais — votre lettre étant du 10, et le télégramme de Georges — du 14. Qu'elle se repose bien avant d'aller à Bougival![3] Je continue à vous écrire à la rue de Douai, quoique vous soyez à Bougival — mais je m'imagine qu'avec la poste d'ici — c'est plus sûr. — Il faudra que j'entende le "Samson" de St. Saëns avec Vergniet[4]; — pour cela il ne faudra pas le faire avant le 15 août; alors je suis sûr d'être là.

Il fait très beau temps; le jardin est splendide — mais pas mal mélancolique — avec ce *vieux* silence, qui n'est que renforcé par les cris incessants des corbeaux (rooks), qui sont en

---

[a] *Далее зачеркнуто:* Вас с.

train de faire sortir les jeunes de leurs nids. J'ai dejà été en butte à des attaques de pauvres diables, qui voient en moi la vache à lait si longtemps attendue! Que voulez-vous! Je me laisse traire — jusqu'à un certain point.

J'ai visité l'école[5] — 17 élèves — en hiver il y avait plus de 60. Le maître est le diacre du village, homme assez bête — mais pas ivrogne et pas méchant. L'élève le plus intelligent est un garçon de 8 ans, orphelin de père et mère, et enfant naturel. Une grosse tête, des yeux intelligents et tristes, une large bouche bien dessinée. Je vais le prendre sous ma protection. Examen de lecture, écriture, arithmétique et histoire ecclésiastique! — Ex.: — Nommez les parents de St. Jean Baptiste? — Zaccharie et Elisabeth. — Qu'il y a-t-il eu de remarquable dans la naissance de St. Jean? — C'est qu'Elisabeth était déjà très vieille — et son mari aussi — et alors, quand la prophétie est venue, Elisabeth disait: je suis si vieille, comment puis-je concevoir? — Mais rien n'est impossible à Dieu... etc.[6]. — Tout cela dans la bouche d'un enfant de 8 ans. — Quelle belle chose que la légende chrétienne! — Que faire? On ne peut pas avoir d'autres maîtres que des membres du clergé!

Puis j'ai visité l'hôpital — ou plutôt la maison de refuge[7]. C'est très propre et bien construit: 5 vieux et 4 vieilles. On va tâcher d'arranger encore de la place pour une vieille. Parmi les vieux, l'un a 91 ans, l'autre 85; l'un est borgne et a la tête fendue, le quatrième est idiot. Il y a une femme aveugle, une autre percluse des jambes. Pauvre humanité! Il a fallu les embrasser tous; ils pleuraient, non pas de joie de me voir ou de reconnaissance, mais d'attendrissement sur eux-mêmes et de ce vague effroi de la mort, qui fait sortir des yeux des vieillards ces petites larmes rondes... Enfin! Leurs lits, qui sont tous des lits de mort, sont propres, ils ont des robes de chambre propres; on les nourrit bien.

J'ai eu une longue conversation avec l'intendant. En somme, les affaires ne marchent pas mal et on espère une bonne récolte. Je suis menacé pour demain d'une invasion de paysans qui veulent aussi avoir de ma laine — ou de mon lait. Mais ils en ont eu déjà assez comme cela. Le vrai fléau en Russie, c'est l'ivrognerie — absurde, impitoyable, folle. Le village de Spasskoïé, qui est tout petit, a maintenant *deux* cabarets!!

Vendredi.

Les paysans sont venus. Nous avons eu une conversation d'une heure sur le balcon ou sur la terrasse de la maison. J'ai fini par leur faire cadeau d'une déssiatine de bois et d'un seau

et demi d'eau-de-vie (pour 6 roubles — 21 francs). Ils avaient tous des kaftans neufs, et pourtant, si on avait pu les transporter tout à coup boulevard des Italiens, quel effet foudroyant!

Le temps continue à être doux, trop doux, car il n'y a pas de pluie, et c'est ce qu'il faut pour les avoines! J'ai travaillé à un petit récit que j'ai promis à mon éditeur Salaïeff[8]. Je passe une partie de la journée dans le jardin — j'attire l'attention des oiseaux; — tous viennent regarder ce que c'est que ce grand animal inconnu et étrange qui envahit leur domaine? — Un râle de genêt est parti sous mes pieds — et je me suis souvenu que c'est votre gibier favori. Il n'y a ici qu'un vieux fusil tout rouillé — et rien pour le charger.

Voilà donc ce pauvre prince Troubetzkoï, qui est allé voir si tout ce que lui racontaient ses jésuites était la vérité![9] Je me souviens de nos chasses en commun à Bade et ailleurs, et de ses coups de fusil circulaires.

Mariandl! à demain... Ce ne sera pas le *loup*, cette fois- ci[10]. Dans une semaine je quitte Spasskoïé.

En attendant, je vous embrasse tous et je baise bien tendrement vos mains.

Der Ihrige J. T.

P.S. N'oubliez pas la photographie de *Georges*![11]

3711. Н.В. ГЕРБЕЛЮ

8(20) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губер., в город Мценск).
Суббота, 8-го июня 1874.

Любезный Николай Васильевич, проездом через Москву я получил от Салаева Ваши три прекрасных тома[1] — и благодарю за память. Что касается до моего биографического очерка, то мне — в сущности — следовало бы сделать одно замечание: Вы слишком лестно обо мне отзываетесь и — в особенности — придаете слишком большое значение моему поэтическому дару, которого, по правде говоря, у меня не было вовсе. Неточностей в заметке всего две. У меня было *два* брата — а не один. Младший — Сергей по имени — скончался 16 лет. Профессор Краузе вовсе не отличался настойчивостью; напротив, он позволял мне делать решительно что я хотел — и английскому языку я начал учиться раньше, чем попал к нему. Профессор грече⟨кой⟩

литературы в Берлине назывался Бӧк (August Böckh) — а не Бок. Просматривая остальные биографические очерки, я наткнулся на несколько ошибок, которые считаю нужным довести до Вашего сведения.

Озерова звали Владиславом, а не Владимиром.

Жуковский переводил "Овсяный кисель" и другие стихотворения не из *Гейбеля*, современного немецкого поэта — а из Гебеля (Hebel), швабского поэта, писавшего на швабском диалекте.

Огарев женился не на сестре Сатина, а на сестре *жены* Сатина, девице Тучковой.

Не *начальными* буквами были подписаны статьи Добролюбова в "Современнике" — а, напротив, *окончательными*: *бов*.

Профессор латинского языка в университете Петербургском во время экзамена Некрасова назывался не Фрей*ганг* (то был цензор), а Фрей*таг* — и был родной брат известного кавказского генерала.

Но всё это безделицы — а издание Ваше очень хорошее и полезное и, наверное, будет иметь большой успех, как все вообще Ваши издания[2].

Я остаюсь в деревне еще с неделю — потом через Москву и Петербург еду в Карлсбад — оттуда в Париж — и на зиму думаю вернуться в Россию и поработать. Надеюсь тогда увидеться с Вами — а до тех пор прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

3712. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

9 (21) июня 1874. Спасское

Спасское.
Воскресение, 9-го июня 74.

Любезный брат,

Ко мне сегодня приезжал некто г-н Эйснер из Орла, желавший купить Тапки; но я не имею намерения продать их теперь — и указал на твое Сычево, которое, по слухам, ты готов продать. Он просит тебя прислать твои условия (о цене и т.д.) по следующему адрессу:

В город *Орел*. В Георгиевском переулке, в д. Петровой.

Г-ну подпоручику Константину Ивановичу Эйснеру.

Мне сдается, он очень рьяный покупщик[1]. Маляревский был сегодня у меня и отдал мне № газеты[2]. Я, кажется,

скорей вернусь, чем думал, и в будущее воскресение буду в Москве. Во всяком случае до скорого свидания.

Обнимаю тебя.

Твой любящий брат Ив. Тургенев.

3713. КЛОДИ ШАМРО

10 (22) июня 1874. Спасское

Spasskoïé.
(gouv[t] d'Orel,
ville de Mtsensk).
Lundi, 22/10 juin 1874.

Ma chère bonne petite Didie de mon cœur, je t'écris à Bougival, parce que je suppose que tu dois y être — et surtout parce que je désire tant que tu y sois — puisque ce serait une preuve que ta santé t'a permis de te transporter hors de Paris. Je n'ai pas besoin de te répéter, quelles inquiétudes tu m'as causées — heureusement la réponse du bon Georges à mon télégramme est venue me tranquilliser. Elle était datée du 14 — et les lettres de ta maman, qui vont jusqu'au 13 — achèvent de me prouver que cela n'a été qu'une fausse alerte[1]. Et maintenant, soigne-toi bien, sois bien sage — car il faut être "comme une alouette" pour le retour de ton vieil ami, qui espère pouvoir te serrer sur son cœur, vers le 12 du mois d'août, dans 7 semaines...[2] C'est bien long! Enfin! Ton gros Georges m'écrit des choses beaucoup trop belles pour me remercier de tout ce que j' *ai eu le bonheur* de faire pour toi[3]. C'est moi qui ai à vous remercier tous deux — 1°) toi, d'être venue au monde et d'être ce que tu es; 2°) lui, d'avoir mérité d'être aimé par toi et de t'aimer et de faire ton bonheur; 3°) toi, de m'aimer; 4°) lui, de m'aimer aussi, car je suis sûr, — je crois être sûr — de cela; ainsi ne parlons plus de reconnaissance — et embrassons-nous tous tant que nous sommes!

Tu sais que je suis à Spasskoïé depuis 5 jours — et j'y reste encore autant[4]. Je me promène beaucoup — je travaille — et le temps passe. Je viens de donner une collation (des noisettes, des petits gâteaux et 10 copeks par tête) à toute mon école[5]; il y avait là des têtes que tu aurais aimé à peindre. Un petit garçon de 7 ans, joli comme un chérubin, avec des cheveux bruns frisottants et des yeux noirs, grands, limpides, naïfs et un peu bêtes: il est charmant, mais pas fort. Le plus fort de la classe: un bambin de 8 ans (orphelin et fils naturel) n'est pas beau, mais il a une figure remarquable — une tête énorme et un front tout

ridé, mais pas comme un vieux — comme un jeune chien (as-tu remarqué cela?). Cela lui donne un air de réflexion — étonnant. Avec cela de gros sourcils — un peu à l'Impératrice Eugénie[6] — comme cela et là-dessous des yeux gris, attentifs... mais attentifs! — On vient de lui faire une belle chemise rouge et des bottes... les premières qu'il ait jamais portées. Il se nomme Nikita Garassitchef. Qui sait? Ce sera peut-être un nom célèbre. Je veillerai sur lui.

Tu trouveras dans cette lettre un flocon d'une laine finissime avec des petits points noirs dedans. Les petits points sont des semences de saule — et cette laine leur est donnée par la Nature pour pouvoir voler à travers les airs aussi loin que possible — et ensemencer — si rien ne s'y oppose — l'univers entier.

Tu ne peux te figurer combien un seul saule envoie de cette laine — précisément maintenant — les ornières des routes, les sillons des champs en sont remplis — on dirait de la neige. Je rentre d'une promenade — et je suis couvert de ces petits flocons, absolument comme si j'étais sorti en hiver pendant un chasse-neige. Cette blancheur inattendue donne un aspect bizarre au paysage qu'un peintre n'oserait pas rendre, crainte de n'être pas compris.

J'avais pris un fusil pour tâcher de tuer un de ces grands corbeaux gris à ailes noires qui enlèvent les poussins et les jeunes canetons. J'en ai manqué un superbe — de mes deux coups! — Ton papa — voyant cela, aurait dit de moi: T⟨ourguénev⟩ baisse? comme il l'a dit de Blücher.

Oh ma chère Didie, soigne-toi bien! J'aime déjà tant ce petit être que tu portes dans ton sein. Je voudrais que ce fût une fille et qu'elle te ressemblât[7].

J'avais demandé une photographie de Georges. Envoie-moi la à *Carlsbad*, poste restante. Si rien ne m'arrive, j'y serai

dans une douzaine de jours. Vos deux photographies par Waléry sont *mauvaises* — je regrette de les avoir prises au lieu de celles de Carlsruhe. — Vous y êtes noires toutes les deux comme des bohémiennes...[8]. — Il faudra en faire d'autres par Carjat.

Mon enfant adoré, je t'embrasse avec tendresse — et toi — embrasse pour moi tout le monde, à commencer par Georges.

Dein alter treuer
J.T.

3714. А.Ф. ПИСЕМСКОМУ

10 (22) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губернии, в город Мценск).
Понедельник, 10/22-го июня 74.

Любезнейший друг Алексей Феофилактович, Ваше письмо[1] из Геттингена не застало меня уже в Москве — а было переслано мне сюда, и я получил его сегодня. Приехавши в Москву две недели тому назад, я тотчас же отправился в Ваш дом — но там мне сказали, что Вы за границей. Не считаю нужным говорить Вам, как глубоко поразил меня удар, обрушившийся на Ваше семейство, и как искренне я сочувствую Вашему горю. Понять причины подобного бедствия невозможно; тут, вероятно, действовала скрытая ото всех глаз психическая болезнь, которую, конечно, никто бы не стал подозревать в том прекрасном, цветущем юноше...[2] Но я не хочу вновь тревожить Ваши раны — и ограничусь тем, что крепко сожму руку и Вам и Вашей супруге — и буду просить Вас обоих никогда не сомневаться в моих дружеских и преданных чувствах.

Вы желаете знать, какие мои намерения в настоящее время. Вот они. Я остаюсь в деревне еще неделю, потом, не останавливаясь ни в Москве, ни в Петербурге, еду в Карлсбад и буду пить тамошние воды в течение пяти недель (воды эти чрезвычайно помогли мне от подагры). Около 10-го августа нового стиля я через Баден-Баден еду в Париж — или, собственно, в Буживаль, маленький городок в получасовом расстоянии от Парижа; там мои друзья Виардо наняли дачу — и я буду жить там с ними до 15-го октября. Если Вы приедете в Париж в августе месяце, то Вам стоит только написать мне два слова и отдать их на моей постоянной квартире — rue de Douai, 50 — и я тотчас явлюсь к Вам.

Мне очень приятно было услышать, что Ваш Павел останется в Париже; следовательно, я буду часто с ним видеться — и мы всячески постараемся его пригреть[3]. Вы мне не пишете о себе, где Вы думаете провести зиму: может быть, Вы сами этого еще не знаете — но об этом надо будет поговорить[4]. Отправляясь из Геттингена в Швейцарию, заезжайте в Баден-Баден; он у Вас на пути — и там Вы найдете П.В. Анненкова, который поселился там на всё лето (Schillerstrasse, № 7). Он будет очень рад увидеть Вас — и Вам, я уверен, будет приятно провести несколько дней с человеком, вполне сочувствующим Вам[5].

Итак — во всяком случае — до скорого свидания, мой любезнейший Алексей Феофилактович. Обнимаю Вас и Вашего Павла и целую руки Вашей доброй и милой жены. Чем дальше человек подвигается в жизнь, тем больше убеждается, какая это трудная и горькая штука... Да что делать? Этого не переделаешь.

Будьте здоровы.

Искренно Вам преданный Ив. Тургенев.

3715. П.В. АННЕНКОВУ

12 (24) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губер., город Мценск).
Середа, 24/12-го июня 1874.

Любезнейший друг Анненков, пишу Вам два слова из моего захолустья, куда я прибыл дней 10 тому назад — и где остаюсь до воскресенья. Прямо через Москву, Петербург и Берлин еду я в Карлсбад, где проживу 5 недель и куда прошу Вас написать ответ на настоящую цидулу — poste restante. Если все мы будем живы — то в первых числах августа увидимся в Бадене. Я знаю, что Вы теперь там: мне кто-то говорил, получивший от Вас письмо оттуда. Надеюсь, что вы все живы и здоровы под гостеприимным кровом г-жи Анштетт, которой передайте мой поклон.

Я очень доволен нынешним своим визитом в Россию — но в то же время я убедился, что, если я хочу сделать что-нибудь дельное, современное, большое, словом, если я хочу окончить задуманный — и начатый — мною роман[1], я непременно должен — как это ни жутко — вернуться на зиму в Петербург. Избаловал уж я себя очень заграничной тихой, хорошей, удобной жизнью; приятные

привычки вкоренились — не знаю, удастся ли мне отторгнуться ото всего этого... во всяком случае попытаюсь. Может быть, я и приеду, и все-таки ничего не выйдет — потому: мозги высохли! — по крайней мере совесть не будет укорять.

Не стану Вам говорить обо всем, что я видел и слышал; отлагаю это до нашего личного свидания. Скажу только, что так как Аксаковы перепугались (!) моему намерению написать статью об их отце и семействе (точно я памфлетист какой!)[2], а Салаев требовал чего-нибудь inédit в свое новое издание на место той статьи — то я для него написал здесь в Спасском, руководясь (как для "Живых мощей") клочком найденной здесь старой рукописи, небольшой рассказ под заглавием: "Стучит!"[3] Это анекдот из моей охотничьей жизни — особенного он значения не имеет — а все-таки я жалею, что он не может пройти у Вас перед глазами *до* напечатания. По "Пунину и Бабурину" (я исправил немного эту штуку — но она все-таки швах) я вижу, как Ваши указания мне полезны[4]. Но что делать! Авось эта безделка проскочит без изъяна.

Я получил письмо от нечастного А. Писемского — он теперь с женою в Геттингене, где их сын (теперь единственный) слушает курсы из римского права. Они собираются в августе в Швейцарию — я им посоветовал остановиться в Бадене и повидать Вас. Очень жаль их обоих, подобное несчастье горше смерти — гораздо[5].

Расскажу я Вам мою фантастическую встречу с Гончаровым на улице в Петербурге!![6] Теперь он укоряет меня в том, что я все мысли его произведений выкрадываю и передаю — кому? Французским романистам, все сочинения которых будто бы не что иное, как *худо скрытое подражание "Обломову" и "Обрыву"*. И для чего я это делаю? Для того, чтобы сделать невозможными переводы его романов — ils sont déflorés — и таким образом сохранить в глазах французов первенство в русской литературе! Бедный Гончаров кончит сумасшедшим домом.

Ну — до свидания. Черкните словечко в Карлсбад. А я Вам напишу оттуда, как только приеду. Обнимаю всё Ваше семейство и дружески жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3716. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

13 (25) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ., город Мценск).
Четверг, 13-го июня 74.

Так мы и не увидимся с Вами, любезная Юлия Петровна! Жаль. Хотя и говорят, что даже гора с горою сходится, но бывают случаи, что человек с человеком так и не сойдется никогда. Мое письмо ехало к Вам 5 дней, Ваше ко мне 3, это к Вам, пожалуй, опять пропутешествует 5 — и всё это в двух шагах друг от друга — при таковом состоянии почтовых сообщений ни на что — точно — рассчитывать нельзя. А если бы Вам вздумалось вместо письма проехаться собственной особой — мы бы успели наговориться и я выслушал бы Вас — потому что уезжаю отсюда только в понедельник[1]. Ну — что делать! Утешаюсь мыслию, что в самом деле где-нибудь мы неожиданно встретимся, и могу прибавить — "как старые друзья"[2]. За что бы я на Вас *сердился*, помилуйте? Я почувствовал живую симпатию к Вам, как только первый раз Вас увидел— и она с тех пор не умалялась.

"Trotz alledem", — как говорят немцы, говорю Вам: до свиданья — и крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3717. П.М. ГРИБОВСКОМУ

13 (25) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ⟨ерни⟩и, в город Мценск).
Четверг, 13/25-го июня 1874.

Любезнейший Грибовский, сейчас получил Ваше письмо — и радуюсь, что мы будем опять вместе в Карлсбаде[1] — и даже ранее, чем я предполагал — ибо я в понедельник выезжаю отсюда — и в *то* воскресение, т.е. через 10 дней, буду в Карлсбаде, если ничего не случится зловредного. Ответа я еще из Лондона не получал — но деньги давно отправлены — и вся штука будет сделана наилучшим образом[2]; порученье же у меня есть к Вам одно. Ведь Вы тоже у Зеегена лечитесь? Спросите его, получил ли он письмо, в котором я просил его нанять мне квартиру в König v. England — начи-

ная с *того* воскресения?[3] Я также просил его отвечать мне о сем предмете в Берлин, Hotel de St. Petersburg, Unter den Linden.

Итак, до скорого свиданья. Кланяюсь Вашей жене и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

На конверте: В *Богемию* (Австрию), в Карлсбад.
Г-ну П. Грибовскому.
Böhmen, Herrn P. Gribofski.
Carlsbad. (Poste restante).

3718. А.А. ФЕТУ

13 (25) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ⟨ерни⟩и, в город Мценск).
Четверг, 13-го июня 1874.

Любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩!

Я в понедельник уезжаю — Вы оказались дальновидными, как Соломон![1]

Не знаю, когда и где увидимся, быть может, в Петербурге — зимой — или в Москве. Во всяком случае желаю Вам всего хорошего — и некоторого смягчения Ваших жестоких чувств против прогресса, либералов, эмансипации и т.п.

Вот вам *оба* адресса Полонского, который в письме ко мне пишет[2], что он заочно Вас обнимает:

1.) Новый *Петергоф*, на углу Волхонской и Разводной улиц, против Верхнего сада, дача Жеребцова (Петерб⟨ургской⟩ губернии);

2.) Петербург, Обуховский проспект, дом Шольца, *квартира Златковского, № 5.*

Кланяюсь Марье Петровне, целую Петю и жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3719. М.А. МИЛЮТИНОЙ

14 (26) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ., город Мценск).
Пятница, 26/14-го июня 1874.

Любезнейшая Марья Агеевна, не ради Вашей мадеры приехал бы я к Вам, хотя 50-летняя мадера — ой-ой какая знатная вещь, а для того чтобы иметь удовольствие побывать у Вас и с Вами — но, вследствие разных непредвиденностей, я в деревне остаюсь гораздо меньше, чем я полагал, а именно уезжаю уже в понедельник. Вместо месяца я остался всего две недели[1]. Мне остается только поблагодарить Вас за Ваше любезное приглашение, пожелать Вам и всем Вашим всего хорошего — и выразить надежду, что хотя зимой увидимся. А засим дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Фет-Шеншин, должно быть, от Вас близехонько. Он в 12 верстах от Змиевки[2].

3720. ПОЛИНЕ ВИАРДО

15, 16 (27, 28) июня 1874. Спасское

№25

Spasskoïé.
(gouv^{t} d'Orel, ville de Mtsensk).
Samedi, 27/15 juin 1874.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, il est maintenant midi — et depuis dix heures du matin je suis en proie à de grandes inquiétudes: je crois que je vais avoir une attaque de goutte! C'est venu comme la foudre — au genou *gauche*: il me fait mal — et j'ai peine à marcher... La nuit décidera de tout: ce n'est peut-être qu'une fausse alerte. Si c'est en effet une attaque — vos prévisions auront été justifiées: vous me disiez toujours — que je tomberai malade en Russie. Je ne continuerai cette lettre que vers le soir.

Dimanche matin, 28/16 juin, 9 $^{1}/_{2}$.

Hélas! chère Madame Viardot, je vous écris ceci dans mon lit. C'est une attaque de goutte — et au genou — voilà ce qui est ennuyeux — à la même jambe qui avait été malade au mois de mars. J'avais cru que grâce à cette attaque au printemps —

et aux eaux de Carlsbad[1], j'en serais quitte pour cette année — mais j'avais compté sans l'*air natal*, qui à ce qu'il paraît, me fait un tout autre effet qu'au Marseillais[2]. Voilà trois fois de suite que j'ai la goutte en Russie au mois de *juin*. — Basta cosi. — Je ne reviendrai plus admirer les beautés de mon jardin. Que le diable l'emporte!

La nuit a été mauvaise — cela ne pouvait pas être autrement — j'ai pourtant dormi un peu entre 4 et 6 heures. La nuit suivante est la terrible — puis les douleurs disparaîtront — mais quand pourrai-je marcher, même avec des béquilles? Quand pourrai-je me mettre en route? — à cette question je ne puis encore faire de réponse. Je ne perdrai pas une minute — mais cela ne dépendra pas de moi[3].

Je vous écrirai *tous* les jours; et dès que je pourrai marcher, je vous télégraphierai[4]. Ainsi — quand vous recevrez cette lettre, ne vous inquiétez pas trop; peut-être aurez-vous le télégramme avant cette lettre qui ne vous parviendra que dans une semaine.

J'ai reçu hier votre bonne lettre qu'un bon génie vous a fait adresser à Mtsensk au lieu de Moscou. Ça m'a été une grande consolation. Il ne faut pas que vous doutiez de ce que je dis de vos lettres: elles me sont toutes chères — mais quand j'en réçois une que je trouve admirable, je ne me gêne pas pour le dire — et il ne faut pas parler de moquerie! Je ne me suis pas fâché contre vos inquiétudes — j'en ai été touché — mais dans mon télégramme[5], si j'ai dit que je ne les comprenais pas, c'était pour vous montrer de la façon la plus assurée, combien j'étais bien portant — alors!

J'ai été puni de mon orgueil.

Du reste, je suis très bien soigné ici — mais vous savez — pour la goutte il n'y a rien à faire — ou à peu près. Attendre — voilà tout!

Vous ne me parlez pas des examens — vous n'aurez pas eu même d'accessit — et vous voulez rester dans cette boutique?[6]

Je suis heureux de voir que vous allez bien. Le temps s'est remis au beau ici — dans ce pays si peu aimable — il doit faire splendide à Bougival! C'est très gentil ce que vous dites des merles; il n'y en a pas dans mon jardin — mais des grives bruyantes, tracassières et fortes en gueule, comme Mme Angot.

Demain j'espère pouvoir écrire aux *petites*, en réponse à leurs charmantes lettres[7].

En attendant, je vous embrasse tous et je baise tendrement vos chères mains — quoique malade, auf ewig

Der Ihrige J.T.

3721. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

16 (28) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
Воскресение, 28/16-го июня 74.

Милая Юлия Петровна, я хотел завтра уехать — а вместо того со вчерашнего дня лежу в постели — у меня припадок подагры в колене — и, сколько я пролежу, Бог весть. Это в третий раз сряду родина моя меня так награждает. Вот и люби ее после этого!

Я счел нужным Вас об этом известить — а впрочем, желаю Вам всего хорошего, начиная с здоровья. Жму Вам руку.

Душевно Вам преданный Ив. Тургенев.

3722. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

16 (28) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
Воскресение, 16-го июня 74.

Любезный брат,

Со вчерашнего дня я в постели — у меня припадок подагры — в колене — вот что скверно. Признаюсь, я этого не ожидал, так как три месяца тому назад я имел уже припадок в Париже. Родной воздух так на меня действует. Вот третий раз сряду у меня в России в июне делается подагра. Неизвестно, сколько я проведу теперь еще времени в Спасском, но прошу тебя, если только тебе возможно это сделать, купи мне *пару костылей* (béquilles) — длиной они должны быть в 2 аршина — а перекладина, за которую берутся руками, в *12 или 13* вершках от *верху*. Да еще возьми в аптеке на Тверском бульваре

1 fiole d'huile de marrons d'Inde de Genevoix и 1 rouleau d'ouate iodée (Gichtwatte) de Vattison.

Так как мне надо всё это как можно скорее получить — то, если ты не найдешь с кем послать или если ты по милости твоего нарыва (надеюсь, впрочем, что он прорвался и уже не беспокоит тебя) сам не собираешься в наши края, то нельзя ли послать всю эту благодать в виде багажа на Мценскую станцию — а билет багажный в письме послать тоже во Мценск[a] на имя Никиты Алексеевича Кишинского? Таким манером была бы для меня

---

[a] *Далее зачеркнуто*: тоже.

возможность получить всё это *послезавтра*, так как письмо это ты получишь завтра рано.

Извини меня, что навязываю тебе эти хлопоты — но ты сам знаешь: нужда пляшет и т.д.

До свидания — я надеюсь — и жму тебе крепко руку.

Любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3723. А.А. ФЕТУ

16 (28) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
Воскресение, 16-го июня 1874.

Вы хоть и проницательны, как Соломон, любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, а едва ли отгадаете, что со мной происходит. Вместо того чтобы покинуть родные палестины (черт бы их побрал!), я со вчерашнего дня лежу с сильнейшим припадком подагры в колене, и, сколько пролежу, единому Богу известно! Это в 3-й раз сряду — и всё в июне месяце — родина меня так награждает. C'est bon à savoir. Сообщите это известие М.А. Милютиной, которая, находясь в дер⟨евне⟩ *Рыбнице* в 40-аминутном расстоянии от Змиевки[1], и от Вас, верно, не далеко[2] — если Вы ее увидите. Кланяюсь Марии Петровне, обнимаю Петю и Вас.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3724. П.М. ГРИБОВСКОМУ

17 (29) июня 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ., город Мценск).
Понедельник, 29/17-го июня 74.

Любезнейший Грибовский,

Человек предполагает — а подагра располагает. Вчера я должен был выехать отсюда в Карлсбад — а сегодня лежу недвижим в постели с распухшим коленом и принужден ждать у моря погоды. Впрочем, припадок, кажется, не силен — и я все-таки надеюсь через неделю выехать. Но считаю нужным Вас предупредить, чтобы Вы не дивились моему отсутствию. Я и Зеегену написал[1].

Будьте здоровы — и все-таки до свидания. Поклонитесь Вашей супруге и Петрову[2], если он уже опять там.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

На конверте: *В Богемию* (в Австрию), в Карлсбад.
П.М. Грибовскому.
Böhmen. Herrn P. Gribofski.
Carlsbad. (Poste restante).

3725. ПОЛИНЕ ВИАРДО

17 (29) июня 1874. Спасское

№ 26

Spasskoïé.
Lundi, 29/17 juin 1874.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, la nuit — loin d'être terrible, a été bonne — j'ai bien dormi et je commence à croire que cette attaque sera légère. On est en train de me confectionner ici des béquilles — car pour en trouver à Mtsensk, il ne faut pas y penser, et j'espère pouvoir me lever demain. Aujourd'hui je me *fflanque* un vésicatoire sur le genou, c'est ce qui m'a toujours fait le plus de bien. J'ai pris du Laville, que j'avais, par une prévoyance qui m'honore, apporté avec moi, et j'attendrai les événements. Dès que la locomotion me sera possible, je file sur Moscou, et de là plus loin, si Dios quiere, comme dit Viardot, l'auteur du "Libre examen"[1]. A propos de Viardot, j'espère qu'il a reçu une lettre recommandée avec un *check* sur Mr Noël, où il s'agissait d'une commande de fusil à Londres? Le monsieur qui a commandé ce fusil se trouvera avec moi à Carlsbad. Il m'a déjà écrit pour connaître la réponse[2]. Priez Viardot de m'en écrire deux mots dans la lettre que vous m'enverrez poste restante à Berlin, hôtel St. Pétersbourg.

Ce qui m'ennuie beaucoup, c'est que je ne vais plus avoir de vos nouvelles ici. Comment faire? Il est probable qu'il y a une lettre pour moi à Pétersbourg — peut-être même à Berlin. C'est un des plus tristes côtés de cette maladie. Ce sera une semaine vide, car je crois que je ne serai pas retenu ici plus d'une semaine.

Enfin, patience, patience et patience!

Le temps est devenu superbe et très chaud.

J'avais arrangé pour hier une petite fête pour les *paysannes* dans la matinée... dans la soirée, je devais partir pour Moscou. Hélas! La fête a eu lieu: c'est-à-dire on leur a donné des petits gâteaux, des *concombres salés*, qui ont eu un grand succès, des noisettes et de l'eau-de-vie, cela va sans dire! Elles ont chanté et jaboté pendant 5 à 6 heures. La fenêtre était ouverte et j'entendais tout cela.

Cela m'amusait médiocrement.

J'ai relu hier les "Lettres d'un voyageur russe" de Karamzine. Il a visité Paris en 1789 et 90. Il parle des théâtres, de l'Opéra, des transports que lui a causés le chanteur Rousseau dans l'air d'Orphée: "J'ai perdu mon Eurydice"[3] — il raconte avec détail la rentrée de Larive dans "Œdipe" — et toutes les folies commises par le public enthousiaste à ce sujet[4]. Mais ce qui surpasse tout à ses yeux, c'est Vestris. Il le compare à *Cicéron* pour l'éloquence de sa pantomime. — "Aucun poète, dit-il, aucun peintre ne saurait rendre l'éclair de ses yeux, *le jeu de ses muscles*, quand une bergère, charmante et pudique, lui dit par un tendre regard: je t'aime! et que, se précipitant à ses pieds, il appelle les cieux et la Nature entière en témoins de sa félicité! Raphaël lui-même déposerait son pinceau et se contenterait de soupirer: Vestris! Gardel de son côté est admirable dans la pantomime tragique. Quelle grandeur! Un héros dans chaque regard; un héros dans chaque geste; un héros dans chaque attitude! Vestris est le nourisson chéri des Grâces aimables; — Gardel — l'élève favori des Muses graves; immortels tous les deux!"[5]

Et Karamzine était un homme remarquable. Il est vrai qu'il n'avait que 24 ans.

Il y a des détails assez curieux sur le Paris de 1789. K⟨aramzine⟩ était devenu l'admirateur de Robespierre. La censure a supprimé une foule de passages de ses lettres, qui, malheureusement, ont été perdus[6]. A demain. Je vous embrasse tous. Ich küsse Ihre lieben Hände. Der Ihrige

J.T.

3726. КЛОДИ ШАМРО

19 июня (1 июля) 1874. Спасское

Spasskoïé.
Mercredi, 1-er juillet 74.

Ma chère Didie adorée, tu sais certainement déjà le désagrément absurde qui vient de m'arriver — cette attaque de goutte qui n'avait aucune raison d'être — je dirais même — aucun droit de venir — car enfin il n'y a pas plus de trois mois que j'ai eu sa visite? Enfin, heureusement, elle a l'air d'avoir eu conscience de son indiscrétion — je vais beaucoup mieux — et en somme cela n'aura été qu'un retard d'une semaine — ce qui est déjà beaucoup! J'ai été tout heureux de recevoir ta lettre — (à propos qui est-ce qui a écrit l'admirable adresse en russe sur

l'enveloppe?) — et de voir — noir sur blanc — et écrit par ta main chérie — que ta santé s'est remise et que cette indisposition, qui m'avait si fort tourmenté, a disparu[1]. A l'heure qu'il est, tu dois être à Bougival — sous l'œil de ta maman et tu n'as plus qu'à te dorloter et à respirer a pleins poumons le bon air de la campagne — et... j'oubliais! — manger, bien manger surtout et de bonnes choses — car enfin il n'y a pas que les arti*sses* — les mamans... en herbe — faut que ça mange!!!

Puis, j'ai eu des inquiétudes pour ta maman, elle avait parlé de fièvre, de mal de tête — elle qui ne se plaint jamais — (il paraît qu'elle avait attrapé cela à une représentation du cirque bougivalesque) — alors j'ai télégraphié au bon Georges[2] — qui m'a tranquillisé...

Et maintenant, me voilà légèrement éclopé — mais assis pourtant déjà devant ma table à écrire et attendant le moment de filer. Ah, la cara patria n'a pas été aimable envers moi — cela ne donne pas envie de lui dire: au revoir!

Je suis bien content que mes ouvrages t'amusent. J'ai toujours cherché à être vrai dans ce que j'ai fait — car si l'on ne peut pas se donner d'autres mérites, on a au moins celui-là. Ce n'est même pas déjà si facile — de rendre la vérité; c'est comme pour un portrait. Il y a certaines figures, que je n'ai jamais osé aborder — crainte de les manquer. Il y avait par exemple de par le monde une adorable jeune fille (je dis: il y avait — parce qu'elle est devenue femme — il y a un peu plus de trois mois[3]) — que j'aurais bien voulu fourrer dans un de mes récits, mais le courage — artistique — m'a fait défaut. Connaîtrais-tu, par hasard, cette jeune fille?

Tu me diras que je dis ce que je vais dire — après coup: mais j'ai toujours trouvé quelque chose d'étrange dans cette bonne qui vient de devenir folle. Surtout le jour où elle a cassé la grande vitre dans votre porte. Elle avait un air scrutateur et hagard à la fois — qui n'était pas "genuine". Avec cela elle faisait très bien la cuisine. Je me souviens de ses déjeuners! J'espère qu'elle finira par être guérie!

Imagine-toi que j'ai trouvé un assez bon cuisinier à Spasskoïé! Seulement, comme je ne mange presque plus rien depuis ma goutte, c'est tout comme. Le potage est toujours très bon — doré et velouté.

On vient de faucher l'herbe dans le jardin et toute la maison est remplie de l'odeur du new-moon hay[4]. Mais celle-ci est véritable — tandis que ces parfums anglais sont faits de choses qui font frémir la nature — avec cela une douceur dans l'air tout à

fait charmante. Pourquoi suis-je seul à respirer tout cela avec mon gros vilain nez?

As-tu pu reprendre ton Italienne?[5] Et ce vilain Harlamoff, qui s'en va avant d'avoir fini le portrait de ta maman?[6] L'as-tu vu dans son état actuel? L'Empereur de Russie a quitté Ems — d'après les journaux; — pourquoi Mr Harlamoff n'est-il pas à son poste?

Chère Didie, au moment de finir ma lettre, il me vient comme des bouffées de tendresse pour toi et je t'embrasse bien fort, porté par une de ces bouffées. J'embrasse aussi ton bon et cher Georges. Dis-lui que je le remercie bien des quelques lignes, qu'il a ajoutées à ta lettre — et que je ne doute pas de son affection, pas plus qu'il ne peut douter de la mienne. Ich küsse dich 1000 mal, mein Herzens Kind!

Dein J.T.

3727. ПОЛИНЕ БРЮЭР

19 июня (1 июля) 1874. Спасское

Spasskoïé.
(Gouv⟨ernemen⟩t d'Orel, ville de Mtsensk).

Mercredi, $\frac{\text{1 juillet}}{\text{19 juin}}$ 1874.

Chère Paulinette,

Je suis tout honteux de t'avoir laissée si longtemps sans te donner de mes nouvelles[1]. J'en suis puni — car dans ce moment je n'en ai pas de bien bonnes à te donner: depuis 4 jours je suis repris d'un accès de goutte. Je ne pouvais pas m'y attendre, après en avoir eu un il y a trois mois à peine. Heureusement, il n'a pas l'air de vouloir être très méchant — et depuis hier j'ai pu me lever et faire quelques pas à l'aide de béquilles, qu'on m'a confectionnées ici — et ma foi! très bien. Si l'amélioration continue, je pourrai, je crois, quitter Spasskoïé dimanche ou lundi et je voyagerai d'une traite jusqu'à Carlsbad en Bohême, où je resterai cinq semaines — et où je te prie d'adresser tes lettres — poste restante.

J'ai trouvé les affaires en assez bon état. Mon intendant est, malheureusement, assez malade — et d'une maladie qui me donne des inquiétudes.

J'ai vu mon frère à Moscou — il va bien. Peut-être ironsnous ensemble à Carlsbad[2].

J'ai eu énormément à faire à Pétersbourg, à Moscou[3]; je suis ici depuis 15 jours.

J'espère que vous allez tous très bien à Rougemont, toi, la petite Jeanne et ton mari; j'espère aussi que les affaires reprennent un peu — quoique ce qui se passe à Paris ne doive guère y contribuer...[4] Enfin!

Je vous embrasse bien fort tous les trois — et au revoir à la fin d'août.

Ivan Tourguéneff.

3728. ПОЛИНЕ ВИАРДО

19 июня (1 июля) 1874. Спасское

№ 28

Spasskoïé.
(gouv.[t] d'Orel,
ville de Mtsensk).

Mercredi, $\frac{\text{19 juin}}{\text{1 juillet}}$ 1874.

Chère Madame Viardot,

Theuerste Freundinn, je puis vous donner de bonnes nouvelles — hier je me servais encore de mes deux béquilles — ce matin je marche comme un héros, comme Achille aux pieds légers[1] — avec *une* béquille! J'ai très bien dormi — et si l'amélioration continue, j'espère pouvoir partir d'ici dimanche... Je crache trois fois par-dessus l'épaule gauche.

Vous vous figurez aisément que ma vie ici ne brille pas par la variété et l'imprévu des incidents. Il a fait hier un temps magnifique — un peu lourd; mais le ciel bleu, de beaux nuages arrondis, "un vent léger et frais agitait le feuillage" (vers de Chénier)[2]; — aujourd'hui — ciel gris et doux, pas de vent — chaleur modérée... Voila "the leading topic of the time".

Vous raconterai-je une de mes préoccupations constantes? C'est de faire venir mon domestique Pierre Mikhaïloff[3] (absolument comme dans le "Bourgmestre" de Jordaens[4]) — aussi rarement que possible! Cependant vu mon infirmité, je ne puis me passer de ses soins. "Et pourquoi le faites-vous?" — demanderez-vous, peut-être. Par délicatesse? — Non. — Par amour de la solitude? — Non. — Pour qu'il ne voie pas couler vos larmes? — Non; d'ailleurs je n'en verse point. — Parce que votre domestique est très laid? — Non; il a même une belle tête expressive, avec une belle grande barbe noire. Mais vous brûlez. Parce qu'il est sale et mal vêtu? — Non; il est très propre, et porte

un jabot et des manchettes blanches — et son vêtement, s'il n'est pas aussi élégant que celui d'un Parisien — est loin d'être rustique, mais vous brûlez, vous brûlez... Vous ne savez que demander? Vous jetez votre langue aux chiens? Eh bien c'est qu'il n'y a pas de *gendarme botté* qui ne soit un Pivert ou un Guerlain[5] à côté de lui. C'est terrible — l'effluve rapide, instantanée, violente, triomphante, stable, obstinée, invincible, pénétrante, fade, corrosive, envahissante — qui s'échappe de ses pieds!! Je l'appelle — il arrive — il reste un moment, il sort, l'air est empesté! Je m'inonde d'eau de Cologne... Rien n'y fait! Et puis depuis 3 jours j'en ai tant usé — il ne m'en reste presque plus. Situation tragique! Je brûle du sucre — je fais fondre du sucre dans une cuiller sur une bougie — ça fait du sucre candi que je mange — je brûle du papier, de la cire à cacheter, et remarquez que les fenêtres sont ouvertes. Sans cela je deviendrais comme dans la chanson de Joanne — violet puis *meurt*[6]. Je remarque que j'ai les yeux rouges — je crois que c'est Pierre Mikhaïloff qui en est la cause!!

C'est pourtant fou de vous parler de cela pendant deux pages!

Mon intendant[7] est toujours un peu souffrant — il a les reins malades; je crois même que sa maladie est assez grave.

Nous avons ici un vieux tchinovnik en retraite — un ami de mon intendant — qui vient passer la belle saison à la campagne. Je n'ai jamais rien vu de si maigre, de si sec, de si flétri, jauni, usé par un travail machinal et sédentaire! Et avec cela il s'appelle Brukhanoff — comme qui dirait Mr Ventru[8]. Du reste un assez bon homme et pas bête — mais ratatiné comme une vieille tabatière en corne — (ce mot de tabatière me rappelle que j'en ai acheté *deux* en argent niellé — au choix — pour Reber).

J'ai donné à Mr Brukhanoff mon petit récit (que j'ai écrit à Spasskoïé)[9] à copier — car il a une écriture splendide!

J'envoie aujourd'hui même une lettre à MADAME CLAUDIE CHAMEROT — où se trouve une autre pour Mlle Mariandel[10] — mais j'embrasse Mme Chamerot tout comme si elle était Didie tout court et comme j'embrasse Mariandel.

Mille amitiés au bon Viardot. Je baise aves tendresse vos chères mains. A demain. — Auf ewig

Der Ihrige J.T.

3729. С.А. ВЕНГЕРОВУ

19 июня (1 июля) 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ‹ерни›и, город
Мценск).
Середа, 19-го июня 1874

Милостивый государь,

Я сегодня получил Ваше письмо. Отвечу откровенно на Ваш откровенный запрос[1].

Отец мой скончался не в 1836-м г., а 30-го октября 1834-го г. Мне всего было тогда 16 лет. Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне — она, между прочим, была причиной тому, что я, возросший среди побоев и истязаний, не осквернил руки своей ни одним ударом — но до "Записок охотника" было далеко. Я был просто мальчик — чуть не дитя. К тому же отец мой был человек бедный — он оставил всего 130 душ расстроенных и не дававших дохода — а нас было трое братьев. Имение моего отца слилось с имением моей матери, женщины своевольной и властолюбивой, которая одна давала нам — а иногда и отнимала у нас — средства к жизни. Ни ей, ни нам в голову не приходило, что это ничтожное имение (я говорю про отцовское) не ее. Я прожил три года за границей, не получая от нее ни копейки — и все-таки не подумал потребовать свое наследство; впрочем, это наследство — за выделом того, что следовало моей матери, как вдове, и того, что приходилось на долю братьям — не многим бы превысило нуль[2].

Когда же матушка скончалась в 1850-м году, я немедленно отпустил всех дворовых на волю, пожелавших крестьян перевел на оброк, всячески содействовал успеху общего освобождения, при выкупе везде уступил пятую часть — и в главном имении не взял ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму[3]. Другой, быть может, на моем месте сделал бы больше — и скорее; но я обещался сказать правду и говорю ее, какова она ни есть. Хвастаться ею нечего; но и бесчестия она, я полагаю, принести мне не может[4].

Что же касается до другого Вашего желания — то исполнение его гораздо труднее. Я чувствую положительную, чуть не физическую, антипатию к моим стихотворениям — и не только не имею ни одного экземпляра моих поэм — но дорого бы дал, чтобы их вообще не существовало на свете[5].

"Андрей" напечатан в "Отеч⟨ественных⟩ записках" — но в котором году, не помню — в 1845-м или 46-м[6]. "Параша" вышла отдельной книжкой в 1843-м году. В библиотеке Черкесова на Невском, где сохраняется всякий хлам, Вы, может быть, наткнетесь и на этот.

Засим желаю Вам успеха на избранном Вами поприще — и прошу принять уверение в чувствах искреннего уважения, с которыми остаюсь

Вашим покорнейшим слугою Ив. Тургеневым.

На конверте:

В город *Минск.*
Его высокоблагородию С. Венгерову.
В Минский коммерческий банк.

3730. ПОЛИНЕ ВИАРДО

21—22 июня (3—4 июля) 1874. Спасское

№ 30

Spasskoïe.

Vendredi, 3 juillet / 22 juin 74[a].

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, je commence par vous dire que si je ne vais pas mieux demain — je ne vous enverrai pas cette lettre: ainsi, si vous la recevez — sachez que c'est bon signe. J'ai pris un aussi grand papier que ça pour écrire pendant la nuit vers laquelle je *m'avance* avec terreur — car naturellement il ne s'agira pas de dormir. Je raconterai par le menu mes misères — cela me distraira — peut-être — et puis j'aurai une sorte de plaisir à me dire à moi-même: quand on lira ça à Bougival, ce sera passé. Je commence "my narrative":

Il est *3h. 1/4*. Je souffre vigoureusement depuis le matin — je n' ai pas dormi un instant la nuit; mais depuis 2 h. il y a recrudescence. Des douleurs lancinantes au talon, au tendon d'Achille... (d'Achille... quelle dérision!). Impossibilité de faire un mouvement — une sensation de cassure dans la semelle, comme si on me la rompait — comme ça:

Tout ça — dans le pied gauche. Mais ce qui est décidément bien vilain — et ce que je n'ai pas eu jusqu'à présent — c'est

[a] *Так в подлиннике.*

que mon pied *droit* — me fait mal aussi: il y a un point très douloureux au cou-de-pied. Je serais joli, si cela me prend aux *deux* pieds. Pris deux fois du Laville; frotté les pieds avec de l'Huile de Marrons d'Inde — enveloppé les pieds d'ouate... Ça — et rien du tout — la même chose. J'ai un peu mal à la tête — de n'avoir pas dormi. 82 pulsation. Chaleur accablante au dehors et dans la chambre.

4 heures — Reçu vos deux lettres adressées à Moscou, que mon frère m'a envoyées — l'une avec le portrait frappant du mougik en *penseé* — l'autre avec la lettre de cette dame ou demoiselle américaine[1]. J'ai relu plusieurs fois ces lettres. Ah, quel désir elles m'ont donné d'aller à Bougival — au lieu de cette affreuse prison d'ici! J'écrirai demain en détail à Viardot à propos du fusil[2], si mes douleurs se calment. Pour le moment, elles ne font que croître et embellir: la sensation de la *cassure* est remontée — il me semble qu'on *essaie* de me rompre le gros os entre le genou et la cheville. Je suis heureux d'apprendre que vous au moins, vous allez bien — tous tant que vous êtes.

5 h. 20 m. — Je viens de lire le télégramme qui annonce la mort de Concha. Un général en chef tué — c'est rare[3]. Cosas de España! Je crois bien que Marianne est gentille! Et pourquoi ne chanterait-elle pas aussi bien que la Patti? Les douleurs sont restées stationnaires; le mal de tête a augmenté. Je crois que j'aurai une migraine pour surcroît de plaisir. Puisque je ne dois pas dormir! J'ai pris une tasse de bouillon à 5 h.

6 h. 30 m. — Les douleurs toujours stationnaires et comme un peu voilées. Je connais ça: c'est le "lull before the tempest". Le gros Porphyre est arrivé — il a un fils de 17 ans, grand garçon chétif et malingre, dont il ne sait que faire. Il espère que je lui viendrai en aide. Mais comment? Un des nombreux inutiles de ce bas monde. Mais il n'a pas la goutte.

11 heures — moins un quart.

Il m'est venu une visite — féminine — cette Baronne Vrefski, que vous aviez surnommée la veuve de Malabar[4] — elle était venue une fois chez moi tout en noir — elle ne demeure pas loin d'ici et en passant par Mtsensk avec son frère elle a appris que j'étais malade — et elle a fait ce crochet. C'est une personne assez intelligente, très bonne et que je crois malheureuse. C'est gentil de sa part de visiter un pauvre diable. Nous avons causé — puis j'ai fini par lui dire que je voulais être seul. La douleur n'est pas horrible, jusqu'à présent — mais c'est bien fatigant. Il me semble que mon pied est cassé et qu'il pend comme un sac chaud et lourd — et le vilain point sensible du

pied droit persiste. Ce n'est pas pour moi que le Sommeil dit dans le "Faust" de Marlowe:

Heigho! I was begotten on a sunny bank...[5]

Le fait est que nous sommes brouillés pour le moment.

11 heures et demie.

Un télégramme! Dans le premier instant je crois que c'est de vous — mais c'est de Madame Milutine, qui, elle aussi, vient demain à 6 h. Je suis donc l'enfant chéri des dames! J'aurais bien volontiers dispensé celle-ci de sa visite: elle est fausse, désagréable, affectée — et, je crois, méchante. Cela ne m'amuse pas du tout.

Minuit moins 5 m.

Ah! voilà la danse qui commence. Abominable sensation de rongement et de brûlure, qui s'étend jusqu'au haut de la jambe.

Minuit et demi.

Idem: le point du pied droit semble vouloir s'étendre.

1 heure.

Petits élancements fort gentils. Deux légers hurlements de ma part.

1 heure et demie.

Tiens! je me suis assoupi pendant une dizaine de munites. J'ai vu en rêve qu'on ouvrait un atelier de chemin de fer qu'on avait fermé par mégarde — et on y trouve des cadavres d'ouvriers morts de faim. Ces cadavres ont l'air de poupées de cire. Bon signe — d'avoir pu s'assoupir. Le pied droit me fait mal.

1 heure 3/4 quarts.

Un vilain petit scarabée noir — pas un tarakane — de cette forme — s'obstine à se promener sur mes couvertures. En somme, douleur moins grande que je ne l'avais craint. Les pieds brûlent pourtant bien. Silence profond dans la maison. Le cœur de la nuit.

2 h. 1/2.

Lutte entre la douleur et le sommeil. Le vers:

Que la nuit paraît longue à la douleur qui veille![6]

se présente à l'esprit.

3 h. — J'ai gémi pendant 5 minutes: cela aide un peu — mais la douleur est moins forte en général cette fois-ci. Le "Culminationspunkt" est passé.

4 h. 20 m.

J'ai dormi tant bien que mal pendant une 1/2 heure. J'avais essayé de lire dans les "Choix des Discours et Rapports" — le discours de Malouet sur le droit de paix et de guerre[7] — c'est ce qui m'a probablement assoupi.

Les corneilles sont réveillées.

9 h. du matin.

Enfin! voila cette dure nuit passée. J'ai dormi par petites bribes. Je viens d'essayer de faire ma toilette. Le résultat pour le moment: je suis perclus des *deux* pieds; le pied droit — le nouveau — fait presque plus mal que l'autre. De façon que je ne pourrai pas marcher même avec des béquilles. Cette perspective est riante — et combien devrai-je rester dans le vilain sac où je me suis fourré? Trois semaines, un mois, deux mois, l'éternité?

9 h. ½. Une pie me nargue — elle jacasse devant ma fenêtre ouverte. Il paraît qu'il fait un temps admirable.

Si mon pied *droit* continue ainsi, ce sera son tour cette nuit.

12 h. ¼.

Nous venons d'avoir une conversation avec cette brave dame, qui est venue prendre le thé avec moi. Je crois l'avoir légèrement scandalisée par une charge à fond contre les *légendes* et les choses *révélées* (A bon entendeur...)[8]. Elle est allée se promener dans le jardin. Elle — ce n'est rien — mais Madame Milutine est — a bore. Et je devrai me donner l'air de lui être reconnaissant.

Mes pieds me font mal — ni trop, ni trop peu — a good regular annoyance — mais c'est le pied droit qui m'ennuie surtout.

Il fait une chaleur accablante.

Les oiseaux même se taisent — vers le milieu du jour.

2 h.

Le gros Porphyre est avec son Olibrius de fils[9]. La femme de ce Porphyre — avec laquelle du reste il ne vit plus depuis 14 ans — est une peintresse — et elle vient de peindre un St-Nicolas que Porphyre m'a montré comme un chef-d'œuvre. C'est de la peinture *fromagineuse* — ça a l'air d'être bon à manger, tant c'est rose et jaune et mou. C'est moins bon à regarder.

Mes pieds (Je pense à M. Prudhomme[10]) — reste ⟨nt⟩ dans le statu quo.

Je me demande si je dois vous envoyer cette feuille! Enfin: à tout prendre — je vais mieux — et puis vous saurez par le menu — "wie es mit mir geht". Demain — j'espère écrire quelque chose d'un peu moins maussade.

Portez-vous bien à Bougival — c'est l'essentiel!! Je vous embrasse tous bien fort, bien fort — et je baise bien tendrement vos chères mains.

Auf ewig
Der Ihrige
J.T.

3731. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

22 июня (4 июля) 1874. Спасское

С. Спасское.
Суббота[a], 22-го июня 74.

Спасибо, милый брат, за присланные лекарства — я их тотчас употребил в дело; что же касается до костылей, то я их, к сожалению, пока употребить не могу — ибо мне с третьего дня сделалось много хуже, и я лежу в постели[1]. Терпение! C'est mon refrain. Когда я отсюда отъеду — неизвестно.

Если есть еще у Маслова письма — пришли.

Обнимаю тебя.

Любящий твой брат Ив. Тургенев.

3732. П.М. ГРИБОВСКОМУ

24 июня (6 июля) 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ⟨ерни⟩и, в город Мценск).
Понедельник, 6-го июля / 24 июня 74.

Любезнейший Грибовский,

Я уже писал Вам о постигшем меня бедствии, о подагрическом припадке[1]. Он всё еще продолжается — и я пока не имею еще понятия, когда я буду в состоянии выехать. Но теперь пишу Вам по Вашему, по *ружейному*, делу.

Вы, помните, желали иметь ружейные стволы *12-го N-a*, а карабинные — *16-го*. Оказывается, что пригнать их к *одной ложе* чрезвычайно затруднительно, как пишет Виардо[2]. И потому он желает знать Ваше решительное мнение. Хотите ли Вы

а.) разные калибры — и *две* ложи (в одном ящике, что не превзойдет многим присланных денег) или

в.) *один* калибр для карабина и ружья и *одну* ложу и, если Вы решитесь на *один* калибр, то

с.) *какой* калибр дать обеим парам стволов — 12-й или 16-й?

Напишите ему немедленно Ваше решение по следующему адрессу.

France. Mr Louis Viardot,
à Bougival (près Paris).
Seine-et-Oise. Maison Halgan —

и заказ будет сделан и исполнен без потери времени.

---

[a] Было: Пятница.

У нас здесь стоит засуха страшная и грозит неурожай окончательный[3].

Кланяюсь Вашей супруге, жму Вам руку и говорю — до свиданья! — а когда, знает Бог да подагра.

Ваш Ив. Тургенев.

На конверте: В *Богемию* (Австрию), в Карлсбад.
П.М. Грибовскому.
Böhmen. Monsieur Pierre Gribofski.
Carlsbad. (Poste restante).

3733. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

26 июня (8 июля) 1874. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
Середа, 26-го июня 1874. 1/2 1-го.

Милая Юлия Петровна,

Когда Вы сегодня утром прощались со мною, я — так, по крайней мере, мне кажется — не довольно поблагодарил Вас за Ваше посещение[1]. Оно оставило глубокий след в моей душе — и я чувствую, что в моей жизни с нынешнего дня одним существом больше, к которому я искренне привязался, дружбой которого я всегда буду дорожить, судьбами которого я всегда буду интересоваться.

Еще раз — душевное спасибо! Я всё надеюсь выехать завтра — и, по обещанию, напишу Вам из Москвы — а потом из Карлсбада[2]. Мне приятно было бы думать, что мы встретимся зимою. Во всяком случае мне теперь всегда будет нужно знать, где Вы и что с Вами.

От души желаю Вам всего хорошего, целую Ваши милые руки и остаюсь

искренне Вас полюбивший Ив. Тургенев.

3734. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

26 июня (8 июля) 1874. Спасское

С. Спасское.
Середа, 26-го июня 74.

Милый брат,

Хотя я еще очень плох ногами — и двигаюсь не иначе как на костылях, однако я имею намерение выехать завтра

утром с[a] скорым поездом — и в 6 ч. 30 мин. вечера буду в Москве. Сделай одолжение, как только ты получишь это письмо, пошли кого-нибудь к Маслову, чтобы предупредить о моем приезде и чтобы мне оттуда выслали ко времени приезда поезда *большую, просторную карету,* где бы я мог вытянуть ноги. Надеюсь, что твой палец совсем зажил — и что я найду тебя совершенно здоровым.

Обнимаю тебя.

Твой любящий брат Ив. Тургенев.

3735. А.Н. ОСТРОВСКОМУ

29 июня (11 июля) 1874. Москва

Москва.
В д. Конторы уделов, на Пречистенском бульваре.
Суббота, 29-го июня 1874.

Любезнейший Александр Николаевич, я вчера вечером прибыл из деревни, где меня совершенно неожиданно (ибо я уже имел ее в нынешнем году) постигла подагра и промучила две недели с лишком; я и теперь еще хожу на костылях — и не знаю, как и скоро ли доберусь до Карлсбада. Что касается до "Грозы" — то вот мое намерение, если Вы его одобрите: приехавши в Париж, я напечатаю (не знаю еще именно, в каком журнале) тот перевод, который я хотел Вам показать и за точность которого ручаюсь[1]; а Вы, с своей стороны, займитесь тою переделкой "Грозы" для сцены, о которой Вы мне пишете[2] — и доставьте мне ее в Париж по следующему адрессу: rue de Douai, 50. Времени у Вас будет довольно — так как пиэсы, несколько интересные, ставятся не иначе, как зимой; можно будет ждать до 15-го октября. Это у Вас прекрасная мысль; я не сомневаюсь в том, что Вы одолеете так называемую сценическую премудрость не хуже любого француза — и вот Вам занятие, и не отяготительное, и новое, для Ваших вакаций. Огорчило меня то, что Вы мне пишете о Вашем здоровье: желал бы я, чтобы и Вы были такой же мнительный больной, каким *я* слыву между приятелями. На сей земле "всё мгновенно, всё пройдет..."[3], но не Вам, в Ваши годы, думать об тех двух скверных латинских стихах[4]. Для самого себя, для Ваших друзей и почитателей и для блага русской сцены Вы должны еще жить и действовать много лет.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* почтовым.

Напишите мне слова два в ответ в Карлсбад — poste restante — да сообщите кстати на всякий случай Ваш московский адресс.

От души желаю, чтобы деревенский воздух имел лучшее влияние на Вас, чем на меня, и дружески крепко жму Вам руку.

Искренно преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Михаилу Николаевичу мой усердный поклон.

3736. Н.А. КИШИНСКОМУ

30 июня (12 июля) 1874. Москва

Москва.
Д. Удельной конторы, на Пречистенском бульваре.
Воскресение, 30-го июня 74, вечером.

Любезный Никита Алексеевич, я благополучно прибыл сюда — но по милости двух праздников ничего не успел еще сделать. Надеюсь всё покончить завтра и уехать с вечерним поездом.

Я буду Вас просить о следующем:

1.) Когда Вы приедете сюда, привезите с собою костыли Николая Сергеевича. Он заплатил за них *18 р.* сер.!!! и надеется возвратить их тому, у кого их купил — хоть за 10.

2.) Здесь есть старая моя карета; она стоит у Маслова. Морозкин (здешний сторож) говорит, что за нее дают всего 50 руб. Продайте ее, когда будете здесь, и дайте ему 1 или 2 руб. за хлопоты.

3.) Явитесь к Салаеву (его новый магазин на Мясницкой, где была Чертковская библиотека) и представьте ему список нужных для школы книг[1]. Он Вам их выдаст и внесет это на мой счет.

4.) Посылаю Дмитрию Ивановичу машинку Бауншейдта с маслом для втирания и ваты из сосновой шерсти, отличной против ревматизмов[2]. Она и Вам может пригодиться.

Я вам напишу, как только приеду в Карлсбад[3]. Надеюсь, что Ваше здоровье поправилось. Кланяюсь Вашему семейству и всем спасским жителям и остаюсь

доброжелатель Ваш Ив. Тургенев.

3737. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

30 июня (12 июля) 1874. Москва

Moscou. Boulevard Prétchistenski.
Au Comptoir des Apanages.
Dimanche, $\frac{\text{12 juillet}}{\text{30 juin}}$ 1874.

Mon cher ami,

J'ai reçu votre lettre du Righi[1] au moment où, péniblement hissé sur deux béquilles, je me fourrais dans une voiture pour quitter la campagne et venir ici. Je ne me suis cassé aucun membre, comme vous pourriez le supposer; mais *l'air natal* qui fait tant de bien aux Marseillais m'a redonné un accès de goutte — et cette fois aux *deux* pieds; m'a cloué dans mon lit pendant quinze jours — et ne m'a pas encore lâché. Vous dire que cela me fait voir la vie en rose — ou en bleu d'azur (je pense à votre rêve sous le ciel de la Suisse) — serait dire un gros mensonge. Infirmités, dégoût lent et froid, agitations pénibles des souvenirs inutiles — voilà, mon bon vieux, la perspective qui s'offre à la vue de l'homme ayant passé la cinquantaine. Et par-dessous et au-delà de tout cela — la résignation, la HIDEUSE résignation, cette préparation de la mort... Assez! Je vais tâcher de filer aussi vite que je pourrai sur Karlsbad, pas sur ce K⟨arlsbad⟩ où vous vous morfondez[2] — mais sur K⟨arlsbad⟩ en Bohême, où je vais rester cinq semaines. Et en automne — plus tard! nous verrons. Pour le moment je ne veux faire aucun plan — pas de plan agréable surtout — je craindrais de me flanquer la jetattura à moi-même.

Vous ne m'avez pas l'air de vous amuser sur ces sommets sublimes, chantés par Haller et Rousseau![3] Il faut l'avouer: le peuple qui vit le plus constamment en face de ces sublimités — je parle des Suisses — est bien le peuple le plus lourdement ennuyeux et le moins doué que je connaisse. "D'où vient cette anomalie?" — dirait un philosophe. Ou peut-être n'est-ce pas du tout une anomalie? Quelle serait là-dessus l'opinion de Bouvard et Pécuchet?[4]

Je suis enchanté que vous ayez enfin trouvé un *site* — ou plutôt — *le* site[5]. Mais plus j'y rêve — plus c'est un sujet a traiter *presto* — à la Swift, à la Voltaire. Vous savez que ça a été toujours mon opinion. Votre scénario raconté m'a semblé charmant et drôle. Si vous vous appesantissez là-dessus, si vous êtes trop savant...[6]

Enfin — vous avez les mains à la pâte.

La "Conquête de Plassans" de Zola a été traduit et abrégé dans un journal russe. Plus tard on traduira in extenso[7]. On l'aime en Russie.

Si vous profitiez de votre glacière du Righi pour inventer quelque chose de passionné, de torride, d'incandescent? Hein? C'est une idée — ça!

Mais surtout — rafraîchissez-vous vous-même. Malheureusement, chez certaines natures l'ennui fouette et agite le sang. Revenez-nous pâle et monochrome, comme un vers de Lamartine[8].

J'ai de bonnes nouvelles de mes amis de Paris et de Bougival[9]. Cela me met du baume dans le sang.

A propos de politique...

Vous aurez un bon sabre inglorieux, un sabre de gendarme pour vous gouverner pendant 7 ans. Et vous verrez qu'il finira par gouverner tout seul, sans chambres[10].

Cela me fait penser qu'à la campagne (où j'ai une très bonne bibliothèque) — j'ai lu dans la collection intitulée "Choix des rapports, etc. prononcés à la Tribune française depuis 1789 jusque 1825": le discours de Robespierre sur la question: "Louis XVI doit-il être jugé" — il m'a paru admirablement beau![11] Plus tard, vers la fin de sa carrière, Robespierre s'est gâté: il a donné dans le sentiment et les grandes phrases émues et ronflantes. Mais il avait du bon, ce gaillard-là!

Au revoir, mon ami, — probablement à Croisset, au mois de septembre — bien portants tous les deux — espérons-le!

Je vous embrasse.

Votre vieux Iv. Tourguéneff.

P.S. Etes-vous bien sûr que ce soit Karlsbad où vous êtes? Vous écrivez deux fois: Karltbad; mais c'est un nom impossible. Je vais signaler sur l'adresse.

3738. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

3(15) июля 1874. Петербург

St. Petersburg.
d. 3/15. Juli 1874.

Werther Herr,

Ich bin heute hierher angekommen und reise morgen nach Carlsbad ab. Ich schicke Ihnen hierbei das Manuscript des bis jetzt im Druck nicht erschienenen Fragments der "Jägerskizzen" — «Стучит» (Es pocht, oder: es klopft.) Mit den

"Lebendigen Reliquien" bringt es die Zahl der Fragmente auf 24. (NB. Es soll unmittelbar nach den "Lebendigen Reliquien" gedruckt werden.) Pietsch hat mir geschrieben, er habe die *erste* Hälfte der Skizzen revidirt, Sie davon benachrichtig und Sie gebeten, das Honorar ihm zukommen zu lassen. — Ich hoffe, Sie haben es gethan.

Ich leide eben jetzt an der Gicht, hoffe aber bis nach Carlsbad kommen zu können, und bleibe dort 6 Wochen, während der Zeit kann die Rudolstädter Druckerei mir die Correcturen schicken, zunächst *poste restante.* Ich muss Sie bitten, die beiden neuen Fragmente einem *guten* Uebersetzer anzuvertrauen.

Auf eine Antwort wartend verbleibe Ich mit Hochachtung

Ihr ergebener
Iw. Turgénjew.

P.S. Die "Lebendigen Reliquen", "Es pocht!", "Tchertapkhanof und sein Ende" müssen unmittelbar *vor* der letzten Skizze gedruckt werden, haben also N-os 21, 22 u⟨nd⟩ 23[1].

3739. Н.А. КИШИНСКОМУ

6(18) июля 1874. Петербург

С.-Петербург. Гостиница Демута.
Суббота, 6/18 июля 1874 .

Со мною худо, любезный Никита Алексеевич; по приезде сюда — в середу — обе мои ноги страшно разболелись, теперь начинает болеть и пухнуть правое колено — я, вероятно, пролежу здесь несколько дней — а может быть, и неделъ — и потому я вовсе не знаю, когда я буду в состоянии отсюда уехать...

Если мне будет лучше, я Вас извещу[1] — а Вы дайте мне знать, что, Ваше здоровье поправилось ли?

Кланяюсь всем спасским жителям и остаюсь

доброжелатель Ваш Ив. Тургенев.

3740. ПОЛИНЕ ВИАРДО

7, 8 (19, 20) июля 1874. Петербург

№ 38

St. Pétersbourg.
Hôtel Demouth.
Samedi, 18/6 juillet 74.
1 heure de la nuit.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, voici ma 4-ème nuit a peu près blanche. C'est tout à fait nouveau, mais pas consolant. Ce n'est maintenant ni le genou, ni l'orteil, c'est tout le cou-de-pied du pied droit qui s'est mis en danse: il faut varier ses plaisirs! Les douleurs sont violentes et vont crescendo. Je ne devrais pas vous écrire — à quoi bon vous causer du chagrin? Car je suppose que vous en ressentez en lisant mon petit martyrologe. Mais il me semble que cela me soulage un peu. La journée n'a pas été trop mauvaise; je n'ai naturellement pas bougé de mon lit — mais dès 8 heures du soir, je savais que j'aurais mon paquet. Pour demain et après-demain il me reste les deux genoux; et puis, le petit navire plat recommence. Pourquoi cela ne durerait-il pas ainsi jusqu'à l'hiver? en Effet, pourquoi?

2 h. 1/2.

Je lis avec beaucoup de difficulté et force interruptions une histoire d'Ivan le Terrible[1], — ce monarque si ingénieux à tourmenter ses sujets aurait, je crois, été assez content des tortures que je ressens dans ce moment: il me semble que j'ai tout le pied écrasé par une roue de chemin de fer. Ça va durer ainsi encore 3 ou 4 heures — mettons 200 minutes, 12.000 secondes, 720.000 tierces — et je vous assure qu'une tierce se fait déjà sentir. Les charmants élancements ne manquent pas non plus. — Oh oui, Schiller avait bien raison:

Das Leben ist doch schön![2]

Voilà le cas de dire:

And still — I am not happy![3]

3 heures.

L'orchestre infernal de la goutte joue: Fortissimo — tutti! Depuis 5 minutes, je hurle, pas toujours en mesure.

4 h. 1/4.

Léger decrescendo — avec des trilles de retour.

Dimanche, 20/8 juillet.
10 h. du matin.

La douleur s'est un peu calmée, mais je n'ai presque pas pu dormir. A 6 h. je lisais encore, sans beaucoup de fruit, je suppose. Je suis cloué dans mon lit — immobilité absolue de la jambe droite — et *déjà* des petits tiraillements à l'*orteil* du *pied gauche* — la préface obligée. J'aurai de nouveau probablement une nuit vilaine (c'est le n°1), puis une nuit affreuse (n°2) — et puis ça recommencera autre part, et "sic in infinitum".

And still — I am not happy!

J'ai des chances de vous revoir tous vers le commencement de 1875 — à moins que ce ne soit en 1876.

Et maintenant que j'ai déroulé mon petit registre, il ne me reste plus qu'à vous embrasser tous et vous souhaiter meilleure chance et meilleure santé qu'à moi.

Auf ewig
Der Ihrige
J. T.

3741. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

7(19) июля 1874. Петербург

Воскресенье. 7/19-го июля 74.
С.-Петербург. Hôtel Demouth.

Милый брат,

Ты желаешь знать, что со мной? Один ответ: плохо, очень плохо. Вот уже 5-й день, как я лежу в постели, 4 ночи провел без сна, *обе* ноги болят жестоко — и никакого облегчения не предвидится. Я уже не думаю о будущем — и никаких не делаю планов.

Костыли я получил — и благодарю за них[1]. Я заплатил артельщику 1 руб.

Если б ты мог таким же образом (через артельщика) прислать мне liqueur antigoutteuse de Laville — я бы спасибо сказал. Здесь невозможно их[a] достать. Аптекаря уверяют, что это лекарство запрещенное.

Мне очень приятно было узнать, что ты по крайней мере здоров.

Обнимаю тебя нежно.

Любящий тебя брат Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

3742. ПОЛИНЕ ВИАРДО

9(21) июля 1874. Петербург

№ 39

St. Pétersbourg.
Hôtel Demouth.
Mardi, 21/9 juillet 74.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, voici ma position sociale ce matin: J'ai bien dormi pour la première fois depuis une semaine, grâce à une potion de *chloral*; je ne souffre pas, quand je reste immobile; mon pied gauche est à peu près guéri: — mon pied droit est encore malade et je ne puis pas le remuer: mon genou droit est — colossal! Voilà son contour:

Il m'a fait horriblement mal hier — aujourd'hui il n'est que laid et me force à l'immobilité. Mais je suis si heureux de ne pas souffrir que je me résigne à tout. Il me semble que je suis tombé au pouvoir d'un tyran qui m'a mis en prison — et qui ne veut pas me dire quand il m'en delivrera... Patience!

Que vous dirai-je encore? Mes journés s'écoulent dans une uniformité complète; les mêmes amis viennent me voir et échanger à peu près les mêmes paroles: je leur suis reconnaissant — et pourtant il me semble que tout cela se fait par respect humain et comme une politesse: ces visites ne me causent guère de distractions. C'est peut-être un peu ma faute: je suis comme les animaux malades — j'aime à me fourrer dans un coin éloigné et solitaire! "and brüten". Je lis avec acharnement[1] — je tâche de ne pas réfléchir; j'admire les écrivains qui, pendant leur maladie, inventent et trouvent des sujets de romans, de poèmes... il me serait aussi impossible de le faire que de danser avec mon joli petit genou. Attendre, attendre et laisser fondre le temps comme du beurre — voilà tout ce que je puis faire. Je pense souvent à vous, par exemple — à Bougival, à Didie, à Marianne, à toute la famille — cela m'attendrit et puis je tâche de détourner ma pensée — pour ne pas trop m'affliger.

Voilà comment se passe le temps. Mais quelle chance de ne pas souffrir!

Toujours pas de télégramme (et pas de lettre) de Viardot! — J'ai lu son article dans "L'Indépendance Belge"[2]. — Il est excellent, comme tout ce qu'il fait.

Amitiés, mille millions d'amitiés à tout le monde de la part du pauvre goutteux!

Je vous baise tendrement les mains.

Auf ewig
Der Ihrige
J. T.

3743. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

15(27) июля 1874. Петербург

С.-Петербург. Hôtel Demouth, 53.
Понедельник, 27/15-го июля 1874.

Любезный брат,

В ответ на твое письмо от 10-го/22 июля[1] могу тебе сказать, что мне со вчерашнего дня полегчило — и, если опять не произойдет *rechute*, я выеду отсюда в Берлин в субботу. Но я уже травленый заяц — и потому положительно ничего сказать не могу.

Если болезнь меня задержит еще больше, то я совсем в Карлсбад не поеду — ибо тогда время для лечения пройдет.

Если у тебя действительно есть намерение пользоваться водами в Карлсбаде, то и тебе не советую медлить[2].

Прошу тебя передать прилагаемое письмо[a] Ивану Павловичу Горбунову (бывшему помощнику Маслова)[3] — если он еще не уехал в Ливадию; если же он уехал, то прошу послать это письмо, вложивши пакет с адрессом;

Его высокородию И.П. Г⟨орбунов⟩у.

Таврической губернии, *в город Ялту*, в Ливадию
(или *Ялтского уезда*).

В надежде еще увидеть тебя дружески тебя обнимаю и остаюсь

любящий тебя брат Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто: к.*

3744. Н.А. КИШИНСКОМУ

16(28) июля 1874. Петербург

С.-Петербург. Гостиница Демута, № 53.
Вторник, 16/28-го июля 74.

Любезный Никита Алексеевич,

Я всё еще здесь и только третьего дня в первый раз поднялся с постели. С трудом ковыляю на костылях по комнате. Припадок на этот раз был жесток до крайности — и я еще нисколько не могу поручиться в том, что он не возобновится.

Я очень рад, что Ваше здоровье поправляется; сожалею о случившемся с Вашей супругой — и надеюсь, что не будет никаких дурных последствий.

От Дмитрия Ивановича я письмо получил[1].

Доктор обнадеживает меня, что я могу выехать в субботу — но я что-то плохо этому верю. Посмотрим.

Как только я прибуду в Карлсбад — напишу Вам[2]. Деньги Вы — пока — копите и не посылайте, пока я Вам не скажу — куда.

Насчет дома в Спасском я раздумал. Эти припадки отбили у меня охоту приезжать в Россию на долгие сроки. А на короткие — пригодится и старый флигель. Обойдемся без дома. А потому никаких закупок не делайте.

Кланяюсь всем спасским жителям и остаюсь

доброжелатель Ваш Ив. Тургенев.

3745. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

16(28) июля 1874. Петербург

С.-Петербург.
Вторник, 16-го июля 74.

Любезный друг Яков Петрович, вчера был у меня твой приятель Златковский — и сообщил о твоем желанье навестить меня[1]. Я в нем не сомневался — как не сомневаюсь в твоей дружбе; но, правду говоря, именно поэтому не извещал тебя о моем пребывании здесь и о моей болезни. Прискачет, думал я, мой Полонский, разбередит себе колено, с которым *шутить не следует* и которому нужен совершеннейший покой... и для чего? Для того чтобы перекинуться со мной двумя-тремя словами? Мы это можем сделать на письме. Не забывай, что у тебя болезнь весьма серьезная,

от которой можно отделаться только твердой волей и энергией; у меня был приятель Гартманн, у которого была такая же болезнь в колене: он пролежал *одиннадцать* месяцев сряду — и выздоровел. Правда, он был *немец*. Но ты, русский, докажи, что и нашей породе доступна непреклонная твердость решения. Тебе, говорят, лучше; зачем же ты хочешь испортить начатое дело? А, наверное, испортишь.

Со мной, бесспорно, произошло пакостное дело. Нежданно-негаданно нагрянула подагра — да такая, какой отроду не бывало: разом в обеих ногах, в обоих коленях... Просто: все онеры. Мучился я сильно — и теперь едва начинаю полозить по комнате на костылях; однако доктор обнадеживает, что в субботу можно будет уехать, так как мне все-таки нужно попасть в Карлсбад. Рвение мое к родине эта штука несомненно охладила: три раза сряду приезжаю я сюда — и три раза уезжаю с подагрой — и всякий раз в сильнейшей прогрессии. Результатом этого, вероятно, будет то, что я ни зимой, ни в будущем году не приеду в Россию; ну а в 1876-м придется объявиться опять[2]. Тогда мы увидимся — а может быть, и раньше; потому что — как говорится — чем черт не шутит — и как знать, чего не знаешь? Может быть, ты приедешь туда.

Но именем дружбы нашей прошу тебя: оставайся у себя на даче — и не таскайся сюда. Я сочту твой *не*приезд за личное одолжение.

Мы будем переписываться. Я тебе дам знать, как только доберусь до Карлсбада[3]. Присылай мне свои новые стихотворения. От меня ты будешь аккуратно получать ответы. Почта на что-нибудь да создана!

Засим заочно тебя обнимаю и желаю тебе всего хорошего. Кланяйся от меня твоей жене.

Искренно тебе преданный Ив. Тургенев.

3746. А.А. ФЕТУ

16(28) июля 1874. Петербург

Вторник, 28/16-го июля 74.

Любезнейший Афанасий Афанасьевич, Ваше письмо[1] не застало меня уже в Спасском, но не на радость я выехал оттуда. Две недели тому назад я прибыл в Петербург — и тотчас же свалился как сноп, пораженный жесточайшей подагрой разом в оба колена и в обе плюсны, чего со мной еще не бывало. Мучился я лихо; теперь начинаю елозить на

костылях по комнате — и доктор полагает, что я могу в спальном вагоне отправиться в субботу в Берлин, а оттуда в Карлсбад; но я человек муштрованный — и поверю, что я уехал в Карлсбад, только тогда, когда из него выеду.

Сказать, что этот утрегубленный припадок (три раза сряду!) усилил в сердце моем пламя любви к родине, было бы маловероятно. Скорее выйдет то, что я буду впредь думать тако: «Ты, родина, процветай *там*; а я уж буду прозябать *здесь* — от тебя подальше. А то ты уж больно (говоря языком "Опасного соседа") охотница подарочки дарить[2]. Много довольны; спасибо и так».

Если увидите Марью Агеевну — передайте ей мой поклон.

Кланяюсь Марии Петровне и целую умницу Петю. Вам жму дружески руку и желаю всего хорошего.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3747. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

19(31) июля 1874. Петербург

Пятница веч.
Гостиница "Демут".

Любезная Юлия Петровна, я потому только еще здесь, что не получил ответа на посланную мною в Париж телеграмму[1] — а то бы я уже *сегодня* вечером должен был уехать — но завтра в 2 часа меня, вероятно, уже не будет в Петербурге. Очень сожалею, что не могу принять Вашего любезного предложения и что не застал Вас вчера дома: впрочем, при теперешнем моем настроении я был бы плохой собеседник[2]. Дружески жму Вам руку, благодарю за привет и прием и прошу верить искренности чувств

преданного Вам Ив. Тургенева.

3748. Н.А. КИШИНСКОМУ

19(31) июля 1874. Петербург

С.-Петербург. Гостиница Демута, 53.
Пятница, 19-го июля 1874.

Любезный Никита Алексеевич, я завтра — в субботу утром — уезжаю в Карлсбад — и, как только доберусь дотуда, я Вам дам знать[1]. А теперь, по получении сего письма, вы-

шлите на имя Александра Васильевича Топорова, Сергиевская улица, д. № 2, в Петербурге, *сто рублей серебром* немедленно[2].

Засим желаю Вам всего хорошего и кланяюсь всем спасским жителям.

Иван Тургенев.

3749. А.Н. ПЫПИНУ

19(31) июля 1874. Петербург

Любезнейший Александр Николаевич, я действительно сильно прихворнул, однако поправился немного — и уезжаю завтра рано в Берлин, а оттуда в Карлсбад, о чем я из Берлина уведомлю лично Фридлендера[1]. Г-жа Стасюлевич всё еще в Франценсбаде? И где он теперь? Будьте так добры, черкните слово в Карлсбад, poste restante.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3749[а] ЮЛИАНУ ШМИДТУ

21 июля (2 августа) 1874. Берлин

⟨Телеграмма⟩

Скоро приеду.

⟨И. Тургенев⟩.

3749[б]. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

22 июля (3 августа) 1874. Карлсбад

7[а] августа 74.

Остановился в Карлсбаде в гостинице "Английский король". Приехал сегодня вечером. Страдаю от [подагры][1].

На днях получите роман Золя[2].

Тысяча приветов вашей жене.

Преданный вам
И. Тургенев.

[а] *Так в тексте публикации.*

3750. КЛОДИ ШАМРО

23, 24 июля (4, 5 августа) 1874. Карлсбад

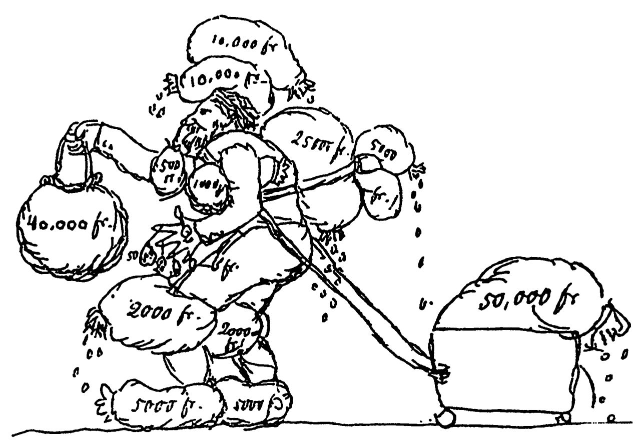
Carlsbad.
König v. England.
Mardi, 4 août 1874.

Chère Didie de mon âme et de mon cœur, ma bonne petite filleule chérie (à propos, veus-tu que je sois aussi le parrain de *ton futur enfant*? [1]) — en arrivant à Carlsbad, j'ai trouvé 11 lettres de Bougival, il y en avait trois de toi[2], l'une plus gentille que l'autre, quoique dans l'une d'elles tu me grond*asses* (quel joli verbe: je grondasse, tu grondasses, etc.) — et je ne puis m'empêcher de prendre la jolie main qui me les a écrites et la baiser *au moins* cent fois! Carlsbad est malheureusement bien loin de Bougival — et pourtant depuis que je suis — ici j'ai comme une légère sensation de home; — il me semble que je n'ai plus qu'un effort à faire — et pouf! me voilà devant le clocher mystérieux, qui, après tout, n'est pas si méchant qu'il en a l'air[3]. Ce pouf! aura lieu dans 30 jours[4] ou 720 heures ou 43.200 minutes, tu vois que je flatte ton penchant pour l'arithmétique... Ah! grands dieux! quarante trois mille minutes... c'est bien long. Enfin, patience! Et pour qu'elle me soit facile, il faut que les nouvelles de Bougival soient toujours excellentes, il faut que toi et ton Loulou[5] et tout le monde, vous vous portiez comme autant de ponts neufs!

Chère Didie, c'est demain qu'a lieu la vente — ou l'achat de la maison. Est-ce que cela ne t'amuserait pas que j'eusse là un pavillon? Premièrement, il y aurait là un joli atelier — de campagne — pour toi. Moi aussi, je pourrais y écrire; je suis sûr qu'on doit écrire avec plaisir dans un atelier. Tu pourrais le meubler à ta fantaisie, qui vaut, certainement, mieux que la mienne; et en général pense à l'amusement qu'on aura d'arranger ce pavillon, où tu viendrais souvent, n'est-ce pas! Maman m'écrit que le jardin vous a paru mesquin et petit; mais comment faire? Le *parc Halgan* est une exception trop rare?[6]

D'après le plan, que maman m'a envoyé, je crois en effet que la maison est un peu trop exiguë, mais il y a des Ramousset, c⟨'est⟩-à-d⟨ire⟩ des architectes de par le monde, et puis, il y aura le *pavillon*, que rien n'empêche de faire grand... grand... On pourrait y mettre la salle de *billard* et dans le rez-de-chaussée de la maison arranger un cabinet de travail soit pour papa, soit pour maman. Dis à ton Loulou de se mettre en quête d'un bon petit architecte, jeune et plein d'imagination...[7] (NB. Cruvelli

n'est plus jeune et il n'a montré d'imagination que quand il est venu une fois à la maison habillé en singe). J'ai déjà dit à ta maman que l'idée d'un chalet ne me sourit pas: il faut un PA-VIL-LON! Mais quelle espèce de PA-VIL-LON? Ceci est moins clair, mais ce sera l'affaire du jeune architecte. Je veux que mon PA... etc. soit construit par des jeunes, par toi, par ton Loulou, et naturellement par ta maman; parce que, vois-tu, mon Didi chéri, ta maman est plus jeune que nous tous! Dans une de ses lettres elle me parle avec enthousiasme de l'atelier du peintre *Clairin*[8] (cet imitateur de Regnault); as-tu vu cet atelier? Cela pourrait te donner des idées pour le *nôtre*. Sache que dans ce moment je suis accablé à la fois par la goutte et par la richesse... par des monceaux d'or, j'en regorge, je ne sais qu'en faire, je suis comme le roi Midas, j'ai de l'or partout, je sue de l'or![9] Tiens, regarde plutôt: voici un dessin qui te donnera une faible idée de ma situation financière:

La charité exige qu'on me soulage un peu!

Ah! Madame est allée à la Grenouillère voir les ébats de Messieurs les nageurs! Madame, n'étant plus une demoiselle, peut tout voir et tout lire! Ça ne fait rien que Harlamof ait les pieds sales — mais cela m'ennuie qu'il ne termine pas le portrait de maman. Dis à papa que je lui écrirai à ce Harlamof dès aujourd'hui même. C'est rue Fontaine, n°... 30, je crois? Mais pour plus de sûreté, j'enverrai mon billet dans une lettre adressée à maman[10].

Mercredi, 5 août, 9 h. matin.

Bonjour, mon cher ange adoré! Je n'ai plus que la place nécessaire pour te dire que j'ai bien dormi et que la goutte fait

la *morte* jusqu'à présent. Tu m'écris dans une de tes lettres que rien ne diminuera jamais l'affection que tu as pour moi; et moi je te dis que ma tendresse pour toi s'accroît encore de toutes celles que tu ressens et que tu inspires... Ich küsse Dich tausendmal und bleibe auf ewig

Dein alter treuer
J. Tour.

3751. П.В. АННЕНКОВУ

24 июня (5 августа) 1874. Карлсбад

Карлсбад. König von England.
Середа, 5-го авг. 1874.

Милый Павел Васильевич, пишу Вам сегодня только несколько слов, чтобы уведомить Вас, что я, настрадавшись вволю в деревне, Москве и особенно Петербурге, притащился вчера сюда, где, между прочим, нашел Ваше письмо от 6-го июля[1]. Я еще до сих пор калека, едва ползу с помощью двух палок — а два дня тому назад ходил на костылях — у меня в первый раз сделалась подагра в обеих ногах. Надеюсь, однако, здесь поправиться — и с завтрашнего дня начинаю лечение. И Вы, бедняк, натерпелись, я вижу! Легкое ли дело — полип — и сколько операций! Надеюсь, что Вы теперь навсегда от него освободились. Под старость жизнь становится курьезной задачей для нашего брата.

Путешествие мое в Россию началось было очень хорошо — я много увидел и услышал нового, делал штудии — даже работал; а потом всё пошло к черту. Лежа, как бревно, на спине по неделям, трудно упражняться в сочинительстве! Я совсем было решился часть зимы провести в России для окончания моей работы[2]; но теперь — слуга покорный! Из работы выйдет что Господу угодно — вероятно, ничего.

Здесь я пробуду 4 недели — а там через Баден в Париж. Стало быть, в начале сентября увидимся. Радуюсь, что Вам Баден нравится.

Львовы были здесь — но уже уехали; также гр. А.К. Толстой.

Кланяюсь Вашей супруге, целую деток и дружески крепко жму Вам руку.

Душевно Вам преданный Ив. Тургенев.

P.S. Мой поклон добродетельной г-же Анштетт.

3752. Н.А. КИШИНСКОМУ

24 июля (5 августа) 1874. Карлсбад

Карлсбад. König von England.

Середа, $\frac{\text{5-го авг.}}{\text{24-го июля}}$ 1874.

Любезный Никита Алексеевич, третьего дня вечером приехал я сюда и завтра начинаю курс лечения. Подагра не возобновилась до сих пор — и надо надеяться, что она оставит меня наконец в покое.

Я здесь пробуду четыре недели.

Я получил Ваши два письма от 2/14-го и 7/19-го[1]. Радуюсь, что Ваше здоровье поправляется — а в Москву Вам съездить посоветоваться не худо. Коли будете в Москве, не забудьте там покончить с *каретой*[2].

Охотно соглашаюсь на уступку Вам молотильного сарая за 100 р. сер.

Что делают продажи земель Гриневу[3], Чегодаеву[4] и тапковскому бурмистру[5]. О Жикине я не говорю: это, наверное, пуф[6].

Кланяюсь всем спасским жителям и Вашему семейству — а Вам желаю всего хорошего.

Ив. Тургенев.

⟨P.S.⟩ Мой немецкий адресс: Carlsbad (Böhmen), Herrn I. Turgénjew, König von England.

3753. А.В. ТОПОРОВУ

24 июля (5 августа) 1874. Карлсбад

Карлсбад. König von England.

Середа, $\frac{\text{5-го авг.}}{\text{24-го июля.}}$ 74.

Любезнейший Александр Васильевич, пишу сегодня только несколько слов, чтобы уведомить Вас, что я благополучно прибыл в Карлсбад, нашел здесь порядочную квартеру и до сих пор новой атаке подагры не подвергался; застал еще здесь Осипа Афанасьевича, который сегодня уезжает в Россию через Вену. Ходить — хожу еще с трудом и пить воду начну только завтра. Посылаю Вам куверт на имя доктора Ланге[1]. Будьте так добры, вложите в него 10 руб. и отошлите. Прошу Вас также известить меня, когда Вы от моего управляющего получите сто рублей[2].

Засим еще раз благодарю Вас за Ваши дружественные и радушные услуги, желаю Вам всего хорошего (и, между прочим, счастья в мушке[3]) и крепко жму Вам руку.

Искренно Вам преданный Ив. Тургенев.

3754. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

24 июля (5 августа) 1874. Карлсбад

Карлсбад. König von England.

Середа, 5-го авг. / 24-го июля. 1874.

Любезный брат, считаю долгом известить тебя, что я благополучно добрался сюда третьего дня вечером и завтра начинаю пить Шлоссбрунн[1]. Мои ноги всё еще не совсем в порядке — однако, кажется, подагра хочет меня оставить и "rechute" (как бы себя не сглазить!) не будет. Комнаты у меня две порядочные.

Не знаю, застанет ли тебя мое письмо в Москве; во всяком случае желаю тебе всего хорошего — и хотя мало имею надежды встретиться с тобою здесь[2] — однако говорю тебе: до свидания.

Любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3755. ГЕНРИ ДЖЕЙМСУ (сыну)

26 июля (7 августа) 1874. Карлсбад

Carlsbad (Bohemia).
König von England.
August 7-th, 1874.

My dear Sir,

I ought to have written you long ago — but I have some excuses of my silence. The letter you wrote to me never reached me. I was in Russia at the time — I know that it was sent to me from Paris — but it did not come to my hands. I received the April № of "The North American Review" with your aricle on my writings[1] — only in July; and the very day of its arrival I had a violent attack of gout, which has not disappeared even now — so that I had the greatest difficulty of reaching this place, where I hope to get rid of my ailings. But I am not willing to put further off the expression of my thanks.

I have read your article very attentively. It is rather difficult for an author to judge fairly a critical analysis of his own works.

— I must confess that I, for instance, find always the praise too great and the blame too weak[2]. I do not attribute this impression to diffidence or modesty: it is perhaps one of the many disguises which self-love enjoys in. All that I can say — is, that your article strikes me as being inspired by a fine sense of what is just and true; there is manliness in it and psychological sagacity and a clear literary taste. I have only to observe that the pessimism you reproach me — is perhaps — is certainly — an involuntary one. My "excess of irony", as you call it, does not give me any pleasure — not even the bitter one, of which some people speak[3].

I have a great sympathy for all that is American — and a great desire to see your country. But I ought to have indulged it earlier in life. I am falling in the "sere, the yellow leaf"[4] — and that's not best time for travelling. Still I do not altogether abandon the idea. It would please me very much indeed to make your acquaintance as well as that of some of your compatriots. In the meantime believe me, my dear Sir,

yours most sincerely
Ivan Turgeniew.

P.S. My permanent address is: Paris, rue de Douai, 50.
Mr Henry James, Jr.

P.S.S. Truth compels me to say (v. page 349) — that I have large hands and feet, an ugly nose — and nothing of an "aristocratic" temperament: and I do not regret it[5].

3756. ГЕНРИ ДЖЕЙМСУ (отцу)

25 июля (10 августа) 1874. Карлсбад

Carlsbad.
Aug. 10, 1874.

My dear Sir,

Three days ago I sent to J. Osgood, the editor of "The North American Review", a letter to your son, Mr Henry James, Jr., whom I supposed in America[1]; and today I receive your letter which you have addressed to my editor in Riga, Mr E. Behre[2]. My doctor has ordered me to Carlsbad which seems to be very good for gouty people; and I have just had a violent attack in Russia where I passed the last by three months.

Your letter is too flattering by far, my dear Sir. I am very happy indeed to find such benevolent readers in America and I am proud of your sympathy; but you place me on a much too high level[3]. Modesty is an awkward thing; people don't believe in its sincerity — and people are generally right: I hope it is not

modesty, but an exact appreciation of my own faculties which tells me that I am not *ejusdem farinae* with Dickens, G. Sand or G. Eliot. I am very content to fill a second or even a thrid place after these truly great writers.

Nevertheless accept my heartfelt thanks for all the good and kind things you say to me in your letter; and let me assure you that it would make me the greatest pleasure not to "smoke my pipe under your verandah" — I don't use tobacco — but to enjoy a quiet and pleasant conversation with the intelligent men and women of your society[4]. Will this pleasure be ever realized? That I cannot say with certitude. I am rather too old now and too weak in health for indertaking such long journeys — but I still cherish the idea of a visit to your New World, so different from the Old one[5]. But all this is yet very uncertain. Believe me, my dear Sir,

yours very truly, Ivan Turgeniew.

3757. ПОЛИНЕ БРЮЭР

30 июля (11 августа) 1874. Карлсбад

Carlsbad. König von England.
Lundi, 11 août 1874[a].

Chère Paulinette,

Je ne sais quel guignon acharné me poursuit — mais je n'ai toujours que des mauvaises nouvelles à te donner. Arrivé ici mardi passé à grand-peine, j'avais commencé jeudi ma cure d'eau — et je me vois forcé de l'interrompre, grâce à un nouvel accès de goutte qui m'a remis sur le flanc. Cela devient fastidieux: aussi suis-je décidé, dès que je pourrai bouger, de planter là Carlsbad, les médecins et la cure — et de revenir à Bougival — où au moins je ne serai pas seul. Peut-être pourrai-je partir dans une semaine. Ce serait une chance!

Mais je n'en ai guère.

Enfin, dès que j'arriverai là-bas — je t'avertirai immédiatement[1] — et en attendant je vous embrasse tous les trois, toi, Gaston et Jeannette qui doit parler maintenant comme père et mère[2].

Porte-toi bien.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Je ne serai guère en état de chasser cette année; cependant Gaston me ferait plaisir s'il gardait le *bois* intact jusqu'au 15 septembre, jour de notre ouverture. Il ne faut pas diminuer nos petites chances.

---

[a] *Так в подлиннике.*

3758. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

30 июля (11 августа) 1874. Карлсбад

Carlsbad. König von England.
Lundi, 11 août 1874[a].

Mon cher Zola,

Quelqu'un a dû me jeter un mauvais sort: voilà trois mois que je roule de "chute en chute". Après avoir souffert mort et martyre dans la "cara patria" me voilà repris de plus belle par la patte, ici à Carlsbad! J'en ai assez comme cela et dès que je pourrai me mettre en mouvement, je filerai sur Paris et de là sur Bougival. Souffrir pour souffrir, je serai là au moins chez moi.

Je n'ai pas oublié vos intérêts et mes promesses. J'ai eu des entretiens à fond avec l'éditeur de la revue russe ("Le Messager de l'Europe") M. Stassulevitch[1]. Je pourrais vous transmettre par le menu ses propositions qui sont fort acceptables; mais comme il doit venir à Paris au mois de septembre (vers le 10 ou le 15) je préfère vous faire faire sa connaissance et alors nous traiterons de tout comme des gens sages et raisonnables. Vous serez à Paris à cette époque, n'est-ce pas? Ecrivez-moi un mot à Bougival (Seine-et-Oise), maison Halgan, près de l'église. J'espère y être dans une semaine, si le diable (car la goutte n'est pas autre chose) ne s'en mêle.

Je vous rapporte une traduction de "La Curée" horriblement mutilée par la censure[2]. "La Conquête de Plassans" a été donnée en résumé par un journal — "Le Journal (russe) de St-Pétersbourg", un autre ("La Gazette de Moscou") donne la traduction entière dans un feuilleton[3].

Je vous souhaite bonne santé et du travail. Le sujet de votre nouveau roman est scabreux — je veux dire: difficile — mais vous parviendrez à le mâter![4] Vous êtes un piocheur et vous n'avez pas la goutte.

Mille amitiés et au revoir.

Iv. Tourguéneff.

P.S. J'ai reçu une lettre de Flaubert. Il est à Croisset et s'apprête à entamer son roman[5].

---

[a] *Так в тексте публикации.*

3759. М.В. АВДЕЕВУ

1(13) августа 1874. Карлсбад

Карлсбад. König von England.
Четверг, 13/1-го авг. 1874.

Любезнейший Авдеев, отвечаю из Карлсбада на Ваше стерлитамацкое письмо[1]. Вскоре после того, как я Вам писал из деревни[2], со мной сделался очень сильный припадок подагры — и, несколько раз возобновляясь, до сих пор меня мучит — так что я пишу Вам из постели, в которой я нахожусь более недели. Лечение, разумеется, должен был бросить — и жду только хоть слабого облегчения, чтобы уехать в Париж. Вот третий раз, как я приезжаю в Россию, и третий раз сряду, как она дарит меня таким приятным гостинцем. Результатом последнего знака ее внимания — мое твердое решение более не подвергаться ему, и потому я говорю и ей, и, разумеется, моей литературной деятельности окончательное "прости". И никакой сентиментальности при этом не ощущаю. Жалею, что не успел окончить своего большого труда[3]; в нем было, сколько мне кажется, кое-что дельное. Но, впрочем, беда не большая: другие скажут, что я хотел сказать: а не скажут — Россия от этого не провалится.

Вы очень меня продергиваете насчет моей "напускной" или "прививной" галерееманий. Во-первых, коли строго разобрать, в любом из наших чувств, занятий и т.д. отыщется много и напускного и прививного; а во 2-х) Вы знаете поговорку: чем бы дитя ни тешилось — лишь бы не плакало. А что эта мания меня тешит — в этом нет сомнения. Замечание Ваше, что странно заводить галерейку в Париже, где есть Лувр и т.д., это замечание не совсем верно: любителю приятно *обладать* картинами. И позвольте также спросить: какие бы я картины мог завести, живя в деревне, в Спасском!! Посмотрел бы я для куриоза на эти картины!! Притом моя галерейка состоит преимущественно из произведений новейших французских пэизажистов — бесспорно первых в мире — а их-то и нет в Лувре[4].

NB. Замечу кстати, что люди, уверяющие, что они любят одну серьезную и классическую музыку, по большей части не любят никакой — так же как исключительные охотники до классической старой живописи никакого влечения к картинам не чувствуют. Я же с своей стороны очень рад, что нажил себе новую забаву, новую страсть, так как прежняя — ружейная охота — мне уже не по ногам.

Радуюсь тому, что у Вас в нынешнем году дичи много: я вместе с Вами никогда не стреливал — но убежден, что *это* в Вас сидит очень крепко.

Вполне сочувствую также Вашей литературной работе: пока пишется — пишите[5]. Оно и приятно — и полезно не в одном меркантильном смысле. Пока молодые не сменили совсем стариков — старикам не следует класть оружия. У меня оно вырвано из рук, а Вы — молодец.

Не знаю, право, когда и где мы свидимся. Я имел было намерение приехать зимой в Петербург — но теперь... "altro!", как говорят италиянцы. Разве Вы приедете в Париж. На всякий случай вот мой адресс в Париже:

50, rue de Douai.

Желаю Вам всего хорошего и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3760. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

1(13) августа 1874. Карлсбад

Carlsbad. König von England.
Thursday, Aug. 13-th, 74.

My dear friend,

Where are you and how are you? Give me some news. But give me them better than those I can give you of me. Three months ago I went, as I told you, to Russia; and two months ago — during my stay at Spasskoïé (the country seat you know) — I have been assailed by the gout most furiously — both legs at once, which did never yet happen to me — and it has not left me since — so that I write you these few lines in my bed. I came to Carlsbad with the intention of drinking the water — but I cannot begin my cure — so I will most probably give the whole affair up altogether — and profit of the first "éclaircie" — and go back to Paris — or rather to Bougival where my friends[1] have taken a villa.

This all is not very cheerful — but что делать? Patience! This virtue has this particular merit that one can distinguish himself by its exercise — even when he has not the least desire to do it; an enforced virtue.

There works in me a secret hope that I will be able to leave Carlsbad next week; so write me to Paris — and give me *good* news.

А пока будьте здоровы — жму Вам крепко руку.

Ваш Ив. Тургенев.

На конверте: *England*. W. Ralston, Esq-re.
British Museum. *London*.

3761. ПОЛИНЕ ВИАРДО

2(14) августа 1874. Карлсбад

№ 57

Carlsbad.
König von England.
Vendredi, 14 Août 1874.
Midi.

Chère Madame Viardot,

Theuerste Freundinn, je vais bien mieux ce matin, j'ai tranquillement dormi, mon genou dégonfle à vue d'œil. Cela me fait plaisir, quoique je ne me fasse pas d'illusion; je sais, que j'aurai encore plusieurs rechutes, comme en 1872, je n'en doute pas un instant — seulement je tacherai que je n'en aie plus à Carlsbad. Dès que la chose sera possible — je file comme une fusée![1] Jean[2] viendra me rejoindre demain ou après demain — et peut-être que dès mardi...

Mais rien... rien... silence! comme dit le fou de Gogol[3].

J'ai reçu votre lettre du 11 — ainsi que les deux lettres de Didie et de Marianne — auxquelles je répondrai "sehr ausführlich"[4]. La représentation de Dalilah est remise à jeudi, 20 — dire que je la manquerai peut-être de 2 jours![5] C'est une atroce ironie du bon petit sort, qui me persécute très particulièrement depuis bientôt deux mois. Le chemin le plus direct d'ici à Paris — est par Stuttgart, *Oos*[6] — et Strassburg. Je serai obligé de m'arrêter un jour à Bade — pour me reposer un peu et prendre des papiers que j'y ai laissés — (toute ma correspondance). Si je pars d'ici — disons mercredi, pour parler sans exagération — je serai jeudi à 3 h. à Bade — je repars vendredi matin et je puis être vendredi soir ou samedi de très bonne heure à Paris! Si on donnait Dalilah samedi soir! Mais comme tous ces projets ne reposent que sur des suppositions — peu probables — il vaut mieux que je me résigne et que je laisse aller les choses...

Les invitations sont faites — la représentation a déjà été remise — il n'y a plus rien à changer! Et puis je ne perds pas l'espérance d'une *seconde* représentation[7].

Mais je conçois que cette Dalilah vous absorbe. C'est une *figure* à dessiner. Oui, vous avez passé trois jours sans m'écrire. Mais je le conçois parfaitement — et dans ma lettre d'hier je vous disais que je devinais la raison.

Mme Ségalas est charmante — elle va faire votre connaissance et celle de toute la famille... C'est très bien... Si nous en

profitions pour lui demander le prix *doux* — et amical — de la propriété? Elle me trotte par la tête presque autant que Dalila par la vôtre... Dit-on: par? ou dans? — C'est égal — vous me comprenez — et je vous assure, très, très sérieusement — je donnerai 150 000 fs *facilement* et avec la plus grande joie du monde[8].

Voyons, réfléchissez avec Viardot. Et quant au *fusil*, écrivez à Manuel, que c'est inutile... Il faut faire des économies, en vue de l'*autre* acquisition[9]. Quelque chose qui m'ahurit encore plus que la fuite de Bazaine — c'est le fait que le g⟨énér⟩al Espivent, légitimiste avéré et enragé — ose faire arrêter des Français pour crime de complicité au *4 Septembre* — au 4 Septembre, dont une des plus belles rues de Paris porte le nom!! C'est a confondre la raison! Et avec cela, je prévois la nomination d'un Bonapartiste dans le Calvados[10]. Non, il ne faut plus seulement penser à la politique.

J'ai lu le très joli article de Viardot dans l'"Indépendance"sur Pompeï[11]. Et ce vilain Harlamof qui n'achève pas votre portrait! Un portrait *payé* depuis 3 mois![12] J'ai envie de lui écrire de ma plus belle encre. Malheureusement, j'ai oublié son adresse. A demain.

J'embrasse avec effusion tout le monde: vous, Viardot, Didie, Georges, Marianne, Paul! Et je recommande le pauvre goutteux à vos bons souvenirs! Auf ewig

Der Ihri⟨ge⟩
I. T⟨ou⟩rg.

3762. А.П. САМАРИНОЙ

2(14)) августа 1874. Карлсбад

Любезнейшая Александра Павловна, так как Вы мне позволили пригласить Вас к себе сегодня, то не захотите ли Вы прийти к 6 часам вечера? Я Вам прочту один небольшой неизданный отрывок[1]. У меня будет мой приятель Грибовский и его жена — люди очень хорошие и простые (rien d'A.... ff)[2].

В ожидании приятного свидания дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

Пятница.

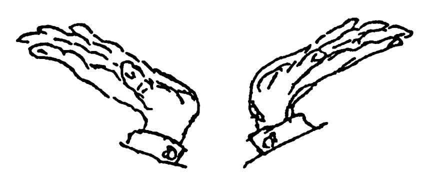
3763. КЛОДИ ШАМРО

3(15) августа 1874. Карлсбад

Carlsbad.
König von England.
Samedi, 15 août 1874.

Chère Didie adorée, chère filleule n°1, j'ai reçu ta lettre, que j'ai lue et relue avec le plus grand plaisir. Ainsi, il n'y a plus à s'en dédire: il faut que tu me donnes l'occasion de devenir "double-parrain"[1], comme il y a des roses doubles — et des doubles bécassines[2]. Mais tu dis: filleule — et qu'en sais-tu? Peut-être sera-ce *un* filleul?[3] Mais n'est-ce pas que c'est extraordinaire? Ce petit être, qui vit déjà à l'heure qu'il est, qui est un individu, sera, peut-être, selon le sexe, ou un grand peintre ou un grand général ou un grand mathématicien (ceci est peu vraisemblable) ou bien une grande cantatrice, comme la grand-maman, ou tout bonnement une charmante personne comme sa mère et toutes ces facultés, cette intelligence, toute cette vie enfin tient là, sous la paume de ta main... Voilà un petit monsieur... ou une petite demoiselle... qui peut se flatter d'être reçu par toute une explosion d'affections à son entrée dans le monde!

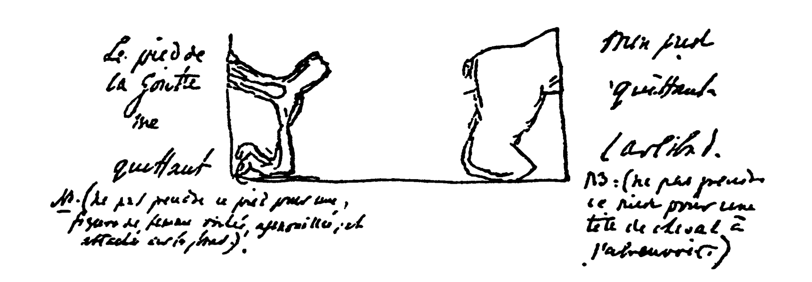
En attendant, je suis enchanté d'apprendre que tu mènes une vie sage et réglée, que tu dors et manges bien, — ce qui ne t'empêche pas de devenir d'une jolie force au pistolet!! C'est très bien, c'est parfait et je t'applaudis:

(NB. Ne pas prendre ces mains pour des pieds renversés.)

Quant à moi, tu sais par les lettres que j'ai écrites à ta maman que j'ai été malheureusement réprimé par ma vieille ennemie...[4]. Je dis: "malheureusement", car en bonne conscience je ne puis pas faire autrement; mais si cette attaque aura pour résultat d'avancer mon retour d'une quinzaine de jours, je ne sais trop si je dois la regretter. L'idée que je pourrais te revoir bientôt me semble si belle que ça m'éblouit. Quel plaisir de pouvoir déposer un baiser sur ton *beau front*

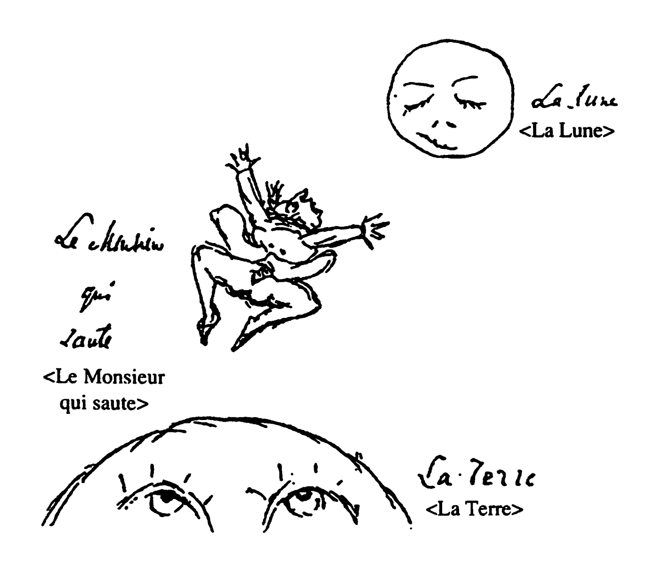
(expression de Georges dans sa charmante lettre — je ne sais s'il te l'a lue) — car il est vraiment très beau, ton front, quoique tu persistes à le cacher sous tes cheveux. Enfin, je suis bien décidé à ne pas rester ici une minute de plus qu'il ne faut. Ce sera comme cela:

⟨Le pied de la qoutte me quittant.
NB. (ne pas prendre ce pied pour une figure de femme voilée et attachée aux bras)⟩

⟨Mon pied quittant Carlsbad.
NB. (ne pas prendre ce pied pour une tête de cheval à l'abreuvoir).⟩

Ah! si je pouvais arriver *jeudi* pour le grand jour de Dalilah![5] Hélas! c'est vouloir prendre les lunes avec les dents[6].

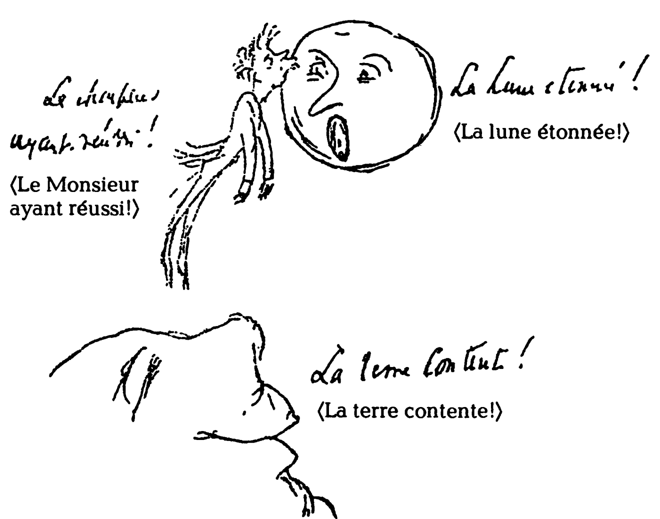

<La Lune>

<Le Monsieur qui saute>

<La Terre>

Pourtant, voilà ce qu'on a vu quelquefois — rarement, il est vrai:

Qui sait?
Ma chère Didelchen, si ces petites bêtises peuvent te faire sourire c'est tout ce que je demande.

Et maintenant laisse-moi t'embrasser bien fort, embrasse pour moi ton cher Loulou-Georges — et toute la famille, et fais dire mille choses aimables de ma part à papa et à maman Chamerot. Oh! le beau jour, le beau jour quand je te verrai!!!

Dein, Dich anbetender und vergöttender alter Freund

J.T.

3764. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

4(16) августа 1874. Карлсбад

Карлсбад, 15[a] августа 74 г.
Воскресенье.

⟨...⟩ Посылаю вам сегодня под бандеролью первый и четвертый томы романа Золя "Les Rouguon-Macquart" (каждый роман образует единое целое). Я получил их только вчера. Второй (самый важный, называется "La Curée") и третий я вам вышлю из Парижа, так как на днях отправляюсь туда[1]. Лечение свое я прервал, вследствие нового приступа подагры (пишу вам в постели), и потому хочу покон-

[a] *Так в тексте публикации.*

чить со всей этой историей и вернуться домой; подагра, вероятно, и там будет продолжать мучить меня, но зато я по крайней мере буду дома.

Сколько времени вы пробудете в Gross-Lengden'е? И куда направляетесь потом? Вы можете пока писать мне сюда.

Наилучшие пожелания вашей жене.

Дружески жму вам руку.

Преданный вам И. Тургенев.

3765. ПОЛИНЕ ВИАРДО

4, 5(16, 17) августа 1874. Карлсбад

№ 58

Carlsbad.
König von England.
Dimanche, 16 août 74.
10 h. du matin.

Chère Madame Viardot, theuerste Freundinn, Valentinchen[1] sort de chez moi. Elle est venue accompagnée par son père et son frère, qui a le visage encore plus long qu'elle, mais qui a l'air aussi bon garçon qu'elle a l'air bonne fille. Je l'ai trouvée changée à son avantage — elle est maintenant tout à fait svelte, les cheveux ne sont plus ébouriffés, le teint est frais sans être rouge, il n'y a que la mâchoire inférieure qui a gardé sa désolante étendue. Nous avons naturellement beaucoup parlé de vous, de Didie (elle avait sa photographie en broche sur la poitrine), de Marianne, de Paul, de Bougival, de Dalila (ce nom ravive ma douleur[2]) — elle aime toute la famille et vous est personnellement très dévouée. C'est une âme fidèle. Elle soupire auprès un voyage à Paris, mais elle sent bien que c'est très difficile. Le papa a toujours l'air aussi excellent — et sa cravate blanche. Le jeune homme étudie le droit à Upsala, a les cheveux d'un noir de jais, une quantité de dents blanches etrelacées et de la bouillie dans la bouche. J'ai été bien content de voir l'antica Valentin.

Quant à ma santé, je vais certainement mieux, mais j'ai toujours mon *point rouge*, qui ne disparaît pas plus que les les points noirs de l'horizon de Mr Napoléon III. Je suis sorti pour la première fois aujourd'hui, hors de mon lit, pas hors de la maison. Si je n'ai pas de rechute, j'espère bien que dans le courant de cette semaine je montrerai les talons au bon Carlsbad. Etre à Carlsbad *sans* prendre les eaux, c'est le dernier mot de l'ennui et de la misère!

Depuis deux jours je reçois "Le Temps". J'ai reçu également le feuilleton de "L'Indépendance" et l'article du "Bien public". Remerciez Viardot de ma part[4].

Et je répète: Ségalas! comme Caton l'ancien répétait: Carthage![5]

Lundi, 17 août.
11 h. du matin.

Le mieux se soutient — le point rouge est tout petit et rose — mais il n'a pas encore disparu! Je vais essayer de sortir un moment en voiture — heureusement, ma chambre est de plain-pied avec la rue — et si ça ne se gâte pas, demain soir je file!!

Je suis bien décidé à ne pas me laisser attraper par une rechute *ici*. A Bougival — c'est autre chose.

Monsieur Jean, mon ci-domestique, s'est tranquillement réengagé à Bade, contrairement à nos engagements. Je n'en suis pas autrement désolé — mais comme il me serait difficile de voyager seul, j'ai télégraphié à Mme Anstett de m'envoyer un zuverlässigen Menschen, dont elle m'avait parlé dans sa lettre. Ce zuverlässiger doit arriver ce soir.

Je ne dis à personne ici que je m'en vais... Ce sera comme le paf! du pacha dans "Trop de femmes"[6]. Et mon docteur qui parle de *reprendre la cure* dans une semaine. (NB. Il ne veut pas que je sorte aujourd'hui — il vient de me quitter; eh bien, je ne sortirai pas en voiture — mais je partirai demain... ou du moins, j'essaierai.)

Vous devez être dans le feu des répétitions. Cette lettre vous arrivera le matin même du grand jour — et je vous crie d'ici: "bonne chance!" et d'avance: "Bravo!"[7].

Vous me raconterez tout, avec les plus petits détails et vous donnerez une seconde représentation.

Et la villa Ségalas!![8]

A bientôt — je l'espère. — En attendant, je me jette au cou de toute la maison Halgan[9].

Ich küsse Ihre lieben Hände.

Der Ihrige
J.T.

3766. Е.И. РАГОЗИНУ

6(18) августа 1874. Карлсбад

Карлсбад. König von England.
Вторник, 6/18-го авг. 1874.

Любезнейший Рагозин, не знаю, заставила ли г-жа Грендор[1] меня забыть мою болезнь, но болезнь меня не забыла — и на четвертый день моего приезда сюда нагрянула на меня с новой силой, прекратила лечение и еще теперь не совсем меня выпустила из когтей. Я еще из комнаты не выходил ни разу — но решаюсь завта уехать в Париж, так как здесь мне делать нечего и лечение откладывается до будущего года. Неудачное мое путешествие в нынешнем году![2]

Видаете ли Вы Топорова? Я ему давно написал письмо[3], на которое ожидал ответа — но ответа не пришло.

Погода здесь мерзейшая — не знаю, как у Вас.

Я извещу Вас о моем приезде в Париж, где я, конечно, ожидаю новой *rechute* — но, по крайней мере, я там со своими.

Пожалуйста, поклонитесь от меня Вашей милой жене и скажите ей, что я довез ее цветы до самого Карлсбада.

Вследствие жестокой привычки русских никогда не выставлять на письмах своего адресса, я принужден писать Вам по старому адрессу — и взываю к аллаху, да препроводит он к Вам мое посланье![4]

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Мой адресс в Париже: rue de Douai, 50.

3767. А.П. ФИЛОСОФОВОЙ

6(18) августа 1874. Карлсбад

Карлсбад.
Вторник, 6/18-го авг. 74.

Многоуважаемая Анна Павловна,

Вы, вероятно, удивляетесь, что я так долго не откликнулся на Ваше письмо и, в особенности, на Вашу посылку[1]; причина моего молчания — болезнь, подагра, которая два месяца тому назад схватила меня в деревне и даже здесь не дает мне покоя, мешает моему леченью и заставляет до времени уехать в Париж. По милости этой болезни я только на

днях просмотрел вверенный мне портфель. Это чтение возбудило во мне сомнения, которые не могу не повергнуть на Ваше обсужденье.

Цель Ваша при передаче означенных документов была, сколько я могу судить, познакомить меня с образом мыслей, вообще с личностями "новых людей", которых я не мог изучить, живя за границей. Экземпляры, с которыми я должен был познакомиться, представлялись Вам в весьма выгодном, почти идеальном, свете — иначе Вы бы не дали мне того портфеля... но представьте: всё, что я в нем нашел, за исключением *дневника*, поразившего меня своею честною правдивостью и неподдельным энтузиазмом[2], всё может служить материалом... только с сатирической, юмористической точки зрения! Эта точка зрения особенно применяется к "молодому юноше", к русскому "Лео" — г-ну В.Г. Д⟨ехтереву⟩[3]. Это опьянение самообожания рядом с изумительной бездарностью (я много читал плохих стихов на своем веку — но вирши г-на В. Д⟨ехтерева⟩ всё превосходят), этот догматический тон при таком невежестве! — всё это просится в карикатуру. И заметьте — меня нисколько не смущает *резкость* мнений; меня изумляет эта пустота, воображающая, что она "на 20-м году жизни уже разрешила все вопросы науки и жизни" (textuel)[4]. Прошу Вашего извинения, любезнейшая Анна Павловна, в том, что так жестко выражаюсь о молодом человеке, в котором Вы принимаете такое живое участие; но я не могу говорить иначе. Мне кажется, что и тут Ваше добрейшее сердце Вас обмануло: из молодых людей, подобных В.Г. Д⟨ехтереву⟩ никогда ничего не выходит. Откиньте все его разглагольствования о собственной особе под предлогом *идеи*, и Вы удивитесь, какой там останется *нуль*.

Но при таком воззрении имею ли я право сохранять у себя бумаги, данные мне с совершенно иными мыслями; могу ли я пользоваться ими? Совесть моя говорит мне, что нет, что, если бы Вы предвидели впечатление, которое произведут на меня все эти документы, Вы бы, наверное, не вручили их мне, а потому я не имею права держать их у себя долее. Вследствие этого покорно прошу Вас дать мне знать в Париж, rue de Douai, № 50, что Вы прикажете сделать с этим портфелем и куда и как его отправить[5].

Нет, любезнейшая Анна Павловна, это еще не *новые* люди; я знаю таких между молодыми, которым гораздо бо-

лее приличествует подобное наименованье[6]. Зато в *дневнике* высказывается прекрасная, свободная душа, которой я от всего сердца желаю счастья — т.е. исполнения ее заветных надежд и намерений, клонящихся к добру и благу меньшей братии.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Иван Тургенев.

3768. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

7(19) августа 1874. Карлсбад

Carlsbad.
König v. England.
Mittwoch, d. 17. Aug. 74.

Verehrter Herr!

Ich bin allerdings die ganze Zeit von der Gicht geplagt worden, so dass meine Ankunft in Carlsbad sich um circa 6 Wochen verzögert hat; die Krankheit lässt mich auch hier nicht in Ruhe, so dass Ich mich entschlossen habe nach Paris abzureisen, da keine Cur mehr möglich ist. Die ersten *zehn* Bogen der Jägerskizzen habe Ich corrigirt und an die Fröbelsche Buchdruckerei zurückgeschickt; gestern habe Ich ihr geschrieben, sie möge mir künftighin die Correcturbogen (wie schon früher geschehen ist) nach Paris absenden; — eine kleine Verzögerung wird dadurch entstehen, sie ist aber unvermeidlich. Ich werde, wir früher, die Correcturen pünktlich und schnell zurückschicken. Die Uebersetzung giebt mir viel zu schaffen, trotz Hn Pietschen's Recension![1] Meine Adresse in Paris ist:

Rue de Douai, *50* (nicht 48).

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

Ihr ergebener
Iw. Turgénjew.

3769. П.В. АННЕНКОВУ

7(19) августа 1874. Карлсбад

Карлсбад. König von England.
Четверг, 19-го августа 74[a].

Милый Павел Васильевич, И.П. Арапетов сегодня выѐхал отсюда и послезавтра будет в Бадене — он Вам расскажет про мою беду — со мною сделалось новое (6-ое) возобновление — rechute — подагры — и я вот уже 4-й день, как лежу в постели. Однако мне сегодня легче — и я решился, как только будет возможность двинуться, бросить к черту Карлсбад и лечение — и уехать через Баден в Париж. О дне отъезда я Вас извещу телеграммой. А теперь *Вы немедленно отошлите* ко мне сюда в Карлсбад (König von England) моего слугу *Jean*, который живет в Бадене со своей женой — и адрес которого известен г-же Анштетт. Пусть он возьмет с собою только самое необходимое — ведь мы опять с ним приедем в Баден — а деньги на путешествие во 2-м классе будьте так добры и дайте ему, если он не имеет своих. Но, главное, пусть он выезжает *немедленно*.

Итак, я надеюсь, до скорого свидания. Будьте здоровы.

Ваш Ив. Тургенев.

3769[a]. АВГУСТУ ВИДЕРТУ

7(19) августа 1874. Карлсбад

Карлсбад.
König von England.
Середа, 19/7 авг. 1874.

Любезнейший Август Федорович, я совсем было потерял Вас из виду, и потому мне очень было приятно услыхать об Вас весточки — в конце концов удовлетворительные[1]. — Что касается до меня, то я приехал было сюда, чтобы, по мере возможности, освободиться от подагры, которая меня сильно мучит, но со мной здесь опять сделался припадок и я бросаю к черту лечение и уезжаю в Париж, где моя постоянная квартира — Rue de Douai, 50[2].

Надеюсь, что Вы приехали в Берлин не с единственной целью печатать Ваш перевод "Записок Охотника", — это было бы очень досадно. Перевод, который печатается в Риге (не печатается, а издается — но это всё равно) — является *с моего*

---

[a] *Так в подлиннике.*

разрешения: лет пять тому назад тамошний книгопродавец Э. Бэре обратился ко мне с просьбой разрешить ему издавать переводы моих сочинений — Ausgewählte Werke, я согласился, и вот уже 8 томиков вышли (из них два: "Дым" и "Отцы и дети" вышли даже вторым изданием) — и "Записки Охотника" составляют 9-й и 10-й томики[2] — Вы видите, что мне не приходится протестовать против этого издания; перевод "З⟨аписок⟩ О⟨хотника⟩" сделан вновь — и если переводчик воспользовался некоторыми местами Вашего перевода, в чем я сомневаюсь — то я тут ни при чем и ничего сделать не могу[4].

За сим желаю Вам всего хорошего и главное — перевода в Петербург. — Это был бы единственный шанс нам встретиться[5].

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

3770. ГЕРМИНЕ ЗЕЕГЕН

14(26) августа 1874. Карлсбад

König v. England.
Mittwoch.

Wertheste Frau Seegen,

Alea jacta est![1] Ich reise heute abend um halb sieben ab. Ein Brief, den ich gestern bekam, hat meinen Entschluss beschleunigt[2]. Leider kann ich Ihrem Gemahl die Hand nicht drücken, denn das Treppensteigen ist mir noch ein verbotenes Ding[3]. Grüssen Sie ihn herzlich so wie auch Ihr Fräulein Schwester und Frau Hartmann. Ich möchte Sie gerne sehen und sprechen, ehe ich abreise. Könnten wir nicht einen kleinen Ausflug — wollen wir sagen um 1 Uhr — machen? Ich würde Sie abholen. Ich habe nämlich eine Bitte an Sie: wollen Sie fortfahren, die Correkturbogen durchzusehen?[4] Die Druckerei in Rudolstadt würde jedesmal zwei Exemplare abschicken, eins nach Paris, das andere hierher, und beide Correkturen in das definitive Blatt eintragen. Sie würden mir dadurch eine sehr grosse Gefälligkeit erweisen.

Künftiges Jahr bin ich gescheiter und komme nach Carlsbad Anfang Mai.

Also — noch hoffentlich auf Wiedersehen und empfangen Sie die Versicherung meiner herzlichen Sympathien und Hochachtung.

Ihr ergebener Iw. Turgénjew.

3771. П.В. ЖУКОВСКОМУ и А.Ф. ОНЕГИНУ

15(27) августа 1874. Буживаль

Буживаль.
Bougival. (Près Paris). Maison Halgan.
Четверг, 27-го авг. 74.

Любезнейшие друзья Павел Жуковский и Александр Онегин!

Да будет вам ведомо, что я прибыл благополучно, нашел всех здоровыми, дорогой не ⟨— — —⟩, возобновленью подагры еще не подвергся — и очень рад, что попал в пристань. Желаю вам обоим всего хорошего, а пуще всего приезда в Париж, где П.Ж⟨уковский⟩ будет мертвецки работать, а А. О⟨негин⟩ смертельно влюбится — и всё пойдет отлично, как по маслу — и мирты и лавры вас увенчают[1].

А я жму вам дружески руку и остаюсь

преданный вам Ив. Тургенев.

3772. ПОЛИНЕ БРЮЭР

16(28) августа 1874. Буживаль

Bougival. Maison Halgan.
Vendredi, 28 août 74.

Chère Paulinette,

Je t'écris "these few words" pour te faire savoir que je vais beaucoup mieux — et qu'il ne serait pas impossible que je vinsse à Rougemont avant le 15 — peut-être dès le *8* — et que ce serait une raison de plus pour ménager ma chasse et de *ne pas l'entamer* (je parle des bois) avant mon arrivée. Quant à la plaine — elle est au premier occupant.

Je vous embrasse bien cordialement tous les trois — et à bientôt.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Tu auras une lettre l'avant-veille de mon arrivée[1].

3773. Н.А. КИШИНСКОМУ

16(28) августа 1874. Буживаль

Буживаль. Maison Halgan.
Пятница, 28/16-го авг. 74.

Любезнейший Никита Алексеевич, два дня тому назад я прибыл наконец сюда и намерен никуда отсюда не трогаться до половины октября. Лечение мое в Карлсбаде мне впрок не пошло: я его бросил — и на (спасских) костылях притащился сюда. Что дальше будет, не ведаю — но я, по крайней мере, теперь в пристани. Вы, однако, мне по-прежнему пишите: rue de Douai, 50, Paris. Эдак вернее — а у меня ежедневные есть оказии.

Очень мне желательно знать, что у вас делается в Спасском — и как Ваше здоровье — поправилось ли окончательно? Я давно не имею от Вас известий.

Тоже хочется мне знать, чем окончилась чегодаевская и гриневская продажи[1].

Поступили ли к Вам деньги с тапковского бурмистра?[2]

Так как теперь мировые посредники упразднены — то, быть может, наше дело тапковское — насчет выкупа — подвинется быстрее. Прошу Вас выслать мне, какие у Вас окажутся, свободные деньги.

Совершили ли Вы выкуп Спасского, на который были Вам оставлены деньги?[3]

Засим кланяюсь всем спасским жителям — и желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

P.S. Послали Вы *100* руб. сер. в Петербург, Сергиевская ул., № 2, г-ну Топорову?[4]

3774. А.Н. ПЫПИНУ

16(28) августа 1874. Буживаль

Bougival. (Près Paris).
Maison Halgan. (Seine-et-Oise).
Пятница, 28/16-го авг. 74.

Почтеннейший Александр Николаевич!

Наконец, хотя с трудом и на костылях, добрался я до здешнего места — и нашел здесь Ваше письмо[1], в котором Вы меня извещаете о прибытии повестки на мое имя. Благодарю Вас за труд, который Вы себе дали — и прошу Вас

прислать сюда эту повестку: я сделаю на ней надлежащую надпись — и отправлю ее обратно к Вам[2]. Я отсюда никуда не шевельнусь до 15/3-го октября.

Надеюсь вскорости увидаться здесь с М.М. Стасюлевичем[2].

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3775. Е.И. РАГОЗИНУ

16(28) августа 1874. Буживаль

Буживаль.
(Bougival). Près Paris.
Maison Halgan. Seine-et-Oise.
Пятница, 28/16 авг. 1874.

Наконец попал я в пристань, любезный Е⟨вгений⟩ И⟨ванович⟩! В Карлсбаде я опять разболелся и, бросив лечение, хотя на костылях — а притащился сюда. Не знаю, что дальше будет — а пока мне легче — и я до 15/3 окт⟨ября⟩ отсюда никуда!

Однако какой язвительный с⟨укин⟩ с⟨ын⟩ этот г-н П.Б.![1] (Я забыл его фамилию). Черт знает, что он напутал и с какого права? Вот новое применение американских нравов на российской почве! Что тут делать? Протестовать — не стоит; а от таких господчиков не обережешься.

Надеюсь, что вам хорошо живется, передайте мой дружеский поклон Вашей жене. Да что сделалось с Топоровым? Хоть бы словом откликнулся. Не случилось ли с ним чего? Он живет на Сергиевской улице, дом № 2-й[2].

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3776. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

16(28) августа 1874. Буживаль

Bougival. (Près Paris).
Maison Halgan. (Seine-et-Oise).
Пятница, 28/16 авг. 1874.

Милый брат,

Пишу тебе на всякий случай в Москву — хотя тебя, вероятно, теперь там нету. Меня в Карлсбаде снова схватила подагра — и я, бросивши лечение, добрался —

clopin-clopant — сюда и намерен остаться здесь безвыездно до 15/3-го окт⟨ября⟩. Я еще хожу на костылях — но мне словно лучше. Что дальше будет?! Дай мне знать о твоих намерениях: за границу ты, вероятно, не поехал и не поедешь.

Сверх того, у меня до тебя следующая важная просьба: если ты в Москве, сходи и узнай — Иван Ильич Маслов возвратился ли в свою *контору*? — а если нет — то когда возвратится? Мне это очень нужно знать — ибо я имею написать ему деловое письмо[1].

Надеюсь, что ты здоров — и дружески тебя обнимаю.

Любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3777. Г.Н. ВЫРУБОВУ

17(29) августа 1874. Буживаль

Любезнейший Григорий Николаевич, позвольте Вам рекомендовать подателя этой записки, соотечественника, сына известного нашего писателя А.Ф. Писемского. Павел Алексеевич прислан сюда на счет Московского университета, чтобы занять со временем кафедру права, и собирается провести здесь зиму. Я его давно знаю — он прекраснейший, достойнейший молодой человек с отменными способностями и отличным характером. Я бы *очень* был Вам благодарен, если б Вы захотели прийти ему на помощь своей богатой опытностью парижской жизни и науки[1].

Сам я живу в Буживале, до сих пор болею подагрой и раньше половины октября в Париж не поеду.

Заранее благодарю Вас и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

Буживаль. Maison Halgan.
Суббота, 29 августа 1874.

3778. А.П. ФИЛОСОФОВОЙ

18(30) августа 1874. Буживаль

Буживаль.
Bougibal. (Près Paris). Maison Halgan.
Воскресенье, 30/18-го авг. 1874.

Любезнейшая Анна Павловна, хотя Вы не просите и, кажется, даже не желаете ответа — однако доверие, которое Вы мне оказали, и чувство симпатического уважения, кото-

рое Вы мне внушили, налагают на меня обязанность сказать Вам несколько слов по поводу Вашего письма[1].

Во-1-х). Могу Вас уверить, что Ваш дневник поразил меня своей честной и искренней правдивостью; о комплиментах тут не могло быть и речи. Во-2-х). Что касается до Ваших новых людей...[2] Какой я был бы художник (не говорю уже: человек) — если бы я не понимал, что самоуверенность, преувеличение, известного рода фраза и поза, даже некоторый цинизм составляют неизбежную принадлежность молодости? Не в этом я упрекаю Ваших знакомых — а в скудости мысли, в отсутствии познаний — и, главное: в бедности, в нищенской бедности дарования. Не в том беда, что г-н В. Д⟨ехтерев⟩ под двенадцатью стишками ("Люби не меня, но идею")[3] с одной стороны выставляет число, когда он задумал, а с другой число, когда он свершил это великое дело — а в том, что стихи его вообще никуда не годятся, что они даже грамматически неправильны и при всей кажущейся рьяности пошлы и холодны. Беда в том, что г-н Д⟨ехтерев⟩ не может сделать ни одной иностранной цитаты, не впав в грубую ошибку. Не насмешку, как Вы полагаете, вызывает подобная молодежь — а сожаление. Я бы мог назвать Вам молодых людей с мнениями гораздо более резкими, с формами гораздо более угловатыми — перед которыми я, старик, шапку снимаю, потому что чувствую в них действительное присутствие силы, и таланта, и ума. А там ничего этого нет — ничего и ничего. И Вы сами скоро в том убедитесь.

Замечу кстати, что некоторые из Ваших знакомых (особенно г-н Дит⟨ятин⟩[4] производят впечатление более выгодное, чем русский "Лео"[5]; но печать бездарности лежит на всех без исключения.

В-3-х). Как? И Вы, Вы говорите, что я в Базарове хотел представить карикатуру на молодежь, Вы повторяете этот... извините бесцеремонность выражения — бессмысленный упрек! Базаров, это мое любимое детище, из-за которого я рассорился с Катковым, на которого я потратил все находящиеся в моем распоряжении краски, Базаров, этот умница, этот герой — карикатура?!? Но, видно, тут ничего не поделаешь[6]. Как Луи Блана, несмотря на все его протестации, до сих пор постоянно обвиняют в том, что *он* завел народные мастерские (ateliers nationaux)[7] — так и мне навязывают желание *уязвить* молодежь карикатурой! Я давно уже с презрением отношусь к этой клевете; не ожидал я, что мне придется возобновить в себе это чувство, читая Ваше письмо.

Теперь перейдем к Вашей *"старушке"*, то есть к критике — или к публике[8].

Как всякая старушка, она упорно придерживается предвзятых или ходячих мнений, как бы они ни были неосновательны. Напр., она постоянно утверждает, что после "Записок охотника" все мои сочинения плохи, вследствие моего отсутствия из России, которую я будто бы поэтому и знать не могу. Но этот упрек может относиться только к тому, что я написал *после* 1863-го года: до того времени (то есть до моего 45-летнего возраста) *я почти безвыездно* жил в России — за исключением 1848-го — 1850-го годов — в течение которых я написал... *именно* "Записки охотника" — между тем как "Рудин", "Дворянское гнездо", "Накануне" и "Отцы и дети" написаны в России. Но это для старушки ничего не значит: son siège est fait[9]. Вторая слабость старушки та, что она постоянно следит за модой. Теперь мода в литературе на политику: всё, что не политика, для нее *вздор* или даже *нелепость*. Как-то неловко защищать свои вещи — но вообразите Вы себе, что я никак не могу согласиться, что даже "Стук, стук" нелепость. "Что же оно такое?" — спросите Вы... А вот что: посильная студия *русского самоубийства*, которое редко представляет что-либо поэтическое или патетическое — а, напротив, почти всегда совершается вследствие самолюбия, ограниченности с примесью мистицизма и фатализма. Вы мне скажете, что моя студия мне не удалась... Быть может; но я хотел только указать Вам на право и уместность разработки чисто психических (не политических и не социальных) вопросов[10].

Старушка также упрекает меня в недостатке убеждений. На это может послужить ответом вся моя 30-тилетняя литературная деятельность. Ни за одну строчку, написанную мною, мне не приходилось краснеть — ни от одной отказаться. Пусть кто другой скажет то же самое! А, впрочем, пусть себе старушка болтает! Я на нее не обращал внимания и прежде: не начинать же теперь!

Я не знаю, напишу ли я свой роман, и знаю наверное, что в нем много будет недостатков...[11] Но, позвольте, любезнейшая Анна Павловна, отчего же новые молодые люди не берутся за эти задачи? Мы, старики, охотно уступили бы им "честь и место" — и первые порадовались бы приливу новых сил. Но на литературной арене подвизаются беллетристы "Дела"[12] — да "люди особой породы"[13], вроде г-на В. Д⟨ехтерева⟩.

Видите, любезная Анна Павловна, что не Вы одни умеете говорить полную и беззаветную правду. Надеюсь, что и Вы не рассердитесь на нее и примете сказанное мною — ну хоть к сведению.

Я всё еще болею подагрой — добрался до Буживаля — но хожу еще на костылях и раньше месяца в Париж не попаду. Вы можете быть уверены, что я найду средства в целостности и сохранности доставить Вам Ваш портфель[14].

А засим прошу Вас принять выражение моего уважения и верить в его искренность.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3779. П.В. АННЕНКОВУ

21 августа (2 сентября) 1874. Буживаль

Bougival. (Près Paris). Maison Halgan.
Середа, 2-го сент. 1874.

Милейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, если я до сих пор еще не известил Вас о квартере — то это потому, что мне самому хотелось увидеть ее, прежде чем написать Вам; а я до сих пор еще не мог выехать из Буживаля. Но теперь мне гораздо лучше — и я в пятницу, т.е. послезавтра, поеду в Париж — и увижу *своима очима*, в чем дело. В субботу Вы будете знать результат[1].

А теперь покорно прошу Вас о следующем. Сходите в hôtel de Hollande (где я жил) — и спросите, не нашли ли после меня в моей комнате два предмета: 1-й) небольшой деревянный — шотландский — ящичек с золотыми и серебрянными пуговицами для маншеток и 2-й) небольшую пачку, состоящую из трех записных (адрессных) книжечек[2]. Если эти предметы отыщутся (забытые моим молниепроворным слугою) — то возьмите их (я об этом написал владельцам гостиницы) и оставьте у себя до первой оказии или привезите их с собою. В случае нужды вознаградите Stubenmädchen или гарсона за честность — на мой счет.

Я видел Писемского — он собирается в Россию, в Москву[3].

Итак, до субботы — будьте здоровы; кланяюсь всем Вашим и жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3780. ЭММЕ ЛЕЙЗЕРЕС

21 августа (2 сентября) 1874. Буживаль

Bougival (near Paris). Maison Halgan.
Wednesday, Sept. 2-d, 1874.

Dear Miss Lazarus,

You must excuse my very late answer to the letter[1] which accompanied the gift of your book[2]. I was very far off — and ill — in Russia and I came back to France only a few days ago. I have just finished the lecture of "Alide" — and though, generally speaking, I do not think it advisable to take celebrated modern men — especially poets and artists — as a subject for a novel, still I am truly glad to say that I have read your book with the liveliest interest. It is very sincere and very poetical at the same time; the life and spirit of Germany have no secret for you — and your characters are drawn with a pencil as delicate as it is strong. I feel very proud of the approbation you give to my works — and of the influence you kindly attribute to them on your own talent: an author who writes as you do is not a "pupil in art" any more; he is not far from being himself a master. Believe me, my dear Miss Lazarus,

yours very truly, J. Tourguéneff.

3781. Н.А. КИШИНСКОМУ

22 августа (3 сентября) 1874. Буживаль

Буживаль.
Bougival. (Près Paris).
Maison Halgan. (Seine-et-Oise)
Четверг, $\frac{\text{3-го сент.}}{\text{22-го авг.}}$ 1874

Любезный Никита Алексеевич,

Я вчера получил Ваше письмо от 11/23 авг⟨уста⟩[1] — и отвечаю.

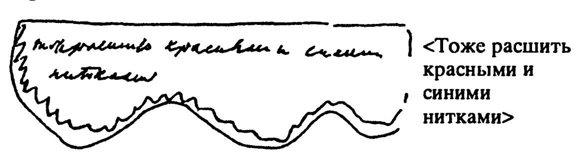
1.) Все нужные поправки в обоих флигелях (перемощение полов и т.д.) разрешаю Вам сделать.

2.) От А.В. Топорова я уже получил известие о высылке ему 100 р.[2]

3.) Жикин мне кажется весьма ненадежен — и эту продажу можно будет отложить до другого времени[3]. Я уже писал Вам о высылке мне свободных денег.

4.) Я рад, что Вы лучше себя чувствуете — но рекомендую Вам большую осторожность, особенно избегайте простуды.

5.) Велите сделать в Спасском или в Мценске ⟨кружева⟩ по прилагаемым образцам по 8 аршинов каждого да, сверх того, закажите *12* аршинов тех оборок, которые были на платье у г-жи Вревской в этом виде:

Как только всё это будет сделано, доставьте весь пакет Александру Васильевичу Топорову — в С-П⟨етер⟩бург, Сергиевская ул., № 2.

Мое здоровье поправляется — и, я полагаю, возобновления подагры более не будет. Здесь я останусь еще 6 недель — а там перееду в Париж, rue de Douai, 50.

Кланяюсь Вашему семейству и всем спасским жителям.

Доброжелатель Ваш Ив. Тургенев.

3782. А.С. СУВОРИНУ

24 августа (5 сентября) 1874. Буживаль

Буживаль.
Bougival. (Près Paris).
Maison Halgan. Seine-et-Oise.
Суббота, 5-го сент. / 24-го авг. 1874.

Я всегда с особым удовольствием читаю Ваши остроумные фельетоны, любезный Алексей Сергеевич[a], но за последний (от 30/18-го авг⟨уста⟩) прошу позволения поблагодарить Вас[1]. Не столько меня тронули комплименты, которые Вам угодно расточать моему красноречью[2], сколько те щелчки, которые Вы преподнесли репортеру "Русского мира". Этот молодой слащавый Тартюфчик (новый тип у нас, замечу кстати) отъявился ко мне с предложением принять участие в каком-то благотворительном предприятии, в котором он — по его словами — уже успел заинтересовать генерала Трепова и е⟨е⟩ и⟨мператорское⟩ в⟨ысочество⟩ госуда-

---

[a] В *тексте копии*: Петрович.

рыню наследницу. Я ему заметил, что, заручившись такими авторитетами, ему не для чего хлопотать о других — и отказался. Тут он начал приставать ко мне с разными "задушевными" вопросами. (Между прочим, он начал уверять меня, что если моей ноге полегчало — так это оттого произошло, что он за нее *молился*! Я ему ответил, что в подобных случаях беленная мазь предпочтительнее даже его молитвы.) Признаюсь, разговаривая с этим господином, я только об одном и думал: как бы поскорей отделаться от лицезрения его сладковатой физиономии; ни одного из слов, влагаемых им мне в уста, я не помню; вообще говоря, я, сколько мне кажется, не произношу таких пошлостей. Вот новый опыт введения у нас американской манеры of interviewing a man! Еще раз спасибо Вам за урок, данный этому пренеприятному субъекту.

Я всё еще не отделался от своей подагры, несмотря на молитвы г-на Б. А эта гадкая болезнь, между прочим, тем еще неприятна, что мешает работать. Если, однако, выдастся хороший часок, я, если Вам угодно, сообщу Вам еще несколько характеристик красноречивых русских людей, которые Вы можете при случае поместить в одном из Ваших фельетонов.

Я едва ли скоро попаду в Петербург — здесь я остаюсь еще месяц — а там переезжаю в Париж, rue de Douai, 50, где Вы, помнится, у меня были. Мне очень было приятно убедиться, что Вы начинаете оправляться после поразившего Вас страшного удара[2].

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Иван Тургенев.

3783. А.В. ТОПОРОВУ

26 августа (7 сентября) 1874. Буживаль

Буживаль.
Bougival. (Près Paris).
Maison Halgan, Seine-et-Oise.

Понедельник, $\frac{\text{7-го сент.}}{\text{26-го авг.}}$ 1874.

Я получил Ваши два письма[1], любезнейший Александр Васильевич — и спешу сообщить Вам вести о самом себе. Подагра значительно во мне ослабла, однако совсем не покинула меня — я еще не могу надеть сапогов, хотя хожу без

костылей — и хотя собираюсь на охоту (!) в 20-х числах этого месяца — но, кажется, это так и останется мечтою. Во всех других отношениях я совершенно здоров — и собираюсь — тоже — работать. Надеюсь, что это мне удастся лучше, чем охота.

Через несколько дней я Вам вышлю маленький списочек книг, которые я желал бы, чтобы Вы мне послали[2] — а пока будьте так любезны и узнайте от А. Иогансена (музыкальный магазин против Гостиного двора на Невском), существует ли увертюра Чайковского для "Ромео и Джульетты" на 4 руки для фортепьяно — или на 2, и, если существует, перешлите на мое имя в Париж (преимущественно на 4 руки)[3]. Скажите ему также, что корректуры романсов г-жи Виардо ему высланы (вчера)[4]. Мой управляющий доставит Вам пакет с мценским (крестьянским) кружевом; храните его у себя, пока найдете возможным переслать его ко мне с каким-либо путешественником[5].

Кланяйтесь от меня супругам Петровым.

Надеюсь, что Вы здоровы и бодры, не слишком проигрывайтесь в мушку — и желаю Вам всего хорошего. Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3784. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

27 августа (8 сентября) 1874. Буживаль

Bougival. Maison Halgan.
Mardi, 8 août 74[a].

Mon cher ami,

Je ne vous ai pas répondu tout de suite, parce que vous me disiez dans votre lettre[1] que vous partiez *dimanche* avec votre fils pour le Havre — et pas du tout — voila que votre fils vient ce soir à Croissy, à la représentation de "Dalila" — du 2-d acte, qui est une très belle chose comme musique — et où Mme Viardot est véritablement très belle[2]. Il faut pourtant que vous secouiez votre paresse (ou bien votre timidité? ne m'avez-vous pas dit que vous êtes timide?) et que vous veniez à Bougival voir un peu, comment on vit ici. C'est très gentil, je vous assure, et il n'y a pas à se faire annoncer d'avance — on est toujours à la maison[3].

Je n'ai pas eu de chance cette année. J'etais allé en Russie pour y faire des études nécessaires à l'achèvement d'un grand

---

[a] *Так в подлиннике.*

diable de roman que j'ai commencé il y a 3 ans — et qui ne veut pas se laisser finir[4]. Au commencement ça allait très bien (je parle du voyage, et non du roman) — je me remplissais d'eau comme une citerne — d'eau un peu trouble et même sale, il est vrai, mais tout cela se serait épuré — je faisais des études à force — et puis, crac! vient cette bête de maladie, à laquelle je ne m'attendais pas du tout, vu que j'avais eu un accès au printemps — et me voilà sur le flanc — ou plutôt sur le dos — depuis bientôt 3 mois — et tout travail devient impossible, car je puis encore me figurer un savant goutteux — mais un écrivain ou un artiste goutteux — c'est "inpensable", comme disent les Allemands, surtout pour moi, qui dois me lever et faire quelques pas dans la chambre toutes les cinq minutes pendant que j'écris. Ce qui fait que je n'ai rien fait — et cela m'ennuie un peu.

7 1/2 h du soir.

Il faut que je m'habille pour aller à "Dalila" — où je verrai votre fils qui me dira votre adresse que je ne sais pas — je lui remettrai cette lettre — et je vous en écrirai une autre où je parlerai d'un tas de choses[5]. En attendant je vous serre la main bien cordialement et vous dis: au revoir.

Votre J. Tourguéneff.

P.S. Je n'ai pas vu Mme Markovitch en Russie; je sais que les affaires de *Zwonarev vont mal*[6].

3785. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

29 августа (10 сентября) 1874. Буживаль

Bougival.
Maison Halgan. (Seine-et-Oise).
Ce 10 septembre 1874.

Cher Monsieur,

Vous êtes bien aimable de demander de mes nouvelles: je puis vous en donner d'assez bonnes. Quand je suis revenu ici d'Allemagne, je ne pouvais marcher qu'à l'aide de béquilles, maintenant, je me contente d'une canne. J'espère que pour cette fois, j'en suis quitte et gue je pourrai même essayer de chasser vers la fin de septembre.

Je serai bien content de vous voir d'ici-là, et comme je compte aller à Paris la semaine prochaine, je me permettrai de vous donner un rendez-vous dès la veille.

J'ai rapporté le manuscrit de "L'Orage", avec de bonnes promesses d'Ostrovsky[1].

J'ai lu avec beaucoup de plaisir le spirituel et vif prologue qu'Henri Gréville a bien voulu m'envoyer[2]. Quant à Mme Sand, je ne doute pas de la bienveillance de sa réception; mais elle est pour le moment dans son château de Nohant (dans l'Indre) et elle ne viendra à Paris que vers la fin de l'année.

J'espère que votre petite Jeanne a heureusement franchi, a l'heure qu'il est, l'écueil toujours un peu dangereux de la dentition, et je vous prie, ainsi que Mme Durand, de recevoir l'expression de mes meilleurs sentiments.

Ivan Tourguéneff.

3786. А.Ф. ПИСЕМСКОМУ

15(27) августа — 29 августа (10 сентября) 1874(?) Буживаль

Любезный Алексей Феофилактович, нога у меня так разболелась, что лежу в постели и двинуться не могу — а потому, если вам не лень, приезжайте в этой карете и привозите роман[1].

Ваш Ив. Тургенев.

3787. П.В. АННЕНКОВУ

30 августа (11 сентября) 1874. Буживаль

Bougival. Maison Halgan.
Пятница, 11-го сент. 74.

Любезнейший Павел Васильевич, я получил Ваше письмо[1] и с удовольствием узнал, что вы все живы и здоровы. А что немцы Вас ограбили — это уж теперь так и Бог велел. Принимаю Вашу благодарность за обещание отыскать квартиру с некоторым конфузом: уж очень она велика — благодарность, не квартира. Вы можете быть совершенно уверены, что я Вам найду хорошее помещение; но для этого нужно положительно и точно знать, когда Вы думаете приехать, ибо за месяц вперед никакой квартиры не найдешь — или надо заплатить за всё время, что очень непрактично. Итак, жду от Вас точного уведомления: *с какого числа* нужно Вам нанять Вашу квартиру?[2]

Как только я получу определительный ответ, дело будет сделано — и Вам сообщено.

Писемские (старики) уехали[3] — а Арапетов уже здесь, очень довольный своим вояжем по Голландии. Мы с ним вчера позавтракали в Париже: я в первый раз туда выехал.

Здесь, т.е. в Буживале, я останусь еще месяц.

От известного *Дехтерева* (разрешившего на 21-м году все вопросы науки и жизни) я получил громадное письмо, которое превосходит даже то, что им было вписано в дневник г-жи Ф⟨илософовой⟩. Драгоценнейший материал![4]

Жду письмеца, а пока всех вас обнимаю.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3788. ПОЛИНЕ БРЮЭР

30 августа (11 сентября) 1874. Буживаль

Bougival. Maison Halgan.
Vendredi, 11 sept. 74.

Chère Paulinette,

J'ai tardé à t'écrire parce que je ne pouvais toujours pas te dire avec certitude quand je pourrai venir. Aujourd'hui je crois pouvoir t'annoncer avec certitude mon arrivée pour *lundi 14* — soit seul, soit avec Mr Viardot. Nous chasserions le 15 chez toi.

Avertis Gaston et attends-nous. Je vous embrasse tous les trois et à bientôt.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Je t'ecrirai encore la *veille* du départ[1].

3789. ПОЛИНЕ БРЮЭР

1(13) сентября 1874. Буживаль

Bougival. Maison Halgan.
Dimance, 13 sept. 74.

Chère Paulinette,

Ta patience — et la mienne — sont mises à de rudes épreuves: je t'écris ceci de mon *lit,* où je suis depuis hier, grâce à une *8*-me rechute de goutte. Le voyage à Rougemont est donc forcément remis. Heureusement, l'attaque ne semble pas vouloir devenir grave — et je compte pouvoir me lever demain. Si je n'avais pas perdu toute confiance, je te dirais que j'espère pouvoir arriver *samedi* — mais attends une autre lettre[1] poir être sûre. Ecris-moi un mot pour me faire savoir s'il me sera possible, outre Mr Viardot, d'amener Mr Chamerot (le mari de Didie) qui est un bon chasseur — et s'il y aura un lit pour lui? En tous cas, je te prie ainsi que Gaston de bien faire garder la

chasse pour mon arrivée. Les mots de: cerfs et biches — m'ont mis la puce à l'oreille.

Je te dis: au revoir! malgré moi — et je vous embrasse tous les trois.

Ivan Tourguéneff.

3790. Н.А. КИШИНСКОМУ

2(14) сентября 1874. Буживаль

Bougival.
Maison Halgan. (Seine & Oise).
Понедельник, 2/14-го сент. 74.

Любезный Никита Алексеевич, я вчера получил Ваше письмо от 25-го авг⟨уста⟩/6-го сент⟨ября⟩[1]. Радуюсь, что Ваше здоровье поправляется — моим я всё еще не совсем доволен — вот третий день, как я опять должен сидеть неподвижно. Одно средство — терпение.

Необходимо нужно привести Ваш флигель в порядок — и потому вполне разрешаю назначенный Вами расход[2].

Сколько я помню, Н.П. Похвиснев состоял в числе пенсионеров?[3] Сколько он получал — 75 или 100 р. в год? Во всяком случае, у меня появилась новая пенсионерка — г-жа *Тимковская* Анна Александровна (ее высокоблагородие). Живет она в С.-Петербурге, на Полтавской улице, в доме Дрябина, кварт. № 29. Я ей назначаю 75 р. с. в год — по 25 руб. в треть — начиная с 1-го сентября нынешнего года. Вышлите ей эти 25 р. сер. вперед — и попросите, чтобы она Вам прислала квитанцию — а также известила Вас в случае перемены места жительства или квартиры[4].

Деньги ко мне Вы вышлете, когда наберется достаточно[5].

Подушечку и булавку не стоит высылать.

Кланяюсь всем спасским жителям.

Доброжелатель Ваш Ив. Тургенев.

3791. П.В. ШУМАХЕРУ

6(18) сентября 1874. Буживаль

Буживаль.
Bougival. (Près Paris). Maison Halgan.
Пятница, 18/6-го сент. 74.

Я точно виноват перед Вами, любезнейший П⟨етр⟩ В⟨асильевич⟩, что давно не написал Вам, хотя ничего хорошего сообщить бы не мог: г-да *Беер и Бок* еще далеко не все экземпляры Вашей книжки продали — и о новом издании еще не может быть и речи[1]; и мое здоровье так же плохо, как — к сожаленью — и Ваше; подагра продолжает меня мучить, хотя, конечно, при менее безотрадной обстановке. Надеюсь, что Вы уже освободились теперь от этого бича настолько, что могли вернуться в Петербург.

Благодарю Вас за присланные вырезки из "Русского мира". Мне жаль Соллогуба — но как аукнется, так и откликнется[2].

Сам я ничего еще не делаю — и, сидя у моря, жду погоды. В Буживале я останусь до 15-го окт⟨ября⟩ — а там в Париж — rue de Douai, 50.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3792. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

9(21) сентября 1874. Буживаль

Bougival.
(Près Paris). Maison Halgan.
Понедельник, 21/9-го сент. 74.

Не гладить Вас по головке, как Вы пишете[1], милая Юлия Петровна, а целовать у Вас руки и прощения просить в том, что давно не отвечал Вам — вот что хочу я. Я много раз собирался — и часто об Вас думал, и все-таки не написал. Повинную голову меч не сечет.

Три недели тому назад я прибыл сюда после моей неудачной поездки. Я в Петербурге был болен, потом в Карлсбаде, так что бросил лечение — и в Бадене; и теперь подагра меня не совсем покинула. "Je suis un infirme", — надо с этой мыслью примириться. Через две недели переезжаю в Париж, rue de Douai, 50 — и останусь там зиму. А Вы где будете? Неужто впрямь на Восток? Впрочем, я должен сознаться, что Вам почему-то идет быть в таких

полутаинственных странах. Только жаль, что это Вас удаляет.

Мне всё кажется, что если бы мы оба встретились молодыми, неискушенными — а главное — свободными людьми...

Докончите фразу сами. Зачем Вы мне не прислали то большое письмо, которое Вы начали?

Вы не скучаете в деревне — это хорошо. Но молодые "Базаровы" перевелись; да их никогда много не было. Теперешние *новые* люди не умны и бесстрастны: довольно пресная порода.

Я всё еще не принялся за работу и вряд ли примусь[2]. Кое-что вертится в голове, но лень... лень... лень!

Все мои здешние живы и здоровы; моей молодой приятельнице предстоит кризис в половине декабря[3]. Я сильно буду трусить.

Я часто думаю о Вашем посещении в Спасском[4]. Как вы были милы! Я искренно полюбил Вас с тех пор.

Можете Вы мне прислать хорошую Вашу фотографию?

Будьте здоровы и счастливы. Пишите мне от времени до времени. Ручаюсь Вам, что никогда более Ваше письмо не останется без ответа.

Я сердечно к Вам привязан, и мне приятно даже заочно целовать Ваши руки, что я и делаю теперь. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Иван Тургенев.

3793. ПОЛИНЕ БРЮЭР

11(23) сентября 1874. Буживаль

Bougival. Maison Halgan.
Mercredi, 23 sept. 74.

Chère fillette,

Je commence par te dire que cette fois-ci il y a toutes sortes de chances pour que nous arrivions chez toi *samedi* vers 4 heures (nous prendrions le train de 11 h.) — Viardot, le vieux papa Chamerot et moi. Georges Chamerot, le mari de Didie, ne peut pas venir. Si quelque diablerie venait encore se mettre en travers, je te le ferai savoir dès la veille — mais je ne le pense pas.

Je t'envoie cette procuration que tu demandes — tout en craignant fort qu'elle ne soit pas dans les règles. (Tu ne m'as pas dit s'il fallait légaliser la signature.) Et puis, comme le jugement a dû être prononcé *le* 21 — c'est trop tard, s'il n'y a pas eu

un délai. J'ai cru jusqu'à présent que Gaston était en possession d'une procuration[1]. Enfin — tout s'éclaircicra samedi[a].

A bientôt, cette fois-ci, j'espère. Je t'embrasse cordialement, ainsi que Gaston et Jeannette.

Ivan Tourguéneff.

3794. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

11(23) сентября 1874. Буживаль

Bougival.
Maison Halgan. (Seine-et-Oise).
Mercredi, 23 septembre 1874.

Mon cher ami,

Il y a trois semaines que je suis revenu ici, toujours souffrant de la goutte. (Maintenant, cela va mieux.) J'attendais pour vous écrire l'arrivée de Stassulevitch (l'éditeur de la revue dont je vous ai parlé), et voici que je reçois une lettre[1] par laquelle il m'annonce qu'il a dû revenir à franc étrier à Pétersbourg pour sauver sa revue qu'on voulait supprimer![2] Il y est parvenu, mais il ne pourra venir à Paris qu'au mois de décembre[3]. En attendant il tient fort à ce que je m'arrange avec vous et il m'a envoyé ses conditions. Il faut donc que nous nous voyons le plus tôt possible[4]. Malheureusement j'ai perdu mon petit livre d'adresses et je n'ai plus la vôtre. Je suis obligé de vous écrire par l'entremise de Charpentier. Je dois aller demain à Paris; mais vous n'aurez pas encore reçu ma lettre, peut-être, et samedi — quoique tout boiteux encore — je m'en vais chez ma fille (auprès de Châteaudun), où je dois rester jusqu'à mardi.

J'ai conscience de vous faire venir par ce mauvais temps à Bougival. Voilà ce que je vous propose: si Charpentier vous envoie cette lettre demain matin, venez à 2 heures à la rue de Douai, ou bien donnons-nous rendez-vous *mercredi* à 11 heures au Café Riche, par exemple, pour y déjeuner ensemble. C'est entendu, n'est-ce pas? Demain ou mercredi.

J'ai rapporté un exemplair de la traduction de la "Curée"[5]. La "Conquête de Plassans" a eu deux traductions, deux abrégés (comme ce que faisait Forgues dans la "Revue des Deux Mondes"), trois ou quatre comptes-rendus et autant d'article de critique. On ne lit que vous en Russie[6].

Au revoir et mille amitiés.

Votre Iv. Tourguéneff.

---

[a] *Было*: dimanche.

3795. И.И. МАСЛОВУ

11(23) сентября 1874. Париж

Париж. Rue de Douai, 50.
23/11 сентября 1874.

Милый друг Иван Ильич, полагаю, что ты уже возвратился в Москву[1], и адрессую мое письмо туда. Вот в чем дело: я сделал здесь довольно важную покупку и нуждаюсь в деньгах[2]. В твоей шкатулке, которую мы с твоего согласия взломили и заменили другою, оставалось моих денег с лишком тысяча рублей, да, сверх того, должны быть у тебя деньги за отрезанные купоны 70-и акций Московско-Рязанской дороги, которые ты для меня купил — проценты эти должны также превысить 1000 руб. Будь так добр, перешли ты эти деньги на мое имя сюда, как только ты получишь это письмо — и дай о себе весточку.

Ты, вероятно, знаешь, что меня подагра лихо мучила в нынешнем году — и до сих пор я не могу сказать, что совершенно от нее отделался. Однако мне гораздо лучше — и я даже надеюсь в скором времени сходить на охоту.

Постараюсь также работать в течение нынешней зимы[3] — и, может быть, напечатать что-нибудь в будущем году[4].

Надеюсь, что твое путешествие в Крым принесло пользу твоему здоровью — и дружески тебя обнимаю.

Преданный тебе Ив. Тургенев.

3796. А.Н. ПЫПИНУ

Август (после 16) – сентябрь (не позднее 11) ст. ст. 1874. Буживаль

Буживаль.
Bougival. (Près Paris).
Maison Halgan. Seine-et-Oise.

Любезнейший Александр Николаевич, так как Вы полагаете, что можно мою подпись и не засвидетельствовать в посольстве — то я посылаю к Вам обратно повестку[1] без этой формальности, которая, по жительству моему в Буживале, была бы затруднительна. Моя подагра всё еще меня не покинула — и не позволяет мне выезжать из дому.

Искренно благодарю Вас за Вашу снисходительность и прошу извинения в причиняемых хлопотах.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив.Тургенев.

3797. А.П. ФИЛОСОФОВОЙ

11(23) сентября 1874. Буживаль

Bougival.
Maison Halgan. Près Paris.
Середа, 23/11-го сент. 74.

Ваше письмо[1] так мило и симпатично, любезная Анна Павловна, что я не хочу медлить ответом.

Вы начали с Базарова: и я с него начну[2]. Вы ищете его в действительной жизни; и Вы его не найдете: я Вам сейчас скажу почему. Времена переменились; теперь Базаровы *не нужны*. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума — ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение; нужно уметь жертвовать собою безо всякого блеску и треску — нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже низменной работы. Я беру слово: низменной — в смысле простоты, бесхитростности, "terre à terre'a". Что может быть, напр., низменнее — учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т.д. На что тут таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своим эгоизмом — тут даже о *призвании* говорить нельзя (не упоминая уже о *звезде* г-на В. Д⟨техтерева⟩!)[3]. Чувство долга, славное чувство патриотизма в истинном смысле этого слова — вот всё, что нужно.

А Базаров все-таки еще тип, провозвестник, крупная фигура, одаренная известным обаянием, не лишенная некоторого ореола: это всё теперь неуместно — и смешно толковать о *героях* или *художниках* труда. Блестящих натур в литературе, вероятно, не проявится; те, которые бросятся в политику, только даром погубят себя. Всё так, но примириться с этим фактом, с этой серенькой средою, с этой скромной деятельностью многие не могут сразу; особенно впечатлительные и энтузиастические женщины, как Вы. Что бы Вы ни говорили — Вам все-таки хочется восторгаться и увлекаться; Вы сами пишете, что Вы желаете преклоняться, а перед *только полезными* людьми не преклоняют-

ся. Мы вступаем в эпоху *только полезных* людей... и это будут лучшие люди. Их, вероятно, будет много; красивых, пленительных — очень мало. А в Вашем искании Базарова — "настоящего" — все-таки сказывается, быть может бессознательно, жажда красоты — конечно, своеобразной[4]. Эти все мечты надо бросить.

Я бы первый не стал упрекать Ваших знакомых в отсутствии даровитости, если б они на нее не претендовали: будь они усердные труженики — ничего бы не оставалось желать; но коли уж они становятся на дыбы и заявляют притязание на удивление — то нельзя не напомнить им, что они никаких прав на это удивление не имеют. Увы, Анна Павловна, мы не увидим людей-типов, тех *новых* людей, о которых так много толкуют. Народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего, хорового развития, разложения и сложения; ей нужны помощники — не вожаки, и лишь только тогда, когда этот период[a] кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности[5]. Я сейчас сказал, что Вы их не увидите... Вы еще молоды — Вы доживете до тех дней. Я — другое дело.

А пока будем сами учиться азбуке и учить других — и добро делать помаленьку — в чем Вы уже преуспеваете[6].

Письмо Вашего сына[7], которое я Вам возвращаю, очень хорошо и тепло. Да поступит и он в ряды полезных рабочих и *народных* слуг (как некогда были царские слуги)!

Не знаю, насколько Рагозин самолюбив, во всяком случае он этого не высказывает — и не носится с самим собою. В совете, данном им, высказывается не столько недоверия ко мне, сколько участия к Вам[8].

Здоровье мое поправляется — и я, вероятно, скоро перееду в Париж, rue de Douai, 50.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3798. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

11(23) сентября 1874. Буживаль

Буживаль, 23-го сентября 1874 г.

⟨...⟩ Думается, что вы давно уже возвратились из Gross-Lengden'a; оттого пишу в Берлин и вчера послал вам "Tentation de St Antoine" туда же[1]. Мне это время житья не было от проклятой подагры. Пришлось бросить карлсбад-

---

[a] *Было*: эта эпоха.

ское леченье, и я приехал сюда совсем больным. Еще неделю назад я ходил с костылями; теперь же наконец как будто наступило действительное улучшение — я даже начинаю уже подумывать об охоте! Какова дерзость!..

Написал в Лейпциг и жду с нетерпением 4-ой части ваших "Картин"[2]. Это время я много читал вашу историю французской литературы[3] и многому из нее научился. Превосходная, основательная и живая книга!.. 15-го октября я перекочую в Париж и думаю работать, если только удастся. Остальное все движется своей обычной колеей. Жизнь идет размеренно.

P.S. Скажите, что вы думаете о книге Флобера? Боюсь, что она вам не понравилась[4].

⟨Ваш Ив. Тургенев.⟩

3799. ПОЛИНЕ БРЮЭР

12(24) сентября 1874. Буживаль

Jeudi. 24 sept. 74.
Bougival. Maison Halgan.

Chère Paulinette,

Nous partons après-demain, samedi, à *nous trois*[1] — à 4 heures et nous arrivons à 9 à Cloyes. Te voilà avertie.

J'ai encore reçu une assignation de frais de *200 francs* — la chasse coûtera cher comme cela. Je l'apporterai avec moi[2].

Au revoir — je t'embrasse.

Iv. Tourguéneff.

3800. А.Ф. ОНЕГИНУ

12(24) сентября 1874. Буживаль

Буживаль.
Четверг.

Любезный О⟨негин⟩! Приходите завтра, в *пятницу*, ровно в 11 часов в *Café Riche* (Boulevard des Italiens). Мы вместе позавтракаем.

До свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

На обороте: Monsieur Onéguine.
Hôtel Castiglione.
Rue Castiglione. *Paris*.

3801. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

18(30) сентября 1874. Париж

Paris.
50, Rue de Douai.
Mittwoch, d. 30. Sept. 74.

Meine Herrn![1]

Durch ein Versehen meines Portiers sind mir die beiliegenden *zwei* Correcturbogen spät zugekommen, so dass Ich sie erst heute abschicken kann. Es wird hoffentlich sich nicht mehr wiederholen.

Ich bin noch immer der Meinung dass die Skizze: "ein Hamlet" u⟨nd⟩ s⟨o⟩ w⟨eiter⟩ in das erste Bändchen kommen muss, sonst wird das 2-te unverhältnissmässig lang.

Zugleich möchte Ich ein kleines *Vorwort* (oder auch ein *Nachwort*) dem ganzen Buche zugeben, worin im Namen des Verlegers einfach gesagt sein würde: — dass in *diese* Ausgabe der Skizzen drei *neue* aufgenommen seien, nemlich die Fortsetzung des Tschertapkhanof, die Lebendige Reliquie und endlich die[a] Skizzen, die Ich dem Herrn Behre als Manuscript zukommen liess und deren Deutscher Titel mir unbekannt ist[2]. Russisch heisst sie: "Es klopft!" oder "Es rasselt". Wollen Sie die Redaction dieses Vorwortes selbst nicht übernehmen, so bitten Sie gefälligst Herrn Behre, es zu thun. Ich glaube, es ist nothwendig.

Achtungsvoll u⟨nd⟩ ergebenst

Iwan Turgénjew.

3802. П.В. АННЕНКОВУ

19 сентября (1 октября) 1874. Буживаль

Bougival.
Près Paris. Maison Halgan.
Четверг, 1-го окт. 1874.

Любезнейший Анненков, всего две недели осталось до Вашего приезда в Париж — а я Вам всё еще ничего положительного насчет квартиры сказать не могу. Происходит это оттого, что за 500 или даже за 550 фр. в месяц ничего нельзя найти порядочного в *близких* или видных кварталах; надо будет отправиться за *Сену*, в соседство Quartier Latin — или же за Триумфальные ворота. Надеюсь, что это для Вас

---

[a] *Далее зачеркнуто*: dritte.

не составит препятствия. Но, что я Вам найду желаемое, в этом Вы можете быть уверены. К сожалению, ко мне после неосторожной поездки на охоту опять прицепилась несносная подагра — и я вчера даже целый день пролежал; однако надеюсь, что дня через два я опять совершенно поправлюсь — и в начале будущей недели приищу желаемое. В случае нужды на первых порах можно остановиться на несколько дней в hôtel Byron, rue Laffitte, где хозяева мне знакомы и цены умеренные при отличной еде и прочих удобствах. Но об этом обо всем мы еще спишемся. Раньше 15-го октября Вам приезжать незачем. К тому времени и я перееду в Париж.

Арапетов всё еще здесь и дождется Вашего приезда; молодой Писемский (очень милый малый) пристроился в Quartier Latin и — пока — изучает французский язык в театрах; ждем мы также сюда Мухортовых. Вы ведь, кажется, их знаете. Ханыков на днях возвращается. Соберется здесь маленькая русская колония, как видите.

Итак — ждите от меня известий, а пока дружески Вам кланяюсь и жму руку.

Ваш Ив. Тургенев.

⟨P.S.⟩ Всем Вашим привет.

Фрески Бодри — "en somme" — peu de chose[1]. Есть хорошенькие французские фигурки — но вообще это "пленной мысли раздражение"[2] и колорит приторный.

3803. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

19 сентября (1 октября) 1874. Буживаль

Bougival.
Maison Halgan. (près de l'église).
Jeudi, 1-er octobre 1874.

Mon cher Zola,

Je suis revenu avant-hier de mon excursion à Châteaudun, et j'avais bien l'intention d'aller à votre rendez-vous d'hier, mais j'ai été repris dans la nuit par une neuvième rechute de goutte, et je vous ai écrit dès le matin une lettre adressée à Charpentier pour vous prévenir[1]. Elle a été portée à Paris par le jeune G. Chamerot, le mari de la fille aînée de Mme Viardot, mais le commissionnaire auquel il avait remis cette lettre prétend n'avoir pas pu trouver le n° 21 de votre rue (l'adresse avait été donnée par Charpentier), de façon que vous avez dû faire

une course inutile et m'attendre au café. Je vous en demande bien pardon.

J'ai passé toute la journée d'hier dans mon lit, et je ne sortirai pas avant 3 ou 4 jours. Cependant je voudrais vous voir et causer avec vous de notre affaire[2]. Si cela ne vous ennuie pas trop, venez demain, vendredi, entre le déjeuner et le dîner, ici. Il faut prendre la gare St-Lazare. Le train part toutes les heures 35. Arrivé à la station de Rueil, vous prendrez l'omnibus américain qui vous ménera à Bougival (ne prenez pas celui qui ne va qu'à Rueil), et puis vous aurez cinq minutes de marche jusqu'à la maison Halgan qui se trouve derrière l'église.

Je serais bien content de vous voir. En attendant je vous serre la main.

Votre Iv. Tourguéneff.

P.S. Je vous ai envoyé un télégramme hier soir[3].

3804. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

21 сентября (3 октября) 1874. Буживаль

Bougival.
Maison Halgan (près de l'église).
Samedi, 3 octobre 1874.

Mon cher Zola,

Certainement que je serais enchanté de voir Charpentier[1], mais voici ce que je vous propose. Je vais mieux et lundi je pourrai aller à Paris. Voulez-vous faire lundi ce que nous devions faire mercredi dernier et venir avec Charpentier au Café Riche, à 11 heures?[2] Si quelque diablerie se mettait de nouveau en travers, je vous télégraphierais, maintenant que je sais votre adresse.

A bientôt, dans tous les cas, et mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Si vous ne pouvez venir lundi, voulez-vous mercredi? Si vous ne m'écrivez pas, je saurai que ça veut dire lundi.

3805. Н.А. КИШИНСКОМУ

21 сентября (3 октября) 1874. Буживаль

Bougival. Maison Halgan.

Суббота, $\frac{\text{3-го окт.}}{\text{21-го сент.}}$ 74.

Любезный Никита Алексеевич, я получил третьего дня Ваше письмо[1] с планом — а сегодня получил деньги по векселю, 2300 р., о чем Вас уведомляю. Что касается до плана, то он мне нравится — но главный вопрос: сколько эта переделка будет стоить? Пришлите мне поаккуратнее смету — и тогда мы увидим. Если не слишком дорого — надо будет привести это строение в порядок: а то уж очень плохо и неудобно[2].

Здоровье мое всё еще не совсем поправилось — хотя я даже однажды был на охоте; но хожу с трудом, и боли беспрестанно возвращаются. Третьего дня даже в постели пролежал. Нужно запастись терпением.

Вы мне не пишете ничего о тех *кружевах*, которые я просил Вас купить (по высланному образчику) и переслать в Петербург г-ну Топорову. Получили вы это письмо?[3]

Пишите мне впредь в Париж, rue de Douai, 50 — я туда переезжаю через неделю.

Кланяюсь спасским жителям и желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

P.S. Я сейчас рассчитал, что орловский банк дал всего 3 ф. 40 сантимов за 1 рубль (7820 фр. за 2300 р.). Это жидовские проценты — и вперед Вы уже обращайтесь опять к Ахенбаху. В сегодняшнем N-е "Голоса" стоит, что промена на Париж 351 1/2 сант., след., я потерял по крайней мере 10 сантимов на рубль — т.е. 230 франков! Это безобразно много.

3806. П.В. АННЕНКОВУ

24 сентября (6 октября) 1874. Буживаль

Bougival. Maison Halgan.
Вторник, 6-го окт. 74.

Никогда я так не сетовал на мою гнусную немощь, любезный друг Павел Васильевич, как именно теперь, так как она мешает мне исполнить мое желание, как бы я хотел, и доставить Вам квартеру *до* Вашего приезда. Я составил список более нежели *20* квартер — иные не так далеко — Boulevard Malesherbes и Haussmann — но мои ноги расклеились совершенно — и подняться на лестницу стало для меня чем-то вроде подвига. И потому я решился (так как поручить другому нанять квартеру оказалось невозможным) на следующее: с 15-го окт⟨ября⟩ я возьму для Вас хорошее и теплое помещение у моих знакомых, содержателей hôtel Byron в улице Лафитт. Вы останетесь там неделю, не больше — и ce serait bien le diable, как говорят французы, если б Вы в течение этого времени, пользуясь моим списком и другими указаниями, не нашли бы того, что Вы желаете. Сам я переезжаю в город с субботы, так как здесь очень сыро становится и холодно — и, может быть, к Вашему приезду успею осмотреть несколько квартер. Проклятая подагра совсем меня обескуражила!

Напишите мне, что Вы согласны с моим предложением — а накануне отъезда уведомьте, уже адрессуя, разумеется, 50, rue de Douai.

Спасибо за письмо ⟨Кавелина⟩[a] — оно очень интересно[1]; и выстрел М.Н. Каткова очень хорош!![2]

Во Франции выборы по новому закону нанесли *первую серьезную* рану республике; шансы гнусной империи выросли в громадной пропорции[3]. Что тут делать! "Tu l'as voulu, Georges Dandin!"[4]

Итак — до скорого свиданья. Обнимаю всех Ваших и Вас.

Ив. Тургенев.

---

[a] *В подлиннике ошибочно:* Катенина.

3807. ПОЛИНЕ БРЮЭР

24 сентября (6 октября) 1874. Буживаль

Bougival.
Maison Halgan.
Mardi, 6 oct. 74.

Chère fillette,

Je t'écris en hâte deux mots pour t'avertir que je ne pourrai faire *ce que je t'ai promis* — qu'au *15* oct⟨obre⟩[1]. Mais alors — sans faute. Tu peux compter là-dessus absolument.

Je t'embrasse.

J. Tourguéneff.

3808. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

24 сентября (6 октября) 1874. Буживаль

Буживаль. Maison Halgan.
Вторник, $\frac{\text{6-го окт.}}{\text{24-го сент.}}$ 1874.

Любезнейший Михаил Матвеевич, так как Вы, к истинному моему сожалению и по милости М.Н. Лонгинова, не могли, как намеревались, прибыть в Париж для переговоров с Э. Золя[1], то я решился повести их сам[2] — и после свидания с ним и с его издателем *Шарпантье* достиг следующего весьма выгодного результата. Роман Золя, титул которого будет "La faute de l'abbé Mouret", появится в Париже *около 20-го янв⟨аря⟩* н.с. — но Вам он будет высылаться в виде корректурных листов, *начиная* с 20/8-го октября: он распадается на 3 части, которые могут появиться в *ноябрьской, декабрьской и январской* книжках "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" – так что он будет у Вас совсем кончен, прежде чем появится в Париже – целой неделей раньше он будет напечатан (от 13-го до 20-го янв⟨аря⟩). Роман, сколько я могу судить по содержанию и по первым главам, выйдет превосходный — и не имеющий ничего нецензурного — он, собственно, направлен против безбрачия священников. Условия следующие: *30 руб.* сер. за печатный лист — и если пожелаете сделать особое издание, то спишитесь: за *500* фр. Шарпантье, я полагаю, наверное, Вам его уступит. Надеюсь, что Вы не найдете эти условия обременительными. Во всяком случае прошу Вас, не теряя времени, прислать письмо, в котором вы-

шеозначенные условия будут изложены (и приняты Вами) к Шарпантье (Mr Charpentier, libraire, quai du Louvre, 28, Paris) — так как *ему* по контракту принадлежит деятельность Золя. Он тогда Вам с своей стороны вышлет письмо — и с 20-го окт⟨ября⟩ первые листы отправятся в Петербург.

В Вашем письме Вы хотя выражаете слабую надежду побывать в Париже в начале октября — но оно что-то невероятно — надо Вам, главное, наблюдать, чтобы в Ваше отсутствие не придушили "Вестника Европы"[3]. Если б я знал, где Ваша супруга остановится в Париже, я бы непременно отыскал ее — я через 5 дней туда переселяюсь.

Я всё еще не освободился от моей немощи — и работать не начал.

NB. Если насчет *отдельного* издания у Вас приняты *другие* условия, скажите это Шарпантье — быть может, он удовлетворится полистовой платой. Желаю, чтобы Вы остались довольны моими хлопотами и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Вышлите мне чешский перевод "Збаписокс обхотникас"[4]. Я беспрестанно получаю по почте книги из России — и затруднений никаких нет.

3809. А.Ф. ПИСЕМСКОМУ

23 сентября (7 октября) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Середа, $\frac{\text{7-го окт.}}{\text{25-го сент.}}$ 1874.

Любезнейший друг Алексей Феофилактович! Итак, Вы добрались до своего гнездышка![1] Желаю Вам отдохнуть в нем от всех невзгод и треволнений — и приняться опять за перо, которое Вы еще не имеете права выпускать из рук.

Я Вашего славного сынка видел два раза, раз завтракал с ним: он старается — пока — усовершенствоваться во французском языке. Через два дня мы переезжаем окончательно в город — очень уже становится сыро и холодно на даче — и тогда я буду часто видеться с Вашим Павлом. Будьте покойны — я буду за ним посматривать: впрочем, он так благоразумен и рассудителен, что за него бояться нечего[2].

Сам я всё хвораю: ноги всё еще болят, и ноют, и пухнут, как у старика... Худое дело — немощь!

Я получил от г-на Родиславского от имени общества драматических писателей разные циркуляры и пр. Я отвечал ему, что передаю свой голос Вам — о чем спешу известить Вас в надежде, что это не будет для Вас отяготительно[3].

Поклонитесь от меня Вашей любезной супруге и примите уверение в искренной привязанности

преданного Вам Ив. Тургенева.

3810. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

25 сентября (7 октября) 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Mittwoch, d. 7. Oct. 74.

Mein lieber Pietsch, eben bekomme ich Ihren, im schönsten C-dur gestimmten Brief[1] — und freue mich, dass es Ihnen so wohl geht. Von mir kann ich — leider — nicht dasselbe sagen. Ich schleiche noch immer auf meinen kranken Füssen umher wie ein ganz alter, gebrechlicher Mensch. Kommen Sie doch nach Paris im Winter — und seien Sie des wärmsten Empfangs sicher[2].

Ich schicke Ihnen mit der heutigen Post die "Tentation de St Antoine". Wissen Sie, ob J. Schmidt sein Exemplar bekommen hat?[3] Lindau's trefflichen Artikel habe ich gelesen — und ihn — in seinem Auftrag — an G. Flaubert geschickt[4].

"Colossal reich" bin ich nicht geworden — habe aber etwas Geld mehr in die Hände bekommen als gewöhnlich — und habe es natürlich unverzüglich aus dem Fenster geworfen. So viel hab ich geworfen — dass mir keine irgendwie anständige Summe übrig bleibt — um sie für das Bild des armen Gierembski zu offeriren. Könnten 200 oder 250 Thaler ausreichen — so schlagen Sie zu! Ist es aber ein Meisterwerk — wird es natürlich viel mehr kosten![5]

Der ganzen Familie geht es gut... Man lebt in Erwartung des grossen Ereignisses — nämlich was Didie betrifft[6].

Ihren Aufsatz in der "Schlesischen Zeitung" habe ich nicht bekommen — schicken Sie ihn doch[7]. Die "Récits d'un chasseur" sind angekommen — vielen Dank![8] Man schickt mir zur Revision die Correcturbogen der "Skizzen": der Uebersetzter[9] ist nicht sehr stark im Russischen — und Manches ist ganz schief, wofür Sie eben nicht verantwortlich sein können. Ich

glaube — auf diese Art — wird der Text endlich richtig hergestellt.

Und nun — leben Sie wohl und grüssen Familie und Freunde. Ich drücke Ihnen herzlich die Hand.

Ihr Iw. Turgénjew.

3811. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

25 сентября (7 октября) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Середа, 7-го окт. / 25-го сент. 74.

Любезный друг Яков Петрович, сейчас получил твое письмо[1] — и немедленно отвечаю. Прежде всего радуюсь тому, что ты почувствовал хотя небольшое облегчение: твоя болезнь принадлежит к числу тех, которые побеждаются одним терпением да постоянством. Я тоже несколько в твоем роде: до сих пор ноги болят, хожу с трудом, в Карлсбаде принужден был бросить лечение, за городом страдал от сырости — что-то скажет зима и теплая квартира? Если я и эту зиму не буду работать, то тогда — аминь.

Радуюсь также твоему намерению приняться за прозу. Во-1-х) сбыть легче; а во-2-х) я помню, некоторые твои прозаические рассказы были очень милы[2]. Но музу, я надеюсь, ты все-таки не покинешь: она в последнее время дарила тебя прекрасными дарами. Я буду продолжать рассчитывать на тебя, чтобы хотя изредка насладиться изящным русским стихом.

Я понимаю, что мысль о твоем семействе и о том, что с ним станется после тебя, должна тебя мучить. Однако не предавайся слишком унынью: свет не без добрых людей — и мне не нужно прибавлять, что во всяком случае на меня ты можешь всегда рассчитывать.

Хорошо бы продать твою поэму "Делу"[3], но только не для того, чтобы заплатить мне 200 р. — это совершенно не нужно — а для того, чтобы "подлить масла в лампу твоего хозяйства".

Здесь носятся слухи о разных арестах: что в них справедливого — и можешь ли ты кого-нибудь назвать?[4]

Я бы посмотрел на твои пэизажи! Кто знает, может быть, в тебе сидит живописец?[5] Кстати, Харламов здесь делает чудеса![6]

Кланяюсь всем твоим и дружески тебя обнимаю.

Преданный тебе Ив. Тургенев.

3812. ПАУЛЮ ЛИНДАУ

27 сентября (9 октября) 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Freitag, 9. Oct. 74.

Verehrter Herr!

Eben bekomme ich einen Brief von Flaubert[1]. Er lässt Ihnen viel Dank sagen und kann sich keinen besseren Uebersetzer wünschen; muss aber Sie wissen lassen, dass kurz nach dem Erscheinen "Salammbô's", eine deutsche Dame, die Frau eines Jenaer Professors, das Buch in's Deutsche übersetzt hat. Wahrscheinlich ist die Version schlecht gerathen und auch deswegen verschollen: Herr Weber möge sehen, ob er unter diesen Umständen, eine neue Verdeutschung wagen kann[2].

Ich danke sehr für die Zusendung der N-os der "Gegenwart"; ich bin aber einer Ihrer Abonnenten — und hatte schon Ihren vortrefflichen Aufsatz gelesen[3].

Flaubert versteht die deutsche Sprache nicht; ich würde aber gern die Rolle des Vermittlers übernehmen. Sie würde sehr leicht werden — denn mit Ihrem Sprachtalent könnten Sie den Kampf selbst mit der Flaubert'schen Virtuosität übernehmen.

Ich bin eben daran, eine kleine Skizze auf's Papier zu bringen; sollte sie mir gelingen, so würde ich Ihnen gern die französische Uebersetzung zusenden, ehe sie noch im Druck erscheint. Bis Ende November hoffe ich damit fertig zu werden[4].

Empfangen Sie die Versicherung meiner vollkommenen Hochachtung.

Ihr ergebenster Iw. Turgénjew.

3813. А.А. ФЕТУ

27 сентября (9 октября) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Пятница, 9-го окт. / 27-го сент. 74.

Вас удушье мучит, любезнейший Афанасий Афанасьевич — а меня подагра терзает: веселенькие пэизажики! Я должен был бросить карлсбадское леченье — и, приехав в Буживаль около Парижа, подвергся еще нескольким при-

падкам и до сих пор хожу на каких-то гнилых и болеющих подпорках вместо ног. Переехал в Париж — и посмотрю, что выйдет: по крайней мере, зябнуть не буду.

Подумаешь, как различны вкусы и воззрения! Вас сокрушает мысль, что везде происходят разбои[1] — а мне противна гнусная, безвозвратная, филистерская тишина и мертвая проза, которая водворяется повсюду — особенно во Франции! Подобного мизерного "terre à terre'a" еще никогда не бывало! Наступило царство пошляков — Мак-Магонов — мы конца его не увидим[2]; и глубокое спасибо Мефодию Каткову, что он выстрелом в горб Леонтьева нарушил — правда немного — эту пакостно кислую тишину! В этом выстреле меня особенно умиляет то, что произвел его брат Каткова, который только что успел протрубить, что револьвер берут в руки одни нигилисты — и стрелял Мефодий в отмщенье своим детям, заклеванным латынью![3]. Браво, Мефодий! Приходится верить в "иронического" бога Гейнриха Гейне[4]. Всё, что у меня осталось ненависти и презрения, я перенес всецело на Михаила Никифоровича, самого гадкого и вредного человека на Руси[5] — и радуюсь всякой совершающейся над ним пакости.

Этих чувств Вы, конечно, не разделяете. У Вас нет куропаток — а у меня есть зятек, муж моей дочери, который, несмотря на мое запрещение, ездил охотиться в мой лес и всё там выколотил или распугал — так что, когда я сунулся туда, всякой дичи и след простыл. Правда, тот же самый зятек убухал всё приданое моей дочери — 150 000 франков! Я Вам говорю — пэизажи веселые.

А Щедрина Вы напрасно не читаете; там бы Вы нашли штуки еще забавнее шаха с Мак-Магоншей[6]. Или уж так строго запрещение Михаила Никифоровича? Но ведь Вы в деревне: может быть, он не узнает — или, узнавши, помилует... Радуюсь успехам Пети; очень уж он только рассудителен и консервативен. В зрелые годы это даже очень хорошо; а за молодого консерватора мне что-то всегда жутко: sie entpuppen sich manchmal ganz hässlich. Будем надеяться, что с Петей ничего подобного не случится.

Желаю Вам первого... нет, не первого, единственного блага на земле — здоровья; кланяюсь Марье Петровне и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3814. ПАУЛЮ ГЕЙЗЕ

28 сентября (10 октября) 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Sonnabend, d. 10. Oct. 74.

Mein leiber Heyse,

Ich bin Ihnen seit langer Zeit einen Brief schuldig — will auch diesmal meine Schuld noch nicht abtragen — da ich mit Ihnen mich recht gemüthlich ausschwatzen will — schreibe Ihnen heute nur, um Ihnen einen Collegen zu recommandiren, einen russischen Schriftsteller — namens Peter Boborykin (ja, solche Namen gibt es bei uns!) — der für sein Leben gern der Ehre theilhaftig sein möchte, in Ihrem "Novellenschatz des Auslands" zu erscheinen. Er lebt jetzt in Wien und wird sich schriftlich an Sie wenden. Er hat Talent und einige seiner Novellen sind recht hübsch[1]. Diese Empfehlung ist etwas lauwarm, soll auch nicht anders sein.

Ihr Haus ist wahrscheinlich jetzt schon längst ausgebaut — und Sie führen ein gemüthliches ruhiges Leben. Im Mai komme ich nach München auf meiner Reise nach Carlsbad — da hoffe ich Sie zu sehen[2].

Aber ich schreibe Ihnen noch[3].

Unterdessen leben Sie recht wohl und empfangen Sie für sich und für Ihre Frau die herzlichen Grüsse

Ihres ergebensten Iw. Turgénjew.

3815. А.В. ТОПОРОВУ

28 сентября (10 октября) 1874. Буживаль

Буживаль. Maison Halgan.

Суббота, $\frac{\text{10-го окт.}}{\text{28-го сент.}}$ 74.

Любезнейший Александр Васильевич, пишу Вам накануне переезда в Париж, rue de Douai, 50[a], где поселяюсь на зиму: здесь становится сыро и холодно. Я всё еще не отделался от подагры — да и вряд ли совсем когда-либо отделаюсь: ноги болят и ноют, как у старика — и на лестницу взбираться мне просто мука. Что делать! Терпенье — и больше ничего.

Благодарю Вас за высылку увертюры Чайковского, которая, однако, оказалась ниже своей репутации[1] — и про-

---

[a] *Далее зачеркнуто:* Куда пер⟨еезжаю⟩.

шу теперь выслать мне в Париж рубинштейновского "Демона" — объявление об этой опере, переложенной на фортепьяно, я прочел в газетах[2].

Что поделывают Петровы? Поклонитесь им от меня. Видаете Вы Мусоргского? Рагозина? Сами Вы что поделываете хорошего? Что справедливого в распространившихся здесь слухах о многочисленных арестах, якобы совершенных в последнее время?[3] Черкните словечко, если возможно.

Сам я ничего не делал — и ни за что не принимался. Надеюсь на зиму, если только подагра опять не разгорится.

Засим желаю Вам всего хорошего и крепко жму Вам руку.

Искренно Вам преданный Ив. Тургенев.

3816. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

28 сентября (10 октября) 1874. Буживаль

Буживаль. Maison Halgan.
Суббота, $\frac{\text{10-го окт.}}{\text{28-го сент.}}$ 74.

Любезный брат,

Твое письмо[1] пришло ровно накануне нашего переезда в Париж (куда прошу тебя вперед адрессовать твои письма — rue de Douai, 50 (не 48)). Не могу сказать, что моя подагра оставила меня совсем в покое: у меня были еще два — хотя слабые — припадка — и ноги до сих пор болят и ноют, как у старика, так что мне, напр., взобраться на лестницу стоит великого труда. Видно, надобно примириться с мыслью об этой немощи. Я радуюсь тому, что ты своим здоровьем доволен; тем лучше, если ты мог обойтись без заграничной поездки.

А в Париж ты не думаешь прокатиться зимою?[2] Теперь это путешествие так легко — просто не стоит отказывать себе в нем.

Все мои здесь здоровы и благодарят за память.

Дружески тебя обнимаю и остаюсь

любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3817. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

5(17) октября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
(NB. Я живу там же, где жил,
но номер наш переменили — из
48 в 50)
Пятница, 17/5-го окт. 74.[a]

Любезнейший Михаил Матвеевич, я получил Ваше письмо[1] и посылку (прекрасное издание Гоголя[2] и "Lovcovy Zapiski"[3]). Я бы немедленно отправился к Вашей супруге — но, с тех пор как я вернулся в Париж, т.е. с понедельника, я опять подвергся припадку подагры — и опять лежу в постели. Если мне не полегчит на днях — то я позволю себе попросить Вашу супругу пожаловать ко мне.

Вы, вероятно, уже давно получили письмо мое[4], в котором я передал Вам мои переговоры с Золя и Шарпантье — и, вероятно, уже отвечали сему последнему[5]. Я до сих пор, однако, ничего от него не слышал.

Так как Вы упорствуете в весьма лестном для меня желании поместить и меня в издании Ваших классиков — то я могу Вам только повторить, что я говорил об этом с Салаевым[6] и не нашел в нем никакой оппозиции; Вы можете обратиться к нему с запросом[7], и, если желаете, я ему с своей стороны еще раз напишу[8]: будьте так добры, дайте мне знать Ваши намерения на этот счет[9].

Анненков хотел было провести зиму в Париже — но раздумал и остался в Бадене — но только на новой квартере: Lichtenthalerstrasse, № 9[10]. Я через него непременно выпишу ту книгу Кошелева, о которой Вы пишете[11].

Я хотел было приняться за работу, но проклятая катковка мешает — пока.

Засим дружески Вам кланяюсь и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

3818. ПОЛИНЕ БРЮЭР

7(19) октября 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Lundi, 19 oct. 1874.

Chère Paulinette,

Voici les 400 f-s pour ton voyage à Paris — je n'ai pas pu les envoyer plus tôt[1] — quant aux autres mille francs, tu les toucheras ici.

Je suis toujours impotent et malingre. Je ne sors pas.

Au revoir bientôt — je vous embrasse tous les trois.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Fais-moi savoir que tu as reçu cette lettre.

3819. П.В. ЖУКОВСКОМУ

7(19) октября 1874. Париж

50, rue de Douai.
Понедельник.

Любезнейший Жуковский,

И.П. Арапетов прибыл в Париж — и мы с ним и с Ханыковым обедаем вместе в *четверг*. Очень было бы хорошо, если б и Вы присоединились. В таком случае будьте ровно в *6* часов в большой зале *Grand Hôtel* (Boulevard des Capucines). Вы нас там найдете.

До свидания.

Ваш Ив. Тургенев.

3820. А.В. ТОПОРОВУ

7(19) октября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Понедельник, 19/7-го окт. 74.

Любезнейший Александр Васильевич, из предыдущего моего письма Вы уже известились, что я[a] получил увертюру

---

[a] *Далее зачеркнуто:* уже.

Чайковского[1]; теперь же прошу Вас выслать "Историю русской литературы в очерках и биографиях" П. Полевого, *второе* издание. Там, говорят, находится моя биография с портретом[2].

Здоровье мое по-прежнему неудовлетворительно: подагра не хочет со мной расстаться — хоть ты что! На днях опять провалялся в постели двое суток — и работа поэтому не идет. Это, однако, хорошо, что Вы начали слушать курс геологии, а то как-то жалко видеть, что такая светлая голова, какова Ваша, никакого другого занятия, кроме мушки[3], найти себе не может. Поклонитесь от меня супругам Петровым и Рагозиным. Молодая Рагозина — кажется — очень хорошее и симпатическое существо.

Книгу высылайте под бандеролью. Так всего проще и лучше.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3821. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

9(21) октября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Середа, 21/9-го окт. 74.

Любезнейший Михаил Матвеевич, я переговорил с Золей и Шарпантье — и результатом этих переговоров было то, что они согласны отсрочить появление романа до 20/8-го *февраля* 1875-го г. — так что Вы можете поместить все три части в январской, февральской и мартовской книжках "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" — или разделить его между январским и февральским N-ами[1]. Перевод, следовательно, явится в России *до* появления оригинала во Франции. Но при этих условиях Шарпантье, разумеется, желает получить прежнюю цену. Роман не превысит *11-и*[a] листов "Вестника Европы" — и, я полагаю, Вы можете дать за него 300 р. сер. Если Вы на это согласны, то, будьте так добры, телеграфируйте либо на мое имя, либо на имя Шарпантье (адресс которого я Вам сообщил: quai de Louvre, 28) — и он тотчас распорядится высылкой Вам печатных листов корректуры[2].

Само собой разумеется, что, если это войдет в Ваши расчеты, Вы можете объявить о появлении романа inédit

---

[a] *Было:* 10-и.

Золя в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩" заранее при публикации программы[3].

Сюжет романа оригинален и нов — и прочитанные мною две первые главы замечательно хороши.

Я всё еще не выхожу из дому и потому не имею удовольствия видеть Вашу супругу; надеюсь, однако, увидаться с нею завтра.

Кто автор записок о С⟨оловецком⟩ монастыре в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩"? Отличная вещь[4].

Надеясь, что Вы одобрите мои распоряжения насчет романа Золя, жму Вашу руку и желаю Вам и "В⟨естнику⟩ Е⟨вропы⟩" всего хорошего.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3822. П.В. ЖУКОВСКОМУ

10(22) октября 1874. Париж

Любезный Жуковский,

Вы вчера заходили ко мне с известием, что г-жа Плетнева будет у меня в 1/2 12-го; но ее не было, — и она бы меня не застала; я хочу написать ей сегодня, чтобы узнать, когда она желает меня видеть — но для этого мне нужно знать ее имя и отчество — напишите мне. Также должен я Вам сказать, что сегодня мне с Вами завтракать нельзя — я пишу об этом Арапетову[1] и прошу его вместо завтрака устроить нам *обед* на завтрашний день.

Заходите часов в 5 1/2, чтобы узнать его ответ — а также для того, чтобы познакомиться с г-жой Виардо, которая Вас пригласит на свои воскресения (если Вы того желаете)[2].

Дружески жму Вам руку.

Четверг. Ваш Ив. Тургенев.

3823. П.В. ЖУКОВСКОМУ

11(23) октября 1874. Париж

Любезный Ж⟨уковский⟩! Я послал сегодня утром телеграмму к г-же Плетневой[1], в которой я извещаю ее, что буду у ней в *5* часов — так как я принужден съездить сегодня за город, в Буживаль, и не вернусь оттуда раньше 4 1/2 ч.

Дружески жму Вам руку.

Пятница. Ив. Тургенев.

3824. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

14(26) октября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Понедельник, 26/14-го окт.74.

Милый Яков Петрович, пишу тебе не на излюбленной тобою серой бумаге — та вся вышла — но и эта, кажется, недурна.

Вести о твоем здоровье меня огорчают; но зато я радуюсь тому, что ты принялся за работу — хоть и прозаическую, т.е. за *прозу*. Почему-то мне кажется, что она тебе удастся.

Мне очень лестно, что ты хочешь упомянуть об одном из моих первых произведений; но вот что я должен тебе заметить. "Андрей Колосов" явился в "Отечественных записках" в 1844-м году — и прошел, разумеется, совершенно бесследно[1]. Молодой человек, который в то время обратил бы внимание на эту повесть, был бы в своем роде феномен. Таких вещей молодые люди не читают: они не могут (да и, говоря по справедливости, не заслуживают этого) обратить на себя их внимания. А впрочем — как знаешь[2].

Мое здоровье всё неудовлетворительно — и я не такой молодец, как ты: не могу заставить свое тело работать, когда душа немощна и хандрит.

Прочел я книгу Аксакова о Ф.И. Тютчеве; первая половина очень хороша и тонка; вторая, где пошла славянофильская политика, плоха и сбивчива[3]. Да оно иначе и быть не могло.

Не в моих привычках расточаться в уверениях; но ты знаешь, что ты во всяком случае на меня можешь рассчитывать.

Кланяюсь всем твоим и обнимаю тебя.

Преданный тебе Ив. Тургенев.

3825. П.В. ЖУКОВСКОМУ

15(27) октября 1874. Париж

Любезнейший Жуковский, приходите, если хотите, сегодня ко мне — но не к г-же Виардо, ибо у меня сделался фантастический насморк, и я принужден сидеть у себя в комнате — и не был бы в состоянии сойти вниз; а для пер-

вого разу мне хотелось быть там. И Вам бы, я полагаю, было это приятнее.

Жму Вам дружески руку.

50, rue de Douai. Преданный Вам Ив. Тургенев.
Вторник. 1/2 12-го.

3826. ВИЛЬЯМУ ДИНУ ХОУЭЛЛСУ

16(28) октября 1874. Париж

My dear Sir,

Accept my very best thanks for the gracious gift of your delightful book "Their Wedding Journey" which I have read with the same pleasure I experienced before in reading the "Chance Acquaintance" — and "Venetian Life"[1]. Your literary physionomy is a most sympathetic one: it is natural, simple, and clear — and in the same time — it is full of unobtrusive poetry and fine humour. Then — I feel the peculiar American stamp on it — and that is not one of the least causes of my relishing so much your works.

Hoping to make some day your acquaitance — either in Europe or in America (I prefer the latter) — I beg you, my dear Sir, to believe me

yours very sincerely, I. Tourguéneff.

3827. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

16(28) октября 1874. Париж

Mercredi matin.
50, rue de Douai.

Mon cher Zola,

J'apprends à l'instant par les journaux que votre pièce passe le vendredi, 30, c'est-à-dire après-demain.

J'ai été tous ces jours-ci retenu à la maison par un gros rhume, mais j'espère bien pouvoir sortir après-demain. Vous m'avez gardé un billet, n'est-ce pas? Faut-il que je l'envoie chercher? J'attendrai toujours un mot de vous pour la répétition[1].

Stassulevitch devait télégraphier à Charpentier, l'a-t-il fait?[2]

Au revoir après-demain. Dans tous les cas,

tout à vous Iv. Tourguéneff.

3828. А.В. ТОПОРОВУ

16(28) октября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Середа, 28/16-го окт. 74.

Любезнейший Александр Васильевич, исправнейший из комиссионеров, бывших, настоящих и будущих, я вчера получил рубинштейновского "Демона"[1] — и, вероятно, скоро получу книгу П. Полевого[2]. А теперь покорно прошу Вас обратиться к А. Иогансену (владельцу музыкального магазина на Невском, против Гостиного двора) с вопросом, зачем он не высылает мне экземпляра романсов г-жи Виардо, корректуры которых давно к нему препровождены? И, вообще, напечатал ли он эти романсы (их счетом 5)?[3] Если он их напечатал, то попросите его, во-1-х) доставить мне 6 экземпляров каждого — он мог бы их вручить Вам, а Вы бы их уже переслали — и, во-2-х) разослать от имени г-жи Виардо по экземпляру всем более известным музыкальным личностям, в числе которых должны, разумеется, находиться те, коим посвящены романсы (О.А. Петров, между прочим)[4].

Также прошу я Вас сообщить мне, сколько еще осталось у Вас моих денег — чтобы я мог послать инструкцию моему управляющему о доставлении Вам новой суммы.

Здоровье мое поправляется — но очень медленно; за работу всё еще не принимаюсь.

Дружески жму Вашу руку и желаю всего хорошего.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. В случае если бы Иогансен еще не окончил печатанием романсы — но поторопите его[5].

3829. П.В. АННЕНКОВУ

17(29) октября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Четверг, 29/17-го окт. 74.

Любезнейший Павел Васильевич, я вчера окончил чтением Вашу прекрасную книгу о нашем Пушкине — и могу сказать, давно не испытывал подобного удовольствия: самый предмет дорог и близок — и Вы мастерски исполнили свою задачу. Всё это верно, умно, характеристично — и в высшей степени интересно; кой-где, но не часто, попадаются некоторые неловкости выражения — да это беда небольшая; есть и опечатки, затемняющие смысл. Со всем тем, примите мои искренние поздравления и столь же искреннее спасибо[1].

Подагра всё не выпускает меня из когтей. Однако подумываю о работе.

Здесь, Вы знаете, находится молодой Жуковский. Я ему сказал о моем желании повидаться с Плетневой — и она, представьте, сама приехала ко мне. Я очень был рад посещению этой прекрасной женщины — и, разумеется, какие были, недоразумения разлетелись, как легкая пыль. Отличное она существо![2]

Прочел я брошюру Кошелева "Наше положение" — и ничего не нашел в ней особенного. И написана она сквернейшим языком[3]. Не помню, говорил ли я Вам о биографии Ф.И. Тютчева, написанной И.С. Аксаковым. Первая половина очень хороша — а там уж пошла славянофильская политика и особенно религия — чушь сугубая[4].

Приезжайте в Париж хоть в ноябре. Авось к тому времени я поправлюсь — et nous aurons encore de bons quarts d'heure.

Арапетов еще здесь; приехал бедный гр. А.К. Толстой, более похожий на мертвеца, чем на живого человека. Его жена тоже скоро будет.

Кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3830. ТОМАСУ ПЕРРИ

18(30) октября 1874. Париж

50, rue de Douai. Paris.
Friday, Oct. 30th, 74.

Sir,

I have to offer you my warmest thanks for the very flattering article you wrote on my novels in the May № of the "Atlantic Monthly"[1]. You will excuse the tardiness of my acknowledging it, when you shall know that I have only just read it on my return to France from a voyage to Russia.

I feel a great sympathy and admiration for your native land and cannot but be very sensible to the judgment of a sagacious and enlightened mind coming from it.

Believe me, Sir,

yours very truly, Ivan Tourguéneff.

На конверте: Thomas S. Perry, Esq.,
to the care of H.O. Houghton & C°.
219, Washington Street, Boston. U.S.A.

3831. ХЬЯЛМАРУ БОЙЕСЕНУ

19(31) октября 1874. Париж

⟨...⟩ I have just finished the poetic little book you have had the kindness to dedicate to me[1]. 1 had found the first chapter a little too allegorical to my taste, but the more I read the more I liked your tale. "Gunnar" is certainly a good beginning; it is full of freshness and originality. I beg you to accept my sincerest congratulations ⟨...⟩

3832. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

19(31) октября 1874. Париж

50, rue de Douai.
Samedi.

Mon cher Zola,

L'affaire avec Sta... ssu... le... vitch[1] est arrangée[2]. Il m'écrit qu'il en a télégraphié à Charpentier et qu'il lui a envoyé une lettre[3], où il pose les conditions suivantes: 1° la première moitié du texte doit être livrée au 1-er décembre, et il enverra 150 roubles arg. (on doit envoyer dès à présent tout ce qui est disponible); 2° vous ne paraîtrez ici qu'au 20/8 février, et le 20/8 janvier Stas⟨sulevitch⟩ doit recevoir la moitié restante — et il envoie les autres 150 roubles.

Je crois que tout ceci est bien. Quant à la solvabilité et à l'exactitude de Stas⟨sulevitch⟩, elles ne laissent rien à désirer et j'en réponds.

Je vous remercie de votre petit mot[4] et je compte sur un billet et, si c'est possible, une répétition générale[5]. Mes soirées sont libres et la goutte fait un peu la morte.

Mille amitiés.

Tout à vous Iv. Tourguéneff.

3833. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

19(31) октября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Суббота, 31/19-го окт. 74.

Любезнейший Михаил Матвеевич, сейчас получил Ваше письмо[1] — и сообщил его содержание Золе. Я очень рад, что это дело устроилось — и надеюсь, что Ваши читатели Вам скажут спасибо. За вашу "solvabilité" я поручился более, чем за свою собственную.

Корректурные листы будут Вам немедленно отправлены[2].

Я сообщил Ваше желание П.В. Жуковскому — и он с великой готовностью на всё согласился[3], и он написал письмо, которое Вы, должно быть, имеете теперь в руках[4].

Я был раз у Вашей супруги, но, к сожалению, не застал ее дома — простудился и пять дней не выезжал. Завтра надеюсь увидеть ее.

Мне теперь полегчило — и, кажется, можно будет работать, по крайней мере не будет предлога *не* работать.

Жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3834. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

19(31) октября 1874. Париж.

Париж. 50, rue de Douai.
Суббота, 31/19-го окт. 74.

Любезный брат, вот уже три недели, как я переселился сюда из Буживаля; хотя погода всё еще стояла отличная — но моя комната в Буживале была несколько сыра — а это для подагрического человека скверно. Моя несносная болезнь удаляется (плюю через плечо трикраты, чтобы не сглазить), но на манер парфян, отступая, мещет в меня стрелы[1]. Впрочем, теперь, кажется, я скоро поправлюсь.

Зиму я проведу здесь — а весной что Бог даст.

Надеюсь, что ты здоров и бодр, кончил все твои постройки и устроил твои дела по управлению имением.

Пожалуйста, сходи к Салаеву — и узнай, выслал ли он мне те экземпляры полных моих сочинений, о которых я ему писал. Получи также свой полный экземпляр — все 8 томов[2].

Спасибо за известие о Маслове; я ему написал[3].

Мои здешние все здоровы и благодарят тебя за память. Мы вместе с Виардо купили загородный дом в Буживале с прекрасным парком — дорого немного дали — зато отличное местоположение[4]. Надо будет тебе приехать в будущем году летом и погостить у нас.

Желаю тебе всего хорошего и дружески тебя обнимаю.

Любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3835. П.В. ЖУКОВСКОМУ

20 октября (1 ноября) 1874. Париж.

Любезный Ж⟨уковский⟩. Сию минуту получил от Золя приглашение быть на генеральной репетиции его пиэсы и потому быть у Вас не могу — должен отложить до завтра.

Воскресенье. Ваш Ив. Тургенев.

3836. В.В. СТАСОВУ

23 октября (4 ноября) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Середа, 4 нояб. / 23-го окт. 74.

Любезный Владимир Васильевич, мне очень приятно было узнать, что г-н Брюханов с точностью исполнил мое поручение. Пересланный Вам экземпляр "Илиады" действительно находился в числе книг, составлявших библиотеку В.Г. Белинского. Кто мог быть тот *Александр Иванович*, к кому не однажды обращается Гнедич и заметки которого попадаются неоднократно на полях? По почерку — похоже на А.И. Тургенева. Но он по-гречески знал плохо; как стилист, он тоже не имел особого авторитета. Было бы интересно это разъяснить[1].

Хотя я и не слыву завзятым патриотом, однако всякое проявление поэзии и искусства на Руси меня глубоко радует. И посему с особым удовольствием приветствую вашу двойную новость. Вы мне не пишете — напечатан ли "Гашиш" Кутузова или еще существует только в рукописи. Очень бы хотелось мне его прочесть. Сюжет мне нравится — отличная рама для разнообразных картин[2]. Г-н Щербачев, действительно, как человек, производит впечатление невыгодное; но это ничего общего с талантливостью не имеет — и я был бы весьма Вам обязан, если б Вы выслали мне его произведения, как только они выйдут в свет[3]. Кстати, Вы напрасно полагаете, что Рубинштейн отзывается об них с пренебрежением; мне, по крайней мере, он говорил о г. Щербачеве, как о талантливом молодом человеке.

Здесь Харламов написал изумительный портрет г-жи Виардо. Никакого нет сомнения в том, что равного ему портретиста теперь в целом мире нет — и французы начинают это утверждать сами[4].

Я всё по-прежнему хвораю — да, кажется уже и не перестану хворать.

Засим желаю Вам всего хорошего и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie.* St-Pétersbourg. Monsieur Stassoff.
В С.-Петербурге.
Надеждинская улица, д. Трофимова.
Его высокородию
Владимиру Васильевичу Стасову.

3837. Н.А КИШИНСКОМУ

24 октября (5 ноября) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Четверг, $\frac{\text{5-го нояб.}}{\text{24-го окт.}}$ 74.

Любезный Никита Алексеевич, отвечаю на Ваше письмо от 6/18-го окт⟨ября⟩[1].

1.) Когда будут кончены заказанные Вами кружева, доставьте их Ал. Вас. Топорову — в Петербург, Сергиевская ул., № 2[2]. Также пошлите ему теперь же 100 р. сер.

2.) Буду ждать от Вас присылки "ведомости"[3] — и надеяться, что Ваше нездоровье не повлечет за собою никаких дурных последствий.

3.) Вы можете быть совершенно спокойны насчет сплетен по поводу забранных Вами материалов, драни и т.п. Я не имею привычки обращать на них внимания — и коли доверяюсь, то вполне. Доверие мое к Вам именно такого рода[4].

Так как должность мировых посредников теперь упразднена в России — то, быть может, дело по тапковскому разверстанию пойдет скорее: обратите на это Ваше усиленное внимание — там наших денег пропадает довольно большое количество — и совсем задаром. Приведите это наконец в ясность[5]. Также известите меня, какой окончательный результат получили проектированные Вами продажи земли в Борзенках и Голоплеках[6].

Здоровье мое несколько поправилось — и я начинаю ходить, как все люди, в сапогах.

Кланяюсь спасским жителям и желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

P.S. Мне к концу *марта* будущего года понадобится довольно значительная сумма — *тысяч десять* или *двенадцать* — то надо принимать уже теперь заблаговременные меры. Известите также о том, приступили ли Вы к поправкам и переделкам в спасских флигелях?

3838. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

26 октября (7 ноября) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Суббота, 26-го окт. / 7-го нояб. 1874.

Это очень мило с Вашей стороны, любезнейшая Юлия Петровна, что Вы вспомнили обо мне и прислали свою весьма похожую карточку (я принимаю ее как подарок ко дню моего рождения — он наступает послезавтра, 28-го окт⟨ября⟩, мне *56* лет!) — но зачем же Вы не прибавили хотя двух слов о том, как Ваше здоровье, что Вы делаете, как Вам живется в деревне — и какие Ваши намерения на зиму: Вы по-прежнему располагаете провести ее в Петербурге? Мне было бы очень приятно узнать что-нибудь об Вас от Вас самих. Я всегда чувствовал большое влечение к Вам — но со времени Вашего посещения в деревне[1] полюбил Вас искренно. Надеюсь, что мы еще столкнемся где-нибудь и не слишком поздно.

О себе я Вам скажу, что мое здоровье поправляется — но медленно: всё еще мои ноги не как у всех людей — и за работу я не принялся. Посмотрим, что скажет мой *57*-й год. Многого не жду.

Все мои здесь здоровы и бодры. Моя любимица должна разрешиться от бремени около15-го декабря — и это меня несколько пугает и волнует[2].

Дайте мне весточку о себе — а то я даже не уверен, застанет ли это письмо Вас еще в деревне.

Я жму и целую Вашу руку и остаюсь

душевно Вам преданный Ив. Тургенев.

3839. ПОЛИНЕ БРЮЭР

28 октября (9 ноября) 1874. Париж

Lundi matin.

Chère Paulinette,

Je vais un peu mieux — mais je ne sais pas encore quand je pourrai sortir — dans tous les cas je ne pourrai pas aller prendre

une loge moi-même — aussi t'envoyé-je 50 francs et tu prieras Gaston de retenir une loge, soit pour le "Tour du monde"[1] soit pour le "Demi-monde"[2], à ton choix.

Je vous embrasse tous les trois.

Ivan Tourguéneff.

3840. Н.А. КИШИНСКОМУ
30 октября (11 ноября) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Середа, $\frac{\text{30-го окт.}}{\text{11-го нояб.}}$ 1874.

Любезный Никита Алексеевич, я получил Ваше письмо[1] и ведомость спасской конторы с 1-го апр⟨еля⟩ по 1-е окт⟨ября⟩ нынешнего года. Мне приходится отметить в ней один факт. В течение этих 6 месяцев Спасское, лучшее мое имение, принесло 3289 р. — а расходы по спасскому хозяйству составили 2370 р. — так что собственно прибытку оказалось с небольшим 900 р. сер. Хотя я знаю, что главный доход поступает в зимние месяцы от продажи хлеба и пр. — однако уже не в первый раз мне приходит в голову — не лучше ли решиться наконец — и отдать Спасское в аренду — как, напр., Кадное?[2] Подумайте-ка об этом и сообщите мне свои соображения. Надо будет этот вопрос разъяснить сообща.

Если Вы можете прислать мне теперь же 2000 р. сер. — то сделайте это — так как курс теперь стоит выгодный — т.е. высокий.

Радуюсь тому, что Вы избавились от Вашей простудной болезни — и рекомендую Вам быть как нельзя более осторожным.

К сожаленью, надо предвидеть, что цены на хлеб едва ли оживятся — так как, по случаю хорошего урожая, спрос будет незначительный.

Коли увидите А.В. Шереметева, передайте ему мой поклон — и скажите, что в будущее мое посещение в деревне я непременно постараюсь его увидеть.

В последнем моем письме я просил Вас похлопотать об окончании выкупной операции в Тапках — и теперь повторяю мою просьбу[3].

А впрочем, желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

3841. А.А. ФЕТУ
30 октября (11 ноября) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Середа, $\frac{\text{30-го окт.}}{\text{11-го нояб.}}$ 1874.

Любезнейший А⟨фанасий⟩ А⟨фанасьевич⟩, я виноват перед Вами тем, что, высказав мое откровенное мнение о господине Каткове, упомянул об его влиянии на Вас[1]. Лучше было вовсе не говорить об этом субъекте.

Не могу, однако, не выразить своего удивления Вашему упреку г-ну Каткову в либерализме![2] После этого Вам остается упрекнуть Шешковского в республиканизме и Салтычиху в мягкосердечии. Вас на это станет, чего доброго!

Вы чрезвычайно довольны всем окружающим Вас бытом: ну и прекрасно! Помните, как 20 лет тому назад Вы в Спасском в самый разгар николаевских мероприятий огорошили меня изъявлением Вашего мнения, что выше положения тогдашнего российского дворянина — и не только выше, но благороднее и прекраснее — ум человеческий придумать ничего не может. А потом, как Вы в Куртавнеле рассказывали пораженному изумлением семейству Виардо, что в Берлине король Вильгельм IV-й сечет своих министров, опираясь при этом на авторитет Вашего коафера...[3] Такие антецеденты делают *всё* возможным — всё, кроме хотя мгновенного соглашения между нами двумя по какому бы то ни было вопросу.

Вместо того чтобы толковать о "шаткости" убеждений П.В. Анненкова, я бы посоветовал Вам прочесть — действительно прочесть — его классическую книгу об А.С. Пушкине, перед которым, и он, и я, мы благоговеем не меньше Вас и уже наверное больше того сукина сына, который в "Русском вестнике" извергнул какую-то дрянную слюню по поводу этой мастерской монографии[4]. А пока позволю себе выписать из только что полученного мною письма того же П.В. Анненкова следующие золотые строки:

"Мало ли что можно наговорить на Европу: это мальчик резвый, беспрестанно выделывающий разные штуки, и которого по всей справедливости можно сечь каждый день. Но противопоставлять ему — и с торжеством — жирного плаксу, который тихо сидит там, где его посадили, и никогда не учит более того, что задано — этого не одобряю"[5].

Душевно радуюсь успехам Пети — и готов верить в его необыкновенные способности; но, признаюсь, не понимаю Вашего восклицания: *"Никакой эстетической способности! Это просто Зевесов орел!!"* До сих пор очень умных и замечательных детей — *не* оппозиционистов, *не* либералов — я не встречал (не говорю, чтобы они таковыми оставались) — ссылаюсь на самого того Шиллера, о ком Вы упоминаете[6]; но, может быть, новое время... vous avez changé tout cela[7]. На здоровье!

Это последнее слово заставляет меня faire un triste retour sur moi-même: оно плохо, и, как Вы совершенно справедливо замечаете, вероятно, останется таковым навсегда.

Желаю Вам лучшего, благодарю Марию Петровну за память и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3842. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

4(16) ноября 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Montag, d. 16. Nov. 74.

Mein lieber Pietsch, Ihr Brief hat mir viel Freude gemacht. An Ihrer Freundschaft habe ich nie gezweifelt — es ist aber immer angenehm — einen so warmen Händedruck zu empfangen[1].

Nach Paris müssen Sie ganz gewiss kommen! Frau Viardot hat schon an *Halangier* (den Director der Grossen Oper) geschrieben — und eine rücksichtsvolle Antwort bekommen. Sie werden einen Platz haben (was, beiläufig gesagt, beinahe eben so leicht — oder so schwer ist — als seinen eigenen Ellbogen zu beissen). Die Eröffnung geschieht wahrscheinlich Anfang Januar[2].

Grüssen Sie Julian Schmidt — und sagen Sie ihm — ich habe sein Buch schon längst bei einer hiesigen Buchhandlung bestellt — es ist noch immer nicht da — ist es in Leipzig erschienen?[3] Wie könnte man sein "Essay" über Frau Stein zu lesen bekommen?[4] Die "Deutsche Rundschau" hat man mir zugeschickt — die Storm'sche Novelle hatte ich noch nicht gelesen — werde es aber jetzt gleich thun[5].

Potz Blitz! Was sind die Kunstwerke bei Euch in Berlin theuer! Unerschwinglich für unser einen![6] Wenn Sie nach Paris kommen — wird das Portrait der Frau Viardot von meinem Landsmann Harlamoff fertig sein. Es hat nur 3000 F-s gekostet — und dennoch behaupte ich steif und fest: es gibt

jetzt *keinen* Maler auf dem ganzen Erdrund, der so etwas leisten kann. Freilich lässt er sich jetzt ⟨für⟩ seine Portraits 10 000 Fr. zahlen — wir haben ihn im Moment des Aufblühens ergriffen[7].

Ich bekomme eben die letzten Correkturbogen der "Skizzen"... O der Wonne! Nein — einen so miserablen Uebersetzer hat es noch nicht gegeben. Ich schreibe es dem Berserker![8] In "Tchertapkhanoff's Ende" sagt zum B. der Diakonus: Ihr seid ein kluger Mann, *Aki Rebb*!" Wer ist dieses neue talmudartige Individuum? Auf Russisch steht: "aki Lew" — *wie ein Löwe*! Und sic in infinitum. Das war eine wahre Qual — dieses Verbessern! In seinen eigenen Quark die Nase zu stecken — ist schon so nicht angenehm — und nun dieses verfluchte "Ungefähr". Ein anderes Beispiel. "Ssajelka" heisst auf Russisch eine "*Lache*" — une mare; der Herr Uebersetzer kennt das Wort nicht — glaubt aber — es käme vom Verbum: "ssajat" — pflanzen. Also muss es ein Baum sein. "Ssajelka" hat aber im Original ein Epitheton — das *schmutzig* heisst: wir sagen also — *düster, dunkel*; und aus einer "schmutzigen Lache" wird ein "schatiger Baum" u. s.w. u. s. w. Hole der Teufel den Berserker!

Grüssen ⟨Sie⟩ bestens Familie und Freunde.

Ihr getreuer I.T.

P.S. Der Familie V⟨iardot⟩ geht es gut, obgleich alle die Grippe haben; Didie ist sehr nervös — der letzte Monat!!

3843. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

4(16) ноября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Понедельник, 16/4-го нояб. 74.

Вчера, любезнейший М⟨ихаил⟩ М⟨атвеевич⟩, я Вам отправил ответную телеграмму[1] — а вчера вечером получил от Шарпантье прилагаемое письмо, из которого Вы увидите, что Вам можно успокоиться и корректурные листы не опоздают[2].

Я до сих пор не получил октябрьской книжки "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩". При известной, можно сказать, классической Вашей аккуратности никакого нет сомнения, что редакция "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" тут ни при чем: не было ли какой задержки на почте?[3]

Передайте Вашей супруге мой усердный поклон и сожаление, что мне не удалось увидеть ее в Париже.

Не мытьем, так катаньем: вот 3-я неделя, как меня терзает грипп, явившийся на смену катковке[4]; впрочем, и он, кажется, теперь начинает проходить.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3844. П.В. АННЕНКОВУ

6(18) ноября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Середа, 18-го нояб. 74.

Милый Павел Васильевич, вот мы уже перевалились за вторую половину ноября — а день Вашего приезда еще остается в тумане — и скажу более — в эту минуту даже звать Вас сюда не решаюсь — ибо весь без исключения Париж страдает гриппом и катаром — а я так вот третью неделю не выхожу из комнаты — и, что делается с моим носом, горлом и головою, даже трудно описать — и конца этому безобразию не предвидится. С приехавшими и уже уехавшими Мухортовыми, с величественным Арапетовым, с милейшим П.В. Жуковским, с Плетневой (которая сама очень нездорова) я почти видеться не мог. Надобно переждать эту напасть, явившуюся на смену подагры.

А так как я желаю насладиться Вашим пребыванием в Париже — для чего нужна та "liberté d'aller et venir", над которой так смеялись (в преамбуле конституции 1848-го года)[1] — то я Вам говорю: "Потерпите еще маленько!" А будет Вам что показать — хотя бы картины *Харламова*, молодого соотечественника, *величайшего современного* портретного живописца. Это говорю не я один — говорит сам строгий старик Виардо и повторяют за ним другие французы[2].

Надобно же было так случиться, что именно октябрьской книжки "Вестника Европы" я не получил! Продолжение пыпинской статьи в ноябрьском N-е тоже весьма интересно[3]. А каковы последние "Благонамеренные речи" Щедрина в "Отеч⟨ественных⟩ записках"! Лакомство, изумление, восторг![4]

Здесь в доме тоже все более или менее поражены катаром — да, сверх того, у всех душа не на месте от близости родов моей милой Диди.

Впрочем, ожидание, тревожное ожидание — характеристический признак нынешнего времени в Париже, во Франции. Чем-нибудь оно должно разрешиться — до Ново-

го года. Вот будет штука, если утвердится республика?! Чего не бывает![5]

Читали ли Вы телеграмму об арестовании *3000* заговорщиков в Петербурге — будто бы покушавшихся на жизнь государя? Что за сумбур?! Но что много арестов произведено — не подлежит сомнению[6].

Кланяюсь Вашей супруге, целую деток и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Прочтите новый роман Альфонса Доде (Daudet) "Fromont jeune et Risler aîné": очень хорошая вещь[7].

P.S. ⟨S.⟩ Коли увидите ярого переводчика Михайлова, скажите ему, что я получил от г-жи Маркс музыку — и непременно *до* Нового года вышлю обещанное предисловие[8]. Вообразите, меня здесь уверяли, будто он — *шпион*!!! Вот чепуха![9]

3845. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

6(18) ноября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Середа, 18/6-го нояб. 74.

Любезный брат,

Отвечаю на твое письмо от 28-го окт⟨ября⟩/9-го нояб⟨ря⟩[1]. Что касается до Салаева и его оправданий, то они не имеют смысла: я не думал требовать аккуратности, как от логарифмических таблиц; я желал (и мое желание было очень умеренное), чтобы новое издание, *сделанное с печатного*, было бы по крайней мере *не хуже* прежнего, *самим Салаевым напечатанного*. А вышло следующее: в старом издании было около *150* опечаток; а в новом *с лишком 2000*. Салаев вздумал поэкономничать на корректуре — и эта économie de bouts de chandelle обрушится на его же голову — да и на мою кстати[2].

Купили мы с Виардо очень красивую виллу с парком в Буживале — в часовом расстоянии от Парижа — за 180 000 франков[3]. Цена была бы невысокая, но мы, comme de jeunes étourdis, купили дом, *не осмотрев* его предварительно через архитектора... и оказалось необходимых поправок на 15 000 фр.!! Я прибавил бы: урок вперед, если б мы, во-первых, не были уже для этого слишком стары — а во-вторых, если б урок когда-нибудь чему-нибудь мог послужить! Дело сделано — не надо больше об этом думать.

Теперь вот какая у меня будет просьба: сходи ты, пожалуйста, к И.И. Маслову — и спроси его, исполнил ли он то, о чем я ему писал — и если еще не исполнил, то чтобы сделал одолжение и неотлагательно исполнил бы, так как я в том весьма нуждаюсь[4]. Пожалуйста, не забудь сходить к нему.

Здоровье мое всё еще не совсем удовлетворительно: вот уже более трех недель, как меня мучит грипп; но, по крайней мере, подагра притихла.

Дружески тебя обнимаю и остаюсь

любящий тебя брат Ив. Тургенев.

3846. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

10(22) ноября 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Sonntag, d. 22. Nov. 74.

Werther Herr,

Heute habe Ich den letzten Correcturbogen der "Jägerskizzen" an die Fröbel'sche Buchdruckerei abgeschickt und glaube Sie davon benachrichtigen zu müssen. Zugleich muss Ich Ihnen aufrichtig gestehen, dass, wenn es unmöglich ist, einen besseren Uebersetzer für meine Sachen zu verschaffen, es mir lieber wäre, das ganze Unternehmen zu sistiren. Es kostet mir zu viel Zeit, und überhaupt ist mir die ganze Arbeit sehr fatal. Der Herr Übersetzer hat eine höchst oberflächliche Kenntniss der Russischen Sprache; jedes nicht ganz gewöhnliche Wort, jede etwas originelle Wendung ist ihm wildfremd, und er stürzt sich dann in das so missliche Reich des "Ungefähr", wobei die wunderlichsten, unglaublichsten Sachen herauskommen!! Zu hunderten könnte Ich Ihnen die Exempel zitieren, wo der Sinn des Originals grade zu auf den Kopf gestellt wird! Z. B.: da ist das Wort: ssajelka — kleiner Teich, Pfütze. Der Herr Uebersetzer kennt es nicht, aber *ssajat* heisst: pflanzen — also wahrscheinlich ist das Ding ein *Baum.* Da steht aber ein Epitethon, das "dunkel, schmutzig" heisst; — schmutziger Baum... unmöglich! Also schattiger Baum. Gut. Man spricht aber von Enten... in einem *Baum* können die Enten doch nicht *plätschern...* Also machen wir *Tauben* daraus. Und so wird getrost geschrieben: "Tauben sitzen auf einem schattigen Baum" — anstatt: Enten plätschern in einer schmutzigen Pfütze, et sic in infinitum! Und das nennt man eine Uebersetzung[1].

Das kann so nicht weiter gehen. Also, bester Herr Behre — entweder einen andern Uebersetzer — oder genügen wir uns mit den neun erschienenen Bändchen.

Haben Sie die Güte, lassen Sie, wie Sie es bis jetzt gethan haben, 6 Exemplare der "Skizzen" ⟨mir⟩ zukommen, und dann noch an die Herrn

Ludwig Pietsch und Julian Schmidt in Berlin
Professor Friedländer in Königsberg
Frau Professorin H. Seegen, Wien, Parkring, Liebenberggasse, № 7.
Paul Heyse in München
und Professor Lübke in Stuttgart —

jedem 1 Exemplar.

Sie würden mich dadurch zu grossem Dank verpflichten.

Empfangen Sie die Versicherung meiner ausgezeichneten Hochachtung.

Iwan Turgénjew.

3847. ЮЛИУСУ РОДЕНБЕРГУ

13 (25) ноября 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Mittwoch, d. 25. Nov. 74.

Werthester Herr Rodenberg,

Ich muss mich sehr entschuldigen, nicht gleich auf Ihren liebenswürdigen Brief geantwortet zu haben. Ich bin diese ganze Zeit unwohl gewesen — und bin noch jetzt nicht recht gesund. Es wird mich sehr freuen, als Mitarbeiter in Ihrer "Rundschau" aufzutreten; nur kann ich das "Wann" noch nicht bestimmen[1]. Ich habe zwei Arbeiten vor — einen sehr langen Roman und eine sehr kurze Erzählung: der Roman würde jedenfalls für Sie nicht passen; die Erzählung steckt mir bis jetzt nur im Kopfe. Sobald sie auf's Papier kommt, werden Sie sie in Ihren Händen haben — wahrscheinlich im russischen Text: hoffentlich *vor* Ende Januar[2]. Alles Uebrige wird sich leicht arrangiren lassen.

Die erste Nummer der "Rundschau" habe ich gelesen — und wünsche Ihnen Glück dazu[3].

Sie haben wohl Recht zu sagen, dass Sie das Höchste anstreben; und hoffentlich werden Sie es erreichen. Deutschland muss doch auch endlich seine "Revue des deux Mondes" haben[4].

Kommen Sie nicht im Winter nach Paris? Nach Berlin komme ich erst im Frühjahr.

Empfangen Sie die Versicherung der freundschaftlichsten Gefühle

Ihres sehr ergebenen Iwan Turgénjew.

3848. В.В. СТАСОВУ

13(25) ноября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Середа[a], 25/13-го нояб. 74.

Любезный Владимир Васильевич, сожалею о невозможности (надеюсь, временной) выслать мне произведения гг. Щербачева и Кутузова[1] и прошу Вас не забыть меня, когда придется.

Поступок Каткова достоин его; этому человеку следовало бы быть бонапартистом — до такой степени он лжет самоуверенно и нагло. Когда печатались "Отцы и дети", меня совсем не было в Москве — я находился в Париже — а рукопись романа была передана мною г-ну Н.Ф. Щербаню, который из Москвы извещал меня о требованиях и опасениях редакции. Прилагаю вам записочку этого самого Щербаня, который находится теперь в Париже — и, прочитав заявление "Моск⟨овских⟩ ведомостей", пожелал восстановить факты. Но, *во-первых*, сам-то он достаточно дрянной человечек — с которым мне не желательно знаться; а, *во-вторых*, у меня ко всякого рода литературным дрязгам, объясненьям и кляузам положительное отвращение. Черт их совсем побери! Я все-таки виноват был в том, что согласился на урезывания "Русского вестника", по крайней мере, не протестовал против них — и еще больше в "Дыме", чем в "Отцах и детях". Надо было знать, с какими мазуриками я имел дело. Вот уж точно: "Не тронь г⟨...⟩на, не воняет"[2].

Что сказать о г-не Тютрюмове? Сам публично ошельмовал себя человек. Вот никто бы его имени не помнил — а теперь всякий раз, когда оно кому придет на память, непременно к нему присоединится восклицание: "сукин сын!" — или "дурак!" И как подумаешь, что дураком будут величать г-на Тютрюмова люди добрые и снисходительные... Постарался об себе человек — нечего сказать![3]

---

[a] *Было*: четверг.

Здоровье мое всё еще не совсем удовлетворительно: вот уже скоро 3 недели, как я не выхожу из комнаты.

Дружески жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie*. St.-Pétersbourg. Monsieur V. Stassoff.
В С.-Петербург.
Надеждинская улица, дом Трофимова.
Его высокородию
Владимиру Васильевичу Стасову.

3849. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

14(26) ноября 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Donnerstag, d. 26. Nov. 74.

Lieber Freund,

Ich habe in der letzen Zeit viel von Ihnen bekommen und gelesen:

1. Ihre "Charakterbilder", in denen Sie meiner so schön und ehrevoll gedenken[1];

2. Ihren Artikel über Flauberts "Antoine"[2] und

3. Ihren Essays über Frau Stein den mir Freund Pietsch geschickt hat und wo Sie, wie gewöhnlich den Nagel auf den Kopf treffen[3].

Für dies alles muss ich mich bestens bedanken. Was die "Tentation" betrifft, haben Sie — leider — ganz recht — und ich muss gestehn, dass das merkwürdige Buch eigentlich ungeniessbar weil unmenschlich ist.

Von mir ist gar nichts neues erschienen, sonst hätten Sie es gleich gehabt. — Ich habe eine grosse Arbeit vor — der Vorwurf scheint mir gut — und ich glaube, ich habe noch etwas zu sagen und zu zeigen, aber mit dem Schwarz auf Weiss bringen, geht es leider immer noch nicht[4].

Mit der Correktur der "Jagdskizzen" bin ich endlich fertig geworden — das war ein schweres Stück Arbeit[5]. — Sie werden sie von der Verlagsbuchhandlung bekommen, aber da ist nur eine kleine und unbedeutende Skizze für Sie neu[6].

Es freut mich, dass Ihnen der "Zola" gefällt[7]. — Sein neuer Roman oder eingentlich die Fortsetzung seines grossen Romans, ist fertig, erscheint aber erst im Februar[8].

Ich schicke Ihnen morgen einen Roman eines andern Autors von der selben Schule — nur etwas weicher und feiner. Der

Autor heisst Alphonse Daudet und das Buch, "Fromont jeune et Risler aîné"[9]. Ich glaube, Sie werden daran Geschmack finden.

Ich habe Rodenbergs — "Rundschau" bekommen. — Unter uns gesagt, kommen mir die beiden Sachen von Auerbach und Storm sehr schwach vor. Pietsch hatte mir "Waldinsel" köstlich gelobt: aber da ist keine Figur, die einen packen kann; psychologische Andeutungen, Poesie, aber die Andeutungen eröffnen keine Perspektive und die Poesie ist matt. Auerbachs Geschichte ist nun gar nicht[10].

Die besten Grüsse Ihrer Frau und den Freunden. Ich drücke Ihnen herzlich die Hand.

Ihr

Iw. Turgénjew.

3850. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

15(27) ноября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Пятница, 27/15-го нояб. 74.

Вы мне написали чудесное письмо[1], милая Юлия Петровна, оно весьма живо перенесло меня в ту деревенскую зимнюю глушь, с которой Вы, по-видимому, так отлично свыклись. Не сомневаюсь в том, что Вам теперь — *пока* — там очень хорошо; многое в жизни представилось бы человеку тяжким испытанием, если б не мысль об этом "пока", которое сливается с ожиданием другого, более светлого — или просто неопределенного будущего... На этом "пока" можно прокатиться — полусознательно, полузадумчиво — до самого конца существования. Притом то Ваше прошедшее, которого я не знаю, но которое, наверное, до сих пор занимает важное место в Вашей духовной жизни, наполняет некоторым образом Ваше настоящее, отнимая у Вас даже желание чего-нибудь нового — и навевая на Вас чувство резиньяции и смирения[2]. Всё это прекрасно, но Вы еще настолько молоды, что не можете серьезно думать об устройстве себе гнезда — где бы "состариться и умереть"! Во всяком случае мне (я теперь говорю с эгоистической точки зрения), мне бы хотелось встретиться с Вами *до* подобного окончательного устройства Вашей судьбы и до окончательного моего превращения в старики (о *моей* молодости речи быть не может). Пять дней, проведенных нами вместе в деревне[3], показали мне, что между нами много симпатии — хотелось бы возобновить это сближение без нелепого и до-

садного аккомпанемента болезни. А потому мне было[a] очень приятно узнать, что Вы весной собираетесь в Мариенбад и в Париж. Надо только устроить так, чтобы не "разминуться", как говорят малороссы. Я в *начале* будущего мая уезжаю на шесть недель в Карлсбад — Вы знаете, что это о бок с Мариенбадом — вот бы Вам также о ту пору туда приехать![4] Отлично было бы — как Вы полагаете? Напишите мне, что Вы об этом думаете.

А мне здесь, в Париже, всё еще не совсем хорошо. Подагра под той или другой формой не выпускает меня из когтей и мешает мне работать.

Вы говорите о снежных степях и метелях (помните, у Пушкина: "Как дева русская свежа в пыли снегов!" Предыдущий стих отыщите сами)[5]. А у нас хотя холодновато — зато солнце еще светит — только я им мало пользуюсь — из дома не выхожу.

Спасибо за совет насчет "*аконита*"; я им непременно воспользуюсь. Событие всё ближе да ближе... и мне жутко. Я Вам напишу результат[6].

Вы жмете мои руки, а я целую Ваши — дружески, долго и нежно.

Будьте здоровы.

Ваш Ив. Тургенев.

3851. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

15(27) ноября 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Freitag, d. 27. Nov. 74.

Um Gottes willen, Pietschie carissime, wie können Sie sich so viel böses Blut, so viel herbe Vorwürfe wegen der "Jagdskizzen" machen?![1] Da sind Sie recht der Mann des Superlativs!! Sie haben alles gethan, was in Ihren Kräften lag, ich habe mich über den Herrn Uebersetzer geärgert — jetzt ist das alles von den Fluthen der Vergessenheit verschlungen — und es bleibt mir nur noch übrig, Ihnen meinen besten Dank für Ihre Mühe zu sagen. Also Sie kommen nach Paris — Bravo![2] Das ist eine gute Idee. Wir machen noch ein kleines hübsches Diner zusammen, wenn mich auch die Gicht nicht in Ruhe lässt!

Ich habe mich über den "Waldwinkel" hergestürzt... und... und muss bekennen, dass ich Ihren gewöhnlichen kritischen

[a] *Далее зачеркнуто*: бы.

Scharfsinn vermisst habe[3]. Mein Freund, dieses Storm'sche Product ist schwach, "ich schwör' es bei unsrer Liebe!" — wie Ottavio im "D⟨on⟩ Juan" singt[4]. Alles ist hart, unmotivirt — man wird von keiner der 3 Figuren gewonnen, selbst vom Hund nicht, der auch etwas litterarisch aussieht — und die Poesie wird wie Butter aufgeschmiert. Vielleicht irre ich — aber vielleicht auch Sie[5].

Hier geht alles den gewohnten Gang — man ist voller Erwartung[6] (à propos, was sagen Sie zu den Municipalwahlen?[7]). Grüssen Sie Familie und Freunde. Ich drücke Ihnen herzlich die Hand.

Ihr Iw. Turgénjew.

3852. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

15(27) ноября 1874. Париж

50, rue de Douai.
Vendredi.

Mon cher ami,

J'ai reçu une réponse de Sta-ssu-le-vitch[1], et j'ai besoin de vous voir. Puis j'ai à vous montrer quatre articles sur vous dans un journal de Vienne[2]. Venez dimanche chez Flaubert vers 3 h.1/2, j'y serai.

Mille amitiés.

Tout à vous Iv. Tourguéneff.

3853. И.И. МАСЛОВУ

17(29) ноября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Воскресение, 29/17-го нояб. 74.

Милый друг Иван Ильич, третьего дня получил я твое письмо[1] — а вчера получил по векселю сполна все деньги, которых оказалось гораздо больше, чем я ожидал.

"За всё, за всё тебя благодарю я", — как сказано у Лермонтова[2]; а какие еще остались у тебя мои рубли, то я их получу впоследствии, когда сам отъявлюсь — весной — в Россию[3].

Сердечно радуюсь благодатному влиянию на твое здоровье крымского и кавказского климата; не сомневаюсь в том, что ты теперь совсем молодец[4]. Что же касается до меня, то мои немощи и хворости всё еще не хотят пройти: вчера был в меня великий С.П. Боткин — и, ощупав меня все-

го, особенно остался недоволен моими *коленями*, в которых свирепствовала подагра, и присоветовал мне прибегнуть к электричеству. Я со вчерашнего вечера начал себя тормошить этой новой методой. Посмотрим, что из этого выйдет.

Статью Аксакова о Ф.И. Тютчеве я прочел: она прекрасна, особенно первая часть. С его воззрением на спасение Европы, якобы зависящее от принятия ею нашей православной веры, я еще вполне свыкнуться не могу — и нахожу его даже несколько странным. А впрочем — чего не бывает![5]

Императрица едет отсюда завтра в Сан-Ремо, на берег Средиземного моря — и Боткин с нею[6].

У вас, говорят, снежные метели занесли все улицы — а здесь солнце светит и 5, 6 градусов выше нуля. Но я до сих пор этим мало пользовался, будучи принужден сидеть дома.

Засим дружески тебя обнимаю и остаюсь

любящий тебя Ив. Тургенев.

3854. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

17(29) ноября 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Воскресение, 29/17-го нояб. 74.

Любезнейший Михаил Матвеевич, сейчас получил Ваше замшевое письмо с 150 р. сер. — и сегодня же дам знать об этом Шарпантье[1]. Оказывается, что в Париже выгоднее меняют наши рубли, чем в Петербурге: здесь дают 3 ф. 44 сант.

Засим дружески жму руку и желаю всего хорошего.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Октябрьский № "Вестника Е⟨вропы⟩" получил — и очень благодарю[2].

3855. ПОЛИНЕ БРЮЭР

19 ноября (1 декабря) 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Mardi, 1-er déc. 74.

Chère Paulinette,

Voici encore une machine qui m'arrive et que tu auras la complaisance de remettre à ton mari[1]. Décidément il faut que je me défasse de cette chasse avant qu'elle ne me ruine.

Je vais enfin mieux et je commence à sortir. C'est très malheureux que j'aie été pris comme cela tout le temps de ton séjour à Paris[2].

J'espère que vous allez bien tous les trois — et je vous embrasse.

Si je puis encore essayer de tirer quelque pièce de gibier à Rougemont, je t'en avertirai d'avance.

Tout à toi Ivan Tourguéneff.

3856. Н.А. КИШИНСКОМУ

19 ноября (1 декабря) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Вторник, 1-го дек. / 19-го нояб. 74.

Любезный Никита Алексеевич,

Вчера получил я от Ахенбаха вексель в 1600 р. сер. Но Вы напрасно послали эти деньги à vue — а не на три месяца. Эдак я потерял около 100 фр. Впрочем, беда небольшая.

Надеюсь, что Вы здоровы и что всё в Спасском идет как следует. Не знаю, писал ли я Вам, что мне в течение нынешней зимы, а именно к 15-му марта нынешнего стиля, нужно будет — сверх обычных доходных сумм — 15 000 р. сер. Предложите Ваши соображения, каким образом мне эти деньги достать, посредством продажи отдельных участков земли или другими способами. Времени остается еще 3 месяца с половиною — но меры нужно принять заблаговременно.

Здоровье мое поправляется. Кланяюсь всем спасским жителям и остаюсь

доброжелатель Ваш Ив. Тургенев.

3857. П.Л. ЛАВРОВУ

23 ноября (5 декабря) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Суббота, 5 дек. 74.

Любезнейший Петр Лаврович, виноват, что не тотчас отвечал Вам[1] и не поблагодарил за присылку брошюр, которые я прочел со вниманием и удовольствием[2]. В Вашей полемике против Ткачева Вы совершенно правы; но молодые головы вообще будут всегда с трудом понимать, чтоб можно было медленно и терпеливо приготовлять нечто сильное

и внезапное... Им кажется, что медленно приготовляют только медленное — вроде постепенной реформы и т.д.[3] Это самое впечатление выносят молодые люди из чтения Вашего журнала, который в большом количестве проник в Россию и получил там авторитет и значение. Жду с нетерпением третьего тома[4]. Надеюсь, что он в дельности не уступит второму.

Меня в России в начале июня схватила подагра — и только теперь начинает ослабевать. Это многому и много помешало. Впечатления, вынесенные мною с родины, не могут быть вкратце высказаны; в общей сложности они не дурны — хотя во всех официальных сферах и в литературе утешительного мало. Особенно литература находится в совершенном упадке — всякие живые воды в ней иссякли — это чувствуется всеми[5].

Я видел здесь нашего несокрушимого юношу Л⟨опати⟩на; он умница и молодец по-прежнему и сообщил мне много интересных фактов — светлая голова!

Я останусь в Париже до весны; может быть, приеду в Лондон на несколько дней в начале будущего года; но это не наверно.

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

3858. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

23 ноября (5 декабря) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Суббота, 5-го дек. / 24-го[а] нояб. 74.

Любезный друг Яков Петрович, вчера получил я твое письмо[1] — и спешу отвечать. Огорчает меня твое упорное нездоровие — но известие, что ты работаешь и получил некоторую финансовую поддержку при редакции "Пчелы" (которой желаю вскорости перевалить за 4000 подписчиков), меня радует[2].

Поручение я твое исполню с аккуратностью, хотя Паннемакер не только не лучший из здешних ксилографов — но из числа посредственных, что, между прочим, видно и по его работе в книге П. Полевого[3].

[а] *Так в подлиннике.*

Харламов только собирается написать мой портрет. Он написал портреты г-на и г-жи Виардо — удивительные — это, бесспорно, первый портретист мира — и здесь он производит впечатление громадное[4].

О "Пчеле" я знал из "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостей" — и даже о передряге с Н.Н. Ге. Отсутствие в ней этого плохого живописца не должно вас особенно печалить[5]. Но что я могу сделать для "Пчелы"? Единственная вещь, которую я давным-давно обещал "Вестнику Европы", совсем не подвигается — да и вряд ли подвинется...[6] Я человек поконченный в литературном отношении — и на меня рассчитывать более нельзя.

Здоровье мое, однако, маленечко поправилось — хотя колени всё еще плохи и взбираться на лестницу для меня подвиг.

Я напишу тебе результат моих объяснений с Паннемакером[7].

А пока желаю тебе всего хорошего и дружески жму тебе руку.

Преданный тебе Ив. Тургенев.

,3859. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

23 ноября (5 декабря) 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Samedi, 5 déc. 74.

Mon cher ami,

Ja l'ai dit avant-hier à votre fils: je suis devenu un vieux chiffon qui n'est plus bon à rien.

Cependant j'ai donné mon "Pounine et Babourine" refait et retravaillé à traduire — et dans *trois* semaines au plus tard vous aurez le manuscrit que vous donnerez au "Temps" — si vous ne préférez pas le jeter au feu tout de suite[1].

Et ce déjeuner avec vous que je *me* suis promis? Je vous le dis, *en vérité* — je tombe en enfance. Je viendrai très certainement *lundi*, si je ne l'oublie pas encore une fois. Alors — malédiction sur ma tête! En attendant je vous serre la main bien cordialement — car l'amitié n'est pas de ces choses que j'oublie.

T⟨out⟩ à v⟨ous⟩ J. Tourguéneff.

3860. А.В. ТОПОРОВУ

26 ноября (8 декабря) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Вторник, 8-го дек. / 27-го[a] нояб. 74.

Любезнейший Александр Васильевич, я сейчас получил Ваше письмо[1] — и недоумеваю: в чем Вы можете извиняться? Вы, исправнейший изо всех корреспондентов и комиссионеров! Что касается до Иогансена, то попросите его, как только напечатаются романсы[2] (за которые я уже заплатил вперед), отдать *Вам* по *6* экз. каждого, которые Вы мне перешлете точно так же, как Вы переслали мне книгу Полевого (за которую весьма благодарю Вас)[3] — и прочее. Сделаете сверточек — и марш по почте. Штука нетрудная.

Вы бы меня весьма одолжили, подписавшись на мое имя:

Ivan Tourguéneff, rue de Douai, 50, Paris —

на следующие издания:

1.) "Отечественные записки",
2.) "Русский архив",
3.) "Русская старина",
4.) "Голос",
5.) "С-П⟨етер⟩бургские ведомости".

"Вестник Европы" и "Неделя" мне высылается без подписки[4].

Посмотрим, какие у Вас совершатся в высших сферах перемены: здесь также ожидают много нового[5]. А может быть, всё останется по-старому — и здесь, и там.

Мое здоровье поправилось — и я *собираюсь* работать.

Передайте мой дружеский поклон Петровым и Рагозиным.

Желаю Вам всего хорошего.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Не можете ли Вы узнать: недели три тому назад совершилось в Петербурге убийство или самоубийство одного молодого человека — на котором нашли письмо, адресованное г-же *Дехтяревой*. Как имя этого молодого человека? Не Дехтярев ли?[6]

---

[a] *Так в подлиннике.*

3861. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 ноября (9 декабря) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Середа, $\frac{\text{9-го дек.}}{\text{28-го}^{а}\text{ ноябр⟨я⟩}}$ 74.

Любезный Михаил Матвеевич, посылаю Вам, ради порядка, расписку ⟨Шарпантье⟩[б]. Вы видите, что промен в Париже полутораста рублей[в] оказался на 6 1/2 фр. выгоднее, чем в Петербурге.

Надеюсь, что у Вас теперь переводное дело кипит, что Вы довольны романом Золя[1], что подписка на "В⟨естник⟩ Е⟨вропы⟩" идет хорошо — а главное, что Вы здоровы и бодры. Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3862. А.А. ФЕТУ

28 ноября (10 декабря) 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Четверг, $\frac{\text{10 дек.}}{\text{29-го}^{а}\text{ ноябр⟨я⟩}}$ 74.

Любезный Шеншин, сегодня я получил Ваше письмо — а четвертого дня пришло ко мне письмо Полонского[1], из которого выписываю Вам следующий пассаж:

"Фет (Шеншин) распустил про тебя, будто ты в свой последний приезд говорил с какими-то юношами (слышал: с племянниками Милютина, порученными надзору и попечению Ф⟨ета⟩-Ш⟨еншина⟩) — и старался заразить их жаждой идти в Сибирь...

В первый раз я слышал это от Маркевича у кн. Мещерского тому назад недель пять-шесть... На днях я опять слышал повторение этого слуха с тою же ссылкой на Ф⟨ета⟩-Ш⟨еншина⟩".

Вспоминая свой разговор у Милютиной с ее сыном и Петей и зная Вашу охоту к преувеличиванию и прочие привычки, говорю Вам без обиняков, что я вполне верю тому, что Вы действительно произнесли слова, которые Вам приписывают — и потому полагаю лучшим прекра-

---

[а] *Так в подлиннике.*
[б] *В подлиннике, очевидно, описка*: Шевализ.
[в] *Было*: франков.
[а] *Так в подлиннике.*

тить наши отношения, которые уже и так, по разности наших воззрений, не имеют "raison d'être"[2]. Признаюсь, я не вижу, что может быть общего между мною и *мировым судьею*, который серьезно упрекает *здоровенных* мужиков, зачем они *не отбили концом дуги печенок у пойманного вора* — и даже хвастается этим, словно не понимая безобразия своих слов[3].

Откланиваюсь Вам не без некоторого чувства печали, которое относится, впрочем, исключительно к прошедшему — желаю Вам всех возможных благ и преуспеяния в обществе гг. Маркевичей, Катковых и других ejusdem farinae.

Передайте также мой прощальный привет Вашей любезной супруге, с которой мне уже, вероятно, не придется свидеться.

Ив. Тургенев.

3863. ПОЛИНЕ БРЮЭР

Октябрь–ноябрь 1874. Париж

Chère Paulinette,

Voici 3 jours que je ne sors pas grâce à un horrible rhume — viens me voir demain matin avec Jeannette.

Je t'embrasse.

I. Tourguéneff.

3864. ЭДМОНУ ГОНКУРУ

Ноябрь 1874. Париж

50, rue de Douai.
Lundi, 11 h. du soir.

Mon cher ami,

L'archine russe a 71 centimètres avec une fraction insignifiante; l'*archine* se divise en 16 *verchok* (c'est là ce que veut dire le *v*, dont vous parlez); un verchok a donc à peu près (une idée moins) 4 centimètres et demi. Quatre verchok et demi font un peu plus de 20 centimètres, etc. Je profite de cette occasion pour vous remercier (ce que j'aurais du faire depuis longtemps) de l'envoi de vos deux beaux volumes, que j'ai dévorés — et où j'ai appris une foule de choses, que j'ignorais parfaitement[1].

Flaubert parle de reprendre *nos* dîners, dont le premier a si bien réussi. Ce serait gentil tous réunis[2]. Venez chez lui dimanche entre 2 et 4 — j'y serai et nous en causerons. Puis je

tiens à vous montrer (comme à l'homme le plus savant en XVIII-me siècle) une plaque en bronze que je viens d'acheter pour un rien — et qui représente Mars et Vénus *à la Boucher*. La Vénus me semble tout bonnement une petite merveille — vous me direz ce qui en est.

Je vous serre la main bien cordialement.

Tout à vous J. Tourguéneff.

3865. ПОЛИНЕ БРЮЭР

4(16) декабря 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Mercredi, 16 déc. 74.

Voici, ma chère Paulinette, les 1550 fr. qu'il faut pour la location de la chasse. Il est évident que j'ai peu d'espoir, avec ma goutte, d'en tirer grand plaisir ou profit: et je crois que le mieux serait en effet de la sous-louer ou de la céder au Duc, s'il en veut[1]. Je donne plein pouvoir à Gaston.

Si l'on peut s'arranger de façon à ce que je puisse venir chasser encore une fois au commencement de janvier — tant mieux.

Ma santé s'est à peu près rétablie et je regrette tout autant que toi, qu'elle ait été si mauvaise pendant ton séjour à Paris[2].

J'espère que vous allez bien tous. Dans cinq ou six jours je me ferai le plaisir de vous envoyer vos étrennes[3].

En attendant — Didie nous tient tous le bec dans l'eau.

L'événement n'a pas encore eu lieu![4]

Je vous embrasse tous les trois bien affectueusement.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Accuse-moi réception de cette lettre.

3866. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

4(16) декабря 1874. Париж

Paris.
50, Rue de Douai.
Mittwoch, d. 16. Dec. 74.

Mein lieber Freund,

Ich schicke Ihnen heute ein kleines Ding, ein "Feuilleton du Temps" — ein neues Fragment aus dem "Tagebuch eines

Jägers"[1] — Sie werden es in der Gesamtausgabe finden, die Ihnen mein Verleger zusenden wird[2] — es hat auch sonst keinen grossen Werth, da Sie aber alles haben, was von mir erscheint, so mag auch das mitlaufen.

Zum Neujahrsgeschenk möchte ich Ihnen einige 20 Photographien von französischen Figuren schicken. Wollen Sie so gut sein und mir die jenigen nennen, die Sie haben möchten. Sonst fürcht ich, ich möchte Ihnen einige Gallier expediren, die Sie schon besitzen[3].

Mit meiner Gesundheit geht es entschieden besser.

Viele Grüsse Ihrer lieben Frau und Ihnen einen cordialen Händedruck

von Ihrem ergebenen
Iw. Turgénjew.

3867. ЭДМОНУ ПЛОШЮ

5(17) декабря 1874. Париж

48, улица Дуэ.
Вторник, 17 декабря 74.

Любезный г-н Плошю,

По чистому недоразумению, на корзинке с игрушками, которую отнесли к Вам сегодня утром, было отмечено "От м-м Виардо"; это я позволил себе преподнести их милым маленьким барышням из Ноана[1].

Одновременно посылаю Вам одну из моих книг, которой у г-жи Санд нет, — прошу Вас передать ее — и сказать, как я жалею о том, что противная подагра препятствует тому, чтобы я сам принес ей эту книгу[2].

Вы также передадите ей мои горячие пожелания, чтобы в течение еще многих лет она продолжала оставаться тем же счастливейшим в мире человеком, что и сейчас.

Прошу Вас также передать мой горячий привет всему семейству.

Сердечно жму Вам руку.

Ваш преданный Ив. Тургенев.

На конверте: Господину Эд. Плошю,
11, Итальянский бульвар
от Тургенева.

3868. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

10(22) декабря 1874. Париж

50, rue de Douai.
Dienstag, d. 22. Dec. 74.

Lieber Freund,

Ich bin eine Antwort schuldig[1] und Sie finden gewiss, ich sei ein nachlässiger Correspondent — aber ich wollte etwas Positives abwarten und der Lump der Halangier (der Director nämlich) hat bis jetzt keine entscheidende Antwort gegeben! Die Eröffnung erfolgt wahrscheinlich Ende Januar — so bald ich etwas Sicheres erfahre, werden Sie es wissen[2].

Das grosse Ereignis hat vorgestern, Sonntag, d. 20. um 7 1/2 Uhr morgens stattgefunden. Ein prachtvolles Kind, ein Töchterchen ist zur Welt gekommen — aber leider mit vieler Müh und Noth — und die Mutter, die Didie — ist sehr angegriffen!! Ihr Zustand ist bis jetzt nicht gefährlich — aber ehe neun Tage vergehen (die verhängnisvollen — neun Tage) werden, wie die Spanier sagen, unsere Seelen an einem Bindfaden schweben![3]

Frau Viardot hat mir gestern gesagt, sie würde Ihnen heute schreiben.

Der Berserker verspricht mir, einen anderen Uebersetzer aufzustöbern — und wird Ihnen sofort ein Exemplar der "Skizzen" zukommen lassen[4].

Man hat dem Kinde die Namen *Jeanne Edmée* gegeben.

Viele Grüsse an Familie und Freunde. Ich drücke Ihnen herzlich die Hand.

Ihr I. Turgénjew.

3869. Н.А. КИШИНСКОМУ

11(23) декабря 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Середа, 23/11-го дек. 74.

Любезный Н⟨икита⟩ А⟨лексеевич⟩, отвечаю обстоятельно и подробно на Ваши два письма[1].

1.) Что касается до отдачи в аренду Тапков — то я порешил это дело здесь в Париже с моим соседом Захаром Николаевичем Мухортовым, который дает то же, что и Свиридов — а именно 4000 р. в год, начиная с 1-го апр⟨еля⟩ будущего года, да, кроме того, никаких неустоек в случае продажи

не требует — и залог представляет в 4000 р. Человек он честный и хороший мой приятель; с ним дела вести можно самым надежным образом: к Вам в начале января явится его поверенный и управляющий г-н Фриде — и Вы с ним заключите контракт, копию с которого Вы мне доставите в Париж. Фриде Вам представит в виде образца тот контракт, который сам Мухортов заключил насчет одного своего имения[2].

2.) Насчет Спасского и отдачи его в аренду я еще подумаю и сообщу Вам свои мысли.

3.) Что касается до 15 000-й суммы[3] — то я полагаю в Спасском леса не продавать, а вести с одной стороны выкуп тапковской земли, а с другой заложить, по Вашему предложению, кадненскую землю в одном из банков. Засвидетельствованную копию с присланной Вами доверенности Вы в скором времени получите. Этих двух источников, к коим присоединятся 6600 р., полученных от Шаламова[4], будет достаточно.

4.) Захару Балашову можете по примеру других подарить от моего имени клочок земли. От Авдотьи Ермолаевны жду письма — еще не получил. Юлии Ивановне Малиновской скажите, что я ничего не успел для ее детей сделать[5].

5.) Деньги вперед лучше и выгоднее высылать на трехмесячный срок; если нужно, я Вам напишу тогда, чтобы Вы поступили иначе.

6.) Расходы на поправку флигеля одобряю; переделку дома можно отложить на некоторое время.

7.) Топоров написал мне, что он 100 р. получил; Вы ему же вышлите кружева[6].

Сожалею о Ваших недугах и хлопотах; надеюсь, что теперь всё поправилось. Мое здоровье недурно.

Желаю Вам всего хорошего и кланяюсь спасским жителям.

Ив. Тургенев.

3870. А.В. ТОПОРОВУ

11(23) декабря 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Середа, 23/11-го дек. 74.

Любезнейший Александр Васильевич, вчера получены здесь в исправности романсы г-жи В⟨иардо⟩, высланные Вами, за что благодарю Вас нижайше, как образцового комиссионера!![1]

На днях Вы получите от моего управляющего кружева (простые, русские), которые прошу хранить у себя — пока представится случай переслать их ко мне.

Также получите Вы от Ф.И. Салаева в Москве 3 полных экземпляра нового издания моих сочинений[2]; один оставьте себе — а другие два доставьте от моего имени г-м А. Суворину и В. Буренину в благодарность за их дружеские отзывы обо мне и защиту моего доброго имени от разных литературных и нелитературных нападок[3]. Надеюсь, что Вы не потяготитесь этой последней комиссией, и заранее благодарю Вас за Вашу любезность.

Здоровье мое восстановилось, и я помаленьку принимаюсь за работу.

Поклонитесь от меня Петровым и Рагозиным и примите уверение в искренней приязни и уважении

преданного Вам Ив. Тургенева.

3871. В.В. СТАСОВУ

12(24) декабря 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Четверг, 24/12-го дек. 74.

Любезнейший Владимир Васильевич, третьего дня получил я пакетец с двумя экземплярами "Зигзагов" — и немедленно прослушал их два раза сряду весьма внимательно в отличном исполнении. К искреннему моему сожалению, мне не удалось открыть в них те достоинства, о которых Вы мне писали[1]. Не могу сказать, разовьется ли в г-не Щербачеве самостоятельный талант со временем; но теперь я в нем, кроме "пленной мысли раздражения"[2], ничего не вижу. Всё это навеяно "Карнавалом" Шумана с примесью листовских ничем не мотивированных bizarreries; всё это бедно мыслью, страдает натугой, и *скучно*, и безжизненно. Первая страница мне больше всего понравилась; тема казенная — но интересно разработана[3].

Засим можете, если хотите, снять мне голову с плеч; а я все-таки благодарю Вас за Вашу любезность.

Из последнего фельетона Буренина я мог усмотреть, что Вы сообщили ему мое письмо к Вам, где я упоминал об "Отцах и детях" и Каткове; нет сомнения, что это подаст повод этому господину клеветать, и ругаться, и лгать снова; но ведь это специальный симптом ренегатства — и я все-таки

рад, что Буренин упомянул об этом деле[4]. Кто захочет мне поверить — милости просим; а кто не захочет — убеждать я того не стану.

У нас здесь зима не хуже петербургской; но здоровье мое поправилось — и предлога уже нет, чтобы не работать. Однако я за работу принимаюсь плохо.

Я изредка вижу Репина; он прекрасный малый — и с несомненным талантом. Картина его подвигается[5]. Харламова я продолжаю считать величайшим современным портретистом; придет время — и, я надеюсь, Вы в этом также убедитесь[6].

Засим дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie.* St-Pétersbourg. Monsieur W. Stassoff.
В С.-Петербург.
Надеждинская улица, д. Трофимова.
Его высокоблагородию
Владимиру Васильевичу *Стасову.*

3872. А.А. ФЕТУ

12(24) декабря 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Четверг, 24/12-го дек. 74.

Милостивый государь Афанасий Афанасьевич!

Вы, вероятно, удивитесь, получив от меня письмо — да и я не ожидал, что буду еще беседовать с Вами; но одна фраза Вашего ответа[1] заставляет меня взяться за перо. Вы пишете:

«Вы говорите: "я этому верю" — и это "я" должно быть законом для всех и обычным поводом швырять оскорбления в лицо даже таким безупречным личностям, как Л.Т.» (Полагаю, что эти буквы означают Льва Толстого).

Если в этой фразе Вы имели целью единственно украшение речи, вроде "стола Спартака"[2] — то мне остается сожалеть, что Вам угодно было употребить именно *это* украшение; если под этим скрывается какая-нибудь сплетня, то прошу Вас быть уверенным, что я никогда и ⟨ни⟩ перед кем не отзывался о Льве Толстом иначе как с полным уважением к его таланту и характеру — и это уважение будет мною в скором времени высказано перед французской публикой

в предисловии к изданию переводов с[a] его произведений[3], если же, наконец, Вам померещилось что-нибудь подобное в моих письмах, то Вам стоит их перечесть, чтобы убедиться в Вашей ошибке. Не сомневаюсь в Вашем чувстве справедливости — и уверен, что Вы даже мысленно откажетесь от фразы Вашего письма, приведенной мною.

К тому же я не привык швыряться ни оскорблениями, ни грязью, не потому, чтобы иные люди этого не стоили — но я не охотник марать руки и предоставляю другим подобные упражненья[4].

Не могу не заметить, что Вы напрасно благодарите судьбу, устранившую Ваше имя от соприкосновения с нынешней литературой; Ваши опасения лишены основания: как Фет, Вы имели имя, как Шеншин, Вы имеете только фамилию[5].

Остаюсь с совершенным уважением

Ваш покорнейший слуга Ив. Тургенев.

3873. БЕРНГАРДУ ЭРИХУ БЕРЕ

12(24) декабря 1874. Париж

Paris.
50, Rue de Douai.
Donnerstag, d. 24. Dec. 74.

Werther Herr,

Eben bekomme Ich Ihren Brief. Sie müssen sich nicht allzugrosse Sorgen wegen der "Skizzen" machen; — überarbeitet wie sie jetzt ist, ist die Uebersetzung gut geworden — treu jedenfalls; — nur möchte Ich in Zukunft dieser Mühe überhoben sein[1]. Der frühere Uebersetzer hat seine Sache gewiss besser verstanden; das X-te Bändchen wird ohne Zweifel gut gerathen, besonders wenn der Uebersetzer sich die Mühe geben will seine Arbeit mit der *französichen* (vortrefflichen) Version des "*Antschars*" und der "Ersten Liebe" und der deutschen (Bodenstedtischen) des "*Faust*" zu vergleichen[2].

Setzen wir also unser Unternehmen ruhig fort.

Jetzt wende Ich mich an Sie mit einer Bitte. — Ich möchte alle 9 Bändchen meiner Werke an Fräulein *Charlotte Valentin*[3] — Götheborg (Königreich Schweden) — so bald wie möglich zukommen lassen. Wollen Sie die Güte haben und

[a] *Было:* из.

diese Commission übernehmen? Ich würde gern alle nöthigen Kosten bezahlen.

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

Ihr ergebener
Iw. Turgénjew.

3874. ПОЛИНЕ БРЮЭР

13(25) декабря 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Vendredi, 25 déc. 74.

Chère Paulinette,

Tu m'excuseras de n'avoir pas répondu sur-le-champ à ta lettre, quand tu sauras que Didie a mis au monde une petite fille (nommée aussi Jeanne)[1], que l'accouchement a été terriblement difficile — et que ce n'est qu'aujourd'hui qu'on peut commencer à croire que le danger n'est pas imminent. Toute la famille a été plongée dans la plus grande anxiété. Enfin, Dieu merci, tout va s'arranger de nouveau.

Je suis un peu à court d'argent dans ce moment — mais pour ne pas te faire du chagrin ⟨...⟩ tendre de ⟨...⟩[a] puisque tu veux les faire remettre à ta belle-mère, je ne vois pas pourquoi les envoyer à Rougemont? Réponds-moi vite ce qu'il faut que je fasse, les envoyer à la rue de Bruxelles ou chez toi?[2]

Le chien ou la vache avec les chocolats partiront demain ou après-demain — et tu les remettras de ma part à Jeanne.

Ma santé est bonne — et je vous embrasse cordialement tous les trois.

Iv. Tourguéneff.

3875. ПОЛИНЕ БРЮЭР

15(27) декабря 1874. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Dimanche, 27 déc. 74.

Chère Paulinette,

Je reçois ta lettre à l'instant et je t' écris deux mots pour t'avertir:

qu'aujourd'hui même un paquet part pour toi, contenant un chien, deux livres d'enfant et une boîte de chocolat;

---

[a] *Текст письма поврежден, так как край листа оборван.*

que les 300 f-s seront remis demain à ta belle-mère

et que — last not least — Didie et son bébé vont bien, Dieu merci, et que tout danger est passé.

Je vous embrasse tous les trois — et vous souhaite a happy new year.

Iv. Tourguéneff.

3876. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

15(27) декабря 1874. Париж

50, rue de Douai.
Dimanche matin.

Mon cher ami,

Votre envoi d'hier m'a rapplé le vers de Corneille:

"Je t'en avais comblé, je veux t'en accabler"[1] — c'est une bibliothèque toute entière que vous m'avez envoyée — et de livres plus intéressants les uns que les autres. Je vous remercie en mon nom ainsi qu'au nom de ma petite-fille et de ces dames — car ce n'est pas évidemment moi tout seul que vous avez voulu gratifier.

Je compte bien vous voir avant le Nouvel an — et je remets l'expression de mes souhaits et de mes vœux au moment de notre entrevue. A présent je me contente de vous dire encore une fois merci.

Tout à vous Iv. Tourguéneff.

3877. М.П. ТУРГЕНЕВОЙ

16(28) декабря 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Понедельник, 28/16-го дек. 74.

Любезная кузина,

Сейчас получил я Ваше письмо[1] и спешу отвечать Вам. Душевно сожалею о Вашем болезненном состоянии и хотя многого сделать не могу — но очень рад внести Вас в список своих пенсионеров. Начиная с 1-го янв⟨аря⟩ 1875-го года, Вы будете получать *сто* рублей серебром — по 50 р. сер. вперед за каждое полугодие. Я сегодня напишу Кишинскому — моему управляющему — о высылке Вам этих денег, к которым на сей раз приложится еще *25 р.*, которые прошу употребить на лекарства[2]. Таким образом, Вы получите на днях *75* рублей.

Я только из Вашего письма узнал о кончине Елизаветы Семеновны. Признаться сказать, мне не столько жаль ее, сколько дяди, которого положение теперь действительно плачевно. Я намерен написать ему письмо, которое; быть может, доставит ему некоторое удовольствие. Я давным-давно мысленно с ним помирился — вообще его поступок возбудил во мне огорчение, а не негодование — и мне бы не хотелось, чтоб он покинул этот мир, не будучи уверен в моих к нему чувствах[3].

Здоровье мое поправилось — и подагра наконец меня покинула.

Прошу Вас передать мой поклон Вашей кузине[4] и принять уверение в искреннем моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

3878. Н.А. КИШИНСКОМУ

16(28) декабря 1874. Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Понедельник, 28/16-го дек. 74.

Любезный Никита Алексеевич,

Доверенность на залог Кадного вышлется Вам *завтра* — а сегодня я имею сказать Вам следующее:

Марья Петровна Тургенева вносится в число моих пенсионеров по 100 р. в год с платежом по полугодиям 50 р. вперед. Прошу Вас выслать ей теперь же (Москва, на Сретенке, в Даевом переулке, дом Голикова) *75* р. сер. — 50 в число пенсии, а *25* р., прибавленных на этот раз мною.

Мне сейчас приходит в голову — не находится ли уже Марья Петровна в числе моих пенсионеров? Если так, то все-таки вышлите ей эти *75* руб. — только уже с обозначением, что это выдается по личному моему распоряжению[1].

Да, кстати, пришлите мне с первой почтой точный и полный список моих пенсионеров с обозначением — *с какого числа и месяца* считается каждая пенсия.

Засим желаю Вам всего хорошего на наступающий 1875-й год — и кланяюсь всем спасским жителям.

Ив. Тургенев.

3879. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

16(28) декабря 1874. Париж

Париж, 50, rue de Douai.
Понедельник, 28/16-го дек. 74.

Любезный брат,

Я получил вчера твое письмо[1] — и сегодня же говорил о твоей болезни с доктором. Он уверил меня, что эта болезнь может иногда продолжаться некоторое время и требует уходу — но опасности никакой не представляет. Спешу тебя успокоить и надеюсь, что костыли тебе недолго послужат. Но изо всего этого я заключаю, что тебе следует, хотя в будущем году, пройти курс рационального заграничного лечения — от которого не должны тебя удержать постройки, распоряжения и прочие хозяйственные, в сущности, маловажные дрязги.

Я сегодня только узнал, что жена дяди Николая Николаевича недавно скончалась, растратив все деньги, которые он получил от меня. Он теперь у себя в деревне, слепой, больной, одинокой. Мне его жаль — и я напишу ему письмо[2].

Здоровье мое порядочно. Неделю тому назад старшая дочь г-жи Виардо, Claudie, родила дочку — роды были мучительны, даже опасны — но теперь, слава Богу, она поправилась — и, как говорится, la mère et l'enfant se portent bien[3].

Поздравляю тебя с Новым годом и от души желаю, чтобы к тому времени все твои недуги тебя покинули.

Обнимаю тебя и остаюсь

любящий тебя брат Ив. Тургенев.

P.S. Маслов давно исполнил, о чем я его просил[4].

3880. П.В. ЖУКОВСКОМУ

19(31) декабря 1874. Париж

Любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩!

Хотите встретить французский Новый год с семейством Виардо? Будут разные шалости.

В таком случае приходите в *начале* 10-го часа.

До свидания.

Четверг. 31-го декабря. Ваш Ив. Тургенев.

3881. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

24 декабря 1874 (5 января 1875). Париж

50, rue de Douai.
Mardi, 5 janvier 1874[a].

Mon cher Monsieur Durand,

Voulez-vous venir voir les deux portraits de Harlamoff (M. et Mme Viardot)? Ils se trouvent maintenant dans la galerie d'en bas[1]. Par la même occasion, je vous montrerai trois tableaux que j'ai achetés d'un tout jeune peintre français, E. Vallée, qui promet beaucoup[2]. Il faudrait venir entre midi et deux heures — demain, par example.

Recevez, avec mes vœux de Nouvelle année, l'expression de mes meilleurs sentiments.

Iv. Tourguéneff.

3882. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

24 декабря 1874 (5 января 1875). Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Вторник, 5-го янв. 75 / 24 дек. 74.

Любезнейший Михаил Матвеевич, посылаю Вам расписку Шарпантье в получении второй половины следуемой суммы за роман Золя[1].

Сообщаемые Вами известия невеселого свойства[2]. Узнаю тут руку нашего московского друга[3]. Поистине не будешь знать, что читать. Надеюсь, что Ваше предисловьице отвратит от романа Золя всякое дурное наитие[4]. Ожидаю с нетерпением первого тома "Вестника Европы".

Здоровье мое поправилось — и я начинаю... помышлять о работе.

Желаю Вам всего хорошего на Новый год — кланяюсь Вашей супруге — и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

3883. Ю.П. ВРЕВСКОЙ

25 декабря 1874 (6 января 1875). Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Середа, $\frac{\text{6-го янв. 1875}}{\text{25-го дек. 1874.}}$

Милая Юлия Петровна, вчера пришло Ваше письмо[1] — и я начинаю с того, что, во-1-х) поздравляю Вас с Новым годом и от души желаю, чтобы он был для Вас счастливее прошлого (говорю это на основании Ваших слов, ибо, собственно, ничего не знаю), а во-2-х) уведомляю Вас о благополучном разрешении вопроса, который, как Дамоклов меч, висел над моей головой. Моя милая Диди родила 20-го/8-го декабря дочь, которую прозвали Jeanne Edmée — роды были страшно трудные, жизнь висела на волоске — но с тех пор прошло 19 дней — и хотя она всё еще лежит в постели — но опасности уже никакой нет — а ребенок удивительно красивый, большой и здоровый. Теперь как гора с плеч — а были страшные минуты и часы, о которых лучше не вспоминать!

Вы пишете, что очень ко мне привязались — но и я Вас очень люблю — и, много ли, мало ли между нами общего, это, в сущности, неважно. Il y a un attrait mutuel — вот что важно. Мне очень бы хотелось свидеться с Вами — и я надеюсь, что это мое желание исполнится весной, "im wunderschönen Monat Mai". Правда, мы оба будем тогда пить богемские воды, что менее поэтично — но что же делать?[2] Если Вам 33 года — мне целых 55 — вот что не следует упускать из вида.

Так как Ваша хандра и приходит и уходит вместе с оттепелью, то желаю Вам снега, холода и тех вьюг, что, по словам Полонского, "растят по стеклам окон" белые розы[3]. Но и замораживать себя не следует. На свете действительно есть нечто получше "предсмертной икоты", и хотя уже нельзя ожидать, что радость польется полной чашей — но она может еще окропить последние жизненные цветы. Смысл всех этих аллегорий очень хорошо выражен в известной русской поговорке — "живи, пока живется".

Я совершенно искренне верю Вашему влечению на Кавказ — вообще Вашему сочувствию с восточной жизнью... в Вас самих есть что-то восточное[4]. Кстати, одна моя знакомая дама месяца два тому назад обедала с Вашим знакомцем, сирийским пашою — и была очарована его умом и любезностью.

Подагра меня почти совсем покинула — и я не имею уже предлогов, чтобы не работать, что не мешает мне, однако, предаваться полному бездействию. Если Вы "отпетый" человек (чему я, в скобках, не верю) — я уже, конечно, отпетый литератор.

А засим прощайте — или нет: до свидания, непременно до свидания. Целую Ваши обе руки (целовать их даже заочно доставляет мне большое удовольствие) — и остаюсь.

душевно Вам преданный Ив. Тургенев.

3884. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

25 декабря 1874 (6 января 1875), Париж

Париж. 50, rue de Douai

Середа, $\frac{\text{6-го янв. 75}}{\text{25-го дек. 74.}}$

Милый Яков Петрович, отвечаю по пунктам на твое письмо[1]:

1.) Харламов моего портрета еще не начинал, да и вряд ли напишет его до своего отъезда в Испанию в марте месяце; следов., это дело отложено в долгий ящик. (Он написал удивительный портрет г-жи Виардо[2]).

2.) Я, по болезни и по другим обстоятельствам, ни фотографии своей не снял, ни у Паннемакера не был; но всё это намерен исполнить в скором времени[3].

3.) Мне очень лестно, что г-н Соколов пишет акварели на "Записки охотника", но посылать их сюда слишком хлопотно; и совестно утруждать художника. Полагаюсь совершенно на твой вкус и даю тебе carte blanche разрешать: какие акварели удачные или нет[4].

4.) Высылай мне "Келиота" под бандеролью преспокойно: еще не было примера, чтобы подобные посылки не достигали своего назначения — по крайней мере, что до меня касается[5].

5.) Радуюсь успеху подписки на "Пчелу" — но сожалею о бедности материала — а главное, о твоем нездоровье. Полагаю, что гипсовые повязки — дело полезное: пусть уж лучше колено срастется — но не будет тебя мучить.

6.) Присланное тобою стихотворение носит твою печать — хотя оно и не из лучших... Особенно коробит это слово "моллюск", возвращающееся в последней строчке каждой строфы[6].

7.) Наконец скажу тебе о себе. Я в последнее время поправился здоровьем — но уже окончательно бросил всякую работу.

Засим желаю тебе всего хорошего и дружески тебя обнимаю.

Преданный тебе Ив. Тургенев.

P.S. Куда денутся сотрудники "С.-П⟨етер⟩бургских ведомостей"? Ведь передача этого журнала в руки гг. Баймакова и Сальяса — дело решенное?[7]

3885. Н.А. КИШИНСКОМУ

26 декабря 1874 (7 января 1875). Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Четверг, $\frac{\text{7-го янв. 75}}{\text{26-го дек. 74.}}$

Любезный Никита Алексеевич, четвертого дня отправлена мною доверенность на заклад Кадного в Петербург моему приятелю И.П. Арапетову, который тотчас по засвидетельствовании консульской подписи в Министерстве иностранных дел доставит ее Вам для надлежащего по ней исполнения. Прошу Вас совершить этот заклад, не теряя времени[1].

Полагаю также, что Вы уже успели снестись с поверенным З.Н. Мухортова — и составили контракт об отдаче в аренду Тапков[2]. О чем также прошу известить немедля.

Я очень рад, что Вы продали борзен⟨ков⟩скую землю[3]. Вы мне не пишете, какие сроки платежа этих 6600 р. назначены Вами? Если все деньги можно получить в январе — то это было бы отлично. Вообще прошу Вас пересылать мне все свободные деньги — ибо я в них именно теперь нуждаюсь[4].

Засим поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всего хорошего.

Иван Тургенев.

3886. П.А. ПИСЕМСКОМУ

26 декабря 1874 (7 января 1875). Париж

50, rue de Douai.
Четверг, 7-го янв. 75.

Любезнейший Писемский, Вы были у меня с г-м Л. Леже — и, к искреннему моему сожалению, не застали меня дома[1]. Я был с тех пор в больших хлопотах и не имел возможности извоwork; но мне бы очень хотелось Вас видеть и г-на Л⟨еже⟩. Вот что я Вам предлагаю — позавтракаемте вместе в *субботу* или в *понедельник* в 11½. В один из этих дней, смотря *по тому, как Вы мне напишете*, я буду ждать Вас в кофейной Pellé et Adolphe — 31, Boulevard Haussmann, возле Большой оперы. Если Mr Léger не может прийти — так приходите по крайней мере Вы[2].

До свидания; жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

3887. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

26 декабря 1874 (7 января 1875). Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Четверг, $\frac{\text{7-го янв. 75}}{\text{26-го дек. 74.}}$

Любезный брат, я получил вчера твое письмо[1], из которого с сожалением усмотрел, что твоя болезнь всё еще продолжается и находится в *status quo.* Я уж тебе писал о мнении моего доктора[2] (которое, впрочем, совпадает с тем, что сказал тебе твой) — но если ты желаешь консультации одной здешней sommité, то для этого нужно, чтобы твой доктор написал — на *французском* или *латинском* языке — подробный отчет о твоей болезни с обозначением твоих лет, комплекции, образа жизни — твоей конституции, одним словом, и прислал бы ко мне; я, с своей стороны, немедленно представлю эту бумагу кому следует — и получу от него письменную консультацию, которую немедленно тебе перешлю. Чем скорее ты это сделаешь, тем будет лучше — хотя об опасности, собственно, не может быть речи — но для твоего успокоения. Вероятно, тебе присоветуют какие-нибудь воды — также известный *régime.* Я, быть может, ошибаюсь — но полагаю, что ты, в противность обыкновенным больным, *не довольно хорошо* питался и что тебе следовало бы, напр., пить отличное *бор-*

доское вино, есть мясо первого сорта и т.д. Les moyens te le permettent — а то ты без того склонен к худосочию.

Прилагаю тебе проспектик мази, которая *очень помогала мне.* Если ее в Москве достать нельзя и если твой доктор не найдет ее употребление противным своим убежденьям — то я могу прислать тебе банку.

Засим поздравляю тебя с Новым годом — желаю от души, чтобы он принес тебе исцеление, и остаюсь

любящий твой брат Ив. Тургенев.

3888. П.А. ПИСЕМСКОМУ

28 декабря 1874 (9 января 1875). Париж

50, rue de Douai.
Суббота, 8 1/2 ч. утра.

Любезный Павел Алексеевич, со вчерашнего дня у меня разболелось горло, ночь я провел без сна, а сегодня ни глотать, ни даже говорить не могу и поневоле принужден отложить до другого дня удовольствие позавтракать с Вами и с г-м Л. Леже, которому прошу передать мои извинения вместе с выражением моего сожаленья[1]. Надеюсь, что это письмо еще Вас застанет дома.

Жаль, очень жаль и очень досадно!

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

3889. ШАРЛОТТЕ ВАЛЕНТИН

29 декабря 1874 (10 января 1875). Париж

Paris.
50, rue de Douai.
Sonntag, d. 10. Jan. 75.

Mein werthes Fräulein,

Meinen besten Dank für die Glückwünschungen zu Neujahr; empfangen Sie Ihrerseits die Meinigen. Ich brauche Ihnen nicht zu sagen, dass Sie im Hause Viardot, zu welchem Ich mich mitrechne — im besten Andenken stehen — und dass Alles, was Ihnen Gutes und Freudiges geschieht, hier die grösste und aufrichtigste Theilnahme erregt[1].

Ich danke im Voraus für das mir angemeldete Buch; meinerseits habe Ich meinem Verleger geschrieben, Ihnen alle bis jetzt erschienenen Bändchen (9 an der Zahl) meiner "Ausgewählten Werke" zukommen zu lassen[2]; Sie werden

wohl die Güte haben und mir den Empfang der Sendung anzeigen?

Marianne hat Ihnen vor kurzem geschrieben — und somit wissen Sie Alles, was hier vorgeht: bis jetzt, Gott sei dank, steht es mit der ganzen Familie, die sich um ein kleines hübsches Mitglied bereichert hat — vortrefflich[3].

Mit meiner Gesundheit hat es sich gebessert — und Ich habe jetzt wenigstens keinen Vorwand um nicht zu arbeiten... arbeite jedoch nicht!

Meine besten Grüße Ihrer Familie[4] und empfangen Sie die Versicherung der Ergebenheit und Hochachtung

Ihres
Iw. Turgénjew.

3890. П.В. ЖУКОВСКОМУ

29 декабря 1874 (10 января 1875). Париж

50, rue de Douai.
Воскресение, 10-го янв. 75.

Любезнейший Жуковский,

Вы, кажется, вхожи в дом той госпожи[1], у которой находятся картины Фортуни. Мне очень бы хотелось увидать их — да, кстати, теперь находится в Париже один мой приятель, немец[2], которому также очень этого хочется. Можете Вы устроить некоторое, так сказать, общее посещение — и как и когда? Дайте мне знать, я Вам очень буду обязан.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

P.S. Мы Вас увидим сегодня вечером?

3891. Н.В. ХАНЫКОВУ

29 декабря 1874 (10 января 1875). Париж

Любезнейший Николай Владимирович!

Как Ваше здоровье — и что Вы поделываете? Дайте о себе весточку. Надеюсь, что Вы уже давно расстались со своим катаром. У меня было множество преокупаций[1] — а то бы я к Вам заехал. Надобно бы где-нибудь покормиться — да и Вырубова, кстати, пристягнуть[2]. В ожидании ответа поздравляю с российским Новым годом, остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

Paris, rue de Douai.
Воскресенье, 10-го января 75.

3892. М.В. АВДЕЕВУ

30 декабря 1874 (11 января 1875). Париж

Париж. 50, rue de Douai.

Понедельник, $\frac{\text{11-го янв. 75}}{\text{30-го дек. 74.}}$

Давно и очень давно следовало мне отвечать на Ваше дружеское письмо[1], любезный Авдеев — да Вы знаете, как это делается: день за день — разные дрязги — время уходит — но в уме я всё держал и Вас, и Ваше письмо — и вот, наконец, берусь за перо и принимаюсь беседовать с Вами. Слова Ваши насчет необходимости работы для нашего брата золотые, и я глубоко чувствую их справедливость — тем более что у меня в эту минуту даже предлога нет (подагра меня оставила); отговариваться от работы по той-де причине, что не на родной почве стоишь, тоже не дело[2]; да лень проклятая одолела, удобства жизни слишком велики, день тратится на мелочи — всякое рассеяние так само и лезет в рот... что будешь делать? Однако я всё еще не теряю надежды, что кончу — когда-нибудь — давно мною начатый труд[3]: мне почему-то кажется, что было бы жаль бросить это "последнее сказание"[4].

В издании моих сочинений *1849-й* год ошибочно поставлен вместо *1843-го* как тот год, с которого началась моя литературная деятельность[5]. Что же касается до моих стихов — то я имею к ним чуть не физическое отвращение, как к клопам или тараканам; после моей смерти пусть делают что хотят — а уж, конечно, при жизни моей ни одна из этих мерзостей не появится в печати. Уж и то большая уступка, что я напечатал свои плохие драматические попытки[6].

Это Вы хорошо делаете, что живете зиму в провинции[7]; дайте нам картину — правдивую и верную — провинциальной *зимней* жизни: до сих пор она еще не довольно известна в литературе.

А показать Вам мои картины я не теряю надежды: когда же нибудь Вы проберетесь в местечко Париж![8] У нас на Руси народился наконец крупный живописец — Харламов! Он написал такой портрет г-жи Виардо, что приводит в изумление всех здешних артистов. Это русский Веласкез[9].

А из России всё идут скверные вести. По милости и благодаря стараниям Каткова, придушили единственную чуть-чуть либеральную газетку ("С.-П⟨етер⟩бургские ведомо-

сти"), которая с Нового года переходит в ведомство молодого Сальяса — т.е. того же Каткова[10].

По Франции продолжается тот же кавардак (gâchis). Но замечательно, что дела вообще идут недурно, даже хорошо. Прудон оказывается правым, когда рекомендует анархию — т.е. отсутствие правительства. И действительно — к чему оно! Зачем ему имя — и анонимные бывают хорошие писатели. Одна беда: соседи; особенно германский сосед... Он не дает установиться Франции. Впрочем, qui vivra — verra[11].

Я в мае еду пить воды в Карлсбад — оттуда, может быть, опять съезжу в Россию.

Пока желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3893. Н.В. ХАНЫКОВУ

31 декабря 1874 (12 января 1875). Париж

50, rue de Douai.
Вторник, 12-го янв. 75.

Любезнейший Николай Владимирович, во-1-х) благодарю Вас за Вашу интереснейшую книжечку[1] — это очень милый подарок; во-2-х) с удовольствием принимаю Ваше предложение о завтрашнем дне и, с своей стороны, предлагаю Вам пообедать в новом трактире, который мне отрекомендован Флобером, где едят *превосходно* и вдвое дешевле, чем в Café Riche или у Вефура — а именно: Adolphe et Pellé, 31, Boulevard Haussmann, vis-à-vis l'Opéra.

Будьте там завтра в $^{1}/_{4}$ 7-го; а я о том же напишу Вырубову[2].

Итак, до завтра — крепко жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3894. Г.Н. ВЫРУБОВУ

31 декабря 1874 (12 января 1875). Париж

50, rue de Douai.
Вторник, 12-го янв. 75.

Любезнейший Г⟨ригорий⟩ Н⟨иколаевич⟩. Мы с Ханыковым обедаем завтра в середу вкупе — и весьма желаем Вас присоединить. Я познакомился с новым рестораном,

где едят *удивительно* и гораздо дешевле, чем в больших — а именно: Adolphe et Pellé, ci-devant maître d'hôtel du Café Riche, n° 31, Boulevard Haussmann, vis-à-vis l'Opéra. Приходите завтра туда в 1/4 7-го, и отпразднуем наш Новый русский год[1].

Надеюсь, до свидания — жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

3895. ПОЛИНЕ БРЮЭР

31 декабря 1874 (12 января 1875). Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Mardi, 12 janv. 74[a].

Chère Paulinette,

On vient de m'envoyer à l'instant même de la rue de Bruxelles[1] une magnifique bourriche, et je te remercie beaucoup. Demande un peu à Gaston: y a-t-il encore du gibier à Rougemont, et cela vaut-il la peine de se déranger dès à présent? S'il dit: oui — il est plus probable que je viendrai — peut-être même pour *dimanche*. Ecris sans tarder.

Je vais porter dès aujourd'hui les 300 f-s à Mme ta belle-mère[2]. Il y a eu un retard, que je te prie d'excuser.

Didie et la petite Jeanne vont bien. Je vous embrasse tous les trois — et, je l'espère, au revoir!

Iv. Tourguéneff.

3896. А.В. ПЛЕТНЕВОЙ

31 декабря 1874 (12 января 1875). Париж

Париж. 50, rue de Douai.
Вторник, 12-го янв. 75 / 31-го дек. 74.

Милая Александра Васильевна,

Как давно Вы уже уехали — и как давно мне бы следовало Вам написать! Мне очень совестно, что я такой ленивый человек... Крошечку извиняет меня то, что, сколько мне было известно, Ваш протеже, П.В. Жуковский, Вам писал и сообщил Вам о том, что здесь происходило[1]. Вы уже наверное знаете, что моя дорогая молодая приятельница с лишком три недели тому назад хотя трудно, но благополуч-

---

[a] *Так в подлиннике.*

но родила дочку — и la mère et l'enfant se portent bien, хотя она всё еще не встает с постели[2].

Большой камень свалился с сердца.

Впрочем, я здоров и даже процветаю — но уже совершенно ничего не делаю. "Чуткого" Павла я вижу довольно часто. Он всё такой же милый и хороший — и, кажется, серьезно работает. Совсем расстаться с великосветски-придворно-дилетантскими привычками он всё еще не может — но делает похвальные усилия[3]. Он искренне Вам предан — и, по-видимому, получает от Вас прелестнейшие письма.

Надеюсь, что Ваше здоровье не пострадало от возвращения на нашу сырую и холодную родину — и что Ваши семейные затруднения и хлопоты пришли в порядок. Ото всей души желаю Вам всего хорошего, счастливого, мирного — и в искренности моих пожеланий Вы не сомневаетесь, не правда ли? Я, с тех пор как узнал Вас, всегда любил и уважал Вас, а со времени нашего последнего свидания в Париже чувства, которые я всегда питал к Вам, получили еще более силы и глубины[4].

Поздравляю Вас с наступившим Новым годом и дружески крепко жму Вашу руку.

Душевно Вам преданный Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie.* St-Pétersbourg. Madame Pletneff.
В С.-Петербурге. В Троицком переулке, д. № 32.
Ее превосходительству
Александре Васильевне *Плетневой.*

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

3586. Полине Брюэр (с. 7)

С французского:

Полине.

Париж. Улица Дуэ, 48.
Вторник, 13 янв. 74.

Моя дорогая Полина,

Пишу всего несколько слов, чтобы уведомить тебя о письме, которое я написал твоему мужу[1] и которое он несомненно тебе покажет. Поскольку, возможно, вы уже говорили и о ваших делах, и о том разговоре, который я имел с Гастоном и г-ном Брюэром-отцом, ты не найдешь в нем ничего нового. Я только хочу тебе подтвердить принятое решение: восстановить твою пенсию[2] и посылать ее непосредственно тебе самой до тех пор, пока дела стекольной фабрики будут находиться в таком упадке. Я не могу допустить, чтобы вы обе — ты и Жаннетта — в чем-либо нуждались.

Пока целую вас обеих и до свидания.

Ив. Тургенев.

3587. Бернгарду Эриху Бере (с. 7)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Четверг, 15/3 января 1874.

Милостивый государь,

На Ваше письмо от 8-го янв⟨аря⟩ могу ответить следующее. — Я знаю одного человека, который полностью мог бы взять на себя редактирование перевода "Записок": это писатель Л. Пич из Берлина. — Он превосходный стилист, поклонник моих вещей и хорошо их знает. — Русским языком не владеет, но этого и не нужно: — о дословной точности, конечно, позаботился Ваш переводчик — а затем и я бы снова прочел перевод. — Думаю, что можно рассчитывать на содействие господина Пича — напишу ему сегодня же и не замедлю передать Вам как его ответ, так и условия, на которых он согласится работать[1].

В Петербург я приеду в начале марта ст. ст. — то есть через два месяца.

К этому времени, надеюсь, дело устроится.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3588. Ф.Н. Тургеневой (с. 8)

С французского:

Вот "Голос", дорогая мадемуазель Фанни — но закон здесь не полностью — завтра я вам принесу продолжение. Что же касается Пьера, то я не вижу другого выхода, кроме *французского гражданства*[1].

Но мы еще поговорим об этом.

Понедельник. Весь ваш И. Тургенев.

3589. Бернгарду Эриху Бере (с. 8)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Вторник, 20 янв. 74.

Милостивый государь,

Только что я получил ответ г-на Л. Пича на мое письмо: он с удовольствием готов взять на себя редактирование перевода, — то есть дело устроилось наилучшим образом[1]. Надо только заметить следующее: в качестве корреспондента "Vossische Zeitung" он едет в Петербург и останется там до 1-го февраля. — (О нем спрашивать у Карла Рёттгера, в книжной лавке придворного поставщика Шмицдорффа, Невский проспект № 5[2]). — Следовательно, рукопись можно уже сейчас отправить туда. — Пожалуй, разумнее было бы, если бы Вы сначала написали ему (по указанному адресу), чтобы выяснить вопрос о редактировании — поскольку в дни пребывания в России у него наверное будет мало времени для чтения рукописи. — А затем Вы поступили бы в зависимости от его ответа. — Со своей стороны я даю ему, как говорят французы, carte blanche[a].

Покорнейше прошу известить меня о результате.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3590. Полине Брюэр (с. 9)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Четверг, 29 янв. 74.

Дорогая Полинетта,

Вот уже неделя, как я не выхожу из своей комнаты из-за сильного гриппа, который, кажется, и не собирается так скоро меня оставить. Это значит, что нечего больше и думать об охоте. Я еще не знаю, когда смогу выйти.

---

[a] полную свободу действий (*франц.*).

Диди выходит замуж только около 20-го или 25-го будущего месяца[1].

Получила ли ты письмо, которое я тебе написал и которое было вложено в письмо к твоему мужу?[2]

Как только смогу, приеду тебя повидать; в первых числах февраля пошлю, вероятно, 1250 фр-в прямо на твое имя.

Шлю вам *всем троим* ответные поцелуи. Будьте все здоровы, и дай Бог, чтобы дела пошли лучше[3].

Ив. Тургенев.

3595. Генри Холту (с. 12)

С английского:

Мой друг г-н В. Рольстон передал мне ваше письмо с содержащимся в нем чеком. Оно было для меня совершенно неожиданным, и могу откровенно сказать вам, что за всю свою литературную жизнь я редко, или даже никогда не испытывал столь безграничного удовольствия. Тем самым глубокая симпатия, которую я всегда питал к Америке и американцам, еще более возросла, а высокая оценка со стороны ваших соотечественников, засвидетельствованная вашим любезным письмом, вызывает во мне чувства гордости и счастья[1].

⟨И. Тургенев⟩

3597. Вильяму Рольстону (с. 13)

С английского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Пятница, 6-го фев. 74.

Мой дорогой друг,

Честно признаюсь, что в своей литературной карьере я редко испытывал удовольствие, равное тому, какое доставило мне совершенно неожиданное и необыкновенное письмо г-на Холта[1]. Америка — это решительно страна эксцентричностей. Я пишу сегодня этому фениксу в образе издателя и пошлю ему свою фотографию[2] — но у меня еще есть другая мысль, которую, я надеюсь, вы одобрите. Вы, наверное, слышали об альманахе, который будет издан в Петербурге в пользу голодающих самарских крестьян[3]; я нашел в своих старых бумагах эскиз в духе "Записок охотника"[a] — только что приготовил его для этого альманаха — и, если разрешите, вышлю его вам. Это небольшая рукопись в 14 страниц. Прочтите ее — и, если вы найдете ее "сносной", — не окажете ли вы любезность перевести ее? Тогда я смог бы послать ее г-ну Холту как знак и доказательство моей благодарности. С моей стороны весьма нескромно отнимать часть вашего времени, которое нужно вам для более важных трудов, но 1°) я надеюсь, что вы не буде-

---

[a] *Написано по-русски.*

те церемониться со мной — и очень спокойно скажете: *нет* — если у вас не будет желания заниматься этим, и 2°) это очень коротенькая вещица. По всей вероятности, я пошлю рукопись завтра[4].

Я покажу Ханыкову ваше письмо — он был совершенно прав, поощряя вас продолжать ваши лекции[5]. Имя *Иван* — единственно допустимое. Полагаю, вы доказали, что Иван III-й (дед Грозного) был подлинным основателем *Московского* государства[6]. Нет надобности добавлять, что я буду очень счастлив предоставить себя в ваше распоряжение в отношении всего того, что будет касаться сообщения сведений, литературной помощи и т.д. и т.д.; приезжайте же в Париж; но не позже 10-го апреля — вы не застанете меня здесь после этого срока.

Мне доставит огромное удовольствие увидеть переизданным ваш прекрасный перевод "Лизы"; но вы совершенно правы: без иллюстраций, если возможно![7]

Остаюсь, мой дорогой Рольстон,

совершенно преданный вам И. Тургенев.

На конверте: *Angleterre*[6]. В. Рольстону, эск⟨вай⟩ру.
Лондон. Британский музей.

3603. Бернгарду Эриху Бере (с. 18)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 48.
Суббота, 14 фев. 74.

Милостивый государь,

Только что я получил рукопись "Записок охотника"[1]. Сразу же берусь за ее прочтение. Вы пишете мне, что я должен Вас известить, когда она будет *готова к печати*; но я ведь должен ее возвратить, а куда? — в Рудольштадт или в Ригу? — Покорно прошу сообщить мне об этом.

В начале апреля я уезжаю отсюда[2].

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3604[а]. Жанне де Турбе (с. 19)

С французского:

⟨...⟩ Я в отчаянии от того, что со мной приключилось... Когда я третьего дня — и даже вчера еще виделся с Флобером — я чувствовал себя лучше...[1] но с сегодняшнего утра произошло ухудшение и едва ли я смогу подняться по лестнице ⟨...⟩

---

[6] Англия (*франц.*).

3608. Полине Брюэр (с. 21)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Воскресенье, 22 фев. 74.

Дорогая Полинетта,

Я не писал тебе до сих пор, потому что ожидал от твоего мужа сообщения относительно охоты. Сейчас, к моему большому сожалению, я вынужден сказать тебе, что я не смогу приехать в Ружмон *до* свадьбы, которая состоится в пятницу *6 марта* (в мэрии) и *в субботу 7-го* в церкви[1]. Я приеду к тебе *9-го* и пробуду дня два.

Надеюсь, что отныне у вас все будет благополучно. Мое здоровье поправилось. Я очень рад, что карлсбадские соли помогли госпоже Иннис: передай ей от меня тысячу приветов.

Целую тебя, а также Жаннетту и Гастона. Потерпите немного.

Ив. Тургенев.

3609. Вильяму Рольстону (с. 21)

С английского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Воскресенье, 22 фев. 74.

Мой дорогой друг,

Очень благодарен вам за добрые намерения по поводу моей "безделки"[а] — но все же боюсь, что чтение рукописи причинит вам много хлопот. Больше того, "il va de soi"[б] — как говорят французы, — что вы *не* будете переводить эту вещь, если она вам не понравится. Я надеюсь, мы оба выше подобных церемоний[1].

Я был бы очень рад узнать некоторые подробности относительно ваших оксфордских чтений. Появятся ли они в газетах? Если да, то будьте так добры прислать их мне[2].

Я был бы очень польщен, если бы прославленный Оксфордский университет присудил мне почетную степень; но не слишком ли это честолюбиво и не спросит ли публика: кто этот человек — и отчего такой почет?[3] Я, конечно, приеду в Англию, если г-н Холл (Беллок) повторит свое прошлогоднее приглашение, — охота на куропаток начинается с 1-го сентября — поэтому я приеду около 20-го или 25 августа[4]. Но, я полагаю, в это время года в университетах никого не бывает.

Свадьба дочери г-жи Виардо состоится 6-го марта — и весь дом (и я также) занят всевозможными делами[5]. Но это радостное

[а] *Написано по-русски.*
[б] "само собой разумеется" (*франц.*).

возбуждение. Здоровье мое хорошо. Ваше также, я надеюсь. Au revoir[в] в Париже — и остаюсь

совершенно преданный вам Ив. Тургенев.

На конверте: *Angleterre*[г]. В. Рольстону, эск⟨вай⟩ру.
Британский музей. *Лондон*.

3612. Хьялмару Бойесену (с. 24)

С английского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Вторник, 24 фев., 74.

Любезный господин Хьялмар Бойесен,

Я только что почти одновременно получил присланную мне вами книгу г-на Хоуэллса — за изучение которой я принялся сразу же[1] — и ваше теплое и сердечное письмо[2]. Нет нужды говорить, сколь я польщен сочувственным отношением американской публики к моим произведениям[3]; я повторял вам неоднократно во время вашего пребывания в Париже[4], как глубоко я почитаю ваших соотечественников; я только хотел бы еще раз заверить вас, что знакомство с вами доставило мне величайшее удовольствие и что я буду с большим интересом следить за каждым вашим шагом на литературном пути, открывающемся теперь перед вами.

Полагаюсь на ваше обещание прислать мне вашу книгу, как только она выйдет[5].

Одно из самых сильных моих желаний — посетить самому вашу страну — Новый Свет, который для Старого Света является тем, чем Будущее для Настоящего или Прошедшего, — и я надеюсь, что исполню это желание прежде, чем покину эту землю[6]. А пока разрешите мне выразить вам этим письмом мои уверения в искренних чувствах и мои горячие приветствия всем знакомым и незнакомым друзьям, которые у меня могут быть по ту сторону Атлантики.

Остаюсь, милостивый государь,

совершенно преданный вам Ив. Тургенев.

P.S. Я пробуду в Париже до 20-го апреля, а затем уеду на 3 или 4 месяца, которые проведу в основном в России. Надеюсь получить от вас известие до отъезда из Франции[7].

На конверте: Etats Unis d'*Amérique*[а].
Хьялмару Х. Бойесену, эск⟨вай⟩ру.
Итака, Н⟨ью⟩-Й⟨орк⟩. *С⟨оединенные⟩ Ш⟨таты⟩*.

[в] До свидания (*франц.*).
[г] Англия (*франц.*).
[а] Соединенные Штаты *Америки* (*франц.*).

3613. Джордж Элиот (с. 25)

С английского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Среда, 25-го фев. 74.

Любезная г-жа Льюис,

Должен поблагодарить вас за ваше очень милое и чрезвычайно лестное письмо[1].

Вы можете хорошо представить, любезная сударыня, какое удовольствие и какую гордость испытал я, читая его. — Написать нечто, одобренное *Джордж Элиот*, то есть одним из величайших и симпатичнейших авторов нашего времени, — приятно, конечно, — и я вновь благодарю вас за сказанное.

Я очень хотел бы вернуться в Англию и при этом иметь некоторую надежду повидать вас. Весьма сожалею, то не смог поехать в прошлом году к г-ну Холлу, — особенно с тех пор как вы сообщили, что мне посчастливилось бы повстречать вас там; но, возможно, я буду иметь это удовольствие следующей осенью[2].

Я передал госпоже Виардо относящийся к ней милый отрывок из вашего письма — и она хочет, чтобы я написал вам, что она также сохраняет живое воспоминание о том дне, когда она своим пением смогла угодить той, чей благородный и честный талант она глубоко чтит.

Пожалуйста, любезная г-жа Льюис, будьте добры передать мой самый сердечный привет вашему мужу — а сами принять горячее выражение восхищения, с которым остаюсь

совершенно преданный вам
Иван Тургенев.

3615. Кларе Тургеневой (с. 26)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Воскресенье, утром.

Дорогая госпожа Тургенева,

Я не могу быть у вас сегодня — у меня небольшой нарыв в *носу* (я уже вчера мучился от этого в церкви) — и теперь надо подождать конца этой маленькой неприятности. Надеюсь, что завтра или, самое позднее, во вторник я смогу быть у вас, чтобы поговорить о вашем решении, которое, признаюсь, вызывает у меня скорее удивление, чем восхищение[1]. Пока сердечно жму вам руку.

Совершенно вам преданный И. Тургенев.

3618. Полю Бурже (?) (с. 28)

С французского:

Ул. Дуэ, 48.
Понедельник, 9 марта.

Мой дорогой Поль,

Если вы хотите присутствовать на генеральной репетиции "Кандидата" которая состоится завтра, во вторник[1], будьте ровно в половине первого пополудни около Vaudeville (или около кафе того же названия) и ждите меня.

Привет и братство![2]

Ив. Тургенев.

3620. Эмилю Дюрану (с. 29)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Вторник, 11 марта 1874[a].

Сударь,

До сих пор я не имел возможности прочесть рукопись, которую вам было угодно мне доверить[1]; поэтому, дабы избавить вас от напрасной поездки, я попрошу вас отложить ваш визит до утра пятницы.

Одновременно посылаю вам Леконта де Лиля[2] и фельетоны из "Journal de St-Pétersbourg", которые меня очень заинтересовали[3].

Примите, сударь, уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев.

3621. Полине Брюэр (с. 29)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Четверг, 12 марта.

Дорогая Полинетта,

Решительно я обречен на неудачи[a]. Сегодня с утра у меня случился сильный приступ подагры в левой ноге. Сколько времени это продлится? Этого я не знаю — но пока что осужден на полную неподвижность. Я напишу тебе, как только произойдет какая-нибудь перемена — пока целую вас всех троих.

Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

[a] *Буквально*: крещен тресковой водой.

3628. Полине Брюэр (с. 35)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Четверг, 20 марта 1874[a].

Дорогая Полинетта,

Нам с тобой — нужно по-прежнему сохранять терпение. Вот уже неделя, как меня схватила подагра, а я всё еще не могу ступить на ногу — прыгаю по комнате с помощью двух костылей. Опухоль уменьшилась — но сказать, когда я поправлюсь, невозможно.

Ящичек, принесенный г-жой Иннис, отправляется сегодня — равно как и ботиночки, которые ты просила.

В понедельник ты получишь 500 ф-в. Пока целую вас всех троих.

Ив. Тургенев.

3631. Людвигу Пичу (с. 37)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Суббота, 21-го марта 1874.

Любезнейший друг,

Вот уже 10 дней, как меня мучит подагра в левой ноге — и я не могу пошевелиться; но это неважно. Вот уже две недели, как Диди стала — госпожой Шамро![1] — и от нее веет таким счастьем, и молодостью, и любовью, и нежно целомудренной чувственностью, что и описать невозможно: вот это, действительно, важно! Я же превратился в этакого варвара от искусства и сделался записным любителем живописи — приобрел (в числе других картин!) лесной пейзаж Диаса[2], который затмевает собой всё существующее! — это тоже кое-что значит! В общем, всё идет прекрасно: правда, литература совсем не идет — а всё семейство в полном здравии.

Через пять недель мы увидимся — непременно — если мы оба будем живы и если Вас можно будет *застать* в Берлине, что, кажется, с некоторых пор стало делом нелегким!![3] Сейчас я должен ехать в Россию — из-за сотни предосторожностей — и из осторожности. Этот каламбур я объясню Вам устно[4].

Поклонитесь всему Берлину. Что касается Юлиана Шмидта, то передайте ему, что я валяюсь перед ним во прахе — от стыда и позора, что так долго не писал ему! Но я, как говорят французы, ношу его в моем сердце, его и его любезную супругу.

Поклонитесь также Вашей жене, будьте все здоровы — и до свидания.

Ваш И. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

P.S. A propos[a], мой юный принц! Зачем Вы выболтали г. Мюллеру-Штрюбингу то, что я рассказал Вам о *побочной* семье Мануэля? Знаете ли Вы, что он тут же отправился к Мануэлю и завел с ним разговор на эту тему. "Кто Вам это сказал?" — набросился на него Мануэль. "Пич", — говорит Мюллер. "А кто сказал Пичу?" — рычит Мануэль. "Тургенев", — отвечает Мюллер. "О, чертовы болтуны, когда же они угомонятся, пусть отсохнут у них языки, — стонет Мануэль, — что будет с моей репутацией в Лондоне — теперь я конченый человек — у меня не останется ни одной ученицы!"[5] Мюллер молчит и отправляется пить пиво; а я — я задаю головомойку своему давнему другу Lodovico Ariosto Pietschio[б, 6].

3632. Фердинанду Лёве (с. 38)

С немецкого:

Примите мою благодарность за Крылова[1]. Я сразу же принялся читать. Рад, что могу высказать Вам свое совершенное удовлетворение Вашим переводом ⟨...⟩. В России Ваша работа уже получила широкое признание: будем надеяться, что и немецкой публике наш Лафонтен придется по вкусу. Рукопись моей последней новеллы только вчера отправлена в Петербург[2] ⟨...⟩ и если Вы возьмете на себя труд ее перевести, я с готовностью даю свою авторизацию ⟨...⟩[3]

Примите, милостивый государь,
уверение в моем искреннем уважении.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3637. Паулю Гейзе (с. 42)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Четверг, 2 апреля 74.

Дорогой Гейзе,

Мое долгое-долгое молчание совершенно непростительно; я это знаю и не пытаюсь даже извинить его — а хочу лишь немного объяснить. Дело в том, что в нем надо различать 3 периода. В течение 1-го я не читал Ваш роман[1]; во 2-м я его прочел и каждый день собирался написать Вам — но сделать это мне помешала лень; в 3-м же я молчал — из стыда, что так долго молчал. Это кажется странным — хотя вполне соответствует истине. Но теперь мое письмо, конечно, запоздало — успех Вашего романа подобен старой французской республике — "aveugle qui ne la voit pas"[a] — Вас уже перевели на русский язык — и мои соотечественники усерд-

[a] Кстати (*франц.*).
[б] Лодовико Ариосто Пичио (*итал.*).
[a] "слеп тот, кто ее не видит" (*франц.*).

но читают Вас[2] — я тоже обязан не одним приятно проведенным часом Вашей книге — но с Вами происходит то же, что и со мной: мы оба пишем не романы, а только удлиненные повести[3]. Мне незачем Вам долго разъяснять это — Вы знаете всё это так же хорошо, как и я — я лишь жму Вам руку — и говорю: браво — и вперед! А теперь к сути дела.

Получили ли Вы последнее произведение Флобера — "La Tentation de St Antoine"?[б] Я послал его Вам, потому что автор — мой близкий друг, а книга его очень оригинальна и значительна — и больше всего на свете мне хотелось бы, чтобы именно немецкая публика воздала ему должное и тем ободрила автора — который находится в немилости у здешних критиков — теперь Вам нетрудно будет угадать мое заветное желание? Если книга Вам понравится, то напишите статью о ней, мой дорогой Гейзе. Одно слово такого авторитетного человека, как Вы — имело бы уже большое значение. Флобера Вы очень обрадовали бы — меня тоже. Во всяком случае сообщите мне, какого Вы мнения о книге[4].

Я провел зиму в Париже — а теперь поеду в Россию (в начале мая). Июль я проведу в Карлсбаде, а потом в августе отправлюсь обратно в Париж — через Мюнхен, где навещу Вас[5]. Ведь дом Ваш, должно быть, уже давно готов — и птичка спокойно сидит в своем уютном гнездышке, не правда ли? Передайте сердечный привет госпоже Гейзе — и примите уверение в моей искренней преданности.

Ваш И. Тургенев.

3638. Паулю Линдау (с. 43)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Четверг, 2-го апреля 74.

Милостивый государь,

Я не имею чести быть лично знакомым с Вами — но надеюсь, что мое имя не осталось Вам неизвестно, так как я, между прочим, уже много лет нахожусь в дружеских отношениях с двумя Вашими братьями, Рихардом и Рудольфом[1]. Цель настоящего письма следующая: я хочу горячо рекомендовать Вам только что появившуюся книгу моего друга Г. Флобера "La Tentation de St Antoine"[а]. (Вероятно, Вы ее уже получили). Я прилежный читатель "Gegenwart"[2] — и всегда с нетерпением ожидаю Ваших статей, содержательных, остроумных и свидетельствующих об основательном знании французского духа[3]. Флоберу, несомненно, было бы очень лестно увидеть в "Gegenwart" рецензию на его труд, написанную Вашим пером[4].

[б] "Искушение св. Антония" (*фрснц.*).
[а] "Искушение св. Антония" (*франц.*).

Со своей стороны я могу только сказать, что считаю "Tentation" в высшей мере замечательным произведением — и надеюсь, что Вы разделите это мое мнение.

Прошу Вас извинить возможную нескромность моей просьбы и остаюсь с глубочайшим уважением

Ваш покорный слуга Иван Тургенев.

3639. Людвигу Пичу (с. 44)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Четверг, 2 апреля 74.

Дорогой Пич,

Вскоре Вы получите книгу моего друга Г. Флобера "La Tentation de St Antoine"[а] — может быть, она уже у Вас. Прочитайте ее — и если она Вам понравится, в чем я не сомневаюсь, то займитесь ею — она вполне достойна Вашего тонкого умного пера, сочините что-нибудь возвышенно-величественное — и я Вам буду бесконечно признателен. Дайте мне знать, в какой газете появится Ваша статья[1].

La casa[б] Виардо жива и здорова — моя подагра почти оставила меня — и через три недели я уезжаю и увижу Вас — deo volente[в] — в Берлине[2]. А пока будьте здоровы — и кланяйтесь семье и друзьям.

Ваш И. Тургенев.

3641. Генриху Лаубе (с. 45)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Четверг, 2-го апреля 74.

Милостивый государь,

По всей вероятности, Вы получили из Парижа книгу "La Tentation de St Antoine"[а] — и, возможно, недоумеваете, что это, собственно, означает? Спешу разрешить загадку.

Автор этой в высшей степени примечательной и значительной книги Г. Флобер — мой старый друг. Ему очень хочется, чтобы его книгу в Германии рецензировали компетентные, авторитетные критики, а мне очень хочется оказать ему услугу — и помочь осуществить его желание. В Берлин и Мюнхен я написал — но в Вене я не знаю ни одного критика![1] Теперь Вы, наверное, уже

[а] "Искушение св. Антония" (*франц.*).
[б] Семья (*исп.*).
[в] если Богу будет угодно (*лат.*).
[а] "Искушение св. Антония" (*франц.*).

догадались, о чем пойдет речь! Будьте так добры, прочитайте, пожалуйста, книгу Флобера — не сомневаюсь, она доставит Вам огромное удовольствие, и передайте ее с Вашей благосклонной рекомендацией — какой-нибудь знаменитости или выдающемуся таланту: и вот хорошая статья написана, на книгу обращено внимание публики — а мы оба, Флобер и я, остаемся перед Вами в неоплатном долгу[2]. Вы не откажете мне, дорогой господин Лаубе, не правда ли?[3]

В конце июня или в начале июля (самое позднее) я приеду в Карлсбад. Буду ли я иметь удовольствие встретить Вас там? Я был бы очень рад возобновить и продолжить прошлогоднее знакомство[4].

А пока крепко жму Вашу руку и остаюсь с искренним уважением

преданный Вам И. Тургенев.

3642. Вильяму Рольстону (с. 46)

С английского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Четверг, 2-го апреля 74.

Мой дорогой друг,

Я хочу просить вас об услуге (это уже стало моим обыкновением). Мой друг Г. Флобер только что опубликовал свою замечательную книгу "La Tentation de St Antoine"[а,1]. Он был бы очень рад, если бы дельные критики в Англии написали рецензию на нее. Не будете ли вы любезны назвать, скажем, *двух* таких критиков (из "Athenaeum", "Contemporary Review" и т.д.), которым следовало бы немедленно послать эту книгу?[2] Я был бы очень благодарен вам за скорый ответ.

"La Tentation" — самая поразительная вещь из всех, какие я когда-либо читал.

Что слышно о вашей поездке в Париж? Через три недели я покидаю Францию.

Примите сердечное рукопожатие от

совершенно преданного вам И. Тургенева.

P.S. Не поместили ли вы на днях что-нибудь в "Contemporary Review"?[3]

На конверте: *Angleterre*[б]. В. Рольстону, эск⟨вай⟩ру.
Британский музей. *Лондон*.

[а] "Искушение св. Антония" (*франц.*).
[б] *Англия* (*франц.*).

3644. Людвигу Фридлендеру (с. 47)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 48.
2-го апреля 74.

Милостивый государь,

Мне становится очень стыдно, когда я думаю о том, сколько времени я Вам не писал! Это совершенно непростительно — а потому я и не пытаюсь оправдываться, а просто взываю к Вашей доброте.

Через три недели я покидаю Париж и еду через Берлин и Кенигсберг в Россию. На этот раз я непременно сделаю всё для того, чтобы доставить себе удовольствие увидеть Вас и поговорить с Вами: но я пишу не просто с целью уведомить Вас об этом; маленькая змея, которая "in herba latet"[а], выглядит так. Вероятно, в ближайшие дни Вы получите только что вышедшую книгу моего друга Флобера "La Tentation de Saint Antoine"[б]; я выслал ее Вам и хотел бы горячо рекомендовать ее умному и глубокому критику Г. из а⟨угсбургской⟩ "Allgemeine Zeitung"[1]. По моему мнению, это выдающееся произведение; если Вы, как я надеюсь, согласитесь с моим мнением — а также сочтете достойным труда обсудить это литературное явление — то этим Вы весьма обрадуете моего друга — я же со своей стороны буду Вам премного благодарен[2]. Итак — dixi et animam meam salvavi[в].

Я живу здесь в доме Виардо; всё семейство пребывает в добром здравии и сердечно Вам кланяется. ("Lettre de faire part"[г] о радостном событии, свадьбе старшей дочери[3], — Вы, вероятно, уже получили?). Здоровье мое пока сносно: в последнее время подагра немного пощипала меня. А что поделываете Вы, любезный господин профессор? Как Ваше здоровье? Я был бы очень рад получить от Вас несколько строк.

Засим до свидания — и примите уверение в искреннем моем уважении и преданности.

Ваш Ив. Тургенев.

На конверте: *Allemagne du Nord*[д].
Господину профессору д-ру Фридлендеру в *Кенигсберг*.

[а] "прячется в траве" (*лат.*).
[б] "Искушение св. Антония" (*франц.*).
[в] сказал и спас свою душу (*лат.*).
[г] "письмо с сообщением" (*франц.*).
[д] *Северная Германия* (*франц.*).

3651. Жорж Санд (с. 52)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Среда, 15 апреля 1874.

Дорогая госпожа Санд,

Получив ваше письмо, я тотчас же написал нашему другу Плошю, чтобы он познакомил меня с г. Роллина[1]. Я буду счастлив ему услужить, о чем бы он ни просил. Перевод его я просмотрел, он очень хорош[2]. Может быть, Плошю приведет его завтра вечером (у г-жи Виардо по четвергам музицируют).

Что мне сказать о похвалах, которые вы расточаете моим "Мощам"? Они столь ошеломительны, что я едва осмеливаюсь за них благодарить[3]. Но, уверяю вас, я все же очень доволен и в связи с этим должен вам сказать одну вещь: я намеревался посвятить этот рассказ вам; но Виардо, которого я спросил, посоветовал мне подождать, пока я напишу что-либо более значительное и более достойное великого имени, которым я хотел его украсить. Теперь я сожалею, что не последовал первому побуждению, ибо кто знает, какова будет эта новая вещь? Во всяком случае, прошу вас иметь в виду это намерение.

Плошю сказал нам, что вы, возможно, приедете в Париж; но так как через три недели я отправляюсь в Россию, то боюсь, что увижу вас лишь осенью в Ноане. Надо набраться терпения!

Тысячу приветов всем вашим; нежно целую вам руки.

Ив. Тургенев.

P.S. Беру на себя смелость послать вам маленький бочонок устриц; нужно пользоваться последним месяцем с буквой "р"[4].

3654. Эмилю Золя (с. 55)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Пятница вечером.

Мой дорогой Золя,

Я очень огорчен, что заставил вас совершить бесполезную поездку. Мне казалось, я вам говорил, что буду дома до 2 часов. Простите мне мою забывчивость. Не придете ли вы завтра, или в воскресенье, или в понедельник *до* 2 часов, или же во вторник от 4 до 6? Я непременно буду вас ждать. В случае согласия известите меня о дне и часе.

Весь ваш Ив. Тургенев.

3658. Полине Брюэр (с. 57)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 48.
Воскресенье, 19 апреля 74.

Дорогая Полинетта, я не писал тебе до сих пор, потому что точно еще не знал, в какой день смогу отправиться в Ружмон. Ты можешь быть совершенно уверена в одном: я не уеду в Россию, не навестив предварительно тебя; и более чем вероятно, что приеду я на этой неделе. Ты будешь предупреждена об этом накануне[1].

Итак, до скорого свидания — будь здорова, целую вас всех троих.

Ив. Тургенев.

3660. А.Н. Тургеневу (с. 58)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Понедельник.

Мой дорогой Альберт,

Если вам безразлично, не могли ли бы вы прийти в *среду* (в 9 ч.) вместо завтрашнего дня? Завтра мне могут помешать другие дела. Очень прошу извинить меня за то, что я так распоряжаюсь вашим временем — но вы знаете, что человеку свойственно злоупотреблять любезностью ближних — и особенно когда она так велика, как ваша.

Заранее благодарю вас и остаюсь

совершенно вам преданный Ив. Тургенев.

3661. Кларе Тургеневой (с. 58)

С французского:

Улица Дуэ, 48.
Понедельник вечером.

Дорогая госпожа Тургенева,

С превеликим удовольствием принимаю ваше любезное приглашение на четверг.

Примите уверение в моих самых сердечных чувствах.

Совершенно вам преданный Ив. Тургенев.

3662. Валентине Делессер (с. 59)

С французского:

Вторник.
Улица Дуэ, 48.

Сударыня,

Меня очень радует ваше одобрение; я знаю, что дружба делает вас доброжелательной — но мне известен также ваш вкус, столь безупречный и тонкий[1]. Завтра я явлюсь к вам и лично поблагодарю за то, что вам пришла в голову мысль мне написать.

До свидания и тысяча дружеских приветов.

Совершенно преданный вам Ив. Тургенев.

3663. Жюлю Этцелю (с. 59)

С французского:

Улица Дуэ, 48
Вторник.

Мой дорогой Этцель,

Я очень рад узнать, что вы вернулись в Париж — и приду повидать вас и пожать вам руку завтра около полудня.

В⟨есь⟩ в⟨аш⟩ И. Тургенев.

3664. Людвигу Пичу (с. 59)

С немецкого:

Париж.
Среда, 22-го апр. 74.
Улица Дуэ, 50 (бывший 48).

Мой дорогой друг,

Никак не пойму, почему Вы еще не получили книгу Флобера. Придется ссориться с издателем по этому поводу[1].

Очень рад, что Вам и Ю. Шмидту понравились мои "Reliques vivantes"[a,2]. Что касается Ваших сомнений — то я могу сообщить следующее: тот же самый патриархальный староста, который сообщил мне имя (ибо все это *истинное* происшествие), объяснил — не без некоторой иронии и юмора — что *Клавдия* (так звали эту женщину) мочится только по воскресеньям (NB), а другую естественную потребность отправляет только по большим праздникам (стало быть, 6 или 8 раз в году) (Собственно у меня это вызвало такое же сомнение, как и у Вас). Каким образом это возможно — об этом Вы можете спросить врача. Тот же врач сможет объяснить Вам, каким образом случилось так, что тело бедной женщины стало твердым, как бронза, — стало быть, ни о каких пролежнях не

---

[a] "Живые мощи" (*франц*).

могло быть и речи! Правда, я посетил ее летом — и в помещении было много воздуха, а дверь... двери не было *вовсе,* — право, ma parole[б]! Я не почувствовал никакой вони! Вероятнее всего у нее было сотрясение спинного мозга.

Но довольно реализма! Где ⟨Вы⟩ будете через две недели — 6-го мая? Я в этот день буду в Берлине — гостиница "С.-Петербург" — и, разумеется, зайду к Вам[3].

Итак, до скорого свидания — и примите сердечное рукопожатие

от Вашего И. Тургенева.

NB. Эти "confidences"[в] я, конечно, вынужден был утаить от publico[г].

3666. А.А. Трубецкой (с. 61)

С французского:

Париж.
Ул. Дуэ,
50 (бывший 48)[1].
Пятница, 24 апреля 74.

Любезная княгиня,

Я был очень рад получить ваше письмо — и очень рад, что два моих чудака сумели вам понравиться[2]. Я бы выслал вам русский текст "Живых мощей"[а] немедленно, но эти господа из С.-Петербурга не соизволили доставить мне экземпляр[3]. Взамен "Мощей" позволяю себе вложить в этот конверт мой рассказ, который появился в одном петербургском еженедельнике. Я повествую в нем об одном эпизоде июньских дней 1848 г., которому был свидетелем[4].

Через неделю я отправлюсь в Россию и вернусь только к началу августа[5]. Часто я упрекаю себя в том, что так и не совершил — в течение почти целого года — поездки в Бельфонтен; откладываю это удовольствие до первых погожих дней осени[6].

Очень огорчился, узнав, что здоровье князя по-прежнему слабое[7]. Что до княгини Орловой, то очень надеюсь, что весна и деревенский воздух избавят ее от остатков болезни, которую она привезла из Парижа. Передайте ей мои наилучшие пожелания, а также князю и м-ль Марианне[8]. Все семейство Виардо присоединяется к моей благодарности за вашу добрую память. Молодые супруги продолжают парить в облаках[9].

Сердечно пожимаю вам руку и прошу вас принять уверение в искренних чувствах

совершенно вам преданного
Ив. Тургенева.

[б] честное слово! (*франц.*).
[в] "признания" (*франц.*).
[г] публики (*исп.*).
[а] *В оригинале название написано по-русски.*

3668. Бернгарду Эриху Бере (с. 62)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 50 (бывший 48).
Вторник, 28/16 апреля 74.

Милостивый государь,

Я начинаю свое письмо с извинений за долгое молчание. Я должен был бы уже давно послать рукопись "Записок охотника" в Рудольштадт или по крайней мере объяснить Вам, почему я этого не сделал. Надеюсь, нескольких слов будет для объяснения достаточно[1].

Должен признаться, что перевод именно этих "Записок" показался мне гораздо менее удовлетворительным, чем прежние. (Даже с исправлениями.) Это тем более досадно, что "Записки охотника"[а] — по-видимому, самое долговечное из всего того, что я написал. Итак, делаю Вам следующее предложение. Через несколько дней я выезжаю в Россию; с 10/22 мая по 20 мая/2 июня я буду жить в Петербурге, в *гостинице Демута*; позже отправлюсь в Москву, оттуда в Орел и наконец в Карлсбад в Богемии, где пройду 6-недельное лечение. (С 25-го июня нового стиля по 10-е августа.) Вы, наверное, знаете, что в "Складчине"[б] (альманах, изданный в пользу голодающих в Самаре) появился новый фрагмент "Записок охотника" — "Живые мощи"[в]. Одновременно я написал другой фрагмент "Записок охотника", который предназначается для салаевского полного собрания и нигде больше не будет напечатан. Итак, я мог бы вручить в Петербурге Вам или Вашему поверенному рукопись "Записок", чтобы была возможность еще раз ее отредактировать; одновременно Вы получили бы от меня 2-ой фрагмент (предназначаемый для салаевского издания) в рукописи; Вы отдали бы его на перевод, а равно и "Живые мощи"; а затем сразу же отправили бы все вместе в Рудольштадт, чтобы там могли начать печатание в *конце июня*. Корректуру я с удовольствием взял бы в Карлсбаде, и, при незначительном расстоянии между Карлсбадом и Рудольштадтом, печатание могло бы быстро продвигаться вперед. Тем самым немецкая публика получила бы "Записки охотника" в более полном виде[2].

Если Вы со всем этим согласны, то будьте любезны написать мне несколько слов — не сюда, а в *Берлин*, гостиница "С.-Петербург", Унтер-ден-Линден. Во всяком случае, в Петербург я приеду с рукописью 10/22 мая.

Я привезу еще и немецкий перевод "Записок охотника", сделанный Больцем; он кишит ошибками, но обладает некоторым свежим колоритом и мог бы служить для сравнения[3].

Примите уверение в моем искреннем уважении.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[а] *Написано по-русски.*

[б] *Написано по-русски.*

[в] *Написано по-русски.*

3669. Полине Брюэр (с. 63)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50 (бывший 48).
Пятница, 1-го мая 74.

Дорогая Полинетта,

Жди меня *наверняка* в понедельник с поездом, который отправляется отсюда в 11 часов.

До свидания — целую тебя.

Ив. Тургенев.

3670. Людвигу Пичу (с. 64)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50 (бывший 48).
Понедельник, 4-е мая 74.

Любезнейший Пич,

Пишу всего несколько слов, чтобы известить Вас, что, несмотря на самое горячее желание, я никак не смогу провести с Вами в Берлине день 6-го мая, так как я выезжаю отсюда только 8-го (в пятницу), 9-е и 10-е проведу в Баден-Бадене и лишь 11-го прибуду в Берлин, где я, разумеется, тотчас же извещу Вас — итак, ровно через неделю, если мы все будем живы![1] Надеюсь, что когда мы встретимся, Ваше здоровье будет в лучшем состоянии, а пока сердечно жму Вашу руку и кланяюсь всем друзьям.

Ваш Ив. Тургенев.

3674. Полине Брюэр (с. 66)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Вторник, 12 мая 1874.

Дорогая Полинетта,

Я выезжаю сегодня вечером в 8 ч. Напишу тебе, как только приеду в С.-Петербург[1].

Я оставил г-же Арнгольт деньги, необходимые для покупки комплекта постельных принадлежностей и пюпитра — и все это тебе пошлют на днях.

Я остался очень доволен моей последней поездкой к тебе. Надеюсь, что отныне все пойдет хорошо: дела, здоровье, настроение. Целую вас всех троих.

В августе я надеюсь привезти денег.

Еще раз будьте все здоровы.

Ив. Тургенев.

3675. Эмилю Дюрану (с. 67)

С французского:

Мой дорогой господин Дюран,

Вот то, что вам причитается за ваш 2-й фельетон — 55 франков. Это не много, но вы знаете русскую поговорку:

"Курочка по зернышку клюет, сыта бывает".

Тысяча приветов и до свидания в августе.

Совершенно вам преданный Ив. Тургенев.

Вторник.
Улица Дуэ, 50.

3681. Гюставу Флоберу (с. 69)

С французского:

Берлин. Гостиница "С.-Петербург".
Воскресенье, 17 мая 1874.

Мой дорогой друг,

Посылаю вам статью об "Антонии", только что появившуюся в "Nationalzeitung". Ее написал К. Френцель — и в целом она довольно благожелательна[1]. Но почему экземпляры, о которых я просил, не посланы Юлиану Шмидту, первому литературному критику Германии, и Людвигу Пичу, ее первому фельетонисту? Я ведь указал их имена в моем списке — *совершенно уверен* в этом. Исправьте эту оплошность как можно скорее. Я снова даю адреса:

Д-р Юлиан Шмидт, Курфюрстенштрассе, № 70, Берлин.

Г-н Людвиг Пич, Ландграфенштрассе, № 8, Берлин.

Я видел их обоих — и оба они жаловались, что ничего не получили[2].

Это письмо я пишу вам в Париж, так как полагаю, что вы еще там: впрочем, если вас там уже нет, вам его перешлют[3].

Сегодня вечером я уезжаю в Петербург — если со мной ничего не случится, послезавтра буду там обедать. Мой адрес в С.-П⟨етербурге⟩ — *гостиница Демута.*

Сердечно вас обнимаю.

Ваш старый И. Тургенев.

3682. Бернгарду Эриху Бере (с. 70)

С немецкого:

Берлин.
Гостиница "С.-Петербург".
Воскресенье, 17 мая 1874.

Милостивый государь,

Я получил Ваше письмо, переговорил с г-ном Л. Пичем и могу Вам сообщить, что он взял на себя редактирование рукописи и напишет Вам об этом[1]. К моему возвращению в конце июня все бу-

дет готово, рукопись будет в руках типографа в Рудольштадте и можно будет тотчас же начать печатание и посылать мне корректуры в Карлсбад. Послезавтра, во вторник, 19/7 мая я приеду в Петербург, расположусь в гостинице Демута, где останусь на десять дней — до 29/17-го мая и куда покорно прошу прислать мне перевод "Живых мощей". — Вы, в свою очередь, получите копию нового фрагмента "Записок охотника"[2].

Таким образом, дело хорошо уладится.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3683. Полине Виардо (с. 71)

С французского:

№ 5

С.-Петербург.
Гостиница Демута, № 53.
Вторник вечером, 7/19 мая 74.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[а], я благополучно прибыл сегодня в 8 ч. вечера — расположился я в двух превосходных комнатах, оставленных для меня, умылся, разобрал свои вещи, — и теперь отправлюсь спать, поскольку почти не спал две предыдущие ночи и очень измучен. Завтра рано утром я дам телеграмму и напишу письмо[1] — а пока говорю вам спокойной ночи и желаю всего самого лучшего. — До завтра!

Среда, полночь, 8/20 мая.

Да здравствует телеграфно-негритянский стиль![2] Решительно он лучше всего может передать обилие фактов. — Госпожа де Севинье содрогнулась бы от ужаса[3] — но наш век более matter of fact[б]. Это не преграда добрым чувствам — напротив... Но хватит болтать.

Ночь провел прекрасно! Два раза просыпался от собственного храпа. Пришел к убеждению, что обвиняли меня в этом не зря. — Кровать длинная, ровная, немного жесткая, как мне нравится, — белье наисвежайшее. Утром — вот диво! солнце! На улице мужицкие лица, кафтаны, маленькие дрожки, пыль, голуби, солдаты, выряженные в длинные сюртуки, и т.д., и т.д. — Мне кажется, что я всегда только это и видел. — Выпил чаю, оделся, вышел. Пронизывающий холод. Величина листьев на деревьях = ⟨*рисунок*⟩. — Памятник Екатерине II "phrasenhaft"[в], рококо — но впечатляет[4]. Послал телеграмму. — Взял значительную сумму

[а] самый дорогой друг (*нем.*).
[б] прозаический (*англ.*).
[в] пышный (*нем.*).

денег, присланных моим издателем[5]. — Нанес визиты: г-ну Арапетову, г-ну Полонскому, г-ну Николаю Тютчеву. В сущности, эти имена ничего вам не говорят. — Старые друзья. — Полонский читал мне стихи, которые ни хороши, ни дурны. У него негнущееся колено, добрая женушка, ребенок, хорошенький, но грязноватый, голубь, который свободно летает по комнате и делает ка-ка повсюду — и он беден — Полонский, а не голубь. — Посетил художественную выставку этого года — вы понимаете, что я не мог пропустить, это дань прошлому, Друо![6] Одна лишь ужасная мазня, годная на то, чтобы выбросить ее в Неву, которая течет под окнами. — Естественно, я исключаю картины Харламова, которые все очень хороши. — Передайте ему, что я с удовольствием посмотрел еще раз на его итальянку, изображенную во весь рост, с цветами в переднике[7]. — Обед у издателя журнала, печатающего мои сочинения[8], — с 4 или 5 литераторами. — Все очень любезны — очень хороший обед — но я не дурак — почти ничего не ел. — Выпил один единственный бокальчик шампанского — из вежливости. Громкие и длинные речи о внутренних делах, о политике Франции... Ей это, должно быть, принесет большую пользу!! Великая радость по поводу падения моего личного врага: трагический индюк. — Не знаю, но мне кажется, что он не очень-то пал — он еще может подняться, ничтожество!! А как подумаешь, что его может сменить г-н де Гулар... Не слишком большой повод для воодушевления[9].

Вечер окончился у г-жи Абаза. — Множество вопросов о вас, о Диди, о ее муже. — В Петербурге "пение умолкло", русская опера закрыта[10] — и я не буду иметь удовольствия слушать эти прелестные какофонии. — В дороге я перевел мелодии и завтра отнесу их к Иогансену[11].

Надеюсь завтра получить письмо! Покойной ночи, theuerste Freundinn, я отправляюсь спать.

Четверг, 21/9 мая, $9^1/_2$ ч. утра.

Письма еще нет — но оно может прийти в течение дня. — Погода стоит отвратительная. — Сегодня великий день — Диди исполнилось 22 года! — Я напишу ей маленькое письмецо[12]. Что до Мариандль, я буду посылать ей "meine Reisebeschreibung"[г] с завтрашнего дня[13].

А сегодня я целую вас всех — und ich küsse aufs zärtlichste Ihre lieben, theueren Hände.

Der Ihrige[д] И.Т.

[г] "свой путевой дневник" (*нем.*).

[д] и с огромной нежностью целую ваши любимые, дорогие руки. Ваш (*нем.*).

3686. Клоди Шамро (с. 73)

С французского:

Для Диди

С.-Петербург.
Гостиница Демута, № 53.
Четверг, 21/9 мая 1894.

Моя дорогая, милая маленькая Диди, сегодня для нас обоих счастливый день: для тебя, потому что ты в этот день родилась каких-нибудь 22 года тому назад — а для меня — по той же причине. Мне очень грустно проводить его вдали от тебя — но мысленно я не покинул ни Париж, ни дом № 70 по Университетской улице, ни тебя, ни твоего славного муженька[1], которого люблю почти так же, как тебя. Мысль о том, что ты счастлива и довольна, радует мое старое сердце. Нет, мое сердце, оставшееся молодым в теле, — скажем, уже зрелом; и я целую тебя, целую вас обоих со всей силой моей любви.

22 года тому назад я тоже был в Петербурге — я даже находился в тюрьме — в предварительном заключении на съезжей[2]. Хотел бы я пойти туда, войти, будь это возможно, в ту, впрочем, чистенькую комнату, куда меня посадили, и бросить оттуда беглый взгляд на эти 22 года, одной из самых больших прелестей и самых больших радостей которых была — ты, моя дорогая маленькая Диди. Прими же мои поздравления и пожелания и пусть это длится еще долго как для тебя, так и для меня, и позволь мне сжать тебя еще раз в моих объятиях, как и твоего "Лулу"[3].

До свидания в Буживале, 15 августа, а пока будь здорова и вспоминай иногда

твоего старого
И. Тургенева.

3687. Полине Виардо (с. 74)

С французского:

№ 5 (или 6?)[1]

С.-Петербург,
гостиница Демута, № 53.
Пятница утром, 22/10 мая 74.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[a], я только что получил ваше большое и доброе письмо и очень благодарю вас за него[2]. Я очень рад, что все идет хорошо (поскольку надеюсь, что ревматические боли у Виардо уже прошли). Сегодня десять дней, как я покинул Париж, это 9-я часть разлуки — терпение — остальные 8 тоже пройдут (спасибо за присланный фельетон)[3].

---

[a] самый дорогой друг (*нем.*).

Пятница, полночь.

Невозможно передать, до чего здесь ужасная погода — сильный холод, дождь, снег, и все деревья выглядят по-зимнему, вот так прекрасный месяц май! Старожилы (те, что, как полагает Диккенс, никогда ничего не помнят) впали в оцепенение. — "Mal de muchos, consuelo de tontos"[б]. Кажется, в Европе тоже стоит плохая погода, но плохая относительно, не имеющая ничего общего с тем, что творится здесь.

Негритянский язык, вперед![4]

Вечером, после довольно скверного обеда в гостинице, русский театр (единственный, еще открытый; оперы уже нет — а мне хотелось бы послушать продукцию наших современных гениев[5]) — три пьесы, две отвратительные, одна плохая. В плохой старый московский актер, Шумский, весьма второразрядный, напоминающий мне Боткина, и новая актриса, м-ль Савина, не без таланта, лицо красивое и умное, но очень злое; голос ужасный, сильно отдающий русской горничной[6]. Видел в ложе наследника[7] и его жену, принцессу Дагмару. Он ужасно растолстел, но лицо славное и честное; она сильно подурнела. Из театра отправился к г-же Абаза (Штуббе). Ничего особенно интересного. Сегодня утром дела, визиты; один русский поэт читал мне довольно скверные стихи[8]; погода по-прежнему ужасная. — Обед у старых друзей, Тютчевых. — Старики постарели, молодежь подросла; это совершенно естественно и все же странно и почти удивительно. Ел *судака*, очень вкусную русскую рыбу, вполне съедобную — и икру, какой не встретишь и в Париже у Кювейе. — После обеда играл в вист — выиграл (Виардо счел бы это вполне естественным). — Выиграл мало: 6 копеек, то есть 20 сантимов. — Вечером пошел к другому приятелю, экс-профессору и литератору Кавелину; у него очаровательная дочь, которая не так давно вышла замуж за племянника художника Брюллова[9]; много болтал, но все же больше слушал, чем говорил — и вот возвратился и пишу вам и желаю вам доброй и спокойной ночи.

Суббота, 23/11 мая, 3 часа.

Tempus horribile, Schweinewetter, horrible weather, chien de temps[в], скверная погода[г]!!

Theuerste Freundinn, я вернулся из Эрмитажа, где провел почти три часа. Там полным-полно чудес. Не говоря уже об известных вещах, знаменитых, Рембрандта, Рейсдаля, Тенирса, Поттера, Воувермана и т.д. и т.д. и т.д. Но среди картин, загнанных на самый верх, принесенных в жертву, сколько таких, которые, появись они в Отеле Друо[10], вскружили бы головы всем ценителям искусства! Я открыл 2 картины Эвердингена (в особенности морской

[б] "Всеобщее зло — утешение для дураков" (*исп.*).

[в] скверная погода (*лат., нем., англ., франц.*).

[г] *Эти слова написаны по-русски.*

пейзаж: ужасный шторм, а на переднем плане *светло*, в глубине — одинокая полуразрушенная башня на крутом берегу и страшные тучи) — одну картину Изака Остаде! одну П. де Хооха! одну В. дер Меера!![11] А потом по обыкновению и прежде всего папашу Рембрандта — и рыжую девочку, опершуюся на метлу[12], которая заставляет меня сожалеть, что не я спас императора[13]; потому что в награду я попросил бы у него эту картину... Позволил также одному приятелю вытащить меня во дворец великой кн. Марии (она отсутствовала), чтобы посмотреть на китайские безделушки и редкости. Ничего особенно впечатляющего. Ничего, что стоило бы моей вазы[14].

Через 4 или 5 дней я еду в Москву. Маслова уже там не будет, он уехал в Крым — возможно, я остановлюсь у своего брата[15]. Маслов передал одному моему знакомому бумаги, которые я должен взять с собой[16].

До сих пор здоровье мое отменно, но это потому, что я очень "осторожен"!

Надо снова идти по делам и т.д. Я начну № 6 (или 7) завтра. Надеюсь получить письмо. Пока же горячо целую вас всех, а вам нежно целую руки. Мариандль ничего не потеряет от своего ожидания[17].

Der Ihrige[A] И. Тург.

3688. Полине Виардо (с. 76)

С французского:

№ 7

С.-Петербург
Гостиница Демута, № 53.
Понедельник вечером, 13/25 мая 74.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[a], сегодня утром я получил ваше письмо (вместе с письмом от Виардо и от "ваших"[1]). Оно очаровательно со всех точек зрения, и я обещаю вам, что украду у вас описание чижика, ставшего жертвой своего неистового пения. Это восхитительно. Отвечу на ваши вопросы: нет, дочь Пича еще не вышла замуж — она обручена и может оставаться в таком положении 10 лет[2]. Менцель не рассердился, он только немного жалуется, что вы ему предпочли Пича — поскольку он считает, что любит вас по крайней мере так же, как он[3]. Раз уж вы прочитали "Маттео Фальконе" Мериме, прочитайте и оригинал в томике Шамиссо, который у вас есть, и сравните[4]. Спасибо за то, что отослали том Пичу[5] — ручаюсь вам, что он не потеряется. У вас прелестная погода. У нас по-прежнему отвратительная. Вчера я не совершил ничего такого, о чем стоило бы вам рассказать.

[A] Ваш (*нем.*).
[a] самый дорогой друг (*нем.*).

Сегодня я обедал у г-жи Абаза, где узнал о смерти бедной г-жи Мухановой в Варшаве после ужасных страданий... Sic transit!..[б] Завтра отправлюсь к г-же Абаза, чтобы окончательно подогнать русский текст к словам ваших романсов — и потом отнесу их к Иогансену[6], я также перевел на немецкий "Юношу"[в,7]:

"Bitterlich weinte das Mädchen; sie schalt treulos den geliebten...
An Ihre Schulter gelehnt, plötzlich — sieh da! schlief er ein.
Plötzlich schwieg auch das Mädchen, leis seinen
Schlummer bewachend
NB. Sah ihn — und lächelt ihn an, während die Thräne noch rann"[г].

NB. Эта строка будет еще переделана.

Стихотворение посредственное, но перевод, мне кажется, точный.

NB. "Rosenzeit"[д] было переведено и опубликовано в Петербурге[8].

Часть вечера я провел с дочерью Соллогуба, г-жой Сабуровой. Отец хотел прийти и не пришел...

Среда утром.

Время проходит очень быстро, и я толком не знаю как. Я вижу много народу, усиленно изучаю верхи, низы, с разных сторон, я хотел бы, как губка, впитать в себя всевозможные материалы, которые позже извергну[9] — прошу прощения за это не слишком изящное сравнение. Мы исправили текст с г-жой А⟨база⟩[10], и я собираюсь отнести всё к Иогансену[11]. Надо, чтобы корректуры были готовы к моему отъезду, чтобы вы могли их исправить, поскольку издание появится лишь в начале зимы или осенью, при возобновлении сезона.

Мне ясно, что облик русского общества сильно изменился за последние годы. Молодое поколение выказывает по отношению ко мне гораздо более благосклонности, нежели во время моего последнего путешествия, — но очень трудно сказать, что же происходит чуть ниже поверхности, которая кажется очень спокойной и очень однородной.

Получил письмо от брата, я еще застану его в Москве, куда собираюсь в конце недели. Маслов в Крыму. Брат не приглашает меня остановиться у него — и я предполагаю, что остановлюсь у М⟨аслова⟩, даже в его отсутствие. Он оставил слугу и всех домашних в Москве.

Вам не следует думать, что продление моего пребывания в Пе-

[б] Так проходит! (*лат.* усеч. от: Sic transit gloria mundi! — Так проходит мирская слава!).

[в] *В оригинале название написано по-русски.*

[г] *Вольный перевод на немецкий язык стихотворения Пушкина "Юноша и дева".*

[д] "Время роз" (*нем.*).

тербурге может повлиять на дату моего возвращения: чем больше времени я проведу здесь, тем меньше в деревне — вот и всё.

"Искушение" бедняги Флобера потерпело здесь сокрушительное фиаско; предполагали, что будет запрещена продажа: вовсе нет, можно видеть том в витринах книжных лавок — но он не продается[12]. Consummatum est!![е]

Я совершенно не понимаю, что это за новое министерство г-на Мак-Магона — или, скорее, боюсь, что понимаю слишком хорошо. Не находимся ли мы накануне клерикально-военного переворота?[13] Попросите В⟨иардо⟩ изложить мне в двух словах его мнение на этот счет[14]. Поздравляю его с новым приобретением — неужели это снова Морони?[15]

До завтра, theuerste, liebste Freundinn[ж], обнимаю всех, не забывая маленьких Шампро[16], и нежно целую ваши руки.

Der Ihrige[з]
И.Т.

3690. Полине Виардо (с. 78)

С французского:

№ 8

С.-Петербург.
Гостиница Демута, № 53.
Четверг вечером, 28/16 мая 74.

Добрый день, дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[а] — или, вернее, доброй ночи — так как бьет полночь. — Сегодня утром я получим вашу записочку с милым письмецом от доброй маленькой Мариандль (позавчера я послал ей смешное письмо)[1]. У вас там все идет хорошо — и это делает меня очень счастливым. Здесь тоже дела идут довольно хорошо. Сегодня у нас был настоящий весенний день — первый в этом году — но деревья еще черные.

Вновь прибегаю к негритянскому стилю[2], чтобы рассказать вам о двух истекших днях.

Среда. — Делал визиты с утра до обеда. — Принимал визиты. Калейдоскоп знакомых и незнакомых лиц. — Дамы и господа в красном, розовом, голубом — всех цветов. Начинает надоедать — но необходимо! — Погода прелестная — не без порывов ледяного и пронизывающего ветра. — Здоровье отменное — ревматические боли в плече незначительные. — Обед у итальянского консула, некоего г. Пинто, очень старого знакомого, весьма любезного человека, которому я лет пятнадцать тому назад оказал кое-какие

[е] Конечно (*лат.*).
[ж] самый дорогой, самый любимый друг (*нем.*).
[з] Ваш (*нем.*).
[а] самый дорогой друг (*нем.*).

мелкие услуги[3] и который хочет засвидетельствовать мне свою признательность. Милые дети, хороший обед, сдержанный и спокойный разговор. Вечером в театре — актер *Шумский* в довольно известной в России пьесе; главный персонаж: пройдоха. Шумский — не хорош, слишком стар и слишком однообразен[4]. Играет остатками таланта в духе Буффе. — В ложе Гедеонова. — Он приходит и приглашает меня позавтракать у него в *пятницу* (завтра) — он покажет мне Эрмитаж...[5] Una corvèa![б] В ложе министр внутренних дел и шеф тайной полиции[6] — Бррр! Черт побери! Эти господа удаляются.

Четверг. — Весь день с 10 утра до шести — в суде присяжных. Две кражи и одно изнасилование. Суд присяжных признает всех *невиновными.* — Тем не менее изнасилование (и к тому же невинной девушки!) было совершенно доказано. — Впечатление очень тягостное, типы и лица очень интересные — в особенности бедной жертвы. — (*Соблазнитель* отвратительный, старый, ужасный!). — Сравнение между нею и француженкой, окажись та на ее месте. Француженка либо трепетала бы от негодования, либо плакала горючими слезами; — русская — как овца, неспособная сопротивляться. Что ближе к истине — не знаю. — Однако — в конце концов она упала в обморок. Адвокаты были плохие, многоречивые и пошлые — а ужасный человек был *оправдан!* — Кажется, суд присяжных в 8 случаях из 10 выносит оправдательный приговор. — Началось с того, что оправдали двух воров — но тому было объяснение: один из них был бедняком (бывшим дворянином, умирающим с голоду), который украл на кухне индюшку и двух уток — и был пойман in flagranti[в] — в тот самый момент, когда он, укрывшись в уборной, привязывал дичь к поясу с помощью галстука; — другая кража не была доказана. — В общем хорошо, что я присутствовал при всем этом. Дело об изнасиловании слушалось при закрытых дверях — и меня собирались выгнать с остатками публики — когда вдруг выяснилось, что я являюсь почетным мировым судьей Жиздринского уезда Калужской губернии и мне позволили — да что я говорю! пригласили меня остаться.

Обед у г-на Головнина, бывшего министра народного просвещения. В свое время его считали не на месте, но рядом с тем, что сейчас[7], он — светоч. Присутствовали еще два министра (каково! только-то!!). — Разговор важный и тяжеловесный, сдобренный то здесь, то там *постными* анекдотцами. Что поделаешь, все это необходимо.

С завтрашнего дня я приступлю к № 9[8]. Мне сдается, что вы скоро собираетесь в Буживаль. Тысяча и тысяча поцелуев всем — нежно целую ваши руки.

Auf ewig Der Ihrige[г]
И.Т.

[б] Тоска! (*итал.*).

[в] на месте преступления, с поличным (*итал.*).

[г] Навеки ваш (*нем.*).

3691. Бернгарду Эриху Бере (с. 80)

С немецкого:

С.-Петербург.
Гостиница Демута, 53.
Пятница, 17 мая 74.

Милостивый государь,

Адрес господина Л. Пича следующий: *Берлин, Ландграфенштрассе*, № 8. Надеюсь, он уже вступил с Вами в переписку.

Что касается перевода "Живых мощей", то прошу Вас направить его, как только он будет заново сделан, также господину Пичу. Но только не следует с этим запаздывать, так как в начале июня он, вероятно, покинет Берлин. Я, со своей стороны, напишу ему об этом.

Рукопись последнего очерка, совсем короткого, я пошлю Вам из Москвы, куда отправляюсь в следующую среду. Он занимает *пред*последнее место в "Записках охотника": — так что у нас будет достаточно времени, необходимого для того, чтобы в дни моего пребывания в Карлсбаде вставить его вовремя и на должное место. Через месяц a dato[a] я буду там, а может быть, даже немного раньше — и тотчас же извещу рудольштадтскую типографию, которая к тому времени, надеюсь, уже давно будет располагать окончательно исправленной рукописью, присланной г-ном Пичем в Рудольштадт[1].

Поскольку Вы, кажется, испытываете некоторые трудности с переводчиками, я хотел бы обратить Ваше внимание на г-жу *Клер фон Глюмер,* которую мне чрезвычайно хвалил Пауль Гейзе в Мюнхене. Она очень помогла ему в работе над "Избранными иностранными новеллами"[2].

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3692. Людвигу Пичу (с. 81)

С немецкого:

С.-Петербург. Гостиница Демута, № 53.
Суббота, 30/18-го мая 74.

Дорогой друг Пич,

Напишите мне несколько строк в ответ на следующие вопросы:

1.) Получили ли Вы из Парижа рукопись[1] и французскую книгу?[2]

2.) Писали ли Вы книгопродавцу Бере и договорились ли относительно условий?[3]

---

[a] с этого дня (*лат.*).

Я уезжаю из Петербурга в *четверг* и еду в *Москву* — напишите мне в Москву по следующему адресу:

Г-ну И.Т.,

на Пречистенке, дом Тургенева. *Москва* (Россия).

Должно быть, Вы еще получите от Берсеркера[4] перевод последней вещицы "Живые мощи" — сделайте милость, сравните его с французским текстом[5].

У меня все хорошо, несмотря на здешнюю суету и суматоху. Дружески кланяюсь семье и друзьям.

Ваш И. Тургенев.

P.S. Когда закончите Геркулесов труд (я вспоминаю Авгиевы конюшни), отошлите все в Рудольштадт, в придворную типографию Г. Фребеля.

3693. Полине Виардо (с. 81)

С французского:

№ 10

С.-Петербург.
Гостиница Демута, № 53.
Воскресенье, 19/31 мая 74.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[а], я все еще здесь — и предполагаю, что вам, должно быть, мое пребывание здесь кажется слишком долгим: но я ведь уже писал вам, это ни на день не продлит моего отсутствия. — Оно составит три месяца, и 10-е августа встретит меня в Буживале[1], si Dios quiere[б], как говорит неверующий Виардо[2]. Это наводит меня на мысль, что завтра — 1 июня, начало контракта с г-жой Альган[3]. Если у вас — такая же прекрасная погода, как у нас вот уже три дня, ваша эмиграция[4] состоится вскоре.

"Плохой вид" милой Диди немного беспокоит меня; я уверен, что деревенский воздух очень пойдет ей на пользу. — Я написал ей маленькое письмецо 10 дней тому назад, 21 мая[5].

(Кстати) вам не следует присылать мне "Atlantic Review", у меня он есть, и я поблагодарю за него г-на Леви[6].

E adesso — racontar[в].

Пятница, в 1 час дня. — Завтрак у и с Гедеоновым. — Как всегда, мало симпатичен — и внутренне, и даже внешне. — Необычайная самоуверенность в суждениях с его стороны. Он показал мне весь *свой* Эрмитаж[7]; смотреть в таком обществе картины доставляет мало удовольствия. Его замечания заставляют меня думать, что он в этом почти ничего не смыслит, но самоуверен был донельзя.

[а] самый дорогой друг (*нем.*).

[б] если Богу будет угодно (*исп.*).

[в] А теперь — начнем рассказ (*итал.*).

Потом он прочитал мне нечно вроде либретто-оперы-балета в 4-х действиях, на русском языке, которое показалось мне (только ради Бога, между нами, так как ему я сказал противоположное) *медведем* самых чистых кровей! Он толкует о том, чтобы перевести это и передать Верди, который *один* лишь и т.д., и т.д.[8] О ля, ля, о ля, ля! как воскликнул тот бедный парижский мальчишка, когда я наступил ему на ногу своим ботинком. И все же я был счастлив вновь увидеть моего маленького романтического сфинкса.

Обед у князя Оболенского с г-жой Абаза и с князем и княгиней Гагариными. Две молодые княгини (Гагарина и Оболенская) обладают очень, очень красивыми голосами (контральто и сопрано) и хотели бы брать у вас уроки. — Но я боюсь, что музыкантшами они будут весьма посредственными, особенно контральто. Их расшевелила г-жа Абаза — и я полагаю, что она хорошо поставила им голоса и т.д., и т.д.

Вечером я пошел в русский театр — последнее представление с Шумским, пьеса Островского — которуя я очень люблю и которая, неизвестно почему, называется "Лес". Там есть один характер — странствующего провинциального *трагика*, принимающего всерьез добрые и благородные чувства, которые должен выражать, —что порождает трогательные и комические ситуации. — Актрисы, к сожалению, отвратительные[9].

Суббота — вчера, день прошел в бегах, визитах, делах, денежных выплатах и т.д., и т.д. Я обедал в Английском клубе с кучей старинных знакомых, возраст чудовищно изменил их (они, должно быть думали то же обо мне!). Как много облысевших лбов, поседевших или совсем седых волос, сколько двойных подбородков, сколько плешивых затылков, либо ожиревших и тоже двойных, сколько обвислых животов, сколько дрожащих ног! Ужас! В качестве утешения надо сказать, что многие стали высокопревосходительствами, главнокомандующими, вроде генерала Бума![10]

Я останусь здесь до *среды*. — В четверг я буду в Москве, а в ближайшее воскресенье уезжаю в Спасское. — Вы знаете — я писал вам об этом — что Маслов находится в Крыму, но поскольку мой брат не пригласил меня остановиться у него, я поселюсь в доме Маслова в его отсутствие — он оставил слугу.

Я посетил большую галерею современной живописи, завещанную графом Кушелевым Академии художеств: ничего особенно примечательного, кроме одной большой картины... Жюля Дюпре, которая помещена над дверью[11] и которую легко продали бы за 6 или 7000 франков в Отеле Друо[12].

Сегодня вечером начну № 11[13].

А пока, чтобы не откладывать на потом, обнимаю вас всех сто тысяч раз и с нежностью целую ваши дорогие руки.

Auf ewig
Der Ihrige[г]
И.Т.

[г] Навеки ваш (*нем.*).

3696. Полине Виардо (с. 84)

С французского:

№ 11

С.-Петербург.
Гостиница Демута, № 53.

Вторник вечером, $\frac{\text{21 мая}}{\text{2 июня}}$ 1874.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[a], я больше не получаю писем от вас — и знаю почему: вы предполагаете, что я в Москве и пишете мне в Москву. Я остался здесь намного дольше, чем предполагал. Но *послезавтра*, в *четверг*[1], я определенно уезжаю. А все-таки тяжело не получать писем: ваши были такими добрыми и очаровательными[2].

Знаете, где я провел весь сегодняшний день? — В пятнадцати верстах от Петербурга, в колонии для малолетних преступников. Это первое заведение такого рода в России: оно создано по образцу французских исправительных домов (Ла Меттре и др.[3]). Что необыкновенно, так это то, что согласно правилам, установленным весьма либеральным комитетом, здесь нет ни телесных наказаний, ни тюрьмы, ни карцера. — Даже во время Поста не постятся! Несмотря на все это, несмотря на скверное моральное и материальное положение, в котором находятся все эти юные преступники, — достигнутые результаты поразительны! Я нигде не встречал такой простоты, я бы даже сказал, благопристойности, хорошего настроения, таких откровенных и гуманных отношений между властью и подчиненными. — Все они живут свободно, и никто не помышляет о побеге. — Надо сказать, что начальником там человек совершенно замечательный, образцовый педагог, спокойный, умный, выдержанный и мягкий, посвятивший себя этому делу, этому служению. — Он подает *руку* всем этим воришкам... Совершенно удивительная подробность для России, страны, надо сказать, поразительной. — Секрет заключается в том, чтобы высвободить пружину человеческого достоинства, самолюбия, если хотите, которое никогда окончательно не исчезает, как бы низко ни пало человеческое существо.

Имя начальника — *Герд*, это английская семья, давно осевшая в Петербурге. — Возможно, такое смешение необходимо.

Погода немного улучшилась, и на деревьях появляется едва заметная чахлая зелень. — В воскресенье и в понедельник в Летнем саду были народные гуляния с благотворительной лотереей. — Я взял билетов на 45 франков и выиграл позолоченную серебряную ложечку, цена которой 4 или 5.

Среда вечером.

Сегодня я обедал у старика Петрова, которому отнес ваш романс[4] и который очарован им. (NB. Я также навестил г-жу Нис-

---

[a] самый дорогой друг (*нем.*).

сен; видел ее, видел ее мужа в парике (г-жа Ниссен по-прежнему вся в бородавках, но они, кажется, стали меньше; не грусть ли в связи с ее уходом из Консерватории вызвала это странное убавление?). Встретил у нее также г-жу Решке, очень красивую особу, честное слово, белокурую и белолицую, которую г-жа Ниссен называет своей лучшей ученицей и которая должна вскоре дебютировать в Венеции. Возвращаясь к Петрову, скажу, что он вас попрежнему обожает. — У него стоит ваш бюст, увенчанный лавровым венком, всё еще очень похожий[5]. Видел также его жену (контральто), которой 60 лет и у которой нет ни одного верхнего зуба[6]. И что же! после обеда она спела два довольно странных, но трогательных романса Мусоргского (автора "Бориса Годунова" — который там присутствовал) голосом все еще восхитительным, тембр его молод, выразителен, очарователен! — Я был совершенно изумлен и растроган — до слез, уверяю вас. Этот Мусоргский сыграл нам — и нельзя сказать спел — *прохрипел* — несколько отрывков из своей оперы и из другой, которую сейчас сочиняет, и, право же, мне это показалось самобытным, интересным![7] Старый Петров спел свою партию старого монаха, пьяницы и ерника (его зовут Варлаам, посмотрите перевод Пушкина, сделанный Виардо[8]) — превосходно. Я начинаю верить, что у всего этого есть будущее[9]. — Мусоргский отдаленно напоминает Глинку; только нос у него совершенно красный (к сожалению, он пьяница), глаза тусклые, но красивые, и маленькие поджатые губы на крупном лице с отвислыми щеками. — Он мне понравился; очень естественен и сдержан. Он сыграл нам вступление к своей второй опере[10]. Это слегка напоминает Вагнера, но красиво и проникновенно. — Итак, вперед, господа русские!!

Я еще напишу вам до отъезда и пошлю телеграмму из Москвы — сгораю от нетерпения найти там письма! А пока обнимаю всех, а вам целую руки.

Der Ihrige[б] И.Т.

3698. Полине Виардо (с. 86)

С французского:

№ 12

С.-Петербург.
Гостиница Демута, № 53.
Суббота утром, 25 мая / 6 июня 74.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[а], вы будете очень удивлены, получив это письмо и узнав, что я еще в П⟨етер⟩-б⟨ур⟩ге, и я тоже удивлен, но на сей раз это произошло против мо-

---

[б] Ваш (*нем.*).
[а] самый дорогой друг (*нем.*).

ей воли. Я должен был уехать позавчера, в четверг, в Москву, и уже дал телеграмму брату, чтобы предупредить его, как встретил г-на Сгасова, великого критика, пророка, главу и т.д. всей новой музыкальной школы в России; он приглашает меня провести вечер у него — говоря, что у него в этот день соберутся все эти господа и что А. Рубинштейн специально приедет из Петергофа (где он купил дом). — Новая школа не признает его как композитора, но она "принимает" его в качестве исполнителя. — Я соглашаюсь отложить свое путешествие на день: любопытство распирало меня, да еще мысль о возможности рассказывать вам всё это! — В 7 ч. 1/2 я приезжаю. Вся школа там: г. Кюи, Бородин, Римский-Корсаков с женой, Мусоргский — и Рубинштейн. Рубинштейн, с которым мы сердечно расцеловались, спрашивает о вас (между прочим, он очень подурнел, его лицо расплылось во все стороны) — затем он садится за фортепиано — и восхитительно играет, хотя и слишком громко, серьезные вариации Шумана, одну из последних сонат Бетховена, две пьесы Шопена. — Во время его игры я чувствую, что у меня начинаются спазмы — колики; — но ведь я ничего не ел! — Я проглатываю одну или две мятных пастилки, но напрасно! колики усиливаются, переходят из живота в поясницу и становятся такими жестокими, что я уже не могу ни стоять, ни сидеть, ни лежать — я хочу вернуться домой... Невозможно! Я вынужден согнуться пополам, боли становятся невыносимыми, немыслимыми, холодный пот струится по всему телу, словно приближается смерть! — Нет, это еще не смерть, и это не холера, как вы, может быть, подумали, это *почечная колика.* До сих пор мне было лишь известно это слово, теперь я знаю, что оно означает: в качестве пытки это превосходно! Я навожу ужас на всех присутствующих музыкантов, бегут за доктором, приводят его из соседнего полицейского участка — он заставляет меня проглотить обезболивающее, меня обкладывают горячими салфетками, покрывают горчичниками... проходит два часа — наконец я в состоянии вернуться в гостиницу; один из сопровождавших меня молодых людей предлагает остаться со мной на ночь — и хорошо делает: потому что ночью приступ возобновляется[1]. — Снова посылают за доктором — на сей раз это акушер, наконец, к утру, боли утихают, но я по-прежнему остаюсь в согнутом положении до тех пор, пока один из бесчисленных докторов, которые градом сыплются на мою голову, не посоветовал мне принять горячую ванну. — Я возвращаюсь в обычное состояние, хотя и очень ослаблен, и провожу вечер лежа на диване, в окружении людей, которые болтают, курят и выказывают мне, надо сказать, самые дружеские знаки внимания. — Ночь проходит сносно, и утром я чувствую себя — почти — как жаворонок — но сегодня в 10 ч. вечера будет еще небольшая консультация — доктор Айхвальд, соперник Боткина[2], должен прийти и посмотреть, что нужно делать, чтобы подобное приключение не повторилось. — Самое очевидное из всего этого — то, что мой отъезд отложен на 3 дня; что в течение этих

трех дней у меня не будет писем от вас — это очень жестоко, и что я не услышу — собственными ушами — чудес новой русской школы![3]

В данный момент я припоминаю, что и у вас однажды, не помню где, кажется, в Булони, была колика такого же рода.

Не знаю, до какой степени талантливы или гениальны, согласно г-ну Стасову, все эти господа — но должен сказать, что они показали себя очень любезными и милыми.

Были ли вы знакомы в Варшаве с некоей г-жой Щербачевой? — Ее сын, высокий, бледный молодой человек[4] с развевающимися волосами и густыми черными бровями, говорящий возбужденно, неестественно и нервозно, обожающий Листа и Берлиоза, поэт, композитор и художник, и, как я подозреваю, кругленький нуль, уверял меня, что его мать была одной из ваших самых задушевных подруг. Он тоже присутствовал у г-на Стасова.

Настоящая пустыня — всё это время, что я провожу, не имея от вас известий: ужасно. Я предполагаю, что вы уже в Буживале. Погода установилась прекрасная даже здесь — деревья зеленеют на глазах.

Запомните твердо: все эти отсрочки *не являются* отсрочками. *15 августа* (самое позднее!) я въеду в Буживаль. — Это непреложно!!! А пока жаворонок вас всех обнимает, а вам я очень нежно целую руки.

Ewig Der Ihrige[б] И.Т.

3701. Полине Виардо (с. 89)

С французского:

№ 14

Москва.
В доме Удельной конторы.
Вторник вечером, 28 мая / 9 июня 1874.

Дорогая и добрая госпожа Виардо, theuerste Freundinn — ecco mi al fine in Babilonia![а] [1] — последнее слово как нельзя более уместно (хотя город Москва показался мне чертовски уродливым, грязным и смрадным) — так как я поселился во дворце, ведь Маслов, покидая Москву, оставил мне свои просторные апартаменты. — Правда, что до слуг, то у меня лишь один старый отставной солдат, который постоянно пребывает между двумя... стаканами водки — но это пустяк. — Вообразите мое счастье, когда я нашел *шесть* писем от вас![2] Если бы вы видели, сколько раз я их читал и перечитывал, вы бы наверняка не стали упрекать меня в том, что я не обращаю на них внимания. — Я собираюсь отвечать на них по

[б] Навеки ваш (*нем.*).

[а] Самый дорогой друг (*нем.*) — вот я наконец в Вавилонии! (*итал.*).

порядку: а пока я хочу рассказать вам в двух словах, что произошло со мной в П⟨етер⟩бурге после последнего письма к вам[3]. 1) Моя *колика* прошла[4]; 2) в течение дня у меня был настоящий поток докторов, присланных друзьями; 3) Консультация г-на *Айхвальда* состоялась; он заставил меня раздеться догола, как червяка, стучал по всему моему телу огромным молотком — под предлогом выслушивания — и наконец объявил, что ничто не мешает мне прожить еще 30 лет; — что мои почки и мочевой пузырь (простите!) действительно были немного воспалены — но что Карлсбад, несомненно, принесет мне пользу. — Затем — он сразил меня своим благородством, отказавшись взять с меня что-либо (как и другой доктор) — вот так! В день моего отъезда пришла моя очередь давать консультации; четырем авторам — из которых трое молодых и один старый! — Я не мог быть таким утешителем, как г. Айхвальд: у одного из молодых есть, правда, искра поэтического таланта — но сколько еще надо работать! — Затем я уехал — в *понедельник* (вы замечаете, что у меня обычно все приезды — и отъезды — приходятся на понедельники) — в 7 $^1/_2$ ч. вечера. — А сегодня в 11 ч. утра — я был гостем Маслова. Брат пришел повидать меня — он чувствует себя превосходно, но его нос превратился в нечто необычайное!! Потом пришли еще два друга; мы отобедали вместе — (в 2 ч. я послал вам телеграмму[5]) потом мы отправились посмотреть "Ревизора" Гоголя, разыгранного плохими актерами перед пустым залом[6]. — И вот я наконец за столом и пишу вам. — Полночь — но мне совсем не хочется спать. — Внимание! Давайте-ка сделаем обозрение ваших писем — и ответим на заключенные в них вопросы:

№ 7 — Прелестное письмо — с цитатами из г-жи Акерман, которые чрезвычайно меня поразили. — Мне следует перечитать эту даму. — В одном стихотворении А. де Мюссе есть 4 строки, которые напоминают этот нигилистический "game" ⟨?⟩ [б] [7]:

И руки (персть земли) соединив, от счастья
Минутного дрожа, они мечтать могли
Уйти от демона, который без участья
Глядит на смерть земли[8].

Но насколько у нее сильнее. — Всё, что вы говорите по этому поводу — великолепно!

Коль скоро "Rosenzeit"[в] уже награвировано — я должен был посвятить м-ль Ниссен "Soldatenbraut"[г], "Nachtwandler"[д] — *Петрову*; "Im April"[е] м-ль *Ирецкой*, "Finniches Lied"[ж] г-же *Поляковой*;

[б] Зд. "пассаж", "шутка" (*англ.*).
[в] "Время роз" (*нем.*).
[г] "Солдатскую невесту" (*нем.*).
[д] "Слепец" (*нем.*).
[е] "В апреле" (*нем.*).
[ж] "Финскую песню" (*нем.*).

"Юношу"[з] м-ль *Лавровской*. — Вы ничего не говорили о г-же Абаза, и потом, она больше совсем не поет. — Жаль, что невозможно съездить в Веймар! — Я рад узнать, что девицы Юбер оправляются от ужасного удара.

№ 8 — Письмо с приложенным к нему письмом Гейзе[10]. — Я сожалею об отъезде Харламова в Эмс — но очень рад, что портрет становится восхитительным[11]. — Условия Иогансена прежние: 25 *руб.* за романс. — Я привезу или пришлю из Карлсбада корректуры. — Вы оплачиваете почтовые расходы весьма исправно.

№ 9 — Очаровательное описание *Четверга* с "Мирейль"[12]. Я украду у вас слова "*впечатление археологической улыбки*".

№ 10 — Вы ничего не получили от меня — это опоздание было невольным — я был аккуратен. — Сверхсмешная цитата из Гюго! — Это неизлечимый безумец — гораздо более, чем невольный[13]. — Нет, мне не хорошо в России — но так было на...адо, надо было остаться в Петербурге, так, вроде бы, говорит Бильбоке[14]. Надо было сделать этюды. — Что до *поклонниц*, о которых я не рассказываю — так это, увы! потому, что я их не встречал — никаких. Во всяком случае — они не объявились.

№ 11 — Большое и милое письмо от доброй маленькой Мариандль[15], которую я крепко целую и которой напишу — в стихах! — из Москвы[16]. — Она вдохновляет меня на стихи! — Я счастлив — задним числом узнать, — что мои письма наконец дошли. Если вы увидите г-жу Санд, скажите ей, что я припадаю к ее стопам и рассчитываю увидеться с нею в сентябре месяце в Ноане[17].

№ 12 и послед⟨нее⟩ — Все, что вы говорите о Мериме, сама правда. — Когда вы не захотите больше давать уроки пения, сделайтесь преподавателем эстетики — вы разбираетесь в ней гораздо больше, чем многие из этих господ. — Получил письмо от Флобера — бедняга! Он говорит, что *опустошен*, — и даже, возможно, не подозревает, до какой степени прав[18]. — Я уверен, что в настоящее время вы находитесь в Буживале — но я не нарушаю указаний — и напишу на улицу Дуэ.

А теперь покойной ночи, theuerste Freundinn[и], я иду спать.

Среда, $\frac{\text{10 июня}}{\text{29 мая}}$.

Провел превосходную ночь — собираюсь пуститься в бега — возьмусь снова за перо сегодня вечером[19] — а пока — целую нежно всех — und küsse mit Inbrunst Ihre lieben Hände.

Der Ihrige[к] И.Т.

[з] *Это название написано в оригинале по-русски.*

[и] самый дорогой друг (*нем.*).

[к] и горячо целую ваши любимые руки. Ваш (*нем.*).

3703. Людвигу Пичу (с. 92)

С немецкого:

Москва.
Суббота, 13/1 июня 74.

Мой дорогой друг,

Ваше письмо от ⟨*рисунок*⟩ 74... (что означает сей иероглиф — мне так и не удалось понять) я получил только здесь и только сегодня[1] — и тороплюсь с ответом. Через несколько дней я отправляюсь к себе в имение — и, deo volente[а], приеду в Берлин только в начале июля, когда Вас там, разумеется, уже не будет[2]. Что Вам сказать относительно злополучного перевода? Даю Вам *cartissima blanchissima*[б]. Делайте что хотите и как хотите — может быть, всего лучше эту machine[в] отослать Берсеркеру — потому что французский перевод тяжеловат — но *точен*[3]. Как уже сказано — я назначаю Вас *диктатором!* — и таким образом ловко снимаю с себя всякую ответственность!!

№ 2. Мейрера я не забыл, виделся с Ренненкампфом, действительно большим ослом — и узнал от него, что Мейрер получит пока *половину* всей суммы. Разве он ее еще не получил? Завтра напишу Мейреру — пусть известит меня об этом — может быть, я еще сумею чего-либо добиться, будучи проездом в П⟨етер⟩бурге. Но мое влияние — к сожалению! — весьма и весьма ничтожно, я имел случай убедиться в этом[4].

№ 3. Тургенев en question[г] — не я и не мой брат — а известный политико-эконом господин Николай Тургенев — умерший в 1872 г. в Париже — и оставивший после себя семью — жену, дочь и 2 сыновей — которые занимают роскошный дом на улице Лилль, 97, в Париже (они, кстати, чрезвычайно богаты). Госпожа Клара Тургенева не раз уже говорила мне об этом королевском подарке — и, если господин Д. обратится к ней, она, несомненно, ответит ему с радостью и без всякого промедления[5].

Я живу сносно, моя *cara patria*[д] — все же удивительная страна! Семейству Виардо тоже живется хорошо; опасаются только *fausse couche*[е] у моей дорогой Диди...[6] Это было бы тяжелым ударом!

Кланяйтесь всем добрым друзьям — и до свидания... где? и когда? — об этом знают звезды и молчат.

Ваш И. Тургенев.

[а] если Богу будет угодно (*лат.*).

[б] *полнейшую свободу действий* (*франц. и лат., шутл.*).

[в] штуку (*франц.*).

[г] о котором идет речь (*франц.*).

[д] *дорогое отечество* (*итал.*).

[е] *преждевременных родов (франц.).*

3706. Эмилю Золя (с. 94)

С французского:

Спасское.
Орловская губерния, город Мценск.
Четверг, 17/5 июня 1874[a].

Мой дорогой Золя,

Если у вас есть атлас, отыщите в нем карту России и проведите пальцем от Москвы по направлению к Черному морю; на вашем пути — немного севернее Орла — вы обнаружите город Мценск. Так вот! моя деревня находится в 10 километрах от этого места с довольно труднопроизносимым, как видите, названием. Это совершенная глушь — тихая, зеленая, печальная. Если я смогу работать, то останусь здесь на некоторое время, если нет — бегу отсюда и после полуторамесячного пребывания в Карлсбаде возвращаюсь в Париж, где непременно с вами увижусь.

А теперь о делах!

В Петербурге я пришел к убеждению, что при современном состоянии международного законодательства нет никакой возможности помешать первому встречному переводить вас и издавать[1]; вот почему мне не удалось пристроить "Завоевание Плассана". Никаких его переводов еще не появилось, но издатель журнала, о котором я вам говорил, не захотел рисковать, заказывая перевод, который может оказаться не первым[2]. (В то время, когда я уезжал из Петербурга, один издатель только что выпустил "Добычу" под заглавием, означающим буквально: "Добыча, брошенная собакам"[3]). Но поскольку упомянутый издатель очень заинтересован в том, чтобы публиковать ваши произведения в своем журнале, он предлагает через мое посредничество платить вам за всё, что вы будете посылать ему в рукописи или в корректурах, по 30 рублей (105 франков) за каждый печатный лист, а так как он должен почти столько же платить переводчику, то я нахожу, что это разумная плата и вам следует ее принять[4]. Ответ пошлите мне по следующему адресу:

"Г.И.Т. С.-Петербург, гостиница Демута, Большая Конюшенная улица".

Я буду там, самое позднее, дней через двадцать и смогу передать ваш ответ по назначению.

Издатель прочел ваше "Завоевание" и пришел от него в восторг.

Роман, который вы в настоящее время пишете, сильно меня занимает. Мне кажется, он будет превосходен. Сюжет его очень прост и вместе с тем очень своеобразен[5].

Недавно я написал Флоберу, но сильно опасаюсь, что письмо мое уже не застанет его в Круассе. Он собирался поехать освежиться в Швейцарию, на Риги[6]. Русская публика не клюнула на

---

[a] Так в тексте публикации.

его "Антония", который ведь даже не был запрещен![7] Этого обстоятельства ему знать не следует.

До свидания, желаю вам здоровья и хорошего настроения и сердечно жму вам руку.

Ив. Тургенев.

P.S. Политические события у вас принимают какой-то странный оборот[8].

3707. Гюставу Флоберу (с. 96)

С французского:

Спасское.
Орловская губерния, город Мценск.
Среда, 17/5 июня 1874.

Мой дорогой друг,

Пишу вам из моей дыры, куда я попал сегодня утром и где нашел ваше письмо от 1-го июня. Оно пролежало немало времени — как видите — но не по своей вине, как и не по вине г-жи Виардо[1]. Я не думал так долго оставаться в Петербурге и Москве — и сообщил маршрут или, вернее, распорядок моего времени, оказавшийся неточным. Досадно лишь, что начиная с 20-го — то есть с послезавтрашнего дня, вас уже не будет в Круассе и этому письму придется вас догонять[2]. Оно настигнет вас, я в этом уверен, и — всё же — это несколько сковывает мое перо.

Я не в первый раз пишу вам отсюда — вам знакома эта местность: вокруг все зелено, золотисто, просторно, однообразно, спокойно, ветхо и ужасающе неподвижно. Патриархальная скука, тягучая и засасывающая. Если я смогу работать, то пробуду здесь несколько недель; если же нет, стрелой полечу в Карлсбад — а оттуда в Париж. Мое пребывание в России — во всяком случае — не было бесполезным; я нашел — почти — то, что искал, но ведь, по правде говоря, я менее — гораздо менее — требователен, чем вы; вы же требовательны чрезмерно. Довольны ли вы романом Золя?[3] Я написал ему; я устроил его дела на будущее — это не Бог весть что; но лучше чем ничто. Его по-прежнему много читают в России — и переводят: только что опубликована его "Добыча"[4].

Решительно "Антоний" не для широкой публики: обыкновенные читатели в ужасе от него отшатнулись — даже в России. Я не думал, что соотечественники мои такие жеманные. Тем хуже! Но "Антоний" — книга, которая будет жить — несмотря ни на что[5].

По возвращении я расскажу вам в вашем уютном кабинете в Круассе немало такого, что заставит вас посмеяться. Очень странные — и интересные — вещи происходят в моем "cara patria"[a]. А сейчас из-за легкого злоупотребления молочной пищей, которое я себе позволил в надежде, что благодаря воздуху родных мест всё как-нибудь обойдется, меня мучают колики, и какой силы!! Они,

---

[a] "дорогом отечестве" (*итал.*).

должно быть, чувствуются даже в начертании букв тех слов, которые я пишу... Это и не удивительно и не интересно — что за собачий желудок!

А что за собачья политика в наши дни!!? А? Что вы об этом скажете? Мы с вами не любим, когда о ней говорят, — но как тут хотя бы не охнуть или не ахнуть![6]

Я с удовольствием думаю о том времени, когда мы сможем возобновить наши скромные и такие приятные обеды освистанных драматургов[7]. А пока, если это письмо еще застанет вас на одном из ледников Риги, постарайтесь как можно лучше освежиться!

Когда будете писать вашей милейшей племяннице, передавайте ей мои наилучшие пожелания. Мне ясно, что в России я ее не увижу[8].

Рисунок соотечественника — вид сзади (16 июня, при 16 градусах тепла).

⟨*Рисунок*⟩

Вслед за этим (не за этим задом) я вас обнимаю и говорю: до свидания.

Ваш старый Ив. Тургенев.

3710. Полине Виардо (с. 99)

С французского:

№ 20

Спасское.
(Орловская губ., город Мценск).
Четверг, 18/6 июня 1874.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[a], сию минуту мне принесли ваше письмо с классическим и восхитительным описанием "Реквиема" Верди![1] Полагаю, что я был бы счастлив послушать его вместе с вами! — В конце письма вы говорите о беспокойстве по поводу моей колики! Но последующие телеграммы и письма должны были доказать вам, что от нее не осталось и следа: для меня самым неприятным во всем этом была невозможность сообщить вам подробности о новой русской музыке[2]. — Обнадеживающие известия, которые вы сообщаете о Диди, очень меня обрадовали, впрочем, я этого ожидал — ведь ваше письмо было от 10 числа, а телеграмма Жоржа — от 14. Пусть она хорошенько отдохнет перед тем, как ехать в Буживаль![3] Я продолжаю писать вам на улицу Дуэ, хотя вы и в Буживале — но я полагаю, что из-за здешней почты — так надежнее. — Мне надо бы послушать "Самсона" Сен-Санса с Вернье[4]; — поэтому не следует исполнять его до 15 августа; уверен, что к тому времени я буду там.

Погода стоит прекрасная; сад великолепен — но изрядно меланхоличен — с этой *старинной* тишиной, которая лишь усугуб-

---

[a] самый дорогой друг (*нем.*).

ляется беспрерывным карканьем ворон (rooks[6]), которые как раз выводят свое потомство из гнезд. Я уже подвергся нападениям бедняков, которые видят во мне столь долгожданную дойную корову! Что вы хотите! Я позволяю доить себя — до некоторого предела.

Я посетил школу[5] — 17 учеников — зимой было более 60. Учителем здесь сельский дьячок, человек довольно глупый — но не пьяница и не злой. Самый умный ученик — восьмилетний мальчик, круглый сирота, незаконнорожденный. Голова большая, умные и печальные глаза, большой, хорошо очерченный рот. Я хочу взять его под свое покровительство. Экзамен по чтению, письму, арифметике и Закону Божьему! — Экз⟨аменатор⟩: — Назовите родителей Св. Иоанна Крестителя? — Захарий и Елисавета. — Что было чудесного в рождении Св. Иоанна? — Елисавета была уже очень старой — и ее муж тоже — и когда пришла весть, Елисавета сказала: я так стара, как же я смогу зачать? — Но для Бога нет ничего невозможного... и т.д.[6] — Все это в устах восьмилетнего мальчика. — Что за прелестная вещь христианское предание! — Что поделать? Учителей можно брать только из духовного сословия!

Затем я посетил больницу, — или, вернее, богадельню[7]. Здесь очень чисто и все хорошо устроено: 5 стариков и 4 старухи. Собираются поместить туда еще одну старуху. Среди стариков одному —91 год, другому — 85; один крив и не в себе, четвертый идиот. Одна женщина слепая, у другой отнялись ноги. Бедное человечество! Надо было обнять каждого; они плакали, не от радости меня видеть или от признательности, но от жалости к самим себе и от того смутного страха смерти, который исторгает из глаз стариков эти маленькие круглые слезинки... Что ж! Их постели, которые в сущности являются смертным ложем, чисты, их домашнее платье тоже чистое; кормят их хорошо.

У меня был длинный разговор с управляющим. В целом дела идут неплохо, и урожай ожидается хороший. Завтра мне угрожает нашествие крестьян, которые тоже хотят сорвать с меня хоть шерсти клок — или подоить меня. Но они уже достаточно получили. Истинный бич России, это пьянство — бессмысленное, безжалостное, безумное. В Спасском, совсем маленькой деревне, имеются теперь *два* кабака!!

Пятница.

Приходили крестьяне. У нас с ними была часовая беседа на балконе, или на террасе дома. Кончилось тем, что я подарил им десятину леса и полтора ведра водки (на 6 рублей — 21 франк). Все были в новых кафтанах, и тем не менее, если вдруг перенести их на Итальянский бульвар, какое потрясающее впечатление они бы произвели!

---

[6] ворон (*англ.*).

Погода по-прежнему стоит теплая, слишком теплая, потому что нет дождя, а он-то и нужен для овса! Я работал над маленьким рассказом, обещанным моему издателю Салаеву[8]. Часть дня я провожу в саду — привлекаю внимание птиц; — все они собираются посмотреть, что это за незнакомое и странное чудище, которое захватило их территорию? — Из-под моих ног вспорхнул коростель, и я вспомнил, что это ваша любимая дичь. Здесь есть только одно старое, совершенно заржавленное ружье — и зарядить его нечем.

Вот наконец и бедный князь Трубецкой отправился удостовериться, правда ли то, что рассказывали ему его иезуиты![9] Вспоминаю наши совместные охоты в Баден-Бадене и других местах и выстрелы его циркулярного ружья.

Маленькая Марианна! до завтра... На этот раз будет не *волк*[10]. Через неделю я уезжаю из Спасского.

А пока всех вас обнимаю, а вам очень нежно целую руки.

Der Ihrige[в] И.Т.

P.S. Не забудьте фотографию *Жоржа*![11]

3713. Клоди Шамро (с. 103)

С французского:

Спасское.
(Орловской губ.
город Мценск).
Понедельник, 22/10 июня 1874.

Дорогая моя, милая маленькая Диди, я пишу тебе в Буживаль, так как предполагаю, что ты находишься там — и в особенности потому, что очень хочу, чтобы ты была там — это было бы доказательством того, что здоровье твое позволило тебе выехать за пределы Парижа. Нет нужды повторять тебе, какие волнения ты мне причинила, — к счастью, ответ милого Жоржа на мою телеграмму успокоил меня. Он был помечен 14 числом — а письма мамы, полученные до 13-го, — окончательно убеждают меня в том, что это была всего лишь ложная тревога[1]. Теперь же хорошенько береги себя, будь умницей — потому что ты должна быть "похожа на жаворонка" к приезду твоего старого друга, который надеется прижать тебя к своему сердцу около 12 августа, через 7 недель...[2] Это большой срок. Что поделаешь! Твой толстый Жорж написал мне слишком уж много хорошего, дабы поблагодарить за всё, что я *имел счастье* сделать для тебя[3]. Это мне следует благодарить вас обоих — 1) тебя, за то, что ты появилась на свет и стала тем, что ты есть; 2) его, за то, что он заслужил твою любовь и любит тебя, и сделал тебя счастливой; 3) тебя, за то, что ты меня любишь; 4) его, за то, что

[в] Ваш (*нем.*).

он тоже меня любит, потому что я уверен в этом — надеюсь быть уверенным в этом; так что не будем больше говорить о признательности — и обнимемся все как есть.

Ты знаешь, что я уже 5 дней нахожусь в Спасском — и пробуду здесь еще столько же[4]. Я много гуляю — работаю — и время проходит. Я недавно задал угощение (орехи, пирожки и по 10 копеек на человека) всей моей школе[5]; там есть головки, которые ты бы с удовольствием нарисовала. Один мальчуган 7 лет, красивый, как херувим, с вьющимися каштановыми волосами и огромными черными, ясными, наивными и немного глуповатыми глазами: он очарователен, но не силен в ученьи. Самый сильный в классе: мальчонка 8 лет (сирота и незаконнорожденный), не красив, но лицо имеет замечательное — огромная голова и совершенно морщинистый лоб, но не так, как у стариков — а как у молодого пса (замечала ты подобное?). Это придает ему удивительно задумчивый вид. К тому же густые брови — немного как у императрицы Евгении[6] — вот такие:

⟨*Рисунок*⟩

а под ними серые, внимательные... очень внимательные глаза! — Ему недавно справили красивую красную рубашку и сапоги... первые в его жизни. Его зовут Никита Герасичев. Как знать? Может быть, это имя станет знаменитым. Я позабочусь о нем.

В этом письме ты обнаружишь клочок тончайшего пуха с маленькими черными точечками внутри. Это точечки — семена ивы, а этот пух дан ей Природой, чтобы иметь возможность летать по воздуху куда угодно — и засеять — если ничто не воспрепятствует тому — целый свет.

⟨*Рисунок 2*⟩
⟨*Подпись*⟩ При-ро-да

Ты не можешь вообразить, сколько этого пуха посылает одна единственная ива — именно сейчас — дорожные колеи, борозды на полях покрыты им — словно снегом. Я возвращаюсь с прогулки — весь покрытый этими маленькими хлопьями, совсем как если бы я выходил зимой в метель. Эта нежданная белизна сообщает пейзажу странный облик, который не решился бы передать художник, из боязни оказаться непонятым.

Я взял ружье, чтобы попытаться подстрелить одного из серых воронов с черными крыльями, которые таскают цыплят и утят. Я не попал — с двух выстрелов — в одного великолепного ворона! Твой папа, увидев это, сказал бы обо мне: Т⟨ургенев⟩ дряхлеет! как он сказал о Блюхере.

О, моя дорогая Диди, береги себя хорошенько! Я уже так люблю это маленькое существо, которое ты носишь в себе. Мне хотелось бы, чтобы это была девочка и чтобы она была похожа на тебя[7].

Я попросил фотографию Жоржа. Пошли ее в *Карлсбад*, до востребования. Если ничего не случится, я буду там недели через две. Две ваши фотографии от Валери *не хороши* — я жалею, что взял их, а не те, из Карлсруэ. На них вы обе черные, как цыганочки...[8] — Надо сделать другие, у Каржа.

Мое обожаемое дитя, нежно целую тебя, а ты — поцелуй за меня всех, начиная с Жоржа.

Dein alter treuer[а]
И.Т.

3720. Полине Виардо (с. 110)

С французского:

№ 25

Спасское.
(Орловской губ.,
город Мценск).
Суббота, 27/15 июня 1874.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[а], сейчас полдень — а с десяти часов утра меня мучают сильнейшие подозрения; кажется, у меня будет приступ подагры! Это грянуло, как гром среди ясного неба — в *левом* колене: оно болит — и мне трудно ходить... Ночь решит всё: возможно, это только ложная тревога. Если же это на самом деле приступ — ваши предчувствия оправдаются: вы мне всегда говорили — что в России я заболею. Продолжу это письмо только к вечеру.

Воскресенье утром, 28/16 июня, 9 1/2.

Увы, дорогая госпожа Виардо, я пишу вам, лежа в постели. Это приступ подагры — и именно в колене — это-то и досадно — в той же ноге, что болела в марте месяце. Я-то думал, что благодаря весеннему приступу — и карлсбадским водам[1] — в этом году я буду избавлен от подагры — но я не учел *родного воздуха*, который, похоже, производит на меня совсем иное действие, чем на марсельца[2]. Вот уже третий раз подряд у меня приступ подагры в России в *июне* месяце. — Basta cosi[б]. — Больше я не вернусь полюбоваться красотами моего сада. Черт их возьми!

Ночь была скверной — да и не могло быть по-другому — я, однако, немного поспал между 4 и 6 часами. Следующая ночь будет ужасной — потом боли исчезнут — но когда я смогу ходить, хотя бы с помощью костылей? Когда я смогу пуститься в путь? — на этот вопрос я пока не могу дать ответа. Я не задержусь ни на минуту — но это будет зависеть не от меня[3].

[а] Твой старый верный (*нем.*).

[а] самый дорогой друг (*нем.*).

[б] Довольно (*итал.*).

Я буду писать к вам *каждый* день; а как только смогу ходить, дам телеграмму[4]. Так что когда вы получите это письмо, не слишком беспокойтесь; может быть, вы еще получите телеграмму раньше этого письма, которое придет только через неделю.

Вчера я получил ваше доброе письмо, адресованное, по воле доброго гения, не в Москву, а в Мценск. Это послужило мне большим утешением. Не сомневайтесь в том, что я говорю относительно ваших писем: все они мне дороги — но когда я получаю письмо, которое считаю восхитительным, я без стеснения пишу вам об этом — и не надо говорить о насмешке! Я не сержусь за ваше беспокойство — я даже был им тронут — в телеграмме же я написал[5], что не понимаю его, дабы показать вам наиболее убедительным образом, как хорошо я себя чувствую — и что же!

Я был наказан за свою гордыню.

Впрочем, за мной здесь очень хорошо ухаживают — но вы знаете — с подагрой ничего делать не надо — или почти ничего. Ждать — вот и всё!

Вы ничего не говорите мне об экзаменах — вам даже не дали похвального листа — и вы хотите остаться в этой лавочке?[6]

Я счастлив узнать, что вы чувствуете себя хорошо. Погода здесь улучшилась — в этой столь мало приятной стране — в Буживале должно быть великолепно! То, что вы говорите о дроздах, очень мило; в моем саду их нет — зато есть певчие дрозды, шумные, вздорные и горластые, как мадам Анго.

Завтра, надеюсь, я смогу написать *малышкам*, в ответ на их очаровательные письма[7].

А пока всех вас обнимаю и нежно целую ваши дорогие руки — хотя и больной, auf ewig

Der Ihrige[в] И.Т.

3725. Полине Виардо (с. 114)

С французского:

№ 26

Спасское.
Понедельник, 29/17 июня 1874.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[а], ночь была далеко не ужасная, а хорошая — я хорошо спал и начинаю думать, что этот приступ будет легким. Мне сейчас изготавливают здесь костыли, ибо нечего и думать о том, чтобы найти их в Мценске, и я надеюсь, что смогу завтра встать. Сегодня я *налеплю* себе на колено нарывной пластырь, мне это всегда помогало лучше всего. Я, к чести своей, предусмотрительно прихватил с собой капли Лавиля, которые принял, и буду ждать дальнейших событий. Как только передвижение станет для меня возможным, я сбегу в Москву, а

[в] навеки ваш (*нем.*).
[а] самый дорогой друг (*нем.*).

оттуда дальше, si Dios quiere[б], как говорит Виардо, автор "Свободы совести"[1]. Кстати о Виардо, я надеюсь, он получил заказное письмо и в нем — *check*[в] на имя г. Ноэля, где шла речь о приобретении ружья в Лондоне? Господин, который заказал это ружье, будет одновременно со мной в Карлсбаде. Он уже писал мне, чтобы узнать ответ[2]. Попросите Виардо написать мне пару слов в вашем письме, которое вы отправите до востребования в Берлин, в гостиницу "С.-Петербург".

Меня очень огорчает, что здесь я не получу больше от вас вестей. Что делать? Возможно, в Петербурге меня ждет письмо — а, может быть, даже в Берлине. Вот одна из самых грустных сторон этой болезни. Неделя будет пустой, ибо я полагаю, что не задержусь здесь более, чем на неделю.

Что ж, терпение, терпение и терпение!

Погода установилась великолепная и очень теплая.

Вчера утром я устроил небольшой праздник для *крестьянок*... вечером я должен был ехать в Москву. Увы! Праздник состоялся: то есть им раздали пирожки, *соленые огурцы*, которые имели большой успех, орехи и водку, само собой разумеется! Они пели и плясали в течение 5—6 часов. Окно было открыто, и я слышал все это.

Меня это не очень развлекало.

Вчера я перечитал "Письма русского путешественника" Карамзина. Он посетил Париж в 1789 и 90 гг. Он говорит о театрах, об опере, о восторгах, которые вызвал у него певец Руссо в арии Орфея: "Потерял я Эвридику"[3] — он подробно рассказывает о возвращении Ларива в "Эдипе" — и обо всех безумствах восхищенной публики по этому поводу[4]. Но кто в его глазах превзошел всех, так это Вестрис. По выразительности движений он сравнивает его с *Цицероном*. «Никакие стихотворцы не опишут того, что блистает в его глазах, что выражает *игра его мускулов*, когда милая, стыдливая пастушка говорит ему нежным взором: "Люблю!", когда он, бросаясь к ее сердцу, призывает небо и землю во свидетели своего блаженства. Рафаэль положит кисть и скажет только: "Вестрис!" Гардель бесподобен в трагической пантомиме. Какое величество! Герой в каждом взоре, герой в каждом движении, герой в каждом положении! — Вестрис — питомец милых граций, а Гардель — вестник важных муз, оба бессмертны!»[5]

А ведь Карамзин был замечательным человеком. Правда, ему было лишь 24 года.

Есть довольно любопытные подробности о Париже 1789-го года. К⟨арамзин⟩ стал почитателем Робеспьера. Цензура изъяла множество отрывков из его писем, которые, к сожалению, были утрачены[6]. До завтра. Всех вас обнимаю. Ich küsse Ihre lieben Hände. Der Ihrige[в]

И.Т.

[б] если Богу будет угодно (*исп.*).

[в] чек (*англ.*).

[в] Целую ваши любимые руки. Ваш (*нем.*).

3726. Клоди Шамро (с. 115)

С французского:

Спасское.
Среда, 1-е июля 74.

Моя дорогая, обожаемая Диди, ты уже наверняка знаешь о той нелепой неприятности, что случилась со мной — этом приступе подагры, которая не должна была проявиться — я бы даже сказал — не имела никакого права — в конце концов, разве она не навестила меня три месяца тому назад? Что ж, к счастью, она, кажется, осознала свою неделикатность — мне гораздо лучше — и в конечном счете задержка произойдет лишь на неделю — однако и это много! Я был совершенно счастлив получить твое письмо — (кстати, кто это так восхитительно написал на конверте адрес по-русски?) и увидать написанное черным по белому — и притом твоей дорогой ручкой, что здоровье твое поправилось и то недомогание, которое так меня беспокоило, исчезло[1]. В настоящее время ты, должно быть, в Буживале — под присмотром мамы, и тебе не остается ничего иного, как холить себя и вдыхать полной грудью деревенский воздух — и... я забыл! — есть, особенно хорошо есть, и вкусные вещи — ибо, право же, истинные худож*ницы* — это матери... будущие — вот кому надо есть!!!

Потом, я волновался за маму, она говорила о лихорадке, о головной боли — это она-то, которая никогда не жалуется — кажется, она подхватила это на представлении буживальского цирка) — тогда я дал телеграмму доброму Жоржу[2] — который меня успокоил.

И вот — я, немного покалеченный — но все же сидящий уже за своим письменным столом в ожидании момента, чтобы сбежать. Да, cara patria[а] не слишком благоволило ко мне — это не внушает желания сказать ему: до свидания!

Я очень доволен, что мои произведения тебя развлекают. Я всегда старался быть правдивым в том, что писал, — раз уж нельзя поставить себе в заслугу ничего другого, по крайней мере есть эта. Но передать правду — совсем не так легко, как и в портрете. Есть некоторые лица, за которые я никогда не осмеливался взяться — из боязни неудачи. Была, например, на свете одна прелестная девушка (я говорю была — потому что она стала женщиной — чуть больше трех месяцев тому назад[3]) — которую я хотел бы вставить в одно из своих сочинений, но у меня не хватило смелости — творческой. Не знаешь ли ты случайно этой девушки?

Ты заметишь, что то, что я сейчас скажу, говорится задним числом, но я всегда находил нечто странное в прислуге, которая недавно сошла с ума. В особенности в тот день, когда она разбила большое стекло в вашей двери. Вид у нее был одновременно сосредоточенный и растерянный, что не было "genuine"[б]. При всем

[а] дорогое отечество (*итал.*).
[б] "естественным" (*англ.*).

том она очень хорошо готовила. Я помню ее завтраки! Надеюсь, что в конце концов она поправится!

Представь себе, что в Спасском я нашел довольно хорошего повара! Правда, с тех пор, как я из-за подагры почти ничего не ем, это не имеет значения. Суп всегда очень хорош — золотистый и бархатистый.

В саду только что скосили траву и дом полон аромата new-moon hay[в],[4]. Но этот запах настоящий — тогда как английские духи делаются из вещей, от которых природа содрогается, — вместе с тем сладость в воздухе совершенно очаровательная. Почему я один вдыхаю это своим толстым гадким носом?

Смогла ли ты снова приняться за свою итальянку?[5] А этот противный Харламов, который уехал, не окончив маминого портрета![6] Видела ли ты его в теперешнем положении? Согласно газетам — русский император выехал из Эмса; — почему же г. Харламов не на своем посту?

Дорогая Диди, я заканчиваю свое письмо, и на меня как бы налетают порывы нежности к тебе, и я, увлекаемый одним из таких порывов, крепко целую тебя. Целую также твоего славного и дорогого Жоржа. Передай ему, что я очень благодарю его за те несколько строк, которые он приписал к твоему письму, — и что я не сомневаюсь в его чувствах, равно как и он может не сомневаться в моих. Ich küsse dich 1000 mal, mein Herzens Kind!

Dein[г] И.Т.

3727. Полине Брюэр (с. 117)

С французского:

Спасское.
(Орловской губ⟨ерни⟩и, город Мценск).
Среда, $\frac{\text{1 июля}}{\text{19 июня}}$ 1874.

Дорогая Полинетта.

Мне очень стыдно перед тобой, что я так долго не подавал о себе вестей[1]. За это я наказан — потому что в настоящий момент не могу тебе сообщить ничего хорошего: вот уже 4 дня, как у меня возобновился приступ подагры. Я никак не мог этого ожидать, так как у меня был приступ всего три месяца тому назад. К счастью, он, кажется, не собирается быть очень жестоким — и вчера я уже смог подняться и сделать несколько шагов с помощью костылей, которые мне изготовили здесь — и, клянусь честью! очень хорошо. Думаю, что, если улучшение будет продолжаться, я смогу уехать из Спасского в воскресенье или в понедельник и поеду, не останавливаясь, до Карлсбада в Боге-

---

[в] сена в новолуние (*англ.*).
[г] Целую тебя тысячу раз, дитя сердца моего. Твой (*нем.*).

мии, где пробуду пять недель и куда прошу тебя адресовать свои письма — до востребования.

Я нашел дела в довольно хорошем состоянии. Мой управляющий, к несчастью, болен — и такой болезнью, которая внушает мне опасения.

В Москве я видел брата — он здоров. Может быть, мы вместе поедем в Карлсбад[2].

В Петербурге и Москве у меня было очень много дел[3]; здесь я нахожусь уже две недели.

Надеюсь, что все вы в Ружмоне, ты, маленькая Жанна и твой муж, чувствуете себя очень хорошо; надеюсь также, что дела понемногу поправляются — хотя то, что происходит в Париже, едва ли должно этому способствовать...[4] Ну что ж!

Очень крепко целую вас всех троих — и до свидания в конце августа.

Иван Тургенев.

3728. Полине Виардо (с. 118)

С французского:

№ 28

Спасское.
(Орловской губ.,
город Мценск).

Среда, 19 июня / 1 июля 1874.

Дорогая госпожа Виардо,

Theuerste Freundinn[а], я могу сообщить вам добрые вести — вчера еще я пользовался двумя костылями — сегодня я вышагиваю героем, легконогим Ахиллом[1] — с *одним* костылем! Я очень хорошо спал — и если улучшение продолжится, надеюсь, что смогу уехать отсюда в воскресенье... Плюю три раза через левое плечо.

Вы можете легко представить себе, что моя здешняя жизнь не блещет разнообразием и неожиданными приключениями. Вчера была великолепная погода — немного душная; но небо было голубым, с красивыми округлыми облаками, "легкий и свежий ветерок шевелил листву" (стих Шенье)[2]; — сегодня — небо серое и пресное, ветра нет, жара умеренная... Вот "the leading topic of the time"[б].

Рассказать ли вам, в чем состоит одна из моих постоянных забот? Призывать к себе моего слугу Петра Михайлова[3] (в точности как в "Бургомистре" Иорданса[4]) — как можно реже! Однако ввиду моей увечности, я не могу обойтись без его услуг. "Так для чего же вы это делаете?" — спросите вы, возможно. Из деликатно-

---

[а] Самый дорогой друг (*нем.*).

[б] "главная тема нашего времени" (*англ.*).

сти? — Нет. — Из любви к одиночеству? — Нет. — Чтобы он не видел ваших слез? — Нет; к тому же я их не проливаю. — Потому что ваш слуга очень уродлив? — Нет; у него даже красивая выразительная голова с красивой черной бородой. Но вы сгораете от любопытства. Потому что он грязен и плохо одет? — Нет; он очень чистоплотен, носит белые жабо и манишки, и его одежда, хотя и далека от парижской элегантности — отнюдь не деревенская; но вы сгораете, сгораете... Вы не знаете, что спросить? Отказываетесь спрашивать? Итак, дело в том, что рядом с ним любой *обутый жандарм* выглядит этаким Пивером или Герленом[5]. Это ужасно — постоянный, сильный, торжествующий, непоколебимый, упорный, непреодолимый, всепроникающий, пошлый, разъедающий, удушающий запах — исходит от его ног!! Я зову его — он является — пробудет минуту, выходит, воздух отравлен! Я обливаюсь одеколоном... Ничто не помогает! Да и потом, за три дня я его столько употребил — что больше почти ничего не осталось. Трагическая ситуация! Я жгу сахар — я растапливаю сахар в ложечке над свечой — получаются леденцы, которые я ем — я жгу бумагу, сургуч, и заметьте, что окна открыты. Без этого я бы уже, как поется в песенке Жоана, — посинел и *умер*[6]. Я заметил, что глаза у меня покраснели — думаю, что причиной тому Петр Михайлов!!

Безумие, однако, говорить об этом на протяжении двух страниц!

Мой управляющий[7] постоянно недомогает — у него больные почки; думаю даже, что он серьезно болен.

У нас здесь есть один чиновник[в] в отставке — друг моего управляющего — который приехал провести теплое время в деревне. Никогда в жизни не видывал человека более тощего, сухого, увядшего, пожелтевшего, изможденного от механической и сидячей работы. Вдобавок ко всему его зовут Брюхановым — то есть г-ном Вантрю[8]. Впрочем, он довольно славный и не глупый — но какой-то ссохшийся, как старая роговая табакерка (словно табакерка напомнило мне о том, что я купил *две* серебряные черненые табакерки — на выбор — для Ребера).

Я дал переписать свой маленький рассказ (сочиненный в Спасском)[9] г-ну Брюханову — поскольку у него великолепный почерк.

Сегодня же я посылаю письмо ГОСПОЖЕ КЛОДИ ШАМРО вместе с другим — для маленькой м-ль Марианны[10] — но целую г-жу Клоди так, как если бы она была просто Диди и как целую маленькую Марианну.

Тысяча приветов доброму Виардо. С нежностью целую ваши дорогие руки. До завтра. — Auf ewig

Der Ihrige[г] И.Т.

[в] *В оригинале это слово написано по-русски латинскими буквами.*

[г] Навеки ваш (*нем.*).

3730. Полине Виардо (с. 121)

С французского:

№ 30

Спасское.

Пятница, $\frac{\text{3 июля}}{\text{22 июня}}$ 74[а].

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[б],

Для начала сообщаю вам, что если завтра мне не сделается лучше, то я не стану посылать вам этого письма: так что если вы его получите — знайте, что это хороший знак. Я взял такой большой лист бумаги, чтобы писать всю ночь, к которой я *приближаюсь* с ужасом — потому что о том, чтобы заснуть, не может быть, конечно, и речи. Я подробно расскажу вам о своих несчастьях — это — возможно — развлечет меня — и, кроме того, я буду испытывать своеобразное удовольствие, говоря себе: когда это прочтут в Буживале, все уже останется позади. Начинаю "ту narrative"[в]:

3 ч. $^1/_4$. С утра я сильно страдаю — ночью не заснул ни на минуту; но с 2 часов началось ухудшение — стреляющие боли в пятке, в ахиллесовой пяте... (ахиллесовой... какая насмешка!). Пошевелиться невозможно — ощущение перелома в подошве, как будто мне ее разрывают — вот так: ⟨*рисунок*⟩. Все это — в левой ноге. Но что уж совсем отвратительно — и чего до сих пор не бывало — это то, что моя *правая* нога — тоже причиняет мне боль: есть очень болезненная точка в подъеме. Хорош же я буду, если такое случится с *обеими* ногами. Два раза принимал капли Лавиля; натирал ноги каштановым маслом — обертывал ноги ватой... И — ничего — всё по-прежнему. У меня немного побаливает голова — потому что не спал. Пульс 82 удара. Изнуряющая жара снаружи и в комнате.

4 часа. — Получил два ваши письма, адресованные в Москву, которые мне переслал брат — одно с поразительным портретом *задумавшегося* мужика — другое с письмом от этой американской дамы или девицы[1]. Несколько раз перечитал эти письма. Ах, какое они мне внушают желание поехать в Буживаль — вместо этой ужасной здешней тюрьмы! Завтра, если мои боли поутихнут, я подробно напишу Виардо относительно ружья[2]. Сейчас они лишь усиливаются и усиливаются: опять появилось ощущение *перелома* — мне кажется, будто кто-то *пытается* оторвать мне берцовую кость между коленкой и лодыжкой. Я счастлив узнать, что вы, по крайней мере, чувствуете себя хорошо — вы все.

5 ч. 20 м. — Я получил телеграмму, извещающую о смерти Конча. Убит главнокомандующий — это случается редко[3]. Cosas

---

[а] *Так в подлиннике.*

[б] самый дорогой друг (*нем.*).

[в] "мое повествование" (*англ.*).

de España![в] Охотно верю, что Марианна мила! А почему бы ей не петь так же хорошо, как Патти? Боли постоянные; головная боль усилилась. Полагаю, что в довершение удовольствия у меня начнется мигрень. Потому что спать мне нельзя! В 5 ч. я выпил чашку бульона.

6 ч. 30 м. — Боли постоянные, но как будто слегка приглушенные. Мне это знакомо: это "lull before the tempest"[г]. Приехал толстый Порфирий — у него сын 17 лет, высокий, тщедушный и хилый парень; с которым он не знает, что делать. Надеется, что я ему помогу. Но как? Еще один лишний человек на этой грешной земле. Но у него нет подагры.

11 часов — без четверти.

Мне нанесла визит женщина — это баронесса Вревская, которую вы прозвали Малабарской вдовой[4] — однажды она пришла ко мне вся в черном — живет она недалеко отсюда и, проезжая с братом через Мценск, узнала, что я болен — и сделала этот крюк. Человек она довольно умный, очень добрый и кажется мне очень несчастной. С ее стороны очень любезно было навестить беднягу. Мы беседовали — потом я в конце концов сказал ей, что хочу остаться один. Пока боль была не так ужасна — но очень утомительна. Мне кажется, что я сломал ногу и она висит, словно горячий и тяжелый мешок — и проклятая чувствительная точка на правой ноге упорно дает себя знать. Сон в "Фаусте" Марло говорит не для меня:

Heigho! I was begotten on a sunny bank...[д, 5]

Дело в том, что мы сейчас в ссоре.

11 часов с половиной.

Телеграмма! В первое мгновенье я подумал, что она от вас — но она от госпожи Милютиной, которая тоже приедет завтра в 6 ч. Итак, я — дамский любимец! Эту последнюю я бы охотно освободил от визита: она фальшива, неприятна, неестественна и, думаю, зла. Это меня совсем не развлекает.

Без 5 м. полночь.

Ага! пляска начинается. Отвратительное ощущение, что ногу обгладывают и жгут, доходит до самого ее верха.

Половина первого.

То же; точка на правой ноге, кажется, склонна увеличиться.

1 час.

Очень милые приступы колющей боли. С моей стороны два легких стона.

[в] Испанские дела (*исп.*).
[г] "затишье перед бурей" (*англ.*).
[д] Сон! Я родилась на солнечном берегу... (*англ.*).

Половина второго.

Ну вот! я задремал минут на десять. Во сне я видел, как открывают железнодорожную мастерскую, закрытую по недосмотру, — и обнаруживают там трупы рабочих, умерших от голода. Эти трупы похожи на восковые куклы. Мне удалось задремать, это — добрый знак. Правая нога болит.

1 час $^3/_4$.

Маленький противный черный скарабей — не таракан — вот такой формы ⟨*рисунок*⟩ упрямо прогуливается по моим одеялам. В целом, боль меньше, чем я боялся. Ноги, однако, сильно горят. В доме глубокая тишина. Середина ночи.

2 ч. $^1/_2$.

Борьба между болью и сном. В голову приходит стих:

Сколь ночь длинна под бдящим оком боли![6]

3 ч. — В течение 5 минут я стонал: это немного помогает — но на сей раз боль в целом менее сильная. "Culminationspunkt"[е] позади.

4 ч. 20 м.

Кое-как проспал около получаса. Попытался читать в "Избранных речах и докладах" речь Малуэ о праве на мир и войну[7] — вот что меня, вероятно, усыпило.

Воро́ны проснулись.

9 ч. утра.

Наконец-то! эта тяжкая ночь позади. Я спал короткими мгновениями. Сделал попытку умыться. Вот каков итог: у меня отнялись *обе* ноги; правая нога — новая — болит едва ли не больше, чем другая. До такой степени, что я не смогу двигаться даже при помощи костылей. Веселенькая перспектива — и сколько же времени я еще проведу в этом гадком мешке, куда сам себя запихнул? Три недели, месяц, два месяца, вечность?

9 ч. $^1/_2$. Сорока не боится меня — она трещит без умолку под моим открытым окном. Кажется, погода чудесная.

Если моя *правая* нога продолжит в том же духе, сегодня ночью наступит ее черед.

12 ч. $^1/_4$.

У меня только что состоялась беседа с той славной дамой, которая зашла ко мне на чай. Кажется, я слегка возмутил ее яростными нападками на *легенды* и *откровения* (Имеющий уши...)[8]. Она пошла прогуляться по саду. Она — еще ничего — вот госпожа Милютина — это a bore[ж]. А я еще должен буду делать вид, что признателен ей.

[е] "Кульминационный пункт" (*нем.*).

[ж] скукотища (*англ.*).

Ноги мои болят — ни слишком сильно, ни слишком слабо — a good regular annoyance[з], но особенно меня мучит правая нога.

Жара стоит изнуряющая.

К середине дня — даже птицы умолкли.

2 ч.

Толстый Порфирий со своим Олибриусом-сыном[9]. Жена этого Порфирия — с которой он, впрочем, уже 14 лет не живет — художница — и недавно она нарисовала св. Николая, которого Порфирий показывал мне в качестве шедевра. Это *гастрономическая* живопись — вид имеет аппетитный, настолько это розово, желто и мягко. Смотреть на это менее приятно.

Ноги мои (Я думаю о г. Прюдоме)[10] находятся в statu quo[и].

Я спрашиваю себя, нужно ли отсылать вам это письмо! В конце концов: принимая все во внимание — мне лучше — и, кроме того, вы будете знать в подробностях — "wie es mit mir geht"[к]. Завтра — я надеюсь написать нечто чуть менее унылое.

Будьте здоровы в своем Буживале — это главное!! Я крепко-крепко обнимаю вас всех — а вам очень нежно целую ваши дороги руки.

Auf ewig
Der Ihrige[л]
И.Т.

3737. Гюставу Флоберу (с. 129)

С французского:

Москва. Пречистенский бульвар.
Удельная контора.

Воскресенье, $\frac{\text{12 июля}}{\text{30 июня}}$ 1874.

Мой дорогой друг,

Ваше письмо с Риги[1] я получил в тот самый момент, когда, с трудом опершись на два костыля, втискивался в карету, собираясь выехать из деревни и отправиться сюда. Я не сломал себе ни ноги, ни руки, как вы могли бы предположить; но *воздух родных мест*, столь благотворный для марсельцев, вызвал у меня новый приступ подагры — и на этот раз в *обеих* ногах; приковал меня к постели на две недели — и до сих пор еще не отпустил. Сказать вам, что всё это заставляет меня видеть жизнь в розовом — или в небесно-голубом свете (я думаю о ваших грезах под небом Швейцарии) — значило бы грубо солгать. Недуги, тупое и холодное отвращение, тягостное пробуждение ненужных воспоминаний — вот, старина,

---

[з] постоянное беспокойство (*англ.*).
[и] *Здесь:* в известном состоянии (*лат.*).
[к] "как идут мои дела" (*нем.*).
[л] Навеки ваш (*нем.*).

перспектива, открывающаяся взору человека, которому перевалило за пятьдесят. А под этим и поверх всего этого — смирение, ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ смирение, это приготовление к смерти... Довольно! Я постараюсь как можно скорее удрать в Карлсбад, не в тот К⟨арлсбад⟩, где вы томитесь от скуки[2] — а в К⟨арлсбад⟩ в Богемии, где я пробуду пять недель. А осенью — позднее! посмотрим. Пока же я не буду строить никаких планов — в особенности приятных — из опасения сглазить самого себя.

Вы отнюдь не производите впечатления человека, который развлекается на этих величавых вершинах, воспетых Галлером и Руссо![3] Надо сознаться: народ, живущий постоянно среди этих красот, — я говорю о швейцарцах — самый безнадежно-скучный и наименее одаренный народ, какой я только знаю. "Откуда проистекает эта аномалия?" — спросил бы философ. Или, быть может, это вовсе не аномалия? Что сказали бы по этому поводу Бувар и Пекюше?[4]

Я очень рад, что вы нашли наконец *местность* — точнее — *ту* самую местность[5]. Но чем больше я об этом размышляю — тем больше мне кажется, что подобный сюжет следует трактовать *presto*[а], в духе Свифта, в духе Вольтера. Вы знаете, что таково было всегда мое мнение. При устном изложении ваш план показался мне очаровательным и забавным. Если же вы станете очень распространяться, если окажетесь слишком ученым...[6]

Впрочем, вам виднее.

"Завоевание Плассана" Золя переведено с сокращениями в одной русской газете. Позднее переведут in extenso[б, 7]. Его любят в России.

Что, если бы вы использовали ваш ледник Риги для того, чтобы придумать нечто захватывающее, жгучее, пламенное? А? Ведь это — мысль!

Но главное — освежитесь сами. К несчастью, у некоторых натур скука возбуждает и волнует кровь. Возвращайтесь к нам бледным и бесцветным, как стих Ламартина[8].

От моих друзей из Парижа и Буживаля хорошие вести[9]. Это проливает бальзам на мою душу.

Что касается политики...

У вас теперь отличная бесславная сабля, жандармская сабля, которая будет править вами 7 лет. И вы увидите, что в конце концов она станет править одна, без палат[10].

Это вызывает у меня в памяти речь Робеспьера при обсуждении вопроса: "Следует ли предать суду Людовика XVI?" — которую я прочел, находясь в деревне (где у меня превосходная библиотека), в серии, озаглавленной "Избранные доклады и т.д., публично произнесенные французскими ораторами между 1789 и 1825 гг.", — она показалась мне изумительно прекрасной![11] Позд-

---

[а] *в быстром темпе* (*итал.*).

[б] полностью (*лат.*).

нее, к концу своей деятельности, Робеспьер испортился: он ударился в чувствительность и громкие фразы, трогательные и напыщенные. Но у этого парня были и хорошие черты!

До свидания, друг мой, возможно, в Круассе в сентябре — оба в добром здравии — будем надеяться!

Обнимаю Вас.

Ваш старый Ив. Тургенев.

P.S. Вы уверены, что находитесь именно в Карлсбаде? Вы дважды написали: Карлтбад; но такое название невозможно. Я отмечу это в адресе.

3738. Бернгарду Эриху Бере (с. 130)

С немецкого:

С.-Петербург.
3/15 июля 1874.

Милостивый государь,

Сегодня я приехал сюда, а завтра выезжаю в Карлсбад. Посылаю Вам при сем рукопись фрагмента "Записок охотника", не появлявшегося ранее в печати, — "Стучит!" (Es pocht, или es klopft)[a]. С "Живыми мощами" число фрагментов достигнет 24-х. — (NB. Его следует напечатать сразу после "Живых мощей"). Пич пишет мне, что *первая* половина "Записок" им отредактирована, что он известил Вас об этом, попросил выплатить ему гонорар. Надеюсь, Вы это сделали.

Я как раз теперь страдаю подагрой, но надеюсь добраться до Карлсбада — и останусь там 6 недель, в течение этого времени рудольштадтская типография может присылать мне корректуры, вначале *до востребования*. Хочу попросить Вас доверить оба новых фрагмента *хорошему* переводчику.

В ожидании ответа остаюсь с глубоким уважением

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. "Живые мощи", "Стучит!", "Конец Чертопханова" должны быть напечатаны перед последним очерком — и значит, под номерами 21, 22 и 23[1].

---

[a] *Два варианта тургеневского перевода этого названия на немецкий язык.*

3740. Полине Виардо (с. 132)

С французского:

№ 38

С.-Петербург.
Гостиница Демута.
Суббота, 18/6 июля 74.
Час ночи.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[а], вот моя 4-я почти бессонная ночь. Это совершенно ново, но не утешительно. Теперь уже не колено, не палец, а вся щиколотка правой ноги пустилась в пляс: надо разнообразить удовольствия! Боли сильные и все время нарастают. Мне не следовало бы вам писать — к чему вас огорчать? Потому что я предполагаю, что вы ощущаете нечто подобное, читая мой маленький мартиролог. Но мне кажется, что меня это немного утешает. День прошел не так уж плохо; естественно, я не вставал с постели — но с 8 часов вечера я знал, что получу всё сполна. На завтра и на послезавтра у меня еще в запасе два колена; а потом опять начнется качка на плоскодонном суденышке. Отчего бы этому не продлиться до зимы? А впрямь, почему бы и нет?

2 ч. $^1/_2$.

Я читаю с большим трудом и множеством перерывов историю Ивана Грозного[1] — этот монарх, столь изобретательно истязавший своих подданных, был бы, полагаю, весьма доволен теми пытками, которым я подвергаюсь в настоящее время: мне кажется, что вся моя нога раздавлена железнодорожным колесом. Это продлится еще 3 или 4 часа — то есть 200 минут, 12 000 секунд, 720 000 третей — и я вас уверяю, что одна треть уже чувствуется. Хватает и очаровательных прострелов. — О да, Шиллер был прав:

Das Leben ist doch schön![б, 2]

Вот когда скажешь:

And still — I am not happy![в, 3]

3 часа.

Адский подагрический оркестр играет: Fortissimo — tutti![г]
Вот уже 5 минут, как я вою, не всегда в такт.

4 ч. $^1/_4$.

Легкое ослабленье — с возвращающимися трелями.

Воскресенье, 20/8 июля.

10 ч. утра.

Боль немного утихла, но я почти не смог заснуть. В 6 ч. я еще читал, полагаю, без большой пользы. Я прикован к постели — аб-

---

[а] самый дорогой друг (*нем.*).
[б] Как же прекрасна жизнь! (*нем.*).
[в] А я — все еще не счастлив! (*англ.*).
[г] Вместе! (*итал.*)

солютная неподвижность правой ноги — *уже* небольшие подергивания в *пальце левой ноги* — обязательное предисловие. Возможно, у меня снова будет отвратительная ночь (это № 1), потом ужасная ночь (№ 2) — а потом это начнется в другом месте, и "sic in infinitum"[д].

And still — I an not happy!

У меня есть надежда увидеть вас всех к началу 1875 — только бы не 1876 года.

А теперь, после того, как я представил весь список, мне остается лишь обнять вас всех и пожелать вам бóльшей удачи и лучшего здоровья, чем у меня.

Auf ewig
Der Ihrige[е]
И.Т.

3742. Полине Виардо (с. 134)

С французского:

№ 39

С.-Петербург.
Гостиница Демута.
Вторник, 21/9 июля 74.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[а], вот мое общественное положение на сегодняшнее утро: первый раз за неделю я хорошо спал, благодаря питью из *хлорала*; мне не больно, когда я нахожусь в неподвижном состоянии; моя левая нога почти поправилась; — правая нога все еще болит, и я не могу ею пошевелить; мое правое колено — огромное! Вот его очертания:

⟨*Рисунок*⟩

Вчера оно причиняло мне ужасную боль — сегодня оно лишь изуродовано и вынуждает меня к неподвижности. Но я так счастлив не чувствовать боли, что согласен на всё. Мне кажется, будто я попал во власть тирана, который заключил меня в темницу — и не хочет сказать, когда освободит... Терпение!

Что сказать вам еще? Дни мои протекают в полнейшем однообразии; одни и те же друзья приходят навестить меня и обменяться почти одинаковыми словами: я признателен им, и все же мне кажется, что всё это делается из приличия и как бы из вежливости: эти визиты нисколько не развлекают меня. Может быть, в этом есть и моя вина: я уподобляюсь больным животным — предпочитаю забиться в дальний и уединенный уголок! "and brüten"[б].

[д] "так до бесконечности" (*лат.*).
[е] Навеки ваш (*нем.*).
[а] самый дорогой друг (*нем.*).
[б] "и отсидеться" (*англ., нем.*).

Я жадно читаю[1] — стараюсь не размышлять; я восхищаюсь писателями, которые во время болезни выдумывают и находят сюжеты романов, поэм... для меня это столь же невозможно, как танцевать с моим милым коленом. Ждать, ждать, предоставляя времени таять подобно маслу, — вот всё, что я в состоянии сделать. Я часто думаю о вас, например — о Буживале, о Диди, о Марианне, обо всей семье — это умиляет меня, а потом я пытаюсь отвлечься — чтобы не слишком унывать.

Вот так и идет время. Но как хорошо не чувствовать боли!

По-прежнему нет телеграммы (и письма) от Виардо! — Я прочитал его статью в "Indépendance Belge"[2]. — Она превосходная, как всё, что он делает.

Привет всем, тысяча миллионов приветов от бедного подагрика!

Нежно целую ваши руки.

Auf ewig
Der Ihrige[в]
И.Т.

3750. **Клоди Шамро** (с. 140)

С французского:

Карлсбад.
"Английский король".
Вторник, 4 августа 1874.

Дорогая Диди, мои душа и сердце, моя славная, обожаемая маленькая крестница (кстати, не хочешь ли ты, чтобы я стал крестным отцом *твоего будущего ребенка*?)[1] — по приезде в Карлсбад я обнаружил 11 писем из Буживаля, три из них были от тебя[2], одно милее другого, хотя в одном ты меня по*браниваешь* (что за славный глагол: я побраниваю, ты побраниваешь и т.д.), — и я не могу удержаться и не взять прелестную ручку, которая их написала, и не поцеловать ее *по крайней мере* сто раз! К сожалению, Карлсбад находится далеко от Буживаля — и тем не менее с тех пор, как я здесь, — у меня появилось какое-то слабое ощущение home[а]; — словно достаточно мне сделать одно лишь усилие — и вот! я — перед таинственной колокольней, которая, впрочем, не так плоха, как кажется[3]. Это "вот!" будет иметь место через 30 дней[4] или 720 часов или 43.200 минут, ты видишь, как я льщу твоей склонности и арифметике... О! великие боги! сорок три тысячи минут... это очень долго. Ну что ж, терпение! А чтобы оно далось легче, мне необходимо получить из Буживаля самые восхитительные новости, тебе же и твоему Лулу[5] и всем остальным — чувствовать себя отменно!

[в] Навеки ваш (*нем.*).
[а] дома (*англ.*).

Дорогая Диди, завтра состоится продажа — или покупка дома. Разве тебе не понравится, если и у меня будет там павильон? Во-первых, в нем можно устроить удобную мастерскую — летнюю — для тебя. Я тоже смогу там писать; я уверен, что в мастерской будет писаться с удовольствием. Ты сможешь обставить ее по своему вкусу, который, несомненно, лучше моего; и вообще подумай, как весело будет обставлять этот павильон, куда ты будешь часто приходить, не правда ли? Мама пишет, что сад показался вам скудным и маленьким; но что делать? *Парк Альган* является слишком редким исключением?[6]

Судя по плану, который мне прислала мама, дом действительно тесноват, но ведь существуют на свете разные Рамуссе, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ архитекторы, а кроме того, будет *павильон*, который ничто не помешает сделать большим... большим... В нем можно будет построить зал для *бильярда*, а на первом его этаже устроить рабочий кабинет либо для папы, либо для мамы. Скажи своему Лулу, чтобы он начал поиски хорошего архитектора, молодого и с богатым воображением...[7] (**NB** . Крувелли не молод уже, да и воображение он выказал лишь однажды, явившись в дом в удивительно нелепом наряде). Я уже сказал маме, что мысль о шале не улыбается мне: нужен ПА-ВИЛЬ-ОН! Но какого рода ПА-ВИЛЬ-ОН? Это не столь ясно, но это уж будет делом молодого архитектора. Я хочу, чтобы мой ПА... и т.д. был создан молодыми, тобой, твоим Лулу и, конечно же, мамой; потому что, видишь ли, моя дорогая Диди, твоя мама самая молодая из нас всех! В одном из своих писем она с воодушевлением говорила о мастерской художника *Клерена*[8] (этого подражателя Реньо); видела ли ты эту мастерскую? Она могла бы подсказать тебе кое-что для *нашей*. Знай, что в настоящее время я обременен одновременно подагрой и богатством... грудами золота, у меня его по горло, я не знаю, что с ним делать, я похож на царя Мидаса, золото у меня повсюду, я истекаю золотом![9] Нет, ты лучше посмотри: вот рисунок, который даст тебе слабое представление о моем финансовом положении:

⟨*Рисунок*⟩

Во имя милосердия меня следует немного облегчить!

Ах! Госпожа ездила в Гренуйер посмотреть прыжки господ пловцов! Раз она уже не девица, то может видеть всё и всё читать! Неважно, что у г-на Харламова грязные ноги — но волнует меня то, что он не оканчивает мамин портрет. Скажи папе, что я сегодня же напишу этому Харламову. Улица Фонтен, №... 30, кажется? Но для большей надежности я пошлю мою записку в письме к маме[10].

Среда, 5 августа, 9 ч. утра.

Здравствуй, мой дорогой, обожаемый ангел! У меня только и осталось места, чтобы сказать тебе, что я спал хорошо и что до настоящего времени подагра притворяется *мертвой*. В одном из сво-

их писем ты написала мне, что ничто никогда не ослабит твоей привязанности ко мне; а я говорю тебе, что моя нежность к тебе еще больше возрастает от всех тех чувств, которые ты ощущаешь и внушаешь... Ich küsse Dich tausendmal und bleibe auf ewig.

Dein alter treuer[6]
И. Тур.

3755. Генри Джеймсу (сыну) (с. 144)

С английского:

Карлсбад (Богемия).
König von England.
7-го августа, 1874.

Милостивый государь,

Мне следовало бы написать вам уже давно — но некоторые обстоятельства извиняют мое молчание. Письмо, которое вы мне написали, так и не дошло до меня. Я был тогда в России — знаю, что его послали из Парижа, но оно так и не попало в мои руки. Апрельский № "The North American Review" с вашей статьей о моих сочинениях[1] я получил — только в июле; и в самый день его прибытия у меня случился жестокий приступ подагры, который и сейчас не совсем еще прошел — так что я с величайшим трудом добрался сюда — где надеюсь избавиться от своего недуга. Но я не хочу более откладывать изъявление своей благодарности.

Я прочел вашу статью очень внимательно. Автору довольно трудно судить беспристрастно о критическом разборе его собственных произведений. — Должен признаться, что мне, например, похвалы всегда кажутся преувеличенными, а порицания слишком слабыми[2]. Такое отношение я вовсе не приписываю неуверенности в себе или скромности: пожалуй, это одна из многих личин, какие любит принимать эгоизм. Могу только сказать — что ваша статья меня поразила, ибо она вдохновлена тонким пониманием справедливости и истины; в ней есть мужественность, психологическая проницательность и отчетливо выраженный литературный вкус. Должен лишь заметить, что пессимизм, в котором вы меня упрекаете, пожалуй — или даже наверное, — непроизволен. Мой "избыток иронии", как вы это называете, не доставляет мне никакого удовольствия — даже горького, о котором говорят иные[3].

Я испытываю большую симпатию ко всему американскому — и большое желание повидать вашу страну. Но мне следовало удовлетворить его раньше. Я вступаю в пору "засухи, желтого листа"[4] — а это не лучшее время для путешествий. Всё же я не совсем отказываюсь от этой мысли. Конечно, мне будет очень приятно

---

[6] Целую тебя тысячу раз и остаюсь навсегда твоим верным старым (*нем.*).

познакомиться как с вами, так и с некоторыми вашими соотечественниками. А пока, милостивый государь, остаюсь

искренне преданный вам Иван Тургенев.

P.S. Мой постоянный адрес: Париж, улица Дуэ, 50.

Г-ну Генри Джеймсу младшему

P.S.S. Истина вынуждает меня сказать (см. стр. 349) — что у меня большие руки и ноги, безобразный нос — и никакого "аристократического" темперамента: и я не жалею об этом[5].

3756. Генри Джеймсу (отцу) (с. 145)

С английского:

Карлсбад.
10 авг., 1874.

Милостивый государь,

Три дня назад я послал Дж. Осгуду, редактору "The North American Review", письмо для вашего сына, г-на Генри Джеймса младшего, полагая, что он в Америке[1]; а сегодня получил ваше письмо, которое вы послали по адресу моего рижского издателя г. Э. Бере[2]. Доктор велел мне ехать в Карлсбад, который, видимо, весьма полезен страдающим подагрой; а у меня только что был тяжелый приступ в России, где я провел последние три месяца.

Ваше письмо слишком уж лестно для меня, милостивый государь. Я, конечно, счастлив, что имею столь благосклонных читателей в Америке и горжусь вашим добрым отношением ко мне; но вы переоцениваете меня[3]. Щекотливая штука — скромность; люди не верят в ее искренность — и они в общем правы: я надеюсь, что это не скромность, а точная оценка своих способностей говорит мне, что я не *ejusdem farinae*[a], как Диккенс, Ж. Санд или Дж. Элиот. Я вполне довольствуюсь вторым или даже третьим местом после этих действительно великих писателей.

Тем не менее примите мою искреннюю благодарность за все добрые и теплые слова, которые вы сказали мне в своем письме, и позвольте вас заверить, что мне доставило бы величайшее удовольствие не "выкурить трубку на вашей веранде" — я не употребляю табака, — но насладиться покойной и приятной беседой с умными людьми вашего круга[4]. Суждено ли мне такое наслаждение? Этого я не могу сказать с уверенностью. Я, пожалуй, стал уже слишком стар и слишком немощен, чтобы пускаться в такие длинные путешествия — но все же я лелею надежду посетить ваш Новый Свет, столь отличный от Старого[5]. Но все это пока очень неопределенно. Остаюсь, милостивый государь,

совершенно вам преданный Иван Тургенев.

---

[a] из того же теста (*лат.*).

3757. Полине Брюэр (с. 146).

С французского:

Карлсбад. "Английский король".
Понедельник, 11 августа 1874.[a]

Дорогая Полинетта,

Не знаю, какое упорное невезение меня преследует — но я попрежнему могу сообщить тебе только плохие новости. В прошлый вторник я с большим трудом добрался сюда, в четверг начал лечение водами — и вынужден его прервать из-за нового приступа подагры, который опять свалил меня. Это уже надоело: потому я решил, как только смогу двигаться, бросить Карлсбад, врачей и лечение — и вернуться в Буживаль, где по крайней мере не буду один. Может быть, я смогу уехать через неделю. Это была бы удача!

Но я не очень-то удачлив!

Словом, как только я туда приеду — немедленно тебя уведомлю[1] — а пока целую вас всех троих, тебя, Гастона и Жаннетту, которая теперь уже, должно быть, говорит, как ее отец и мать[2].

Будь здорова.

Ив. Тургенев.

P.S. Я едва ли буду в состоянии охотиться в этом году; всё же Гастон доставил бы мне удовольствие, если бы сохранил *лес* нетронутым до 15 сентября, дня открытия нашей охоты. Не нужно уменьшать наши и без того скромные возможности.

3758. Эмилю Золя (с. 147)

С французского:

Карлсбад. "Английский король".
Понедельник, 11 августа 1874[a].

Мой дорогой Золя,

Меня, должно быть, кто-то сглазил: вот уже три месяца, как меня преследует одна беда за другой. После смертных мук, принятых в "cara patria"[б], меня схватило за лапу с новой силой здесь, в Карлсбаде! С меня этого предостаточно, и я, как только окажусь в состоянии двигаться, сбегу в Париж, а оттуда в Буживаль. Страдать так страдать, но там я по крайней мере буду у себя дома.

Я не забыл ни ваших интересов, ни своих обещаний. У меня было несколько обстоятельных бесед с издателем русского журнала ("Вестник Европы") г. Стасюлевичем[1]. Я мог бы подробно изложить вам его предложения, которые вполне приемлемы; но, так как в сентябре месяце (около 10-го или 15-го) он должен сам приехать в Париж, я лучше вас с ним познакомлю, и тогда мы обсудим

---

[a] *Так в подлиннике.*

[a] *Так в тексте публикации.*

[б] "дорогом отечестве" (*итал.*).

всё, как подобает людям разумным и рассудительным. Вы ведь будете в это время в Париже? Напишите мне в Буживаль (Сена и Уаза), дом Альган, возле церкви. Я надеюсь быть там через неделю, если не вмешается дьявол (ибо подагра не что иное, как дьявол).

Посылаю вам перевод "Добычи", ужасающе изуродованный цензурой[2]. "Завоевание Плассана" было кратко изложено в одной (русской) газете "С.-Петербургские ведомости", а другая ("Московская газета") поместила полный перевод в фельетоне[3].

Желаю вам доброго здоровья и успешной работы. Сюжет вашего нового романа опасен — я хочу сказать: труден — но вы сумеете его одолеть![4] Вы ведь работяга, и у вас нет подагры.

Тысяча приветов и до свидания.

Ив. Тургенев.

P.S. Я получил письмо от Флобера. Он в Круассе и собирается приступить к своему роману[5].

3760. Вильяму Рольстону (с. 149)

С английского:

Карлсбад. "Английский король".
Четверг, 13-го авг. 74.

Мой дорогой друг,

Где вы и как себя чувствуете? Сообщите мне какие-нибудь новости. Но пусть эти новости будут отрадней тех, какие я могу сообщить о себе. Три месяца тому назад я поехал, как уже говорил вам, в Россию; а два месяца тому назад — будучи в Спасском (моя усадьба, как вы знаете) — подвергся неистовому припадку подагры — обе ноги сразу, чего еще никогда не случалось со мной, — и она до сих пор не покидает меня, а потому я пишу вам эти несколько строк, лежа в кровати. Я приехал в Карлсбад с намерением пить воду — но не могу начать лечение — так что, по всей вероятности, совсем заброшу все это дело — и, воспользовавшись первой "éclaircie"[а], уеду обратно в Париж — или, скорее, в Буживаль, где мои друзья[1] сняли виллу.

Все это не очень весело — но что делать? Терпение! Эта добродетель имеет то особое достоинство, что можно отличиться, проявляя ее — даже когда к этому нет ни малейшего желания; вынужденная добродетель.

Во мне живет тайная надежда, что я смогу уехать из Карлсбада на следующей неделе; итак, пишите в Париж — и сообщите мне *хорошие* вести.

А пока будьте здоровы — жму вам крепко руку.

Ваш Ив. Тургенев[б].

На конверте: *Англия*. В. Рольстону, эск⟨вай⟩ру.
Британский музей. *Лондон*.

[а] "передышкой" (*франц.*).
[б] *Написано по-русски.*

3761. Полине Виардо (с. 150)

С французского:

№ 57

Карлсбад.
"Английский король".
Пятница, 14 августа 1874.
Полдень.

Дорогая госпожа Виардо,

Theuerste Freundinn[а], мне сегодня намного лучше с утра, я спокойно спал, опухоль в колене спадает на глазах. Это радует меня, хотя я на этот счет и не заблуждаюсь: я знаю, что предстоит еще несколько приступов, как в 1872 г., ни на минуту в этом не сомневаюсь, — постараюсь только, чтобы в Карлсбаде их больше не было. Как только будет возможно — стрелой помчусь отсюда![1] Завтра или послезавтра ко мне приедет Жан[2] — и, может быть, уже во вторник...

Ничего... ничего... молчание! как говорит гоголевский сумасшедший[3].

Я получил ваше письмо от 11-го числа — а также два письма от Диди и Марианны — на которые я отвечу "sehr ausführlich"[б,4]. Представление "Далилы" отложено до четверга, 20-го — подумать только, что я, быть может, опоздаю всего на 2 дня![5] Это злая ирония милой судьбы, которая преследует меня вот уже два месяца. Самая прямая дорога отсюда в Париж лежит через Штутгарт, *Оос*[6] — и Страсбург. Мне придется на день задержаться в Баден-Бадене — чтобы немного отдохнуть и забрать бумаги, которые я там оставил — (всю мою переписку). Если я выеду отсюда — положим, в среду, то, говоря без преувеличений, — в четверг в 3 ч. я буду в Баден-Бадене — уеду я в пятницу утром и в пятницу же вечером или в субботу рано утром могу быть в Париже! Если бы "Далилу" давали вечером в субботу! Но поскольку все эти планы строятся лишь на предположениях — маловероятных, — лучше смириться и предоставить все естественному ходу вещей...

Приглашения уже посланы — представление уже переносили — ничего не поделаешь! Кроме того, я не теряю надежды на *второе* представление[7].

Но я понимаю, что эта Далила поглощает вас. Стоит сделать обиженный *вид*. Да-да, вы уже три дня не писали мне. Но я прекрасно понимаю — и в своем вчерашнем письме сказал, что догадываюсь о причине.

Г-жа Сегала очаровательна — она хочет сблизиться с вами и со всей семьей... Очень хорошо... Не извлечь ли нам из этого выгоду и попросить *сбавить* — по-дружески — цену за имение? Оно давно уже засело в мою голову, как "Далила" — в вашу... Следует

[а] самый дорогой друг (*нем.*).
[б] "очень подробно" (*нем.*).

говорить: "мне"? или "в мою"? — Все равно — вы меня понимаете — а я очень, очень серьезно уверяю вас — что *легко* и с величайшей радостью отдам 150 000 франков[8].

Ну-ка, поразмышляйте на сей счет вместе с Виардо. А что до *ружья*, то напишите Мануэлю, что не нужно... Надо экономить, ввиду *другой* покупки[9]. Что меня оглушило еще больше, чем бегство Базена, так это тот факт, что г⟨енер⟩ал Еспиван — ярый и отъявленный легитимист — осмеливается отдать приказ об аресте французов за соучастие в преступлении *4-го сентября* — того самого 4-го сентября, в честь которого названа одна из красивейших улиц Парижа!! Есть от чего сойти с ума! И вместе с тем я предвижу назначение какого-нибудь бонапартиста в Кальвадосе[10]. Нет-нет, надо только не думать больше о политике.

Я прочитал очень милую статью Виардо в "Indépendance" о Помпеях[11]. А противный Харламов все еще не окончил ваш портрет! Портрет, за который *заплачено* три месяца тому назад![12] У меня есть желание написать ему без обиняков. К сожалению, я позабыл его адрес. До завтра.

Сердечно обнимаю всех: вас, Виардо, Диди, Жоржа, Марианну, Поля! И прошу не забывать бедного подагрика! Auf ewig

Der Ihri⟨ge⟩[в]
И. Т⟨у⟩рг.

3763. Клоди Шамро (с. 152)

С французского:

Карлсбад.
"Английский король".
Суббота, 15 августа 1874.

Дорогая Диди, дорогая крестница № 1, я получил твое письмо, которое читал и перечитывал с огромным удовольствием. Итак, теперь придется сдержать обещание: ты должна мне дать возможность сделаться "двойным крестным отцом"[1], как есть двойные розы и двойные болотные кулики[2]. Но ты говоришь: крестница — а откуда ты это знаешь? Может быть, это будет крестн*ик*?[3] Но разве это не удивительно? Это маленькое существо, которое уже живет сейчас, некий индивидуум, который, в зависимости от пола, будет либо великим художником, либо выдающимся генералом, либо великим математиком (что мало вероятно), или же великой певицей, как бабушка, или же просто очаровательной особой, как мама, и все эти способности, ум, наконец, вся эта жизнь лежит здесь, под твоей ладонью... Вот уж кто, будь он маленьким господином... или маленькой барышней... может гордиться тем, что при своем появлении на свет будет встречен настоящим взрывом нежных чувств!

[в] Навеки ваш (*нем.*).

А пока я рад узнать, что ты ведешь жизнь разумную и размеренную, хорошо спишь и ешь, — что не мешает тебе очень умело стрелять из пистолета! Это очень хорошо, это превосходно, и я тебе аплодирую:

⟨*Рисунок*⟩

(NB. Не сочти эти руки перевернутыми ступнями.)

Что до меня, ты знаешь из моих писем к маме, что меня снова, к несчастью, одолел мой старый враг...[4] Я говорю: "к несчастью", потому что по совести не могу сказать иначе; но если в результате этого приступа мое возвращение приблизится недели на две, я не уверен, что должен буду об этом сожалеть. Мысль о том, что я скоро могу тебя увидеть, кажется мне прекрасной и ослепительной. Какое удовольствие — запечатлеть поцелуй на твоем *прекрасном лбу* (выражение Жоржа из его очаровательного письма — не знаю, читал ли он его тебе) — потому что он действительно очень красив, твой лоб, хоть ты и упорно прячешь его под волосами. В конце концов, я полон решимости не оставаться здесь ни на минуту дольше, чем необходимо. Это будет вот так:

⟨*Рисунок*⟩

Оставляющая меня лапа подагры.
NB. (не путать эта лапу со стоящей на коленях и привязанной за руки женщиной в вуали).

Моя нога, покидающая Карлсбад.
NB: (не путать эту ногу с головой лошади на водопое).

Ах! если бы я мог приехать в *четверг*, в торжественный день Далилы![5] Увы! это значит захотеть вцепиться зубами в луну[6].

Луна

Прыгающий господин ⟨*Рисунок*⟩

Земля

И все же, вот что можно иногда — правда, редко — видеть:

Господину повезло! ⟨*Рисунок*⟩ Луна удивлена!

Земля довольна!

Как знать?

Моя дорогая крошка, если эти маленькие глупости могут тебя заставить улыбнуться, это всё, что мне нужно.

А теперь позволь мне крепко-крепко поцеловать тебя, поцелуй за меня твоего дорогого Лулу-Жоржа — и всё семейство и передай от меня тысячу любезностей папаше и мамаше Шамро. — О! как прекрасен, как прекрасен будет день, когда я увижу тебя!!!

Dein, Dich anbetender und vergöttender alter Freund[a]

И.Т.

---

[a] Твой старый, почитающий и обожающий тебя друг (*нем.*).

3765. Полине Виардо (с. 155)

С французского:

№ 58

Карлсбад.
"Английский король".
Воскресенье, 16 августа 74.
10 ч. утра.

Дорогая госпожа Виардо, theuerste Freundinn[a], маленькая Валентин[1] только что ушла от меня. Она приходила в сопровождении отца и брата, у которого лицо еще длиннее, чем у нее, но который выглядит столь же славным парнем, как она — славной девушкой. Я нашел, что она изменилась к лучшему — она теперь совершенно стройная, волосы больше не взъерошены, цвет лица свежий без красноты, и только нижняя челюсть, к сожалению, тяжеловата. Мы, разумеется, много говорили о вас, о Диди (чья фотография была у нее на груди в оправе), о Марианне, о Поле, о Буживале, о Далиле (это имя оживляет мое горе[2]) — она любит всю вашу семью и очень преданна вам. Это верная душа. Она вздыхает о поездке в Париж, но хорошо понимает, как это сложно. Папаша имеет вид по-прежнему превосходный — и белый галстук. Молодой человек изучает право в Упсале, у него черные, как смоль, волосы, множество кривых белых зубов и каша во рту. Я был очень рад повидать antica[б] Валентин.

Что до моего здоровья, то мне несомненно лучше, но у меня все еще есть *красная точка*, которая точно так же не исчезает, как черные точки на горизонте г-на Наполеона III[3]. Сегодня я в первый раз выбрался из постели, не из дому. Если не будет повторного приступа, надеюсь в течение этой недели удрать из милого Карлсбада. Быть в Карлсбаде и *не* пользоваться водами — это последняя степень скуки и невезенья!

Вот уже два дня я получаю "Le Temps". Получил также фельетон из "L'Indépendance" и статью из "Le Bien public". Поблагодарите от меня Виардо[4].

И повторяю: Сегала! как древний Катон повторял: Карфаген![5]

Понедельник, 17 августа.

11 ч. утра.

Улучшение продолжается — красная точка сделалась совсем маленькой и розовой — но пока не исчезла! Я собираюсь выехать ненадолго в экипаже, благо моя комната находится на уровне мостовой — и если не станет хуже, завтра вечером сбегу!!

Я твердо решил не сделаться *здесь* жертвой нового приступа. В Буживале — другое дело.

Господин Жан, мой бывший слуга, вопреки нашему уговору, преспокойно нашел себе место в Баден-Бадене. Я не столь уж этим

---

[a] самый дорогой друг (*нем.*).

[б] *Здесь*: старую знакомую (*итал.*).

огорчен — но поскольку мне будет трудно путешествовать одному, я дал телеграмму г-же Анштетт с просьбой прислать мне zuverlässigen Menschen[в], о котором она говорила мне в своем письме. Этот zuverlässiger должен прибыть сегодня вечером.

Я никому не говорю здесь, что уезжаю... Это будет нечто вроде "бах"! паши из "Слишком много жен"[6]. А мой доктор еще говорит о том, чтобы *возобновить лечение* через неделю. (NB. Он не хочет, чтобы я выходил сегодня — он только что был у меня; ну, что ж, я не буду выезжать в экипаже — но завтра уеду... или, по крайней мере, попытаюсь.)

Вы, должно быть, в разгаре репетиций. Это письмо дойдет до вас в самое утро торжественного дня — и я кричу вам отсюда: "удачи!" и заранее: "Браво!"[7].

Вы расскажете мне всё, всё, с мельчайшими подробностями и дадите второе представление.

И вилла Сегала!![8]

До скорого свидания — надеюсь. — А пока бросаюсь на шею всему дому Альган[9].

Ich küsse Ihre lieber Hände.

Der Ihrige[г]
И.Т.

3768. Бернгарду Эриху Бере (с. 159)

С немецкого:

Карлсбад.
"Английский король".
Среда, 19 авг. 74.

Милостивый государь!

Мне пришлось все это время мучиться от подагры — так что мой приезд в Карлсбад задержался почти на 6 недель; болезнь и здесь меня не оставляет, так что я решил уехать в Париж — ибо никакое лечение более невозможно. Первые десять листов "Записок охотника" я исправил и отослал обратно в типографию Фребеля; вчера я написал туда, чтобы они впредь высылали мне (как это уже делалось раньше) корректурные листы в Париж; из-за этого выйдет небольшое промедление, однако оно неизбежно. Как и прежде, я стану аккуратно и быстро возвращать корректуры. Перевод задал мне много работы, несмотря на рецензирование г-на Пича![1]

Мой адрес в Париже:

Улица Дуэ, *50* (а не 48).

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[в] верного человека (*нем.*).

[г] Целую ваши любимые руки. Ваш (*нем.*).

3770. Гермине Зееген (с. 161)

С немецкого:

"Английский король".
Среда.

Многоуважаемая госпожа Зееген,

Alea jacta est![a,1] Выезжаю сегодня вечером в половине седьмого. Письмо, которое я вчера получил, ускорило мое решение[2]. К сожалению, я не могу пожать руку Вашему супругу, так как подниматься по лестнице мне еще запрещено[3]. Сердечный привет ему, а также Вашей сестре и госпоже Гартман. Мне хотелось бы увидеться и поговорить с Вами прежде, чем я уеду. Может быть, мы прогуляемся немного — скажем, в час дня? Я могу за Вами зайти. Дело в том, что у меня есть к Вам просьба: не согласитесь ли Вы и дальше просматривать корректуры?[4] Типография в Рудольштадте могла бы высылать каждый раз два экземпляра, один в Париж, другой сюда, и переносить исправления с обоих в окончательный текст. Вы оказали бы мне тем самым большую любезность.

В будущем году я буду умнее и приеду в Карлсбад в начале мая.

Итак, надеюсь — до свидания, и примите уверение в моей сердечной симпатии и глубоком уважении.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3772. Полине Брюэр (с. 162)

С французского:

Буживаль. Дом Альган.
Пятница, 28 августа 74.

Дорогая Полинетта,

Пишу тебе "these few words"[a], чтобы сообщить, что я чувствую себя намного лучше, — и что, вероятно, приеду в Ружмон до 15-го — может быть, уже *8-го* — и это еще одно основание поберечь мою охоту и *не начинать ее* (я говорю о лесах) до моего приезда. Что касается равнины — то пусть она достанется тому, кто первый ее займет.

Сердечно целую вас всех троих — и до скорого свидания.

Ив. Тургенев.

P.S. Ты получишь письмо за два дня до моего приезда[1].

---

[a] Жребий брошен! (*лат.*).
[a] "эти несколько слов" (*англ.*).

3780. Эмме Лейзерес (с. 169)

С английского:

Буживаль (около Парижа). Дом Альган.
Среда, 2-го сент., 1874.

Любезная госпожа Лейзерес,

Прошу извинить меня за то, что не сразу ответил на ваше письмо[1], приложенное к присланной вами книге[2]. Я был далеко отсюда, в России, был болен и вернулся во Францию всего несколько дней тому назад. Я только что закончил lecture[a] "Alide" — и, хотя, вообще говоря, я не сторонник того, чтобы известных современников — особенно поэтов и художников — выводить в романах, я искренне рад сообщить вам, что прочел вашу книгу с живейшим интересом. Она очень правдива и поэтична одновременно; вы глубоко проникли в общественную и духовную жизнь Германии — а ваши характеры нарисованы кистью изящной и твердой. Я чувствую себя весьма польщенным той оценкой, какую вы дали моим работам, и признанием воздействия их на ваш талант: автор, который пишет так, как вы, более не "ученик в искусстве"; он сам уже почти мастер. Остаюсь, любезная госпожа Лейзерес,

совершенно преданный вам И. Тургенев.

3784. Жюлю Этцелю (с. 172)

С французского:

Буживаль. Дом Альган.
Вторник, 8 августа 74[a].

Мой дорогой друг,

Я не ответил вам сразу, так как в своем письме[1] вы мне говорили, что в *воскресенье* уезжаете с сыном в Гавр — но, оказалось, это вовсе не так — ваш сын сегодня вечером будет в Круасси на представлении 2-го акта "Далилы"; в музыкальном отношении это великолепная вещь, и г-жа Виардо в ней поистине великолепна[2]. Все же вам следует стряхнуть с себя лень (или застенчивость? разве вы мне не говорили, что вы застенчивы?) и приехать в Буживаль посмотреть, как мы здесь живем. Здесь очень мило, уверяю вас, и не нужно заранее сообщать о своем приезде — мы всегда дома[3].

В этом году мне не повезло. Я отправился в Россию, чтобы сделать некоторые наброски, необходимые для окончания чертовски большого романа, который я начал 3 года назад — и который никак не поддается завершению[4]. Сначала всё шло очень хорошо (я имею в виду поездку, а не роман) — я наполнялся водой, как цистерна, — правда, водой мутноватой и даже грязной, но всё это отстоялось бы

---

[a] чтение (*франц.*).
[a] *Так в подлиннике.*

впоследствии — я усиленно работал над моими набросками — и вдруг трах! явилась эта дурацкая болезнь, чего я никак не ожидал, так как у меня ведь был приступ весной — и вот я на боку или, вернее, на спине уже почти 3 месяца, и нет никакой возможности работать, ибо я могу еще представить себе подагрика ученого, но подагрик писатель или артист — это "немыслимо"[6], как говорят немцы, особенно для меня, потому что, когда я пишу, я должен каждые пять минут вставать, чтобы немного пройтись по комнате. Из-за этого я ничего и не сделал, и меня это несколько тяготит.

7 1/2 ч. вечера.

Мне пора одеваться и идти на "Далилу" — где я увижу вашего сына — он даст мне ваш адрес, которого я не знаю, — я передам ему это письмо и напишу вам еще одно, где расскажу кучу вещей[5]. А пока весьма сердечно жму вам руку и говорю: до свидания.

Ваш И. Тургенев.

P.S. В России я не видел г-жу Маркович; знаю, что дела *Звонарева идут плохо*[6].

3785. Эмилю Дюрану (с. 173)

С французского:

Буживаль.
Дом Альган. (Сена и Уаза).
10 сентября 1874.

Вы очень любезны, спрашивая о том, как я поживаю: могу вам сообщить, что довольно хорошо. Когда я вернулся сюда из Германии, то мог ходить лишь с помощью костылей, теперь мне хватает и палки. Надеюсь, что на этот раз я выкарабкался, и к концу сентября попытаюсь даже сходить на охоту.

Я буду очень рад повидать вас до тех пор, а так как на следующей неделе я собираюсь в Париж, то позволю себе накануне этого дня назначить вам свидание.

Я привез рукопись "Грозы" вместе с обнадеживающими обещаниями Островского[1].

С большим удовольствием я прочитал остроумный и живой пролог, любезно присланный мне Анри Гревилем[2]. Что же касается г-жи Санд, то я не сомневаюсь в ее радушном приеме; но сейчас она находится в своем замке Ноан (Эндр) и приедет в Париж только к концу года.

Надеюсь, что ваша маленькая Жанна уже благополучно миновала всегда немного опасный период прорезывания зубов, и прошу вас, а также г-жу Дюран, принять выражение моих лучших чувств.

Иван Тургенев.

---

[6] *В написании этого слова во французском тексте отражена особенность его произношения немцами.*

3788. Полине Брюэр (с. 175)

С французского:

Буживаль. Дом Альган.
Пятница, 11 сент. 74.

Дорогая Полинетта,

Я долго не писал тебе, потому что не мог еще с уверенностью сказать, когда смогу приехать. Думаю, что сегодня я могу с уверенностью сообщить тебе, что приеду *в понедельник, 14-го* — один или с г-ном Виардо. Мы бы поохотились у тебя 15-го.

Предупреди Гастона и жди нас. Целую вас всех троих и до скорого свидания.

Ив. Тургенев.

P.S. Я напишу тебе еще *накануне* отъезда[1].

3789. Полине Брюэр (с. 175)

С французского:

Буживаль. Дом Альган.
Воскресенье, 13 сент. 74.

Дорогая Полинетта,

Твое терпение — и мое — подвергаются тяжелым испытаниям: пишу тебе это письмо в *постели*, где нахожусь со вчерашнего дня из-за *8*-го припадка подагры. Поездка в Ружмон, следовательно, поневоле откладывается. К счастью, приступ, кажется, не обещает быть серьезным — и я рассчитываю, что завтра смогу подняться. Если бы я не потерял всякую веру, то сказал бы тебе, что надеюсь приехать *в субботу* — но подожди для верности еще одного письма[1]. Черкни мне несколько слов, чтобы дать мне знать, можно ли, кроме г-на Виардо, привезти г-на Шамро (мужа Диди) — он хороший охотник — и найдется ли для него постель? Во всяком случае, прошу тебя и Гастона распорядиться, чтобы охоту поберегли до моего приезда. Слова: олени и лани — лишили меня покоя.

Говорю тебе: до свидания! поневоле — и целую вас всех троих.

Иван Тургенев.

3793. Полине Брюэр (с. 178)

С французского:

Буживаль. Дом Альган.
Среда, 23 сент. 74.

Дорогая девочка,

Прежде всего скажу тебе, что на этот раз у нас есть все шансы приехать к тебе *в субботу* к 4 часам (мы поедем 11-часовым поездом) — Виардо, папаша Шамро и я. Жорж Шамро, муж Диди,

приехать не может. Если еще какая-нибудь чертовщина помешает, я извещу тебя накануне — но не думаю, чтобы это случилось.

Посылаю тебе доверенность, которую ты просишь, — очень опасаясь, однако, что она составлена не по форме. (Ты мне не сказала, нужно ли засвидетельствовать подпись.) И, кроме того, поскольку судебное решение должно было быть вынесено *21-го* — то уже слишком поздно, если только не было отсрочки. До сих пор я полагал, что Гастон имеет доверенность[1]. В конце концов — всё разъяснится в субботу.

На сей раз — до скорого свидания, надеюсь. Сердечно целую тебя, а также Гастона и Жаннетту.

Иван Тургенев.

3794. Эмилю Золя (с. 179)

С французского:

Буживаль. Дом Альган. (Сена и Уаза).
Среда, 23 сентября 1874.

Мой дорогой друг,

Вот уже три недели, как я возвратился сюда, все еще страдая подагрой. (Теперь мне лучше.) Чтобы вам написать, я ждал приезда Стасюлевича (издателя журнала, о котором я вам говорил), и вот получаю письмо[1], где он извещает меня о том, что вынужден во весь опор мчаться в Петербург для спасения своего журнала, который хотели запретить![2] Ему это удалось, но в Париж он сможет приехать лишь в декабре[3]. А пока он непременно желает, чтобы я договорился с вами, и прислал мне свои условия. Нам, следовательно, нужно как можно скорее повидаться[4]. К сожалению, я потерял мою адресную книжку, и у меня нет вашего адреса. Мне приходится писать вам через посредство Шарпантье. Завтра я должен быть в Париже, но к тому времени вы еще не получите, видимо, мое письмо, а в субботу — хотя еще совсем хромой — я отправляюсь к дочери (близ Шатодена), где, должно быть, останусь до вторника.

Мне совестно заставлять вас ехать по такой скверной погоде в Буживаль. Вот что я вам предлагаю: если Шарпантье перешлет вам это письмо завтра утром, приходите к 2 часам на улицу Дуэ, или же назначим свидание в *среду*, скажем, в кафе Риш, чтобы позавтракать там вместе. Договорились, не так ли? Завтра или в среду.

Я привез с собой экземпляр перевода "Добычи"[5]. Уже появилось два полных перевода "Завоевания Плассана", два сокращенных (вроде тех, которые делал Форг в "Revue des Deux Mondes"), три или четыре пересказа и столько же критических статей. В России читают только вас[6].

До свидания и тысяча приветов.

Ваш Ив. Тургенев.

3799. Полине Брюэр (с. 183)

С французского:

Четверг. 24 сент. 74.
Буживаль. Дом Альган.

Дорогая Полинетта,

Мы отправляемся послезавтра, в субботу, *втроем*[1] — в 4 часа — и в 9 приедем в Клуа. Вот ты и уведомлена.

Я опять получил судебное предписание об уплате *200 франков* — этак охота дорого обойдется. Я его привезу с собой[2].

До свидания — целую тебя.

Ив. Тургенев.

3801. Бернгарду Эриху Бере (с. 184)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 50.
Среда, 30 сент. 74.

Господа![1]

Из-за оплошности моего портье прилагаемые два корректурных листа я получил поздно, так что смог отослать их только сегодня. Будем надеяться, что это больше не повторится.

Я все еще придерживаюсь мнения, что очерк "Гамлет" и т.д. должен войти в первый том, иначе 2-ой станет несоразмерно длинным.

Вместе с тем мне хотелось бы дать ко всей книге небольшое *предисловие* (или же *послесловие*), где от имени издателя кратко пояснялось бы, что в *это* издание очерков включены три *новых*, а именно продолжение "Чертопханова", "Живые мощи" и, наконец, очерк, который я предоставил господину Бере в рукописи и немецкое заглавие которого мне не известно. По-русски он называется "Стучит!" или "Шумит". Если Вы сами не сможете составить предисловие, то будьте любезны попросить это сделать г-на Бере. Думаю, оно необходимо[2].

С уважением и преданностью

Иван Тургенев.

3803. Эмилю Золя (с. 185)

С французского:

Буживаль. Дом Альган (около церкви).
Четверг, 1-го октября 1874.

Мой дорогой Золя,

Третьего дня я возвратился из поездки в Шатоден и вчера намеревался отправиться на свидание с вами, но среди ночи у меня начался девятый приступ подагры, и рано утром я написал

вам письмо, посланное по адресу Шарпантье, чтобы вас предупредить[1]. В Париж его отвез молодой Ж. Шамро, муж старшей дочери г-жи Виардо, но посыльный, которому он передал это письмо, утверждает, что не мог найти № 21 по вашей улице (адрес был дан Шарпантье), так что вам пришлось понапрасну проехаться и прождать меня в кафе. Очень прошу вас меня за это извинить.

Весь вчерашний день я провел в постели и выйду из дома не раньше, чем через 3 — 4 дня. Между тем я хотел бы вас видеть и поговорить с вами о нашем деле[2]. Если это вам не покажется слишком скучным, приезжайте сюда завтра, в пятницу, между завтраком и обедом. Ехать нужно с вокзала Сен-Лазар. Поезд отправляется в 35 мин. каждого часа. По прибытии на станцию Рюейль вы сядете в американский омнибус, который доставит вас в Буживаль (не садитесь в тот, что идет только до Рюейля), а потом вам придется пройти пять минут пешком до дома Альган, который находится позади церкви.

Буду очень рад вас видеть. А пока жму вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

P.S. Вчера вечером я послал вам телеграмму[3].

3804. Эмилю Золя (с. 186)

С французского:

Буживаль. Дом Альган (около церкви).
Суббота, 3 октября 1874.

Мой дорогой Золя,

Разумеется, я буду рад видеть Шарпантье[1], но вот что я вам предлагаю. Мне лучше, и в понедельник я смогу отправиться в Париж. Не хотели бы вы осуществить в понедельник то, что мы должны были сделать в прошлую среду, и прийти вместе с Шарпантье к 11 часам в кафе Риш?[2] Если какая-нибудь чертовщина вмешается снова, я пошлю вам телеграмму, теперь я знаю ваш адрес.

В любом случае до скорого свидания и тысяча приветов.

Ив. Тургенев.

P.S. Если не можете прийти в понедельник, не хотите ли в среду? Если вы мне не напишете, я буду считать, что это означает понедельник.

3807. Полине Брюэр (с. 189)

С французского:

Буживаль. Дом Альган.
Вторник, 6 окт. 74.

Дорогая девочка,

Пишу тебе второпях два слова, чтобы уведомить тебя, что смогу сделать *то, что я тебе обещал*, только к *15* окт⟨ября⟩[1]. Но тогда уже — непременно. Ты можешь вполне на это рассчитывать.

Целую тебя.

И. Тургенев.

3810. Людвигу Пичу (с. 191)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Среда, 7 окт. 74.

Дорогой Пич, только что получил Ваше письмо, написанное в прекраснейшем C-dur[1] — и радуюсь, что у Вас всё так хорошо. О себе я — к сожалению — не могу сказать того же. Я все еще ковыляю на своих больных ногах, как дряхлый старик. Приезжайте же зимой в Париж — и будьте уверены, что Вас ждет самый горячий прием[2].

Посылаю Вам с сегодняшней почтой "La Tentation de St Antoine"[а]. Не знаете ли Вы, получил Ю. Шмидт свой экземпляр или нет?[3] Превосходную статью Линдау я прочитал — и, по его поручению, переслал ее Г. Флоберу[4].

"Невероятно богатым" я не стал — но все же у меня в руках оказалось немного больше денег, чем обыкновенно, — и я, разумеется, немедленно выбросил их в окошко. Я выбросил столько, что у меня не остается более или менее приличной суммы, чтобы заплатить за картину бедняги Герембского. Если 200 или 250 талеров будет достаточно — то соглашайтесь! Но если это шедевр — то, конечно, цена его гораздо выше![5]

Все семейство благополучно... Живем в ожидании великого события — я имею в виду Диди[6].

Вашу статью в "Schlesische Zeitung" я не получил — пришлите же ее[7]. "Récits d'un Chasseur"[б] прибыли — большое спасибо![8] Мне присылают на просмотр корректурные листы "Записок": переводчик[9] не слишком силен в русском языке — и кое-что совсем переврано, за что Вы, конечно же, не несете ни малейшей ответственности. Я полагаю, что таким путем мы получим, наконец, верный текст.

А пока — будьте здоровы и кланяйтесь Вашей семье и друзьям. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив. Тургенев.

[а] "Искушение св. Антония" (*франц.*).
[б] "Записки охотника" (*франц.*).

3812. Паулю Линдау (с. 193)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Пятница. 9-е окт. 74.

Милостивый государь!

Я только что получил письмо от Флобера![1] Он просит очень Вас поблагодарить и не может пожелать себе лучшего переводчика; но считает своим долгом предупредить Вас, что вскоре после выхода в свет "Salammbô" одна немецкая дама, жена профессора из Иены, перевела эту книгу на немецкий язык. Вероятно, ее перевод неудачен и потому давно забыт: пусть господин Вебер сам решит, стоит ли, учитывая данные обстоятельства, браться за новый перевод[2].

Я весьма благодарен за присылку номеров "Gegenwart"; но я один из Ваших подписчиков — и уже прочитал Вашу превосходную статью[3].

Флобер не знает немецкого языка; но я охотно принял бы на себя роль посредника. Это было бы для меня совсем нетрудно, ибо Вы мастер слова и Ваш блестящий язык вполне может соперничать с виртуозностью Флобера.

Я сейчас занят небольшим рассказом; если он мне удастся, я охотно пошлю Вам французский перевод еще до того, как он появится в печати. К концу ноября я надеюсь с этим управиться[4].

Примите уверение в моем совершеннейшем уважении.

Преданный Вам Ив. Тургенев.

3814. Паулю Гейзе (с. 195)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Суббота, 10-е окт. 74.

Мой дорогой Гейзе,

Уже давно я должен был написать Вам письмо, но на этот раз я еще не собираюсь искупить свою вину, так как мне хочется наговориться с Вами вдоволь, не спеша —а сегодня я пишу лишь для того, чтобы рекомендовать Вам коллегу, русского писателя по имени Петр Боборыкин (да, такие имена бывают у нас!), у которого нет более горячего желания, чем удостоиться чести быть напечатанным в Вашем "Novellenschatz des Auslands". Он сейчас живет в Вене и обратится к Вам с письмом. У него есть талант, и некоторые из его повестей довольно хороши[1]. Эта рекомендация немного прохладна, но иной она и не должна быть.

Ваш дом, вероятно, уже давно отстроен — и Вы живете спокойно и уютно. В мае по пути в Карлсбад я буду в Мюнхене — там я надеюсь Вас увидеть[2].

Но я еще напишу Вам[3].

А пока будьте здоровы, сердечные приветы Вам и Вашей жене

от преданного Вам Ив. Тургенева.

3818. Полине Брюэр (с. 198)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Понедельник, 19 окт. 1874.

Дорогая Полинетта,

Вот 400 ф-в на твою поездку в Париж — я не мог их послать раньше[1] — что касается еще тысячи франков, ты получишь их здесь.

Я по-прежнему немощный и хилый. Не выхожу из дому.

До скорого свидания — целую вас всех троих.

Ив. Тургенев.

P.S. Дай мне знать, что ты получила это письмо.

3826. Вильяму Дину Хоуэллсу (с. 202)

С английского:

Милостивый государь,

Примите мою искреннюю благодарность за то, что вы любезно прислали мне в подарок вашу замечательную книгу "Свадебное путешествие", которую я прочел с таким же удовольствием, какое испытал прежде, читая "Случайное знакомство" — и "Венецианскую жизнь"[1]. Ваш литературный облик вызывает чувство живейшей симпатии: он естественен, прост и ясен — и в то же время полон непритязательной поэзии и тонкого юмора. Далее — я ощущаю присущее ему американское своеобразие — а это не последняя причина того, что ваши произведения доставляют мне такое наслаждение.

В надежде когда-нибудь познакомиться с вами — в Европе или в Америке (предпочитаю последнее) — остаюсь, милостивый государь,

искренне преданный вам И. Тургенев.

3827. Эмилю Золя (с. 202)

С французского:

Среда утром.
Улица Дуэ, 50.

Мой дорогой Золя,

Я только что узнал из газет, что ваша пьеса идет в пятницу, 30-го, то есть послезавтра.

Все эти дни меня удерживал дома сильный насморк, но я очень надеюсь, что смогу выйти послезавтра. Вы оставили для меня билет, не правда ли? Нужно ли посылать за ним? Я буду ждать записки от вас по поводу репетиции[1].

Стасюлевич должен был телеграфировать Шарпантье, сделал ли он это?[2]

До свидания послезавтра. В любом случае —

весь ваш Ив. Тургенев.

3830. Томасу Перри (с. 204)

С английского:

Улица Дуэ, 50.
Париж.
Пятница, 30-го окт., 74.

Милостивый государь,

Я горячо благодарен вам за весьма лестную статью о моих романах в майском номере "Atlantic Monthly"[1]. Вы извините меня за то, что я запоздал с выражением своей признательности, когда узнаете, что я только сейчас прочитал вашу статью, вернувшись во Францию из поездки в Россию.

Ваша родина вызывает у меня чувство глубокой симпатии и восхищения, и поэтому не могу не прислушаться со всей чуткостью к мнению одного из ее проницательных и просвещенных умов.

Остаюсь, милостивый государь,

совершенно преданный вам Иван Тургенев.

На конверте: Для передачи Томасу С. Перри, эск⟨вайру⟩.
в контору Х.О. Хотона & К°.
Вашингтон стрит, 219, Бостон. США.

3831. Хьялмару Бойесену (с. 204)

С английского:

⟨...⟩ Я только что закончил чтение поэтической книжечки, которую вы любезно посвятили мне[1]. Первая глава показалась мне, пожалуй, слишком аллегоричной, но чем дальше я читал, тем боль-

ше мне нравилась ваша повесть. "Гуннар", без сомнения, хорошее начало; это свежо и оригинально. Прошу вас принять мои самые искренние поздравления ⟨...⟩

⟨Ив. Тургенев.⟩

3832. Эмилю Золя (с. 204)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Суббота.

Мой дорогой Золя,

Дело со Ста... сю... ле... вичем[1] улажено[2]. Он пишет мне, что телеграфировал об этом Шарпантье и послал ему письмо[3], в котором ставит следующие условия: 1° первая половина текста должна быть доставлена к 1-му декабря, и он вышлет 150 рублей сер. (необходимо теперь же отправить всё, чем вы располагаете); 2° вы появитесь здесь только 20/8 февраля, а 20/8 января Стас⟨юлевич⟩ должен получить другую половину — и вышлет остальные 150 рублей.

Думаю, что всё это хорошо. Что касается платежеспособности и аккуратности Стас⟨юлевича⟩, то нельзя желать ничего лучшего, и я за это отвечаю.

Благодарю вас за записку[4] и рассчитываю на билет и, если возможно, на генеральную репетицию[5]. Мои вечера свободны, и подагра пока не подает признаков жизни.

Тысяча приветов.

Весь ваш Ив. Тургенев.

3839. Полине Брюэр (с. 209)

С французского:

Понедельник, утром.

Дорогая Полинетта,

Мне немного лучше — но я еще не знаю, когда смогу выходить — во всяком случае, я сам не смогу пойти взять ложу — поэтому посылаю тебе 50 франков, а ты попросишь Гастона взять ложу или на "Вокруг света"[1], или на "Полусвет"[2], по твоему выбору.

Целую вас всех троих.

Иван Тургенев.

3842. Людвигу Пичу (с. 212)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Понедельник, 16-е нояб. 74.

Мой дорогой Пич, Ваше письмо меня очень порадовало. В Вашей дружбе я никогда не сомневался — но получить такое теплое рукопожатие всегда приятно[1].

В Париж Вы непременно должны приехать! Госпожа Виардо уже писала *Аланжье* (директору Большой Оперы) — и получила весьма любезный ответ. У Вас будет место (а это, кстати сказать, почти так же легко — или так же трудно, — как укусить свой собственный локоть). Открытие состоится, по всей вероятности, в начале января[2].

Поклонитесь Юлиану Шмидту и скажите ему, что я давно заказал его книгу в одном здешнем книжном магазине — но ее всё еще нет здесь — вышла ли она в Лейпциге?[3] Как раздобыть его "Очерк" о госпоже Штейн?[4] "Deutsche Rundschau" мне прислали — повести Шторма я еще не читал — но теперь сразу примусь за нее[5].

Черт возьми! До чего же дороги у вас в Берлине произведения искусства! Недоступны для нашего брата![6] К Вашему приезду в Париж портрет госпожи Виардо, писанный моим земляком Харламовым, будет готов. Он обошелся всего в 3000 фр. — и всё же я категорически утверждаю: в настоящее время на всем земном шаре нет *ни одного* художника, который был бы способен создать что-либо подобное. Правда, теперь он уже берет ⟨за⟩ свои портреты по 10 000 фр. — мы захватили его в момент расцвета[7].

Только что получил последние корректурные листы "Записок"... О, сколько радости! Нет — более жалкого переводчика еще не бывало. Я напишу об этом Берсеркеру![8] В "Конце Чертопханова" дьякон, например, говорит: "Вы умный человек, *Aki Rebb*!" Что это за новый талмудический индивидуум? По-русски сказано: "аки лев" — *как лев*! И sic in infinitum[а]. Эти исправления были настоящей мукой! И так не слишком приятно совать нос в собственную грязь — а тут еще это проклятое "приблизительно". Другой пример. "Сажелка" по-русски значит "*лужа*" — une mare[б]; господин переводчик этого слова не знает — но полагает, что оно происходит от глагола "сажать" — pflanzen. Стало быть, это дерево. Но в оригинале слово "сажелка" употреблено с эпитетом *грязная*: значит, мы скажем — *мрачная, темная*; и "грязная лужа" превращается в "тенистое дерево" и т.д. и т.д. Черт бы побрал Берсеркера!

Наилучшие приветы семье и друзьям.

Ваш верный И.Т.

P.S. Семейство В⟨иардо⟩ благополучно, хотя у всех грипп; Диди очень нервничает — последний месяц!!

[а] так до бесконечности (*лат.*).

[б] лужа, пруд (*франц.*).

3846. Бернгарду Эриху Бере (с. 216)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 50.
Воскресенье, 22 нояб. 74.

Милостивый государь,

Сегодня я отослал последние корректурные листы "Записок охотника" в типографию Фребеля и считаю нужным известить Вас об этом. Вместе с тем должен откровенно признаться, что если уж невозможно отыскать более умелого переводчика для моих вещей — по мне было бы лучше прикрыть всё это дело. Оно отнимает у меня слишком много времени, и вообще вся эта работа мне весьма надоела. Господин переводчик имеет крайне поверхностное представление о русском языке; всякое не совсем обычное слово, всякое сколько-нибудь оригинальное выражение ставит его в тупик, и от отдается в опасную власть "приблизительного", отчего рождаются на свет самые причудливые и невероятные вещи!! Могу привести Вам один пример из сотен, когда смысл подлинника переворачивается буквально с ног на голову! Например: там есть слово "сажалка" — небольшой пруд, лужа. Переводчик не знает его, но *сажать* будет pflanzen — значит, эта штука, наверное, — *дерево.* Но там стоит эпитет, означающий "темная, грязная"; грязное дерево... невозможно! Значит — тенистое дерево. Хорошо. Но там говорится об утках... однако утки ведь не могут на *дереве плескаться...* Что ж, сделаем из них *голубей.* И со спокойной совестью записывается: "Голуби сидят на тенистом дереве" — вместо: Утки плещутся в грязной луже, et sic in infinitum[a]! И это называется переводом[1].

Дальше так продолжаться не может. Итак, уважаемый господин Бере, — или будет другой переводчик — или давайте удовольствуемся девятью вышедшими томами.

Будьте так добры, распорядитесь, как Вы делали это до сих пор, о доставлении ⟨мне⟩ 6-ти экземпляров "Записок", а также господам

Людвигу Пичу и Юлиану Шмидту в Берлине
профессору Фридлендеру в Кенигсберге
госпоже профессорше Г. Зееген, Вена, Паркринг, Либенберггассе, № 7,
Паулю Гейзе в Мюнхене
и профессору Любке в Штутгарте —
каждому 1 экземпляр.

Этим Вы меня чрезвычайно обяжете.

Примите уверение в моем исключительном уважении.

Иван Тургенев.

---

[a] и так до бесконечности! (*лат.*).

3847. Юлиусу Роденбергу (с. 217)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Среда, 25-е нояб. 74.

Любезнейший господин Роденберг,

Очень прошу извинить меня за то, что я не сразу ответил на Ваше любезное письмо. Я все это время чувствовал себя нехорошо — и сейчас еще не совсем здоров. Буду очень рад стать сотрудником Вашего "Rundschau"; но "когда", я всё еще не могу сказать[1]. Я намерен заняться двумя работами — очень длинным романом и очень короткой повестью: роман Вам во всяком случае не подошел бы; повесть до сих пор у меня лишь в голове. Как только она будет написана, Вы ее получите — вероятно, русский текст: надеюсь, *до* конца января[2]. Всё остальное можно будет легко устроить.

Первый номер "Rundschau" я читал и поздравляю Вас с этим событием[3].

Пожалуй, Вы вполне имеете право сказать, что стремитесь к высшей цели; будем надеяться, что Вы достигнете ее — должна же, наконец, Германия иметь свое "Revue des deux Mondes"[4].

Не приедете ли зимой в Париж? Я буду в Берлине только весной.

Примите уверение в самых дружеских чувствах совершенно преданного Вам Ивана Тургенева.

3849. Юлиану Шмидту (с. 219)

С немецкого:

Париж. 50, rue de Douai.
Четверг, 26 нояб. 1874.

Дорогой друг,

За последнее время я многое получил и прочел из ваших сочинений:

1) ваши "Charakterbilder", в которых вы вспоминаете меня так лестно и так тепло[1];

2) вашу статью о "Св. Антонии" Флобера[2] и

3) ваш этюд о г-же Штейн — его прислал мне друг Пич — где вы, по обыкновению, весьма точны[3]. —

За всё это приношу сердечную благодарность. Что же касается "Tentation", то вы — к сожалению — совершенно правы — и я должен признаться, что эта замечательная книга, в сущности, столь же неудобочитаемое, как и жестокое произведение.

Я не издал ничего нового, иначе вы бы уже это новое получили. — Я задумал большую работу — план представляется мне удачным — и мне кажется, что у меня есть что сказать и показать, но на бумаге это всё еще не получается[4].

С корректурами "Записок охотника" я, наконец, справился — это была трудная работа[5]. — Вы получите их от издательства, но

во всей книжке только один маленький, незначительный очерк будет для вас нов[6].

Радуюсь, что вам нравится Золя[7]. — Его новый роман, или, собственно, продолжение его большой серии, готов, но выйдет только в феврале[8].

Посылаю вам завтра роман другого автора той же школы — только несколько мягче и тоньше. Автора зовут Альфонс Доде, а книга — "Fromont jeune et Risler aîné"[9]. Полагаю, она придется вам по вкусу.

Получил "Rundschau" — Роденберга. — Между нами говоря, обе вещи — Ауэрбаха и Шторма — кажутся мне очень слабыми. Пич хвалил мне "Waldinsel": но ведь там нет ни одного захватывающего характера; психологические намеки, поэзия, но намеки не дают никакой перспективы, а поэзия тускла. Рассказ Ауэрбаха ничтожен[10].

Налучшие пожелания вашей жене и друзьям. Вам я сердечно жму руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

3851. Людвигу Пичу (с. 221)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Пятница, 27-е нояб. 74.

Бога ради, Pietschie carissime[а], зачем Вы портите себе столько крови и так горько упрекаете себя из-за "Записок охотника"?[1] Вы слишком близко все принимаете к сердцу!! Вы сделали все, что было в Ваших силах, меня рассердил господин переводчик — теперь волны забвения поглотили все это — и мне остается только принести Вам сердечную благодарность за Ваши труды. Итак, Вы приезжаете в Париж — браво![2] Это прекрасная мысль. Мы устроим маленький славный dîner[в], даже если подагра и не оставит меня в покое!

Я набросился на "Лесной уголок"... и... и, должен признаться, нахожу, что Вам изменила Ваша обычная критическая проницательность[3]. Друг мой, эта вещица Шторма весьма слаба, "клянусь в том нашей любовью!" — как поет Оттавио в "Д⟨он⟩ Жуане"[4]. Все неровно, необоснованно — ни одно из 3 действующих лиц не привлекает, даже собака, которая тоже выглядит несколько литературно — и поэзия намазывается, как масло. Может быть, ошибаюсь я — но, может быть, и Вы[5].

Здесь всё идет обычным порядком — мы полны ожидания[6] (à propos[б], что Вы скажете о муниципальных выборах?[7]). Кланяйтесь семье и друзьям. Крепко жму Вам руку.

Ваш Ив. Тургенев.

[а] дражайший Пич (*лат.*).
[б] кстати (*франц.*).
[в] обед (*франц.*).

3852. Эмилю Золя (с. 222)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Пятница.

Мой дорогой друг,

Я получил ответ Ста-сю-ле-вича[1], и мне нужно вас видеть. Кроме того, я вам покажу четыре статьи о вас в одной венской газете[2]. Приходите в воскресенье к Флоберу к половине четвертого, я буду там.

Тысяча приветов.

Весь ваш Ив. Тургенев.

3855. Полине Брюэр (с. 223)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Вторник, 1-го дек. 74.

Дорогая Полинетта,

Вот еще одна кляуза, которую я получил и которую ты будешь так любезна передать своему мужу[1]. Решительно мне нужно отделаться от этой охоты, пока она меня не разорила.

Наконец я чувствую себя лучше и начинаю выходить. Очень прискорбно, что меня так схватило во время твоего пребывания в Париже[2].

Надеюсь, что вы все трое здоровы — и целую вас.

Если я еще смогу сделать попытку пострелять какую-нибудь дичь в Ружмоне, извещу тебя об этом заранее.

Весь твой Иван Тургенев.

3859. Жюлю Этцелю (с. 226)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Суббота, 5 дек. 74.

Мой дорогой друг,

Я уже говорил позавчера вашему сыну, что превратился в старую, никуда не годную тряпку.

Я всё же отдал перевести "Пунина и Бабурина", переделанного и переработанного и, самое позднее, через *три* недели вы получите рукопись, которую отдадите в "Le Temps", если не предпочтете сразу бросить ее в огонь[1].

А как же наш с вами завтрак, которого *я* так ждал? *Воистину* говорю вам, что впадаю в детство. Я приду совершенно точно в *по-*

недельник, если снова не забуду. Тогда — проклятье на мою голову! А пока сердечно жму вам руку — ибо дружба не из тех вещей, которые я забываю.

В⟨есь⟩ в⟨аш⟩ И. Тургенев.

3863. Полине Брюэр (с. 229)

С французского:

Дорогая Полинетта,

Вот уже 3 дня, как я не выхожу из-за ужасного насморка, зайди ко мне завтра утром вместе с Жаннеттой.

Целую тебя.

И. Тургенев.

3864. Эдмону Гонкуру (с. 229)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Понедельник, 11 ч. вечера.

Мой дорогой друг,

Русский *аршин* равен 71 сантиметру с небольшим; *аршин* делится на 16 *вершков* (именно их обозначает то *v*, о котором вы говорите); значит, вершок равен без малого 4 с половиной сантиметрам. Четыре вершка с половиной равны 20 сантиметрам с небольшим и т.д. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить вас (мне следовало бы сделать это уже давно) за присылку двух ваших прекрасных томов, которые я проглотил разом — и в которых почерпнул множество сведений, до сих пор совершенно мне неизвестных[1].

Флобер поговаривает о возобновлении *наших* обедов, ведь первый из них прошел так удачно. Как славно было бы собраться всем вместе[2]. Приходите к нему в воскресенье между 2 и 4 — я буду там, и мы это обсудим. Кроме того, мне хочется показать вам (как лучшему знатоку XVIII-го века) бронзовую пластинку, купленную мною недавно за гроши; на ней изображены Марс и Венера *в стиле Буше*. Венера, на мой взгляд, просто прелесть — вы скажете мне, так ли это.

Сердечно жму вам руку.

Весь ваш И. Тургенев.

3865. Полине Брюэр (с. 230)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Среда, 16 дек. 74.

Вот, моя дорогая Полинетта, 1550 фр., которые причитаются за аренду охотничьего угодья. Очевидно, у меня с моей подагрой мало надежды извлечь из него большое удовольствие или пользу: и я думаю, что лучше всего было бы в самом деле пересдать его или уступить герцогу, если он этого хочет[1]. Я предоставляю Гастону все полномочия.

Если удастся устроить так, чтобы я мог приехать поохотиться еще раз в начале января — тем лучше.

Мое здоровье почти поправилось, и я не меньше, чем ты, сожалею, что был так болен во время твоего пребывания в Париже[2].

Надеюсь, что вы все чувствуете себя хорошо. Через пять-шесть дней я доставлю себе удовольствие послать вам новогодние подарки[3].

Пока — Диди держит нас всех в томительном ожидании. Событие еще не свершилось![4]

Нежно целую вас всех троих.

Ив. Тургенев.

P.S. Уведоми меня о получении этого письма.

3866. Юлиану Шмидту (с. 230)

С немецкого:

Париж.
50, ул. Дуэ.
Среда, 16 дек. 74.

Мой дорогой друг,

Посылаю вам сегодня маленькую вещицу, "Feuilleton du Temps"[a] — новый отрывок из "Записок охотника"[1]. Правда, вы найдете его в полном собрании сочинений, которое мой издатель пришлет вам[2] — он не имеет особых достоинств, но так как у вас есть всё, что моего выходит, то пусть и это будет приобщено.

В виде новогоднего подарка я хотел бы послать вам 20 фотографий французских знаменитостей. Будьте добры, назовите, кого бы вы желали иметь. Иначе, боюсь, что пошлю как раз тех галлов, которые у вас уже имеются[3].

Со здоровьем моим теперь дело обстоит значительно лучше.

Множество поклонов вашей милой жене, а вам — сердечное рукопожатие

от преданного вам
Ив. Тургенева.

---

[a] "фельетон из Temps" (*франц.*).

3868. Людвигу Пичу (с. 231)

С немецкого:

Улица Дуэ, 50.
Вторник, 22-е дек. 74.

Дорогой друг,

Я не ответил Вам[1], и Вы, наверное, считаете меня небрежным корреспондентом — но я хотел дождаться чего-нибудь положительного, а этот негодяй Аланжье (то есть директор) до сих пор не дал решительного ответа. Открытие произойдет, вероятно, в конце января — как только узнаю что-либо определенное, дам Вам знать[2].

Великое событие свершилось позавчера, в воскресенье, в $7^1/_2$ часов утра. На свет появилось чудесное дитя, дочурка — но, к сожалению, с большим трудом — и мать, Диди, очень измучена!! Состояние ее пока не внушает опасений — но до истечения девяти дней (роковых девяти дней) наши души, как говорят испанцы, будут висеть на ниточке![3]

Госпожа Виардо сказала мне вчера, что сегодня напишет Вам.

Берсеркер обещает мне раздобыть другого переводчика — и немедленно доставит Вам один экземпляр "Записок"[4].

Ребенка назвали *Жанна Эдме.*

Самые сердечные приветы семье и друзьям. Крепко жму Вашу руку.

Ваш И. Тургенев.

3873. Бернгарду Эриху Бере (с. 236)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 50.
Четверг, 24 дек. 74.

Милостивый государь,

Только что я получил Ваше письмо. Не стоит слишком беспокоиться из-за "Записок"; — в том переработанном виде, какой они приняли теперь, перевод стал неплохим — во всяком случае, верным; лишь на будущее я хотел бы оградить себя от подобных хлопот[1]. Прежний переводчик знал свое дело определенно лучше; X-й том, без сомнения, получится хорошим, — в особенности, если переводчик не поленится сравнить свою работу с *французским* (превосходным) переводом "*Анчара*" и "Первой любви" и немецким (боденштедтовским) "Фауста"[2].

Итак, будем спокойно продолжать наше предприятие.

Теперь обращаюсь к Вам с просьбой. Я бы хотел, чтобы все 9 томов моих сочинений как можно скорее были отправлены госпоже *Шарлотте Валентин*[3] — Гетеборг (королевство Швеция). Не

будете ли Вы так добры взять на себя эту комиссию? Я охотно оплатил бы все необходимые расходы.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3874. Полине Брюэр (с. 237)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Пятница, 25 дек. 74.

Дорогая Полинетта,

Ты, конечно, извинишь меня за то, то я не ответил тотчас же на твое письмо, когда узнаешь, что Диди родила девочку (ее тоже назвали Жанной)[1], что роды были ужасно тяжелые — и только сегодня появилась надежда, что опасность минует. Вся семья была охвачена страшным беспокойством. Наконец всё, слава Богу, снова идет на лад.

Я немного стеснен в деньгах в настоящий момент — но, чтобы тебя не огорчать ⟨...⟩[а] раз ты хочешь передать их твоей свекрови, я не понимаю, зачем их посылать в Ружмон? Скорее сообщи, что мне нужно сделать, отослать их на улицу Брюссель или к тебе?[2]

Собака или корова вместе с шоколадом будут отправлены завтра или послезавтра — и ты передашь их Жанне от моего имени.

Я здоров — и сердечно целую вас всех троих.

Ив. Тургенев.

3875. Полине Брюэр (с. 237)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Воскресенье, 27 дек. 74.

Дорогая Полинетта,

Сию минуту получил твое письмо и пишу тебе два слова, чтобы тебя уведомить:

что сегодня же тебе будет отправлен пакет, содержащий собаку, две детские книжки и коробку шоколада;

что 300 ф-в будут завтра переданы твоей свекрови

и что — last not least[а] — Диди и ее младенец, слава Богу, чувствуют себя хорошо, и всякая опасность миновала.

Целую вас всех троих — и желаю вам a happy new year[б].

Ив. Тургенев.

[а] *Текст письма поврежден, так как край листа оборван.*

[а] последнее, но не менее важное (*англ.*).

[б] счастливого нового года (*англ.*).

3876. Жюлю Этцелю (с. 238)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Воскресенье, утром.

Мой дорогой друг,

Ваша вчерашняя посылка напомнила мне стихи Корнеля: "Я тебя щедро ими одарил, я хочу тебя ими засыпать"[1] — вы прислали мне целую библиотеку, и книги — одна интереснее другой. Благодарю вас от своего имени, а также от имени моей внучки и наших дам — ибо вы, конечно, хотели их преподнести не мне одному.

Надеюсь увидеть вас до Нового года — и откладываю свои поздравления и пожелания до нашей встречи. А сейчас ограничиваюсь тем, что еще раз благодарю вас.

Весь ваш Ив. Тургенев.

3881. Эмилю Дюрану (с. 240)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Вторник, 5 января 1874[a].

Мой дорогой господин Дюран,

Не хотите ли вы увидеть два портрета Харламова (г-н и г-жа Виардо)? Они находятся сейчас в нижней галерее[1]. Заодно я покажу вам три купленные мной картины совсем молодого французского художника Э. Валле, который много обещает[2]. Хорошо, если бы вы пришли между двенадцатью и двумя часами — например, завтра.

Примите, вместе с моими новогодними пожеланиями, уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев.

3889. Шарлотте Валентин (с. 246)

С немецкого:

Париж.
Улица Дуэ, 50.
Воскресенье, 10 янв⟨аря⟩ 75.

Милая барышня,

Большое спасибо за добрые новогодние пожелания; примите и мои поздравления. Нет нужды говорить Вам, что в семье Виардо, к которой я причисляю и себя, Вас хорошо помнят — и всё доброе и радостное, происходящее в вашей жизни, вызывает здесь самое большое и искреннее участие[1].

---

[a] *Так в подлиннике.*

Я заранее благодарю за обещанную книгу — я тоже написал своему издателю, чтобы он выслал для Вас все уже вышедшие тома (числом 9) моих "Избранных сочинений"[2]; Вы, конечно же, будете столь любезны и сообщите мне о получении посылки?

Марианна недавно написала Вам письмо — и Вы знаете обо всём, что здесь происходит: до сих пор, слава Богу, дела всей семьи, которая пополнилась прелестным маленьким членом, идут превосходно[3].

Здоровье мое улучшилось — по крайней мере, у меня нет теперь предлога, чтобы не работать... и все-таки я не работаю!

Сердечные приветы Вашей семье[4] и примите уверение в преданности и уважении

Вашего
Ив. Тургенева.

3895. Полине Брюэр (с. 1249)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Вторник, 12 янв. 74[a].

Дорогая Полинетта,

Как раз сию минуту мне доставили с улицы Брюссель[1] великолепную корзину, и я тебя очень благодарю. Спроси-ка Гастона: есть ли еще дичь в Ружмоне и стоит ли она того, чтобы сейчас из-за нее утруждать себя? Если он скажет: да — то более чем вероятно, что я приеду — может быть, даже на *воскресенье*. Напиши немедленно.

Я собираюсь сегодня отнести 300 ф-в твоей свекрови[2]. Произошла задержка, за которую прошу меня извинить.

Диди и маленькая Жанна здоровы. Целую вас всех троих — и, надеюсь, до свидания!

Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ[1]

Зильберштейн, Репин и Т.	—	И.С. Зильберштейн Репин и Тургенев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945.
Памяти Белинского	—	Памяти Белинского: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. М., 1899.
Революционеры-семидесятники	—	И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собрал и комментировал М.К. Клеман; Ред. и введ. Н.К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1930.
Sand, Corr.	—	G. Sand. Correspondance: (1812—1876). C. Lévy, Paris, 1882—1884. T. 1—6.
T. und Deutschland	—	I.S. Turgenev und Deutschland: Materialien und Untersuchungen / Herausgegeben von Gerhard Ziegengeist. Berlin: Akademie-Verlag, 1965. Bd. 1.
Zola, Corr.	—	Zola E. Correspondance / Editeé sous la direction de B.H. Bakker. T. II. 1868 — mai 1877. Les Presses de l'Univesité de Montréal. 1980.

[1] В списке раскрыты сокращения, употребляемые в 13-м томе впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тринадцатый том писем И.С. Тургенева содержит 315 писем за период с 1(13) января 1874 г. по 31 декабря 1874 г. (12 января 1875 г.) включительно, обращенных к 75-ти адресатам.

Из числа печатающихся текстов публикуются по подлинникам — 233, по фотокопиям — 31, по тексту первой публикации — 47, по копиям — 4. Впервые включены в собрание 43 письма. Из них 17 писем к П. Виардо (3683, 3687, 3688, 3690, 3693, 3696, 3698, 3701, 3710, 3720, 3725, 3728, 3730, 3740, 3742, 3761, 3765); 11 писем к Б.Э. Бере (3587, 3589, 3603, 3668, 3682, 3691, 3738, 3768, 3801, 3846, 3873); 5 писем к К. Шамро (3686, 3713, 3726, 3750, 3764); письмо к П. Бурже (3618); письмо к Дж. Элиот (3613); письмо к Ф. Лёве (3632); письмо к Э. Плошю (3867); письмо к А.А. Трубецкой (3666); письмо к Ш. Валентин (3889); письмо к Ж. де Турбе (3604[а]); телеграмма (3749[а]) и письмо к Ю. Шмидту (3749[б]); письмо А. Видерту (3769[а]).

В течение 1874 г. Тургенев жил в основном в Париже и Буживале; совершил лишь поездку в Карлсбад, а летом — в Россию, где побывал в Петербурге, Москве и Спасском-Лутовинове.

В 1874 г. писатель опубликовал рассказ "Живые мощи", написал и напечатал "Пунина и Бабурина", очерк "Наши послали!" и рассказ "Стучит!", начал работу над рассказом "Часы" и романом "Новь". Тогда же написал он предисловие к переводу "Германии" Гейне, сделал наброски статей об "Искушении святого Антония" Флобера и "Семействе Аксаковых и славянофилах", оставшиеся незавершенными. В 1874 г. в Москве вышло в свет издание бр. Салаевых: И.С. Тургенев. Сочинения, ч. I—VIII.

В письмах этого года, особенно его начала, Тургенев неоднократно жаловался на то, что работа над романом "Новь" (он обычно называл это произведение повестью) идет медленно и трудно. Отчасти писателю мешали усилившиеся приступы подагры, но главным образом — недостаток свежих впечатлений; пребывание в России способствовало подъему творческого настроения.

Позднее, уже в Карлсбаде, Тургенев получил ценные материалы о русской революционной молодежи: известная петербургская общественная деятельница А.П. Философова прислала писателю портфель с бумагами (письма, дневники, стихотворения и пр.) В.Г. Дехтерева, И.И. Дитятина и других "новых людей" (см. № 3767, 3778, 3797, а также: Буданова Н.Ф. Роман И.С. Турге-

нева "Новь" и революционное народничество 1870-х годов. Л.: Наука, 1983. С. 14, 17 и др.).

Во время пребывания в России Тургенев интересовался многими сторонами русской действительности. Так, он посетил суд присяжных и о тяжелом впечатлении, которое произвели на него судебные разбирательства и приговор, сообщал в одном из писем (№ 3690); съездил писатель и в колонию для малолетних преступников близ Петербурга, где с удовлетворением отметил отсутствие телесных и других форм наказаний (№ 3696).

Приехав в Спасское-Лутовиново, где его с особенной силой преследовали приступы подагры, писатель тем не менее побывал в школе, основанной им еще в 1865 г. Тургенев присутствовал на экзаменах и обратил внимание на очень способного ученика Никиту Гарасичева (№ 3710, 3713 и др.). Позднее в "Нови" писатель изобразил этого мальчика под именем Гарася, лучшего ученика крестьянской школы (глава XIII). Посетил Тургенев и богадельню для престарелых дворовых (№ 3710).

Большое внимание уделял писатель вопросам редактирования иностранных переводов собственных повестей и рассказов. Когда в Митаве выходило в свет собрание сочинений на немецком языке, Тургенев принимал живейшее участие в редактировании тома, содержащего "Записки охотника". Он привлек к этому делу Л. Пича и неоднократно давал ценные советы и разъяснения ему и издателю Б.Э. Бере (№ 3587, 3589, 3603, 3668, 3682, 3691, 3738, 3768, 3801, 3846, 3873 и др.).

Круг языков, на которые переводились теперь его произведения, значительно расширился. Сочинения Тургенева в переводе на английский язык начали издавать в Америке; неожиданно для автора они имели там значительный успех. Высокую оценку получило творчество Тургенева в статье американского писателя Г. Джеймса. Американские литераторы В.Д. Хоуэллс, Т.С. Перри и Г. Джеймс выступали тогда пропагандистами европейских писателей. Творчество Тургенева оказалось близким их художественным исканиям (см. письма 3595, 3755, 3756, а также: Gettmann R.A. Turgenev in England and America. Urbana, 1941. P. 37—38, 74—75; Шерешевская М. И.С. Тургенев в письмах Генри Джеймса // В мире отечественной классики: Сб. ст. М.: Худож. лит., 1984. С. 403 и след.; то же: *Рус. лит.* 1983. № 2. С. 133—142). Х. Бойесен посвятил русскому писателю свою повесть "Гуннар" (№ 3831; см. также: Воспоминания Бойесена о Тургеневе / Вступ. заметка, пер. и примеч. В. Александрова // В мире отечественной классики. С. 393—402).

Как и прежде, Тургенев в 1874 г. с интересом следил за всеми наиболее крупными явлениями литературной и общественной жизни России и Западной Европы. В его письмах содержатся отзывы о современной литературе (в особенности русской), в частности о произведениях А.Н. Островского ("Лес", "Гроза"), Л.Н. Толстого ("Три смерти", "Казаки", "Два гусара"),

Я.П. Полонского, И.С. Аксакова и др. Откликается Тургенев и на биографические работы о Пушкине и Белинском ("А.С. Пушкин в Александровскую эпоху" П.В. Анненкова, "В.Г. Белинский: Опыт биографии" А.Н. Пыпина), впервые напечатанные в "Вестнике Европы".

Тургенев стремился популяризировать во Франции произведения наиболее выдающихся русских писателей-современников. Так, он хлопотал о публикации французских переводов "Двух гусаров" Л.Н. Толстого и "Грозы" Островского, искал переводчиков, стремился оказать им помощь в нелегком труде (Алексеев М.П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М.П. Русская литература и ее мировое значение. Л.: Наука, 1989. С. 293—294, 299—301).

С другой стороны, используя свои постоянные связи с М.М. Стасюлевичем, Тургенев способствовал появлению в "Вестнике Европы" перевода романа Э. Золя "Проступок аббата Муре" (роман был опубликован в русском переводе ранее, нежели в оригинале). Усиленно, но безуспешно хлопотал Тургенев о публикации в этом же журнале "Искушения святого Антония" Г. Флобера (см.: Мостовская Н.Н. И.С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л.: Наука, 1983. С. 175—185).

В жизни Тургенева большую роль начинает играть его возрастающий интерес к живописи. В ряде писем он сообщает об этом. Писатель посещал парижские аукционы, на которых приобретал произведения преимущественно новейших французских художников, чье творчество высоко ценил (см. об этом: Заборов П.Р. И.С. Тургенев и западноевропейское изобразительное искусство // Русская литература и зарубежное искусство: Сб. исследований и материалов. Л.: Наука, 1986. С. 137—151).

Встречи Тургенева с русскими художниками (А.А. Харламовым, А.П. Боголюбовым, И.Е. Репиным, В.Д. Поленовым) способствовали его увлечению живописью. Репин писал портрет Тургенева для московского коллекционера П.М. Третьякова. Собирался приступить к работе над портретом писателя и А.А. Харламов, уже написавший портрет Полины Виардо (см.: Кузьмина Л.И. И.С. Тургенев и русские художники. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974).

Из других видов искусства Тургенева, как всегда, особенно привлекала музыка. В его письмах нередко содержатся просьбы о присылке нот, отзывы о произведениях П.И. Чайковского ("Ромео и Джульетта"), А.Г. Рубинштейна ("Демон"), Р. Шумана ("Карнавал"), К. Сен-Санса ("Самсон и Далила") и др. В мае 1874 г. Тургенев знакомится в Петербурге с отрывками из оперы М.П. Мусоргского "Борис Годунов" и романсами этого композитора. По поводу увертюры к опере в исполнении автора Тургенев в одном из писем (№ 3696) замечает: "Это было красиво и проникновенно". Примечательно, что писатель приезжал к В.В. Стасову на встречу с другими композиторами "могучей кучки", но фактически (из-за

сильного приступа болезни) не смог с ними познакомиться, так как вынужден был срочно возвратиться в гостиницу (№ 3698).

В 1874 г. при содействии Тургенева в Петербурге вышел альбом "Пять стихотворений Гёте, Пушкина, Мёрике, Гейбеля и Поля, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа".

В письмах Тургенева содержатся также его отклики на политические события во Франции: об избрании на пост президента Мак-Магона, о борьбе между партиями, раздорах в лагере претендентов на французский престол и т.д.

— — — — — — — —

Тексты писем тринадцатого тома подготовили и примечания к ним составили: *В.Н. Баскаков* (3591, 3614, 3629, 3659, 3667, 3700, 3711, 3777, 3894); *А.И. Батюто* (3624, 3672, 3718, 3723, 3746, 3813, 3841, 3862, 3872); *И.А. Битюгова* (3708, 3729, 3767, 3778, 3791, 3797, 3877, 3891, 3893, 3896); *Т.И. Бронь* при участии *Р.М. Гороховой* (3586, 3590, 3608, 3621, 3628, 3658, 3669, 3674, 3727, 3757, 3772, 3788, 3789, 3793, 3799, 3807, 3818, 3839, 3855, 3865, 3874, 3875, 3895); *Т.И. Бронь* — текст и перевод, *М.П. Султан-Шах* — примечания (3863); *Н.Ф. Буданова* (3676, 3717, 3719, 3724, 3732, 3782, 3888); *Г.Я. Галаган* (3597, 3609, 3642, 3760, 3780); *Н.П. Генералова* и *А. Звигильский* (3604[а], 3618, 3666, 3683, 3686—3688, 3690, 3693, 3696, 3698, 3701, 3710, 3713, 3720, 3725, 3726, 3728, 3730, 3740, 3742, 3750, 3761, 3763, 3764, 3765, 3769[а]); *Н.П. Генералова и П. Уоддингтон* (3749[а], 3749[б]); *Е.А. Гитлиц* (3786, 3886); *Т.П. Голованова* (3596, 3604, 3626, 3645, 3671, 3680, 3745, 3811, 3824, 3858, 3884); *Р.М. Горохова* (3663, 3784, 3859, 3864, 3876); *В.А. Громов* (3698); *П.Р. Заборов* (3620, 3654, 3675, 3681, 3706, 3707, 3737, 3758, 3785, 3794, 3803, 3804, 3881); *П.Р. Заборов* и *М. Партюрье* (3662); *В.В. Захаров* (3826, 3830); *И.С. Зильберштейн* (3867); *Г. Йонас* и *Ю.Н. Жуйкин* — тексты и переводы, *Г. Йонас* и *Г.Ф. Перминов* — примечания (3637, 3763, 3798, 3812, 3814, 3849); *Г. Йонас* и *Г.Ф. Перминов* (3638, 3640, 3866); *Ю.А. Красовский* (3605, 3607, 3857); *Л.И. Кузьмина* (3770); *Ю.Д. Левин* (3595, 3613, 3755, 3756); *Х. Леман-Шульце* — тексты, *Ю.Н. Жуйкин* — переводы, *Х. Леман-Шульце* и *Г.Ф. Перминов* — примечания (3631, 3639, 3664, 3670, 3692, 3703, 3810, 3842, 3851, 3868); *А.Н. Михайлова* при участии *Т.Б. Трофимовой* (3601, 3623, 3677, 3684, 3695, 3702, 3736, 3739, 3744, 3748, 3752, 3773, 3781, 3790, 3805, 3837, 3840, 3856, 3869, 3878, 3885); *Н.Н. Мостовская* (3594, 3598, 3600, 3610, 3627, 3634, 3641, 3644, 3646, 3648, 3650, 3653, 3673, 3678, 3714, 3809); *А.Б. Муратов* (3827, 3832, 3852); *Л.Н. Назарова* (3655, 3704, 3705, 3716, 3721, 3733, 3747, 3753, 3783, 3792, 3815, 3820, 3828, 3838, 3850, 3860, 3870, 3883); *Н.С. Никитина* (3588, 3615, 3660, 3661); *Л.А. Николаева* (3633, 3766, 3775, 3808, 3817, 3821, 3833, 3843, 3854, 3861, 3882); *Т.А. Никонова* (3592, 3619, 3622, 3636, 3643, 3656, 3657, 3679, 3685, 3694, 3697, 3700, 3712, 3722, 3731, 3734, 3741, 3743, 3749, 3754, 3759, 3774, 3776, 3796, 3816, 3834, 3845, 3879, 3887, 3892); *Г.Ф. Перминов* (3593, 3599, 3602, 3611, 3616, 3617, 3625, 3635, 3647, 3649, 3652, 3665, 3715, 3751, 3762, 3769, 3771, 3779, 3787, 3795, 3802, 3806, 3819, 3822,

3823, 3825, 3829, 3835, 3844, 3853, 3880, 3890); *Г.Ф. Перминов* и *Ю.Н.Жуйкин* (3847); перевод *Е. Сейерстед* и *Г.Я. Галаган* (3612, 3831); *А.Н. Степанов* (3709, 3735); *А.М. Ступель* (3836, 3848, 3871); *Г.А. Тиме* (3889); *Г.А. Тиме* при участии *Р.Ю. Данилевского* (3587, 3589, 3603, 3668, 3682, 3691, 3738, 3768, 3801, 3846, 3873); *Г. Цигенгайст* — текст, примечания, *Г.А. Тиме* — перевод (3632); *И.С. Чистова* (3630, 3800); *М.Д. Эльзон* и *В.Н. Баскаков* (3689).

Аннотированный указатель имен и названий и указатель произведений Тургенева составлены *Г.В. Степановой* при участии *Т.Б. Трофимовой.*

Французские тексты печатаются под наблюдением *П.Р. Заборова*, немецкие — *Р.Ю. Данилевского* и *М.Ю. Кореневой.*

Редакторы тома: *Л.Н. Назарова, Г.А. Тиме* при участии *Н.П. Генераловой, Т.Б. Трофимовой.*

Полноте и достоверности издания способствовал французский тургеневед *А. Звигильский*, а также г-жа *Ф. Монрено*, которым редакция приносит свою благодарность.

3586. Полине Брюэр (с. 7 и 255)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 276 — 277.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 187.

[1] Это письмо Тургенева к Г. Брюэру неизвестно.

[2] До замужества Полины Тургенев регулярно платил ей пенсию.

3587. Бернгарду Эриху Бере (с. 7 и 255)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre*, S. 552.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Бере неизвестно. В ответе Тургенева имеется в виду немецкий перевод "Записок охотника" (см. письмо 3571 примеч. 1 — наст. изд., Письма, т. 12). Письмо к Пичу, которое собирался написать Тургенев, действительно было написано, хотя и не сохранилось. См. письмо к Бере № 3589, а также письмо к Л. Пичу № 3692.

3588. Ф.Н. Тургеневой (с. 8 и 256)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309. № 4709.

Впервые опубликовано: *Т. и его время*, с. 247, с ошибкой ("Salon" вместо "Goloss").

Датируется по содержанию и помете "Понедельник". Вопрос о натурализации П.Н. Тургенева во Франции встал в семье Тургеневых в 1874 г.: в апреле ему исполнился 21 год, и, будучи русским подданным, он с конца 1874 г. должен был проходить военную службу в России, так как обнародованный в начале 1874 г. новый устав о воинской повинности отменил дворянские сословные привилегии, связанные с этой гражданской обязанностью. В газете "Голос" устав публиковался с 4(16) по 7(19) января 1874 г. По-видимому, Тургенев переслал Ф.Н. Тургеневой номера "Голоса", вышедшие и полученные им из России до 7(19) января — ближайшего к началу публикации устава понедельника. О том, что письмо написано в понедельник 7(19) января, свидетельствует запись в дневнике Ф.Н. Тургеневой, где в перечне писем, полученных семьей Тургеневых в 1874 г., значится письмо Тургенева к Ф.Н. Тургеневой от 7(19) января (см.: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4622, л. 71).

[1] П.Н. Тургенев до конца жизни оставался русским подданным. См. также письма № 3619, примеч. 3, и № 3635.

3589. Бернгарду Эриху Бере (с. 8 и 256)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre*, S. 563 – 564.
Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о немецком переводе "Записок охотника", который был отредактирован Пичем, очевидно, позднее. См. письма к Л. Пичу № 3692 и 3810; ср. также письмо к Бере № 3587.
[2] Тургенев дал Бере адрес петербургского книжного магазина Г. Шмицдорффа, где помещалась и редакция немецкой газеты, одним из издателей которой был К. Рёттгер.

3590. Полине Брюэр (с. 9 и 256)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 278.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 187.

[1] Бракосочетание Клоди Виардо с Жоржем Шамро состоялось 22 февраля (6 марта) 1874 г. в мэрии и 23 февраля (7 марта) в церкви.
[2] См. письмо № 3586. Письмо Тургенева к Г. Брюэру неизвестно.
[3] Речь идет о стекольной фабрике Г. Брюэра.

3591. Н.П. Веретенникову (с. 9)

Печатается по подлиннику: *РГБ*, ф. 306. карт. 2, л. 16.
Впервые опубликовано: *Т сб* (*Бродский*), с. 16 – 17.

[1] Речь идет о парижской ежедневной политической, литературной и коммерческой газете "Galignani's Messenger", основанной Джованни Галиньяни в 1814 г. и издававшейся на английском языке.
[2] Возможно, Тургенев имеет в виду рассказ "Сергей Разумов" ("Serge Razoumof"), опубликованный 3 и 4 января 1874 г. в "Journal des Débats" и подписанный: *Robert Franz.* Других рассказов в январе 1874 г. на страницах этой газеты не появлялось.
[3] О ком идет речь, установить не удалось. Ср. с письмом № 3575 — наст. изд., Письма, т. 12.

3592. М.В. Авдееву (с. 10)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 440, л. 21 – 22.
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1902, № 9, с. 509, с сокращениями.
Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 188 – 189.
Стр. 10. благим пожеланиям (*лат.*).

[1] См. письмо № 3590, примеч. 1.
[2] Письмо Авдеева неизвестно. Мысль о том, что "литературное товарищество" в России развито слабо, Тургенев высказывал и в письме № 3563 (наст. изд., Письма, т. 12).

[3] Речь идет о рассказе "Живые мощи", напечатанном на с. 65—79 альманаха "Складчина: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии" (СПб., 1874). Ср. с письмом № 3596.

[4] Роман "Новь".

[5] Имеется в виду альманах "Складчина" (см. примеч. 3), который, вопреки ожиданиям Тургенева, пользовался большим спросом и разошелся в течение нескольких недель (*СПб Вед*, 1874, 2(14) апреля, № 89). Одобрительные отзывы критики о нем были довольно многочисленны — см., например: *СПб Вед*, 1874, 3(15) апреля, № 90; *Голос*, 1874, 28 марта (9 апреля), № 87; *Рус Ст*, 1874, № 5. Резко отрицательную оценку альманах получил в статье Н. Радюкина (псевдоним Н.В. Шелгунова) на страницах журнала "Дело" (1874, № 4, отд. X, с. 47—67).

[6] В октябре—декабре 1873 г. в газете "Биржевые ведомости" (№ 287, 294, 299, 307, 314, 327, 334, 341) публиковались еженедельные литературные обзоры Авдеева под общим заглавием: "Злоба дня в литературе: (Критические этюды)". "Прежними этюдами" Тургенев называет цикл "Герои и героини русской литературы, представители общественной мысли" (части I и II), печатавшийся в той же газете в апреле—июле 1873 г. См. письмо № 3499, примеч. 1 и 2 (наст. изд., Письма, т. 12).

[7] Амнистия "в ознаменование бракосочетания" великой княжны Марии Александровны и герцога эдинбургского Альфреда Эрнеста Альберта, которое состоялось 11(23) января 1874 г., была объявлена 22 января (3 февраля) — см.: Правительственный вестник, 1874, 22 января (3 февраля), № 18.

3593. П.В. Анненкову (с. 11)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 189—190.
Стр. 11. поражение (*итал.*).

[1] В "Складчине" был помещен рассказ Тургенева "Живые мощи". См. письмо № 3592, примеч. 3.

[2] См. письмо № 3283 (наст. изд., Письма, т. 12).

[3] См. письмо № 3592, примеч. 5.

[4] Анненков сообщал о болезни сына: "Мой Павлик схватил здесь лихорадку, с примесью бронхита и какого-то эксудата в легких... Он ходит между жизнию и смертию, — ближе к последней!" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 1).

[5] 26 декабря ст. ст. 1873 г. Александр II представил Сенату "указ о присоединении отставного гвардии штабс-ротмистра Аф.Аф. Фета к роду отца его Шеншина со всеми правами, званию и роду его принадлежащими" (*Фет*, ч. 2, с. 282—283). Благодаря этому указу Фет стал именоваться не дармштадтским подданным, как раньше, а русским потомственным дворянином Шеншиным. 10 января ст. ст. 1874 г. он писал жене: "Ты представить себе не

можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет... Если спросить: как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им — Фет" (Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. М., 1962, с. 302). Подробности истории с переменой фамилии Фета см.: *Фет*, ч. 2, с. 270—276, 282—283.

3594. М.М. Стасюлевичу (с. 11).

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 61. На подлиннике помета Стасюлевича: "Отв. 25 янв. 1874".

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 357—358.

[1] Речь идет о драме Флобера "La Tentation de Saint Antoine" ("Искушение святого Антония"); Тургенев пересылал в "Вестник Европы" корректурные листы драмы по частям (см. об этом: наст. изд., Письма, т. 12, № 3549, № 3580).

[2] Предисловие к русскому переводу "Искушения святого Антония" написано Тургеневым не было. Сохранился лишь черновой автограф (см.: наст. изд., т. 11, с. 287).

[3] Впервые "Искушение святого Антония" было опубликовано во Франции в 1874 г. (La Tentation de Saint Antoine. Par Gustave Flaubert. Paris: Charpentier, 1874). В "Вестнике Европы" перевод "Искушения святого Антония" напечатан не был (см. письмо № 3610, примеч. 2).

[4] См. письмо № 3590, примеч. 1.

3595. Генри Холту (с. 12 и 257)

Печатается по тексту первой (неполной) публикации в кн.: Holt H. Sixty years as a publisher. London, 1924. P. 203.

Перепечатано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 216; в дополненном варианте: *New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 14.

Подлинник неизвестен.

[1] Датируется в связи с содержанием письма В. Рольстону от 25 января (6 февраля) 1874 г. (3597). В конце января н.ст. 1874 г. американский издатель Генри Холт прислал Тургеневу письмо, в котором сообщал, что его произведения имеют успех в Америке. К письму был приложен чек на тысячу франков — гонорар за публикацию произведений Тургенева в английском переводе. Письмо было получено Тургеневым 25 января (6 февраля) 1874 г., и писатель ответил в тот же день (см. также письмо № 3599).

3596. Я.П. Полонскому (с. 12)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 4976.

В *Bibl Nat* хранится черновой автограф письма с незначительными вариантами стилистического характера; дата: "17(29) янв. 1874". (Фотокопия — в *ИРЛИ*.)

Впервые опубликовано: Складчина, СПб., 1874, с. 65—66; перепечатано: *Т, Первое собрание писем*, с. 225—226.

[1] К письму была приложена авторизованная копия рассказа Тургенева "Живые мощи", опубликованного вместе с текстом настоящего письма к Полонскому в сборнике "Складчина" (см. письмо № 3592, примеч. 3).

[2] О творческой истории "Живых мощей" см.: наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 511—515.

[3] Тургенев ошибся. Страшный голод в Орловской губернии был в 1840 г. В.П. Тургенева писала сыну 16(28) июня 1840 г.: "...в Москве дошли до меня ужасные слухи. Голод, голод — такой, какого нигде не было слышно в России. Ты знаешь, что и прошлый год был уже очень плох. Но! нынче ничего не родилось, т.е. ничего, ничего, ни единого колоса на всем поле..." (*РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 93, л. 7).

3597. Вильяму Рольстону (с. 13 и 257)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28632, л. 47—48.

Впервые опубликовано: в русском переводе — Недра, 1924, № 3, с. 201—202; в английском оригинале — Le Monde Slave, 1925, № 5.

[1] 6 февраля н.ст. 1874 г. Тургенев получил неизвестное нам письмо американского издателя Генри Холта (см. письмо № 3595, примеч. 1, а также письмо № 3599; воспоминания Рольстона (Athenaeum, 1883, 15 September, № 2916, p. 337); русский перевод в кн.: Иностранная критика о Тургеневе. 2-е изд. Пб., [1908], с. 94). Активная деятельность Холта по изданию сочинений Тургенева продолжалась с 1867 по 1885 г. Об издательской деятельности Холта см. также: Gettmann R.A. Turgenev in England and America. Urbana, 1941, p. 80—81.

[2] См. письмо Тургенева к Г. Холту № 3595.

[3] Речь идет об альманахе "Складчина". См. письмо № 3592, примеч. 3 и 5.

[4] Английский перевод "Живых мощей", сделанный Рольстоном, был опубликован в журнале "Scribner's Monthly" в 1876 г. (см. письмо Рольстону от 13 января н.ст. 1877 г.).

[5] Весной 1874 г. Рольстон прочел четыре лекции по древней русской истории в Оксфордском университете и на их материале написал книгу "Early Russian history" ("Древняя русская история"), вышедшую в Лондоне в том же году. В предисловии к ней (p. V) Рольстон указал: "На страницах книги мало нового по сравнению с текстом четырех лекций, прочтенных в Оксфорде весной этого года". См. об этом также: Alexeyev M.P. William Ralston and Russian Writers of the Later Nineteenth Century // Oxford Slavonic Papers. 1964, vol. XI. P. 88—89. См. также: Письма Рольстона к П.А. Вяземскому // Алексеев М.П., Левин Ю.Д. Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994, с. 50—53.

[6] В неизвестном письме Рольстон сообщал, по-видимому, о работе над указанной выше книгой (см. примеч. 5). На с. 108—112 "Early Russian history" речь идет об одном из "сильнейших и мудрейших монархов, которым Россия может гордиться, — Иване III", основателе русского государства. Работа Рольстона была высоко оценена в Англии (см.: Athenaeum, 1874, 20 June, № 2434, p. 824).

[7] О переводе Рольстоном "Дворянского гнезда" и переизданиях этого перевода см.: наст. изд., Письма, т. 9, № 2380, примеч. 2; наст. изд., Сочинения, т. 6, с. 414—415.

3598. М.М. Стасюлевичу (с. 14)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 62.
Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 358.

[1] Тургенев имеет в виду не только философское содержание "Искушения святого Антония", но прежде всего антиклерикальные тенденции произведения, критику в нем христианства (см.: Клеман М.К. И.С. Тургенев — переводчик Флобера // Флобер Г. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1934, т. 5, с. 133—149).

[2] См. письмо 3594, примеч. 2.

[3] "Комиссионер в Петербурге" — А.В. Топоров.

3599. П.В. Анненкову (с. 15)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 3—4.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 193.
Стр. 15. о разглагольствовании по поводу эмансипации (*франц.*).
Стр. 16 л. восторг (*англ.*).
Стр. 16. на предъявителя (*франц.*).

[1] См. письма № 3593, № 3616, № 3625.

[2] Рукопись "Живых мощей", предназначенная для сборника "Складчина" (см. письмо № 3592, примеч. 3).

[3] Это письмо Анненкова неизвестно. "Вышеозначенный пассажик" — рассказ Лукерьи о сне, в котором она видела себя народной заступницей (см.: наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 337, 513).

[4] См. письма № 3595, 3597, примеч. 1, а также письма № 3755, № 3756.

[5] Речь идет о свадьбе Клоди Виардо (см. письмо № 3590, примеч. 1).

3600. М.М. Стасюлевичу (с. 16)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 63.

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 358—359.

В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 27 января (8 февраля) в 1874 г. приходилось на воскресенье.

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] Тургенев имеет в виду цензуру, которую иронически называл "Madame la censure".

[3] В переписке Флобера не сохранилось свидетельств, подтверждающих его согласие на "сокращение" и "смягчение" "Искушения святого Антония".

[4] См. письмо № 3594, примеч. 2.

[5] См. письмо № 3594, примеч. 3.

[6] Это письмо Стасюлевича неизвестно. См. также письмо № 3610.

3601. Н.А. Кишинскому (с. 17)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 54. На подлиннике помета Кишинского: "Отвечал 17 февр. Выслано 2000 рубл.".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 195.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] Очевидно, Кишинский предлагал Тургеневу на время его приезда в Спасское разместиться во флигеле, который занимала семья Кишинского.

3602. И.И. Маслову (с. 18)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. II, оп. 1, № 445, л. 43.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 226—227.

[1] См. письмо № 3590, примеч. 1.

[2] См. письмо № 3592, примеч. 3.

[3] См. письмо № 3576 — наст. изд., Письма, т. 12.

3603. Бернгарду Эриху Бере (с. 18 и 258)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre*, S. 564.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о немецком переводе "Записок охотника". См. письмо к Бере: наст. изд., Письма, т. 12, № 3571, примеч. 1.

[2] Тургенев покинул Париж лишь в конце апреля.

3604. Я.П. Полонскому (с. 19)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, собр. *ОЛДП*, № Q250, л. 99—100.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 227—228.

[1] Письмо Я.П. Полонского с отзывом о "Живых мощах" неизвестно. Об отношении критики к рассказу Тургенева см.: наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 514—525.

[2] На авторизованной копии рассказа "Живые мощи" (*ИРЛИ*, № 4976) имеется помета П.А. Ефремова: «Тургенев просил Я.П. Полонского уничтожить эпитет "умный" во фразе Лукерьи: "а мысленный, умный грех"» (см.: *Звенья*, т. 8, с. 182).

[3] Обе поправки в публикации "Складчины" учтены.

[4] Повесть "Пунин и Бабурин", роман "Новь".

[5] См. письмо № 3590, примеч. 1.

[6] Вопреки первоначальным планам очерк И.А. Гончарова "Из воспоминаний и рассказов о морском плавании" был помещен в сборнике "Складчина" на с. 525—560.

3604а Жанне де Турбе (с. 19 и 258)

Печатается по тексту: Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev. Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par A. Zviguilsky. Paris, 1989, p. 107, note 2.

Впервые опубликовано (не полностью): Catalogue de vente Georges Andrieus, 28 juin, lettre № 47.

Датировка записки, указанная А. Звигильским, вызывает сомнения, так как в это время Тургенев не был болен: 20 февраля н. ст. 1874 г. он виделся с П.Л. Лавровым (см. письмо к нему того же дня). Возможно, у Тургенева были иные причины, чтобы отказаться от посещения Ж. де Турбе.

[1] Флобер был в это время в Париже в связи с постановкой на сцене театра Vaudeville своей пьесы "Кандидат" ("Le Candidat"), генеральная репетиция которой состоялась 10 марта, а премьера — 11-го марта 1874 г., а также в связи с печатанием "Искушения святого Антония". Письмо позволяет уточнить две встречи с Флобером — 15-го и 16-го февраля 1874 г.

3605. П.Л. Лаврову (с. 20)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 265, оп. 2, № 13, л. 7.

Впервые опубликовано: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 22.

Датируется на следующем основании: письмо написано после выхода № 1 журнала "Вперед" (август 1873 г.) и до выхода № 2 этого журнала (март 1874 г.). Лавров был в Париже в феврале 1874 г. (см.: *Революционеры-семидесятники*, с. 23—24). По связи с письмами № 3604 и № 3605 и указанному дню недели данное письмо следует датировать 6(18) февраля 1874 г.

Стр. 20. "о всякой всячине" (*лат.*).

[1] См. письмо № 3606.

[2] Это письмо Тургенева Лаврову неизвестно. Об обозрении "Вперед" см. письмо № 3607, примеч. 1, 2, 3.

3606. П.Л. Лаврову (с. 20)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 285, оп. 2, № 13, л. 8.
Впервые опубликовано: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 23.
Датируется по связи с письмами № 3605 и № 3607.

[1] У Гоголя в "Мертвых душах" (т. 1, гл. X) сказано: "Здесь почтмейстер вскрикнул и хлопнул со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всех телятиной".

[2] См. письмо № 3605.

[3] Встреча Тургенева с Лавровым состоялась 8(20) февраля 1874 г. (см. письмо № 3607).

3607. П.Л. Лаврову (с. 20)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 285, оп. 2, № 13, л. 9.
Впервые опубликовано: Былое, 1906, № 2, с. 215 — с пропуском неразобранного слова "Ральстону"; вновь опубликовано: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 24.

[1] Во время встречи Тургенева с Лавровым, которая состоялась в Париже 8(20) февраля 1874 г., шел разговор о русской революционной молодежи, в частности о русской студенческой колонии в Цюрихе. «Когда я ему нарисовал картину одушевления и готовности к самоотвержению в группах молодежи, примкнувших в Цюрихе к "Вперед!", — вспоминал Лавров, — он без всякого вызова с моей стороны высказал свою готовность помогать этому изданию» (*Революционеры-семидесятники*, с. 24—25; см. также: Буданова Н.Ф. Тургенев и Лавров в 70-е годы (непериодическое обозрение "Вперед!" как источник "Нови") // *Т и его совр.*, с. 88—109; наст. изд., Сочинения, т. 9, с. 484—486).

[2] № 2 журнала "Вперед!" вышел в Цюрихе в марте 1874 г.

[3] После ликвидации русской студенческой колонии в Цюрихе, в связи с чем он перестал быть революционным центром, Лавров решил издавать журнал "Вперед!" в Лондоне.

[4] Г.А. Лопатин, находившийся за границей после побега из сибирской ссылки, в это время был близок к Лаврову. Через него Лавров поддерживал постоянную связь с Тургеневым.

3608. Полине Брюэр (с. 21 и 259)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 279.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 198.

[1] См. письмо № 3590, примеч. 1.

3609. Вильяму Рольстону (с. 21 и 259)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 286326, л. 49 – 50.

Впервые опубликовано: в русском переводе — Недра, 1924, № 3, с. 202 – 203; в английском оригинале — Le Monde Slave, 1925, № 5, p. 274 – 275.

[1] Речь идет о рассказе "Живые мощи" (см. письма № 3592, примеч. 3, и № 3597, примеч. 4).

[2] См. письмо № 3597, примеч. 5.

[3] Возможно, в связи с этим Тургенев писал в Оксфордский университет в феврале 1874 г. (письмо неизвестно; см. дневник Ф.Н. Тургеневой, запись от 25 февраля н.ст. 1874 г. — *ИРЛИ*, ф. 309, № 4622, л. 30). В 1879 г. Тургенев получил степень почетного доктора гражданского права Оксфордского университета.

[4] Еще в августе 1873 г. Холл Беллок, муж сестры Дж. Кросса, — второго мужа Дж. Элиот, — приглашал Тургенева поохотиться на куропаток в свое имение Six-Mile Bottom (см. письмо № 3495 — наст. изд., Письма, т. 12). Однако Тургеневу удалось побывать в Six-Mile Bottom лишь в октябре 1876 и 1878 гг. (см.: Ковалевский М. Воспоминания об И.С. Тургеневе // *Мин Г*, 1908, № 8, с. 7; Browning O. Life of George Eliot. London, 1890, p. 128 – 130; George Eliot's life, as related in her letters and journals / Arranged and edited by her husband J.W. Cross. Leipzig, 1885, vol. 4, p. 175).

[5] См. письмо № 3590, примеч. 1.

3610. М.М. Стасюлевичу (с. 22)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 64. На подлиннике помета Стасюлевича: "Отв. 16/II".

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 359 – 360.

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] Ознакомившись с "Искушением святого Антония" в корректурных листах, Стасюлевич отказался печатать его в "Вестнике Европы" из опасения цензурных затруднений. В ответном письме к Тургеневу от 16(28) февраля 1874 г. он писал: "Мне самому более чем досадно, что я заставил Флобера прогуляться в Петербург и вернуться в Париж, но напечатать что-нибудь подобное можно не иначе, как предварительно самому уехав в Париж, чтобы не присутствовать лично при погребении журнала" (*ИРЛИ*, № 5778). Не желая огорчать Флобера, Тургенев, очевидно, сообщил ему о цензурном запрещении "Искушения святого Антония" (см. письмо № 3706; прямых сведений об этом в письмах Тургенева к Флоберу не сохранилось). См. также письма Флобера К. Комманвиль от 6 февраля 1874 г. и Ж. Санд от 28 февраля 1874 г. (*Flaubert, Corr*, S. VII, p. 120, 122).

[3] "Пунин и Бабурин".

[4] Речь идет о романе "Новь", работа над которым велась с перерывами на протяжении 1870 — 1876 гг.

[5] Повесть "Пунин и Бабурин" была опубликована: *ВЕ*, 1874, № 4.

[6] См. письмо № 3598.

[7] "Год. Историко-политическое обозрение. 1872—1873" (СПб., декабрь 1873) — сборник, изданный Стасюлевичем в качестве приложения к "Вестнику Европы". В декабре 1874 г. был издан «Год "Вестника Европы"» за 1873—1874 гг. Оба сборника составлены под редакцией Л.А. Полонского из его обозрений и статей. Стасюлевич писал Тургеневу 16(28) февраля 1874 г.: «"Год" выслал Вам сегодня по тяжелой почте; я думал, что его Вам выслали уже давно» (*ИРЛИ*, № 5778).

3611. П.В. Анненкову (с. 23)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 5.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 199. *Стр. 23.* наконец-то (*лат.*).

[1] Речь идет о здоровье сына Анненковых Павла. См. письма № 3593, примеч. 4, № 3616, № 3625.

[2] В № 2 "Вестника Европы" за 1874 г. завершилась публикация работы Анненкова "А.С. Пушкин в Александровскую эпоху". Предыдущие главы работы печатались в № 11, 12 "Вестника Европы" за 1873 г. и № 1 за 1874 г.

[3] "Пунин и Бабурин". См. письмо № 3610, примеч. 5.

[4] См. письмо № 3665, примеч. 1.

[5] См. письмо № 3590, примеч. 1.

[6] Тургенев выехал из Парижа 30 апреля (12 мая), но в Ниццу не заезжал.

3612. Хьялмару Бойесену (с. 24 и 260)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 292. Подлинник хранится в библиотеке Корнельского университета (Итака, США).

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 200.

[1] По-видимому, Тургенев имеет в виду книгу В. Хоуэллса "A chance acquaintance" ("Случайное знакомство"), вышедшую в 1873 г. Отзыв Тургенева об этой книге Хоуэллса неизвестен. Однако в письме к последнему от 1 июня 1874 г. Бойесен сообщает мнение Тургенева о некоторых книгах В. Хоуэллса (очевидно, взятое из второго письма Тургенева к Бойесену) и рассказывает Хоуэллсу об удивлении Тургенева, узнавшего, что Генри Джеймс писал о его "аристократическом темпераменте" в своей статье "Ivan Turgenev", помещенной в т. 118 "North American Review" за 1874 г. (см. об этом: R a t n e r M a r c L. Howells and Boyesen: two views

of reading // The New England Quarterly, 1962, vol. 35, № 3. Sept., p. 377—390).

[2] Это письмо Х. Бойесена неизвестно.

[3] См. также письма № 3597, № 3599. О популярности творчества Тургенева в Америке свидетельствует и следующий факт. В письме от 20 ноября 1876 г. Бойесен, сообщая Бьернстьерне М. Бьернсону о том, что редактор "Scribner's Monthly" приглашает его участвовать в специальном номере этого журнала, планировавшемся на март 1877 г., писал: "Тургенев, Фрейтаг, Виктор Шербулье и другие привлечены к участию в этом выпуске, но ответы от них еще не получены". А 26 ноября Бойесен продолжал: "С тех пор, как я начал это письмо, я получил известие от Тургенева, который обещает прислать рассказ в ближайшие несколько недель" (сообщил Пер Е. Сейерстед).

[4] Воспоминания Бойесена о знакомстве и встречах с Тургеневым в 1873 г. см. в журнале "The Galaxy" (1874, vol. 17, April, p. 456—466). Русский перевод воспоминаний см.: *Мин Г.*, 1908, № 8, с. 60—71, а также в кн.: Иностранная критика о Тургеневе. 2-е изд. Пб., [1908], с. 142—151.

[5] Речь идет о посвященной Тургеневу книге Бойесена "Gunnar: a tale of Norse life" ("Гуннар: повесть из норвежской жизни"), вышедшей в Бостоне в 1874 г. См. также письмо № 3831.

[6] В своих воспоминаниях Бойесен воспроизводит следующие слова Тургенева: "Это была моя всегдашняя idée fixe посетить вашу страну... Я и до сих пор еще не потерял надежды — пересечь Атлантический океан и собственными глазами поглядеть на страну, за развитием которой я следил лишь издали" (*Мин Г*, 1908, № 8, с. 64). Это желание Тургеневу осуществить не удалось. См. также: Y a r m o l i n s k y A. Turgenev: The man — his art — and his age. London, 1926, p. 329—334.

[7] Ответил ли Бойесен на это письмо Тургенева, неизвестно.

3613. Джордж Элиот (с. 25 и 261)

Печатается по тексту первой публикации П. Уоддингтона: The Modern Language Review. 1971, vol. 66, october, № 4. P. 754. Подлинник хранится в: New York Public Library (Heinry W. and Albert A. Berg Collection).

[1] Письмо Элиот неизвестно. По-видимому, в нем содержался отзыв о повести "Внешние воды" и рассказах "Чертопханов и Недопюскин" и "Конец Чертопханова", с которыми Элиот знакомилась по французскому переводу Э. Дюрана в кн.: T o u r g u é n e f f J. Les Eaux printanières; Eaux printanières; Le Gentilhomme de la steppe. Paris: Hetzel, 1873 (см.: W a d d i n g t o n P. Turgenev and George Eliot: A Literary Friendship // The Modern Language Review, 1971, vol. 66, october, № 4, p. 754; см. также письмо к Ж. Этцелю от 12(24) ноября 1872 г. — наст. изд., Письма, т. 12, № 3297, примеч. 1).

[2] См. письмо № 3609, примеч. 4.

3614. Г.Н. Вырубову (с. 25)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2198, л. 7.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 202.

[1] Эта телеграмма М.М. Стасюлевича неизвестна.
[2] Речь идет о "Пунине и Бабурине", отправленном в Петербург лишь 4(16) марта (см. письма № 3610, примеч. 5, и № 3627).

3615. Кларе Тургеневой (с. 26 и 261)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708.
Впервые опубликовано: *Т. и его время*, с. 248.
Датируется по связи с письмом № 3616 (см. постскриптум) и на основании пометы "Dimanche matin" ("Воскресенье утром").

[1] Клара Тургенева решила поехать в Россию, чтобы выхлопотать для П.Н. Тургенева освобождение от воинской повинности. См. письмо № 3588, а также № 3619, примеч. 3, № 3635, примеч. 10.

3616. П.В. Анненкову (с. 26)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 7—8.
Впервые опубликовано: *Т. ПСС и П, Письма*, т. X, с. 202.

[1] См. письмо № 3590, примеч. 1.
[2] См. письмо № 3625, примеч. 1.
[3] Эта телеграмма М.М. Стасюлевича неизвестна.
[4] "Пунин и Бабурин". См. письмо № 3627.
[5] Герои античной мифологии Минос, Радамант и Эак за свои добродетели, мудрость и благочестие были после смерти назначены в подземном мире судьями над умершими.
[6] См. письмо № 3611, примеч. 6.

3617. И.И. Маслову (с. 27)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 445, л. 45—46.
Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 228.

[1] См. письмо № 3590, примеч. 1.
[2] Это письмо Маслова неизвестно.
[3] См. наст. изд., Письма, т. 12, № 3536.
[4] "Живые мощи". См. письмо № 3592, примеч. 3.
[5] "Пунин и Бабурин". См. письмо № 3627.
[6] А.Б. Де Додт умерла 13 февраля ст.ст. 1874 г. Объявление о ее смерти было напечатано от имени "дочерей и зятя" (К.П. Де Додт, А.П. и Н.Н. Тютчевых) в *СПб Вед*, 14 и 15 февраля (№ 44 и 45).

3618. Полю Бурже (?) (с. 28 и 262)

Печатается по публикации А. Звигильского: Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev. Correspondance, Paris, 1989, p. 143.

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: Каталог Ж. Морссен (Morssen). Осень 1972, № 334.

А. Звигильский полагает, что это письмо адресовано П. Бурже, начинающему литератору, который позже, в 1886 г., выпустил сборник статей "Nouveaux essays de psychologie contemporaine", где уделил внимание сравнительному анализу "Нови" и "Воспитания чувств", а также "Дыма" и "Госпожи Бовари" (p. 211—212). Дополнительных подтверждений это предположение не имеет. Очевидно то, что адресатом является молодой человек, близкий и Тургеневу, и Флоберу. Им мог быть также молодой тогда еще хирург Поль Сегон (1851—1912), с которым у Тургенева, судя по сохранившимся письмам двух последних лет жизни писателя, была дружеская переписка (см.: *T, Nouv corr inéd*, t. 2, p. 37—59).

[1] Имеется в виду комедия Флобера "Кандидат". 11 марта состоялась премьера этой пьесы в театре "Водевиль". Вот что записал Э. де Гонкур в своем дневнике 10 марта 1874 г. (судя по этой записи, он присутствовал, как и Тургенев, на генеральной репетиции 10 марта): "Какая оплошность — выступить с пьесой, не обладая никаким драматургическим дарованием..." Премьера, по словам Гонкура, тоже была неудачной (см.: Гонкур Э. и Ж. Дневник: М., 1964. Т. 2. С. 181).

[2] Так подписывались республиканцы эпохи Великой французской революции.

3619. Н.С. Тургеневу (с. 28)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 126—127. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 2/14 марта 1874. Москва".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 10, с. 126, с сокращениями.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 204.

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] См. письмо № 3590, примеч. 1.

[3] См. письмо № 3588 и примечания к нему, а также письмо № 3635. 1 января 1874 г. в России была введена всеобщая воинская повинность для достигших 20 лет с уничтожением денежного выкупа и замены лица, подлежащего призыву, другим лицом. Однако указом правительствующему Сенату от 1 января 1874 г. были оставлены в обращении так называемые зачетные рекрутские квитанции. Их приобретение стало единственным способом избавления от воинской повинности. Так как сроком предъявления

квитанций было объявлено 1 октября 1874 г., спрос на них резко возрос, причем цена квитанции доходила до 25 000 руб. (см.: *Голос*, 1874, 10(22) февраля, № 41; *СПб Вед*, 1874, 5(17) апреля, № 92).

3620. Эмилю Дюрану (с. 29 и 262)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam., Corr*, p. 311—312.

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 21, р, 772; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1898, № 3, с. 71—72.

В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 27 февраля (11 марта) в 1874 г. приходилось на среду.

[1] Имеется в виду рукопись перевода "Грозы" А.Н. Островского на французский язык, осуществленного Э. Дюраном по совету и с помощью Тургенева. Выслушать мнение Тургенева о переводе и внести требуемые им исправления — в этом и состояла цель визита к нему Дюрана.

[2] По-видимому, Тургенев возвращал Дюрану давно взятый у него сборник стихотворений Леконта де Лиля "Poèmes barbares" (Paris: A. Lemerre, 1872). См. также: наст. изд., Письма, т. 12, № 3382.

[3] По всей вероятности, "Письма из Парижа" Э. Дюрана ("Journal de St-Pétersbourg", с 23 ноября (5 декабря) 1873 г. по 8(20) февраля 1874 г.), посвященные новинкам французской драматургии — пьесам А. Дюма, Мельяка, Галеви, Сарду и др. Статьи Дюрана не могли не вызвать сочувствия у Тургенева, в основном отрицательно относившегося к современному французскому театру.

3621. Полине Брюэр (с. 29 и 262)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 280. На подлиннике помета неизвестного: "1874".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 205.

Письмо, несомненно, датируется 28 февраля (12 марта) 1874 г., так как оно написано после июля 1872 г., когда родилась Жанна Брюэр ("целую вас всех троих"), но до 10(22) апреля 1874 г., когда изменился адрес Тургенева, указанный на письме. 12 марта н.ст. приходилось на четверг в 1874 г.

3622. А.Н. Пыпину (с. 30)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 250, оп. 1, № 393.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 205, за исключением отрывка, напечатанного в *Лит Насл*, т. 57, кн. 3, с. 312.

Стр. 30. человек на своем месте (*англ.*).

[1] Тургенев имеет в виду письмо Пыпина от 20 февраля ст.ст. 1874 г., черновик которого хранится в *ИРЛИ* (ф. 250, № 267).

[2] Переписка Белинского интересовала Пыпина в связи с его работой над биографией критика (П ы п и н А.Н. В.Г. Белинский: Опыт биографии // *ВЕ*, 1874, № 3, 4, 6, 10 – 12; 1875, № 2, 4 – 6; отд. изд.: П ы п и н А.Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 1 – 2). Тургенев выполнил свое обещание и, встретившись с Пыпиным 8 мая ст.ст. 1874 г. в Петербурге (см. письмо Пыпина к П.В. Анненкову от 8 – 9 (20 – 21) мая 1874 г. *ИРЛИ*, № 5695, л. 9 об.), передал ему четыре письма Белинского (см.: *Белинский*, т. 12, № 250, 290, 294, 299) и письмо А.П. и Н.Н. Тютчевых от 23 июня ст.ст. 1848 г., в котором рассказывается о последних днях жизни Белинского (см. пометы Пыпина на копиях этих писем: *ИРЛИ*, № 3361, л. 307; ф. 250, оп. 503, л. 267). См. также письмо № 3627, примеч. 4.

[3] Повесть "Пунин и Бабурин". См. письмо № 3610, примеч. 5.

3623. Н.А. Кишинскому (с. 30)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенев), № 48, л. 55. На подлиннике помета Кишинского: "Отве⟨ч⟩. 24 марта, еще писал 24 апреля".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 206, за исключением отрывка, напечатанного в *Отчете ПБ* за 1894 г., с. 45.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] Кишинский отказался передать спасскую школу земству, она осталась церковно-приходской (см.: Р ы н д а И.Ф. Черты из жизни И.С. Тургенева. СПб., 1903, с. 29).

[3] О Ф.И. Лобанове см.: П о н я т о в с к и й А.И. Тургенев и семья Лобановых // *Т сб*, вып. 1, с. 270 – 276.

3624. А.А. Фету (с. 31)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 69 – 70.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 288, с пропусками.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 206 – 207.

[1] Речь идет о письме Фета к Тургеневу от 8(20) февраля 1874 г., в которое была вложена доверенность Л.Н. Толстого на право перевода его произведений на французский язык (см.: *Т сб* (*Бродский*), с. 40). В конце января 1874 г. Толстой, все еще будучи в ссоре с Тургеневым и чувствуя неловкость от того, что Тургенев так горячо и бескорыстно занят пропагандой его творчества на Западе, писал Фету: "Посылаю то, что желает иметь Тургенев. Напрасно он это делает, но отвечать иначе нельзя, как посылая требуемое" (*Толстой*, т. 62, с. 66).

[2] Вместо этих произведений во французской газете "Le

Temps" (10 февраля н.ст. 1875 г.) был напечатан перевод "Двух гусаров" Л.Н. Толстого с предисловием Тургенева.

[3] В письме от 8(20) февраля 1874 г. Фет сообщал Тургеневу: "Толстой жалуется на свое здоровье — и сидит" (*Т сб* (*Бродский*), с. 40).

[4] См. письмо № 3590, примеч. 1.

[5] Встреча Тургенева с Фетом летом 1874 г. не состоялась.

3625. П.В. Анненкову (с. 32)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 207—208.

Стр. 32. беспокойству (*франц.*).

Стр. 32. "дурные предчувствия" (*англ.*).

Стр. 32. воскресший (*лат.*).

[1] См. письма № 3593, № 3611, № 3616.

[2] Элизиум — в античной мифологии место блаженства умерших героев и праведников.

[3] См. письмо № 3590, примеч. 1.

[4] См. письмо № 3610, примеч. 5.

[5] Видимо, Тургенев имеет в виду рецензии на "Вешние воды" "Гражданина" (1872. 10 января. № 2) и "Московских ведомостей" (1872. 12 января. № 9), содержащие отрицательные отзывы о его творчестве. Опасения Тургенева подтвердились: "Гражданин" (1874. 6 мая. № 18) откликнулся на "Пунина и Бабурина" рецензией, в которой называл повесть "несерьезным и неглубоким произведением". См. также письмо № 3627.

[6] Тургенев отвечает на следующий вопрос Анненкова: «Читали ли Вы в "Моск⟨овских⟩ ведомостях" (№ 43) статейку «Креолка, сочиненная "Вес⟨тником⟩ Европы"», за подписью Б. Если бы тут был упрек мне за название, данное мною матери Пушкина, которую называли все так в свете — это бы еще ничего, но тут есть желчные и позорные выходки против Вас, Пыпина, Стасюлевича, ни в чем неповинных... Непостижимо и колоссально! Куда заносит человека ненависть и злоба» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 6). Небольшая, но очень неприличная по тону заметка объявляла Тургенева автором "дрябленьких повестушек", а Анненкова "убеленным питомцем" и "учеником-рабом" А.Н. Пыпина (см.: *Моск Вед*, 1874, 18 февраля, № 43, а также письмо № 3635, примеч. 5).

[7] Статья А. (В.Г. Авсеенко) "Новое слово старой критики" (*Рус Вестн*, 1874, № 2, с. 802—830; № 3, с. 431—464), где дается резко отрицательный разбор работы Анненкова "А.С. Пушкин в Александровскую эпоху", наполнена грубыми отзывами об Анненкове и Пыпине. Анненков в своем письме Тургеневу от 23 марта ст.ст. так характеризует Авсеенко: "С умысла ли он тупой негодяй, или по натуре такой — Господь его знает" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 7). См. также письмо № 3635. примеч. 6 и 7.

[8] Роман Е.А. Салиаса де Турнемир "Пугачевцы" вышел отдельным изданием в Москве в 1874 г. Критика отмечала антиисторичность и реакционную направленность романа (см. рецензии: *Отеч Зап*, 1874, № 3, отд. II, с. 21—40; *Рус Вед*, 1874, 12—17 мая, № 100—104).

[9] Графиня — жена А.К. Толстого, Софья Андреевна. Вероятно, Тургенев имеет здесь в виду разлад между А.К. Толстым и его женой при сохранявшемся внешне полном благополучии (см. об этом: *ИВ*, 1916, № 1, с. 169—171).

[10] Об отношении Тургенева к А.К. Толстому см. в его "Письме к редактору по поводу смерти гр. А.К. Толстого" (наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 184—186). Двоюродный брат А.К. Толстого — А.М. Жемчужников.

[11] Тургенев увиделся с Анненковым в августе 1874 г. (см. письмо № 3779).

3626. Я.П. Полонскому (с. 33)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, собр. *ОЛДП*, № Q250, л. 101—102.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 229—230.

[1] Письмо Полонского к Тургеневу от 20 февраля ст.ст. 1874 г. (*Звенья*, т. 8, с. 181) начинается стихотворением "Все минуты мелочного горя..." и содержит следующие строки:

Были силы — я вперед стремился,
Не было — боялся отставать.
И не знаю, где б я очутился,
Если б не умел лавировать.
Вот опять туманы налетели —
Знойный ветер начинает дуть —
Где же цель? — Я так далек от цели...
Хоть бы пристань — пристань где-нибудь...

[2] Подобного рода отзывы о Некрасове как редакторе встречаются в ряде писем Тургенева после разрыва его с "Современником" в 1860 г.

[3] Полонский сетовал в своем письме к Тургеневу на болезни в семье, на безденежье и на то, что написанную им новую поэму "Келиот" Некрасов не спешил принять в "Отечественные записки", ссылаясь на необходимость посоветоваться с М.Е. Салтыковым и другими сотрудниками журнала. 24 главы поэмы Полонского, освещавшей эпизод борьбы греческих повстанцев против Турции, были напечатаны в октябрьском номере журнала "Дело" за 1874 г.; окончание, под названием "Старая борьба", — в августовском номере журнала "Русский вестник" за 1877 г.

[4] В предисловии редакторов к сборнику "Складчина" сообщалось: опоздание некоторых авторов в доставке рукописи "было причиною, что набор сборника не мог быть начат, как предполага-

лось, 1-го февраля, а приступлено к нему только в первых числах марта" (с. II—III). См. также письмо № 3592, примеч. 5.

[5] См. примеч. 1.

[6] См. письмо № 3593, примеч. 5.

3627. М.М. Стасюлевичу (с. 34)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 65. На подлиннике помета Стасюлевича: "Отв. 10/III".

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 360.

[1] См. письмо № 3610, примеч. 5.

[2] П.В. Анненков писал по этому поводу Тургеневу: «С нетерпением жду книжки "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" с Вашей повестью, которая, увы, проскочила у меня под носом, не дав себя и понюхать. Зато я уже произведу над ней диагнозис — конечно, более гадательный, чем верный, как все диагнозисы над живыми телами, — но добросовестный и в меру моих способностей, который тотчас же и перешлю Вам» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10).

[3] Стасюлевич сообщал в ответном письме Тургеневу от 10(22) марта 1874 г.: "Начало мне очень понравилось, и я нисколько не жалею, что Вы являетесь au naturel, т.е. без дружеских указаний" (*ИРЛИ*, № 5778). См. также письмо № 3610, примеч. 5.

[4] См. письмо № 3622, примеч. 2. Начало биографии — "Детские и юношеские годы" — было опубликовано в № 3 "Вестника Европы" за 1874 г. Как автор воспоминаний о Белинском, написанных в 1869 г., Тургенев проявил живейший интерес к этой работе Пыпина и в связи с ней сделал позднее прибавление к своим "Воспоминаниям о Белинском" в "Литературных и житейских воспоминаниях" (см. письмо к А.В. Топорову от 8(20) июня 1875 г.).

3628. Полине Брюэр (с. 35 и 263)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 281.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 210.

В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 8(20) марта в 1874 г. приходилось на пятницу. Вероятно, письмо написано в пятницу 8(20) марта 1874 г. (Датируется на основании поправки в подлиннике числа 20, где 2 переделано из 1, т.е. Тургенев начал писать 19 и исправил на 20).

3629. В.С. Кашину (с. 35)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 306, картон 3, № 21.

Впервые опубликовано: *РНБ, Записки*, вып. 23, с. 259—261.

В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 8(20) марта в 1874 г. приходилось на пятницу.

[1] Письмо Кашина к Тургеневу от 2 марта 1874 г. неизвестно.

[2] Речь идет о комиссии Комитета грамотности при Московском обществе сельского хозяйства. Она имела своей целью расширение издательской деятельности Комитета грамотности, издание книг для народного чтения, а также сочинений и пособий, предназначенных для народных школ. Председателем комиссии был избран издатель А.И. Мамонтов, секретарем — В.С. Кашин.

[3] В это время московская книгоиздательская фирма Салаевых вела подготовку к печати восьмитомного собрания сочинений Тургенева. Издание было завершено к декабрю 1874 г.

[4] "Муму" и "Постоялый двор" Комитетом грамотности изданы не были; из "Записок охотника" Комитет в 1874 г. выпустил отдельными брошюрами три рассказа: "Бирюк", "Певцы" и "Однодворец Овсяников".

[5] "Певцы" и "Бирюк" изданы были с незначительными сокращениями. В рассказе "Однодворец Овсяников" изъяты следующие места: о расправе над Петром Овсяниковым, подавшим на помещика в суд ("Вот и взяли моего отца ⟨...⟩ А она только знай приподнимается да поглядывает"), о происхождении названия "дубовщина" ("Дубовщиной она прозывается ⟨...⟩ очень-то жалеть о старых порядках"), о жестокостях вечно пьяного помещика Комова ("А станут уставать ⟨...⟩ что прикажешь делать?"), об издевательстве дворян над однодворцами ("Дадут ему лошадь дрянную ⟨...⟩ а он всё смейся да других смеши").

3630. А.Ф. Онегину (с. 36)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 29352, л. 34 – 35.
Впервые опубликовано: *Недра*, 1924, № 4, с. 291 – 292.

[1] См.: наст. изд., Письма, т. 12, № 3572.

[2] В письме к Тургеневу от 28 февраля ст.ст. 1874 г. Онегин сообщал о своих занятиях музыкой (скрипка и фортепьяно) и пением (*ИРЛИ*, № 5780).

[3] Картина Н.-В. Диаса де ла Пеньи "В лесу". В описании коллекции Тургенева она характеризуется следующим образом: "Спереди тропинка; женщина вяжет охапку хвороста. Солнце освещает стволы деревьев и покрытые мохом утесы второго плана" (см.: *ПД*, *Описание*, вып. 4, с. 218). Увлекаясь с начала 1870-х годов коллекционированием картин, Тургенев отдавал предпочтение, как он сам пишет, "новейшим французским пейзажистам", т.е. пейзажистам барбизонской школы, к которой принадлежал и Н.-В. Диас де ла Пенья. О том, какое значительное место занимали картины художников этой школы в коллекции Тургенева, свидетельствует каталог, составленный при ее продаже в 1878 г. (Collection de M. Ivan Tourguéneff et collection de M.X. Catalogue... dont la vente aura lieu Hôtel Drouot, salle N 8 le samedi 20 avril 1878 à deux heures; русский перевод каталога см.: *ПД*, *Описание*, вып. 4, с. 217 – 221). О Тургеневе-коллекционере, о его любви к творчест-

ву барбизонцев см.: *Зильберштейн, Репин и Т*, с. 80—88; Я в о р с к а я Н.В. Пейзаж барбизонской школы. М., 1962, с. 112, 255, 272.

[4] Речь идет об А. Стивене (см.: наст. изд., Письма, т. 12, № 3541, 3565).

[5] Эти строки являются ответом на следующий отрывок из письма Онегина к Тургеневу от 28 февраля ст.ст. 1874 г.: "А большой роман? Отчего бы не взять примером В. Гюго?!" (*ИРЛИ*, № 5780). "Большой роман" — "Новь", работа над которым шла медленно, с большими перерывами.

[6] Имеется в виду роман В. Гюго "Quatre-vingt treize" ("Девяносто третий год"), вышедший в 1874 г. Об отношении Тургенева к творчеству В. Гюго см.: А л е к с е е в М.П. Виктор Гюго и его русские знакомства: Встречи. Письма. Воспоминания // *Лит Насл*, т. 31—32, с. 868—879. "Элукубрация" (от *франц*. élucubration) — разглагольствование; ср. — в письме № 3500 (наст. изд., Письма, т. 12).

[7] 4(16) марта 1874 г. Тургенев отправил Стасюлевичу "Пунина и Бабурина" (см. письмо № 3625).

[8] "Живые мощи". См. письмо № 3592, примеч. 3.

[9] "Наши послали!". См. письмо № 3633, примеч. 1.

[10] Ср. первые письма Тургенева к Онегину (наст. изд., Письма, т. 10, № 2669, 2710, 2740), в которых писатель желает ему избавиться от мучительной рефлексии и найти свое место в жизни, посвятив себя общественно-полезной деятельности.

3631. Людвигу Пичу (с. 37 и 263)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — St.-Petersburger Zeitung, 1884, 8(20) Juli, Beiblatt, N 190, S. 6; в русском переводе — *ВЕ*, 1909, № 6, с. 634. Вновь опубликовано: *Briefe an Pietsch*, S. 87.

[1] См. письмо № 3590, примеч. 1.

[2] См. письмо № 3630, примеч. 3.

[3] Вероятно, Тургенев имеет в виду частые поездки Пича по поручению редакции "Vossische Zeitung". Так, в последней трети января 1874 г. Пич был в Петербурге (см. корреспонденции Л. Пича в "Vossische Zeitung": № 22 от 27 января 1874 г. и следующие номера). Тургенев увиделся с Пичем в мае 1874 г. (см. письмо № 3680).

[4] Речь идет, вероятно, о материальных затруднениях и стремлении улучшить управление имениями.

[5] Брат П. Виардо, Мануэль Гарсиа, жил с 1850 г. в Лондоне, где был профессором консерватории и поэтому очень заботился о своем авторитете и репутации в английском обществе. Г. Мюллер-Штрюбинг, также живший в Лондоне, был хорошо знаком с Тургеневым и Пичем (см.: M ü l l e r - S t r ü b i n g: L.P. Hermann.

Persönliche Erinnerungen // Vossische Zeitung, 1893, 23. August, N 393).

[6] Тургенев любил адресоваться к Пичу с шутливыми прозваниями (см., например, наст. изд., Письма, т. 11, № 2946, № 2965, № 2976). В данном случае он воспользовался сходством имени Пича (Людвиг) с именем Ариосто (Лодовико).

3632. Фердинанду Лёве (с. 38 и 264)

Печатается по тексту первой публикации Г. Цигенгайста: Zeitschrift für Slawistik. 1986, Bd. 31, H. 2, S. 253. Отрывок взят публикатором из аукционного каталога фирмы "Hartung und Paul" (Мюнхен) за 1980 г.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о книге: Krylóf's sämtliche Fabeln / Aus den Russischen übersetzt und mit einer Einleitung begleitet von F. Löwe. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1874.

[2] Подразумевается повесть "Пунин и Бабурин". 4(16) марта 1874 г. Тургенев послал рукопись М.М. Стасюлевичу и уже в апрельском номере "Вестника Европы" это произведение увидело свет (см.: наст. изд., Сочинения, т. 9, с. 430—432).

[3] Публикации повести в переводе Ф. Лёве обнаружить не удалось.

3633. Е.И. Рагозину (с. 39)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 75, л. 14—15.

Впервые опубликовано: Звезда, 1958, № 12. С. 212—213.

Стр. 39. "без гнева и пристрастия" (*лат.*).

[1] Тургенев отправил Рагозину рассказ "Наши послали!", к работе над которым он приступил 8(20) марта (помета на рукописи: подлинник — *Bibl Nat*; фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 256, л. 47) и закончил его 11(25) марта (там же). Рассказ был напечатан в "Неделе" (1874, 24 марта (5 апреля), № 12) с подзаголовком "Эпизод из истории июньских дней 1848 года в Париже" (см.: наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 390—396).

[2] Цитата из Тацита ("Анналы", кн. 1, гл. 1).

3634. М.М. Стасюлевичу (с. 39)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 66. На подлиннике помета Стасюлевича: "Отв. 22 марта".

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 360—361.

Стр. 40. "Следы его всегда почитай" (*лат.*).

Стр. 40. переиродил Ирода (*англ.*).

Стр. 40. "он выступает пятном на грязи" (*франц.*).

[1] В письме от 10(22) марта 1874 г. Стасюлевич сообщает Тургеневу о срочных мерах, предпринятых им для того, чтобы повесть "Пунин и Бабурин" попала в апрельский номер "Вестника Европы". "Я сделал tour de force, только чтобы не пропустить апреля без Вас. Все почти статьи из апрельской книги были задержаны и стояли в наборе; когда пошли от Вас известия шаткие, я приказал — нечего делать — начать верстать первые две статьи; но когда во вторник пришла от Вас твердая телеграмма, я опять остановил журнал, зато сегодня, несмотря на воскресение, половина типографии на ногах, чтобы набрать Вашу рукопись. Послезавтра вся машина пойдет в ход на всех парах, чтобы наверстать пропущенное время" (*ИРЛИ*, № 5778).

[2] Цитата из "Фиваиды" Стация (XII, 817).

[3] Тургенев отвечает на следующие слова Стасюлевича из его письма от 10(22) марта 1874 г.: «Как видите, я помешался на Пушкине, о чем ни заговорю, а всё сверну на Пушкина. Даже и вчера в телеграмму вставил известие, что мол первый том "Русской библиотеки" с Пушкиным — вышел. Вы, я думаю, ломаете голову, что это за сон! Но сегодня отправился к Вам по почте наш первый том в виде экземпляра, напечатанного собственно для Вас, как Вы в том убедитесь из надписи на обертке. Посмотрите и сообщите мне Ваше мнение о моем предприятии и о первом его шаге. Один из следующих томов должен называться "И.С. Тургенев". Что Вы скажете на этот счет? Ведь не откажете же мне, т.к. в сущности дело идет о народном издании, какого у нас еще не было: том — 75 копеек» (*ИРЛИ*, № 5778). Избранные произведения Тургенева вошли в VI том "Русской библиотеки", вышедший в начале 1876 г. Подробно об этом см. в статье: Чистова И.С. Тургенев и "Русская библиотека" М.М. Стасюлевича // *Т сб*, вып. 2. С. 286 – 289.

[4] "Катковкой" Тургенев называл подагру.

[5] Тургенев имеет в виду возможные цензурные осложнения. Осенью 1874 г. они действительно обрушились на "Вестник Европы" (см. письмо № 3794, примеч. 2).

[6] См. письмо № 3625, примеч. 7, № 3635, примеч. 5 и 7.

[7] Неточное цитирование: более правильно: "he out-herods Herod" ("он переиродил Ирода"); слова Гамлета ("Гамлет", III действие, 2-я сцена).

[8] Rivarol. Œuvres complètes. 2-me édition. Paris, 1808, т. 5, p. 344 (в качестве одного из анекдотов о Ривароле): "Il disait du chevalier de P*** d'une malpropreté remarquable: il fait tache dans la boue" ("Он говорил о кавалере П***, человеке удивительной нечистоплотности: он выступает пятном на грязи"). Тургенев приводит эти слова применительно к В.Г. Авсеенко — автору статьи "Новое слово старой критики" (*Рус Вестн*, 1874, № 2, 3). См. письмо № 3625, примеч. 7.

3635. П.В. Анненкову (с. 40)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 11 – 12.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 214.

Стр. 40. Жребий брошен! (*лат.*).

Стр. 40. натяжки (*франц.*).

Стр. 40. "соображения" (*нем.*).

Стр. 41. картинка нравов (*франц.*).

[1] Начальная строка стихотворения К.Ф. Рылеева "Стансы. (К А. Б⟨естуже⟩ву)" (1825).

[2] См. письмо № 3634, примеч. 1.

[3] См. письмо № 3665, примеч. 1.

[4] Анненков в письме от 11(23) марта 1874 г. сообщал Тургеневу о своей встрече с Н.В. Ханыковым в Ницце: "...ввалился ко мне человек-слон Ханыков. Что за величественный вид!" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 7).

[5] В "Голосе" (1874, 28 февраля, № 59) была помещена статья М.Г. Вильде за подписью "W" в защиту "Вестника Европы", и в частности А.Н. Пыпина, от нападок В.Г. Авсеенко. В этой же статье Анненков берется под защиту от обвинений автора заметки «Креолка, сочиненная "Вестником Европы"» (см. также письмо № 3625, примеч. 6).

[6] Тургенев имеет в виду статью Z, т.е. В.П. Буренина, под рубрикой "Журналистика", автор которой защищал Анненкова и его работу о Пушкине от нападок критики "Русского вестника" — т.е. В.Г. Авсеенко (*СПб Вед*, 1874, 9 марта, № 67). См. также письмо № 3625, примеч. 7.

[7] О статье Авсеенко Тургенев писал М.М. Стасюлевичу в тот же день (см. письмо № 3634). А ранее, в письме от 11(23) марта 1874 г., Анненков просил Тургенева: "Когда вы будете в Петербурге, то, по огромному вашему знакомству и авторитету, вы мне окажете услугу, если не станете скрывать вашего мнения о моем труде и о поганых критиках на него" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 7).

[8] Здесь Тургенев имеет в виду следующие слова из письма Анненкова по поводу статьи Авсеенко: "А маленько наплевать на всё это, как говаривал покойный Влад. Милютин" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 7).

[9] Б.М. Маркевич сотрудничал в "Московских ведомостях" под псевдонимом "Б".

[10] См. письма № 3588 и № 3619, примеч. 3.

[11] О каком объявлении в газете "Ведомости московской городской полиции" идет речь, установить не удалось.

[12] См. письмо № 3625, примеч. 11.

[13] От франц. la rechute — вспышка.

3636. Н.С. Тургеневу (с. 41)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 128. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 20 марта / 1 апр. 1874. Москва. Полдень".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 10, с. 127, с сокращениями.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 215.

[1] Эти письма Н.С. Тургенева неизвестны.

[2] Ср. письмо № 3635, примеч. 11.

[3] См. письмо № 3619, примеч. 3. Клара и А.Н. Тургеневы вернулись из России 19(31) марта 1874 г. (см. дневник Ф.Н. Тургеневой: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4622, л. 39).

[4] О какой фотографии, — очевидно, самого Тургенева — идет речь, неизвестно.

3637. Паулю Гейзе (с. 42 и 264)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Westermanns Monatshefte, 1924, Bd. 136, S. 185; в русском переводе — Печать и революция, 1925, № 7, с. 104—105.

[1] Тургенев имеет в виду роман Гейзе "Kinder der Welt", вышедший в Берлине в 1873 г.

[2] Этот роман Гейзе был переведен на русский язык Е. Сысоевой и вышел в двух томах под названием "Дети века" (СПб., 1873).

[3] О своеобразии жанра романа у Тургенева см.: Батюто А.И. Структурно-жанровое своеобразие романов Тургенева 50-х — начала 60-х годов // Проблемы реализма русской литературы XIX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 133—143.

[4] Ответ Гейзе неизвестен, но, по-видимому, просьбу Тургенева он не выполнил. См. также письма № 3638—3642, № 3644.

[5] Из-за болезни и изменений в плане путешествия Тургенев не смог увидеться с Гейзе летом 1874 г.

3638. Паулю Линдау (с. 43 и 265)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано: *T. und Deutschland*, S. 120.

[1] Имеются в виду Рудольф и Рихард Линдау.

[2] С 19 января 1872 г. Линдау издавал в Берлине газету "Die Gegenwart. Wochenschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben" ("Современность. Еженедельник литературы, искусства и общественной жизни"). О намерении Тургенева подписаться на "Gegenwart" см. письмо № 3582 (наст. изд., Письма, т. 12).

[3] Во время пятилетнего (1860—1864) пребывания в Париже Линдау имел возможность познакомиться с французской культу-

рой. К этому времени относятся его первые статьи, посвященные французским писателям.

[4] Линдау написал по просьбе Тургенева серию статей о Флобере, в том числе и об "Искушении святого Антония" (Die Gegenwart, 1874, 5. September, № 36, S. 151—153; 19. September, N 38, S. 184—186; 26. September, № 39, S. 202—205). См. также письмо № 3810, примеч. 4.

3639. Людвигу Пичу (с. 44 и 266)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — St.-Petersburger Zeitung, 1884, 8(20). Juli, Beiblatt, № 190, S 6; в русском переводе — *BE*, 1909, № 6, с. 634. Вновь опубликовано: *Briefe an Pietsch*, S. 88.

[1] "Искушение святого Антония" Пич получил лишь в октябре 1874 г. (см. письмо № 3664, примеч. 1). Его рецензия на это произведение Г. Флобера неизвестна. См. также письма № 3637, № 3638, № 3640, № 3644.

[2] О встрече Тургенева с Пичем в мае 1874 г. см. в письме № 3681.

3640. Юлиану Шмидту (с. 44)

Печатается по тексту первой (неполной) публикации в русском переводе: *BE*, 1909, № 3, с. 268—269, — проверенному и дополненному по публикациям переводов: английского — The Saturday Review, 1909, 27 February, № 2783, Supplement. p. IV; французского — Revue Bleue, 1909, 27 février, № 9, p. 262.

Подлинник неизвестен.

Печатается с датой 21 марта (2 апреля) 1874 г. (дата в публикации английского перевода) на следующих основаниях: 2 апреля приходилось в 1874 г. именно на четверг; в этот день с просьбой написать рецензию на книгу Флобера Тургенев обратился также к П. Гейзе, П. Линдау, Л. Пичу, В. Рольстону, Л. Фридлендеру. См. письма № 3637, 3638, 3639, 3642, 3644.

Стр. 44. независимо от дружбы (*франц.*).

[1] См. письмо № 3631.

[2] Книга Г. Флобера была выслана Тургеневым Шмидту лишь 10(22) сентября (см. письма № 3798, примеч. 1, и № 3664, примеч. 1; *Лит Насл*, т. 31—32, кн. 2, с. 684).

[3] Шмидт выполнил просьбу Тургенева, написав рецензию «Kritische Streifzüge, III: "La tentation de St. Antoine"» (см.: Preußische Jahrbücher, Bd. 34, H. 4, Berlin, 1874, S. 386—397).

[4] О встрече Тургенева со Шмидтом в мае 1874 г. см. в письме № 3681.

3641. Генриху Лаубе (с. 45 и 266)

Печатается по тексту первой публикации: Harvard Library Bulletin. 1948, vol. 2, N 3, . 405—406.

Подлинник хранится в библиотеке Гарвардского университета (США).

[1] Имеются в виду П. Гейзе, П. Линдау, Л. Пич, Ю. Шмидт и др., к которым Тургенев обращался с просьбой написать рецензию на "Искушение святого Антония". См. письма № 3637—3642, № 3644.

[2] В немецкой периодике 1874 г. известны пять статей об "Искушении святого Антония"; четыре из них появились в Берлине (статьи Карла Френцеля — Berliner Nationalzeitung. 13, Mai, N 221; П. Линдау — Gegenwart, 5. September, N 36, S. 151—153; Ю. Шмидта — Preußische Jahrbücher, Bd. 34, H. 4, S. 504—512; анонимно — Die Wage, II, S. 572—575), одна — в Карлсруэ (Deutsche Warte, S. 295—307). Сведения о рецензия в венских газетах неизвестны (см.: Harvard Library Bulletin, 1948, vol. 2, N 3, p. 409).

[3] Откликнулся ли Лаубе на просьбу Тургенева, неизвестно.

[4] Тургенев познакомился с Лаубе в Карлсбаде в 1873 г., позднее встречался с ним там же в 1875 г. См. письмо № 3463, примеч. 4 (наст. изд., Письма, т. 12), а также письмо Л. Пичу от 28 мая (9 июня) 1875 г.

3642. Вильяму Рольстону (с. 46 и 267)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28632, л. 51.

Впервые опубликовано: в русском переводе — Недра. 1924. № 4. С. 267—268; в английском оригинале — Le Monde Slave. 1925. N 5.

[1] Об отношении Тургенева к книге Флобера "Искушение святого Антония" см. письма № 3594, 3598, 3600, 3610, и др.

[2] Анонимная рецензия на книгу Г. Флобера появилась в журнале "Athenæum" (1874. 18 April. № 2425. P. 522—523). В "The contemporary review" за 1874 г. рецензии на книгу Флобера не обнаружено.

[3] В апрельском номере "The contemporary review" за 1874 г. (p. 734—745) была помещена статья Рольстона "Russian idylls" ("Русские идиллии"), посвященная творчеству А.В. Кольцова и И.С. Никитина.

3643. Н.С. Тургеневу (с. 46)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 130. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 26 март⟨а⟩ / 7 апреля 1874. Москва. 4 ч. п.п. д. 5-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 10, с. 127, с сокращениями.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 219.

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.
[2] См. письмо № 3595, примеч. 1.
[3] Встреча братьев в Карлсбаде состоялась в 1875 г. См. письмо к Н.С. Тургеневу от 25 января (6 февраля) 1875 г., примеч. 2.

3644. Людвигу Фридлендеру (с. 47 и 268)

Печатается по подлиннику: *DSB*.
Впервые опубликовано: в немецком оригинале — Deutsche Rundschau, 1886, Bd. XLIII, S. 124: в русском переводе (с сокращениями) — *BE*, 1906, № 10, с. 839.
Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 219—220.

[1] Имеется в виду сам Фридлендер, сотрудничавший в литературном отделе "Allgemeine Zeitung".
[2] Мнение Фридлендера об "Искушении святого Антония" Флобера неизвестно.
[3] См. письмо № 3590, примеч. 1.

3645. Я.П. Полонскому (с. 48)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, собр. *ОЛДП*, № Q250, л. 103—104.
Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 230—231.

[1] Письмо Полонского от 12(24) марта 1874 г. См.: Звенья, т. 8, с. 183—185.
[2] См. письмо № 3626, примеч. 3.
[3] В № 71, 72, 75 "С.-Петербургских ведомостей" от 12, 13 и 16 марта 1874 г. сообщалось, что 16(28) марта на литературном вечере "Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым" будет прочтен О.Ф. Миллером рассказ Тургенева "Живые мощи". Отрицательный отзыв Тургенева о лекции О.Ф. Миллера "Об общественных типах в повестях И.С. Тургенева", прочитанной в Петербурге 4(16) марта 1871 г., см.: наст. изд., Письма, т. 11, № 2897.
[4] "Пунин и Бабурин".
[5] См. письмо № 3626, примеч. 2.

3646. М.М. Стасюлевичу (с. 49)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 67.
Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 361.

[1] Тургенев хотел послать этот экземпляр "Пунина и Бабурина" П.В. Анненкову. См. письмо № 3625, № 3627.
[2] Очевидно, речь идет о незавершенной статье Тургенева об "Искушении святого Антония" Флобера (см. письмо № 3648). Сохранился лишь черновой набросок начала этой статьи, датирован-

ный самим Тургеневым: "Париж 1-го апр. / 20-го марта 1874" (подлинник — *Bibl Nat* (Париж); фотокопия — *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 228). Опубликован: наст. изд. Сочинения. Т. 11. С. 287. Отзывы современной критики об "Искушении святого Антония" были многочисленны, большинство из них носили отрицательный характер: см., например, статьи: Saint-René Taillandier (Revue des Deux Mondes, 1874, t. 3, p. 205—223), Barbey d'Aurevilly (Constitutionnel, 1874, 20 avril), M. Gaucher (Revue Bleue, 1874, 11 avril), без подписи (Figaro, 1874, 5 avril) и др. См. также письмо Флобера к Ж. Санд от 1 мая 1874 г. (*Flaubert, Corr*, s. VII, p. 133—134). Были и положительные отклики: J. Schmidt (Preußische Jahrbücher, 1874, Bd. 34, H. 4, S. 505—512); Camille Pelletan (Rappel, 1874, 15 mai); Edouard Drumont (Bien public, 1874, 8 avril).

3647. П.В. Анненкову (с. 49)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 13—14.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 221.

Стр. 49. рантье (*франц.*).

Стр. 50. "Он переиродил Ирода" (*англ.*).

[1] Тургенев имеет в виду издание "Русская библиотека. 1. А.С. Пушкин" (Пб., 1874). См. письмо № 3634, примеч. 3. Приводимого стиха у Пушкина нет. Возможно, что Тургенев перефразировал содержание стихотворения Пушкина "Эхо" (1831).

[2] Речь идет о книге М.А. Бакунина "Государственность и анархия", вышедшей в 1873 г.

[3] Анненков в письме от 24 марта (5 апреля) 1874 г. просил Тургенева выслать ему "Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих" (Лондон, 1873) — брошюру, написанную К. Марксом и Ф. Энгельсом и направленную против анархистской раскольнической деятельности М.А. Бакунина (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 9). Анненков был лично знаком с Карлом Марксом. Они познакомились в марте 1846 г. в Брюсселе (см.: *Анненков*, с. 31—33, 301—307, 606—609).

[4] Дом в Лугано (вилла "Бароната") был куплен итальянскими друзьями на имя М.А. Бакунина с целью создать там убежище для итальянских революционеров. Судя по данным его биографии, Бакунин в то время очень нуждался в деньгах (см.: Стеклов Ю.М. М.А. Бакунин, его жизнь и деятельность. М.; Л.: ГИЗ, 1927, т. 4, с. 323—351).

[5] В большой статье, подписанной "W", под рубрикой "Журналистика" М.Г. Вильде полемизировал с Авсеенко, защищая работу Анненкова о Пушкине (*Голос*, 1874, 21 марта, № 80, с. 1—2). См. также письмо № 3625, примеч. 7.

[6] См. письмо № 3634, примеч. 7.

[7] См. письмо № 3625, примеч. 11.

[8] Об оценке Анненковым "Пунина и Бабурина" см. письмо № 3665, примеч. 1.

3648. М.М. Стасюлевичу (с. 50)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 68. На подлиннике помета Стасюлевича: "Отв. 31/III".

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 361 – 362.

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] Речь идет о героях повести "Пунин и Бабурин", опубликованной в № 4 "Вестника Европы" за 1874 г. Отзывы критики об этой повести были противоречивы (см.: наст. изд., Сочинения, т. 9, с. 439 – 443).

[3] Сборник "Складчина" вышел в свет 28 марта (9 апреля) 1874 г. Объявления по этому поводу см.: *СПб Вед*, 1874, № 86, 89 от 28 марта (9 апреля), 2(14) апреля; о дополнительном выпуске см.: *СПб Вед*, 1874, № 99 от 12(24) апреля. См. также письма № 3592, примеч. 3, 5 и № 3626, примеч. 4.

[4] См. письмо № 3646, примеч. 2.

[5] В майской книжке "Вестника Европы" за 1874 г. статьи Тургенева о Г. Флобере не появилось (см. примеч. 2 к письму № 3646, а также: наст. изд. Сочинения, т. 11, с. 287, 518 – 519).

[6] Речь идет о гонораре за повесть "Пунин и Бабурин".

[7] Имеется в виду правительство орлеаниста герцога Альбера де Брольи, первого министра при Мак-Магоне, проводившего крайне реакционную политику.

3649. П.В. Анненкову (с. 51)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 15.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 223.

[1] В № 12 "Недели", от 15 апреля 1874 г., был напечатан очерк Тургенева "Наши послали!".

[2] В этом очерке Тургенев вспоминает о событиях революции 1848 г. в Париже. Один из героев очерка — "поэт Г." — Г. Гервег.

[3] Речь идет о брошюре К. Маркса и Ф. Энгельса "Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих" (Лондон, 1873). См. письмо № 3647, примеч. 3.

[4] См. письмо № 3651, примеч. 3.

[5] В письме от 8 апреля н. ст. 1874 г. И. Тэн писал Тургеневу о первом впечатлении от рассказа "Живые мощи", который он прочитал во французском переводе в газете "Le Temps" (8 avril, 1874 г., № 4741): "...Какой шедевр! Жму вашу руку с уважением и восхищением и, если бы осмелился, обнял вас. Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какое целомудрие! Насколько это показывает, что наши источники иссякли! ⟨...⟩ и рядом — неисчерпаемый, полноводный ручей. Как жаль, что вы — не француз!" (цит. по: Z v i g u i l s k y A. Taine et Tourguéniev // *Cahiers*, 1993 – 1994, N 17 – 18, p. 4 – 5). По поводу книги Тэна "L'ancien régime" ("Старый порядок") Анненков писал Тургеневу в 1876 г.: «Встретил, к немалому моему удовольствию, на первых же стра-

ницах Тэна ссылку на "Живые мощи": вот что значит истинно поэтическая вещь. Бабенка из Орлов⟨ской⟩ губер⟨нии⟩ может служить пояснением склада мыслей у средневекового человека» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 11, л. 13). В одном из примечаний к главе 1 своей книги Тэн писал: «Что касается современных литературных произведений, то состояние средневековой верующей души великолепно обрисовано ⟨...⟩ Тургеневым в "Живых мощах"» (см.: Taine H. Les origines de la France contemporaine. 2 ed., Paris, 1876, t. 1: L'ancien régime. P. 7—8).

3650. М.М. Стасюлевичу (с. 51)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 69.

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 362, с пропусками.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 223—224.

[1] См. письмо № 3646, примеч. 1.

[2] Стасюлевич поместил опечатки, найденные Тургеневым (*ВЕ*, 1874, № 5, с. 448), под заглавием "Поправки".

[3] См. письмо № 3648, примеч. 2.

[4] См. письмо № 3634, примеч. 3.

[5] См. письмо № 3592, примеч. 5.

3651. Жорж Санд (с. 52 и 269)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam., Corr*, p. 160—161.

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 15, P. 726; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1897, № 4, с. 131—132.

[1] Письмо Тургенева к Э. Плошю неизвестно. О письме Ж. Санд см. примеч. 3.

[2] Имеется в виду перевод на французский язык рассказа Тургенева "Бирюк", выполненный Ш. Роллина в надежде получить впоследствии какую-нибудь литературную работу. См.: *Sand, Cor.*, t. 6, p. 307—308; *Т.сб* (*Кони*), с. 118—119. Перевод этот напечатан не был; рукопись его, помеченная 29 марта 1874 г., хранится в *Bibl Nat* (см.: *Mazon*, p. 95).

[3] Французский перевод рассказа "Живые мощи", сделанный Э. Дюраном, появился в № 4741 "Temps" от 8 апреля 1874 г. и имел огромный успех (см. письмо № 3653). Восторженный отзыв Ж. Санд об этом рассказе содержится в ее письме к Тургеневу от 13 апреля 1874 г. (Интернациональная литература, 1939, № 1, с. 227 — с ошибочной датой: 19 апреля). Положительные отзывы о рассказе, появившиеся во Франции и России, см.: наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 514—515.

[4] Месяцы с буквой "r" — с сентября по апрель. В период с мая по август добыча устриц не производится.

3652. П.В. Анненкову (с. 53)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 18—19.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС* и *П, Письма*, т. X, с. 224.
Стр. 53. "Мы *все* должны идти к вам на выучку" (*франц.*).
Стр. 53. умному достаточно (*лат.*).

[1] См. письмо Анненкова от 1(13) апреля (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 11—13).

[2] Речь идет о повести "Пунин и Бабурин", напечатанной в № 4 "Вестника Европы" за 1874 г. См. также: Заборов П.Р. И.С. Тургенев и западноевропейское изобразительное искусство // Русская литература и зарубежное искусство. Сборник исследований и материалов. Л., Наука, 1986, с. 145—146.

[3] См. письмо № 3665, примеч. 1.

[4] Здесь: от *франц.* la préférance — предпочтение.

[5] См. письмо № 3651, примеч. 3.

[6] Пьеса Г. Флобера "Кандидат" была написана в 1873 г. и поставлена в 1874 г. во французском театре "Водевиль". Пьеса успеха не имела и была снята после четвертого представления. Под романом Тургенев подразумевает "Искушение святого Антония". См. также письма № 3594, 3598, 3600, 3610 и др.

[7] Об отрицательном отношении Тургенева к роману В. Гюго "Девяносто третий год" см. также письмо № 3630, примеч. 6.

[8] Слова Карпа Карповича Толстогораздова из пьесы А.Н. Островского "Не сошлись характерами" (1858; картина II, явл. 2).

[9] См. письмо № 3625, примеч. 11.

[10] См. письмо № 3590, примеч. 1.

[11] Об Анри Реньо, французском художнике, Тургенев писал Л. Пичу 18 марта н. ст. 1872 г.: "Реньо — бесспорно величайший колорист нового времени" (см.: наст. изд., Письма Т. 11, С. 223, 371).

[12] Портрет Тургенева кисти Репина хранится в Третьяковской галерее в Москве. О работе И.Е. Репина и А.А. Харламова над портретами Тургенева см. в кн.: *Зильберштейн, Репин* и *Т*, с. 18—39, а также письма № 3811, примеч. 6, и № 3858, примеч. 4.

[13] Имеется в виду работа: Маркс К. и Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих. Лондон, 1873. См. письмо № 3647, примеч. 3.

3653. М.М. Стасюлевичу (с. 54)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 70.
Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 362—363.

[1] В № 4 "Вестника Европы" за 1874 г. было опубликовано продолжение работы А.Н. Пыпина "В.Г. Белинский: Опыт биографии" ("Университетская жизнь"). Там же была помещена комедия В.А. Крылова "Земцы". См. также письмо № 3627, примеч. 4.

[2] Речь идет о первом томе издания "Русская библиотека". См. также письмо № 3634, примеч. 3.

[3] 58-я строка из стихотворения А.С. Пушкина «Вновь я посетил..." (1835), при жизни поэта не опубликованного. Так оно озаглавлено в первом томе "Русской библиотеки", где после полустиха, отмеченного Тургеневым, помещено еще 16 с половиной строк (с. 236). Отрывок ("В разные годы... и горькие кипели в сердце чувства"), исключенный из окончательного текста самим Пушкиным, впервые был опубликован П.В. Анненковым в "Материалах для биографии А.С. Пушкина" (см.: Пушкин А.С. Соч.: в 7 т. 1855, т. 1, с. 116). В академическом издании сочинений Пушкина стихотворение заканчивается строкой "И обо мне вспомянет" (см.: *Пушкин*, т. 3_1, с. 399—400).

[4] См. письмо № 3592, примеч. 3, 5.

[5] См. письмо № 3651, примеч. 3.

[6] См. письмо № 3646, примеч. 2.

3654. Эмилю Золя (с. 55 и 269)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 4, P. 139; в русском переводе — *Сев Вестн, 1897, № 5, с. 199.*

Датируется на основании следующих данных: сближение Тургенева и Золя началось после их встречи на обеде, состоявшемся во вторник 2(14) апреля 1874 г., (см.: Goncourt E. et J. de. Journal. Mémoires de la vie littéraire. Paris, [1959]. t. 2, p. 975). Адрес Тургенева изменился 10(22) апреля 1874 г. Таким образом, пятница, указанная в письме, приходится на 5(17) апреля 1874 г.

3655. Ю.П. Вревской (с. 55)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ*, ф. 213, Щ 10—3.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 5, с. 462—463, с пропуском имени и отчества адресата, замененных точками.

[1] "Рассказец" — "Живые мощи", впервые опубликован в "Складчине". См. письмо № 3592, примеч. 3, 5.

[2] Переписка Тургенева с И.П. Варпаховским неизвестна.

[3] Повесть "Пунин и Бабурин" была напечатана в № 4 "Вестника Европы" за 1874 г. Мнение Вревской об этом произведении неизвестно.

3656. А.В. Сорневой (с. 56)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 83.

Впервые опубликовано: в отрывках — Хмелевская Е.М., Хмелевская Н.А. Исследование и публикация

рукописей И.С. Тургенева // Вестник Академии наук СССР, 1964, № 7, с. 87; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 227.

Датируется на основании пометы "Суббота" и указанного в письме парижского адреса Тургенева, по которому он жил с 8(20) ноября 1871 г. (см.: наст. изд., Письма, т. 11, № 3037) по 10(22) апреля 1874 г., после чего номер дома был изменен на 50.

[1] О какой повести идет речь, неизвестно.

3657. М.В. Авдееву (с. 56)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 1931, л. 1.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 227.

Стр. 57. заставляет раздуваться от гордости (*франц.*).

[1] Это письмо Авдеева неизвестно.

[2] См., в частности, письмо № 3630, примеч. 3.

[3] Речь идет о рассказе "Живые мощи", напечатанном в альманахе "Складчина". См. письма № 3592, примеч. 3, и № 3648, примеч. 3. О французском переводе рассказа см. письмо № 3651, примеч. 3.

[4] См. письмо № 3648, примеч. 2.

[5] См. письмо № 3416, примеч. 2 (наст. изд., Письма, т. 12)

3658. Полине Брюэр (с. 57 и 270)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 282.

Впервые опубликовано: Mercure de France, 1932, 1 juin, № 815, p. 327. Перепечатано: *Séménoff*, p. 227. В обеих публикациях указана неверная дата.

[1] См. письмо № 3669.

3659. Г.Н. Вырубову (с. 58)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2198. VIIм.4, л. 25.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 228.

Крайние даты письма определяются на основании следующих данных: знакомство Тургенева с Г.Н. Вырубовым состоялось не ранее января 1872 г. (см.: наст. изд., Письма, т. 11, № 3084); номер дома, в котором жил Тургенев по улице Дуэ (48), 10(22) апреля 1874 г. был изменен на 50. Последнее воскресенье до этой даты приходилось на 7(19) апреля 1874 г.

3660. А.Н. Тургеневу (с. 58 и 270)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4710.

Впервые опубликовано: *Т. и его время*, с. 247.

Датируется по адресу: номер дома по улице Дуэ, 48, в котором жил Тургенев, после 10(22) апреля 1874 г. был изменен на 50. Последний понедельник до этой даты приходился на 8(20) апреля 1874 г.

3661. Кларе Тургеневой (с. 58 и 270)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4708.
Впервые опубликовано: *Т и его время*, с. 237.
Датируется на тех же основаниях, что и письмо № 3660.

3662. Валентине Делессер (с. 59 и 271)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании г-жи Жирар (Париж).
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 216.
Датируется по адресу (см. примечания к письмам № 3660 и № 3663) и в соответствии с пометой "вторник".
[1] О чем идет речь — неизвестно.

3663. Жюлю Этцелю (с. 59 и 271)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*. Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 229.
Датируется на следующих основаниях: Тургенев жил на улице Дуэ, 48, с ноября 1871 г. С 10(22) апреля 1874 г. номер дома был изменен на 50. В эти годы Этцель каждую зиму проводил на юге Франции. Весной 1872 г. он вернулся в Париж в марте, а в 1874 г. — в апреле (см.: *Parménie*, p. 565, 591), поэтому настоящую записку можно датировать сроком от марта 1872 г. до 9(21) апреля 1874 г. — последнего вторника до перемены номера дома.

3664. Людвигу Пичу (с. 59 и 271)

Печатается по подлиннику: *DSB.*
Впервые опубликовано: в немецком оригинале — St.-Petersburger Zeitung, 1884, 8(20). Juli, Beiblatt, № 190, S. 6: в русском переводе — *BE*, 1909, № 6, с. 634, в сокращении. Вновь опубликовано: *Briefe an Pietsch.* S. 88—89.
Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 229—230.

[1] 5(17) мая 1874 г. Тургенев обратился по этому поводу к Флоберу (см. письмо № 3681), а последний — к Ж. Шарпантье в письмах от 20 и 26 мая (н. ст.). Шарпантье ответил, что послал экземпляр книги "по всем адресам, указанным г-ном Тургеневым" (см.: *Flaubert, Corr*, t. 7, p. 138—139, 141; *Flaubert, Corr, Suppl.*, t. 3, p. 128). Однако, по-видимому, прав был Тургенев. Во всяком случае и Пич, и Шмидт получили книгу лишь осенью 1874 г. Рецензия Ю. Шмидта на "Искушение святого Антония" появилась в "Preußische Jahrbücher" (1874, Bd. 34, H. 4,

S. 386—397). Статья Л. Пича неизвестна (см. также письмо № 3639, примеч. 1).

[2] "Живые мощи". См. письма № 3592, примеч. 3, и № 3651, примеч. 3.

[3] О встрече Тургенева с Пичем в мае 1874 г. см. письмо № 3681.

3665. П.В. Анненкову (с. 60)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 20—21.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 230.

[1] Анненков в ответ на просьбу Тургенева дать оценку "Пунина и Бабурина" писал ему 19 апреля ст. ст. 1874 г.: «Конечно, рассказ, по обыкновению, прелестен по форме, но энтузиастического отзыва, думаю, не возбудит, как "Живые мощи". А мешать тому будет, кажется, фигура *республиканца*. Как восхитителен Пунин, так, наоборот, его спаситель и покровитель выглядит абстрактно-тупо. По крайней мере, таково мое впечатление. Он принадлежит, по-моему, к довольно противному (в литературе) типу почтенных людей, над которыми ни посмеяться, ни всплакнуть нельзя, а которых следует единственно уважать. Это оборотная сторона благородных юношей Михайлова, Омулевского и других, и беда состоит в том, что вы сами смотрите на него не как на любопытный экземпляр, а как на серьезный, умиляющий, поучительный» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 13). См. также письмо № 3715, примеч. 4.

[2] Имеется в виду, по-видимому, Н.Г. Фролов.

[3] В № 93 "С.-Петербургских ведомостей" за 1874 г. от 6(18) апреля, в статье за подписью "Z" (В.П. Буренин) дан хвалебный отзыв о "Пунине и Бабурине", который, по мнению рецензента, "принадлежит к числу выдающихся очерков позднейшего периода деятельности уважаемого писателя". Особенно одобрительно рецензент отзывается о Бабурине: "Фигура эта положительно новая, доселе не затронутая в литературе и очень оригинальная".

[4] В указанном выше письме Анненков высказывает недоумение, почему после "строптивой молодости" Муза сделалась "примерной женой".

3666. А.А. Трубецкой (с. 61 и 272)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании Дины Вьерни (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *Т, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 327—328.

[1] С 22 апреля н. ст. 1874 г. нумерация домов на ул. Дуэ изменилась.

[2] Имеется в виду рассказ Тургенева "Пунин и Бабурин", опубликованный в № 4 "Вестника Европы" за 1874 г., оттиски которого были получены Тургеневым (см. письмо № 3650).

[3] Рассказ "Живые мощи" был напечатан в сборнике "Складчина", выпущенном в пользу крестьян, пострадавших от голода в Самарской губернии. В письме к М.М. Стасюлевичу от 27 марта (8 апреля) (№ 3648) Тургенев просил передать издателям сборника просьбу выслать ему экземпляр.

[4] Рассказ "Наши послали! (Эпизод из истории июньских дней 1848 года в Париже)", вошедший в цикл "Литературные и житейские воспоминания", был опубликован в "Неделе" в номере от 24 марта 1874 г. (№ 12).

[5] Из России Тургенев поехал на лечение в Карлсбад, в Буживаль он вернулся лишь 15(27) августа 1874 г.

[6] Неизвестно, сдержал ли Тургенев свое обещание навестить Трубецкую в ее имении Бельфонтен.

[7] 11 июня 1874 г. князь Н.И. Трубецкой скончался.

[8] Князь — Н.А. Орлов. Марианна — М. Турнер, жившая в доме Трубецких.

[9] Клоди и Жорж Шамро, свадьба которых состоялась в марте 1874 г. (см. № 3590, примеч. 1).

3667. Г.Н. Вырубову (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2198, VIIм. 4, л. 29.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 231.

Датируется 16(28) апреля 1874 г. на основании письма В.Д. Поленова, одного из участников упоминаемого обеда, к родным от 16(28) — 17(29) апреля 1874 г. Во второй части его, написанной 17(29) апреля, Поленов сообщал: "...я отправился к Тургеневу на прощальный обед, который он сделал нескольким из своих близких друзей перед отъездом в Россию". На этом обеде Вырубов впервые встретился с Поленовым (см.: Сахарова Е.В. В.Д. Поленов. Е.Д. Поленова: Хроника семьи художников. М., 1964, с. 124). Записка Тургенева написана накануне обеда, состоявшегося 17(29) апреля, т.е. 16(28) апреля 1874 г.

3668. Бернгарду Эриху Бере (с. 62 и 273)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre.* S. 564—565. Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо № 3603.

[2] В девятый том митавского издания сочинений Тургенева (1875), содержавший перевод второй части "Записок охотника", вошли дополнительно "Живые мощи", "Стучит!" и "Конец Чертопханова". Сборник "Складчина", в котором были впервые напечатаны "Живые мощи", вышел в свет 28 марта (9 апреля) 1874 г. Под "другим фрагментом" Тургенев имеет в виду, очевидно, рассказ "Стучит!" (впервые опубликован в первой части его "Сочинений", изданных братьями Салаевыми: М., 1874).

[3] Выполненный А. Больцем немецкий перевод второй части "Записок охотника" был издан в Берлине в 1855 г. (первую часть перевел А. Видерт) и затем вторично — в 1858 г.

3669. Полине Брюэр (с. 63 и 274)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 283.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 231.

3670. Людвигу Пичу (с. 64 и 274)

Печатается по подлиннику: *DSB*.
Впервые опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 118—121: в русском переводе — *Письма к Пичу*, с. 160—163; вновь опубликовано: *Briefe an Pietsch*. S. 89—90.

[1] О встрече Тургенева с Пичем в мае 1874 г. см. письмо № 3681.

3671. Я.П. Полонскому (с. 64)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, собр. *ОЛДП*, № Q250, л. 105.
Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 231.

[1] Речь идет о статье Е. Гасабова "Из школьной жизни в селе Спасском" (Школьная жизнь, 1872, № 5, 3 октября. С. 115—116), автор которой писал о формальном подходе к обучению в Спасской школе, грубости и невежестве преподавателя, применении физических мер наказания.
[2] См. письмо № 3677.
[3] См. письмо № 3680.

3672. А.А. Фету (с. 65)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 73—74.
Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 289—290, с пропусками.
Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 232—233.
Стр. 65. воскресшего (*лат.*).
Стр. 65. что он выступает пятном на грязи (*франц.*).

[1] Эти письма Фета и П.И. Борисова неизвестны.
[2] Лицея Тургенев не посетил.
[3] Речь идет о первой части романа "Анна Каренина"; "богатых и великих милостей" — цитата из литургии св. Иоанна Златоуста.
[4] См. письмо № 3624, примеч. 2.
[5] См. письмо № 3625, примеч. 7.
[6] См. письмо № 3634, примеч. 8.
[7] В 1874 г. встреча Тургенева с Фетом не состоялась.

3673. М.М. Стасюлевичу (с. 66)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 71. На письме помета Стасюлевича: "Посланы Т⟨ютчеву⟩ 73 руб. 4/V".

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 363.

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] Возможно, речь идет о переговорах со Стасюлевичем в связи с работой Тургенева над статьей о Г. Флобере. Стасюлевич, отказавшись публиковать "Искушение святого Антония" из опасения цензурных затруднений, не одобрил, возможно, и намерений Тургенева писать статью о Флобере для "Вестника Европы". См. также письмо № 3610, примеч. 2, и № 3646, примеч. 2.

[3] См. письмо № 3592, примеч. 3 и 5.

[4] Имеются в виду оттиски повести "Пунин и Бабурин", опубликованной в № 4 "Вестника Европы" за 1874 г.; Тургенев просил их у Стасюлевича, по-видимому, для П.В. Анненкова. См. письмо № 3646, примеч. 1.

3674. Полине Брюэр (с. 66 и 274)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 284.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 234.

[1] Следующее письмо Тургенева к дочери написано уже из Спасского. См. письмо № 3727. Писал ли Тургенев ей из Петербурга, неизвестно.

3675. Эмилю Дюрану (с. 67 и 275)

Печатается по тексту: *Ha p.-Кат., Corr*, p. 313. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 21, p. 773; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1898, № 3, с. 72.

Датируется на основании следующих данных. Произведения Тургенева в переводе Дюрана дважды за короткое время появились в фельетоне "Le Temps" в 1874 г.: "Живые мощи" и "Наши послали! (Эпизод из истории июньских дней 1848 года в Париже)". Первый перевод был опубликован 8 апреля 1874 г. (№ 4741), второй — 13 мая 1874 г. (№ 4776), и, следовательно, незадолго до этого мог быть получен гонорар, о котором идет речь в письме. Поскольку Тургенев выехал из Парижа в Россию вечером во вторник 30 апреля (12 мая) 1874 г. (предполагая возвратиться в августе того же года), а в предыдущий вторник он находился в Ружмоне, публикуемое письмо можно датировать днем его отъезда, т.е. 30 апреля (12 мая) 1874 г.

3676. М.А. Милютиной (с. 67)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 9925, л. 1.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 234.

Датируется предположительно концом марта — апрелем 1874 г. по упоминанию в письме о "крохотной статейке", помещенной в "Неделе". Речь идет об очерке "Наши послали!" (Неделя, 1874, 24 марта, № 12), который в письме к Е.И. Рагозину от 14(26) марта 1874 г. Тургенев также называет "статейкой". Вероятно, печатный текст очерка Тургенев послал М.А. Милютиной вскоре после его опубликования, т.е. не позднее 30 апреля (12 мая), когда писатель выехал из Парижа в Россию.

Датировка эта подтверждается также следующими соображениями. В письме идет речь о предполагаемой в течение недели встрече Тургенева с Милютиной на обеде: следовательно, они находились в это время в одном городе. Таким городом, очевидно, и был Париж, так как во время пребывания Тургенева в России в 1874 г. им встретиться не удалось (см. письмо № 3719).

3677. Н.А. Кишинскому (с. 68)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795, № 48, л. 56. На подлиннике помета Кишинского: "Отвечал 19-го мая".

Впервые опубликовано: в отрывке — *Отчет ПБ за 1894 г.*, с. 45; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 235.

[1] Вероятно, речь идет о деле Е.И. Панина (см.: наст. изд., Письма, т. 12, № 3396, № 3415, № 3445).

[2] См. письмо № 3671, примеч. 1.

3678. М.М. Стасюлевичу (с. 68)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 72.
Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 363.

[1] Состоялась ли эта встреча Тургенева со Стасюлевичем, неизвестно.

3679. Н.С. Тургеневу (с. 69)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 132.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 236.

[1] См. письмо № 3643, примеч. 3.

3680. Я.П. Полонскому (с. 69)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 5083, л. 206.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 236.

3681. Гюставу Флоберу (с. 69 и 275)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 154 — 155. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Опубликовано в русском переводе: *Лит Насл*, т. 31 — 32, с. 683 — 684. Во французском оригинале впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 236.

[1] Статья К. Френцеля была напечатана в № 221 берлинской газеты "Nationalzeitung" от 13 мая 1874 г.

[2] См. письмо № 3664, примеч. 1.

[3] Флобер вернулся из Парижа в Круассе 18 или 19 мая 1874 г. (см.: *Flaubert, Corr*, t. 6, p. 138).

3682. Бернгарду Эриху Бере (с. 70 и 275)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre.* S. 565. Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Бере неизвестно. Разговор Тургенева с Пичем касался немецкого перевода "Записок охотника". См. письма № 3587 и № 3589.

[2] См. письмо № 3668.

3683. Полине Виардо (с. 71 и 276)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *Lettres inéd*, p. 193 — 195; в русском переводе — Иностранная литература, 1971, № 1, с. 189.

[1] Телеграмма, о которой говорит Тургенев, неизвестна.

[2] Тургенев нередко пользовался этим шутливым приемом в письмах к Полине Виардо; "телеграфно-негритянский стиль" он пародийно воспроизвел в своем водевиле "Ночь в гостинице Большого Кабана", написанном на французском языке (см.: наст. изд., Сочинения, т. 12).

[3] Тургенев высоко ценил художественные достоинства эпистолярного наследия г-жи де Севинье, считая ее непревзойденным мастером французской прозы.

[4] Имеется в виду памятник Екатерине II в Петербурге перед Александринским театром работы скульптора М.О. Микешина, установленный в 1873 г.

[5] Издатель — Ф.И. Салаев.

[6] Отель Друо — художественную галерею в Париже, существующую с 1807 г., часто посещал Тургенев. Здесь проводились аукционы, на одном из которых в 1873 г. писатель приобрел за 1600 франков пейзаж Жоржа Мишеля.

[7] Об отношении Тургенева к творчеству Харламова см.: *Зильберштейн, Репин и Т,* гл. III, IV. В это время художник работал над портретом Полины Виардо.

[8] Имеется в виду М.М. Стасюлевич, редактор журнала "Вестник Европы", где с 1868 г., Тургенев помещал почти все свои произведения.

[9] Тургенев скептически высказывался о политической борьбе во французском Национальном собрании между орлеанистами, к которым принадлежал упоминаемый герцог де Брольи ("трагический индюк"), смещенный с поста министра иностранных дел в 1874 г., и легитимистами. Сменивший его Марк де Гулар, примыкавший к монархическому большинству Национального собрания, возглавляемого президентом Мак-Магоном, как и его предшественник, стремился к дальнейшему ограничению республиканских свобод.

[10] Закрытие русской оперы было связано с началом летнего сезона в Петербурге.

[11] Речь идет об очередном альбоме романсов П. Виардо, вышедшем в 1874 г. у А.-Ф. Иогансена: "Пять стихотворений Гёте, Пушкина, Мёрике, Гейбеля и Поля, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа". Комментируемое письмо позволяет со всей определенностью подтвердить высказанное еще М. Гершензоном мнение о принадлежности Тургеневу четырех русских переводов с немецкого, помещенных в альбоме 1874 г.: Гёте — "Финская песня" ("Käm'der Liebe Wohlbekannte"), Мёрике — "Солдатская невеста" ("Die Soldatenbraut"), Р. Поля — "Слепец" ("Der Nachtwandler") и Э. Гейбеля — "Весенний вечер" ("Im April"). Тексты этих переводов и о них см. в статье М.П. Алексеева "Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо" (*Т сб,* вып. 4, с. 201—203).

[12] См. письмо № 3686.

[13] Письма Тургенева к Марианне Виардо, посланные из России, неизвестны.

3684. Н.А. Кишинскому (с. 72)

Печатается по подлиннику: *РНБ,* ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 57.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма,* т. X, с. 237.

[1] Имя И.И. Маслова числится в перечне лиц, выехавших из Москвы, помещенном в "Московских ведомостях" от 31 мая ст. ст. 1874 г. (№ 135). Ср. также с письмом № 3697.

3685. Н.С. Тургеневу (с. 73)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 274, оп. 3, № 100, л. 133. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 10-го мая 1874. Москва. 3 ч. п.п. дня".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма,* т. X, с. 237.

[1] См. письмо № 3684, примеч. 1.

3686. Клоди Шамро (с. 73 и 278)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 263.

[1] Имеется в виду Жорж Шамро.

[2] Тургенев был арестован 16(28) апреля 1852 г. в Петербурге за публикацию в "Московских ведомостях" некролога Гоголя, который был запрещен Петербургским цензурным комитетом. Он провел ровно месяц на "съезжей", после чего был выслан в Спасское-Лутовиново. Сам писатель считал арест наказанием за "Записки охотника". (См.: наст. изд., Сочинения, т. 3, с. 408.)

[3] Ж. Шамро.

3687. Полине Виардо (с. 74 и 278)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 201—204; в русском переводе (не полностью) — *Лит газета*, 1972, № 38; Неделя. 1972. № 36.

[1] Предыдущее письмо помечено № 5.

[2] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[3] О каком фельетоне идет речь, установить не удалось.

[4] См. письмо № 3683, примеч. 2.

[5] Имеются в виду представители новой русской музыкальной школы, получившей в истории музыки название "могучей кучки", отношение к которым у Тургенева не было однозначным и с течением времени претерпело значительную эволюцию.

[6] Впоследствии Тургенев сблизился с М.Г. Савиной, личное знакомство с нею произошло в 1879 г., после того, как актриса, выбрав для своего бенефиса "Месяц в деревне", обратилась к писателю с просьбой сократить пьесу для постановки на сцене. В своих воспоминаниях о Тургеневе Савина писала, что до этого времени писатель "не имел никакого понятия" о ее таланте, однако переданный ею разговор (писатель, не видев пьесы, был уверен, что она играла не Верочку, а Наталью Петровну) свидетельствует, что Тургенев хорошо запомнил первое впечатление от ее игры, изложенное в комментируемом письме (см.: *T в восп совр*, т. 2, с. 349—350). "Плохая" пьеса, в которой играла Савина со знаменитым актером С.В. Шумским, — одноактная комедия М.М. Достоевского "Старшая и младшая". Актриса исполняла роль Авдотьи Николаевны. Это было одно из первых выступлений Савиной в Петербурге на сцене Александринского театра, о котором она оставила воспоминания (см.: С а в и н а М.Г. Горести и скитания. Л., 1983. С. 104—105).

[7] Имеется в виду будущий император Александр III, вступивший на престол в 1881 г. В воспоминаниях Савиной тоже упоминается, что "наследник-цесаревич пожелал смотреть пьесу". "Я чуть с ума не сошла от восторга, глядя на переполненную царскую ложу", — писала позднее актриса (С а в и н а М.Г. Горести и скитания. С. 105.)

[8] Очевидно, речь идет о Я.П. Полонском, которому Тургенев назначал встречу на 8(20) мая (см. письмо № 3680).

[9] Тургенев говорит о С.К. Брюлловой (урожд. Кавелиной), дружеское общение и переписка с которой начались в 1872 г. Впоследствии С.К. Брюллова написала статью о романе Тургенева "Новь" (см.: *Лит Насл*, т. 76, с. 297—315, а также вступительную статью и комментарии Н.Ф. Будановой, подробно освещающие историю знакомства Тургенева с Кавелиной).

[10] См. письмо № 3683, примеч. 6.

[11] Подробнее об отношении Тургенева к нидерландскому искусству и о виденных им в Эрмитаже картинах см.: З а б о р о в П.Р. И.С. Тургенев и западноевропейское изобразительное искусство // Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986, с. 134—137.

[12] Речь идет о картине Рембрандта "Девушка с метлой", проданной в 1930 г. американскому миллионеру Эндрю Меллону, который в это время приобрел значительную часть шедевров Эрмитажа. Свою коллекцию Меллон завещал г. Вашингтону, и она стала основой Вашингтонской национальной галереи, где картина находится в настоящее время (см. об этом: Огонек, 1989, № 8, с. 28). Высокий отзыв Тургенева об этой картине Рембрандта содержится в воспоминаниях Л.Ф. Нелидовой — см.: *Т в восп совр*, т. 2, с. 241 —242.

[13] 4 апреля 1866 г. Д.В. Каракозовым было совершено неудачное покушение на Александра II; по официальной версии царь был спасен мастеровым О.И. Комиссаровым, который был возведен за это в дворянское звание и щедро награжден.

[14] Очевидно, речь идет об одной из покупок Тургенева на аукционе Отеля Друо (см., например, письмо к Кларе Тургеневой № 3568 — наст. изд., Письма, т. 12). О "новой страсти" Тургенева к собиранию картин и японских и китайских предметов из бронзы и фарфора вспоминал Л. Пич (см.: *Т в восп совр*, т. 2, с. 256).

[15] В Москве Тургенев остановился в доме отсутствующего И.И. Маслова.

[16] О каких бумагах идет речь, установить не удалось.

[17] Речь идет об обещанных Тургеневым Марианне Виардо письмах, которые остаются неизвестными.

3688. Полине Виардо (с. 76 и 280)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 204—207.

1 Эти письма неизвестны.

2 Мария Пич была замужем за художником Рудольфом Фойгтлендером.

3 Что имеет в виду Тургенев, не вполне ясно. Возможно, П. Виардо заказала Л. Пичу свой портрет, предпочтя его, таким образом, А. Менцелю.

4 Тургенев ошибается. Общим источником для новеллы Мериме "Маттео Фальконе" (1829) и стихотворения А. Шамиссо "Маттео Фальконе, корсиканец" (1830) был анонимный рассказ, опубликованный в "La Revue trimestrielle" в июле 1828 г., автором которого был, возможно, Севастиани или адвокат Паторни (см. об этом: T r a h a r d P. La jeunesse de Prosper Mérimée. Paris, 1924, p. 438).

5 Возможно, Тургенев просил П. Виардо отослать Пичу "Искушение святого Антония" Флобера, которое он не получил от издателя Шарпантье (см. письма № 3664, примеч. 1 и № 3692, примеч. 2), однако книгу Флобера Тургеневу пришлось выслать самому в октябре (см. письмо № 3810). "Томом", о котором идет речь в письме, могла быть и рукопись перевода "Записок охотника" для 8 и 9 томов собрания сочинений Тургенева (*T, Ausgewählte Werke*). См. письмо № 3692, примеч. 1.

6 См. письмо № 3683, примеч. 11.

7 Перевод этого стихотворения Пушкина, не напечатанного при жизни поэта, вошел в сборник романсов П. Виардо 1874 г. (см. письмо № 3683, примеч. 11).

8 Очевидно, П. Виардо предлагала включить в новый сборник романсов стихотворение Мёрике "Agnes", которое в переводе Тургенева (под названием "Былое счастье") было уже опубликовано в сборнике Иогансена 1871 г.: "Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа". Обычно в письмах к Полине Виардо Тургенев называл это стихотворение по началу первой строки "Rosenzeit" (см. текст перевода: наст. изд., Сочинения, т. 12, с. 303; о работе над переводом см.: Е г у н о в А.Н. Тургенев и Э. Мёрике // *Орл сб, 1960*, с. 234—236, и З а б о р о в а Р.Б. О переводах Тургенева из Мёрике и Гейне (1871) // *T сб*, вып. 2, с. 177—178).

9 В это время Тургенев работал над романом "Новь".

10 Криптоним раскрывается на основании содержания письма.

11 См. письмо № 3683, примеч. 11.

12 Ср. с письмом к Э. Золя № 3706. Речь идет о французском издании романа Флобера "Искушение святого Антония", вы-

шедшего в Париже в 1874 г. в издательстве Шарпантье. Усилия Тургенева опубликовать в "Вестнике Европы" перевод романа окончились неудачей (см. переписку со Стасюлевичем в наст. томе).

[13] Новое министерство было назначено Мак-Магоном 23 мая 1874 г., главами его стали Киссе, консерватор Дюказ и близкий к бонапартистам Фурту. Таким образом, у Тургенева были основания беспокоиться по поводу дальнейшего углубления монархических тенденций во французском правительстве.

[14] Мнение Л. Виардо по этому поводу неизвестно.

[15] Л. Виардо действительно приобрел для своей коллекции еще один портрет Дж.Б. Морони (1525—1578), который был высоко оценен в статье П. Мантца в "Gazette des Beaux Arts" как "полный выразительности портрет мужчины энергического и утонченного" (1874, 1 août, p. 103). Сам Л. Виардо писал Тургеневу в неопубликованном письме от 5 августа н.ст. 1874 г.: "Говорю вам, что со всех точек зрения это дополнение к моей доброй голландке" (собр. Ле Сен, цит. по: *T, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 207).

[16] Клоди и Жорж Шамро.

3689. В.И. Межову (с. 78)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 219, № 47.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 3, с. 217—218.

Письмо датируется предположительно по содержанию и с учетом предварительных планов Тургенева пробыть в Петербурге неделю (см. письма к Н.С. Тургеневу от 2 до 9 мая ст.ст., Н.А. Кишинскому от 9 мая ст.ст.). Поскольку публикацию, о которой идет речь в письме, Тургенев хотел получить до отъезда в Москву, где он должен быть встретиться с Ф.И. Салаевым, то, скорее всего, Тургенев обратился к Межову сразу по приезде, т.е. в первые дни после 7(19) мая 1874 г.

[1] Имеется в виду "Поездка в Альбано и Фраскати (Воспоминание об А.А. Иванове)" (Век, 1861, № 15, с. 521—526).

[2] Очевидно, Межов откликнулся на просьбу писателя, так как очерк об А.А. Иванове вошел в 1-й том салаевского собрания сочинений Тургенева в 8-ми т., вышедший в 1874 г. (с. 91—103).

[3] Очерк Тургенева был учтен В.И. Межовым в "Библиографическом указателе вышедших в 1861 году в России книг и статей по части географии, топографии, этнографии и статистики" (СПб., 1863; см. № 1178, с. 94) (то же в конволюте "Литература русской географии, этнографии и статистики. 1859—1863", СПб., 1861—1864, т. 1).

[4] Гостиница Демут (Большая Конюшенная, 27), носившая имя ее основателя, Ф.Я. Демута (1750—1802) и принадлежавшая в это время А. Ломач (см.: М и х н е в и ч В. Петербург весь на ладони. СПб., 1874, с. 485).

3690. Полине Виардо (с. 78 и 282)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, P. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 196—197; в русском переводе — Иностранная литература, 1971, № 1, с. 190.

[1] Упомянутые Тургеневым письма от Полины Виардо и Марианны Виардо, как и его письмо к Марианне, неизвестны.

[2] См. письмо № 3683, примеч. 2.

[3] С итальянским литератором и общественным деятелем Микеланджело Пинто Тургенев познакомился в ноябре 1856 г. по рекомендации Герцена и принял участие в его устройстве на должность преподавателя итальянского языка Петербургского университета в 1859—1860 гг. (см.: наст. изд., Письма, т. 4, № 894 и № 916, а также: Алексеев М.П. Микеланджело Пинто // Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983, с. 401—403).

[4] Тургенев видел С.В. Шумского, гастролировавшего тогда в Петербурге, в пьесе А.В. Сухово-Кобылина "Свадьба Кречинского" (1856).

[5] Давний знакомый Тургенева и супругов Виардо С.А. Гедеонов с 1863 г. состоял в должности директора Эрмитажа.

[6] А.Е. Тимашев с 1856 по 1861 г. был начальником штаба Корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением, а с 1868 г. — министром внутренних дел.

[7] С 1866 г. министром народного просвещения стал Д.А. Толстой, имя которого связано с проведением крайне реакционных мер в системе народного просвещения. До него (1861—1866) этот пост занимал один из либеральных деятелей реформы А.В. Головнин.

[8] Это письмо, очевидно, было написано Тургеневым, но до нас не дошло.

3691. Бернгарду Эриху Бере (с. 80 и 284)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre*, S. 565.

Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о материалах для девятого тома "Избранных сочинений" Тургенева в издании Бере. "Последний очерк охотника" — это, по-видимому, "Стучит!" или "Конец Чертопханова" (в девятом томе митавского издания именно "Конец Чертопханова" находится на предпоследнем месте). См. письма № 3668, примеч. 2, № 3682, № 3738 и № 3692.

[2] О К. фон Глюмер, переводчице "Фауста" и "Первой любви", Тургенева, см.: наст. изд., Письма, т. 12, № 3375, № 3414. Неизвестно, воспользовался ли Бере ее услугами.

3692. Людвигу Пичу (с. 81 и 284)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано: в английском переводе — The Saturday Review, 1909, 20 February, N 2728. Supplement, p. III; во французском переводе — Revue Bleue, 1909, 20 février, N 8, p. 228. В немецком оригинале — *Pietsch,* S. 121; в русском переводе — *Письма* к *Пичу,* с. 163—164.

[1] Видимо, речь идет о рукописи перевода "Записок охотника", опубликованного в 8-м и 9-м томах издания: *T, Ausgewählte Werke.*

[2] Имеется в виду "Искушение святого Антония" Г. Флобера. См. письмо № 3664, примеч. 1.

[3] Письмо Пича к Вере неизвестно.

[4] Так в письме иронически назван Б.-Э. Бере. Berserker — древнескандинавский воин, принимавший настойку из мухоморов, почему его и считали безумцем. Тургенев считал "безумным" предпринятое Бере многотомное собрание своих сочинений, к тому же на немецком языке.

[5] Тургенев просил Пича сравнить немецкий перевод "Живых мощей" с французским, помещенным в № 4741 "Le Temps" от 8 апреля, в связи с публикацией этого рассказа в 9-м томе издания: *T, Ausgewählte Werke.*

3693. Полине Виардо (с. 81 и 285)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T, Nouv corr. inéd,* t. 1, p. 207—210; в русском переводе (отрывок, касающийся постановки пьесы А.Н. Островского "Лес") — *Лит газета,* 1972, 20 сентября, № 38, с. 7.

[1] В Буживаль Тургенев приехал 15(27) августа.

[2] Тургенев, употребляя это испанское выражение, намекает на антирелигиозные убеждения Луи Виардо, выпустившего в 1867 г. книгу "Апология неверующего" (позднее издавалась под заглавием "Свобода совести" — см. письмо № 3725).

[3] Г-жа Альган — владелица дома в Буживале, который супруги Виардо снимали летом 1873 и 1874 гг.

[4] Несомненно, намек на добровольную эмиграцию семьи Виардо в 1863 г. из Франции в Германию (Баден-Баден), где они прожили до начала франко-прусской войны 1870 г.

[5] См. письмо № 3686.

[6] О какой публикации в "Atlantic Review" идет речь, установить не удалось.

[7] Ср. с письмом к П. Виардо № 3690 и примеч. 5 к нему. Об отношении Тургенева к С. Гедеонову см.: Никитина Н.С. О реальной основе "стихотворения в прозе" И.С. Тургенева "*Мои* деревья" // *Рус лит,* 1982, № 1, с. 176—180.

[8] О каком либретто С. Гедеонова идет речь, неизвестно. К популярности музыки Верди Тургенев и П. Виардо относились скептически.

[9] О постановке на сцене Александринского театра пьесы Островского "Лес" и исполнении С. Шумским роли Счастливцева в ней Тургенев писал Островскому (см. письмо № 3709 и примеч. 6 к нему).

[10] Генерал Бум — главный герой оперетты Ж. Оффенбаха "Герцогиня Герольштейнская".

[11] В картинной галерее А.А. Кушелева-Безбородко, поступившей по завещанию в 1862 г. в Академию художеств, было немало картин современных западноевропейских художников, в том числе Э. Делакруа, К. Коро, А. Шеффера и др. Здесь находилась и картина Ж. Дюпре, с которым Тургенев, приобретший в 1875 г. его полотно "Хижины", переписывался (см.: наст. изд., Письма, т. 14). О коллекции Кушелева-Безбородко см.: Сомов А.И. Картинная галерея графа Кушелева // Иллюстрация. 1862. Т. 10, № 249—250. С. 394—395; Каталог галереи графа А.А. Кушелева-Безбородко. СПб., 1886.

[12] См. письмо № 3683, примеч. 6.

[13] См. письмо № 3696.

3694. М.В. Авдееву (с. 83)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, 1931м., л. 3.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 238.

О своем намерении увидеться с Авдеевым Тургенев писал в письмах № 3592 и № 3657. По связи с ними настоящая записка, в которой Тургенев договаривается о встрече, датируется 1874 г. В 1874 г. Тургенев был в Петербурге с 7(19) мая по 27 мая (8 июня). Понедельники в этот промежуток времени приходились на 13(25) мая и 20 мая (1 июня).

3695. Н.А. Кишинскому (с. 83)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 58.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС* и *П, Письма*, т. X, с. 239.

[1] См. письмо № 3702.

3696. Полине Виардо (с. 84 и 287)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *Т, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 210—212; в русском переводе (с сокращениями) — Неделя, 1972, № 36, с. 12.

[1] В действительности Тургенев приехал в Москву 28 мая (9 июня) 1874 г., задержка в Петербурге была связана с болезнью (см. письмо № 3698).

[2] Эти письма П. Виардо неизвестны.

[3] Меттре — поселок в 6 км от Тура, где находилась сельскохозяйственная исправительная колония, основанная в 1840 г. Демецем. Здесь содержались несовершеннолетние преступники, которым надлежало вынести оправдательный приговор.

[4] Речь идет об одном из романсов П. Виардо из нового сборника 1874 г. (см. письмо 3683, примеч. 11). Возможно, это был романс на слова Р. Поля "Слепец" ("Nachtwandler"), который вышел с посвящением О.А. Петрову (см. письмо № 3701).

[5] О каком скульптурном портрете П. Виардо идет речь, неизвестно. Возможно, это была копия с одного из известных бюстов певицы или вариант одного из них. Известна скульптура П. Виардо в костюме Орфея работы Эме Милле (находится в Музее оперы в Париже), однако певица изображена без лаврового венка. Бюст П. Виардо работы Каррье-Белёза (1861), хранящийся в Эрмитаже (до недавнего времени считался скультурным изображением Ж. Санд) тоже не имеет лаврового венка (см.: *Cahiers*, 1985, N 9, p. 119).

[6] А.Я. Петрова (урожд. Воробьева) была известной певицей Петербургской оперы.

[7] Речь идет об отрывках из оперы "Борис Годунов", поставленной в Малом театре в Петербурге 8 февраля 1874 г., и начатой в 1872 г. опере "Хованщина", которая не была окончена композитором и лишь после его смерти была завершена Н.А. Римским-Корсаковым.

[8] Тургенев имеет в виду издание драматических произведений Пушкина (Pouchkine Alexandre. Poèmes dramatiques. Paris, 1862), куда входил и "Борис Годунов", переведенных им при участии Луи Виардо.

[9] Знакомство с музыкой Мусоргского было переломным в отношении Тургенева к новой русской музыкальной школе. Очевидно, встреча с композитором произвела на него сильное впечатление, благодаря которому Тургенев отложил свой отъезд из Петербурга, чтобы познакомиться с другими представителями "могучей кучки" (см. письмо № 3697).

[10] Имеется в виду "Хованщина".

3697. Н.С. Тургеневу (с. 86)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 135. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 25 мая 1874. Москва. 3 ⟨ч⟩ п.п. дня".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 239.

[1] См. письмо № 3684, примеч. 1.

3698. Полине Виардо (с. 86 и 288)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 212—214.

[1] Подробное описание этого вечера содержится в воспоминаниях В.В. Стасова (см.: *Т в восп совр*, т. 2, с. 106—108). Молодой человек, проводивший Тургенева до гостиницы и оставшийся на ночь, — певец-любитель В.П. Опочинин, который, по словам Стасова, доложен был исполнить для писателя романсы "новой русской школы".

[2] Речь идет о С.П. Боткине.

[3] Об отношении Тургенева к "могучей кучке" см. письма № 3687, примеч. 5, № 3696, примеч. 9.

[4] Среди учениц П. Виардо г-жа Щербачева не известна. О ее дружбе с П. Виардо во время гастролей певицы в Варшаве в 1857 г. сведений, судя по разысканиям Г. Дюлона и А. Звигильского, обнаружить не удалось. Тургеневу пришлось ознакомиться с музыкальными произведениями Н.В. Щербачева, однако мнение о них сложилось у писателя невысокое (см. письма № 3836 и № 3871).

3699. И.В. Гордеевой-Щербинской (с. 88)

Печатается по тексту первой публикации: Гордеева-Щербинская И. Чтение для детей. СПб., 1886, с. 1. Подлинник неизвестен.

В тексте публикации в дате письма, очевидно, допущена ошибка: "26-го марта" вместо "26-го мая".

[1] Речь идет о произведениях Гордеевой-Щербинской: "Катя", "Похождения любопытной белки", "Маленькая нищенка", "Приезд на каникулы", "Горбушка", "Ночь на Иванов день", "Дядин друг", "История котенка Киски", прочитанных Тургеневым в рукописи (см.: Гордеева-Щербинская И. Катя: Повесть. 2-е изд. СПб., 1904. С. VI). Перечисленные произведения Гордеевой-Щербинской вошли в ее книгу "Чтение для детей" (СПб., 1875).

[2] В рецензии на книгу "Чтение для детей" И. Гордеевой-Щербинской (Женское образование. 1888. № 2. С. 106) высказывалось предположение, что "Ночь на Иванов день" была навеяна "Бежиным лугом", потому-то она "особенно понравилась" автору "Записок охотника", "любезный" отзыв которого, по мнению рецензента, не следует понимать "в прямом смысле", но скорее как тонкую иронию по адресу И. Гордеевой-Щербинской: Тургеневу "не могло понравиться такое изображение русской жизни, которое совершенно не носит в себе характера русской деревни".

3700. Н.С. Тургеневу (с. 89)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 137. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Москва. Пол. 27 мая".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 240.

Стр. 89, "почечная колика" (*франц.*).

[1] Эта телеграмма И.С. Тургенева неизвестна.

3701. Полине Виардо (с. 89 и 290)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано во французском оригинале — *Т, Lettres inéd*, p. 198—200.

[1] Цитата из речитатива Арзаче в 1-м действии оперы Россини "Семирамида" (1823).

[2] Ни одно из этих писем П. Виардо к Тургеневу до нас не дошло.

[3] Очевидно, это было письмо № 13 (по нумерации Тургенева), но оно неизвестно.

[4] Тургенев имеет в виду приступ, который случился с ним на музыкальном вечере у В.В. Стасова (см. письмо № 3697 и примеч. 1 к нему).

[5] Эта телеграмма неизвестна.

[6] О каком представлении "Ревизора" идет речь, установить не удалось.

[7] В первой публикации это слово было прочитано предположительно как "dame" ("дама"), французский комментатор этого письма А. Звигильский теперь считает, что это искаженное написание слова "gamme" ("гамма"). Предложенное чтение слова как английского "game" ("игра") точно соответствует написанному в подлиннике, однако вероятность того, что его следует читать как "dame" (т.е. Тургенев мог ошибочно вместо первой буквы поставить русскую "д") остается.

[8] Цитата из стихотворения А. де Мюссе "Воспоминание" ("Le Souvenir", 1841) дается в переводе В.С. Давиденковой. Стихотворение, возможно, посвящено П. Виардо, которой Мюссе сделал предложение и получил отказ (в 1840 г.). (см.: *Dulong, Viardot*, p. 35—39).

[9] См. письмо № 3683, примеч. 11.

[10] Это письмо П. Гейзе к Тургеневу неизвестно.

[11] Портрет П. Виардо, над которым работал в это время А. Харламов, был закончен в 1875 г. (ныне находится в собрании Болье, Париж).

[12] "Мирейль" — пятиактная опера Ш. Гуно (либретто М. Карре) на сюжет поэмы провансальского поэта Фр. Мистраля (1859), первая постановка — 19 марта 1864 г. в Лирическом театре (см.: наст. изд., Письма, т. 5, № 1586, 1590, 1591 и примеч. к ним). Оче-

видно, на одном из музыкальных утренников П. Виардо в Париже были исполнены отрывки из этой оперы.

[13] Об отношении Тургенева к В. Гюго см. работу М.П. Алексеева "Виктор Гюго и его русские знакомства" (Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 460—475).

[14] Бильбоке — тип беспринципного дельца в комедии Т. Дюмерсана и Ш. Варена "Шарлатаны" ("Les Saltimbanques", 1831).

[15] Это письмо Марианны Виардо неизвестно.

[16] Упомянутое стихотворное послание Тургенева к Марианне Виардо до нас не дошло.

[17] Эта поездка в Ноан не состоялась, предыдущая была осенью 1873 г. (см. о ней: Waddington P. Turgenev and George Sand. Wellington, 1981. P. 77—85).

[18] В письме от 1 июня н.ст. 1874 г. Флобер писал Тургеневу: «Дело не идет на лад. Временами мне кажется, что я опустошен. Я ощущаю то, что мистики называют состоянием засухи. ⟨...⟩ О! если бы можно было, подобно змее, сбросить старую кожу, обновить свое "я", омолодиться!» (см.: Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev: Correspondance. Paris, 1989. P. 145—146).

[19] Это письмо, как и ряд последующих писем Тургенева из этой серии, неизвестны.

3702. Н.А. Кишинскому (с. 92)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 59.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 240.

[1] См. письма № 3704 и № 3705.

3703. Людвигу Пичу (с. 92 и 293)

Печатается по подлиннику: *DSB*.

Впервые опубликовано (с неправильной датой — 1(13) мая 1874 г.): в английском переводе — The Saturday Review, 1909, 20 February, Supl. N 2782. P. II; в русском переводе — *ВЕ*, 1909, № 6, с. 634—635. Вновь опубликовано: *Briefe an Pietsch*, S. 91—92.

[1] Это письмо Пича неизвестно.

[2] 22 июля (3 августа) 1874 г., возвращаясь из России, Тургенев заехал в Берлин. Пич в это время был в Италии (см.: Vossiche Zeitung, 1874, 9. Juli, N 157. S. 3. Прилож.).

[3] Видимо, речь идет о переводе "Живых мощей" для издания: *T, Ausgewählte Werke* (см. письмо № 3691). О французском переводе "Живых мощей" см. письмо № 3651, примеч. 3.

[4] Вероятно, Тургенев имеет в виду переводчиков или сотрудников митавского издания. Письмо Тургенева к Мейреру неизвестно.

[5] Тургенев ошибся: Н.И. Тургенев скончался 29 октября (10 ноября) 1871 г. С упоминания этой даты начинается некролог декаб-

риста, написанный самим Тургеневым (см.: наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 175). О каком королевском подарке от вдовы Н.И. Тургенева Клары Виарис идет речь, установить не удалось. О г-не Д. в литературе о Н.И. Тургеневе и в архиве семьи Тургеневых никаких сведений не обнаружено. Лишь в публикации М.П. Султан-Шах "Тургенев в дневниках Ф.Н. Тургеневой" (см.: *Лит Насл*, И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования, т. 76, с. 364, 401) упоминается некий Дьяков в записи 1863 г. В примечании сказано, что возможно (?) это Дьяков Николай Николаевич, муж В.А. Бакуниной, с которой Тургенев встречался в 1840-х годах в Германии и в Италии (см.: *Т, ПСС и П, Письма*, т. I, с. 665). Но, быть может, речь идет о Дмитрии Алексеевиче Дьякове (1823—1891) — друге молодости Л.Н. Толстого, также известном Тургеневу. О нем часто упоминается в письмах И.П. Борисова к Тургеневу (см., напр., *Т.сб*, вып. 4. с. 354—395).

6 У Клоди Виардо родилась дочь 8(20) декабря. См. письмо № 3868.

3704. Ю.П. Вревской (с. 93)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ*, ф. 213, Щ 10—4.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 5, с. 463, с пропуском обращения ("баронесса"), замененного точками, и с некоторыми неточностями.

Стр. 93. самое большее (*франц.*).

1 Речь идет о посещении Тургеневым имения Н.И. Вревского, пасынка Ю.П. Вревской, Мишково (Малоархангельского уезда Орловской губернии), где она жила в это время.

3705. Ю.П. Вревской (с. 94)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ*, ф. 213, Щ 10—5.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 5, с. 463—464, с пропуском обращения ("баронесса"), замененного точками.

Стр. 94. известно всякому (букв.: как белый волк) (*франц.*).

1 См. письмо № 3704, примеч. 1.

3706. Эмилю Золя (с. 94 и 294)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam., Corr*, p. 213—215.

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, N 4, p. 139—140; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1897, № 5, с. 199—200.

В тексте публикации число не соответствует указанному дню недели: 5(17) июня в 1874 г. приходилось на среду.

1 Тургенев имеет в виду отсутствие международного соглашения по вопросу об авторском праве и литературной собственно-

сти. Попытка выработать проект такой конвенции была сделана на Международном литературном конгрессе в Париже (1878), в работе которого Тургенев принял активное участие (см.: Congrès international littéraire, 1878, Paris, 1879, p. 185, 330—331 etc.).

[2] Речь идет о переговорах Тургенева со Стасюлевичем. Опасения, высказанные Стасюлевичем, были лишь отговоркой осторожного издателя, не желавшего связывать себя какими-либо обещаниями с мало ему известным автором: в октябрьском номере "Вестника Европы" без разрешения Золя было помещено пространное изложение "Завоевания Плассана", сделанное А.Н. Энгельгардт (*ВЕ*, 1874, кн. 10, с. 685—791). Об этом см. главу «Эмиль Золя — сотрудник "Вестника Европы"» в кн.: К л е м а н М.К. Эмиль Золя. Л., 1934, с. 267—268.

[3] Под этим названием в мае 1874 г. в Петербурге появилось сокращенное (по цензурным соображениям) издание романа "Добыча" на русском языке. Полный перевод романа (под названием "Подачка собакам"), напечатанный "без предварительной цензуры" в том же 1874 г., был запрещен ввиду того, что "роман этот может иметь на неопытного читателя развращающее влияние». См.: Д о б р о в о л ь с к и й Л.М. Запрещенная книга в России: 1825—1904. М., 1962. С. 114—115.

[4] Золя с большим сочувствием отнесся к предложению Стасюлевича и согласился на все его условия. "Конечно, — писал он 29 июня 1874 г. Тургеневу, — я с восторгом принимаю предложения, которые вы мне делаете от имени главного редактора журнала" (*Zola, Corr,* t. II, p. 357).

[5] Имеется в виду роман Золя "Проступок аббата Муре".

[6] См. письмо № 3707. С 30 июня по 19 июля 1874 г. Флобер находился в Швейцарии, в курортном местечке Кальтбад на горе Риги. См.: *Flaubert, Corr,* S. VII, p. 175; *Flaubert, Corr, Suppl,* t. 3, p. 133.

[7] Предвидя цензурные затруднения, Стасюлевич в конце концов отказался от мысли напечатать "Искушение святого Антония" в своем журнале. См. письмо № 3610, примеч. 2.

[8] По-видимому, это замечание Тургенева было вызвано активизацией во Франции монархических сил — орлеанистов и в особенности сторонников Империи.

3707. Гюставу Флоберу (с. 96 и 295)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ,* Р. I, оп. 29, № 188, л. 156—158. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 9, P. 775—777; в русском переводе — *Рус Мысль,* 1896, № 8, с. 40—41.

[1] Письмо Флобера к Тургеневу от 1 июня 1874 г. было послано при посредничестве П. Виардо, так как Флобер потерял письмо к нему Тургенева от 5(17) мая 1874 г. с петербургским адресом последнего (см.: *Flaubert, Corr, Suppl,* t. 3, p. 126).

[2] Флобер выехал из Круассе 25 июня 1874 г., направляясь в Швейцарию. См. письмо № 3706, примеч. 6.

[3] См. письмо № 3706, примеч. 5.

[4] См. письмо № 3706, примеч. 2 – 4.

[5] Упоминание "Искушения святого Антония" объясняется тем, что судьба его, по-видимому, обсуждалась в беседах Тургенева со Стасюлевичем в Петербурге; пишет Тургенев об этом осторожно и намеренно неопределенно, не опровергая сообщенной в свое время Флоберу версии о цензурном запрещении русского перевода книги, но и не подтверждая ее. См. письмо № 3610, примеч. 2, № 3706, примеч. 7.

[6] См. письмо № 3706, примеч. 8.

[7] Речь идет о так называемых "обедах пяти", на которые с 14 апреля 1874 г. начали более или менее регулярно собираться Флобер, Тургенев, Золя, Доде и Э. де Гонкур. "Освистанными драматургами" Тургенев называет своих французских друзей потому, что все они в разное время потерпели неудачи на театрально-драматургическом поприще. Очевидно, к "освистанным драматургам" он относил и себя, вспоминая о неуспехе некоторых своих ранних драматических произведений ("Безденежье", "Где тонко, там и рвется", отчасти — "Нахлебник"). См.: наст. изд., Сочинения, т. 2, с. 568 – 570, 579 – 580, 599; а также: D a u d e t A. Trente ans de Paris: A travers ma vie et mes livres. Paris, 1888, p. 335.

[8] О предполагавшейся поездке Э. и К. Комманвиль в Россию см.: *Flaubert, Corr, Suppl.* t. 3, p. 128, 134.

3708. П.В. Шумахеру (с. 97)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 306, карт. 3, ед. хр. 24.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 245.

[1] Упомянутые письма Шумахера неизвестны.

[2] По всей вероятности, Шумахер переслал Тургеневу один из отрывков воспоминаний В.А. Соллогуба "Пережитые дни. Рассказ о себе по поводу других", которые начали публиковаться в газете "Русский мир" в апреле 1874 г. См.: письмо № 3791, примеч. 2.

[3] Шлоссбрунн — источник в Карлсбаде, где лечился в это время Шумахер.

[4] Имеется в виду "статейка" Б.М. Маркевича "Три последние произведения г. Тургенева", напечатанная в майском номере катковского "Русского вестника" за 1874 г., в которой разбирались "Живые мощи", "Наши послали!" и "Пунин и Бабурин"; особенно резкими были отзывы о "Пунине и Бабурине". С реакционных позиций, в духе М.Н. Каткова, с которым Тургенев к тому времени окончательно порвал, Б.М. Маркевич обвинял Тургенева в заигрывании с молодежью и с передовой, демократически настроенной частью русского общества.

3709. А.Н. Островскому (с. 98)

Печатается по подлиннику: *ЦГТМ*, ф. А.Н. Островского, № 20019.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, с. 590—592.
Стр. 98. Я сказал и спас душу (*лат.*).

1 См. письмо № 3606, примеч. 1.

2 См. письмо № 3620, примеч. 1.

3 Тургенев предполагал напечатать перевод "Грозы" в "Revue des Deux Mondes", но его хлопоты не увенчались успехом (см. об этом: *Алексеев, Т-пропагандист*, т. 1, с. 66—67). Перевод "Грозы" был напечатан Дюраном вместе с другими пьесами Островского ("Не в свои сани не садись" и "Снегурочка") в издании: O s t r o v s k y A.N. Chefs-d'œuvre dramatiques / Traduits du russe avec l'approbation de l'auteur et précédés d'une étude sur la vie et les œuvres de A.N. Ostrovsky par E. Durand-Gréville. Paris: Librairie Plon, 1889, p. 95—215.

Впервые на французском языке "Гроза" в переводе А. Легрелля появилась в 1885 г. (O s t r o v s k i j A.N. L'orage: Drame en cinq actes et en prose / Traduit par A. Legrelle. Gand, imp. F.-L. Dullé-Plus, 1885, XIV (2), 132 p.). 8 марта 1889 г. "Гроза" в переводе И. Павловского и О. Метенье была впервые поставлена в Париже, в театре Бомарше. Текст перевода см.: P a v l o v s k y I. et M é t é n i e r O. traducteurs. La puissance des ténèbres, par le comte Léon Tolstoi suivi de l'Orage et de Vassilissa Melentieva par Alexandre Nikolaievitch Ostrovsky. Paris: Calman Lévy, 1889, p. 285—393.

4 Речь идет о встрече с М.Н. Островским во время пребывания Тургенева в Петербурге с 7(19) мая по 27 мая (8 июня) 1874 г.

5 В ответном письме от 14 июля ст. ст. 1874 г. Островский, заканчивавший в то время работу над пьесой "Трудовой хлеб", сообщает о согласии на печатание "Грозы" в переводе Дюрана и желании переделать "Грозу" для "французской сцены" (см.: *Островский*, т. 15: с. 37—38). См. также примеч. 5 к письму № 3335 (наст. изд., Письма, т. 12).

6 "Лес" Островского Тургенев видел в Александринском театре 17(29) мая 1874 г. (постановка пьесы была возобновлена 26 апреля (8 мая) 1874 г.). Роль трагика Несчастливцева исполнял актер Александринского театра П.С. Степанов, роль Счастливцева впервые в Петербурге играл артист Малого театра С.В. Шумский (Чесноков) (см.: Голос, 1874, 28 апреля (10 мая), № 116, с. 3).

3710. Полине Виардо (с. 99 и 296)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 215—217.

[1] "Реквием" Верди был создан в 1874 г. в память об итальянском писателе А. Мандзони, умершем в 1873 г.

[2] См. письмо № 3697, примеч. 1.

[3] Беспокойство Тургенева вызвано тем, что в это время Клоди Шамро ждала ребенка.

[4] Речь идет об опере К. Сен-Санса "Самсон и Далила", завершенной лишь в 1877 г. 20 августа 1874 г. на частной сцене в Круасси состоялось первое представление второго действия оперы, посвященной Сен-Сансом Полине Виардо, которая исполнила заглавную роль. Аккомпанировал на представлении сам композитор. П. Виардо позднее описала это событие в статье "Юность Сен-Санса" (Musica, 1907, Juin, p. 84). Опера была задумана как оратория, либретто к ней написал Ф. Лемер. О процессе создания оперы и ее сценической судьбе, в том числе и постановке в Круасси, см.: Teller Rather S. La genèse et la fortune de "Samson et Dalila" // *Cahiers*, 1985, № 9, p. 109—121; Zviguilsky A. L'exécution de second acte de "Samson et Dalila" à Croissy // Ibid. P. 123—124.

Тургенев не смог присутствовать на премьере. Вернье не участвовал в этой постановке, он исполнил роль Самсона в первой постановке "Самсона и Далилы" на сцене Grand Opéra 23 ноября 1892 г.

[5] Школа в Спасском была открыта в 1863 г.

[6] Тургенев пересказывает эпизод из Нового Завета (Лук. I, 5—19).

[7] Богадельня в Спасском была построена в 1872 г. (см. письмо к Н.А. Кишинскому № 3195 и примеч. 1 к нему — наст. изд., Письма, т. 11).

[8] Речь идет о рассказе "Стучит!", который был написан по просьбе Ф.И. Салаева для 1-го тома Собрания сочинений Тургенева, вышедшего в 1874 г. в издательстве бр. Салаевых (см. письмо № 3715 и примеч. 3 к нему).

[9] Н.И. Трубецкой, принявший католичество, умер в Париже 11 июня н. ст. 1874 г.

[10] Тургенев обыгрывает какую-то фразу из неизвестного нам письма к Марианне Виардо.

[11] Имеется в виду Клоди Шамро.

3711. Н.В. Гербелю (с. 101)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 179, № 12, л. 267—268.
Впервые опубликовано: Атеней, III, 1926, с. 121—122.

[1] Имеется в виду книга: Хрестоматия для всех: Русские поэты в биографиях и образцах / Сост. Н.В. Гербель. СПб., 1873. Книга вышла в одном томе, вместе с которым Салаев, вероятно, передал Тургеневу какие-то другие работы Гербеля.

[2] Все указанные Тургеневым ошибки и неточности были исправлены Гербелем при подготовке к печати второго издания книги "Русские поэты в биографиях и образцах" (1880), кроме одной: Озеров и во втором издании назван Владимиром.

3712. Н.С. Тургеневу (с. 102)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 139. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 11 июня 1874 г. Москва. Вечер. 7 час.".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 248.

1 Имение И.С. Тургенева Тапки (Малоархангельского уезда Орловской губернии) было продано в 1880 г. (см. письмо Тургенева к Н.А. Щепкину от 6(18) октября 1880 г.), имение Н.С. Тургенева Сычево находилось в Мценском уезде Орловской губернии.

2 О какой газете идет речь, неизвестно.

3713. Клоди Шамро (с. 103 и 298)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 256—258; в русском переводе — Иностранная литература, 1971, № 1, с. 197.

1 См. письмо № 3710, примеч. 3.

2 Тургенев приехал в Буживаль на две недели позже указанного срока, 12(27) августа.

3 Это письмо Ж. Шамро к Тургеневу неизвестно. Очевидно, Шамро благодарил писателя за то, что он, согласно обещанию, данному им Луи Виардо, принял значительное участие в составлении приданого для Клоди Виардо, которая вышла замуж в марте 1874 г.

4 Из-за приступа подагры Тургенев задержался в Спасском до 27 июля (9 августа) 1874 г.

5 См. письмо № 3710, примеч. 5.

6 Императрица Евгения — жена Наполеона III Евгения Монтихо.

7 8(20) декабря 1874 г. у Клоди Шамро родилась дочь Жанна Эдме.

8 Очевидно, фотографии сестер Клоди и Марианны Виардо.

3714. А.Ф. Писемскому (с. 105)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3019, с. 64, л. 2—3.

На подлиннике помета А.Ф. Писемского: "Получено в понедельник числа $\frac{17}{29}$ июня".

Впервые опубликовано: *Писемский*, с. 707.

1 Письмо А.Ф. Писемского от 4(16) июня 1874 г. (*Писемский*, с. 264).

2 Сын А.Ф. Писемского, Николай, покончил жизнь самоубийством 13 февраля 1874 г. в возрасте 22 лет (см. объявление в "Ве-

домостях С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции" (1874, 15 февраля, № 38) и письма А.Н. Майкова к А.Ф. и Е.П. Писемским от 15 – 18 февраля, 8 марта 1874 г. в кн.: *Писемский*, с. 581 – 586).

[3] Старший сын А.Ф. Писемского, Павел, был командирован Московским университетом на два года в Геттинген для подготовки магистерской диссертации и усовершенствования в юридических науках. Зиму 1874/75 г. он провел в Париже (см. письмо № 3809).

[4] "К 1-му сентября мы возвратились из нашего заграничного путешествия", – писал Писемский П.В. Анненкову 8(20) сентября 1874 г. из Москвы (*Писемский*, с. 270). Прожив в Москве зиму 1874/75 г., Писемские выехали 30 марта ст. ст. 1875 г. в Париж через Петербург. См. письмо А.Ф. Писемского от 30 марта ст. ст. 1874 г. (Там же. С. 309).

[5] О встрече А.Ф. Писемского с П.В. Анненковым в Баден-Бадене летом 1874 г. см.: *Анненков*, с. 522 – 523.

3715. П.В. Анненкову (с. 106)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 22 – 23.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 249.

Стр. 107. неизданного (*франц.*).

Стр. 107. они лишены девственности (*франц.*).

[1] Речь идет о романе "Новь".

[2] Замысел очерка Тургенева ⟨"Семейство Аксаковых и славянофилы"⟩, оставшегося, по-видимому, незавершенным, относится еще к 1869 г. (см.: наст. изд., Письма, т. 9, № 2439; т. 10, № 2595). В парижском архиве Тургенева имеется черновой автограф начала этого очерка (см.: *Bibl Nat*, Slave 86; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 325, л. 1), вошедшее в *Т, ПСС и П (1)* и *Т, ПСС и П (2)*, см.: наст. изд., Сочинения, т. 11, с. 286. В переписке Аксаковых сведения о разговоре с ними Тургенева на эту тему отсутствуют (см.: наст. изд., Сочинения, т. 9, с. 286, 515 – 518). Еще два черновых автографа очерка были обнаружены А. Звигильским в частном парижском архиве и опубликованы (см.: И.С. Тургенев. ⟨Семейство Аксаковых и славянофилы⟩ (Публикация Н.П. Генераловой, А.Я. Звигильского, В.А. Кошелева) // *Рус лит*, 1995, № 4, с. 146 – 156).

[3] Рассказ "Стучит!" был впервые напечатан в "Сочинениях" И.С. Тургенева (Т. 1. М.: Изд-во бр. Салаевых, 1874, с. 509 – 531).

[4] Об оценке "Пунина и Бабурина" Анненковым см. письмо № 3665, примеч. 1. Тургенев, как это явствует из письма № 3665, как будто бы признал замечания критика справедливыми, но в действительности далеко не все из них учел. См. об этом подробнее в комментарии М.А. Турьян к "Пунину и Бабурину" (наст. изд., Сочинения, т. 9, с. 431).

[5] Это письмо Писемского неизвестно. См. также письмо № 3714, примеч. 2, 3.

[6] Об этой "фантастической встрече" писал и И.А. Гончаров в статье, напечатанной только после смерти обоих писателей — "Необыкновенная история"; статья была написана в декабре 1875 — январе 1876 г.: «Я в этой встрече объяснил Тургеневу, почему я избегаю его, почему не принял его за год перед тем и не отдал ему визита, ни здесь, ни в Париже. "Я вижу, — сказал я, — что вы, то под своим, то под чужими именами, переводите мои романы на немецкий и французский языки, ломая обстановку, перефразируя редакцию, выбирая и разбрасывая по разным местам те или другие выражения, сравнения, картинки, сцены, перенося место действия и т.д."» (см.: Исповедь Гончарова. Необыкновенная история (Истинные события) / Вступит. ст., подготовка текста и коммент. Н.Ф. Будановой // *Лит Насл*, т. 102. М,. 2000. С. 233).

3716. Ю.П. Вревской (с. 108)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ*, ф. 213, Щ 10—6.
Впервые опубликовано:*Щукинский сб*, вып. 5, с. 464, с пропуском имени и отчества адресата, замененных точками.

Стр. 108. "Несмотря ни на что" (*нем.*).

[1] Ю.П. Вревская приезжала в Спасское и прожила там пять дней — с 19 по 24 июня ст. ст. 1874 г. (см. письмо № 3733).
[2] Неполная 16-я строка из стихотворения Лермонтова "Из-под таинственной холодной полумаски..." (1841).

3717. П.М. Грибовскому (с. 108)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 8, л. 4.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 251.

[1] Тургенев жил и лечился в Карлсбаде одновременно с П.М. и Н.А. Грибовскими летом 1873 г. (см.: *Т сб (Пиксанов)*, с. 76; Carlsbader Curliste, 1873, 29. Mai, № 71).
[2] Очевидно, Тургенев имеет в виду поручение Грибовского "по ружейному делу" (см. письмо № 3732).
[3] Письма Тургенева к И. Зеегену неизвестны.

3718. А.А. Фету (с. 109)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 71.
Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 290—291, с пропусками.
Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 252.

[1] Подразумевается предсказание Фета в неизвестном письме к Тургеневу о том, что их встреча не состоится. Тургенев не смог уехать из Спасского в понедельник 17(29) июня 1874 г. из-за приступа подагры.
[2] Это письмо Я.П. Полонского неизвестно.

3719. М.А. Милютиной (с. 110)

Печатается по фотокопии: *РГАЛИ*, ф. 509. Подлинник хранится в Библиотеке Гарвардского университета (США).

Впервые опубликовано: *Рус лит арх*, с. 129.

[1] Отъезд Тургенева из Спасского был отложен из-за болезни.

[2] Милютина в это время жила в деревне Рыбница, недалеко от Змиевки (см. письмо № 3723, примеч. 1). От Степановки (имение Фета) до Змиевки было около 12 верст и до Спасского — около 70 верст.

3720. Полине Виардо (с. 110 и 300)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 202—203.

[1] Тургенев ездил на лечение в Карлсбад летом 1873 г., а затем в 1874 и 1875 гг. (см.: Назарова Л.Н. Тургенев в Карлсбаде // *Т сб*, вып. 2, с. 279—285).

[2] Тургенев использует французскую поговорку, смысл которой соответствует русскому выражению "до́ма и стены помогают".

[3] См. письмо № 3713, примеч. 4.

[4] Судя по нумерации дошедших до нас писем, Тургенев действительно писал П. Виардо почти каждый день, однако бо́льшая часть этих писем остается неизвестной.

[5] Эта телеграмма Тургенева П. Виардо, как и упомянутое выше ее письмо к Тургеневу, неизвестны.

[6] Имеются в виду вступительные экзамены учениц П. Виардо в Консерваторию, где она состояла в должности профессора пения с октября 1871 г. Не удовлетворенная системой консерваторского преподавания и положением, в котором она оказалась, осенью 1875 г. П. Виардо покинула Парижскую консерваторию, предварительно изложив свои взгляды на эти проблемы в письме к тогдашнему директору Консерватории Амбруазу Тома. Письмо П. Виардо было опубликовано во французской прессе (см. об этом: *Dulong, Viardot*, p. 159—160).

[7] Эти письма Клоди и Марианны Виардо, как и ответ им Тургенева, неизвестны.

3721. Ю.П. Вревской (с. 112)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ*, ф. 213, Щ 10—7.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, 5, с. 464—465, с пропуском имени и отчества адресата.

3722. Н.С. Тургеневу (с. 112)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 140. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 17 июня 74. Москва. 8 ч. вечера".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 10, с. 127—128, с сокращениями.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 253—254.

Стр. 112. пузырек масла Женевуа из индийских каштанов (*франц.*).

Стр. 112. рулон йодистой ваты (ваты, употребляемой против подагры, — *нем.*) Ваттисона (*франц.*).

3723. А.А. Фету (с. 113)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 75.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 291—292, с пропусками.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 254.

Стр. 113. Это надо иметь в виду (*франц.*).

[1] Змиевка — новая железнодорожная станция и поселок при ней в 42 км к югу от Орла. Рыбница — деревня южнее Змиевки.

[2] Подразумевается имение Фета Степановка. См. письмо № 3719, примеч. 2.

3724. П.М. Грибовскому (с. 113)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 8, л. 7.

Впервые опубликовано: *Т сб (Пиксанов)*, с. 113, неполностью.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 254—255.

[1] См. письмо № 3717, примеч. 3.

[2] О.А. Петров, с которым Тургенев встречался в Карлсбаде летом 1873 г. (см.: Carlsbader Curliste, 1873, 12, Juli. № 157), в 1874 г. туда не приезжал.

3725. Полине Виардо (с. 114 и 301)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *Т, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 217—219.

[1] См. письмо № 3693, примеч. 2.

[2] Речь идет о П.М. Грибовском (см. письмо № 3732).

[3] В библиотеке Тургенева в Спасском "Письма русского путешественника" имелись в двух изданиях — 1797 и 1803 г. В "Письмах" Карамзин подробно рассказывает о своих театральных впечатлениях в Париже. Сравнивая французскую школу исполнительского мастерства с итальянской, Карамзин отдает предпочтение французской, соединяющей пение с драматическим искусст-

вом, "два таланта, которые не всегда бывают вместе" (см.: Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Л., 1984, т. 1, с. 320—321). О Руссо в роли Орфея в одноименной опере Глюка Карамзин писал: "Какой итальянский получеловек может петь сию несравненную Глукову арию с таким сердечным выражением, как Руссо, молодой, статный, прекрасный Руссо, достойный Эвридики?" (там же, с. 321). Упоминание оперы Глюка в письме Тургенева связано с тем, что именно партия Орфея стала последним триумфом П. Виардо на большой сцене в 1859 г.

[4] Карамзин подробно описывает игру знаменитого трагика Ж. Ларива в трагедии Вольтера "Эдип" (1718) (см.: Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Т. 1, с. 323—324).

[5] См.: Там же, с. 320.

[6] Приведенные слова служат доказательством того, что Тургенев был знаком с историей публикации "Писем русского путешественника", к работе над которыми Карамзин возвращался неоднократно. Большие изменения были внесены Карамзиным в эпизоды, касающиеся Французской революции, свидетелем которой он оказался. Действительно, в первом издании "Писем" не содержалось резких оценок революции, которые появились позже (см.: Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Т. 1, с. 314—417). О Робеспьере в "Письмах" упоминается лишь однажды, в связи с казнью Лавуазье (там же, с. 351—352); слова Тургенева о том, что Карамзин стал поклонником Робеспьера, заставляют предположить, что это впечатление он почерпнул из книги Н.И. Тургенева "Россия и русские", которая вышла в 1847 г. в Париже на французском языке. Здесь Н.И. Тургенев утверждал, что Карамзин был поклонником Робеспьера и даже плакал при известии о его смерти (Tourguéneff N. La Russie et les Russes. Paris, 1847, t. 1, p. 326). О творческой истории "Писем русского путешественника" см.: Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор "Писем русского путешественника". СПб., 1899, с. 158—237). Тургенев прав, говоря о том, что подлинники писем Карамзина утрачены: архив писателя целиком сгорел во время московского пожара 1812 г. (см. также: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987).

3726. Клоди Шамро (с. 115 и 303)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 258—260.

[1] См. письмо № 3710, примеч. 3. Письма Клоди Виардо к Тургеневу неизвестны.

[2] Эта телеграмма не сохранилась.

[3] Бракосочетание Клоди Виардо и Жоржа Шамро состоялось 7 марта н.ст. 1874 г.

[4] Сорт английских духов.

[5] Очевидно, речь идет о картине, над которой работала в это время Клоди Шамро.

[6] Портрет П. Виардо был закончен Харламовым в 1875 г. (см. репродукцию в кн.: *Dulong, Viardot*, p. 165); находится в частной коллекции Болье. По воспоминаниям В.В. Стасова, Тургенев очень высоко оценивал талант Харламова, отдавая ему предпочтение перед Репиным и признавая его "первым современным портретистом Европы" (см.: Назарова Л.Н. Тургенев в письме И.Е. Репина к В.Ф. Зеелеру // *Т сб*, вып. 3, с. 403; а также: *Т в восп совр*, т. 2, с. 111). И.Е. Репин вспоминал позднее: «В то время наш молодой художник *А.А. Харламов* писал портреты м-сье и м-м Виардо, и эти два портрета были выставлены в Пале д'Индустри. Мы их видели и очень восхищались... "Еще бы, — серьезно сказал Ив. Серг., — ведь *Харламов теперь — лучший портретист в Париже*, а следовательно, и во всем мире". Харламов был уже признан госп. Виардо: следовательно, Харламов был уже известен. И действительно, Харламов писал техникой *особой красоты*. Он изучал Рембрандта ⟨...⟩ И действительно, техника Харламова была так красива!» (Там же, с. 117). В это время сам Репин работал над портретом Тургенева по заказу П.М. Третьякова. О портрете П. Виардо работы Харламова, см.: письмо № 3836, примеч. 4; *New Z Sl J*, 1983, p. 239—240. Харламову принадлежат также портреты Марианны Виардо (коллекция Болье) и Тургенева (Русский музей). Портрет Л. Виардо находится в Публичной библиотеке г. Дижона (Франция).

3727. Полине Брюэр (с. 117 и 304)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 285—286.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 255.

[1] Письмо № 3674 — последнее известное письмо Тургенева к дочери, написанное до настоящего письма.

[2] Тургенев поехал в Карлсбад без брата: Н.С. Тургенев остался в Москве (см. письмо № 3754, № 3776).

[3] В письме № 3784 Тургенев свидетельствует, что целью его поездки в Россию были поиск и изучение материала, необходимого для окончания романа "Новь" (см. также письмо № 3707, № 3751, примеч. 2). В это время Тургенев закончил работу по подготовке восьмитомного собрания своих сочинений, изданного в 1874 г. Ф.И. Салаевым.

[4] В Национальном Собрании Франции в это время шла острая политическая борьба, которая разъединяла не только два основных лагеря — республиканцев и роялистов, но шла и внутри каждой из этих партий. Столь неопределенное политическое положение осложнялось тяжелым финансовым и экономическим положением страны. Маршал Мак-Магон признал, "что дела в застое", и заявил, "что он непременно желает прекратить настоящее положение, вредное для делового и промышленного мира" (*СПб Вед*, 2(14) и 15(27) мая 1874, № 119 и 132). Находясь в России и следя по русским газетам за парижскими событиями, Тургенев пришел к естественному заключению, что они вряд ли могли содействовать деловым предприятиям Брюэра.

3728. Полине Виардо (с. 118 и 305)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано во французском оригинале — *Т, Lettres inéd*, p. 203—205.

[1] "Быстроногий" — эпитет Ахилла, героя поэмы Гомера "Иллиада".

[2] Неточная цитата из "Буколик" А. Шенье. У Шенье: "O vent sonore et frais qui troublait le feuillage..." ("Le Malade" — "Больной").

[3] Петр Михайлов — К.М. Перегримов.

[4] Речь идет о картине знаменитого фламандского живописца Якоба Иорданса.

[5] Известные парижские парфюмеры.

[6] Поль Жоан, актер-любитель, участвовавший в постановке оперетты "Последний колдун" (музыка П. Виардо, либретто Тургенева) в доме Виардо. О какой песенке П. Жоана идет речь, неизвестно.

[7] Управляющий — Н.А. Кишинский.

[8] От франц. "ventre" (живот, брюхо).

[9] Речь идет о рассказе "Стучит!" (см. письмо № 3710, примеч. 8).

[10] Письмо к Марианне Виардо неизвестно.

3729. С.А. Венгерову (с. 120)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 377, № 581, л. 1—2.

Впервые опубликовано: отрывки — в книге С.А. Венгерова "Русская литература в ее современных представителях: Критико-биографические этюды. Иван Сергеевич Тургенев" (СПб., 1875, ч. 1, с. 99—100); полностью — *Т, Первое собрание писем*, с. 233—234.

[1] Отрывки из этого письма Венгерова опубликованы в упомянутой выше его книге о Тургеневе (с. 98—99), работая над которой, он в июне 1874 г. обратился к писателю с вопросом: "Вы, как человек так красноречиво и многозначительно восставший против крепостничества, должны были, сделавшись после смерти Вашего отца владельцем его имения, освободить доставшихся Вам крестьян. Сделали ли Вы это? А если не сделали, то какие *уважительные* причины заставили Вас не осуществить на деле то, что Вы таким искренним и убежденным тоном проповедовали в Ваших прекрасных повестях".

[2] Сообщаемые Тургеневым сведения об его отношениях с матерью, установившихся в связи с отцовским наследством, находят подтверждение в воспоминаниях В.Н. Житовой (см.: *Житова*).

[3] О мероприятиях в пользу крестьян, проведенных Тургеневым в его имении после смерти матери, см. также в кн.: Р ы н -

да И.Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903, с. 26—27.

[4] После этих слов, на которых обрывается в книге С.А. Венгерова цитата из письма Тургенева, следовало замечание от автора: "Да, действительно, бесчестия тут мало, а чести-то наберется довольно много" (с. 100).

[5] Об отрицательном отношении Тургенева к своим ранним стихотворным опытам см.: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 437.

[6] Поэма "Андрей" была напечатана в № 1 "Отечественных записок" за 1846 г. с авторской датой в конце: "1845".

3730. Полине Виардо (с. 121 и 307)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T, Lettres inéd*, p. 205-209.

Дата письма проставлена ошибочно, пятница приходилась на 21 июня (2 июля).

[1] Эти письма неизвестны.

[2] Это письмо Тургенева к Луи Виардо неизвестно. Очевидно, в нем содержалась просьба заказать в Лондоне ружье для П.М. Грибовского (см. письмо № 3725 и № 3732).

[3] Речь идет об испанском маршале Доне Мануэле Гутьерресе де ла Конха, главнокомандующем Северной армией во время второй Карлистской войны (1872—1876); был убит в битве при Муру 27 июня 1874 г.

[4] Каламбур, придуманный П. Виардо по поводу баронессы Вревской, заключался, по-видимому, в том, что французское слово "la veuve" означает одновременно: "вдова" и вид птиц из семейства воробьиных, оперение которых отличается особой изысканностью. Малабар — историческая область в Южной Индии, куда собиралась поехать Вревская.

[5] Не совсем точная цитата из трагедии Кристофера Марло "Трагическая история доктора Фауста" (The Tragical History of D. Faustus", 1588—1589, сцена VI, где Фаусту являются семь смертных грехов, и среди них — Лень, которой принадлежат следующие слова: "Heigho! I was begotten on a sunny bank".

[6] Цитата из трагедии забытого писателя XVIII в. Б.-Ж. Сорена "Бланш и Гискар" (1763).

[7] Имеется в виду собрание речей, произнесенных в Национальном собрании с 1789 г. в 20 томах из библиотеки в Спасском (ныне находится в музее И.С. Тургенева в Орле): Choix de rapports, opinions et discours prononcés à la Tribune Nationale depuis 1789 jusqu'à ce jour, recueillis dans un ordre chronologique et historique. Paris, chez Alexis Eymery, Libraire de la Minerve français, et chez Corréard, Libraire, 1818—1820.

[8] Возможно, намек на стихотворный сборник В. Гюго "Легенда веков" ("La Légende des Siècles" — 1-ая книга вышла в 1859 г.), о

котором Тургенев отзывался неодобрительно (об отношении Тургенева к творчеству Гюго см.: Алексеев М.П. Виктор Гюго и его русские знакомства // Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Л., 1985, с. 461—467). Говоря об "откровениях", Тургенев, возможно, имел в виду пророческий пафос многих стихотворений Гюго, а также его склонность к метафизике и мистицизму (см., например: Lacassin Francis. Le géridon de Victor Hugo // Magazin littéraire. 1974. Janvier, № 84, p. 18—24). Не исключено, что в разговоре с Ю.П. Вревской Тургенев "нападал" на "легенды" и "откровения" Св. Писания.

[9] Олибриус — галльский наместник V в. Частый герой средневековых мистерий, в которых представлен фанфароном и хвастуном; его имя стало нарицательным.

[10] Г-н Прюдом — имя героя "Записок" А. Монньe (Monnier H. Mémoires de Joseph Prudhomme. Paris, 1857), ставшее нарицательным. Тип г-на Прюдома близок образу Козьмы Пруткова как автора знаменитых афоризмов и выражений, олицетворяющих самодовольную глупость, посредственность и хвастливую самоуверенность. Еще раньше этот тип был выведен А. Монньe в комедии "Величие и падение господина Прюдома" ("Grandeur et décadence de Monsieur Prudhomme"), которая была поставлена в парижском театре "Одеон" в 1852 г.

3731. Н.С. Тургеневу (с. 125)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 141. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 23 июня 74. Москва. 7 ч. вечера".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 257. *Стр. 125.* Это мой постоянный припев (*франц.*).

[1] См. письмо № 3722.

3732. П.М. Грибовскому (с. 125)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 8, л. 11—12.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 257.

[1] См. письмо № 3724.

[2] Это письмо Л. Виардо неизвестно.

[3] Опасения Тургенева по поводу предстоящего неурожая оправдались лишь частично. По сообщению "Голоса", урожай в Орловской губернии в 1874 г. был "для озимых хлебов и, главное, ржи — безусловно хорошим, даже выше прошлогоднего. Яровое уродилось хуже, овсы посредственны, просо плохо, греча неудовлетворительна, хотя и лучше прошлогодней" (см.: *Голос*, 1874, 17 сентября, № 257, с. 3).

3733. Ю.П. Вревской (с. 126)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ*, ф. 213, Щ 10–8.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, 5, с. 465, с пропуском имени и отчества адресата, замененных точками.

[1] См. письмо № 3716, примеч. 1.

[2] Ни из Москвы, ни из Карлсбада Тургенев Вревской не написал (см. письмо № 3792).

3734. Н.С. Тургеневу (с. 126)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 143. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 27 июня 1874. 10 ч. вечера. Москва".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 258.

3735. А.Н. Островскому (с. 127)

Печатается по подлиннику: *ЦГТМ*, ф. А.Н. Островского, № 20018.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, с. 593.

[1] Речь идет о французском переводе "Грозы", сделанном Э. Дюраном (см. письма № 3709, № 3785).

[2] См. письмо Островского к Тургеневу от 14 июня ст. ст. 1874 г. (*Островский*, т. 15, с. 37–38). Сохранившиеся рукописи и печатные тексты "Грозы" не дают возможности установить факт работы Островского над переделкой драмы для "французской сцены" (см.: М а т о р и н а Р.П. Из творческой истории образов "Грозы" Островского // Творческая история: Исследования по русской литературе. М., 1927, с. 192–216).

[3] Строка 7 из стихотворения Пушкина "Если жизнь тебя обманет..." (1825).

[4] Имеются в виду слова из студенческой песни "Gaudeamus", которые упоминал Островский в заключение письма (см. примеч. 2), жалуясь на состояние своего здоровья: "Venit mors velociter, rapit nos atrociter" ("Приходит смерть мгновенно, похищает нас жестоко").

3736. Н.А. Кишинскому (с. 128)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 60–61. На подлиннике помета Кишинского: "Отв. в Карлсбад 7 июля".

Впервые опубликовано: в отрывке — *Отчет ПБ за 1894 год*, с. 45; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 260.

[1] Речь идет о сельской школе, открытой Тургеневым в Спасском-Лутовинове в 1863 г. (см.: наст. изд., Письма, т. 10, № 2551, примеч. 3, и № 2700, примеч. 1; т. 12, № 3072).

[2] Имеется в виду Д.И. Брюханов. Метод лечения ревматизма, предложенный Бауншейдтом, заключался в том, что кожу больного сначала кололи иголками с помощью специального аппарата, носившего имя изобретателя, после чего в исколотые места втиралось кротоновое масло.

[3] См. письмо № 3752.

3737. Гюставу Флоберу (с. 129 и 130)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 188, л. 159—160. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1896, № 9, p. 778—779; в русском переводе — *Рус Мысль*, 1896, № 8, с. 42—43.

[1] Имеется в виду письмо Флобера от 20 июня (2 июля) 1874 г. (*Flaubert, Corr*, s. VII, p. 158—161).

[2] Швейцарский курорт, где в это время жил Флобер, назывался Кальтбадом (Kaltbad). В письме к Тургеневу от 2 июля 1874 г. Флобер ошибочно указал: Karltbad (Flaubert G. Lettres inédites à Tourguéneff. Monaco, 1946, p. 76). Этим и объясняется постскриптум настоящего письма.

[3] Флобер был недоволен своим пребыванием в Швейцарии. «До настоящего времени, — сообщал он Тургеневу 2 июля 1874 г., — я не испытываю ничего, кроме безмерной скуки, которая вызвана одиночеством и праздностью; да и вообще я не человек Природы, "ее чудеса" трогают меня меньше, чем чудеса Искусства. Она подавляет меня, не внушая никакой "великой мысли"» (*Flaubert, Corr*, s. VII, p. 158; см. также p. 163, 166). Альбрехт фон Галлер — автор поэмы "Альпы" ("Die Alpen", 1729). В произведениях Ж.-Ж. Руссо картины альпийской природы встречаются неоднократно, особенно в романе "Новая Элоиза" (см., например, 17-е письмо части IV и др.).

[4] Герои романа "Бувар и Пекюше", который в это время начал писать Флобер, — ограниченные и невежественные мещане, задумавшие овладеть всеми науками.

[5] Незадолго до отъезда в Швейцарию Флобер совершил поездку по Нижней Нормандии в поисках местности, где он мог бы "поселить" героев своего будущего романа (*Flaubert, Corr*, s. VII, p. 154—155).

[6] Флобер не согласился с Тургеневым, полагая, что лишь обстоятельность изложения позволит ему создать "нечто серьезное и даже страшное"; в противном же случае получится "более или менее остроумная фантазия, лишенная значительности и правдоподобия" (Ibid. P. 178). Об этом см.: Реизов Б.Г. Творчество Флобера. М.; Л., 1955, с. 501—502; Труммал А.Ю. Роман Флобера "Бувар и Пекюше" в оценке дореволюционной русской критики // Уч. зап. / Тарт. гос. ун-т, 1961, вып. 104 (Труды по русской и славянской филологии), т. 4, с. 211—214.

[7] См. письмо № 3758, примеч. 3.

[8] К поэтической манере Ламартина Тургенев всегда относился несколько иронически. См., например: наст. изд., Письма, т. 1, № 115; т. 3, № 562; см. также: А л е к с е е в М.П. Мировое значение "Записок охотника" // *Орл сб, 1955*, с. 72—73.

[9] От П. Виардо и ее семьи.

[10] "Я не верю в роспуск Палаты", — писал в письме от 29 июля н. ст. 1874 г. Флобер (*Flaubert, Corr*, s. VII, p. 180). В какой-то мере прав оказался Тургенев: уже три года спустя Мак-Магон повел курс на восстановление в стране монархического режима, однако под натиском республиканских сил он в конце концов не только был вынужден отказаться от осуществления своего замысла, но и подать в отставку задолго до истечения срока его полномочий.

[11] Тургенев имеет в виду речь М. Робеспьера в Конвенте 3 декабря 1792 г. во время дискуссии о судьбе Людовика XVI (Procès de Louis XVI. Discussion sur cette question: le roi peut-il être jugé?), напечатанную в издании: Choix de rapports, opinions et discours prononcés à la Tribune Nationale depuis 1789 jusqu'à ce jour, recueillis dans un ordre chronologique et historique. Paris, 1820, т. 10, p. 219—228. Эта многотомная серия действительно находилась в библиотеке Тургенева в Спасском. См.: П о р т у г а л о в М.В. По тургеневским местам. М., 1924, с. 35.

3738. Бернгарду Эриху Бере (с. 130 и 312)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre*, S. 566—567.

Подлинник неизвестен.

[1] В девятом томе митавского издания эти очерки получили соответственно номера 20, 21, 23 и 24. После очерка "Стучит!" был добавлен очерк "Чертопханов и Недопюскин" (№ 22). Пожелание Тургенева, чтобы весь цикл, несмотря на добавления, заканчивался эпилогом "Лес и степь", было в издании Бере выполнено.

3739. Н.А. Кишинскому (с. 131)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 62. На подлиннике помета Кишинского: "Отве⟨ч⟩. 10 июля".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 262.

[1] См. письмо № 3744.

3740. Полине Виардо (с. 132 и 313)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *Т, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 220—221.

[1] Очевидно, Тургенев читал "Историю государства российского" Н.М. Карамзина (ср. письмо № 3725).

[2] Вероятно, Тургенев ошибается. Приведенная цитата по смыслу и настроению более напоминает строки из второй части "Фауста" Гёте: "Es sei wie es wolle / Es war doch so schön!" (действие 5, сцена "Глубокая ночь").

[3] Источник цитаты не установлен.

3741. Н.С. Тургеневу (с. 133)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 145. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 9-го июля 1874. Москва. 1/4 11-го ночи".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 262. *Стр. 133.* противоподагрическую жидкость Лавиля (*франц.*).

[1] См. письмо № 3722.

3742. Полине Виардо (с. 134 и 314)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T. Lettres inéd*, p. 210—211.

[1] Тургенев в это время перечитывал сочинения Н.М. Карамзина "Письма русского путешественника" и "Историю государства российского" (см. письма № 3725 и 3740) и другие книги (см.: № 3730, примеч. 7 и № 3737, примеч. 11).

[2] Речь идет о статье Л. Виардо по поводу выставки французского художника П. Прюдона (1758—1823), состоявшейся в Школе изящных искусств в Париже (Indépendance Belge, 1874, 23 juin, № 174). В этой газете Л. Виардо вел отдел "Курьер изящных искусств".

3743. Н.С. Тургеневу (с. 135)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 146. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 19 июля 1874. С. Тургенево".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 263. *Стр. 135.* приступ (*франц.*).

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] См. письмо № 3643, примеч. 3.

[3] Тургенев ошибся: Горбунова звали Николай Павлович (см.: Памятная книжка разных учреждений г. Москвы на 1874 год. М., 1874, с. 101). Письмо Тургенева к Н.П. Горбунову неизвестно.

3744. Н.А. Кишинскому (с. 136)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 63.

Впервые опубликовано: в отрывке — *Отчет ПБ за 1894 год*, с. 54; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 263.

[1] Это письмо Д.И. Брюханова неизвестно.

[2] См. письмо № 3752.

3745. Я.П. Полонскому (с. 136)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, собр. *ОЛДП*, № Q250, л. 106 — 107.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 231 — 233, с ошибочной датой "16 мая".

[1] Сохранилось письмо М.Л. Златковского к Полонскому от 15 июля ст. ст. 1874 г. (10 ч. вечера) с сообщением о визите к Тургеневу. Автор письма рассказывает о том, как он явился к Тургеневу в 7-м часу вечера в 53-й номер гостиницы Демут и застал его на диване, с закутанными ногами и парой костылей возле дивана (*ИРЛИ*, № 12100, л. 6).

[2] В 1876 г. Тургенев приехал в Петербург 24 мая (5 июня) и прожил там до 1(13) июня.

[3] Письмо Тургенева к Полонскому из Карлсбада неизвестно.

3746. А.А. Фету (с. 137)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 77.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 296, с пропусками.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 265.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] Строка 67 из поэмы В.Л. Пушкина "Опасный сосед" (1811).

3747. Ю.П. Вревской (с. 138)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ*, ф. 213, Щ 10 — 2.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, 5, с. 462.

Датируется 19(31) июля 1874 г. по связи с письмами № 3741 и № 3743. Во втором из них также идет речь об отъезде из Петербурга "в субботу"; письмо написано из гостиницы Демута, причем указан номер комнаты: 53. Однако предыдущее письмо к тому же адресату, датированное 7(19) июля 1874 г., написано из гостиницы Демута без указания номера комнаты, как и данное письмо к Ю.П. Вревской.

[1] По-видимому, речь идет о неизвестной телеграмме, посланной Полине Виардо.

[2] Плохое настроение было, вероятно, следствием приступов подагры (см. письма № 3721 — 3723, № 3731 и т.д.).

3748. Н.А. Кишинскому (с. 138)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 64. На подлиннике помета Кишинского: "100 руб. высланы 4 августа в СПбур⟨г⟩ Топорову".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 266.

[1] См. письмо № 3752.

[2] См. также письмо № 3753.

3749. А.Н. Пыпину (с. 139)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 250, № 587, л. 1. На подлиннике помета А.Н. Пыпина: (19 июля 1874).

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 266.

[1] Это письмо Тургенева к Л. Фридлендеру неизвестно.

[2] Л.И. Стасюлевич находилась во Франценсбаде (ныне Франтишковы Лазни, курорт в Чехословакии) с 1(13) июня по 21 июля (2 августа) 1874 г.; М.М. Стасюлевич в момент написания данного письма жил в Эмсе (см. письма М.М. Стасюлевича к А.Н. Пыпину от 3(15) июня, 6(18) июля, 27 июля (8 августа) 1874 г.: *РНБ*, ф. 621, № 825, л. 7, 14 – 15, 24).

3749[а]. Юлиану Шмидту (с. 139)

Печатается по копии И.Д. Гальперина-Каминского, опубликованной П. Уоддингтоном: Turgenev and Julian Schmidt: new or neglected material, with some omnium-gatherum Turgenevianum and an appendix, by Patrick Waddington. Pinehaven. New Zealand, 1998, p. 5. Копия Гальперина-Каминского (на французском языке) хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). Подлинник неизвестен.

Дата в копии Гальперина-Каминского подтверждается пребыванием Тургенева проездом в Берлине 21 июля (2 августа) 1874 г. на пути в Карлсбад. По предположению П. Уоддингтона, телеграмма была, скорее всего, написана по-немецки.

3749[б]. Юлиану Шмидту (с. 139)

Печатается по копии И.Д. Гальперина-Каминского, опубликованной П. Уоддингтоном: Tugenev and Julian Schmidt: new or neglected material, with some omnium-gatherum Turgenevianum and an appendix, by Patrick Waddington. Pinehaven. New Zealand, 1998, p. 5. Копия Гальперина-Каминского (на французском языке) хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). Подлинник неизвестен.

По предположению П. Уоддингтона, письмо было написано на почтовой карточке или являлось телеграммой, как № 3749[а] от 2 августа н. ст. (из Берлина), и в оригинале было написано по-немецки. Дата, проставленная в копии Гальпериным-Каминским,

очевидно, ошибочна из-за схожего написания у Тургенева цифр "3" и "7". Датируется согласно предположению П. Уоддингтона.

[1] В копии Гальперина-Каминского вместо "подагра" ("goutte") было написано "gout", что, согласно П. Уоддингтону, подтверждает возможность немецкого оригинала, который был плохо прочитан (по-немецки подагра — "die Gicht"). На сильнейший приступ подагры (впервые "в обеих ногах") именно по приезде в Карлсбад ("два дня тому назад") Тургенев жаловался в письме к П.В. Анненкову от 24 июля (5 августа) 1874 г.

[2] Очевидно, Тургенев ожидал, что в Карлсбад ему были пересланы (возможно, самим Э. Золя) первые 4 тома серии "Ругон-Маккаров", однако ему удалось частично выполнить свое обещание лишь две недели спустя. 4(16) августа он сообщал Ю. Шмидту, что выслал ему 1-й и 4-й тома.

3750. Клоди Шамро (с. 140 и 315)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале — *T, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 264—266.

[1] 8(20) декабря у Клоди Шамро родилась дочь Жанна Эдме.

[2] Эти письма неизвестны.

[3] Дом Альган, в котором жили летом 1874 г. Виардо, находился около буживальской церкви.

[4] В связи с ухудшением состояния здоровья Тургенев вернулся в Буживаль раньше — 15(27) августа.

[5] Так звали в семье Виардо мужа Клоди Жоржа Шамро.

[6] В недошедшем до нас письме П. Виардо объясняла отказ купить дом Сегала в Буживале тем, что к нему прилегал недостаточно большой сад.

[7] Архитектором шале Тургенева в Буживале был Г. Пуатрино, которого Тургенев в письме к В.В. Стасову от 5 сентября н. ст. 1875 г. характеризовал как человека "честного и дельного, без особенной силы воображения" (см.: *Лит Насл*, т. 73, кн. 1, с. 299).

[8] Возможно, Тургенев выделяет фамилию художника Ж. Клерена из-за невольного каламбура (его фамилия созвучна прилагательному "clair", "светлый", которое он употребляет выше по отношению к будущей постройке).

[9] Об участии Тургенева в покупке виллы Сегала см. письмо № 3761 и примеч. 8 к нему.

[10] Записка к А.А. Харламову неизвестна; возможно, она не была написана. См. также письмо № 3726 и примеч. 6 к нему.

3751. П.В. Анненкову (с. 142)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 24—25.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 266.

[1] В письме от 6 июля н. ст. 1874 г., отправленном из Бадена в Карлсбад, Анненков сообщал Тургеневу о своей болезни, операции, о встречах с русскими знакомыми (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 17—18).

[2] Вероятно, речь идет о начальном периоде работы над романом "Новь".

3752. Н.А. Кишинскому (с. 143)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л.65. На подлиннике помета Кишинского: "Отв. 10 августа".
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 267.

[1] Эти письма Кишинского неизвестны.

[2] См. письмо № 3736.

[3] Сведений о продаже земель Гриневу обнаружить не удалось.

[4] Речь идет об А.В. Чедаеве. Ему была продана Марьинская дача при селе Спасском-Лутовинове, входившая в число угодий, которые отошли И.С. Тургеневу по раздельному акту с Н.С. Тургеневым (см.: Бельчиков Н.Ф. Заметки о материальном быте И.С. Тургенева в 70-е годы // Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1964, т. 23, вып. 6, с. 530).

[5] В списке лесов, проданных Тургеневым с 1867 по 1876 г., покупателем тапковских лесов назван Борщов (см.: Там же).

[6] Имя Жикина значится в числе покупателей имений, земель и лесов, проданных Тургеневым с 1867 по 1876 г. (там же). См. также: наст. изд., Письма, т. 9, № 2426, примеч. 2, письмо к Н.А. Щепкину от 20 июля (1 августа) 1876 г., а также: Иванова Л.Н. Тургенев и жикинское дело // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., Наука, 1990, с. 202—216.

3753. А.В. Топорову (с. 143)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 59, л. 1.
Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 200.

[1] По-видимому, речь идет о докторе Ф. Ланге, который лечил Тургенева в Петербурге в мае—июне 1874 г.

[2] См. письмо № 3748.

[3] Карточная игра.

3754. Н.С. Тургеневу (с. 144)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 147. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 2/14 авгус. 74. С. Тургенево".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 268. *Стр. 144.* "приступ" (*франц.*).

[1] Минеральный источник в Карлсбаде (ныне Карловы Вары).
[2] В 1874 г. встреча И.С. Тургенева с Н.С. Тургеневым не состоялась. См. также письмо № 3643, примеч. 3.

3755. Генри Джеймсу (сыну) (с. 144 и 317)

Печатается по тексту первой публикации: Comparative Literature, 1949, vol. , № 4, p, 197—198.

Подлинник хранится в библиотеке Гарвардского университета (Кембридж, Масс., США).

[1] Имеется в виду первая статья Джеймса о Тургеневе, опубликованная в качестве рецензии на книгу повестей "Вешние воды" и "Степной король Лир" в немецком переводе (изд. Б. Бере) (North American Review, 1874, vol. 118, April, p. 326—356. Перепечатана в сборнике статей Джеймса: French Poets and Novelists, 1878, p. 269—320) и написанная до личного знакомства писателей. См. также: Д ж е й м с Г. Иван Тургенев // Д ж е й м с Г. Женский портрет / Изд. подготовили Л.Е. Полякова, М.А. Шерешевская. М., 1984, с. 493—502. Статья Джеймса была переслана Тургеневу отцом — Генри Джеймсом (см. письмо № 3756, примеч. 3).

[2] О реакции Тургенева на критику Джеймс писал впоследствии: "...не в его привычках и обыкновениях было упиваться похвалами критики. При его исключительной скромности вряд ли он придавал вес тому, что могли бы о нем сказать, к тому же у него сложилось мнение, что ему не суждено дождаться здравых суждений о своих книгах, в особенности за границей" (J a m e s H. Partial Portraits. New York, 1888, p, 297—298. См. также в кн.: Д ж е й м с Г. Женский портрет. С. 511).

[3] В своей первой статье Джеймс писал: "Пессимизм Тургенева, как нам кажется, двоякого рода: с одной стороны, он вызван печалью непроизвольной, а с другой — как бы наигранной". И далее: "...огромный его недостаток — присущая ему склонность злоупотреблять иронией" (a tendency to the abuse of irony)". См. в кн.: Д ж е й м с Г. Женский портрет. С. 500—501.

[4] Слова Макбета из одноименной трагедии Шекспира (действие V, сцена 3).

[5] Джеймс писал в своей статье о "непостижимом сочетании" у Тургенева "аристократического духа и демократического ума" ("...an aristocratic temperament with a democratic intellect"). См. в кн.: Д ж е й м с Г. Женский портрет. С. 499. См. также письмо № 3612, примеч. 1. Впоследствии он отказался от этого мнения.

"В кратком очерке, в котором я пытался выразить свое восхищение его творчеством, я почел правильным назвать его аристократом духа, но после нашего знакомства подобное определение показалось мне попросту бессодержательным. Такого рода формулы вовсе не шли к Тургеневу, хотя назвать его демократом (при том, что демократическая республика была его политическим идеалом) означало бы аттестовать его не менее поверхностно. Он чувствовал и понимал жизнь в ее противоречиях..." (там же. С. 510).

3756. Генри Джеймсу (отцу) (с. 145 и 318)

Печатается по тексту первой публикации: Perry Ralph Barton. The thought and character of William James. Boston, 1936, vol. 1, p. 139 – 140.

Подлинник хранится в библиотеке Гарвардского университета (Кембридж, Масс., США).

[1] См. письмо № 3755.

[2] См. примеч. 3 к настоящему письму.

[3] Г. Джеймс-старший писал Тургеневу 19 июня 1874 г.: "Право, жаль, что вам совершенно неизвестно, каким огромным успехом пользуются здесь ваши книги и какое истинное наслаждение доставляют они многим хорошим людям. Сам я не представляю собою типичного читателя, но у меня зато есть некоторый досуг, которого нет у всех ваших читателей, и потому я могу, не претендуя на большее, информировать вас от их имени" (Perry Ralph Barton. The thought and character of William James. Vol. I, p. 137 – 138).

[4] В том же письме Г. Джеймс сообщал Тургеневу: "...большой круг ваших поклонников в этих краях считает, что в ваших руках роман приобрел новую силу и обладает теперь бóльшим очарованием, чем когда-либо... Вы проникаете своим пером сквозь хаос внешних обстоятельств и социальных условностей и показываете нам нас самих, зажатых, так сказать, в тисках судьбы или тщетно пытающихся разорвать оковы темперамента. Поверхностных критиков возмущает это трагическое зрелище, и они объявляют вас циником. Им недоступна духовная глубина вашего метода, и они не понимают, что тронуть искреннее сердце человека и наполнить его божественной любовью и состраданием к собратьям несравненно полезнее, чем обращаться к его легкомысленной и самодовольной голове... Если вы когда-нибудь пересечете океан, не забудьте посетить Кембридж, чтобы посидеть с нами на веранде и рассказать нам, покуривая трубку, что обещает, по мнению опытного и проницательного гения Старого Света, или чем грозит человечеству новая цивилизация" (Ibid, p. 138 – 139).

[5] Принять приглашение Г. Джеймса посетить Америку Тургеневу не удалось. См. также письмо № 3612, примеч. 6.

3757. Полине Брюэр (с. 146 и 319)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 287.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 270.
В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 11 августа н.ст. в 1874 г. приходилось на вторник.

[1] См. письмо № 3772.
[2] В июле 1874 г. внучке Тургенева, Жанне Брюэр, исполнилось два года.

3758. Эмилю Золя (с. 147 и 319)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в *Bibl Nat.*
Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 4, p. 140—141; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1897, № 5, с. 201.
В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 11 августа н.ст. приходилось в 1874 г. на вторник.

[1] См. письмо № 3706, примеч. 2.
[2] См. письмо № 3706, примеч. 3. Просьба купить экземпляр "La curée" ("Добычи") в русском переводе содержалась в письме Золя к Тургеневу от 29 июня 1874 г. (*Zola, Corr*, t. II, p. 358).
[3] Изложение "Завоевания Плассана", сделанное П.И. Вейнбергом, было опубликовано (с его предисловием) в № 161, 166, 172, 175, 180 "С.-Петербургских ведомостей" за 1874 г. В московских же газетах этот роман не печатался. По всей вероятности, Тургенев имел в виду "Биржевые ведомости" (№ 175, 180, 182, 189, 203, 210, 217 за 1874 г.), действительно поместившие полный перевод романа Золя. Но издавалась эта газета не в Москве, а также в Петербурге. См. об этом: Клеман М.К. Эмиль Золя. Л., 1934, с. 224.
[4] Речь идет о романе "Проступок аббата Муре".
[5] Письмо Флобера от 25 (в действительности — 29) июня 1874 г. из Дьеппа. «...В субботу, 1 августа, — писал Флобер, — я, наконец, приступаю к "Бувару и Пекюше". Я дал себе клятву. Отступать невозможно» (*Flaubert, Corr*, s. VII, p. 177).

3759. М.В. Авдееву (с. 148)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 440, л. 23—24.
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1902, № 9, с. 510—511.
Стр. 149. "иное!" (*итал.*).

[1] Это письмо неизвестно. Оно, по-видимому, было написано из имения Авдеева Буруновка, находившегося в Стерлитамакском уезде Оренбургской губернии.
[2] Письмо Тургенева к Авдееву из Спасского неизвестно.

[3] Имеется в виду роман "Новь".
[4] См. письмо № 3630, примеч. 3.
[5] Возможно, речь идет о работе Авдеева над повестью "Переписка двух барышень: (Из материалов для изучения современных понятий об ответственных предметах)", опубликованной впервые в журнале "Отечественные записки" (1875. № 2).

3760. Вильяму Рольстону (с. 149 и 320)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28632, л. 53.
Впервые опубликовано: в русском переводе — Недра, 1924, № 4, с. 268—269; в английском оригинале — Le Monde Slave, 1925, № 5.

[1] Тургенев имеет в виду семейство Виардо.

3761. Полине Виардо (с. 150 и 321)

Печатается по тексту первой публикации (с учетом исправлений во второй публикации): Zeitschrift für Slawistik, 1972, Bd. 17, H. 2, S. 255—256. Подлинник хранится в собрании Лино Гунца (Морицберг, Швейцария).
Вторично опубликовано П. Уоддингтоном (с исправлением неточностей первой публикации и комментариями): *New Z Sl J*, 1983, p. 236—237.

[1] Тургенев выехал из Карлсбада 14(26) августа 1874 г.
[2] Вероятно, речь идет о Жане Шохе (Schoch), который служил в доме Виардо в Баден-Бадене и остался там после отъезда семьи в Англию (см. о нем: Héritte-Viardot Louise. Memoiries and Adventures. London, 1913, p. 112—113); однако П. Уоддингтон в этом сомневается в связи с тем, что Тургенев называет его "мой слуга" в следующем письме к П. Виардо и высказывает предположение, что человеком, о котором идет речь, мог быть Иван Григорьев, выехавший из России во Францию вместе с супругами Виардо в 1846 г., или же Жан Дюмарсе (Dumarçay), имя которого появляется в письмах 1883 г. (см.: *New Z Sl J*, 1983, p. 238).
[3] Тургенев нередко цитирует эти слова Поприщина из "Записок сумасшедшего" Н.В. Гоголя.
[4] Все перечисленные Тургеневым письма неизвестны.
[5] О первом представлении второго действия оперы К. Сен-Санса "Самсон и Далила" на частной сцене в Круасси см. письмо № 3710, примеч. 4. На первое представление Тургенев не попал, так как приехал в Буживаль 27 августа н.ст. 1874 г.
[6] Тургенев выделяет название станции в Баден-Бадене (река, пересекающая город, тоже называется Оос), намекая на многочисленные встречи с П. Виардо на этой станции во время своих отъездов и приездов в Баден-Баден, где Тургенев и семья Виардо прожили почти 7 лет. Вокзал и станция часто фигурируют в письмах баденского периода.

[7] Из письма к Жюлю Этцелю (№ 3784) известно, что Тургенев присутствовал на представлении "Самсона и Далилы" 27 августа (8 сентября) 1874 г., однако было ли это вторым представлением, сказать затруднительно.

[8] О своей готовности внести значительную сумму денег в покупку дома в Буживале Тургенев писал и Клоди Шамро (см. № 3750). Лето 1873 и 1874 г. Виардо провели в Буживале, снимая дом у г-жи Альган. Буживаль понравился, и было решено купить там собственный дом с участком. В мае 1875 г. Тургеневым и Виардо были приобретены вилла и участок, принадлежавшие писательнице Анаис Сегала и ее мужу, за сумму около 180 000 франков. Позднее Тургенев выстроил себе в саду двухэтажное шале, в котором с 1983 г. стараниями Общества друзей Тургенева, П. Виардо и Марии Малибран и его президента А. Звигильского открыт музей Тургенева (см.: Zviguilsky A. Tourguéniev à Bougival // *Cahiers*, 1981, № 5, p. 19—26; № 7, p. 183—191). По подсчетам П. Уоддингтона, Тургеневу и Виардо пришлось заплатить более 200 000 фр. (*New Z Sl J*, 1983, p. 237). В неопубликованном письме Луи Виардо к Тургеневу от 17 августа 1874 г. (собрание Болье) содержатся сведения о том, что Тургенев внес две трети общей стоимости виллы, владелицей которой стала П. Виардо (см.: Dulong G. Pauline Viardot — tragédienne lyrique. Paris, 1987, p. 166).

[9] Видимо, речь идет о покупке в Лондоне через Мануэля Гарсиа охотничьего ружья для Тургенева (ср. письмо № 3730, примеч. 2). "*Другая* покупка" — вилла Сегала.

[10] Речь идет о бегстве маршала Базена, сдавшего 27 октября 1870 г. французскую армию под Мецем, с острова Сан-Маргерит, куда он был сослан после отмены смертного приговора. Предчувствия Тургенева относительно победы монархистов на выборах 16 августа в провинции Кальвадос оправдались. Улица, о которой упоминает Тургенев, была названа в честь провозглашения республики "Четвертого сентября 1870" (бывш. "Десятого Декабря"); расположена вблизи Гранд Опера.

[11] Тургенев говорит о статье Л. Виардо в парижской газете "L'Indépendance Belge" от 11 августа 1874 г. (№ 223), посвященной выходу в свет известного исследования Джакомо Луццати о развалинах в Помпеях.

[12] О портрете П. Виардо кисти Харламова см. письмо № 3726, примеч. 6.

3762. А.П. Самариной (с. 151)

Печатается по подлиннику: *РГБ*, ф. 265, 202, 41, л. 1.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 94—95.

Письмо не датировано. Дату письма помогают установить воспоминания Н.А. Островской (жены П.М. Грибовского): "Иван Сергеевич позвал нас раз вечером, обещаясь прочесть новый рас-

сказ. Мы застали у него невестку Юрия Самарина, жену Петра, толстую барыню с добродушным лицом... Тургенев прочел "Стучит!" (*Т. сб* (*Пиксанов*), с. 120—121). Рассказ Островской относится к 1874 г. Если учесть хронологию повествования в ее воспоминаниях, чтение состоялось до написания Тургеневым письма к А.П. Философовой от 6(18) августа (об этом также упоминается в воспоминаниях — с. 123—125). Со времени приезда Тургенева в Карлсбад (4 августа н.ст.) (см. письмо № 3750) до написания письма к Философовой прошли две пятницы. В первую пятницу — 26 июля (7 августа) — чтения не было, потому что автор воспоминаний в первые дни не посещала Тургенева (см. с. 116). Следовательно, чтение состоялось во вторую пятницу, 2(14) августа, и этим числом можно датировать данное письмо.
Стр. 151. ничего от А....ва (*франц.*).

1 Речь идет о рассказе "Стучит!"

2 В тех же воспоминаниях Н.А. Островской упоминается фамилия Адамова, из "генеральского" кружка русских карлсбадцев. Может быть, A...ff — это и есть Адамов. О другом члене кружка, генерале Мезенцеве, Тургенев упоминает в письме № 3486 (наст. изд., Письма, т. 12).

3763. **Клоди Шамро** (с. 152 и 322)

Печатается по фотокопии А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале: *T, Nouv corr. inéd*, t. 1, p. 266—269.

1 Тургенев имеет в виду будущего ребенка Клоди Шамро.

2 Обыгрывается прилагательное "double" ("двойной"), входящее как составная часть в слова, которые при переводе этого значения не сохраняют. По-французски "double-rose" означает "махровую розу", а "double-bécassine" — вид болотной птицы — "допельшнепф".

3 У Клоди Шамро родилась дочь.

4 Старым врагом Тургенев называет подагру.

5 20 августа состоялось первое представление второго акта оперы К. Сен-Санса "Самсон и Далила". См. об этом в письме № 3710 и примеч. 4 к нему. На это представление Тургенев не успел.

6 Буквальный перевод французского выражения, соответствующего русскому "сделать невозможное", "луну с неба достать".

3764. **Юлиану Шмидту** (с. 154)

Печатается по тексту первой публикации в русском переводе: Вестник Европы, 1909, № 3, с. 269, с добавлениями по копии И.Д. Гальперина-Каминского, опубликованными П. Уоддингтоном: Turgenev and Julian Schmidt: new or neglected material, with

some omnium-gatherum Turgenevianum and an appendix, by Patrick Waddington. Pinehaven, New Zealand, 1998. P. 5. Копия Гальперина-Каминского (на французском языке) хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж). Подлинник неизвестен. Впервые в собрание соч. включено (по первой неполной публикации): *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 274, с датой, указанной в первой публикации. В копии Гальперина-Каминского проставлена та же дата, однако указание дня недели дало возможность П. Уоддингтону датировать письмо не 15-м, а 16-м августа, что более вероятно. Слова в скобках и окончание письма были опущены в первой публикации в "Вестнике Европы".

[1] Первую книгу двадцатитомной серии Э. Золя "Ругон-Маккары" составил роман "Карьера Ругонов" (La fortune des Rougon", 1871), четвертую — "Завоевание Плассана" ("La conquête de Plassans", 1874). Второй и третий тома серии содержали романы "Добыча" ("La curée", 1872) и "Чрево Парижа" ("Le ventre de Paris", 1873). Издание первых томов серии "Ругон-Маккары" понадобилось Ю. Шмидту, очевидно, для второго издания его "Истории французской литературы с Людовика XVI" ("Geschichte der französischen Literatur seit Ludwig XVI", 1874).

3765. Полине Виардо (с. 155 и 324)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале: *Т, Nouv corr inéd*, t. 1, p. 221—224.

[1] Шутливое прозвище, образованное от фамилии шведской ученицы П. Виардо Шарлотты Валентин, участницы баденских музыкальных вечеров. В 1875 и 1877 гг. она гостила в Буживале.

[2] См. письма № 3710, примеч. 4 и № 3761.

[3] Тургенев намекает на смерть Наполеона III в 1873 г. в изгнании.

[4] Речь идет о фельетоне Л. Виардо, опубликованном в газете "L'Indépendance Belge" (см. письмо № 3761, примеч. 11). По мнению А. Звигильского, статья в "Le Bien public", озаглавленная "Исследования по египтологии" и опубликованная без подписи в номере от 11 августа 1874 г., является рецензией на книгу Ф. Шаба (Chabas) "Etudes sur l'Antiquité historique d'après les sources égiptiennes" — "Этюды об исторической древности по египетским источникам" (Р., 1874).

[5] Несмотря на настойчивый совет Тургенева, П. Виардо первоначально отказалась от покупки виллы Сегала, мотивируя это ее слишком небольшими размерами (об этом писал Тургеневу Л. Виардо 18 июля н.ст. 1874 г. См.: *Cahiers*, 1981, № 5, p. 20), но не исключено, что отказ был вызван нежеланием Л. Виардо принять от Тургенева столь значительную сумму. Покупка состоялась в мае 1875 г. Выражение "Ceterum censeo, Carthaginem esse delen-

dam" ("Впрочем, полагаю, что Карфаген должен быть разрушен" — *лат.*), к которому отсылает Тургенев, восходит к сочинению Плутарха "Жизнь Катона Старшего" — этими словами Катон имел обыкновение заканчивать свои речи в Сенате. Здесь употребляется в смысле навязчивого повторения какого-либо тезиса.

[6] Оперетта П. Виардо "Слишком много жен" (на либретто Тургенева) — см.: наст. изд., Сочинения, т . 12, с. 12 (восклицание паши Зулуфа при принятии решения).

[7] См. письмо № 3761, примеч. 5.

[8] См. примеч. 5 к наст. письму.

[9] В доме Альган жили летом 1874 г. Виардо.

3766. Е.И. Рагозину (с. 157)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 75, л. 16.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 274.

Стр. 157. приступ (*франц.*).

[1] О ком идет речь, не установлено.

[2] Тургенев имеет в виду свою недавнюю поездку в Россию, где у него начались приступы подагры, пребывание в Карлсбаде и прерванное там лечение.

[3] См. письмо № 3753.

[4] Рагозин жил в Петербурге на Невском проспекте в доме 68, кв. 40 (по старой нумерации).

3767. А.П. Философовой (с. 157)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 63, л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1883, № 10, с. 219—220, с пропуском имени адресата и имен собственных в тексте.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, Т. X, с. 275—276.

Стр. 158. дословно (*франц.*).

[1] Будучи связана по характеру своей деятельности с широкими кругами народнической молодежи, Философова отправила Тургеневу за границу портфель с разнообразными материалами и документами, характеризующими, с ее точки зрения, русских "новых людей": кроме ее личного дневника (см. примеч. 2), в портфеле были записки, письма, стихотворения и другие бумаги В.Г. Дехтерева, И.И. Дитятина, И.С. Полякова, Е.А. Шакеева (см. письмо Философовой к Тургеневу от 27 августа ст.ст. 1874 г.: *Звенья*, т. 5, с. 300). Письмо Философовой, на которое отвечает Тургенев, неизвестно.

[2] Речь идет о дневнике Философовой, который позднее, в 1879 г., при высылке Философовой за границу, был изъят, а после возвращения сожжен ею (см. об этом в некрологической статье М.П. Чеховой в кн.: Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Пг., 1915, т. 2: Статьи и материалы, ч. 2, с. 145).

[3] "Молодой юноша" — В.Г. Дехтерев, имя и фамилия которого обозначены инициалами, возможно, по конспиративным соображениям. По всей вероятности, в не дошедшем до нас письме Философова характеризовала В.Г. Дехтерева, в то время студента-медика и секретаря "Общества помощи женщинам, учащимся на медицинских и педагогических курсах", как "русского Лео", имея в виду героя романа Шпильгагена "Один в поле не воин". О В.Г. Дехтереве см. в статье П.Л. Лаврова "И.С. Тургенев и развитие русского общества" (*Революционеры-семидесятники*, с. 28 — 29); см. также письмо № 3778, примеч. 3.

[4] Очевидно, цитата из писем В.Г. Дехтерева (см. примеч. 1).

[5] Портфель, однако, задержался на некоторое время у Тургенева: он переслал его П.В. Анненкову для передачи Философовой в конце мая 1875 г. (см. письмо Тургенева П.В. Анненкову от 24 мая (5 июня) 1875 г.). Знакомство с этими материалами не прошло для Тургенева бесследно: оно сказалось на воспроизведении народнической среды в романе "Новь" (см. письмо № 3778, примеч. 3, и № 3797, примеч. 5).

[6] В следующем письме к Философовой, противопоставляя рекомендуемым ею деятелям либерального типа "молодых людей с мнениями гораздо более резкими, с формами гораздо более угловатыми", Тургенев подчеркивает свое положительное отношение к настоящим, в его понимании, "новым людям" (см. письмо № 3778).

3768. Бернгарду Эриху Бере (с. 159 и 325)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre*, S. 567.

Подлинник неизвестен.

[1] См. также письмо № 3738 и № 3810. Упоминаемое письмо в типографию Г. Фрёбеля не сохранилось. Рецензия Пича, которая была бы посвящена "Запискам охотника", неизвестна. Вполне вероятно, что произошла описка: "Recension" вместо "Redaktion" (редактирование).

3769. П.В. Анненкову (с. 160)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 26 — 27.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 276.

В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 7(19) августа в 1874 г. приходилось на среду.

3769а. Августу Видерту (с. 160)

Печатается по первой публикации: "Очень благодарен Вам, любезный Видерт...". Переписка И.С. Тургенева с А. Видертом / Публ. Н. Жекулина и В. Видерта // Бежин Луг, 1997, № 4, с. 155 — 156. Копия в *РГАЛИ*. Подлинник неизвестен.

[1] Письмо А. Видерта, написанное после долгого перерыва в общении (последний раз Тургенев и Видерт встречались, по-видимому, в августе 1856 г. в Берлине), до нас не дошло.

[2] Тургенев приехал на лечение в Карлсбад 3 августа н.ст. и уехал 26 августа н.ст. 1874 г.

[3] Б.Э. Бере обратился к Тургеневу с предложением издать его роман "Дым" в Митаве еще в 1867 г. (см.: *Т, ПСС и П, Письма*, т. 7, № 2123, с. 76), а в 1869 г. писатель дал согласие на издание собрания своих сочинений (см.: R i m s c h a H a n s v o n. Die bieschеr unbekannte Briefe Ivan S. Turgenevs an seinem deutschen Verleger Erich Behre in Mitau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1970, Bd. 18, H. 4, S. 530—574, а также: Т и м е Г.А. И.С. Тургенев в переписке с Бернгардтом Эрихом Бере (по новым материалам второго академического собрания писем И.С. Тургенева) // *Рус лит*, 1988, № 3, с. 170—174). Роман "Отцы и дети" в издании Бере вышел впервые в 1869 г., а затем в составе собрания сочинений в 1873 г. (т. 1); "Дым" — в 1868 и в 1873 (7-й том). Что касается "Записок охотника", то Тургенев ошибся: они составили 8-й и 9-й тома двенадцати томного собрания сочинений.

[4] А. Видерт был первым переводчиком "Записок охотника" на немецкий язык, начав переводить некоторые рассказы еще в 1852 г. В отличие от французского вольного перевода Э. Шаррьера и английских перелицовок его перевод отличался высокой точностью и мастерством. См. об этом: А л е к с е е в М.П. Мировое значение "Записок охотника" // *Тург Сб* (*Орел, 1955*), с. 47—55. Первый том "Записок охотника" в переводе Видерта вышел в Берлине в 1854 г., однако по недоразумению переводчиком второго тома был уже не он (см. об этом в указанной публикации Н. Жекулина и В. Видерта, где опубликована переписка Тургенева и Видерта по этому поводу). Кто был автором новой немецкой версии "Записок охотника", неизвестно, однако, как явствует из писем Тургенева к Э. Бере и Л. Пичу (помогавшему править перевод), он не был силен в русском языке и доставил писателю немало хлопот. Возможно, именно письмо Видерта побудило Тургенева вновь заняться правкой корректур (см.: R i m s c h a H a n s v o n. Die biescher unbekannte Briefe Ivan S. Turgenevs an seinem deutschen Verleger Erich Behre in Mitau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1970, Bd. 18, H. 4, S. 567, а также письмо Тургенева к Бере № 3846).

[5] Благодаря ходатайству К.Н. Бестужева-Рюмина, Видерту, который в это время преподавал в Харькове, удалось перевестись в Петербург. С 1877 г. он стал членом Ученого комитета Министерства народного просвещения и постоянно жил в столице, однако точных сведений о встречах Тургенева с Видертом после 1874 г. обнаружить не удалось.

3770. Гермине Зееген (с. 161 и 326)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 163. Подлинник хранится в Карлсбадском музее (Чехословакия).

Впервые опубликовано: Germanoslavica, 1936, № 1—2, april, p. 141—143.

Датируется 14(26) августа 1874 г. по сопоставлению с письмами № 3769, № 3771 и № 3773 и в соответствии с пометой на письме: "Среда".

[1] Слова Юлия Цезаря при переходе реки Рубикон.

[2] О каком письме идет речь, неизвестно.

[3] Сильный приступ подагры приковал Тургенева к постели, лишив его возможности пользоваться водами: к моменту отъезда из Карлсбада он мог двигаться только при помощи костылей.

[4] Гермина Зееген помогала Тургеневу в чтении корректуры немецкого перевода "Записок охотника" для 8-го и 9-го томов издания: *Т, Ausgewählte Werke.*

3771. П.В. Жуковскому и А.Ф. Онегину (с. 162)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28438, л. 5.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 277.

[1] Реминисценция из стихотворения Пушкина "Из письма к Вульфу" (1824):

Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

В Париж приехал только Жуковский — в октябре 1874 г. (см. письмо № 3819).

3772. Полине Брюэр (с. 162 и 326)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 288.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 278.

[1] См. письмо № 3788.

3773. Н.А. Кишинскому (с. 163)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 66—67. На подлиннике пометы Кишинского: "Получ. 24", "Отве⟨ч⟩. 25 августа".

Впервые опубликовано: в отрывке — *Отчет ПБ за 1894 год*, с. 50; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 278.

[1] См. письмо № 3752, примеч. 3, 4.

[2] См. письмо № 3752, примеч. 5.

[3] Спасское было заложено Кишинским без ведома Тургенева.

[4] См. письма № 3748, № 3753.

3774. А.Н. Пыпину (с. 163)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 250, № 587, л. 3.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 279.

[1] Это письмо Пыпина неизвестно.
[2] О какой повестке идет речь, выяснить не удалось. См. также письмо № 3796.
[3] Эта встреча не состоялась (см. письмо № 3808).

3775. Е.И. Рагозину (с. 164)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 75, л. 17.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 279.

[1] Речь идет о корреспонденции "Нынешний приезд И.С. Тургенева в С.-Петербург", напечатанной в "Русском мире" (1874, 4 авг., № 211) за подписью "П.Б." Репортер излагал в развязном тоне содержание своей беседы с Тургеневым в Петербурге в июле 1874 г., приписывая ему свои собственные измышления. А.С. Суворин в "Недельных очерках и картинках" (*СПб Вед*, 1874, 18(30) августа, № 226) высмеял эту заметку. См. также письмо № 3782.
[2] См. письмо № 3766.

3776. Н.С. Тургеневу (с. 164)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 148. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 7/19 сент. 74. Москва. 10 ч. утр⟨а⟩. 3-й неделей".
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 10, с. 128, с сокращениями.
Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 280.
Стр. 165. ковыляя (*франц.*).

[1] В списке лиц, прибывших в Москву, помещенном в № 251 "Московских ведомостей" от 9 октября 1874 г., указан И.И. Маслов, приехавший из Крыма. Письмо, о котором говорит Тургенев, — письмо № 3795.

3777. Г.Н. Вырубову (с. 165)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2198, л. 9.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 280.

[1] С 1864 г. Г.Н. Вырубов жил за границей, занимаясь изучением философии и социологии. Он был известен в научных кругах Парижа и потому мог быть полезен П.А. Писемскому.

3778. А.П. Философовой (с. 165)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенев), № 63, л. 7 – 9.

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1883, № 10, с. 222 – 225, с пропуском имени адресата и имен собственных в тексте.

Стр. 167. ее приговор произнесен (*франц.*).

[1] Черновик этого письма Философовой см.: Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Пг., 1915; т. 2, ч. 2, с. 180 – 181.

[2] См. письмо № 3767, примеч. 1, 2, а также ответное письмо Философовой, указанное выше (примеч. 1).

[3] О В.Г. Дехтереве см. письмо № 3767, примеч. 3. Работая в этот период над романом "Новь", Тургенев использовал материалы о В.Г. Дехтереве, присланные Философовой, для создания образа Кислякова. В окончательном тексте романа Нежданов, просматривая пачку переданных ему Маркеловым "кисляковских посланий", наталкивается в одном из писем на «социалистическое стихотворение, обращенное к одной девушке и начинавшееся словами: "Люби не меня — но идею!"» (ч. 1, глава XVII). Подробнее см. об этом: Буданова Н.Ф. Роман И.С. Тургенева "Новь" и революционное народничество 1870-х годов. Л.: Наука, 1983, с. 17, 20, 21.

[4] По-видимому, И.И. Дитятин.

[5] См. письмо № 3767, примеч. 3.

[6] Упрек в карикатурности образа Базарова действительно имел большую давность; в наиболее резкой форме он был высказан еще в статье М.А. Антоновича "Асмодей нашего времени" (*Совр*, 1862, № 3). Подробнее см. об этом: наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 419 – 430; см. также статью: Батюто А.И. Парижская рукопись романа И.С. Тургенева "Отцы и дети" // *Рус лит*, 1961, № 4, с. 57 – 67.

[7] Луи Блан был после февральского переворота 1848 г. во Франции "представителем рабочих" в буржуазном временном правительстве. Ему ошибочно приписывалась идея создания национальных мастерских, учрежденных временным правительством для оказания помощи безработным и не осуществивших своего назначения.

[8] В своем письме к Тургеневу (см. примеч. 1) А.П. Философова от лица "одной старушки", "нашей общей знакомой" — "стоустой молвы" — передала ряд "толков", которые возбуждало в передовых кругах имя и творчество писателя.

[9] Незадолго до переписки, установившейся между Тургеневым и А.П. Философовой, Н.К. Михайловский в "Литературных и журнальных заметках", опубликованных в "Отечественных записках" (1874, № 4), разбирая повесть "Пунин и Бабурин" и рассказ "Наши послали!", упрекал Тургенева в том, что он "зажился за границей" и «полагает, что эпизод из истории революции 1848 г.

("Наши послали!") и русского революционера можно нарисовать одними и теми же красками...» (с. 408).

[10] Первоначально Тургенев в письме от 11(23) ноября 1870 г. к П.В. Анненкову, который отнесся к "Стук... стук... стук!" отрицательно, сам полушутливо отзывался о своем рассказе (см.: наст. изд., Письма, т. 10, № 2836), но впоследствии он неоднократно подчеркивал значение психологической "студии" в рассказе (см.: наст. изд., Сочинения, т. 8, с. 497).

[11] Речь идет о романе "Новь".

[12] В начале 1870-х годов в журнале "Дело" печатались романы и повести И.В. Омулевского-Федорова, А.К. Шеллера-Михайлова, П.Д. Боборыкина, Н.Ф. Бажина, П.В. Засодимского, И.А. Кущевского, К.М. Станюковича, Н.Н. Каразина, Вас.И. Немировича-Данченко и др.

[13] Тургенев иронически использует, характеризуя В.Г. Дехтерева, определение, данное Н.Г. Чернышевским в романе "Что делать?" людям рахметовского типа.

[14] См. письмо № 3767, примеч. 1.

3779. П.В. Анненкову (с. 168)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 28—29.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 283.

Стр. 168. гостиницу "Голландия" (*франц.*).

Стр. 168. горничную (*нем.*).

[1] Анненков, собираясь приехать с семьей в Париж, неоднократно просил Тургенева подыскать ему недорогую квартиру. См., например, в письме Анненкова Тургеневу от 13 сентября н.ст. 1874 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 12, л. 121). Поездка Анненкова в Париж в 1874 г. не состоялась.

[2] Вещи, забытые Тургеневым, не нашлись. См. указанное выше письмо Анненкова Тургеневу (л. 122).

[3] См. письмо № 3714, примеч. 4.

3780. Эмме Лейзерес (с. 169 и 327)

Печатается по тексту первой полной публикации: Letters to Emma Lazarus in the Columbia University Library / Ed. by Ralph Lesley Rusk, New York, 1939, p. 17; отрывок опубликован ранее: The Century, 1888, vol. 36, № 6, p. 877. Подлинник хранится в библиотеке Колумбийского университета (Нью-Йорк).

[1] Это письмо Лейзерес неизвестно.

[2] Речь идет о книге Лейзерес "Alide: An Episode in Goethe's life" ("Алида: Эпизод из жизни Гёте"), изданной в Филадельфии в 1874 г. Отзыв Тургенева об этой книге Лейзерес см. в письме к ней от 11(23) октября 1876 г. На обороте титульного листа экземпляра книги Лейзерес, хранящегося в библиотеке Гарвардского университета, имеется копия данного письма Тургенева.

3781. Н.А. Кишинскому (с. 169)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 48, л. 68.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 284.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] Это письмо А.В. Топорова неизвестно.

[3] См. письмо № 3752, примеч. 6.

3782. А.С. Суворину (с. 170)

Печатается по копии, снятой для готовившегося к печати М.М. Стасюлевичем и В.П. Гаевским "Первого собрания писем" Тургенева (*ИРЛИ*, Архив М.М. Стасюлевича, ф. 293, оп. 1, № 1758).

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликован: *Т, Первое собрание писем*, с. 240—241, с пропуском.

Стр. 171. интервьюировать человека (*англ.*).

[1] В № 226 газеты "С.-Петербургские ведомости" от 18(30) августа 1874 г. был помещен очередной фельетон Незнакомца (Суворина) "Недельные очерки и картинки", в котором в иронической форме было передано содержание репортажа сотрудника газеты "Русский мир" П.Б. "Нынешний приезд И.С. Тургенева в С.-Петербург" (*Рус Мир*, 1874, 4 августа, № 211, с. 3) и высмеивался сам репортер — "вычищенный, выглаженный, прилизанный и высокопарный юноша". См. также письмо № 3775, примеч. 1.

[2] По поводу "красноречия" Тургенева Суворин писал следующее: "В самом деле, кто имел случай говорить с г. Тургеневым просто, тот не может не заявить, какой это блестящий, остроумный, увлекательный человек. Из русских писателей — это самый блестящий собеседник..."

[3] Очевидно, Тургенев имеет в виду трагическую смерть первой жены А.С. Суворина, Анны Ивановны, убитой 21 сентября 1873 г. в одной из петербургских гостиниц (см.: *СПБ Вед*, 1873, 21 сентября (3 октября), № 260, "Хроника"; Иллюстрированная неделя, 1873, 7 октября, № 39, с. 623). См. примеч. 5 к письму № 3527 (наст. изд., Письма, т. 12).

3783. А.В. Топорову (с. 171)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 59, л. 3—4.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 201—202.

[1] Эти письма Тургенева неизвестны.

[2] В одном из последующих писем Тургенева к Топорову (см. письмо № 3820) содержится просьба о присылке одной только книги П.Н. Полевого "История русской литературы в очерках и

биографиях". По-видимому, никакого "списочка книг" отправлено не было.

[3] Увертюра-фантазия "Ромео и Джульетта" была написана П.И. Чайковским в 1869 г. (2-я редакция относится к 1870 г., 3-я — к 1880 г.).

[4] Речь идет о романсах, вошедших в альбом, изданный А.-Ф. Иогансеном и разрешенный цензурой в С.-Петербурге 20 июня 1874 г., — "Пять стихотворений Гёте, Пушкина, Мёрике, Гейбеля и Поля, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа".

[5] См. письмо № 3781.

3784. Жюлю Этцелю (с. 172 и 327)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 287.

Письмо следует датировать 8 сентября н.ст. 1874 г., а не 8 августа н.ст. 1874 г. Тургенев приехал в Буживаль из Карлсруэ 15(27) августа 1874 г. и пробыл там по 7 октября н.ст. этого года. Именно в 1874 г. 8 сентября н.ст. приходилось на вторник, как указано в письме.

[1] Это письмо Этцеля неизвестно.

[2] Речь идет об опере К. Сен-Санса "Самсон и Далила" (1868), в которой П. Виардо исполняла партию Далилы.

[3] Несомненно, Тургенев и Этцель неоднократно встречались в этот период, так как жили близко друг от друга под Парижем.

[4] Роман "Новь", задуманный Тургеневым в 1870 г., писался с большими перерывами и был окончен в 1876 г.

[5] Это письмо Тургенева к Этцелю неизвестно.

[6] По поручению Ж. Этцеля — издателя произведений Ж. Верна во Франции и представителя его интересов в России — М.А. Маркович была посредником в деловых отношениях между Этцелем и Звонаревым, издававшим ее переводы Ж. Верна с 1869 по 1874 г. (см.: *Parménie*, p. 572). Этцель советовал М.А. Маркович не очень доверять Звонареву, который не выполнял своих финансовых обязательств (Там же. С. 555—556).

3785. Эмилю Дюрану (с. 173 и 328)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam, Corr*, p. 312—313.

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 21, p. 772—773; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1898, № 3, с. 72.

[1] Имеется в виду согласие А.Н. Островского на опубликование перевода "Грозы", выполненного Э. Дюраном, в одном из французских журналов. См. также письма № 3709, № 3735.

[2] О каком прологе идет речь, неизвестно.

3786. А.Ф. Писемскому (с. 174)

Печатается по тексту первой публикации: Новь, 1886, № 23, с. 192.

Подлинник неизвестен.

Письмо написано не ранее 15(27) августа — дня приезда Тургенева в Буживаль, и не позднее 29 августа (10 сентября), т.к. 30 августа (11 сентября) Писемский уже выехал в Россию (см. письмо 3787). В Париже Писемский находился с 10(22) августа 1874 г. (см.: *Писемский*, с. 269). В письме П.В. Анненкову от 8(20) сентября 1874 г. он сообщал, что, живя в Париже, виделся с Тургеневым "всего один раз... потом он хотел приехать в Париж, но подагра его еще сильней разыгралась, а я тоже не мог к нему поехать" (*Писемский*, с. 271). К апрелю 1875 г., когда Писемский приехал в Париж вторично, Тургенев уже выздоровел. Следовательно, письмо написано во время пребывания Писемского в Париже в августе 1874 г., но не ранее 15(27) августа — времени возвращения Тургенева из Карлсбада в Буживаль.

[1] Приехать в Буживаль вторично Писемский не смог (см.: *Писемский*, с. 271). Видимо, речь идет о романе "Мещане", над которым Писемский возобновил работу в то время. Главы из этого романа он читал Тургеневу в следующий свой приезд в Париж в апреле—мае 1875 г. (см. письмо А.Ф. Писемскому от 11(23) апреля 1875 г.).

3787. П.В. Анненкову (с. 174)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 16—17.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 288.

[1] Это письмо Анненкова неизвестно.

[2] См. письмо № 3779, примеч. 1.

[3] 1(13) сентября 1874 г. Писемский был уже в Москве (см. письмо № 3714, примеч. 4).

[4] Это письмо В.Г. Дехтерева неизвестно. О дневнике А.П. Философовой см. письмо № 3767, примеч. 2.

3788. Полине Брюэр (с. 175 и 329)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 289.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 289.

[1] См. письмо № 3799.

3789. Полине Брюэр (с. 175 и 329)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 290.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 289.

[1] Тургенев дважды сообщал о дне своего приезда (см. письма № 3793, № 3799).

3790. Н.А. Кишинскому (с. 176)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 49, л. 1—2. На подлиннике помета Кишинского: "Отвеч. 12 сентяб⟨ря⟩".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 290.

[1] Это письмо Кишинского хранится в *ИРЛИ* (№ 5838).

[2] Кишинский сообщал в нем, что во флигеле, где он живет, "пол провалился", "все столбы и накатники сгнили", и просил Тургенева разрешить на ремонт "расходу рублей более 200".

[3] Кишинский писал Тургеневу о смерти Н.П. Похвиснева, на похороны которого было выдано 25 рублей (Там же).

[4] Выплата пенсии А.А. Тимковской производилась и в 1875—1882 гг. См. письмо Тургенева к А.А. Тимковской от 20 октября (1 ноября) 1876 г., ведомости расходов по Спасской конторе (Гос. музей И.С. Тургенева в Орле, инв. № 197) и список пенсионеров Тургенева 1875—1876 гг. (*ИРЛИ*, ф. 93, собр. П.Я. Дашкова, оп. 3, № 1267).

[5] Это ответ на сообщение Кишинского в указанном выше письме: "Денег в наличности в кассе ныне до 1000 руб., но я надеюсь в скорости еще получить и вышлю уже сразу поболее".

3791. П.В. Шумахеру (с. 177)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 555, оп. 1, № 77, л. 9.

Впервые опубликовано: *Центрархив, Документы*, с. 83—84.

[1] Речь идет о первом выпуске сборника стихотворений П.В. Шумахера "Моим землякам" (Берлин, 1873). К мысли о втором издании этого сборника Тургенев возвратился в 1876 г. (см. письмо Шумахеру от 29 сентября (11 октября) 1876 г.), но реализовать ее удалось через то же берлинское издательство Бера и Бока лишь в 1880 г., причем это было не второе издание, а второй выпуск сборника "Моим землякам", содержащий пятьдесят новых стихотворений П.В. Шумахера (см. письмо Шумахеру от 17(29) августа 1880 г.).

[2] Имеется в виду заметка В.А. Соллогуба, примыкающая к его воспоминаниям "Пережитые дни. (Рассказы о себе по поводу других)", опубликованная в газете "Русский мир" 15 августа 1874 г. (№ 222). В этой заметке Соллогуб отвечал фельетонистам "Биржевых ведомостей" и ряда других мелких русских газет, высмеявших — зачастую с передергиваниями и пустым острословием — главу II его воспоминаний, в которой он излагал свои религиозные убеждения. Возможно, что среди вырезок, посланных Шумахером, был и редакционный фельетон из "Русского мира" от 4 сентября 1874 г. (№ 242), написанный в защиту Соллогуба.

3792. Ю.П. Вревской (с. 177)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ*, ф. 213, Щ 10–9.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, 5, с. 465–466, с пропуском имени и отчества адресата, замененных точками.

Стр. 177. "Я калека" (*франц.*).

[1] Это письмо Вревской к Тургеневу неизвестно.

[2] Возможно, что Тургенев имеет в виду рассказ "Часы", работа над которым была начата в Спасском 19 июня ст.ст. 1874 г. и продолжалась "с огромным перерывом" (закончена была 10(22) ноября 1875 г. — см.: *Mazon*, р. 82).

[3] Речь идет о предстоящих родах Клоди Шамро (см. письмо № 3883).

[4] См. письмо № 3716, примеч. 1.

3793. Полине Брюэр (с. 178 и 329)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1. № 44, л. 291.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 293.

[1] Речь идет об охотничьем угодье, арендованном Тургеневым в окрестностях Ружмона, которым по поручению Тургенева занимался его зять, Гастон Брюэр.

3794. Эмилю Золя (с. 179 и 330)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, N 4, р. 141–142; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1897, № 5, с. 201–202.

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] Опасения Стасюлевича были вызваны изъятием из № 9 "Вестника Европы" "Очерков новейшей литературы малорусского наречия" М.П. Драгоманова и "Внутреннего обозрения" Л.А. Полонского. Следующее цензурное замечание могло повлечь за собой запрещение журнала. См. также письмо Анненкова Стасюлевичу от 19 сентября н.ст. 1874 г. (*Стасюлевич*, т. 3, с. 306).

[3] Поездка Стасюлевича в Париж состоялась лишь в августе–сентябре 1875 г.

[4] Речь идет о печатании в "Вестнике Европы" перевода романа Золя "Проступок аббата Муре". См. письмо № 3808, примеч. 2, и № 3821, примеч. 1.

[5] См. письмо № 3706, примеч. 3.

[6] Об этом см.: К л е м а н М.К. Эмиль Золя Л., 1934, с. 231–236, 263. Эмиль Доран Форг на протяжении 1840–1860-х годов публиковал на страницах "Revue des Deux Mondes" сокращенные переводы новинок английской литературы. О нем см.: P i p -

v e r t L. Un ami de Stendhal le critique E.D. Forgues: 1813—1883. Paris, 1915. См. также письмо к Фету от 5(17) марта 1862 г. и примечания к нему (наст. изд., Письма, т. 5, № 1294).

3795. И.И. Маслову (с. 180)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 21, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 294.

1 Маслов совершил поездку по Крыму и Кавказу.
2 Тургенев купил совместно с семейством Виардо загородный дом в Буживале. Об этом см. также в письмах № 3834, № 3845.
3 В течение зимы 1874/75 г. Тургенев продолжал работу над романом "Новь" и написал рассказ "Часы".
4 В 1875 г. из произведений Тургенева появились в печати лишь перевод «Предисловия к "Двум гусарам" Л. Толстого» (*Моск Вед*, 5(17) февраля, № 34), заметка о переводе "Демона" на английский язык (*СПб Вед*, 8(20) августа, № 208), «Письмо к редактору ⟨"Вестника Европы"⟩ по поводу смерти А.К. Толстого» (*ВЕ*, № 1).

3796. А.Н. Пыпину (с. 180)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 250, № 587, л. 5.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 295.
Письмо было написано после 16 августа ст.ст. 1874 г., что устанавливается по сопоставлению его с письмом № 3774, и не позднее 11 сентября ст.ст., когда Тургенев, избавившись от подагры, начал выезжать из Буживаля (см. письма № 3794, № 3795, № 3799).

1 См. письмо № 3774.

3797. А.П. Философовой (с. 181)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 63, л. 10—11.
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1883, № 10, с. 225—226, с пропуском имени адресата и собственных имен в тексте.
Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 295—296.
Стр. 181. "будничности" (*франц.*).

1 Речь идет о письме Философовой от 17 августа 1874 г. (*Звенья*, т. 5, с. 297—301).
2 По поводу образа Базарова Философова писала Тургеневу, что она была "счастлива", узнав, что Тургенев не предполагал сделать карикатуру, а напротив, любил "свое детище". Признаваясь в том, что она под впечатлением этого образа, особенно в писаревском его толковании, начала постоянно искать Базаровых в жизни, Философова писала далее: "Я в моих исканиях разочаровалась, и, положа руку на сердце, не скажу, чтоб очень была очарована теми экземплярами, которые Вам представила; но покажите

мне других! Дайте мне фонарь Диогена: укажите мне признаки, по которым можно их признать" (с. 297—298).

[3] В.Г. Дехтерев. См. о нем в письмах № 3767, примеч. 3, и № 3778, примеч. 3, 13.

[4] О полемике, возникшей между Философовой и Тургеневым в связи с образом Базарова, и об отношении писателя к своему герою см. также письмо № 3778, примеч. 6.

[5] Мысли о невозможности "Базаровых" и о необходимости новых форм общественной деятельности легли в основу "Нови". Об отражении их в образе Соломина см.: *Революционеры-семидесятники*, с. 29—30.

[6] О большой организационной работе А.П. Философовой в области женского среднего и высшего образования см.: Тыркова А.В. Анна Павловна Философова и ее время // Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Пг., 1915, т. 1.

[7] Тургенев имеет в виду В.В. Философова.

[8] Речь идет о редакторе "Недели" Е.И. Рагозине, с которым Философова близко познакомилась во время совместной работы в "Петербургском комитете помощи голодающим". В письме к Тургеневу она характеризовала Рагозина как человека, который "самообожание доводит до более высшей температуры, чем В.Г. Д⟨ехтерев⟩", и писала о том, что он ее упрекал за "откровенность с И.С. Тургеневым» (*Звенья*, т. 5, с. 298—299).

3798. Юлиану Шмидту (с. 182)

Печатается по тексту первой публикации в русском переводе: Вестник Европы, 1909, № 3, с. 269, с добавлениями по копии И.Д. Гальперина-Каминского, опубликованной П. Уоддингтоном: Turgenev and Julian Schmidt: new or neglected material, with some omnium-gatherum Turgenevianum and an appendix, by Patrick Waddington. Pinehaven (New Zealand), 1998. P. 5. Копия Гальперина-Каминского (на французском языке) хранится в собрании М. и А. Ле сен (Париж). Подлинник, очевидно, на немецком языке, неизвестен. Впервые в собрание соч. включено (по первой неполной публикации): *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 296.

[1] Тургенев обещал выслать Шмидту "Искушение святого Антония" Г. Флобера еще 21 марта (2 апреля) 1874 г., но из-за оплошности издателя и рассеянности автора не сделал этого. См. письмо к Л. Пичу от 10(22) апреля 1874 г. и примеч. 1 к нему.

[2] Тургенев заказал в Лейпциге печатавшийся там 4-й том книги Шмидта "Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit" ("Картины из духовной жизни нашего времени"). Этот том вышел в 1874 г. под названием "Charakterbilder aus der zeitgenössischen Literatur" ("Характерные картины из современной литературы"). См. также письмо Шмидту от 14(26) ноября 1874 г., примеч. 1.

[3] В 1874 г. вышел вторым изданием 2-й том "Истории французской литературы со времен Людовика XVI" ("Geschichte der

französischen Literatur seit Ludwig XVI") Ю. Шмидта. О первом томе книги см. письмо Шмидту от 11(23) сентября 1874 г.

[4] Шмидт написал рецензию на повесть Флобера в "Preußischen Jahrbücher" (1874, Bd. 34, H. 4, S. 386—397). См. отклик на нее Тургенева в письме к Шмидту от 14(26) ноября 1874 г.

3799. Полине Брюэр (с. 183 и 331)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 292.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 297.

[1] Имеются в виду Тургенев, Луи Виардо и отец Жоржа Шамро (см. письмо № 3793).

[2] Речь идет о делах, связанных с арендованным Тургеневым охотничьим угодьем в окрестностях Ружмона. См. также письма № 3793 и № 3855.

3800. А.Ф. Онегину (с. 183)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 29352, л. 36.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 297.

Датируется 12(24) сентября 1874 г. на основании почтового штемпеля и указанного дня недели — четверг.

Стр. 183. Кафе Риш (Итальянский бульвар) (*франц.*).

3801. Бернгарду Эриху Бере (с. 184 и 331)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre*, S. 567—568.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо адресовано либо в типографии Г. Фрёбеля и затем переслано Бере, либо, как предполагает Г. Римша, в митавское издательство "Лукас" (см.: *Rimscha, Briefe an E. Behre*, S. 567).

[2] Немецкий перевод рассказа "Гамлет Щигровского уезда" вошел в первую часть "Записок охотника", как того и хотел автор. В соответствии с пожеланием Тургенева, в начале девятого тома митавского издания было помещено редакционное примечание, в котором сообщалось, что в немецкий перевод "Записок охотника" включены три новых рассказа Тургенева, отсутствующие в оригинальном издании сочинений автора (*Ibid.*, S. 568); см. также письмо № 3738, примеч. 1.

3802. П.В. Анненкову (с. 184)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 30—31.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 298.

Стр. 184. Латинского квартала (*франц.*).

Стр. 185. гостиница "Байрон", улица Лаффитт (*франц.*).

Стр. 185. "в общем" — не Бог знает что (*франц.*).

[1] Французский художник Поль Бодри (Baudry) писал в это время картины на аллегорические и мифологические сюжеты, в частности расписал фойе Grand Opéra в Париже. Анненков в своем письме от 1(13) сентября 1874 г. тоже отзывается о "фресках Baudry для оперы" довольно сдержанно (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 12, л. 122; см. также: З а б о р о в П.Р. И.С. Тургенев и западноевропейское искусство // Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986, с. 141—142).

[2] Неполная 4-я строка первой строфы стихотворения Лермонтова "Не верь себе..." (1839).

3803. Эмилю Золя (с. 185 и 331)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, N 4, p, 142—143; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1897, № 5, с. 202—203.

[1] Это письмо Тургенева к Золя неизвестно.

В ответном письме от того же 1 октября н.ст. 1874 г. Золя извещал Тургенева, что не сможет посетить его в назначенный день, и просил разрешения приехать в Буживаль вместе с Шарпантье "как-нибудь на будущей неделе" — в понедельник, вторник или среду. (Письмо Золя опубликовано: в русском переводе — Культура и жизнь, 1957, № 6, с. 49—50; во французском оригинале — *Zola, Corr*, t. II, p. 365).

[2] См. письмо № 3794, примеч. 4.

[3] Телеграмма Тургенева к Золя неизвестна.

3804. Эмилю Золя (с. 186 и 332)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, N 4, p. 143: в русском переводе — *Сев Вестн*, 1897, № 5, с. 203.

[1] См. письмо № 3803, примеч. 1.

[2] Эта встреча состоялась 9 октября 1874 г., в пятницу. Золя сообщил Флоберу: "Я обедал с Тургеневым, которому лучше" (*Zola, Corr*, t. II, p. 367).

3805. Н.А. Кишинскому (с. 187)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 49, л. 3—4. На подлиннике помета Кишинского: "Отв. 6 октяб⟨ря⟩".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 299.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] Речь идет о капитальном ремонте дома Тургенева в Спасском, а также флигеля, в котором жил управляющий с семьей.
[3] См. письма № 3781, № 3783.

3806. П.В. Анненкову (с. 188)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 32—33.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 300.
Стр. 188. это в самом деле было бы черт знает что (*франц.*).
Стр. 188. "Ты этого хотел, Жорж Данден!" (*франц.*).

[1] Анненков послал Тургеневу вместе со своим письмом и письмо К.Д. Кавелина. Он писал по этому поводу: "Посылаю любопытное письмецо Кавелина; вы мне возвратите его в Париже. Не выдержал и этот — обратился к вере русских пессимистов, против которых так ратовал" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 22). Это письмо К.Д. Кавелина к Анненкову неизвестно.
[2] Анненков писал в том же письме: "А что за умнейшая проделка судьбы, заставившей Каткова junior стрелять в другую часть Каткова senior — Леонтьева. За эдакую штуку хочется поцеловать судьбу" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 22). 11 сентября ст.ст. 1874 г. младший брат М.Н. Каткова, Мефодий Никифорович, выстрелил несколько раз (не причинив, однако, вреда) в П.М. Леонтьева — директора лицея цесаревича Николая (известного под названием катковского лицея). Причиной покушения было подозрение Меф. Н. Каткова, что его детям незаслуженно ставят низкие оценки за успеваемость (*СПб Вед*, 1874, 16(28) сентября, № 255). См. таже письмо № 3813.
[3] Новый избирательный закон, уменьшивший посредством различных ограничений число избирателей, главным образом из неимущих слоев населения, был принят 1 июня 1874 г. В итоге выборов в генеральные советы, которые прошли 4 октября 1874 г., победу одержали монархисты. Из 1400 кандидатов — 800 монархистов и 600 республиканцев.
[4] Ставшие поговоркой слова героя комедии Ж.-Б. Мольера "Жорж Данден, или Одураченный муж" (1668) (действие 1, явл. IX).

3807. Полине Брюэр (с. 189 и 333)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 293.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 301.

[1] По-видимому, речь идет о деньгах для поездки Полины Брюэр в Париж, которые Тургенев послал ей 7(19) октября 1874 г. (см. письмо № 3818).

3808. М.М. Стасюлевичу (с. 189)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464, л. 73—73 об. На подлиннике помета Стасюлевича: "отв. 30 окт⟨ября⟩ ⟨выслано⟩ 500 ⟨рублей⟩".

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1911, № 10, с. 167—168.

Стр. 190. Г-н Шарпантье, издатель, набережная Лувра, 28, Париж (*франц*.).

[1] Имеются в виду цензурные осложнения с журналом "Вестник Европы" (см. письмо № 3794, примеч. 2). М.Н. Лонгинов с 1871 г. состоял начальником главного управления по делам печати.

[2] Летом 1874 г. во время пребывания в России, а затем в Карлсбаде Тургенев вел со Стасюлевичем продолжительные переговоры относительно печатания в "Вестнике Европы" перевода романа Э. Золя "La faute de l'abbé Mouret" ("Проступок аббата Муре"), которые должны были завершиться осенью в Париже при личном свидании Э. Золя со Стасюлевичем (см. также письмо № 3821, примеч. 1).

[3] См. примеч. 1.

[4] В 1874 г. в Праге вышло первое полное издание "Записок охотника" в чешском переводе Яромира Грубы.

3809. А.Ф. Писемскому (с. 190)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 3019, л. 4. На подлиннике помета А.Ф. Писемского: "Получено во вторник 1/13 окт⟨ября⟩".

Впервые опубликовано: *Писемский*, с. 709.

[1] См. письмо Писемского Тургеневу от 5(17) сентября 1874 г. (*Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 193).

[2] Писемский просил Тургенева: "...не оставьте вашим вниманием моего сына" (Там же. С. 193). И ранее, еще в 1867 г., Тургенев оказал помощь П.А. Писемскому после его поступления в Московский университет (см.: наст. изд., Письма, т. 8, № 2066, 2067).

[3] 21 октября 1874 г. состоялось первое собрание Общества русских драматических писателей. Председателем его был избран А.Н. Островский, секретарем — В.И. Родиславский, А.Ф. Писемский — одним из членов комитета. Очевидно, В.И. Родиславский послал Тургеневу материалы по организации этого Общества. Ответное письмо Тургенева В.И. Родиславскому неизвестно. Тургенев был членом Общества русских драматических писателей (см.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за XXV-летие его существования: 1874—1899 г. М., 1899, с. 111).

3810. Людвигу Пичу (с. 191 и 333)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано: в английском переводе — The Saturday Review, 1909, 20 February, N 2782, Suppl. p. III; в русском переводе — *BE*, 1909, № 6, с. 635; в немецком оригинале — *Pietsch*, S. 123; затем: *Briefe an Pietsch*, S. 92—93.

[1] Это письмо Пича неизвестно. Тургенев намекает на то, что тон письма был радостным, приподнятым.

[2] Пич прибыл в Париж в конце декабря 1874 г., чтобы присутствовать на открытии Grand Opéra (см. письмо № 3842, примеч. 2).

[3] См. письмо № 3664, примеч. 1.

[4] По просьбе Тургенева П. Линдау написал серию статей о Г. Флобере (см. письмо № 3638, примеч. 4). Познакомившись с первыми из этих статей, Флобер просил Тургенева поблагодарить за них П. Линдау (см.: Flaubert G. Lettres inédites à Tourguéneff. Monaco, 1946, p. 85—86).

[5] Видимо, речь идет об одном из двух братьев-художников Герымских — Максимилиане или Александре, скорее — о старшем, Максимилиане, который в последний год своей жизни был болен, жил в Берлине и умер 16 сентября 1874 г. (см.: Bogucki I. Gierymski. Warszawa, 1959, с. 117—118, 163). Картину М. Герымского Тургенев купить не смог. См. письмо № 3842, примеч. 6.

[6] Предстоящие роды Клоди Шамро.

[7] О какой статье Пича идет речь, установить не удалось.

[8] Видимо, Пич возвратил Тургеневу текст французского перевода "Записок охотника" ("Récits d'un chasseur". Paris, 1858), по которому он сверял немецкий перевод "Записок охотника" для издания: *T, Ausgewählte Werke*, Bd. 8, 9.

[9] Имя переводчика неизвестно.

3811. Я.П. Полонскому (с. 192)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, собр. *ОЛДП*, № Q250, л. 108—109.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 244—245.

[1] Это письмо Полонского неизвестно.

[2] Тургенев высоко оценил напечатанный еще в 1867 г. роман Полонского "Признания Сергея Чалыгина". В 1869 г. был издан рассказ Полонского "Женитьба Атуева", одобренный Тургеневым с некоторыми оговорками. В письме идет речь о замысле Полонского написать большой роман-хронику. Под названием "Дешевый город" этот роман был опубликован впервые в № 2—6 "Вестника Европы" за 1879 г.

[3] Речь идет о поэме Полонского "Келиот". См. письмо № 3636, примеч. 3.

[4] Осенью 1874 г. происходили массовые правительственные репрессии в связи с "процессом 193-х". А.В. Никитенко в своем "Дневнике", в записи от 7 октября ст.ст. 1874 г., также отмечал: "...происходит множество арестов. Говорят, в провинциях арестовано более 500 человек, в том числе много женщин" (*Никитенко*, т. 3, с. 321). См. об этом: Государственные преступления в России в XIX веке: Сборник под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). ⟨Б.м., б.г.⟩. Т. 3: (Процесс 193-х). С. 10.

[5] В 1857 г. Полонский учился живописи в Швейцарии, Франции и Италии (см.: наст. изд., Письма, т. 3, № 560, примеч. 11). Увлечение живописью сохранилось у поэта на всю жизнь. О Полонском-художнике см. в статье Н.Н. Фоняковой "Спасское-Лутовиново в этюдах Я.П. Полонского" (*Лит Насл*, т. 76, с. 605—630).

[6] А.А. Харламов пользовался в Европе широкой известностью и признанием. Его кисти принадлежат портреты Полины, Луи и Марианны Виардо, а также самого Тургенева. См. письма № 3836, примеч. 4 и № 3858, примеч. 4.

3812. Паулю Линдау (с. 193 и 334)

Печатается по подлиннику: *DSB.*
Впервые опубликовано: *T und Deutschland*, S. 122.

[1] Имеется в виду письмо Флобера от 8 октября 1874 г. (G. Flaubert — I. Tourguéniev. Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par A. Zviguilsky. P., 1989, p. 158). См. также письма № 3638, примеч. 4 и № 3810, примеч. 4.

[2] Речь идет об издании: F l a u b e r t G. Salammbô. P., 1863. Тургенев упоминает о немецком переводе романа, который вышел во Франкфурте-на-Майне в 1863 г. и, как указывает А. Звигильский, был переведен г-жой Ричл (Ritschl) (G. Flaubert — I. Tourguéniev. Correspondance, p. 158, note 4). В письме от 8 октября 1874 г. Флобер сообщал, что не помнит имени переводчицы, "жены иенского профессора", но помнит, что обложка книги была желтой (Ibid.). Возможно, речь шла о другом переводе на немецкий язык "Саламбо", вышедшем в Наубурге в том же 1863 г. Был ли роман Флобера переведен И.Я. Вебером, неизвестно.

[3] Имеются в виду три номера "Gegenwart", в которых появилась серия статей П. Линдау о Флобере (см. письмо № 3638, примеч. 4).

[4] Речь идет о рассказе "Часы", который был закончен 11(23) ноября 1875 г. и впервые опубликован в № 1 "Вестника Европы" за 1876 г. Французский перевод рассказа был помещен в "Le Temps" (1876, 15—19, 22—26 Mars. N 5446—5450, 5454—5457). Обещания, данного Линдау, Тургенев не выполнил. В немецком переводе "Часы" появились в журнале Ю. Роденберга "Deutsche Rundschau" (1876, Bd. 6, N 2, S. 167—201).

3813. А.А. Фету (с. 193)

Печатается по подлиннику: *РГБ*, ф. 315, картон 12, № 4.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ*, с. 130—131.
Стр. 194. "будничности" (*франц.*).
Стр. 194. они оказываются иногда совершенно отвратительными (*нем.*).

[1] Речь идет о фактах, сообщенных Тургеневу в неизвестном письме Фета.
[2] Об отрицательном отношении Тургенева к Мак-Магону см. письмо № 3553 (наст. изд., Письма, т. 12).
[3] См. письмо № 3806, примеч. 2.
[4] Тургенев имеет в виду цикл стихотворений Г. Гейне "Schöpfungslieder" ("Песни творения") с характерной для Гейне иронической трактовкой темы сотворения мира.
[5] Подразумевается М.Н. Катков.
[6] Речь идет о какой-то "забавной" истории, которую Фет сообщал Тургеневу в неизвестном письме. Макмагонша — жена французского президента Мак-Магона.

3814. Паулю Гейзе (с. 195 и 334)

Печатается по подлиннику: Баварская государственная библиотека в Мюнхене (Bayerische Staatsbibliothek, München).
Впервые опубликовано: Westermanns Monatshefte, 1924, Bd. 136, S. 191; в русском переводе: Печать и революция, 1925, кн. 7, с. 105—106.

[1] Гейзе вместе с писателем Германом Курцем издавал сборники "Novellenschatz des Auslandes" ("Сокровища иностранных новелл"), куда наряду с произведениями А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и А.Ф. Писемского вошли "Первая любовь" и "Фауст" Тургенева. Как следствие письма Тургенева, между Гейзе и П.Д. Боборыкиным завязалась переписка, но в "Сокровищах иностранных новелл" произведения Боборыкина напечатаны не были, так как Гейзе в связи со смертью своего соредактора прекратил издание этих сборников.
[2] Эта встреча Тургенева с Гейзе в мае 1875 г. не состоялась, так как по пути в Карлсбад Тургенев в Мюнхен не заезжал.
[3] Этого письма Тургенев, по-видимому, не написал.

3815. А.В. Топорову (с. 195)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 59, л. 5—6.
Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 203—204.

[1] "Ромео и Джульетта". См. письмо № 3783, примеч. 3.
[2] О выходе из печати оперы А.Г. Рубинштейна "Демон" ("полный клавираусцуг со словами") писала газета "Голос" (1874, 21 сентября (3 октября), № 261).
[3] См. письмо № 3811, примеч. 4.

3816. Н.С. Тургеневу (с. 196)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 149. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 4/16 окт. 74. Москва. 3-й ч. п.п. дня. 5-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 10, с. 129, с сокращениями.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 307—308.

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] Зимой 1874 г. Н.С. Тургенев в Париж не приезжал.

3817. М.М. Стасюлевичу (с. 197)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 74.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 44—45.

В дате письма число не соответствует указанному дню недели: 5(17) октября в 1874 г. приходилось на субботу.

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] Имеется в виду издание произведений Н.В. Гоголя в 3-м томе серии "Русская библиотека" (СПб., 1874). См. письмо № 3634, примеч. 3.

[3] См. письмо № 3808, примеч. 4.

[4] См. письмо № 3808.

[5] Это письмо Стасюлевича Ж. Шарпантье неизвестно.

[6] М.М. Стасюлевич обратился с официальным запросом к Ф.И. Салаеву по поводу этого издания 15(27) мая 1875 г. О договоре, заключенном между Стасюлевичем и Салаевым, см. в статье: Чистова И.С. Тургенев и "Русская библиотека" М.М. Стасюлевича // *Т.сб*, вып. 2. С. 286—289.

[7] См. примеч. 6.

[8] Это письмо Тургенева к Ф.И. Салаеву неизвестно.

[9] Ответ Стасюлевича Тургеневу по этому вопросу неизвестен.

[10] П.В. Анненков писал Стасюлевичу 14 октября ст.ст. 1874 г. из Баден-Бадена: "Я остаюсь на зиму с семьей здесь, вместо отъезда в Париж, где, конечно, последняя не нашла бы ни того простора, удобства и тепла, какие я отыскал здесь для нее в форме прекрасной квартиры с садом, печами, коврами и проч." (*Стасюлевич*, т. 3, с. 308).

[11] Книга А.И. Кошелева "Наше положение", вышедшая в Берлине в 1875 г., была известна П.В. Анненкову, по-видимому, в рукописи. Об отношении Тургенева к книге А.И. Кошелева см. письмо № 3829.

3818. Полине Брюэр (с. 198 и 335)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 294.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 309.

[1] См. письмо № 3807, примеч. 1.

3819. П.В. Жуковскому (с. 198)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28438, л. 29.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 309.

Письмо написано после 29 сентября (11 октября) или 30 сентября (12 октября) 1874 г. — времени приезда Жуковского в Париж (см. его письмо А.Ф. Онегину из Дрездена от 10 октября н.ст. 1874 г.: *ИРЛИ*, № 28.904, л. 10). Вторая крайняя дата — 10(22) октября 1874 г., когда в очередном письме к Жуковскому Тургенев упоминает имя Арапетова вновь и уже без инициалов. По-видимому, записка была написана в понедельник 7(19) октября.

Стр. 198. *Грандотель* (бульвар Капуцинов) (*франц.*).

3820. А.В. Топорову (с. 198)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, P. I, оп. 29, № 59, л. 7—8.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 205—206.

[1] "Ромео и Джульетта" (см. письма № 3783 и № 3815).

[2] Речь идет о поступившем в продажу втором издании книги П.Н. Полевого "История русской литературы в очерках и биографиях", см.: Голос, 1874, 29 сентября (11 октября), № 269. В этом издании помещены были биография и портрет Тургенева, воспроизводящий фотографию, сделанную Бергамаско. Оценку Тургеневым этой биографии см. в письме к А.С. Суворину от 14 или 15 (26 или 27) марта — 1(13) апреля 1875 г. (наст. изд. Письма, т. 14).

[3] Мушка — вид французской карточной игры, в которой выигрывает тот, кому выпадает "мушка" — все карты одной масти.

3821. М.М. Стасюлевичу (с. 199)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 75. На подлиннике помета Стасюлевича: "отв. ⟨об⟩ услов. на оборот. 15/24 окт.".

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1911, № 10, с. 168—169.

Стр. 199. набережная Лувра (*франц.*).

Стр. 199. неизданного (*франц.*).

[1] Перевод романа Э. Золя "Проступок аббата Муре" был помещен в № 1—3 "Вестника Европы" за 1875 г.

[2] На обороте данного письма Тургенева Стасюлевич набросал черновик своего ответа: "Условия: 1) Немедленно выслать корректуру. 2) К 1-му декабря нового стиля я должен иметь, по крайней мере, первую половину романа и высылаю тотчас же половину гонорара. 3) Оригинал должен быть выслан не ранее 8/20 fev., а вся корректура должна быть у меня не позже 8/20 января, и тогда я высылаю тотчас же окончание гонорара" (см. также письмо № 3808).

[3] В программе журнала на 1875 г., помещенной в № 12 "Вестника Европы" за 1874 г., объявления о предполагавшейся публикации перевода этого романа Э. Золя не имеется.

[4] Речь идет о произведении Вас.И. Немировича-Данченко "Соловки: Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами", опубликованном в № 8 и 9 "Вестника Европы" за 1874 г. за подписью "В. Н.-Д."

3822. П.В. Жуковскому (с. 200)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28438, л. 38.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 311.

Датируется по связи с письмами № 3819 и № 3829. Единственный четверг между 7(19) и 17(29) октября 1874 г. приходился на 10(22) октября.

[1] Это письмо Тургенева к И.П. Арапетову неизвестно.

[2] О воскресениях у П. Виардо ее сын Поль Виардо писал в "Воспоминаниях артиста": "У нас были также приемы по воскресеньям... Раздавалась импровизированная увертюра, предшествовавшая шарадам, самым шутовским, самым неслыханным! Наш родственник географ Поль Жоанн, Сен-Санс и Тургенев были неизменными исполнителями первых ролей; вторые роли поручались желающим любителям. Сговорившись в двух словах, набрасывали туманный план, и каждый руководился собственною фантазией" (*Н Вр*, 1906, 21 октября, № 10994, прилож., с. 6). См. также: Репин И.Е. Автобиографические заметки: (Ответы на вопросы С. Эрнста, 1926) // Репин. М.; Л., 1948, т. 1, с. 380 (Художественное наследство).

3823. П.В. Жуковскому (с. 200)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28438, л. 41.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 311.

Датируется по связи с письмом № 3822, написанным в четверг.

[1] Эта телеграмма Тургенева к А.В. Плетневой неизвестна.

3824. Я.П. Полонскому (с. 201)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, собр. *ОЛДП*, № Q250, л. 110–111.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 245–246.

[1] Появление повести "Андрей Колосов" в "Отечественных записках" (1844, № 11) не было отмечено критикой. О более поздних оценках этого произведения см.: наст. изд., Сочинения, т. 4, с. 559–561.

[2] Полонский сообщил Тургеневу о замысле романа "Дешевый город", осуществленном в 1879 г. (см. письмо № 3811, примеч. 2). В главе XV первой части этого романа, посвященного Тургеневу, рассказывается о том, как в 1846 г. в Одессе молодой человек Ела-

томский, только что окончивший Московский университет, прочел в "старом номере" "Отечественных записок" рассказ Тургенева "Андрей Колосов" и как это произведение заставило героя задуматься об естественности — важнейшем качестве "людей необыкновенных".

[3] Биографический труд И.С. Аксакова "Федор Иванович Тютчев" был напечатан в "Русском архиве" (1874, № 10), но сразу же после напечатания конфискован цензурой (см.: И.С. Аксаков в его письмах. СПб., 1896, т. 4, с. 294).

3825. П.В. Жуковскому (с. 201)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28438, л. 43.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 312.

Датируется 15(27) октября 1874 г. по связи с письмом № 3822. Кроме того, Тургенев упоминает о своей простуде в письме № 3833. Таким образом, помета "вторник" соответствует 15(27) октября.

3826. Вильяму Дину Хоуэллсу (с. 202 и 335)

Печатается по тексту первой публикации: Seyersted P. E. Turgenev's Interest in America, as seen in his contacts with H. Boyesen, W.D. Howells and other American authors // Scando-Slavica, 1965, t. 11, p. 32—33.

Перепечатано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 216.

Подлинник хранится в Библиотеке Гарвардского университета (США).

Письмо датируется согласно указанию в вышеупомянутой статье Сейерстеда.

[1] В декабре 1873 г. Бойесен советовал Тургеневу прочесть "Венецианскую жизнь" Хоуэллса (1866), рекомендуя эти очерки путевых впечатлений автора в Италии как "одно из важнейших явлений современной американской литературы". Спустя месяц он выслал Тургеневу роман Хоуэллса "Случайное знакомство" (1873), в котором описывается "воспитание чувств" юной героини, увлекшейся надменным снобом из Бостона, а затем порвавшей с ним. Узнав от Бойесена о том, что Тургенев прочитал обе книги и выразил желание получить "Свадебное путешествие" (1872), Хоуэллс отправил Тургеневу этот роман летом 1874 г. (см.: Seyersted P. E. Op. cit. P. 32—33). Героями "Свадебного путешествия" являются молодые супруги, которые проводят медовый месяц у Ниагарского водопада. В своей книге "Мои литературные страсти" (1895) Хоуэллс писал, что Тургенев оказал на его творчество глубокое влияние.

3827. Эмилю Золя (с. 202 и 336)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 17, p. 446; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1897, № 6, с. 250.

Датируется по упоминанию о телеграмме Стасюлевича к Шарпантье, указанию дня недели ("пятница") и числа месяца "30-е". В 1874 г. Тургенев вел переговоры со Стасюлевичем о публикации перевода романа Золя "Проступок аббата Муре" в "Вестнике Европы" (см. письма 3803, 3804, 3808, 3817, 3821, 3832, 3833). К концу октября в Париж должен был прийти окончательный ответ Стасюлевича. Пьеса, о которой идет речь, — поставленная в театре "Cluny" комедия Золя "Наследники Рабурдена". Тургенев просил Золя о билете (ср. с письмом № 3832). Ближайшая к 18(30) октября 1874 г. среда — 16(28) октября.

[1] Генеральная репетиция и премьера были перенесены (см. письмо № 3835). В записке от 29 октября 1874 г. Золя сообщал о переносе премьеры и обещал оставить билет для Тургенева (см.: *Zola, Corr*, t. II, p. 369).

[2] Телеграмма Стасюлевича к Шарпантье неизвестна.

3828. А.В. Топорову (с. 203)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 59, л. 9—10.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 206—207.

[1] См. письмо № 3815, примеч. 2.

[2] См. письмо № 3820, примеч. 2.

[3] См. письмо № 3783, примеч. 4.

[4] Романс "Финская песня" (на слова Гёте) посвящен Ю.Ф. Абаза; "Весенний вечер" (на слова Э. Гейбеля) — А.А. Поляковой. О.А. Петрову был посвящен романс "Nachtwandler" (см. письмо к П. Виардо от 28, 29 мая (9, 10 июня) 1874 г.).

[5] Цензурное разрешение на издание альбома "Пять стихотворений Гёте, Пушкина, Мёрике, Гейбеля и Поля, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа" было получено еще 20 июня 1874 г.

3829. П.В. Анненкову (с. 203)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 34—35.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 314.

Стр. 204. и мы еще приятно проведем время (*франц.*).

[1] Книга Анненкова "А.С. Пушкин в Александровскую эпоху" вышла отдельным изданием в 1874 г.; Анненков послал ее в дар Тургеневу, о чем сообщал ему в письме от 10(22) октября (*ИРЛИ*,

ф. 7, № 10, л. 26). См. также письма 3611, примеч. 2, № 3625, примеч. 7, № 3635, примеч. 6, 7.

[2] Недоразумения между Тургеневым и А.В. Плетневой возникли по поводу очерка "Литературный вечер у Плетнева" (*Рус Арх*, 1869, № 10). Подробно об этом см.: наст. изд., Письма, т. 10, № 2624, примеч. 1; Сочинения, т. 11, с. 332.

[3] См. письмо № 3817, примеч. 11.

[4] См. письмо № 3824, примеч. 3.

3830. Томасу Перри (с. 204 и 336)

Печатается по тексту первой публикации в кн.: Selections from the Letters of Thomas Sergeant Perry / Ed. with an introduction by Edwin Arlington Robinson. New York, 1929, p. 254.

Перепечатано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 217.

Подлинник неизвестен.

[1] В этой статье Перри, в частности, указывал, что такие произведения, как "Дворянское гнездо", "Вешние воды", "Накануне", "Отцы и дети", представляют для читателя независимо от его национальности особый интерес, потому что Тургенев изображает любовь не как "тривиальное заблуждение или примитивную слабость, но как одно из великих и неизбежных таинств человеческой жизни, благодаря которому люди в полной мере раскрывают все стороны своего характера". "Тургенев, — добавлял он, — показывает мужчин и женщин такими, какие они есть; их достоинства и недостатки являют нерасторжимое единство" (Athlantic Monthly, 1874, May. vol. 33, p. 575). См. также письмо № 3379 (наст. изд., Письма, т. 12).

3831. Хьялмару Бойесену (с. 205 и 336)

Публикуется по тексту первой (неполной) публикации: Indianapolis News, 1893, September 30.

Подлинник неизвестен.

Дата указана в первой публикации.

[1] Речь идет о посвященной Тургеневу книге Бойесена: Gunnar: a tale of Norse life. Boston, 1874 ("Гуннар: повесть из норвежской жизни"). В автобиографии 1882 г. Бойесен писал о Тургеневе: "Его критика некоторых моих произведений оказала значительное влияние на меня, не говоря уже о влиянии на меня его творчества. Я преклоняюсь перед ним и он, кажется, расположен ко мне" (сообщил Пер Е. Сейерстед). См. также письмо № 3612.

3832. Эмилю Золя (с. 205 и 337)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 17, P. 440; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1897, № 6, с. 245.

Датируется по содержанию и в связи с письмом № 3833. Дата, указанная в публикациях, неверна. Как явствует из письма 3833, писатель в тот же день "сообщил содержание" ответа редактора "Вестника Европы" Золя. Речь шла о печатании в русском журнале романа Золя "Проступок аббата Муре". Указал Тургенев и на одну характерную фразу своего письма к Золя: он говорил, что "поручился" за "платежеспособность" ("solvabilité") Стасюлевича.

1 Ср. с письмом № 3852.

2 Перевод романа Золя "Проступок аббата Муре" появился в "Вестнике Европы" (1875, № 1—3) раньше, чем во Франции. Тургенев был посредником в переговорах между Стасюлевичем, Золя и французским издателем Шарпантье.

3 Телеграмма и письмо Стасюлевича к Шарпантье неизвестны.

4 См. № 3827, примеч. 1.

5 Речь идет о пьесе Золя "Наследники Рабурдена", премьера которой состоялась в парижском театре "Cluny" 3 ноября н.ст. 1874 г.

3833. М.М. Стасюлевичу (с. 205)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 76. На подлиннике помета Стасюлевича: "отв. 28/16".

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. 3, с. 46.

Стр. 205. "платежеспособность" (*франц.*).

1 См. письмо № 3821, примеч. 2.

2 Имеются в виду корректурные листы французского издания романа Э. Золя "La faute de l'abbé Mouret" ("Проступок аббата Муре"). См. письма № 3808, примеч. 2, и № 3821.

3 Речь идет об издании избранных произведений В.А. Жуковского в одном из томов "Русской библиотеки" (см. письмо № 3635, примеч. 3).

4 П.В. Жуковский в письме к Стасюлевичу от 14(26) октября писал: "Спешу сообщить Вам, что мне будет весьма приятно увидеть некоторые сочинения моего отца помещенными в Вашем прекрасном издании русских классиков; но так как я продал последнее полное издание этих сочинений петербургскому книготорговцу Глазунову, то покорно прошу обратиться к нему с Вашим запросом, причем Вы можете довести до его сведения, что с моей стороны не предстанет никаких препятствий к тому, чтобы он уступил Вам те сочинения, которые Вы желали бы поместить в Вашем издании" (*ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 569, л. 1). Избранные сочинения В.А. Жуковского были изданы в 4-м томе "Русской библиотеки" (1875).

3834. Н.С. Тургеневу (с. 206)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 150—151. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 27 окт./8⟨ноября⟩ 74. Москва. 8-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 10, с. 129, с сокращениями.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 316.

[1] См.: наст. изд., Письма, т. 1, № 107; т. 9, № 2319, примеч. 3.

[2] Речь идет об издании: Сочинения И.С. Тургенева: (1844—1868—1874). Ч. 1—8. Изд. бр. Салаевых, М., 1874. Это письмо Тургенева к Ф.И. Салаеву неизвестно.

[3] См. письмо № 3776, примеч. 1, и 3795. Письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[4] Об этом см. письмо № 3795, примеч. 2.

3835. П.В. Жуковскому (с. 207)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28438, л. 39.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 316.

Дата письма определяется временем постановки на сцене пьесы Э. Золя "Les héritiers Rabourdin" ("Наследники Рабурдена"), ибо других постановок его произведений в период парижской переписки Тургенева с Жуковским (1874—1876 гг.) не было. Премьера пьесы "Наследники Рабурдена" состоялась на сцене парижского театра "Cluny" 3 ноября 1874 г., во вторник. Генеральная репетиция, предшествующая премьере, состоялась 1 ноября н.ст., в воскресенье (см. письмо № 3827, примеч. 1).

3836. В.В. Стасову (с. 207)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 738, № 233, л. 17—18.

Впервые опубликовано: *Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 169.

[1] По сообщению В.В. Стасова, Тургенев передал в дар Публичной библиотеке через Д.И. Брюханова, который занимался приведением в порядок библиотеки писателя, корректурный экземпляр "Илиады" в переводе Н.И. Гнедича, принадлежавший ранее В.Г. Белинскому. Одним из авторов замечаний на полях был не А.И. Тургенев, как предполагал писатель, а цензор А.И. Красовский (см. об этом: С т а с о в В.В. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним // *Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 169).

[2] Поэма "Гашиш" А.А. Голенищева-Кутузова написана на сюжет, подсказанный В.В. Стасовым, и посвящена ему. В поэме описаны видения, вызванные употреблением гашиша (см.: Дело, 1875, № 5, с. 90—104).

[3] Речь идет о серии пьес Н.В. Щербачева для фортепьано "Зигзаги" (1873—1874 гг.).

[4] Портрет Полины Виардо, написанный А.А. Харламовым в конце 1874 г., был выставлен в Парижском Салоне в марте 1875 г.

Тургенев с большой похвалой отзывался о портрете (см. письма № 3842, № 3844). По его просьбе Э. Золя посмотрел портрет в мастерской художника в процессе работы и дал о нем после открытия выставки хвалебный отзыв в "Парижских письмах" (*ВЕ*, 1875, № 6, с. 895). Об этом портрете см.: А л е к с е е в М.П. По следам рукописей И.С. Тургенева во Франции // *Рус лит*, 1963, № 2, с. 66—67.

3837. Н.А. Кишинскому (с. 208)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 49, л. 5—6. На подлиннике пометы Кишинского: "От‹в›. 26 ноября", "100 р. Топорову 7 ноября", "100 р. г. Топорову выслано 9-го ноября 1874 года".

Впервые опубликовано: в отрывке — *Отчет ПБ за 1894 год*, с. 50, 52; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 317.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] См. письма № 3781, № 3869, № 3870.

[3] Речь идет о хозяйственной ведомости. См. письмо № 3840.

[4] В 1876 г. Тургенев был вынужден уволить Кишинского, так как слухи о нечестности последнего подтвердились фактами (см. письма к Ю.П. Вревской от 14(26) июля 1876 г. и к Н.А. Щепкину от 26 июля (7 августа) 1876 г.).

[5] Здесь говорится о земельном устройстве крестьян села Тапки Малоархангельского уезда Орловской губернии и о получении с них выкупных платежей за землю.

[6] Деревни, при которых находились принадлежащие Тургеневу земли. Голоплеки расположены в трех километрах от Спасского.

3838. Ю.П. Вревской (с. 209)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ*, ф. 213, Щ 10—10.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 5, с. 466—467, с пропуском имени и отчества адресата, замененных точками.

[1] См. письмо № 3716, примеч. 1.

[2] См. письмо 3792, примеч. 3.

3839. Полине Брюэр (с. 209 и 337)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 241.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 319.

Датируется на следующих основаниях: письмо написано во время пребывания Полины Брюэр в Париже, не ранее 7 ноября н. ст. 1874 г., когда состоялась премьера спектакля "Le Tour du Monde en quatre-vingts jours", и не позднее 9 августа н.ст. 1875 г., когда появился четвертый член семьи Брюэров, Жорж ("Целую вас всех троих"). На протяжении этого периода известно только об одном пребывании П. Брюэр в Париже — в ноябре 1874 г. (см.

письма № 3818, 3855). Судя по записям в дневнике Ф.Н. Тургеневой от 13 и 14 ноября н.ст. 1874 г., можно предположить, что 13 ноября н.ст. Гастон Брюэр уехал в Ружмон, оставив Полину в Париже (см.: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4623, л. 32). Таким образом, письмо, вероятно, было написано между 7 и 13 ноября н.ст., в понедельник, т.е. 28 октября (9 ноября) 1874 г.

[1] Пьеса "Le tour du Monde en quatre-vingts jours" ("Вокруг света в восемьдесят дней") является сценической переработкой романа Ж. Верна, осуществленной Адольфом Деннери. Пьеса была впервые поставлена 7 ноября н.ст. 1874 г. в театре "Porte-Saint-Martin" (см.: Le Figaro, 1874, 8, 10 novembre, № 297, 299). Спектакль имел большой успех и шел ежедневно в ноябре и декабре 1874 г., а также в течение всего 1875 г.

[2] Пятиактная комедия в прозе Александра Дюма-сына "Le Demi-Monde" ("Полусвет") была написана и впервые поставлена в театре "Gymnase" в 1855 г. В 1874 г. комедия была поставлена на сцене театра "Comédie Française". Премьера состоялась 29 октября н.ст. 1874 г. (см.: Le Figaro, 1874, 30 octobre, № 288). Спектакль шел до мая 1875 г.

3840. Н.А. Кишинскому (с. 210)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 49, л. 7—8. На подлиннике помета Кишинского: "Отве⟨ч⟩. 6 нояб.".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 319.

[1] Это письмо Кишинского неизвестно.

[2] Село Кадное Ефремовского уезда Тульской губернии. См. также письмо № 3885 и примеч. 1 к нему.

[3] См. письмо № 3837, примеч. 5.

3841. А.А. Фету (с. 211)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 79—80.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 299—301, с пропусками. Полностью: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 320.

Стр. 212. вы все это изменили (*франц.*).

Стр. 212. с грустью взглянуть на самого себя (*франц.*).

[1] См. письма № 3672 и 3813.

[2] Письмо Фета Тургеневу с таким упреком по адресу Каткова неизвестно.

[3] Фет был в Куртавнеле в 1856 г. (см.: *Фет*, ч. 1, с. 149—161).

[4] См. письмо № 3625, примеч. 7.

[5] Не совсем точная цитата из письма П.В. Анненкова к Тургеневу от 5 ноября н.ст. 1874 г. (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 28).

[6] В недошедшем до нас письме Фет, очевидно, хвалил П.И. Борисова, опекуном которого он был, за то, что тот не подвержен либеральным идеям, что вызвало ироническое высказывание Турге-

нева о детях — "*не* либералах". Имя Шиллера упомянуто было Фетом, возможно, в связи с реминисценцией из стихотворения "Элевзинский праздник" (1798). Ср. у Шиллера (в пер. В.А. Жуковского):

Чистой жертвы не отринул
На Олимпе царь Зевес;
Он во знамение кинул
Гром излучистый с небес.
Вмиг алтарь воспламенился,
К небу жертвы дым взлетел;
И над ней горé явился
Зевсов пламенный орел.

Ссылка Тургенева на "самого того Шиллера", возможно, содержала намек на эволюцию поэта, отдавшего в молодости дань революционным идеям, но после Революции 1789—1794 гг. и якобинского террора пересмотревшего свои убеждения.

[7] Неточная цитата из комедии Мольера "Le médecin malgré lui" ("Лекарь поневоле") (действие II, явл. 6).

3842. Людвигу Пичу (с. 212 и 337)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано: в английском переводе — The Saturday Review, 1909, 20 February, № 2782, Suppl, p. III; в русском переводе — *ВЕ,* 1909, № 6, с. 635—636. В немецком оригинале — *Pietsch,* S. 123—127; затем: *Briefe an Pietsch,* S. 93—94.

[1] Это письмо Пича к Тургеневу неизвестно. Видимо, в нем он поздравлял Тургенева с днем рождения — 28 октября (9 ноября).

[2] Пич прибыл в Париж в конце декабря 1874 г., чтобы присутствовать на открытии вновь отстроенной "Grand Opéra", которое состоялось 5 января 1875 г., о чем Пич сообщил в свою газету (см.: L.P. Pariser Wintertage. III. Die Eröffnung der Grossen Oper // Vossische Zeitung, 1875, 9. Januar, № 7. прилож. 1; 10. Januar, № 8, прилож. 4).

[3] См. письмо 3798, примеч. 2, и 3849, примеч. 1.

[4] В "Preußische Jahrbücher" (Bd. 34, H. 4. Berlin, 1874) была напечатана рецензия Ю. Шмидта на книгу К. Дюнтцера "Шарлотта фон Штейн" (1874), в которой автор защищал подругу Гёте от нападок на нее, появившихся в печати. Шмидт, приветствуя общую тенденцию автора, не соглашался, однако, с оценкой характера Ш. фон Штейн: "Она не была холодной интриганкой... но не была также гармонической натурой, какой обрисована она у Дюнтцера". Шмидт признавал ее большое влияние на Гёте. См. также письмо № 3849.

[5] Повесть Т. Шторма "Waldwinkel" ("Лесной уголок") была напечатана в "Deutsche Rundschau" (1874, Bd. 1, S. 94—131).

[6] Видимо, это замечание было сделано по поводу картины М. Герымского (см. письмо 3810, примеч. 5).

[7] Портрет П. Виардо кисти А.А. Харламова был закончен в декабре 1874 г. (см. письмо № 3836, примеч. 4).

[8] Речь идет о корректуре немецкого перевода "Записок охотника", составившего 8-й и 9-й тома издания: *Т, Ausgewählte Werke* (см. также письма № 3691, примеч. 4, и № 3846).

3843. М.М. Стасюлевичу (с. 213)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 77. На подлиннике помета Стасюлевича: "отв. о деньгах 9 ноября".

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 363.

[1] Эта телеграмма Тургенева Стасюлевичу неизвестна.

[2] Речь идет о публикации романа Золя "Проступок аббата Муре" в "Вестнике Европы" (см. письмо № 3833, примеч. 2). Ж. Шарпантье писал Стасюлевичу 12 ноября н.ст. 1874 г.: "В следующий понедельник, 16-го, будут отправлены корректуры первой половины романа Эмиля Золя. Вторая половина Вам будет послана, согласно вашему желанию, до 8-го января, а оригинал будет отправлен не раньше 8-го февраля, согласно нашему уговору" (перевод с французского: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1575, л. 1).

[3] См. письмо 3854.

[4] "Катковкой" (по имени М.Н. Каткова) Тургенев называл подагру.

3844. П.В. Анненкову (с. 214)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 7, № 101, л. 36—37.

Впервые опубликовано: в отрывке — *Зильберштейн. Репин и Т*, с. 32; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 323.

Стр. 214. "свобода передвижения" (*франц.*).

[1] См.: наст. изд., Письма, т. 7, № 1806, примеч. 1.

[2] Вероятно, Тургенев имеет в виду мнение Э. Золя о картинах А.А. Харламова. См. письмо № 3836, примеч. 4.

[3] В октябрьском и ноябрьском номерах "Вестника Европы" за 1874 г. продолжалась публикация работы А.Н. Пыпина "В.Г. Белинский: Опыт биографии". Анненков писал Тургеневу 24 октября (5 ноября): "Пыпин дал наилюбопытнейшую переписку Белинского, которая так и бьет своей правдой. Вот был господин, который себя отпечатывал в каждой букве письма и в каждом слове разговора. Отпечатки эти подобраны очень ловко Пыпиным и составили такую физиономию, что оторваться нельзя. Повеяло ли и на Вас от статьи этим послушным и ярым гением, кротким и бурным в одно время, которого мы знали" (*ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 28). См. также письма № 3622, примеч. 2, и № 3627, примеч. 4.

[4] В сентябрьском номере "Отечественных записок" за 1874 г. была напечатана X глава "Благонамеренных речей", вошедшая затем во вторую главу цикла под названием "Охранители".

[5] На предстоящей сессии Национального собрания вновь должен был решаться вопрос о форме правления во Франции.

[6] Об этих арестах см. письмо № 3811, примеч. 4.

[7] Роман А. Доде "Fromont jeune et Risler aîné" ("Фромон младший и Рислер старший") вышел в 1874 г. в издании Ж. Шарпантье и имел большой успех.

[8] Видимо, речь идет о предисловии к переводимой В.М. Михайловым "Deutschland. Ein Wintermärchen" ("Германия. Зимняя сказка") Г. Гейне, которое было написано Тургеневым в декабре. Какую "музыку" получил Тургенев от владелицы книжного магазина г-жи Маркс, установить не удалось.

[9] Анненков в ответном письме от 17(29) ноября опроверг это подозрение (см.: *ИРЛИ*, ф. 7, № 10, л. 29).

3845. Н.С. Тургеневу (с. 215)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 152—153. На подлиннике пометы Н.С. Тургенева: "Пол. 16/28 нояб. 74. Москва. 10-м днем"; "18-го ноября 1874. был у Маслова за справкой. Был у Салаева".

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 10, с. 129—130, с сокращениями.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 324.

Стр. 215. мелочная экономия (*фран.*).

Стр. 215. как молодые ветреники (*франц.*).

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] Тургенев имеет в виду следовавшие одно за другим издания: Сочинения И.С. Тургенева: (1844—1868), Ч. 1—8. М., Изд. бр. Салаевых, 1868—1871; Сочинения И.С. Тургенева: (1844—1868—1874), Ч. 1—8. Изд. бр. Салаевых, М.; 1874.

[3] См. письмо № 3795, примеч. 2.

[4] См. письма № 3795, № 3853.

3846. Бернгарду Эриху Бере (с. 216 и 339)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre*, S. 568.

Подлинник неизвестен.

Стр. 216. и так до бесконечности (*лат.*).

[1] Имеется в виду перевод рассказа "Мой сосед Радилов". Тот же вопрос Тургенев обсуждал и в письме к Л. Пичу (№ 3842). Указанное писателем место перевода после просмотра автором и Л. Пичем было исправлено. Слово "сажалка" (южно-русский диалектизм), обозначавшее вырытый в грунте небольшой бассейн для водоплавающей птицы и даже для купания, которое было характерно для степных, маловодных районов и поэтому не очень понятно не только немцам, но и соотечественникам, сам Тургенев заменил словом "лужица" (ср.: *Briefe an E. Behre*, S. 569).

3847. Юлиусу Роденбергу (с. 217 и 340)

Печатается по подлиннику: Архив Гёте и Шиллера, Веймар (Goethe-und-Schiller-Archiv, Weimar).

Впервые опубликовано в русском переводе: *ВЕ*, 1909, № 4, с. 659—660.

[1] Письмо Роденберга неизвестно. Видимо, в нем он предлагал Тургеневу сотрудничать в своем журнале "Deutsche Rundschau".

[2] Речь идет о романе "Новь" и рассказе "Часы". См. также письмо № 3812, примеч. 4.

[3] Имеется в виду октябрьский номер "Deutsche Rundschau", который был прислан Тургеневу Л. Пичем (см. письма № 3842, № 3849).

[4] Журнал "Revue des Deux Mondes" был очень популярен в ту пору во всем мире и объединял лучшие литературные силы. В нем печатались и переводы произведений Тургенева.

3848. В.В. Стасову (с. 218)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 738, № 223, л. 20—21.

Впервые опубликовано: *Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 170—171.

[1] Имеется в виду серия пьес для фортепьяно Н.В. Щербачева "Зигзаги" и поэма А.А. Голенищева-Кутузова "Гашиш" (см. письмо № 3836).

[2] В.В. Стасов в "С.-Петербургских ведомостях" (1874, 30 октября (11 ноября), № 299) сообщил о том, что на экземпляре "Отцов и детей", принадлежавшем Публичной библиотеке, Тургенев засвидетельствовал свои вставки частей текста, измененных или исключенных М.Н. Катковым при печатании романа в "Русском вестнике". В своем ответе М.Н. Катков (*Моск Вед*, 1874, 1(13) ноября, № 273) настаивал на том, что все изменения в тексте "Отцов и детей" сделаны с согласия автора. Эта явная ложь и возмутила Тургенева. См. об этом воспоминания Стасова (*Сев Вестн*, 1888, № 10, с. 170) и комментарий А.И. Батюто к роману "Отцы и дети": наст. изд., Сочинения, т. 7, с. 424—435.

К письму приложена следующая записка Н.В. Щербаня от 11(23) ноября 1874 г.: «Я захожу к Вам так неудачно, дорогой Иван Сергеевич, что или не застаю Вас дома, или же застаю хворающим. Последний Ваш недуг, помешавший пожать Вам руку, тем более опечалил меня, что хотелось возобновить в памяти, совместно с Вами, обстоятельства, сопровождавшие корректуру "Отцов и детей", о которой мне приходится теперь собрать свои воспоминания, по поводу экземпляра Публичной библиотеки, заметки о нем "СПб. в⟨едомстей⟩" и ответа на нее "М⟨осковских⟩ в⟨едомостей⟩". Дело, впрочем, представляется мне свежо! Да, занятый другим, раньше субботы я к нему не обращусь, а до тех пор, может

быть, еще увидимся. Ваш всегда Н. Щербань» (*РНБ*, ф. 738, № 223, л. 22). См. также письмо № 3870, примеч. 3.

[3] Н.Л. Тютрюмов в статье "Несколько слов касательно отречения г. Верещагина от звания профессора живописи" (Русский мир, 1874, 27 сентября (9 октября), № 265) утверждал, что В.В. Верещагин не сам писал свои картины, а нанимал живописцев в Мюнхене. В.В. Стасов разоблачил клевету Тютрюмова (По поводу статьи Н. Тютрюмова // *СПб Вед*, 1874, 30 сентября (12 октября), 8(20) октября) и впоследствии не раз возвращался к этому инциденту (см.: С т а с о в В. Избр. соч. М., 1952, т. 3, с. 114, 276; З и л ь б е р ш т е й н И.С. Тургенев и художник В.В. Верещагин // *Лит Насл*, т. 73, кн. 1, с. 294—295).

3849. Юлиану Шмидту (с. 219)

Печатается по копии из бумаг И.Д. Гальперина-Каминского, опубликованной П. Уоддингтоном: Turgenev and Julian Schmidt: new or neglected material, with some omnium-gatherum Turgenevianum and an appendix, by Patrick Waddington. Pinehaven (New Zealand), 1998. P. 5. Копия, по предположению П. Уоддингтона, снята была не самим Гальпериным-Каминским, а Ю. Шмидтом или его женой; ныне хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 326, в русском (неполном) переводе, по первой публикации в "Вестнике Европы". Дополнено по публикациям на английском и французском языках. Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо № 3798, примеч. 2. В книге Шмидта "Charakterbilder aus der zeitgenössischen Literatur» ("Характерные картины из современной литературы") есть статья "Тургенев и Писемский", в которой он анализирует "Тысячу душ" Писемского и последние произведения Тургенева ("Призраки", "Степной король Лир", "Несчастная", "Странная история", "Казнь Тропмана"). Перевод этой статьи был напечатан в № 42—44 "Газеты Гатцука" за 1875 г.

[2] См. письмо № 3640, примеч. 2, 3.

[3] См. письмо № 3842, примеч. 4.

[4] Речь идет о романе "Новь".

[5] "Записки охотника" в немецком переводе вошли в 8-й и 9-й тома издания: *Т, Ausgewählte Werke.*

[6] В 9-м томе этого издания были напечатаны три новых рассказа, ранее неизвестных в немецком переводе: "Живые мощи", "Стучит!", "Конец Чертопханова". С "Живыми мощами" и "Концом Чертопханова" Шмидт был знаком ранее (см. письма № 3664, — наст. изд., т. 12, № 3353). Видимо, речь идет о рассказе "Стучит!", который Тургенев закончил 10(22) июня 1874 г.

[7] Тургенев послал Шмидту первые четыре тома серии романов Э. Золя "Les Rougon-Macquart" ("Ругон-Маккары") (см. письмо № 3763, примеч. 1).

[8] Тургенев имеет здесь в виду роман Э. Золя "Проступок аббата Муре".

[9] См. письмо № 3844, примеч. 7.

[10] В первом номере "Deutsche Rundschau" за 1874 г. были напечатаны "Auf der Wache" ("На страже") Ауэрбаха и "Waldwinkel" ("Лесной уголок") Шторма. Мнение Тургенева о новелле Шторма см. в письме № 3851.

3850. Ю.П. Вревской (с. 220)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ,* ф. 213, Щ 10 – 11.

Впервые опубликовано: *Щукинский сб.*, вып. 5, с. 467 – 468, с пропуском имени и отчества адресата, замененных точками.

[1] Это письмо Вревской неизвестно.

[2] Ю.П. Вревская (урожд. Варпаховская) в 1857 г. стала женой известного на Кавказе генерал-лейтенанта И.А. Вревского, но вскоре (в 1858 г.) осталась вдовой (см.: Назарова Л.Н. И.С. Тургенев и Ю.П. Вревская // *Рус лит,* 1958, № 3, с. 185).

[3] См. письмо № 3716, примеч. 1.

[4] Тургенев приехал в Карлсбад 23 мая (4 июня) и уехал оттуда 2(14) июля 1875 г. (см. письма его к П.В. Анненкову от 24 мая (5 июня) и к М.М. Стасюлевичу от 28 июня (10 июля) 1875 г.). Вревская в августе 1875 г. лечилась в Мариенбаде (см.: Marienbader Curliste, 1875, 31. Juli, № 112), а до этого заезжала в Карлсбад для встречи с писателем (см. письма Тургенева к ней от 25 июля (6 августа) и 5(17) октября 1875 г.).

[5] Тургенев приводит заключительную строку из стихотворения Пушкина "Зима. Что делать нам в деревне?.." (1829). Предшествующая строка, которую он просит отыскать — "Как жарко поцелуй пылает на морозе!".

[6] См. письмо № 3883.

3851. Людвигу Пичу (с. 221 и 341)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано: в английском переводе — The Saturday Review, 1909, 20 February, № 2782, Suppl, p. III; в русском переводе — *BE*, 1909, № 6, с. 636 – 637. Вновь опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch,* S. 127; а также: *Briefe an Pietsch,* S. 94 – 95.

[1] Речь идет о небрежности перевода. См. письмо № 3842.

[2] Пич прибыл в Париж в конце декабря на открытие Grand Opéra. См. письмо № 3842, примеч. 2.

[3] См. письмо № 3849, примеч. 10.

[4] Опера Моцарта "Дон Жуан", действие 1, сцена 3.

[5] По-видимому, Пич высказал свое мнение о повести Шторма в письме, нам неизвестном.

[6] Семья Виардо и Тургенев ожидали исхода родов Клоди.

[7] Муниципальные выборы, происходившие во Франции 10(22) ноября 1874 г., принесли решительную победу республиканцам. Опубликованные 24 ноября н. ст. в "République française" предварительные итоги выборов по 177 городам дали следующие результаты: 4004 республиканца, 13 легитимистов, 64 орлеаниста, 32 бонапартиста и 192 перебаллотировки (см.: *СПб Вед*, 1874, 17 ноября, № 317).

3852. Эмилю Золя (с. 222 и 342)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского (Париж). Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Датируется предположительно по связи с письмом к Стасюлевичу от 4(16) ноября 1874 г. (№ 3843) и пометой Тургенева "пятница"; первая пятница после упомянутого письма к Стасюлевичу приходилась на 15(27) ноября. Кроме того, Флобер, посетить которого Тургенев приглашает Золя в воскресенье, уехал из Парижа 17(29) сентября и вернулся только 16(28) ноября, т.е. в субботу (см.: *Flaubert, Corr*, s. VII, p. 217).

[1] Ведя переговоры о сотрудничестве Золя со Стасюлевичем, Тургенев нередко писал эту трудную для француза фамилию по слогам (ср. с письмом № 3832).

[2] О каких статьях идет речь, установить не удалось.

3853. И.И. Маслову (с. 222)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 445, л. 47—48.

Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 246—247.

[1] Это письмо Маслова неизвестно.

[2] Начальная строка стихотворения Лермонтова "Благодарность" (1840).

[3] Тургенев приехал в Россию только в конце мая ст. ст. 1876 г.

[4] Маслов совершал поездку по югу России. См. письмо № 3795.

[5] В своей работе "Ф.И. Тютчев", напечатанной в № 10 "Русского архива" за 1874 г., И.С. Аксаков в первой ее половине подробно излагал биографию Тютчева, во второй — стремился сблизить воззрения Тютчева со славянофильскими (см. также письмо № 3824, примеч. 3).

[6] С.П. Боткин сопровождал императрицу Марию Александровну как лейб-медик Александра II в ее поездке в Сан-Ремо, курортный город в Северной Италии (область Лигурия), близ границы с Францией.

3854. М.М. Стасюлевичу (с. 223)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 78. На подлиннике помета Стасюлевича: "отв. и высл. 150 руб. 13 XII".

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 364.

[1] Упоминаемые письма Стасюлевича к Тургеневу и Тургенева к Шарпантье неизвестны. Речь идет о гонораре Золя за публикацию перевода "Проступка аббата Муре" в "Вестнике Европы" (1875, № 1—3), появившегося на месяц ранее выхода романа в оригинале (см. также письмо № 3883). Печатание произведений в русских изданиях до появления их в оригинале было единственной мерой обеспечения авторского контроля над переводами при отсутствии литературной конвенции между Францией и Россией. См. об этом: Эмиль Золя — сотрудник "Вестника Европы" // Клеман М.К. Эмиль Золя. Л., 1934, с. 267, 269, 270.

[2] См. письма № 3843, № 3844.

3855. Полине Брюэр (с. 223 и 342)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 295.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 330.

[1] Имеются в виду дела, связанные с охотничьим угодьем, арендованным Тургеневым в окрестностях Ружмона. См. также письма № 3793, № 3799 и примеч. к ним.

[2] Полина Брюэр ездила в Париж вместе с Гастоном и маленькой Жанной (см.: Дневник Ф.Н. Тургеневой, записи от 13 и 14 ноября н. ст. 1874 г. — *ИРЛИ*, ф. 309, № 4623, л. 32).

3856. Н.А. Кишинскому (с. 224)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 49, л. 9. На подлиннике помета Кишинского: "Отвеч. 2 декабря".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 330.

Стр. 224. с немедленной выплатой денег (*франц.*).

3857. П.Л. Лаврову (с. 224)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 285, оп. 2, № 13, л. 10.

Впервые опубликовано: Былое, 1906, № 2, с. 216, с искажением; вновь опубликовано: *Лит Насл*, т. 73, кн. 2, с. 24—25.

[1] Письмо Лаврова, на которое отвечает Тургенев, неизвестно.

[2] Тургенев имеет в виду брошюры П.Н. Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России: Письмо к работникам журнала "Вперед"» (Лондон, 1874) и П.Л. Лаврова «Редактор журнала "Вперед" русской социально-революционной молодежи: По поводу

брошюры "Задачи революционной пропаганды в России"» (Лондон, 1874).

[3] П.Н. Ткачев, будучи сторонником немедленной революции и создания революционного правительства, резко критиковал либерально-народнические взгляды Лаврова. Лавров в своем ответе выступил за планомерную пропаганду социалистических идей, за тщательную подготовку революции. В эту полемику включился Ф. Энгельс, давший в статье "Эмигрантская литература" (1874—1875) резкую оценку "великим претензиям" П.Н. Ткачева и его полемическим приемам в этой дискуссии (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18, с. 522—526).

[4] № 3 журнала "Вперед" вышел в Лондоне в 1874 г.

[5] Возможно, говоря о том, что в "официальных сферах" он заметил мало утешительного, Тургенев имел в виду назначение летом 1874 г. на пост начальника III Отделения собств. Е.И.В. канцелярии А.Л. Потапова, что повлекло за собой ряд перемещений в государственном аппарате и новую волну массовых арестов по всей стране. См. об этом в письмах к Н.П. Огареву В.М. Озерова (от 10 ноября н. ст. 1874 г.) и Ф.И. Родичева (от 20 февраля н. ст. 1875 г.): *Лит Насл*, т. 62, ч. 2, с. 448, 510. В основном эти аресты были связаны с "процессом 193" (см. письмо № 3811, примеч. 4). Кроме того, с 9 по 15 июля 1874 г. в Петербурге шел процесс долгушинцев, обвинявшихся в составлении и распространении прокламаций "преступного содержания" (см.: Буданова Н.Ф. Процесс долгушинцев и роман Тургенева "Новь" // *Т сб*, вып. 2; ее же: Роман И.С. Тургенева "Новь" и революционное народничество 1870-х годов. Л.: Наука. 1983, с. 99—101.

3858. Я.П. Полонскому (с. 225)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 357, оп. 2, № 381.

Впервые опубликовано: *Звенья*, т. 8, с. 186.

В дате письма ошибка: 5 декабря н. ст. соответствует не 24, а 23 ноября ст. ст.; именно этот день, 23 ноября (5 декабря) 1874 г., приходится на субботу, как указано в письме.

[1] Это письмо Полонского неизвестно.

[2] Полонский вошел в редакцию иллюстрированного еженедельного литературно-общественного журнала "Пчела" (1875—1878) и возглавил в этом журнале литературный отдел.

[3] Через Тургенева Полонский хотел установить связь с А.-Ф. Паннемакером, чтобы передать ему заказы на иллюстрирование "Пчелы". Паннемакером были исполнены гравюры в книге: История русской литературы в очерках и биографиях: Соч. П.Н. Полевого. 2-е изд. доп. СПб., 1874. Тургенев хорошо знал этот труд, один из разделов которого был посвящен его литературной деятельности.

[4] О начале работы А.А. Харламова над портретом Тургенева см. в письме к Полонскому от 13(25) января 1875 г. Портрет П. Ви-

ардо, написанный Харламовым, был выставлен в Парижском Салоне в мае 1875 г. См. также письмо № 3836, примеч. 4, и письмо к П.В. Жуковскому от 10(22) мая 1875 г.

[5] В "С.-Петербургских ведомостях" (1874, 4, 8 ноября, № 304, 308) было помещено объявление о выходе в свет с января 1875 г. иллюстрированного еженедельного дешевого журнала "Пчела"; в числе участников этого издания было названо в ряду других художников имя Н.Н. Ге. Но вскоре в той же газете, в разделе "Корреспонденция", было напечатано резкое письмо Н.Н. Ге, в котором сообщалось, что его автор «никогда не изъявлял желания быть цветком для этой дешевой "Пчелы"» (*СПб Вед*, 10 ноября, № 310).

[6] "Новь".

[7] Паннемакер участвовал в "Пчеле" наряду с другими русскими и зарубежными граверами.

3859. Жюлю Этцелю (с. 226 и 342)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 332.

[1] Перевод на французский язык повести "Пунин и Бабурин", выполненный Э. Дюраном, публиковался в № 5075—5079, 5083—5086 "Le Temps" с 10 по 21 марта 1875 г.

3860. А.В. Топорову (с. 227)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 59, л. 11—12.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 207—208.

В дате письма ошибка: 8 декабря н. ст. соответствует не 27, а 26 ноября ст. ст.; именно этот день, 26 ноября (8 декабря) 1874 г., приходится на вторник, которым помечено письмо.

[1] Это письмо Топорова к Тургеневу неизвестно.

[2] См. письмо № 3783, примеч. 4.

[3] См. письмо № 3820, примеч. 2.

[4] Тургенев, начиная с 1868 г., деятельно сотрудничал в "Вестнике Европы". Этим и объясняется тот факт, что он получал журнал бесплатно и без подписки (см. письмо № 3598). В № 12 "Недели" за 1874 г. (24 марта) Тургенев опубликовал очерк "Наши послали!"; от гонорара писатель отказался (см. письмо № 3633). Вероятно, по инициативе Рагозина, одного из редакторов "Недели", эта газета высылалась Тургеневу в Париж.

[5] См. письмо № 3844, примеч. 5.

[6] В "С.-Петербургских ведомостях" (1874, 10(22) ноября, № 310) сообщалось о самоубийстве молодого человека, в кармане которого была найдена почтовая расписка в отправлении денег в г. Бежецк на имя В. Дегтеревой. Тургенев, обратив внимание на

эту заметку, ошибочно предположил, что описанная в газете история связана с В.Г. Дехтеревым — участником народнического движения (см. о нем в письмах № 3767, примеч. 3, № 3778, примеч. 3).

3861. М.М. Стасюлевичу (с. 228)

Публикуется по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 79.

Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 464.

В дате письма ошибка: 9 декабря н. ст. соответствует не 28, а 27 ноября ст. ст.; именно этот день, 27 ноября (9 декабря) 1874 г., приходился на среду, которой помечено письмо.

[1] Речь идет о романе Золя "Проступок аббата Муре", перевод которого осуществлялся с корректурных листов оригинала (см. письмо № 3808, примеч. 2, и № 3821, примеч. 1).

3862. А.А. Фету (с. 228)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 81—82.

Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 302—303, с неточностями.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 334.

В дате письма ошибка: 10 декабря н. ст. соответствует не 29, а 28 ноября ст. ст.; именно этот день, 28 ноября (10 декабря) 1874 г., приходился на четверг, которым помечено письмо.

Стр. 228. "разумного основания" (*франц.*).

Стр 229. из того же теста (*лат.*).

[1] Эти письма Фета и Я.П. Полонского к Тургеневу неизвестны.

[2] Фет писал об этом в своих воспоминаниях: «Однажды, когда в кабинете Каткова между им и Маркевичем зашел разговор об общественном мнении насчет государственной благонадежности лицея, я сказал: "в этом отношении сомневаться трудно, если принять во внимание мнение людей, далеко не сочувствующих самой школе, как, например, Тургенев". При этом я рассказал, как в гостиной у М⟨илютин⟩ой Тургенев при мне обратился к ее сыну и его товарищу Пете Борисову со словами: "Je vous félicite, messieurs, en votre qualité de lycéens. Le gouvernement ne manquera pas de vous recevoir à bras ouverts". ⟨"Поздравляю вас, господа, как лицеистов. Правительство не преминет принять вас с распростертыми объятиями" — *франц.*⟩

К этим подлинным словам Тургенева я не прибавил ни одного слова» (*Фет*, ч. 2, с. 303).

[3] Возможно, Фет писал о чем-нибудь подобном в не дошедшем до нас письме к Тургеневу (см. примеч. 1). В его же статье "Отголосок сельского судьи" оправдывалось убийство конокрадов тем, что при ведении судебного дела обычным путем мало "шансов законного наказания" (*Рус Вестн*, 1874, № 9, с. 397).

3863. Полине Брюэр (с. 229 и 343)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. XIII, кн. 2, с. 217.

Датируется октябрем — ноябрем 1874 г. на основании записи в дневнике Ф.Н. Тургеневой от 13 ноября н. ст. 1874 г.: "3 Брюэр, 1 Иннис. Завтрак; девочка очаровательна..." (*Лит Насл*, т. 76, с. 382), а также по связи с письмами 3843—3845; 3848, 3865, в которых Тургенев жалуется на сильную простуду.

3864. Эдмону Гонкуру (с. 229 и 343)

Печатается по машинописной копии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 175. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

В русском переводе опубликовано: *Лит Насл*, т. 31/32, с. 698. Во французском оригинале впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 334.

Дата устанавливается на основании фактов, изложенных в примеч. 2 к этому письму.

[1] Речь идет о двухтомном издании: L'Art du dix-huitième siècle. Par Edmond et Jules de Goncourt. 2-me éd. Paris, 1874 (Э. и Ж. де Гонкур. Искусство XVIII века).

[2] Первый "обед пяти" состоялся 2(14) апреля 1874 г. в кафе Риш. В этот день Э. Гонкур записал в своем "Дневнике": "обед у Риша с Флобером, Тургеневым, Золя и Альфонсом Доде. Обед талантливых людей, уважающих друг друга; в следующую и во все будущие зимы мы намерены повторять его ежемесячно" (см.: Goncourt E. et J. de. Journal: mémoires de la vie littéraire. Paris, [1959], t. 2, p. 975; русский перевод: Гонкур Э. и Ж. де. Дневник. М.; 1964, т. 2, с. 183). Осенью 1874 г., во время одного из своих посещений Г. Флобера (в Круассе), Тургенев говорил с ним о возобновлении этих обедов. Флобер писал Гонкуру 22 сентября 1874 г.: "Он (Тургенев. — *Ред.*) говорил об устройстве артистического обеда, вроде прошлогоднего, — вы ведь согласны, не правда ли? Обед состоится, как только я приеду в Париж, т.е., вероятно, в конце октября" (*Flaubert, Corr*, s. VII, p. 204).

Флобер приехал в Париж в ноябре 1874 г., но намеченный обед состоялся лишь 25 января 1875 г. и без его участия, так как он неожиданно заболел (см.: Гонкур Э. и Ж. де. Дневник, т. 2, с. 192). В дальнейшем "обеды пяти" устраивались более или менее регулярно вплоть до смерти Тургенева.

3865. Полине Брюэр (с. 230 и 344)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 296.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 335.

[1] Вероятно, имеется в виду герцог Ларошфуко (см. письмо к П. Брюэр от 10(22) августа 1875 г.).

Тургенев еще долгое время продолжал арендовать охотничье угодье в окрестностях Ружмона (см. письма к Полине Брюэр от 3(15) января и от 2(14) декабря 1876 г.).

[2] См. письмо № 3855, примеч. 2.

[3] См. письмо № 3874.

[4] Клоди Шамро родила дочь 8(20) декабря 1874 г. См. письма № 3874, № 3883. В письме к неизвестному адресату Тургенев сообщил, что именно в этот день он навещал Шамро (*New Z Sl J*, 1979, № 1, p. 15).

3866. Юлиану Шмидту (с. 230 и 344)

Печатается по копии из бумаг И.Д. Гальперина-Каминского, опубликованной П. Уоддингтоном: Turgenev and Julian Schmidt: new or neglected material, with some omnium-gatherum Turgenevianum and an appendix, by Patrick Waddnigton. Pinehaven. New Zealand. 1998. P. 8. Копия, по предложению П. Уоддингтона, снята была не самим Гальпериным-Каминским, а Ю. Шмидтом или его женой; ныне хранится в собрании М. и А. Ле Сен (Париж).

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 335–336, в русском (неполном) переводе, по первой публикации в "Вестнике Европы", дополненном по публикациям на английском и французском языках. Подлинник неизвестен.

[1] Тургенев послал Шмидту французский перевод рассказа "Стучит!", опубликованный в "Le Temps" (1874, 16 décembre, № 4992).

[2] Немецкий перевод рассказа "Стучит!" был помещен в 9-м томе издания *Т, Ausgewählte Werke* (см. письмо от 14(26) ноября 1874 г. к Шмидту, примеч. 6).

[3] Тургенев до 1877 г. высылал Шмидту фотографии знаменитостей разных стран, которые тот коллекционировал. См., напр., письмо от 1(13) мая 1873 г. и примеч. 2 к нему.

3867. Эдмону Плошю (с. 231)

Печатается по тексту первой публикации на русском языке И.С. Зильберштейна: Огонек, 1983, 7 сентября, № 38, с. 24. Подлинник находится в частном собрании (Париж).

[1] Внучки Ж. Санд Аврора Лот-Санд и Габриэль Палацци-Санд (ср. письмо к Плошю № 3569, примеч. 1 — наст. изд., Письма, т. 12), которым Тургенев в 1873–1875 гг. регулярно посылал новогодние подарки (см.: Огонек, 1983, № 37, с. 8–9; № 38, с. 24). По всей вероятности, именно на посылку, о которой идет речь в данном письме, Ж. Санд ответила Тургеневу в конце декабря 1874 г. словами благодарности: "Спасибо за груз сластей. Спасибо за дев-

чушек, которые в восторге от своих хорошеньких брелоков" (Там же: № 37, с. 9).

[2] По-видимому, имеется в виду сборник рассказов Тургенева, вышедший вторым изданием в 1874 г. в парижском издательстве Этцеля под названием "Nouvelles moscovites".

3868. Людвигу Пичу (с. 232 и 345)

Печатается по подлиннику: *DSB.*

Впервые опубликовано в русском переводе: *BE,* 1909, № 6, с. 637, с сокращениями. В немецком оригинале — *Pietsch,* S. 127—128, затем: *Briefe an Pietsch,* S. 95—96.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма,* т. X, с. 336.

[1] Это письмо Пича неизвестно.

[2] См. письмо № 3842 примеч. 2.

[3] Имеется в виду испанская пословица "tener el alma en un hilo" ("душа висит на ниточке"). См. об этом: Б р о н ь Т.И. Испанские цитаты у Тургенева // *Т.сб,* вып. 1, с. 310.

[4] Тургенев был недоволен немецким переводом "Записок охотника", выполненным для издания: *Т, Ausgewählte Werke,* и писал об этом Пичу с просьбой сравнить перевод с французским (см. письма № 3691, № 3810, № 3842, № 3851).

3869. Н.А. Кишинскому (с. 232)

Печатается по подлиннику: *РНБ,* ф. 795 (И.С. Тургенева), № 49, л. 10—11. На подлиннике помета Кишинского: "Отвечал 5 января 1875 г."

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма,* т. X, с. 336.

[1] Эти два письма Кишинского неизвестны.

[2] Об аренде Тапков см.: наст. изд., Письма, т. 11, № 2886, 2887 и т. 12, № 3294. У З.Н. Мухортова было имение Федоровка, расположенное, как и Тапки, в Малоархангельском уезде Орловской губернии (см.: Г р о м о в В.А. Крестьяне о Тургеневе: (Из неизданных воспоминаний) // *Т.сб,* вып. 2). Но соглашение об аренде Тапков З.Н. Мухортовым не состоялось (см. письмо Н.А. Кишинскому от 21 февраля (5 марта) 1875 г.). В 1880 г. Тапки были проданы (см. письмо № 3712, примеч. 1).

[3] См. письмо № 3856.

[4] Речь идет о Ф.С. Шаламове. См.: наст. изд., Письма, т. 11, № 2951.

[5] По-видимому, Тургенев хлопотал о помещении детей соседки по имению Ю.И. Малиновской в учебные заведения. С аналогичной просьбой она обращалась к Тургеневу и в 1876 г. См. письма Тургенева Н.Н. Тютчеву от 20 июня (2 июля) 1876 г. и Н.А. Щепкину, датированное августом — октябрем 1877 г.

[6] См. письма № 3781, № 3870.

3870. А.В. Топорову (с. 380)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 59, л. 13.
Впервые опубликовано: *Лит Арх*, т. 4, с. 209.

[1] Речь идет об альбоме романсов на музыку П. Виардо (см. также письмо № 3828, примеч. 5.)

[2] Речь идет о "Сочинениях И.С. Тургенева" в восьми томах, изданных Ф.И. Салаевым в 1874 г.

[3] О выступлении А.С. Суворина в защиту Тургенева в "Недельных очерках и картинках" (*СПб Вед*, 1874, 18(30) августа, № 226) см. письмо № 3775, примеч. 1. В.П. Буренин в 1874 г. писал о Тургеневе в связи с выпадами против писателя со стороны М.Н. Каткова (см. письмо № 3848, примеч. 2). Защищая Тургенева, В.П. Буренин (под псевдонимом "Z") возмущался грубостью Каткова по адресу писателя, стяжавшего себе европейское имя", и в заключение заметил, что московский редактор роман "Дым" также "подверг кастрации, и еще гораздо более значительной, чем "Отцов и детей"!». То обстоятельство, что Тургенев своевременно не заявил протеста, Буренин объяснял "деликатностью и мягкостью" писателя, всегда стремившегося избегать "журнальных скандалов" (*СПб Вед*, 1874, 6(18) декабря, № 336).

3871. В.В. Стасову (с.234)

Печатается по подлиннику, *РНБ*, ф. 738, № 223, л. 24—25.
Впервые опубликовано: *Сев Вестн*, 1888, № 10, отд. 1, с. 171.
Стр. 234. странностей (*франц.*).

[1] Это письмо Стасова неизвестно.

[2] Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова "Не верь себе..." (1839).

[3] В оценке фортепьянных пьес Н.В. Щербачева "Зигзаги" Тургенев расходился со Стасовым, который отзывался о них как о "прекрасных и чрезвычайно изящных" и в более поздней статье "Искусство XIX века" (см.: С т а с о в В.В. Избр. соч. М., 1952, т. 3, с. 751). Несомненное влияние Шумана и Листа в музыке Щербачева проницательно отмечено Тургеневым.

[4] См. письмо № 3870, примеч. 3. Ответа Каткова на статью Буренина не последовало.

[5] В декабре 1874 г. И.Е. Репин заканчивал картину "Парижское кафе", выставленную в начале 1875 г. в Парижском Салоне. Кроме того, им была ранее задумана картина "Садко", долго остававшаяся в набросках; художник вплотную приступил к ней лишь осенью 1875 г. По-видимому, Тургенев упоминает в своем письме о "Парижском кафе", бывшем в ту пору в центре внимания Репина (см.: *Зильберштейн, Репин и Т*, с. 25). Однако Стасов утверждает в комментариях к письму, что Тургенев имел в виду "Садко" (*Сев Вестн*, 1888, № 10, с. 171).

[6] См. письма № 3811, примеч. 6, № 3836, примеч. 4, № 3858, примеч. 4.

3872. А.А. Фету (с. 235)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 33, л. 83 – 84. Впервые опубликовано: *Фет*, ч. 2, с. 303 – 304.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] Выражение неясно. По-видимому, оно взято Тургеневым также из неизвестного письма Фета.

[3] 10 февраля н.ст. 1875 г. в парижской газете "Le Temps" появился перевод "Двух гусаров" Л.Н. Толстого с предисловием Тургенева.

[4] В ответном письме Тургеневу от 12 января ст.ст. 1875 г., большая часть которого занята перечнем "оскорблений", нанесенных "капризным" Тургеневым Фету за все время их знакомства, поэт писал: "В последнем письме торжествует Ваша метода диспутов. Вам указывают на разительный пример Вашей невоздержности на оскорбления, а Вы пишете об уважении к Толстому и в доказательство воздержности дозволяете себе инсинуацию о людях, достойных быть забросанными грязью" (*Т.сб (Бродский)*, с. 42).

[5] См. письмо № 3593, примеч. 5.

3873. Бернгарду Эриху Бере (с. 236 и 345)

Печатается по тексту первой публикации: *Rimscha, Briefe an E. Behre*, S. 569 – 570.

Подлинник неизвестен.

[1] Письмо Бере неизвестно. Критику немецкого перевода "Записок охотника" см. в письме № 3846.

[2] Повести "Затишье" (в переводах "Анчар") и "Первая любовь" вошли не в десятый, а в одиннадцатый том: *T, Ausgewählte Werke*, 11. Bd. (1881). Тургенев рекомендует переводчику для сравнения их французские переводы, появившиеся соответственно в "Scènes de la vie russe" (Paris, 1863) и "Nouvelles scènes de la vie russe" (Paris, 1863).

Сделанный Ф. Боденштедтом перевод "Фауста" впервые издан в 1862 г., затем включен в первый том немецкого издания: (1864).

[3] См. письмо 3889 и примечания к нему.

3874. Полине Брюэр (с. 237 и 346)

Печатается по подлиннику, *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 297. Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 340.

[1] Жанна Эдме, дочь Клоди и Жоржа Шамро, родилась 8(20) декабря 1874 г. (см. также письмо № 3883).

[2] На улице Брюссель, 23 жили родители Гастона Брюэра. См. также письмо № 3895.

3875. Полине Брюэр (с. 237 и 346)

Печатается по подлиннику. *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 298.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 340.

3876. Жюлю Этцелю (с. 238 и 347)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 341.
Письмо датируется 15(27) декабря 1874 г. по сопоставлению с письмами № 3874, № 3875.

[1] Несколько измененная цитата из трагедии Корнеля "Цинна" (акт V, сцена 3).

3877. М.П. Тургеневой (с. 238)

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 281, 54803/233, л. 3.
Впервые опубликовано: Звенья, т. 5, с. 258–259, с ошибками в прочтении и другими неточностями.
Полностью, в исправленном виде опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 341.

[1] Это письмо М.П. Тургеневой неизвестно.
[2] См. письмо № 3878.
[3] Имеется в виду дядя писателя, Н.Н. Тургенев (см. о нем в именном указателе: наст. изд., Письма, т. 1, с. 591). О ссоре Тургенева с Н.Н. Тургеневым см.: наст. изд., Письма, т. 7, № 1944, 1954, 1956 и др. Последние десять лет своей жизни Н.Н. Тургенев тяжело болел. В единственном известном письме М.П. Тургеневой к Тургеневу, датируемом 1877 г., сообщалось, что умирающий Н.Н. Тургенев желает повидать племянника, услышать его "последнее прости", что имя его у дяди "из уст... не выходит" (см.: *ИРЛИ*, № 5833, л. 1–3 об.). Подробнее об отношениях между Н.Н. и И.С. Тургеневыми см.: Г у т ь я р Н.М. Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907, с. 206–218; З а б о р о в а Р.Б. Тургенев и его дядя Н.Н. Тургенев // *Т сб*, вып. 3, с. 221–233. Написал ли Иван Сергеевич письмо Н.Н. Тургеневу, неизвестно.
[4] Н.А. Араповой, проживавшей вместе с М.П. Тургеневой.

3878. Н.А. Кишинскому (с. 239)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 49, л. 12. На подлиннике помета Кишинского: "Отвечал 5-го января 1875 г."
Впервые опубликовано: в отрывке — *Отчет ПБ за 1894 г.*, с.48; полностью — *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 342.

[1] В списке пенсионеров, составленном 17 июля 1876 г., указано, что М.П. Тургеневой была выплачена пенсия по 1-е января 1877 г., и отмечено, что в дальнейшем из списка пенсионеров она исключается (*ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 1267, л. 3). См. также письмо № 3877.

3879. Н.С. Тургеневу (с. 240)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 154 — 155. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 22 дек. / 3 ⟨января⟩ 1874. Москва. Воскрес."

Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1885, № 10, с. 130, с сокращениями.

Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 342—343.

Стр. 240. мать и ребенок чувствуют себя хорошо (*франц.*).

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] Написал ли Тургенев это письмо к Н.Н. Тургеневу, неизвестно.

[3] 8(20) декабря 1874 г. у Клоди Шамро родилась дочь Жанна (см. письмо № 3883).

[4] См. письма № 3795, № 3853.

3880. П.В. Жуковскому (с. 240)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28438, л. 45.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 343.

В письме не проставлен год, но он устанавливается по дню недели: в период парижской переписки Тургенева с Жуковским четверг приходился на 31 декабря в 1874 г.

3881. Эмилю Дюрану (с. 241 и 347)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam., Corr*, p. 311.

Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis, 1897, № 21, p. 771—772; в русском переводе — *Сев Вестн*, 1898, № 3, с. 71.

В первой публикации, а возможно, и в подлиннике датировка письма ошибочная: в январе 1874 г. дом, где жил Тургенев на улице Дуэ, значился еще под номером 48. 5 января на вторник приходилось в 1875 г. Эта дата подтверждается и содержанием письма: работа над портретами П. и Л. Виардо была завершена А. Харламовым лишь к концу 1874 г. (см.: *Зильберштейн, Репин и Т*, с. 31).

[1] В начале 1875 г. портреты П. и Л. Виардо находились в домашней картинной галерее Виардо—Тургенева. С мая 1875 г. оба они были выставлены в Парижском Салоне (*Зильберштейн, Репин и Т*, с. 32).

[2] Речь идет о трех пейзажах художника-мариниста Э.-М. Валле (см.: Collection de M. Ivan Tourguéneff et collection de M. X. ... Paris, 1878, p. IX, 13, 14; см. также: *ПД, Описание*, вып. 4, с. 220).

3882. М.М. Стасюлевичу (с. 241)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1464_2, л. 80.
Впервые опубликовано: *Памяти Белинского*, с. 364.

[1] Речь идет о гонораре Золя за публикацию перевода романа "Проступок аббата Муре", помещенного в № 1—8 "Вестника Европы" за 1874 г. (см. также письмо 3854, примеч. 1).

[2] О цензурных предостережениях редакции "Вестника Европы" см. письмо 3794, примеч. 2.

[3] Имеется в виду М.Н. Катков, регулярно выступавший против демократической и либеральной печати.

[4] Для предотвращения цензурных осложнений при публикации перевода романа Э. Золя "Проступок аббата Муре" в № 1 "Вестника Европы" за 1874 г. тексту его было предпослано разъяснительное редакционное предисловие о содержании и характере этого произведения.

3883. Ю.П. Вревской (с. 242)

Печатается по подлиннику: *ГИМ, ОПИ*, ф. 213, Щ 10—12.
Впервые опубликовано: *Щукинский сб*, вып. 5, с. 468—469, с пропуском имени и отчества адресата, замененных точками.
Стр. 242. Есть взаимное влечение (*франц.*).
Стр. 242. "в чудесном месяце мае" (*нем.*).

[1] Это письмо Вревской неизвестно.

[2] См. письмо № 3850, примеч.4.

[3] Тургенев имеет в виду следующий отрывок из стихотворения Я.П. Полонского "Зимняя невеста" (1868):

Прихвачу летучий локон
Я венцом из белых роз,
Что растит по стеклам окон
Утренний мороз.

[4] По-видимому, Ю.П. Вревская писала Тургеневу о том, что любит Кавказ и хотела бы туда возвратиться (см. также письмо № 3850, примеч. 2).

3884. Я.П. Полонскому (с. 243)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, собр. *ОЛДП*, № Q250, л. 112—113.
Впервые опубликовано: *Т, Первое собрание писем*, с. 247—248.
Стр. 243. свободу действий (*франц.*).

[1] Это письмо Полонского неизвестно.

[2] См. письма № 3836, примеч. 4, № 3858, примеч. 4.

[3] См. письмо № 3858, примеч. 3.

[4] Речь идет об акварельных рисунках П.П. Соколова, изданных в альбоме хромолитографий "Записки охотника" (1891—1892) (см.: *ПД, Описание*, вып. 4, с. 235 и 238; 246—248).

[5] Имеется в виду поэма Полонского "Келиот" (см. письмо № 3636, примеч. 3).

[6] Возможно, речь идет о первой редакции стихотворения "Ночная дума" (1874), опубликованного в № 3 "Гражданина" за 1875 г. В печатной редакции четвертая строфа заканчивается словами "червь на дне морском".

[7] Газета "С.-Петербургские ведомости", составлявшая собственность Академии наук и с 1863 г. отданная в аренду В.Ф. Коршу, была передана с 1 января н.ст. 1875 г. в "полное и непосредственное ведение" Министерства народного просвещения (см.: Правительственный вестник. 1874. 6(18) декабря. № 282). "Высочайшего повеления" на этот счет добился министр народного просвещения граф Д.А. Толстой, крайне недовольный выступлениями газеты против проведенных им реформ средней и начальной школ 1871 и 1874 гг. (Морозов П. Валентин Федорович Корш: (Биографический очерк) // Этюды В.Ф. Корша. СПб., 1885. т. 1, с. X—XI; Стасюлевич М.М. Черный передел реформ императора Александра II // *Стасюлевич*, т. 3, с. 767—768). Он же отстранил Корша от должности редактора и заменил его Е.А. Салиасом де Турнемир (см.: Салиас Е.А. Семь арестов: (Из воспоминаний) // *ИВ*, 1989, февраль, с. 504). Арендатором газеты стал крупный финансит Ф.П. Баймаков.

3885. Н.А. Кишинскому (с. 244)

Печатается по подлиннику: *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 49, л.13—14. На подлиннике помета Кишинского: "Отвечал 15-го января 1875 г."

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 346.

[1] См. письма Н.А. Кишинскому от 10(22) апреля и 1(13) декабря 1875 г. и доверенность Тургенева Н.А. Кишинскому от 23 апреля (5 мая) 1875 г.

[2] См. письмо № 3869, примеч. 2.

[3] О продаже борзенковской земли см.: Бельчиков Н.Ф. Заметки о материальном быте И.С. Тургенева в 70-е годы // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1964, № 23, вып. 6. С. 530.

[4] Деньги были необходимы Тургеневу для покупки совместно с Виардо загородного дома в Буживале. См. также письмо № 3795, примеч. 2.

3886. П.А. Писемскому (с. 245)

Печатается по подлиннику, *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 23.

Впервые опубликовано: *Писемский*, с. 715.

Стр. 245. Пелле и Адольф, бульвар Оссман, 31 (*франц.*).

[1] П.А. Писемский, посланный Московским университетом в Геттинген для подготовки диссертации об акционерных компаниях, зиму 1874/75 г. провел в Париже, где, посещая лекции в Школе живых восточных языков, близко сошелся с Луи Леже — преподавателем русского языка и литературы, которого он познакомил с Тургеневым. Между Тургеневым и Л. Леже установились дружеские отношения (см.: L e g e r L. Souvenirs d'un Slavophile. Paris, 1905, p. 106, 123; Л е ж е Л. Из воспоминаний // Москва, 1965, № 8, с. 205—208).

[2] См. письмо № 3888. О встрече Тургенева с П. Писемским и Л. Леже см. в письме А.Ф. Писемскому от 10(22) января 1875 г.

3887. Н.С. Тургеневу (с. 245)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 274, оп. 3, № 100, л. 156—157. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 30 декаб. 74. Москва".

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 347.

Стр. 245. сложившемся положении (лат.).
Стр. 245. знаменитости (*франц.*).
Стр. 245. режим (франц.).
Стр. 246. Средства тебе это позволяют (*франц.*).

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] См. письмо № 3879.

3888. П.А. Писемскому (с. 246)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 389. Подлинник хранится в Литературном архиве Народного музея в Праге.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 347.

Датируется 28 декабря 1874 г. (9 января 1875 г.) по связи с письмом № 3886 и указанию для недели.

[1] См. письмо № 3886, примеч. 1.

3889. Шарлоте Валентин (с. 246 и 347)

Печатается по тексту первой публикации: *New Z Sl J*, 1975, № 1, p. 64. Подлинник хранится в Королевской библиотеке (Стокгольм).

[1] Ш. Валентин, одна из любимых учениц П. Виардо, гостила в ее доме как до, так и после 1874 г., неизменно пользовалась всеобщей симпатией и даже получила ласковое прозвище "Валентинхен" (см. письмо № 3765, примеч. 1).

[2] Тургенев обратился с такой просьбой к своему издателю Б.-Э. Бере уже 12(24) декабря (см. письмо № 3873).

[3] В декабре 1874 г. дочь П. Виардо Клоди родила девочку (см. № 3713 примеч. 7; № 3874 примеч. 1).

[4] Семья незамужней Шарлотты состояла из ее отца и брата-студента.

3890. П.В. Жуковскому (с. 247)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 28438, л. 7.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с.348.

[1] О ком идет речь, установить не удалось.
[2] Л. Пич, приехавший в Париж 5 января н.ст. на открытие Grand Opéra (см. также письмо № 3842, примеч. 2).

3891. Н.В. Ханыкову (с. 247)

Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 315.
Подлинник неизвестен.

[1] Заботы в связи с предстоящим рождением ребенка у Клоди Шамро (см. письмо № 3874, примеч. 1 и № 3883).
[2] См. письмо № 3894.

3892. М.В. Авдееву (с. 248)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. II, оп. 1, № 440, л. 25—28.
Впервые опубликовано: *Рус Ст*, 1902, № 9, с. 511—512, с сокращениями.
Полностью впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 348—349.
Стр. 249. поживем — увидим (*франц.*).

[1] Это письмо Авдеева неизвестно.
[2] См. письмо № 3592.
[3] Роман "Новь".
[4] Слова Пимена из трагедии А.С. Пушкина "Борис Годунов" (сцена 5-я).
[5] Эта ошибка была допущена в первой части (с. VII) издания: *Т, Соч, 1868—1871.*
[6] Стихотворения Тургенева вышли впервые отдельной книгой только через два года после его смерти (Тургенев И.С. Стихотворения. СПб., 1885). Драматические произведения были включены писателем впервые в собрание сочинений: *Т, Соч, 1868—1871*, ч. 7. Подробнее об истории опубликования стихотворений и драм, а также об отношении Тургенева к ним см.: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 438—439; т. 2, с. 559—560.
[7] Большую часть года Авдеев проводил в своем имении Буруновка Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии.
[8] О тургеневской коллекции картин в Париже см. письмо № 3630, примеч. 3. Надежда Тургенева не осуществилась: в Париж Авдеев в 1875 г. не приехал, а в начале 1876 г. он умер.
[9] См. письмо № 3836, примеч. 4.
[10] О смене редакции газеты "С.-Петербургские ведомости" см. письмо № 3884, примеч. 7. М.Н. Катков, единомышленник ми-

нистра народного просвещения Д.А. Толстого, был ярым противником либеральных "С.-Петербургских ведомостей" и неоднократно полемизировал с газетой В.Ф. Корша по вопросам образования. Его неблаговидная роль в разгроме "С.-Петербургских ведомостей" не вызывала сомнения у современников (см.: Дельвиг А.И. Мои воспоминания. М., 1913, т. 4, с. 479—480; Суворин А.С. Очерки и картинки. Книга первая, отд. III. СПб., 1875, с. 3). В литературных и журналистских кругах к В.Ф. Коршу отнеслись чрезвычайно сочувственно. Среди телеграмм, полученных на его имя во время прощального обеда 19 января ст.ст. 1875 г., данного ему редакциями петербургских газет и журналов, была телеграмма и от Тургенева (см.: Неделя. 1875. 26 января, № 4, с. 150). Текст этой телеграммы неизвестен.

[11] Вопрос о форме правления во Франции после подавления Коммуны и окончания войны 1870—1871 гг. в это время не был еще окончательно решен (см. письмо № 3844, примеч. 5). Ситуация в стране заставила Тургенева вспомнить Прудона — отрицателя государственности во всех ее формах, анархические воззрения которого наиболее полно развиты в работе "Общая идея революции XIX столетия" ("Idée générale de la révolution au XIX siècle", 1851).

3893. Н.В. Ханыкову (с. 249)

Печатается по подлиннику, *РНБ*, ф. 795 (И.С. Тургенева), № 64, л. 52.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения, 1901, № 12, с. 315.

Стр. 249. Адольф и Пелле, бульвар Оссман, 31, напротив Оперы (*франц.*).

[1] Вероятно, речь идет о вышедшей в 1874 г. книге "Иран", являющейся одной из глав труда К. Риттера "Землеведение Азии", — в переводе, с добавлениями и критическими примечаниями Н.В. Ханыкова.

[2] См. письмо № 3894.

3894. Г.Н. Вырубову (с. 249)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, № 2198, л. 11.

Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 350.

Стр. 250. Адольф и Пелле, бывший метрдотель кафе Риш, Бульвар Оссман, № 31, напротив Оперы (*франц.*).

[1] Вырубов на обеде не присутствовал (см. письмо Тургенева к нему от 2(14) января 1875 г.).

3895. Полине Брюэр (с. 250 и 348)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*, ф. 509, оп. 1, № 44, л. 274.
Впервые опубликовано: *Т, ПСС и П, Письма*, т. X, с. 350.

Письмо датируется не 12 января 1874 г. н.ст., как ошибочно указано Тургеневым, а 12 января 1875 г. н.ст. — на следующих основаниях: оно написано не ранее 8(20) декабря 1874 г. — дня рождения Жанны Эдме, дочери Диди, — и не позднее лета 1875 г., т.е. до рождения Жоржа Брюэра ("Целую вас всех троих"). Таким образом, письмо могло быть написано только в январе 1875 г. 12 января н.ст. приходилось в этом году именно на вторник.

[1] См. письмо № 3874, примеч. 2.
[2] См. письма № 3874, № 3875.

3896. А.В. Плетневой (с. 250)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 234, оп. 4, № 174, л. 1—2.
Впервые опубликовано: *Лит'Арх*, т. 3, с. 202.
Стр. 251. мать и дитя чувствуют себя хорошо (*франц.*).

[1] Это письмо П.В. Жуковского к Плетневой неизвестно.
[2] См. письмо № 3874, примеч.1.
[3] Характеристику П.В. Жуковского, данную Тургеневым, см.: наст. изд., Письма, т. 10, № 2669.
[4] Зимой 1874 г. А.В. Плетнева тяжело болела (см. письмо Я.К. Грота кн. П.А. Вяземскому от 28 февраля ст.ст. 1874 г.: Старина и новизна, 1915, кн. 19, с. 5). Поправившись, она выехала в Париж для продолжения лечения и там навестила Тургенева.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА С 1(13) ЯНВАРЯ ПО 31 ДЕКАБРЯ 1874 г. (12 ЯНВАРЯ 1875 г.)[1]

Париж — январь — 30 апреля (12 мая)
Ружмон — 22—24 апреля (4—6 мая)
Баден-Баден — 1(13)—3(15) мая
Берлин — 4(16)—5(17) мая
Петербург — 7(19) мая — 27 мая (8 июня)
Москва — 28 мая (9 июня) — 4(16) июня
Спасское — 5(17) июня — 28 июня (10 июля)
Москва — 28 июня (10 июля) — 2(14) июля
Петербург — 3(15) июля — 20 июля (1 августа)
Берлин — 21 июля (2 августа)
Карлсбад — 22 июля (3 августа) — 14(26) августа
Буживаль — 15(27) августа — 30 сентября (12 октября)
Ружмон — 14(26)—17(29) сентября
Париж — 25—28 сентября (7—10 октября)
Париж — 1(13) октября — декабрь

[1] Неопределенные даты, не имеющие чисел месяца, даются по старому стилю, кроме случаев, особо оговоренных.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАМЫСЛОВ И.С. ТУРГЕНЕВА[1]

---

[1] Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ[1]

---

[1] Имена лиц, являющихся адресатами в настоящем томе, отмечены звездочками; отсылки на указатели других томов писем сокращены до указания лишь номера тома. Страницы текстов писем и переводов печатаются прямыми цифрами, страницы примечаний — курсивными.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА
1874

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

ПРИМЕЧАНИЯ, УКАЗАТЕЛИ

Научное издание

Печатается по решению
Научно-издательского совета
Российской академии наук

Тексты подготовили и примечания составили:
В.Н. Баскаков, А.И. Батюто, И.А. Битюгова, Т.И. Бронь, Р.М. Горохова, М.П. Султан-Шах, Н.Ф. Буданова, Г.Я. Галаган, Н.П. Генералова, Е.А. Гитлиц, Т.П. Голованова, В.А. Громов, П.Р. Заборов, М. Партюрье, В.В. Захаров, И.С. Зильберштейн, Г. Ионас, Ю.Н. Жуйкин, Г.Ф. Перминов, Ю.А. Красовский, Л.И. Кузьмина, Т.А. Лапицкая, Ю.Д. Левин, Х. Леман-Шульце, А.Н. Михайлова, Т.Б. Трофимова, Н.Н. Мостовская, А.Б. Муратов, Л.Н. Назарова, Н.С. Никитина, Л.А. Николаева, Пер.Е. Сейерстед, А.Н. Степанов, А.М. Ступель, Г.А. Тиме, Р.Ю. Данилевский, Г. Цигенгайст, И.С. Чистова, М.Д. Эльзон

В подготовке тома к печати и составлении указателей принимали участие *Г.В. Степанова* и *Т.Б. Трофимова*

Ответственный редактор тома *Л.Н. Назарова*

Заведующая редакцией *А.И. Кучинская*

Редактор *В.Г. Шитарева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Балотина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Т.И. Шеповалова*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 29.11.02. Формат $84\times108^{1}/_{32}$
Гарнитура Балтика. Печать офсетная
Усл.печ.л. 29,4 + 0,2 вкл. Усл.кр.-отт. 29,6. Уч.-изд.л. 33,1
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 7104

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-022750-1
9 795020 227506